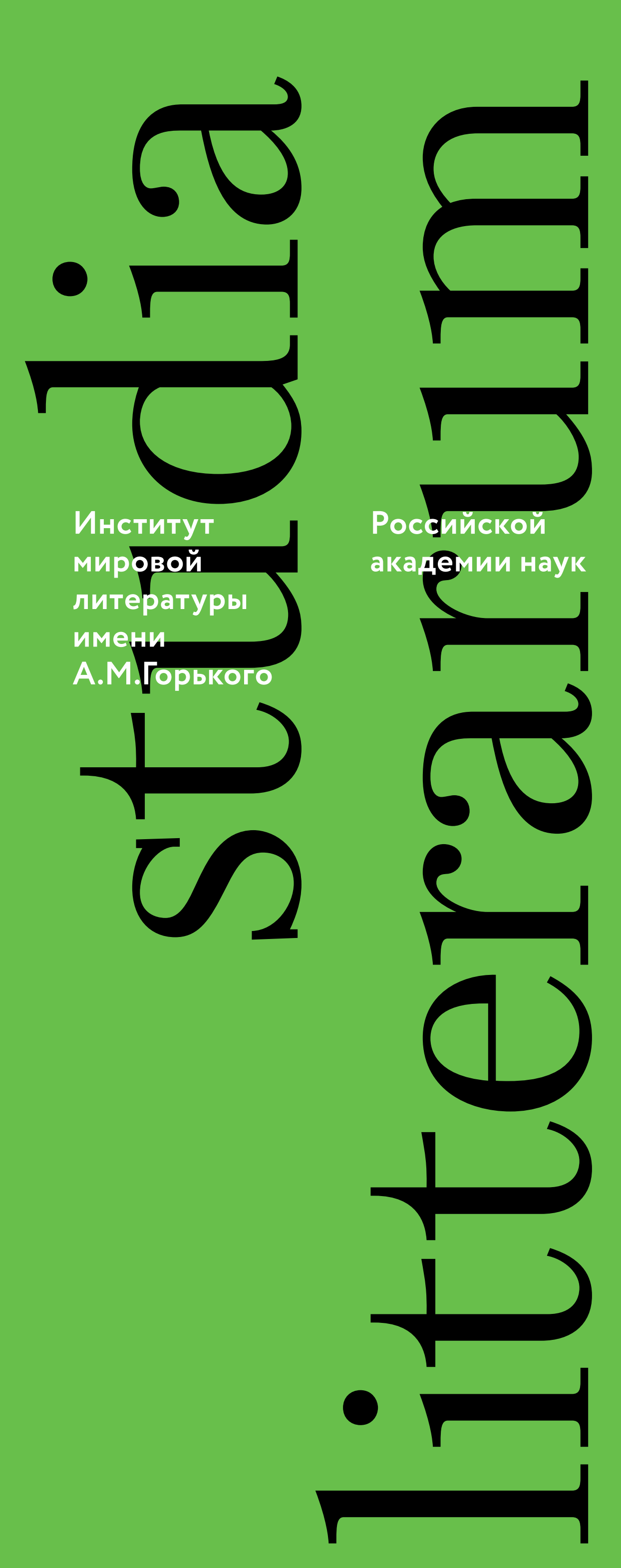

p-ISSN 2500-4247
e-ISSN 2541-8564

Институт мировой литературы имени А.М.Горького Российской академии наук

том 6 #4
2021

Теория литературы
Мировая литература
Русская литература
Литература народов России и Ближнего зарубежья
Фольклористика
Текстология
Источниковедение
Публикации
Рецензии

Федеральное
государственное
бюджетное
учреждение
науки

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук

studia litterarum

том 6 #4
2021

Москва

Studia Litterarum

Литературные исследования

Научный журнал

Издается с 2016 года

Studia Litterarum:

Науч. журн. — 2021.
–Т. 6, № 4. — М.:
ИМЛИ РАН, 2021.
– 528 с.

Academic journal. — 2021.
– Vol. 6, no 4. — Moscow,
IWL RAS Publ., 2021.
–528 p.

Включен
в Перечень рецензиру-
емых научных изданий
ВАК РФ

Indexed:
Scopus, WoS (ESCI)

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС 77 — 66625
от 27 июля 2016 г.

ISSN 2500-4247 (Print)
ISSN 2541-8564 (Online)

Адрес редакции:
121069 г. Москва,
ул. Поварская, д. 25 а

Телефон:
+7 (495) 690-50-30
E-mail: stud-lit@mail.ru
www.studlit.ru

The journal
is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Media and
Mass Communications
Registration Certificate
PE № FS 77 — 66625,
July 27, 2016

ISSN 2500-4247 (Print)
ISSN 2541-8564 (Online)

*Address of the Editorial
Department*:
Povarskaya 25 a,
121069 Moscow
Phone:
+7 (495) 690-50-30
E-mail: stud-lit@mail.ru
www.studlit.ru

Federal State
Budget
Institution
of Science

A.M. Gorky
Institute
of World
Literature
of the Russian
Academy
of Sciences

vol 6 #4
2021

Moscow

studia litterarum

Studia Litterarum
Literary Studies
Academic journal
Published since 2016

Адрес редакции: 121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
E-mail: stud-lit@mail.ru
Сайт: www.studlit.ru

Содержание

Contents

Обзорная статья /
Review Article

УДК 82.0+821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)+87

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

© 2021 г. Е.А. Тахо-Годи
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева», Москва, Россия
Дата поступления статьи: 26 марта 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 01 июня 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-10-41

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П)

Аннотация: В статье дается аналитический обзор истории изучения взаимодействия литературы и философии в отечественной и зарубежной науке. Особое внимание обращается на парадоксальную ситуацию, когда при очевидной синергии в русской культуре философии и литературы, представляющей по сути «форму национального самосознания», в отечественной науке не выработаны оптимальные методы и инструментарий для получения доступа к философии литературного текста, не осмыслен огромный фактический материал. Нынешний всплеск интереса к взаимодействию литературы и философии связан не столько с национальной культурной традицией, сколько с востребованностью данной тематики на Западе, где философскому осмыслению художественных текстов не препятствовали внелитературные причины. Из-за разрыва с самобытной отечественной философией начала XX в., обусловленного социально-историческими катаклизмами, российские исследователи поставлены перед дилеммой: или оставлять теоретические вопросы без разрешения или разрешать их, ориентируясь на западные образцы, предлагаемые «континентальной» традицией или аналитической философией литературы.

Ключевые слова: русская литература, философия, философская критика, семиотика, «континентальная» традиция, аналитическая философия литературы, проблемы изучения.

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Тахо-Годи — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, ГСП-1, 119991 г. Москва, Россия; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; заведующая отделом, Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева», ул. Арбат, д. 33, 119002 г. Москва, Россия; ORCID ID: http://orcid.org/0000-0001-6907-8656

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Для цитирования: *Тахо-Годи Е.А.* Русская литература и философия: проблемы изучения и предварительные итоги // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 10–41. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-10-41

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

RUSSIAN LITERATURE AND PHILOSOPHY: PROBLEMS OF STUDY AND PRELIMINARY RESULTS

© 2021. Elena A. Takho-Godi
Lomonosov Moscow State University,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Library-Museum "A.F. Losev House",
Moscow, Russia
Received: March 26, 2021
Approved after reviewing: June 01, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: This research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Russian Science Foundation (RSF, project no. 17-18-01432-П).

Abstract: The paper provides an analytical and historical survey of the studies of the interaction between literature and philosophy in the Russian and foreign humanities. Particular attention is paid to the paradoxical fact that despite the obvious synergy of philosophy and literature in Russian culture, which is essentially "a form of national self-consciousness," there have not yet been developed optimal methods and tools to access the philosophy of the literary text. Thus, huge factual material has been left unexamined. It seems that the current surge of interest in the interaction of literature and philosophy is related not so much to the national cultural tradition as to the relevance of this topic in the West, where non-literary circumstances have not affected philosophical interpretation of literary texts. The break with the original national philosophy of the early 20th century, caused by socio-historical cataclysms, has posed a dilemma for Russian scholars: either to leave theoretical questions unresolved or resolve them with the reference to the Western models offered by the "continental" tradition or the analytical philosophy of literature.

Keywords: Russian literature, philosophy, philosophical criticism, semiotics, "continental" tradition, analytical philosophy of literature, problems of study.

Information about the author: Elena A. Takho-Godi, DSc in Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature, 1) Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1st academic building, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, 2) A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Head of the Department, 3) Library-Museum "A.F. Losev House", 33 Arbat St., 119002 Moscow, Russia. ORCID ID: http://orcid.org/0000-0001-6907-8656

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

For citation: Takho-Godi, E.A. "Russian Literature and Philosophy: Problems of Study and Preliminary Results." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 10–41. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-10-41

«Национальное самосознание»

Правомерность изучения взаимодействия русской литературы и философии несомненна. Действительно, взаимодействие литературы и философии — одна из особенностей отечественной культуры, по крайней мере со второй половины XVIII столетия, когда, благодаря секуляризации русского общества в результате петровских реформ начала столетия, интеллектуальная элита стала искать ответы на свои духовные запросы в западноевропейском, прежде всего, мистически ориентированном гнозисе. Эстетические воззрения русских романтиков были самобытным развитием идей, выработанных как западноевропейской философской мыслью (Шеллинг), так и художественной практикой (иенские романтики). Классические примеры — поэтические опыты любомудров, их прозаический «постскриптум» — роман В.Ф. Одоевского «Русские ночи». Недаром в начале 1860-х гг. Одоевский, вспоминая об этих годах, подчеркивал: «Моя юность протекла в ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферою, как ныне политические науки» [109, с. 187]. Естественно, невозможно при этом не вспомнить и о «поэтах мысли» — о Е. Боратынском, П. Вяземском, Ф. Тютчеве, о литературном наследии славянофилов и почвенников — о А. Хомякове, И. Киреевском, Аксаковых, Ап. Григорьеве и др. Во второй половине XIX в. русский роман — прежде всего Ф. Достоевского и Л. Толстого — оказывается мощной философской «лабораторией» [80], где разрабатываются и по-новому формулируются аксиологические, историософские, метафизические, гносеологические, экзистенциальные проблемы. Подлинную синэргию этих двух составляющих русской культуры — философии и литературы — являет первая четверть XX столетия. Рамки только «философии»

или только «литературы» становятся тесны. Отсюда и расцвет различных литературно-философских сообществ, целое созвездие писателей-мыслителей, в сфере интересов которых органично сопрягаются обе сферы. Философией пронизано творчество не только символистов — Д. Мережковского, Вяч. Иванова или А. Белого, но и «крестьянских» поэтов — Н. Клюева и С. Есенина [43; 44]. Происшедшая в 1917 г. смена идеологических парадигм внесла коррективы в историю взаимодействия литературы и философии, но не упразднила самого взаимодействия: «отвлеченная» идея уступила место социологическому анализу и социальной конкретике, причем как в общественной мысли, так и в литературном процессе, произошла смена литературных жанров — от символистских «мистерий» к экспрессионистской стилистике «антиутопий» (Е. Замятин, А. Платонов), что дало о себе знать в 1920–1930-е гг. в «потаенной литературе» писателей-философов (А.К. Горский, С.Н. Дурылин, А.Ф. Лосев, В.Н. Муравьев).

Вот почему абсолютно правомерным представляется суждение Г. Гачева о том, что «на почве русского XIX века мыслительное освоение мира» шло через литературу, ибо особенности русской жизни требовали для «адекватного отражения» «не философской системы, а романа» [10, с. 12]. Развивая эту идею, С. Семенова в книге «Метафизика русской литературы» акцентировала внимание на том, что «философия в России, осознававшая себя прежде всего как миропонимание, человековедение, пророческое прощупывание будущих путей спасения (в тотально-религиозном смысле), развивается и вызревает в лоне литературы, в живой, объемной плоти поэзии, прозы, критики» [42, с. 5], что русская литература взяла «на себя роль религиозно-философского осмысления мира и человека, национального самосознания» [42, с. 6]. Поэтому и изучение этой формы «национального самосознания» должно вестись именно в междисциплинарном, литературно-философском ракурсе. Это, как представляется, наиболее адекватный подход.

Такая «самоочевидность» вопроса взаимодействия литературы и философии в русской культуре и побудила, с одной стороны, сотрудников ИМЛИ РАН в 2017 г. предложить РНФ проект, нацеленный на системную разработку этой темы, а с другой стороны, некоторых экспертов РНФ счесть, что область эта уже достаточно разработана отечественным литературоведением и что никаких открытий и теоретических прорывов пред-

ложенный проект не сулит. К счастью, не все эксперты РНФ разделяли это мнение, и, надо отдать им должное, они были абсолютно правы.

По прошествии почти пяти лет работы над проектом особо очевиден избыточный оптимизм не только тех экспертов РНФ, кто был склонен видеть полное благополучие в сфере изучения данной проблемы в отечественной науке, но, в определенной степени, и мой собственный как руководителя проекта, верившего в возможность, если не теоретического «прорыва», то по крайней мере суммирования коллективными усилиями накопленных знаний в этой междисциплинарной проблеме. Однако, как показала работа, думать о суммировании было более чем преждевременно, ибо невозможно за пять лет усилиями небольшого научного коллектива восполнить то, что было прервано в отечественной науке на десятилетия.

Литература и философия: Отечественный опыт

На первый взгляд действительно может представляться, что проблема взаимодействия русской литературы и философии неизменно привлекает внимание отечественных исследователей, по меньшей мере, последние сорок лет. Этот интерес стал ощутим в 1970–1980-е гг., однако только в 2000-е гг., когда уже не было никаких преград — ни идеологических, ни чисто технических — для доступа к трудам философов — и дореволюционных, и эмигрантов, и западноевропейских, стал наблюдаться сдвиг в освоении этой проблемы — и качественный, и количественный. За последние полтора десятилетия вышло большое число монографических исследований и учебных пособий, так или иначе затрагивающих эту проблему как на материале русской литературы [13; 11; 46; 59], так и в ее взаимодействии с западноевропейской [53] или только на европейском материале [8].

Этот процесс нарастал постепенно благодаря изучению литературы XIX в., прежде всего наследия любомудров [27; 28; 25; 24; 26; 54; 32], «открытию» эстетики словесного творчества М.М. Бахтина [5], которому при изучении литературы «нельзя было обойтись без философствования» [41, с. 87], а также благодаря Ю.М. Лотману и его школе, увлечению структурализмом/семиотикой[1], чьи базовые понятия за десятилетия эволюциониро-

1 «...определение “структурализм”/“семиотика” прилагается ко всему течению в целом, начиная с его зарождения во второй половине 1950-х годов и до смерти Ю.М. Лотмана. В итоге при более близком приближении к материалу у исследователя может возникнуть

вали «от *высказывания* до *интертекста* и *инфосферы*», «сферы культурных концептов, или *концептологии*», породив мечту о создании «общей семиотической теории единого информационного мира» [114, с. 6]. Недаром последователи московско-тартуской семиотической школы из Санкт-Петербургского педагогического университета имени А.И. Герцена (Т.В. Артемьева, О.М. Гончарова, С.А. Гончаров) в 2008–2010 гг. вместе с немецкими коллегами из Eberhard-Karls-Universität Tübingen стали реализовывать при поддержке Немецкого научного фонда (DFG) научный проект «Философия как литература, философия о литературе, философия в литературе. О взаимодействии литературы и философии в русской культуре». Проект состоял из трех подпроектов: 1) Между эстетической и аргументативной речью. Литературный дискурс как место культурной авторефлексии в России XIX в. (д-р Ирина Вутсдорфф); 2) Соблазнение (проф. д-р Шамма Шахадат); 3) Радикальная антропология 1920–1930-х гг. в философской и нарративной формах (д-р Надежда Григорьева), а также целой серии семинаров и соответствующих теме проекта конференций. Однако, к сожалению, изначально исследователи базировались на убеждении в «сомнительном статусе» русской философии.

С семиотикой были связаны труды академика Ю.С. Степанова [49; 51; 52] и его коллег по Институту языкознания РАН, занявшихся исследованием путей схождения литературы и философии в языке. Проблеме конвергенции языка литературы и философии посвящены докторская диссертация и две монографии главного научного сотрудника ИЯ РАН Н.М. Азаровой «Язык философии и язык поэзии — движение навстречу» [2] и «Типологический очерк языка русских философских текстов» [1]. Под общей редакцией Ю.С. Степанова вышла антология «Семиотика и Авангард» [113]. Можно сказать, что «словари» [50; 15] и «антологии» [116; 110; 111; 108] также оказались формами освоения этой темы. Причем составителями их выступали не только литературоведы, лингвисты, но и профессиональные философы.

О том, что проблема привлекает внимание современных российских философов, свидетельствуют материалы специального круглого стола «Философия и литература: проблемы взаимных отношений» [9], публикации одного из ведущих российских философов-постмодернистов — В.А. Подо-

недоумение: столь разными окажутся теоретические стратегии, скажем, Ю.М. Лотмана и большинства других участников школы» [39, с. 118].

роги (1946–2020), последовательно в отечественной науке разрабатывавшего аналитическую антропологию литературы, видя в литературе наиболее интенсивное проявление антропологического опыта. Философ предложил собственную типологию русской классики, выделив в ней два типа — «классицистскую» и «экспериментальную», исходя из доминирующих форм мимесиса, широко понимаемого как «видение мира». Доступ к философским ресурсам произведения, минуя сюжет и исторический контекст, основывается на формах и структуре самих текстов, на гештальт-образах, а не на семиотических бинарных оппозициях [36; 37; 33; 34; 35; 38]. Исследованием проблемы активно заняты сотрудники НИУ «Высшая школа экономики» и Института философии РАН, где был реализован целый ряд масштабных проектов, прямо или косвенно ее затрагивающих [4; 23; 57; 58]. Дать анализ философских смыслов в литературных произведениях стремятся в своих трудах В.К. Кантор [17; 18], А.А. Кара-Мурза [19], С.С. Неретина [29], С.А. Никольский [29; 30], В.Н. Порус [29], О.А. Жукова [12] и др. Их работы по данной тематике публикуются и за рубежом, в выпусках журнала «Russian Studies in Philosophy», посвященных русской литературе — Н. Карамзину (2017. Vol. 55, Iss. 6), А. Пушкину (2019. Vol. 57, Iss. 3), М. Лермонтову (2016. Vol. 54, Iss. 2), И. Тургеневу (2018. Vol. 56, Iss. 5), Ф. Достоевскому (2011. Vol. 50, Iss. 3), А. Чехову (2011. Vol. 50, Iss. 2), А. Платонову (2020. Vol. 58, Iss. 3), М. Горькому (2019. Vol. 57, Iss. 5), Б. Пастернаку (2020. Vol. 58, Iss. 4).

Однако все-таки это лишь отдельные, разрозненные усилия — о единой школе с единой методологией, к сожалению, говорить не приходится, тем более об устоявшемся научном направлении, самостоятельной отрасли знания[2].

По сути, сложилась парадоксальная ситуация: всем очевидна конвергенция литературы и философии в русской культуре, практически никто не спорит с тем, что литература в отечественной культуре всегда была нацелена на решение основных проблем бытия, что она была «формой

2 «У меня просто нет никакой системы, нет золотого ключика и универсальной отмычки для чтения любого текста», — говорится в предисловии к книге Г.Г. Амелина по философии литературы [3, с. 9], да и аннотация ее предупреждает о том же: «...вольные опыты чтения русской классики — Пушкина, Толстого, Достоевского с точки зрения неклассической философии, и одновременно — попытка рассмотрения новейшей литературы XX века (от Анненского до Набокова) в рамках единства Золотого и Серебряного веков» [3, с. 5].

национального самосознания», выпущено достаточно много монографических работ и тем более отдельных статей, но при этом, как представляется, в научном сообществе не случайно есть ощущение, что в отечественной науке так и не выработан инструментарий, который был бы признан и мог бы использоваться при анализе. Но дело обстоит так не только с теорией в целом, но и с освоением огромного фактического материала. Единственное объяснение этой парадоксальной ситуации, пожалуй, имеет вненаучную — социально-историческую — причину. Та дисциплина, которая могла бы теперь быть одним из предметов изучения и преподавания в наших вузах, к сожалению, не успела в эпоху романтизма развиться и укорениться на базе зарождающейся философско-эстетической критики. К середине XIX в. это течение русской мысли было вытеснено на периферию критикой социально-публицистической, беспощадно боровшейся с эстетикой литературы как феноменом, имеющим право на существование. Лишь к концу столетия, благодаря Вл. Соловьеву ситуация изменяется в лучшую сторону. Соловьев делает попытку возрождения и обоснования философско-эстетической критики. В статье «Поэзия Я.П. Полонского» (1896), обосновывая само понятие «философской критики» литературного текста, он утверждал: «Прямая задача критики, — по крайней мере философской, понимающей, что красота есть ощутительное воплощение истины, — состоит в том, чтобы разобрать и показать, что именно из полноты всемирного смысла, какие его элементы, какие стороны или проявления истины особенно захватили душу поэта и по преимуществу выражены им в художественных образах и звуках. Критик должен “вскрыть глубочайшие корни” творчества у данного поэта не со стороны его психических мотивов — это более дело биографа и историка литературы, — а главным образом со стороны объективных основ этого творчества или его идейного содержания» [115, с. 341–342]. В конце столетия Вл. Соловьев задумывает, хотя и не успевает воплотить, издание книги литературно-философских статей, обозревавших с такой философско-эстетической поэзии русскую поэзию XIX в. в ее основных представителях. То, что не было осуществлено, но лишь намечено Вл. Соловьевым[3],

3 Еще при жизни Вл. Соловьева выходит подготовленный П.П. Перцовым сборник «Философские течения русской поэзии» [56], включающий, наряду с соловьевской статьей о Ф. Тютчеве, статьи о А. Пушкине, Е. Баратынском, А. Кольцове, М. Лермонтове, Н. Огареве, А.К. Толстом, А. Фете, Я. Полонском, А. Майкове, А. Апухтине, А. Голенищеве-Кутузове, написанные С.А. Андреевским, Б.В. Никольским, Д.С. Мережковским и самим П.П. Перцовым.

получает продолжение в первые десятилетия XX в.: философская критика переживает тут действительно свой расцвет, причем попытки осмыслить литературные тексты с философских позиций или на их основании выстроить собственную философскую систему предпринимают как профессиональные философы (С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Франк, Л. Шестов), так и профессиональные литераторы (к примеру, те же Д. Мережковский, Вяч. Иванов, А. Белый). Вероятно, не произойди революционная катастрофа 1917 г., мы имели бы к 1920-м гг. не только расцвет формализма. Однако попытки уберечь в стенах Государственной академии художественных наук междисциплинарность и «цветущую сложность» гуманитарной и философской мысли, уцелевшей после закрытия в 1921 г. всех филологических и философских факультетов, отправки в 1922 г. в Европу «философского парохода», были во многом уже агонией угасающей культуры. Постепенно, но неуклонно с 1920-х гг. возможен оказывается только один философский подход к анализу литературного текста — социологический (марксистский) — инструментарий, весьма мало пригодный для познания русской литературы как формы «национального самосознания». Недаром первые работы по данной проблематике начали появляться лишь по мере ослабления идеологического пресса и касались в первую очередь поэзии — не только классической [61; 45], но и советской [31; 55].

Оказавшиеся после революционных катаклизмов за пределами отечества литераторы (Д. Мережковский, В. Ходасевич, Г. Адамович) и философы (Н. Бердяев, Л. Шестов) пытались продолжать искания в этой области. Взгляд на русскую литературу сквозь философскую призму ощутим в работах П.М. Бицилли, К.В. Мочульского, Д.И. Чижевского, но какого-либо существенного воздействия на отечественную науку до 1991 г. эмигрантская печать не могла оказывать опять же из-за сугубо идеологических препон. Только после исчезновения «железного занавеса» начали переиздаваться тексты мыслителей-эмигрантов о литературе [112]. Лишь в 2009 г. была издана книга философа В.Н. Ильина (1891–1974) «Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы», где рассмотрено не только творчество русских классиков, начиная от А. Пушкина, М. Лермонтова и Н. Гоголя и до А. Белого и Б. Пастернака, но и художественный стиль сочинений философов — А.И. Гилярова, Вл. Соловьева и П. Флоренского [14]. Однако труды русских религиозных мыслителей начала XX в. теперь нахо-

дятся преимущественно в поле зрения историков русской философии, но отнюдь не современных отечественных филологов. Идеи русской «диаспоры» — Н. Бердяева или Л. Шестова — обретали более подготовленную и благодарную европейскую аудиторию, прежде всего в лице французских экзистенциалистов, что, в свою очередь, было предопределено непрерывной традицией философского осмысления литературных текстов в западной культуре. В итоге, становится очевиден еще один парадокс: то, что современный всплеск интереса к данной проблематике в отечественной культуре гораздо в меньшей степени обусловлен «национальным самосознанием», нежели востребованностью этой проблематики в западном научном мире.

Литература и философия: западный опыт

Обрисовывая историю изучения взаимодействия литературы и философии в западноевропейской науке, руководитель Центра изучения литературы и философии Боннского университета Л. Стайнер совершенно справедливо констатирует, что в XVII в. этот процесс был связан с формированием литературной критики как самостоятельной дисциплины, в XVIII в. вопросы о вкусе, переживании, воображении, о прекрасном и возвышенном, входившие в компетенцию критики, взяла на себя новая философская область — эстетика, а на рубеже XVIII–XIX вв., благодаря И.Г. Гердеру, Ф. и А.В. Шлегелям, Ф. Шлейермахеру и В. фон Гумбольдту, «феномен поэтического творчества (poesis) оказался в центре внимания философии, которая осознала, что мифотворчество и поэзия являются основой человеческого самосознания и саморазвития», в результате чего у Ф. Шеллинга художественное творчество стало трактоваться как «высшая стадия развития человечества и природы», что, к сожалению, не предотвратило во второй половине XIX в. отмежевания (во многом предопределенного приходом позитивизма на смену идеализма) академической (университетской) философии от литературоведения [47, с. 11–12][4], породившего сознательные антифилософские настроения в западной литературной критике XX в. [89, с. 198–200]. Зато в философии в начале XX в. неокантианство и феноменология Э. Гуссерля «создали оригинальные методологии изучения искус-

4 Этой «хроникой», написанной Л. Стайнер по материалам доклада на семинаре по нашему проекту РНФ, мы воспользуемся как «канвой», оптимальной для данного кратчайшего обзора.

ства» [47, с. 13], что в дальнейшем способствовало развитию литературной теории экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю, С. де Бовуар [69]). Для учеников Э. Гуссерля — М. Хайдеггера и Р. Ингардена — «философия уже не противопоставляла себя литературе, а максимально приближалась к ней» [47, с. 13]. Однако Р. Ингарден, рассматривавший с феноменологических позиций литературное произведение как многослойную структуру, особую форму бытия, обусловливающую специфическое понимание «истинности» произведения и его эстетического переживания [117; 118; а также 65] (что и легло в основу его рецептивной эстетики), тем не менее возражал против прямого уподобления литературных текстов философским: «Я лишь добивался, чтобы не упускалось из виду различие между поэтом и ученым, чтобы из поэтических произведений не создавали научных произведений, из “Илиады”, например, — философских трактатов или из “королевских” драм Шекспира — чего-то вроде юмовской истории Англии» [107, с. 178].

Особо следует подчеркнуть роль хайдеггеровской концепции поэтического мышления, противостоящего логико-рациональному [78; 99], стимулировавшей во второй половине XX в. дискуссии о взаимоотношениях философии и литературы. М. Хайдеггер и неокантианство оказали большое влияние на основателя «философской герменевтики» Х.-Г. Гадамера, который, как специалист по античной философии, не только памятовал слова Аристотеля о том, что «поэзия более философична, чем история», но и предложил разобраться, почему философия «все больше уходит в заоблачные сферы поэтического языка» [106, с. 116], что общего между языком философии и поэтическим языком. Х.-Г. Гадамер был уверен, что «если университетской философии позднее удалось частично отвоевать утраченную позицию (благодаря работам так называемых философов-экзистенциалистов — Ясперса, Сартра, Мерло-Понти, Габриэля Марселя и прежде всего благодаря работам Мартина Хайдеггера), то произошло это потому, что философия вторглась в пограничную область поэтического языка» [106, с. 116].

Под воздействием М. Хайдеггера и М. Бланшо, сочетавшего в одном лице философа-теоретика и писателя, сформировались взгляды Ж. Деррида на философию как особый литературный жанр, который должно поместить неподалеку от поэзии и который можно исследовать с точки зрения его художественной организации [66]. Для постструктурализма и деконструктивизма метафорическая природа самого языка стала теоретической основой

для рассмотрения философской и литературоведческой проблематики в их взаимосвязи. Однако, умаляя логико-рациональное мышление в сравнении с поэтическим мышлением (poetical thinking), сторонники этих направлений отказываются и от прежнего философского понятийного универсализма. Не случайно в книге “New Directions in Philosophy and Literature” (2019) Клэр Коулбрук констатирует, что «никто не может избежать универсальных устремлений мысли», однако «любая попытка выразить универсалии требует точечной, конкретной формулировки», в результате чего «философия неизбежно попадает в поле притяжения литературы» [96, с. 14].

Еще в 1930-е гг. один из классиков интеллектуальной истории, американский философ и историк А.О. Лавджой в книге “The great chain of being: a study of the history of an idea” [22] заговорил о необходимости включить историю литературы в историю идей. Как раз из-за исторических катаклизмов — Второй мировой войны — «континентальная» традиция (неокантианство, феноменология и экзистенциализм) начала проникать в Америку, куда эмигрировали многие европейские интеллектуалы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Х. Арендт). Содействовало этому и создание в американских университетах отделений компаративистики, первое из которых было основано в 1946 г. в Йельском университете, что впоследствии, благодаря П. де Ману превратило Йель в один из мировых центров деконструкции [47, с. 15].

Философия прагматизма также сыграла свою роль в подготовке «американской аудитории к восприятию идей Ницше, Хайдеггера» [47, с. 16]. Однако в англоязычном мире сближение литературоведения и философии осуществлялось не только под эгидой прагматизма и возникшего под влиянием Р. Рорти неопрагматизма, но и возродившейся в середине XX в. моральной философии с ее обращенностью к исследованию эмоций (Марта Нуссбаум), к 1990-м гг. проникнувшему во многие дисциплины — от гуманитарных и общественных до естественных, что дало право заговорить о «неосентименталистском течении в современной науке» [7, с. 117].

Интерес к литературе в западной философской мысли явно нарастает к 1980-м гг. В 1977 г. новозеландским профессором американского происхождения Д. Даттоном основан специальный журнал “Philosophy and Literature”, освещающий вопросы, связанные с теорией и эстетикой литературы, с ее философскими интерпретациями, публикующий рецензии на издания по данной тематике. Начинают создаваться учебные центры, ори-

ентированные на изучение обеих дисциплин. Так, в Университете Уорик (Великобритания) создан “Centre for Research in Philosophy, Literature and The Arts”, издающий с 1988 г. специальную книжную серию “Warwick Studies in Philosophy and Literature” (см., например: [93]). С 1987 г. по инициативе поэта, историка искусств, профессора Коллеж де Франс И. Бонфуа, видевшего в поэзии средство уберечь язык от «вырождения в систему понятий», стали регулярно проходить международные коллоквиумы “La conscience de soi de la poésie” («Самосознание поэзии») с участием поэтов, критиков, теоретиков литературы и философов [6; 83]. Выходят работы, посвященные выявлению поэтики философских текстов, философии как литературно-художественной форме выражения философских идей [90; 104].

О том, что в XXI в. философия на Западе активно ведет диалог с литературоведением, наглядно свидетельствует стремительно увеличивающийся массив публикаций [62; 67; 96], в том числе появление специальных руководств и справочных пособий, выпущенных в престижных издательствах. В 2006 в издательстве “Palgrave Macmillan” вышел том “Literature and Philosophy: A Guide to Contemporary Debates” [95], в 2009 г. “Oxford University Press” выпустило “The Oxford handbook of philosophy and literature” [70], включающий 23 эссе ведущих философов и литературоведов, а в 2012 г. издательство “Springer” — “Handbuch Literatur und Philosophie” [71]. Недавно изданы еще более масштабные тома, вводящие в круг проблем философии литературы. Это “The Routledge Companion to Philosophy of Literature”, объединяющий 40 эссе, распределенных по шести разделам: «Исторические основы», «Что такое литература?», «Эстетика и оценка», «Значение и интерпретация», «Метафизика и эпистемология», «Этика и политическая теория» [64]. Проблемам междисциплинарного взаимодействия литературоведения и философии литературы посвящена книга “Literary Studies and the Philosophy of Literature: New Interdisciplinary Directions” [98]. В “The Palgrave Handbook of Philosophy and Literature” 29 эссе распределены по пяти отделам: «Философия как литература», «Философия литературы», «Философская эстетика», «Литературная критика и теория», а пятый отдел посвящен сферам совместного бытования философии и литературы — право, политика, этика, политическая экономия и т. д. [100].

При этом в западной науке исследователи прежде всего уделяли внимание именно разработке методологии анализа, нежели максимальному

охвату фактического литературного материала различных национальных культур или отдельных авторов, хотя не игнорировалась и эта тематика [84; 75; 92; 63]. Как очевидно, это связано с тем, что «пионерами» и застрельщиками тут были не историки литературы, но именно философы, искавшие в художественных текстах прежде всего историю развития идей [91] или описание таких экзистенциально значимых понятий, как «одиночество», «смерть», «трагическое» (см., например, сборник 1984 г. с участием Ж. Деррида [76]). Тем не менее известный швейцарский литературовед Жан Старобински, учившийся в свое время у видного представителя французской экзистенциальной феноменологии М. Мерло-Понти, в одном из поздних интервью подчеркивал, что хотя между «идеями» и «образами», несомненно, есть «точки скрещения», однако современный филолог должен «суметь стать чем-то вроде философа-историка», который, обращаясь «к системам и идеям», не пренебрегает и «документами прошлого» [48, с. 185].

В последние десятилетия все более влиятельной отраслью современной западной эстетики становится философия литературы [89; 87; 97]. Свой вклад в это внес известный британский эстетик, представляющий аналитическую философию искусства, П. Ламарк [88][5]. Он одним из первых задался вопросом о так называемом «парадоксе художественной литературы» [85; см также: 60]. Оценивая современное состояние науки о литературе и философии, П. Ламарк пишет: «Среди группы вопросов, которые действительно занимают философов, пишущих о литературе, вопросы о когнитивных и этических ценностях по-прежнему занимают важное место (как и у древнегреческих философов), как и споры об авторском намерении в критике, а также о художественной литературе и эмоциях. Однако характерной чертой этих споров является то, что они редко сосредоточены на конкретно литературных, а тем более эстетических свойствах. В вопросе об эмоциональных реакциях на художественную литературу преобладают примеры из фильмов, в основном таких жанров как “ужасы”. Другие вопросы художественной литературы — референция, истинность-ценность и онтология — оказываются никак не связаны как с нелитературным, так и литературным повествованием и обычно рассматриваются в теориях значения или в метафизике. Возможно, именно по этой причине они никогда

5 С П. Ламарком полемизирует по ряду вопросов философ и писатель Х. Нью, выпустивший собственное введение в философию литературы [94].

не привлекали внимания литературных критиков. Ключевые споры о намерениях, познании и этике также возникают, без разбора, для других видов искусства, и основные аргументы не связаны с природой и статусом литературы. В целом, далеко не очевидно, что, когда философы обращают свое внимание к литературе, они действительно занимаются эстетикой вообще, в отличие от философии языка, метафизики, онтологии, эпистемологии, моральной философии и, в лучшем случае, широко понимаемой философии искусства» [86, с. 171]. Как считает П. Ламарк, «Философия литературы должна бороться с этими двумя доминирующими чертами критической традиции: философской практикой, которая не связана с бескорыстным философским исследованием, и первостепенной заботой об установлении культурной легитимности литературы путем доказательства ее моральной ценности. Это нелегкое наследие с философской точки зрения, не в последнюю очередь потому, что оно определило рамки для теоретических размышлений о литературе на протяжении более двух тысяч лет. Даже сегодня это наследие имеет тенденцию диктовать проблемы философского осмысления литературы. Но это пагубное наследие, потому что оно отвлекло мысли о литературе от некоторых очевидных особенностей, которым уделялось очень мало внимания» [89, с. 200].

Осваивая литературу, аналитическая философия, однако, достаточно долго игнорировала такой ее род, как поэзию. Изучение поэзии оставалось прерогативой «континентальных» философов, усомнившихся в возможностях чистой философии как таковой. Их отношение к литературе стало в 1990 г. предметом специального осмысления в сборнике “Philosophers' Poets”, включавшем главы о точке зрения М. Хайдеггера на Л. Толстого, Ж.-П. Сартра на поэзию, Ж. Деррида на С. Малларме, Г. Башляра на П. Шелли, Т. Адорно на С. Беккета [105]. Изучению взаимосвязей философии и поэзии с «континентальной перспективы» посвящен концептуально интересно задуманный труд, изданный в 2019 г. под редакцией Р. Гхош. Книга оказывается своего рода энциклопедией по истории вопроса, так как каждое из 20 эссе (за исключением первого, вводного — «Мучительный Агон: Размышления о супружестве» — об отношении поэзии и философии в целом) посвящено воззрениям на поэзии видных «континентальных» философов и теоретиков литературы: «Как вращается мир: Хайдеггер и происхождение поэзии», «Бодлер Беньямина», «Жорж Батай и ненависть к поэзии», «Озвучивание мысли: Арендт,

поэзия и философия», «Язык и поэтическое слово в герменевтике Гадамера», «“Я-Поэма, а не поэт”: Философия поэзии Жака Лакана», «Адорно: Поэзия за поэзией», «Сартр и поэзия: Je t'aime, мое имя плюс (Я люблю тебя — Я тоже)», «Левинас и поэтический поворот бытия», «Пьяный разговор: Морис Бланшо и поэтика критических масок», «Мерло-Понти, Понж и Валери о говорящих вещах: феноменология и поэзия», «Делез и поэзия», «Дыхание Иригарей, или Поэзия после поэтики», «О стойкости ежей» (об отношении к поэзии Ж. Деррида; в заглавии обыграно название эссе И. Берлина «Ёж и лиса», 1953), «Для чего нужны философы в эпоху поэтов? Бадью с Хайдеггером и против него», «Жан-Люк Нанси: Поэзия, философия, техника», «Рансьер о поэзии», «Желание против дисциплинированности: Теория поэзии Кристевой», «Агамбен и поэзия» [72].

Ныне поэзией занялась и аналитическая философия. Как не без иронии сказано на сайте издательства Оксфордского университета “Oxford Scholarship Online” в рекламной аннотации к тому “The Philosophy of Poetry”, объединяющем 11 эссе, написанных известными западными философами, эстетиками и литературоведами — П. Ламарком, С. Блэкберном, А.К. Рибейро, Р. Скрутоном, А. Лейтон, Р. Элдриджем и др. [73], «в последние годы философы выпустили важные книги почти по всем основным видам искусства: роману и живописи, музыке и театру, танцам и архитектуре, концептуальному искусству и даже садоводству» — и только поэзия составляет «единственное исключение». Дж. Гибсон, излагая историю освоения поэзии современной философией в предисловии к этому коллективному труду, подчеркивает, что до недавнего времени поэзия представляла «последний неисследованный рубеж в современной аналитической эстетике» [74, с. 1]. Он убежден, что теперь философия должна сфокусироваться на поэзии и надеется, что книга станет основой для будущей философии поэзии. Шаги в том же направлении делаются и в монографии М. де Гейнсфорда “The Rift in the Lute: Attuning Poetry and Philosophy” («Трещина в лютне: Сонастройка поэзии и философии»). Ключ к «сонастройке» поэзии и философии видится автору в аналитической философии языка, рассматривающей поэтическое высказывание как действие, речевой акт как поступок (напомним, что сама теория речевых актов в аналитической философии разрабатывалась в середине XX в. философом языка Дж.Л. Остином). С этих позиций и анализируются поэтические тексты разных эпох — от

Средневековья до современности, от Дж. Чосера и сонетов В. Шекспира до Дж. Хилла и Дж.Х. Принна [68]. Акцентируя внимание на том, что не так давно один из самых влиятельных британских теоретиков литературы Т. Иглтон в книге 2012 г. “The Event of Literature” обратился к аналитической философии, Л. Стайнер задается вопросом: «Станет ли этот диалог между теорией, основанной на критическом анализе текстов, и философией литературы, выросшей из аналитической философии языка, толчком для возникновения новых научных парадигм»? [47, с. 17]. Как очевидно, поиск этих парадигм идет в западной науке чрезвычайно интенсивно.

Современная аналитическая философия литературы рассматривает не только литературный язык как «особого рода языковую игру», но и «механизмы художественного вымысла (fictionality)» [47, с. 17]. Влиятельным направлением, напрямую связанным с освоением философией литературных текстов, в западной науке является и нео-майнонгизм (от имени австрийского психолога и философа А. Майнонга и его “Gegenstandstheorie”), разрабатывающий вопрос о вымышленных, литературных объектах (персонажах, их именах и т. д.). В электронной версии одной из наиболее авторитетных энциклопедий по философии, в Стэнфордской философской энциклопедии (Stanford Encyclopedia of Philosophy), недавно появились соответствующие словарные статьи — в 2018 г. “Fictional Entities” [82] и в 2019 г. “Fiction” [81]. Авторы статьи “Fiction” убеждены: «Концепция художественной литературы порождает ряд интригующих и сложных философских вопросов, и философия художественной литературы в настоящее время стала признанной частью основной философии, история которой восходит, по крайней мере, к давним спорам о роли поэтов и драматургов, обнаруживаемых в сочинениях Аристотеля и Платона. Рассматриваемые вопросы в широком смысле относятся к художественной литературе как способу репрезентации — способу описания индивидов и событий, разительно отличающемуся от представления, связанного с истиной, которая долгое время была доминирующей темой в философии» [81].

В отказе от философского понятийного универсализма или от объективности истины, т. е. от того, что было прежде «ценностей незыблемая скáла», наверное, наиболее явственно проступает отличие в подходе к проблеме взаимодействия литературы и философии двух традиций — современной западной и отечественной, как она была представленной в со-

чинениях мыслителей начала XX в. Однако из-за отрыва от самобытной отечественной философии начала XX в., обусловленного социально-историческими причинами, из-за неразработанности соответствующей методологической базы в отечественной гуманитаристике, российские исследователи, обращаясь к данной проблематике, вынуждены или оставлять теоретические вопросы без разрешения или разрешать их, ориентируясь преимущественно на те или иные западные образцы.

Предварительные итоги

Что же можно сказать в качестве — пусть и предварительного — итога?

В настоящее время, когда гуманитарные науки стремятся к интеграции, взаимопроникновению и взаимообогащению, проблема взаимодействия литературы и философии открывает перед исследователями русской литературы уникальные возможности: огромный пласт фактического литературного материала требует освоения в совершенно ином аспекте, чем это стало привычным для университетского литературоведения. По сути, можно говорить о необходимости освоить новую научную область. Однако для решения такой задачи требуются усилия не отдельных, пусть и авторитетных ученых, не отдельных маленьких научных коллективов, пусть и поддержанных грантами РНФ, как был поддержан наш проект, который, несмотря на свой комплексный характер, объединяющий публикационные, организационные, просветительские и педагогические мероприятия, конечно, не мог охватить всю отечественную словесность, ограничившись рамками XIX–XX вв. За пять лет работы участники проекта предложили собственный метод доступа к философии литературного текста — субъект-субъектный (см.: [20]), подготовили более 200 различных публикаций, включая индивидуальные и коллективные монографии о В. Одоевском, Ф. Достоевском, Вл. Соловьеве, и около 300 докладов, апробировав результаты исследования на постоянно действовавшем семинаре и международных конференциях, представив их в авторитетных отечественных и зарубежных изданиях и в специальной серии «Русская литература и философия: пути взаимодействия»[6]. Поэтому хочется надеяться, что с завершением в 2021 г. гранта РНФ в ИМЛИ РАН не прекратится начатая рабо-

6 Подробно с работой проекта и публикациями его участников можно ознакомиться на специально созданном сайте: www.lit-phil.ru.

та, что она может послужить «катализатором» дальнейших исследований, прежде всего разработке инструментария и методологии изучения путей взаимодействия философии и литературы, станет основой для совместных исследований как с западными коллегами, чей интерес к проекту достаточно очевиден (см. блок публикаций в журнале “Transcultural Studies” [103]; подготовленный участниками проекта спецвыпуск “A Symbiosis of Russian Literature and Philosophy” [101] и обзор работы проекта в бразильском журнале “Revista de Literatura e cultura Russa” [102]), так и с российскими историками отечественной философской мысли.

Список литературы

Исследования

1 *Азарова Н.М.* Типологический очерк языка русских философских текстов XX в. М.: Гнозис / Логос, 2010. 227 с.

2 *Азарова Н.М.* Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М.: Логос / Гнозис, 2010. 496 с.

3 *Амелин Г.Г.* Лекции по философии литературы / ред. В.Я. Мордерер, С.Б. Феддер. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.

4 Анатомия философии: как работает текст / сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М.: Издат. дом ЯСК, 2016. 968 с.

5 *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 144 с.

6 *Бонфуа И.* Век, когда слово хотели убить: Избранные эссе / пер. с фр. М. Гринберга. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 166 с.

7 *Виницкий И.* Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте» (Обзор работ по истории эмоций) // НЛО. 2012. № 5. С. 441–460.

8 *Вольский А.Л.* От поэтической философии к философской поэзии: опыт герменевтического исследования. СПб.: Норма, 2008. 329 с.

9 Вопросы философии. 2009. № 9. С. 56–96.

10 *Гачев Г.Д.* Образ в русской художественной культуре. М.: Искусство, 1981. 246 с.

11 *Гречаник И.В.* Религиозно-философские мотивы русской лирики рубежа XIX–XX столетий. М.: Спутник, 2003. 170 с.

12 *Жукова О.А.* Опыт о русской культуре. Философия истории, литературы и искусства. М.: ООО «Издательство “Согласие”», 2019. 588 с.

13 *Заманская В.В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.

14 *Ильин В.Н.* Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы. М.: Русский мир, 2009. 549 с.

15 *Исупов К.Г.* Космос русского самосознания: словарь. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 400 с. (Серия «Humanitas»)

16 *Исупов К.Г.* Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: Русск. христ. гуманит. академия, 2010. 592 с.

17 *Кантор В.К.* Изображая, понимать, или Sentencia sensa: философия в литературном тексте. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017. 832 с. (Серия «Российские Пропилеи»)

18 *Кантор В.К.* Русская литература, или Слово против Хаоса – классика и современность. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 464 с. (Серия «Российские Пропилеи»)

19 *Кара-Мурза А.А.* Концепция свободы в творчестве А.И. Герцена // «Герцен – Музей – Герцен. Взгляд из XXI века». К 40-летию Дома-музея А.И. Герцена / сост. И.А. Желвакова, С.Р. Головко, М.А. Панькина. М.: Изд-во «Литературный музей», 2019. С. 32–39.

20 *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.

21 *Кибальник С.А.* Художественная философия А.С. Пушкина. 2-е изд. СПб.: Петрополис, 2019. 394 с.

22 *Лавджой А.* Великая цепь бытия: история идеи / пер. В. Софронов-Антомони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.

23 Лев Толстой: литература и философия / сост., отв. ред. Н.А. Касавина, Ю.В. Прокопчук. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 400 с.

24 *Маймин Е.А.* Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев. М.: Наука, 1976. 192 с.

25 *Маймин Е.А.* Философская поэзия Пушкина и любомудров (к различию художественных методов) // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. Т. VI: Реализм Пушкина и литература его времени. С. 98–117.

26 *Маймин Е.А.* О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой. Путь писателя; Воспоминания; Переписка / под ред. Н.Л. Вершининой и Е.Е. Дмитриевой-Майминой; подгот. текста писем и коммент. Е.Е. Дмитриевой-Майминой. Псков: Псковская обл. тип., 2015. 904 с. («Псковская историческая библиотека»)

27 *Манн Ю.В.* Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М.: Искусство, 1969. 304 с.

28 *Манн Ю.В.* Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 381 с.

29 *Неретина С.С., Никольский С.А., Порус В.Н.* Философская антропология Андрея Платонова. М.: ИФ РАН, 2019. 236 с.

30 *Никольский С.А.* Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX и XX вв. М.: Голос, 2015. 536 с.

31 *Павловский А.И.* Советская философская поэзия. Л.: Наука, 1984. 180 с.

32 *Песков А.М.* У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 89–99.

33 *Подорога В.А.* Nature Morte. Строй и литература произведения Николая Гоголя. М.: РИПОЛ классик, 2018. 384 с. (Серия: «МИМЕСИС»)
34 *Подорога В.А.* Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. М.: РИПОЛ классик, 2018. 418 с. (Серия: «МИМЕСИС»)
35 *Подорога В.А.* Литература как самопознание. Опыт Андрея Белого. М.: РИПОЛ классик, 2020. 342 с. (Серия: «МИМЕСИС»).
36 *Подорога В.А.* Мимесис: материалы к аналитической антропологии литературы. М.: Культурная революция, Логос, Логос-Альтера, 2006. Т. 1: Н. Гоголь, Ф. Достоевский. 688 с.
37 *Подорога В.А.* Мимесис: материалы к аналитической антропологии литературы. М.: Культурная революция, 2011. Т. 2/1: Идея произведения. Experimentum crucis в литературе XX века. А. Белый, А. Платонов, группа Обэриу. 608 с.
38 *Подорога В.А.* Антропограммы. Опыт самокритики: с приложением дискуссии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 335 с.
39 *Поселягин Н.В.* Ранний российский структурализм: «долотмановский» период // Новое литературное обозрение. 2011. № 3. С. 118–134.
40 *Радионова А.В.* Лиро-философский метатекст в русской литературе. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 410 с.
41 *Рыклин М.К.* Сознание и речь в концепции М.М. Бахтина // М.М. Бахтин как философ / под ред. Л.А. Гоготишвили, П.С. Гуревича. М.: Наука, 1992. С. 175–189.
42 *Семенова С.Г.* Метафизика русской литературы: в 2 т. М.: ПоРог, 2004.
43 *Солнцева Н.М.* Поэтическое евразийство С.А Есенина и литературный контекст // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 67–87.
44 *Солнцева Н.М.* Слово в воззрениях Я. Бёме и Н. Клюева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 4. С. 22–36.
45 *Спивак Р.С.* Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 139 с.
46 *Спивак Р.С.* Русская философская лирика, 1910-е годы: И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2005. 407 с.
47 *Стайнер Л.Л.* Введение. Философия и литература: краткая история // Пространство и время в русской философии и культуре: Сборник трудов молодых ученых. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 10–17.
48 *Старобински Ж.* Материя идей (беседа с Сергеем Зенкиным) // Иностранная литература. 2014. № 2. С. 170–186.
49 *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 331 с.
50 *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
51 *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

52 *Степанов Ю.С.* Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Эйдос, 2010. 167 с.
53 *Тиме Г.А.* Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. 455 с.
54 *Усок И.Е.* Философская поэзия любомудров // К истории русского романтизма / ред. Ю.В. Манн, И.Г. Неупокоева, У.Р. Фохт. М.: Наука, 1973. С. 107–128.
55 *Филиппов Г.В.* Русская советская философская поэзия. Человек и природа. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 205 с.
56 Философские течения русской поэзии. 2-е изд. СПб.: Тип. М. Меркушева (Б.Н. Лебедева), 1899. 394 с.
57 Философские эманации любви / сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М.: Издат. дом ЯСК, 2018. 576 с.
58 Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «И.С. Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный День философии 15 ноября 2018 г. / отв. ред. С.А. Никольский. М.: Голос, 2018. 376 с.
59 *Шлемова Н.А.* Эстетика трансцендентного в творчестве Марины Цветаевой. М.: Изд-во «Дома-Музея Марины Цветаевой», 2007. 160 с.
60 *Шохин В.К.* Так называемый парадокс художественной литературы и трансцендентальная онтология // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14, № 1. С. 20–35.
61 *Щемелева Л.М.* О русской философской лирике XIX века: На материале творчества М.Ю. Лермонтова, Е.А. Баратынского, Ф.И. Тютчева // Вопросы философии. 1974. № 5. С. 90–100.
62 *Bourbon B.* Finding a replacement for the soul: Mind and meaning in literature and philosophy. Cambridge, London: Harvard University Press, 2004. 273 p.
63 *Bourne C., Caddick Bourne E.* (Eds.). The Routledge Companion to Shakespeare and Philosophy. London: Routledge. 2018. 630 p.
64 *Carroll N., Gibson J.* (Eds.) The Routledge Companion to Philosophy of Literature. London: Routledge, 2015. 521 p.
65 *Chojna W.* Roman Ingarden's Philosophy of Literature: A Phenomenological Account. Leiden: Brill Rodolpi. 2017. 181 p.
66 *Clark T.* Derrida, Heidegger, Blanchot: Sources of Derrida's Notion and Practice of Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 219 p.
67 *Clowes E.W.* Fiction's overcoat: Russian literary culture and the question of philosophy. Ithaca, London: Cornell University Press, 2004. 296 p.
68 *De Gaynesford M.* The Rift in the Lute: Attuning Poetry and Philosophy Oxford: Oxford University Press 2017. 304 p.
69 *Deutscher P.* The Philosophy of Simone de Beauvoir: Ambiguity, Conversion, Resistance. New York: Cambridge University Press, 2008. 199 p.

70 *Eldridge R.Th.* (Ed.). The Oxford handbook of philosophy and literature. Oxford: Oxford University Press, 2009. 542 p.
71 *Feger H.* (Ed.). Handbuch Literatur und Philosophie. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. 353 S.
72 *Ghosh R.* (Ed.). Philosophy and Poetry: Continental Perspectives. New York: Columbia University Press, 2019. 336 p.
73 *Gibson J.* (Ed.). The Philosophy of Poetry. Oxford: Oxford University Press, 2015. 253 p.
74 *Gibson J.* Introduction: The Place of Poetry in Contemporary Aesthetics // The Philosophy of Poetry / Ed. by J. Gibson. Oxford: Oxford University Press, 2015, pp. 1–16.
75 Gracia J.J.E., Camurati M. Philosophy and literature in Latin America: a critical assessment of the current situation. Albany, NY: State University of New York Press, 1989. 279 p.
76 *Griffiths A.Ph.* (Ed.). Philosophy and Literature / Royal Institute of Philosophy Supplements, vol. 16. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 233 p.
77 *Hagberg G.L., Jost W.* A Companion to the Philosophy of Literature (Blackwell Companions to Philosophy, vol. 45). Chichester, West Sussex, UK: Wiley-Blackwell, 2015. 552 p.
78 *Halliburton D.* Poetic thinking: An approach to Heidegger. Chicago: University of Chicago. 1981. 235 p.
79 *Kivy P.* The Performance of Reading: An Essay in the Philosophy of Literature / New Directions in Aesthetics, vol. 3. Malden: Blackwell Publ., 2009. 155 p.
80 *Krasicki J.* Dostojewski i laboratorium idei. Warszawa: Biblioteka “Więzi”, 2020. 263 s.
81 *Kroon F., Voltolini A*. Fiction. URL: https://plato.stanford.edu/entries/fiction/ (дата обращения: 12.12.2020).
82 Kroon F., Voltolini A. Fictional Entities. URL: https://plato.stanford.edu/entries/fictional-entities/ (дата обращения: 12.12.2020).
83 La conscience de soi de la poésie: Colloques de la Fondation Hugot du Collège de France (1993–2004) / Sous la direction de Y. Bonnefoy. Paris: Seuil, 2008. 413 p. (Le Genre Humain)
84 *Lacoue-Labarthe Ph., Nancy J.-L.* L’Absolu littéraire: théorie de la littérature du romantisme allemande. Paris: Le Seuil, 1978. 444 p.
85 *Lamarque P.* “How Can We Fear and Pity Fictions?” // British Journal of Aesthetics. 1981. № 21. P. 291–304.
86 *Lamarque P.* The opacity of narrative. London, New York: Rowman & Littlefield International, Ltd., 2014. 213 p.
87 *Lamarque P.* The philosophy of literature. Malden, MA: Blackwell, 2009. 329 p.
88 *Lamarque P.* The uselessness of art: essays in the philosophy of art and literature Brighton. Chicago: Toronto Sussex Academic Press, 2020. 186 p.

89 *Lamarque P., Olsen St.H.* The Philosophy of Literature: Pleasure Restored // The Blackwell Guide to Aesthetics / Ed. by P. Kivy. Malden: Blackwell Publishing Ltd., 2004. P. 195–214.
90 *Lang B.* The Anatomy of Philosophical Style: Literary Philosophy and the Philosophy of Literature. Oxford; Cambridge, MA: B. Blackwell, 1990. 277 p.
91 *McPeek R.C., Baldwin J.A.S.* An Introduction to Philosophy through Literature. New York: The Ronald Press Company, 1950. 595 p.
92 *Mohaghegh J.* New Literature and Philosophy of the Middle East: The Chaotic Imagination. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 234 p. (Literatures and Cultures of the Islamic World)
93 *Nash Ch.* Narrative in Culture: The Uses of Storytelling in the Sciences, Philosophy, and Literature. London: Routledge, 1994. 228 p. (Warwick Studies in Philosophy and Literature)
94 *New Ch.* Philosophy of Literature: An Introduction. New York, London: Routledge, 1999. 151 p.
95 *Rudrum D.* (Ed.). Literature and Philosophy: A Guide to Contemporary Debates. London: Palgrave Macmillan. 2006. 246p.
96 *Rudrum D., Askin R., & Beckman F.* (Eds.). New Directions in Philosophy and Literature. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2019. 486 p.
97 *Schroeder S.* (Ed.). Philosophy of literature / Ratio special issues, vol. 22, no. 4. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. 140 p.
98 *Selleri A., Gaydon Ph.* (Eds.). Literary Studies and the Philosophy of Literature: New Interdisciplinary Directions. London: Palgrave Macmillan, 2016. 290 p.
99 *Stellardi G.* Heidegger and Derrida on philosophy and metaphor: imperfect thought. Amherst, NY: HB, Humanity Books. 2004. 286 p.
100 *Stocker B., Mack M.* (Eds.). The Palgrave Handbook of Philosophy and Literature. London: Palgrave Macmillan, 2018. 779 p.
101 *Takho-Godi E.A.* (Ed.). A Symbiosis of Russian Literature and Philosophy. Special issue / Studies in East European Thought, 2020, vol. 72, issue 3–4.
102 *Takho-Godi E.A.* Methodological approaches to studying the problem of interaction between Literature and Philosophy // Revista de Literatura e cultura Russa. 2021. Vol. 12, N 18 (Dossiê Literatura russa e Filosofia). P. 402–418.
103 Transcultural Studies. 2019. Vol. 15, issue 2. P. 91–188.
104 *Walmsley P.* The Rhetoric of Berkeley's Philosophy / Cambridge Studies in Eighteenth-Century English Literature and Thought, vol. 6. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 205 p.
105 *Wood D.* (ed.). Philosophers' Poets. London: Routledge, 1990. 200 p.

Источники

106 *Гадамер Г.Г.* Философия и поэзия // *Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 116–146.

107 *Ингарден Р.* Исследования по эстетике / пер. А. Ермилова и Б. Федорова. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1962. 572 с.

108 Неугасимая лампада. Антология русской религиозно-философской поэзии XIX века. М.: «ГЛК» Ю.А. Шичалина, 2009. 381 с.

109 *Одоевский В.Ф.* Русские ночи / изд. подгот. Б.Ф. Егоров [и др.]; примеч. Е.А. Маймина, М.И. Медового. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 317 с. (Сер. «Литературные памятники»)

110 Поэзия как жанр русской философии / сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФ РАН, 2007. 340 с.

111 Поэзия русских философов XX века. Антология / сост. М. Сергеев, Л. Столович. Бостон: M-Graphics Publishing, 2011. 302 с.

112 Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. / сост., вступ. ст. Р.А. Гальцевой. М.: Книга, 1990. 527 с.

113 Семиотика и Авангард: Антология / ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин; общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Академический проект; Культура, 2006. 1168 с.

114 Семиотика. Антология / сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с.

115 *Соловьев В.С.* Поэзия Я.П. Полонского // *Соловьев В.С.* Собр. соч.: в 10 т. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 7. С. 329–353.

116 Я связь миров: Философская лирика русских поэтов XVIII – начала XX веков / сост., вступ. ст. и коммент. В.М. Фалеева. М.: Правда, 1989. 461 с.

117 *Ingarden R.* Das literarische Kunstwerk. Eine Untersuchung aus dem Grenzgebiet der Ontologie, Logik und Literaturwissenschaft, Halle: Max Niemeyer, 1931. 389 S.

118 *Ingarden R.* Szkice z filozofii literatury. Łódź: Spółdzielnia wydawnicza “Polonista”, 1947. Vol. 1. 203 S.

References

1 Azarova, N.M. *Tipologicheskii ocherk iazyka russkikh filosofskikh tekstov XX v.* [*Typological Essay of the Language of Russian Philosophical Texts of the 20th Century*]. Moscow, Gnozis / Logos Publ., 2010. 227 p. (In Russ.)

2 Azarova, N.M. *Iazyk filosofii i iazyk poezii — dvizhenie navstrechu (grammatika, leksika, tekst)* [*The Language of Philosophy and the Language of Poetry – the Movement Towards (Grammar, Vocabulary, Text)*]. Moscow, Logos / Gnozis Publ., 2010. 496 p. (In Russ.)

3 Amelin, G.G. *Lektsii po filosofii literatury* [*Lectures on the Philosophy of Literature*], ed. by V.Ya. Murderer, S.B. Fedder. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2005. 424 p. (In Russ.)

4 Sineokaya, Iu.V., editor. *Anatomiia filosofii: kak rabotaet tekst* [*Anatomy of Philosophy: How the Text Works*]. Moscow, Izdatel'skii Dom IaSK Publ., 2016. 968 p. (In Russ.)
5 Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*Aesthetics of the Verbal Creativity*], comm. by S.S. Averintsev, S.G. Bocharov. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 144 p. (In Russ.)
6 Bonfua, Y. *Vek, kogda slovo khoteli ubit': Izbrannye esse* [*Century, When They Wanted to Kill the Word: Selected Essays*], trans. by M. Greenberg. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 166 p. (In Russ.)
7 Vinitskii, I. "Zagovor chuvstv, ili Russkaia istoriia na 'emotsional'nom povorote' (Obzor rabot po istorii emotsii)" ["Conspiracy of Feelings, or the Russian History in the "Emotional Turn" (Review of works on the history of emotions)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, 2012, pp. 441–460. (In Russ.)
8 Vol'skii, A.L. *Ot poeticheskoi filosofii k filosofskoi poezii: opyt germenevticheskogo issledovaniia* [*From Poetic Philosophy to Philosophical Poetry: the Experience of Hermeneutical Research*]. St. Peterburg, Norma Publ., 2008. 329 p. (In Russ.)
9 *Voprosy filosofii*, 2009, no. 9, pp. 56–96. (In Russ.)
10 Gachev, G.D. *Obraz v russkoi khudozhestvennoi kul'ture* [*Image in Russian Art Culture*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1981. 246 p. (In Russ.)
11 Grechanik, I.V. *Religiozno-filosofskie motivy russkoi liriki rubezha XIX–XX stoletii* [*Religious and Philosophical Motifs of Russian Lyrics of the Turn of the 19th–20th Centuries*]. Moscow, Sputnik Publ., 2003. 170 p. (In Russ.)
12 Zhukova, O.A. *Opyt o russkoi kul'ture. Filosofiia istorii, literatury i iskusstva* [*Experience about Russian Culture. Philosophy of History, Literature, and Art*]. Moscow, OOO "Izdatel'stvo 'Soglasie'" Publ., 2019. 588 p. (In Russ.)
13 Zamanskaia, V.V. *Ekzistentsial'naia traditsiia v russkoi literature XX veka. Dialogi na granitsakh stoletii* [*Existential Tradition in Russian Literature of the 20th Century. Dialogues on the Borders of Centuries*]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2002. 304 p. (In Russ.)
14 Il'in, V.N. *Arfa Davida. Religiozno-filosofskie motivy russkoi literatury* [*David's Harp. Religious and Philosophical Motives of Russian Literature*]. Moscow, Russkii mir Publ., 2009. 549 p. (In Russ.)
15 Isupov, K.G. *Kosmos russkogo samosoznaniia: slovar'* [*Russian Self-consciousness Cosmos: Dictionary*]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. 400 p. (In Russ.)
16 Isupov, K.G. *Sud'by klassicheskogo naslediia i filosofsko-esteticheskaia kul'tura Serebrianogo veka* [*The Fate of the Classical Heritage and the Philosophical and Aesthetic Culture of the Silver Age*]. St. Petersburg, Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia Publ., 2010. 592 p. (In Russ.)
17 Kantor, V.K. *Izobrazhaia, ponimat', ili Sentencia sensa: filosofiia v literaturnom tekste* [*Depicting, Understanding, or Sententia Sensa: Philosophy in a Literary Text*]. Moscow, St. Petersburg, TsGI Print, 2017. 832 p. (In Russ.)

18 Kantor, V.K. *Russkaia literatura, ili Slovo protiv Khaosa — klassika i sovremennost'* [*Russian Literature, or the Word Against Chaos — Classics and Modernity*]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2021. 464 p. (In Russ.)

19 Kara-Murza, A.A. "Kontseptsiia svobody v tvorchestve A.I. Gertsena" ["The Concept of Freedom in the A.I. Herzen' Work"]. *'Gertsen – Muzei – Gertsen. Vzgliad iz XXI veka'. K 40-letiiu Doma-muzeia A.I. Gertsena* [*'Herzen – Museum – Herzen. A look from the 21st century'. To the 40th anniversary of the A.I. Herzen House-Museum*], comp. by I.A. Zhelvakova, S.R. Golovko, M.A. Pankina. Moscow, Izdatel'stvo "Literaturnyi muzei" Publ., 2019, pp. 32–39. (In Russ.)

20 Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: Literary Method of Speaking*]. Moscow, Vodolei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

21 Kibal'nik, S.A. *Khudozhestvennaia filosofiia A.S. Pushkina* [*A.S. Pushkin's Literary Philosophy*]. 2nd ed. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2019. 394 p. (In Russ.)

22 Lavdzhoi, A. *Velikaia tsep' bytiia: istoriia idei* [*The Great Chain of Being: A Study of the History of Ideas*], trans. by V. Sofronov-Antomoni. Moscow, Dom intellektual'noi knigi Publ., 2001. 376 p. (In Russ.)

23 Kasavin, N.A., and Iu.V. Prokopchuk, editors. *Lev Tolstoi: literatura i filosofiia* [*Lev Tolstoy: Literature and Philosophy*]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. 400 p. (In Russ.)

24 Maimin, E.A. *Russkaia filosofskaia poeziia. Poety-liubomudry, A.S. Pushkin, F.I. Tiutchev* [*Russian Philosophical Poetry. Poets-Lyubomudry, A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev*]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 192 p. (In Russ.)

25 Maimin, E.A. "Filosofskaia poeziia Pushkina i liubomudrov (k razlichiiu khudozhestvennykh metodov)" ["Philosophical Poetry of Pushkin and Lyubomudry (on the Difference of Artistic Methods)"]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [*Pushkin: Research and Materials*], vol. VI. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoe otdelenie, 1969, pp. 98–117. (In Russ.)

26 Maimin, E.A. *O russkom romantizme; Russkaia filosofskaia poeziia; Lev Tolstoi. Put' pisatelia; Vospominaniia; Perepiska* [*Russian Romanticism; Russian Philosophical poetry; Leo Tolstoy. The Path of the Writer; Memoirs; Correspondence*], ed. by N.L. Vershinina and E.E. Dmitrieva-Maimina; comm. by E.E. Dmitrieva-Maimina. Pskov, Pskov printing house Publ., 2015. 904 p. (In Russ.)

27 Mann, Iu.V. *Russkaia filosofskaia estetika (1820–1830-e gody)* [*Russian Philosophical Aesthetics (1820–1830-ies)*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 304 p. (In Russ.)

28 Mann, Iu.V. *Russkaia filosofskaia estetika* [*Russian Philosophical Aesthetics*]. Moscow, MALP Publ., 1998. 381 p. (In Russ.)

29 Neretina, S.S., Nikol'skii S.A., Porus V.N. *Filosofskaia antropologiia Andreia Platonova* [*Andrey Platonov's Philosophical Anthropology*]. Moscow, IF RAN Publ., 2019. 236 p. (In Russ.)

30 Nikol'skii, S.A. *Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretatsii otechestvennoi literatury XIX i XX vv.* [*Horizons of Meanings. Philosophical Interpretations of Russian Literature of the 19th and 20th Centuries*]. Moscow, Golos Publ., 2015. 536 p. (In Russ.)

31 Pavlovskii, A.I. *Sovetskaia filosofskaia poeziia* [*Russian Soviet Philosophical Poetry*]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 180 p. (In Russ.)

32 Peskov, A.M. "U istokov russkogo filosofstvovaniia: shellingianskie tainstva lyubomudry" ["At the Origins of Russian Philosophizing: the Schellingian Mysteries of the Lubomudry"]. *Voprosy filosofii,* no. 5, 1994, pp. 89–99. (In Russ.)

33 Podoroga, V.A. *Nature Morte. Stroi i literatura proizvedeniia Nikolaia Gogolia* [*Nature Morte. System and Literature in the Work of Nikolai Gogol*]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2018. 384 p. (In Russ.)

34 Podoroga, V.A. *Rozhdenie dvoinika. Plan i vremia v literature F. Dostoevskogo* [*The Birth of a Doppelganger. Plan and Time in the Literature of F. Dostoevsky*]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2018. 418 p. (In Russ.)

35 Podoroga, V.A. *Literatura kak samopoznanie. Opyt Andreia Belogo* [*Literature as Self-Knowledge. The Experience of Andrey Bely*]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2020. 342 p. (In Russ.)

36 Podoroga, V.A. *Mimesis: materialy k analiticheskoi antropologii literatury* [*Mimesis: Materials for the Analytical Anthropology of Literature*], vol. 1: N. Gogol, F. Dostoevsky. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, Logos, Logos-Al'tera Publ., 2006. 688 p. (In Russ.)

37 Podoroga, V.A. *Mimesis: materialy k analiticheskoi antropologii literatury* [*Mimesis: Materials for the Analytical Anthropology of Literature*], vol. 2/1: Ideia proizvedeniia. Experimentum crucis v literature XX veka. A. Belyi, A. Platonov, gruppa Oberiu [*The Idea of the Work. Experimentum Crucis in the Literature of the 20th Century. A. Bely, A. Platonov, Oberiu Group*]. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2011. 608 p. (In Russ.)

38 Podoroga, V.A. *Antropogrammy. Opyt samokritiki: s prilozheniem diskussii* [*Antropogrammy. The Experience of Self-Criticism: With the Appendix of the Discussion*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2017. 335 p. (In Russ.)

39 Poseliagin, N.V. "Rannii rossiiskii strukturalizm: "dolotmanovskii" period" ["Early Russian Structuralism: the "Pre-Lotman" Period"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, 2011, pp. 118–134. (In Russ.)

40 Radionova, A.V. *Liro-filosofskii metatekst v russkoi literature* [*Lyro-Philosophical Metatext in Russian Literature*]. Smolensk, SmolGU Publ., 2019. 410 p. (In Russ.)

41 Ryklin, M.K. "Soznanie i rech' v kontseptsii M.M. Bakhtina" ["The Consciousness and the Concept of M.M. Bakhtin"]. Gogotishvili, L.A., and P.S. Gurevich, editors. *M.M. Bakhtin kak filosof* [*M.M. Bakhtin as a Philosopher*]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 175–189. (In Russ.)

42 Semenova, S.G. *Metafizika russkoi literatury*: v 2 t. [*Metaphysics of Russian Literature: in 2 vols.*] Moscow, PoRog Publ., 2004. (In Russ.)

43 Solntseva, N.M. “Poeticheskoe evraziistvo S.A. Esenina i literaturnyi kontekst” [“S. Yesenin’s Poetic Eurasianism and Literary Context”]. *Sergei Esenin: Lichnost’. Tvorchestvo. Epokha* [Sergey Yesenin: Personality. Creation. Epoch]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 67–87. (In Russ.)

44 Solntseva, N.M. “Slovo v vozzreniiakh Ia. Beme i N. Kliueva” [“The Word in the Views of J. Boehme and N. Klyuev”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriia 9, Filologiia*, no. 4, 2019, pp. 22–36. (In Russ.)

45 Spivak, R.S. *Russkaia filosofskaia lirika: Problemy tipologii zhanrov* [*Russian Philosophical Lyrics: Problems of Genre Typology*]. Krasnoiarsk, Izdatel’stvo Krasnoiarskogo universiteta Publ., 1985. 139 p. (In Russ.)

46 Spivak, R.S. *Russkaia filosofskaia lirika, 1910-e gody: I. Bunin, A. Blok, V. Maiakovskii* [*Russian Philosophical Lyrics, 1910s: I. Bunin, A. Blok, V. Mayakovsky*]. 2nd ed. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2005. 407 p. (In Russ.)

47 Stainer L.L. “Vvedenie. Filosofiia i literatura: kratkaia istoriia” [“Introduction. Philosophy and Literature: A Brief History”]. *Prostranstvo i vremia v russkoi filosofii i kul’ture: Sbornik trudov molodykh uchenykh* [*Space and Time in Russian Philosophy and Culture: a Collection of Articles by Young Scientists*]. Moscow, MAKS Press Publ., 2021, pp. 10–17. (In Russ.)

48 Starobinski, Jh. “Materiia idei (beseda s Sergeem Zenkinym)” [“The Matter of Ideas (Conversation with Sergey Zenkin)”]. *Inostrannaia literature,* no. 2, 2014, pp. 170–186. (In Russ.)

49 Stepanov, Iu.S. *V trekhmernom prostranstve iazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [*In the Three-dimensional Space of Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, and Art*]. 2nd ed. Moscow, Knizhnyi dom “LIBROKOM” Publ., 2010. 331 p. (In Russ.)

50 Stepanov, Iu.S. *Konstanty. Slovar’ russkoi kul’tury* [*Constants. Dictionary of Russian Culture*]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 992 p. (In Russ.)

51 Stepanov, Iu.S. *Kontsepty. Tonkaia plenka tsivilizatsii* [*Concepts. Thin Film of Civilization*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul’tur Publ., 2007. 248 p. (In Russ.)

52 Stepanov, Iu.S. *Mysliashchii trostnik. Kniga o “Voobrazhaemoi slovesnosti”* [*The Thinking Reed. A Book about “Imaginary Literature”*]. Kaluga, Eidos Publ., 2010. 167 p. (In Russ.)

53 Time, G.A. *Rossiia i Germaniia: filosofskii diskurs v russkoi literature XIX–XX vekov* [*Russia and Germany: Philosophical Discourse in Russian Literature of the 19th–20th Centuries*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011. 455 p. (In Russ.)

54 Usok, I.E. “Filosofskaia poeziia liubomudrov” [“Philosophical Poetry of Lyubomudry”]. Mann, Yu.V., and I.G. Neupokoeva, and U.R. Focht, editors. *K istorii russkogo romantizma* [*On the History of Russian Romanticism*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 107–128. (In Russ.)

55 Filippov, G.V. *Russkaia sovetskaia filosofskaia poeziia. Chelovek i priroda* [*Russian Soviet Philosophical Poetry. Man and Nature*]. Leningrad, LGU Publ., 1984. 205 p. (In Russ.)

56 *Filosofskie techeniia russkoi poezii* [*Philosophical Trends of Russian Poetry*]. 2nd ed. St. Petersburg, TipografiiaM. Merkusheva (B.N. Lebedeva) Publ., 1899. 394 p. (In Russ.)
57 Sineokaya, Iu.V., editor. *Filosofskie emanatsii liubvi* [*Philosophical Emanations of Love*]. Moscow, Izdatel'skii dom IaSK Publ., 2018. 576 p. (In Russ.)
58 Nikolsky, S.A., editor. *Chasy Ivana Turgeneva. Mezhdunarodnaia konferentsiia "I.S. Turgenev: filosofstvuiushchii pisatel' i politicheskii filosof. K 200-letiiu so dnia rozhdeniia". Vsemirnyi Den' filosofii 15 noiabria 2018 g.* [*Hours of Ivan Turgenev. International Conference "I.S. Turgenev: Philosophical Writer and Political Philosopher. For the 200th Anniversary of his Birth". The World Day of Philosophy on November 15, 2018*]. Moscow, Golos Publ., 2018. 376 p. (In Russ.)
59 Shlemova, N.A. *Estetika transtsendentnogo v tvorchestve Mariny Tsvetaevoi* [*Aesthetics of The Transcendent in Marina Tsvetaeva's Heritage*]. Moscow, Izdatel'stvo "Doma-Muzeia Mariny Tsvetaevoi" Publ., 2007. 160 p. (In Russ.)
60 Shokhin, V.K. "Tak nazyvaemyi paradoks khudozhestvennoi literatury i transtsendental'naia ontologiia" ["The So-Called Paradox of Fiction and Transcendental Ontology"]. *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, vol. 14, no. 1, 2021, pp. 20–35. (In Russ.)
61 Shchemeleva, L.M. "O russkoi filosofskoi lirike XIX veka: Na materiale tvorchestva M.Iu. Lermontova, E.A. Baratynskogo, F.I. Tiutcheva" ["On the Russian Philosophical Lyrics of the 19th Century: On the Work by M.Yu. Lermontov, E.A. Baratynsky, F.I. Tyutchev"]. *Voprosy filosofii,* no. 5, 1974, pp. 90–100. (In Russ.)
62 Bourbon, Brett. *Finding a replacement for the soul: Mind and meaning in literature and philosophy*. Cambridge, London, Harvard University Press, 2004. 273 p. (In English)
63 Bourne, Craig, Caddick Bourne, Emily, editors. *The Routledge Companion to Shakespeare and Philosophy*. London, Routledge, 2018. 630 p. (In English)
64 Carroll, Noël, Gibson, John, editors. *The Routledge Companion to Philosophy of Literature.* London, Routledge, 2015. 521 p. (In English)
65 Chojna, Wojciech. *Roman Ingarden's Philosophy of Literature: A Phenomenological Account.* Leiden, Brill Rodopi, 2017. 181 p. (In English)
66 Clark, Timothy. *Derrida, Heidegger, Blanchot: Sources of Derrida's Notion and Practice of Literature*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 219 p. (In English)
67 Clowes, Edith W. *Fiction's Overcoat: Russian Literary Culture and the Question of Philosophy*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2004. 296 p. (In English)
68 De Gaynesford, Maximilian. *The Rift in the Lute: Attuning Poetry and Philosophy*. Oxford, Oxford University Press 2017. 304 p. (In English)
69 Deutscher, Penelope. *The Philosophy of Simone de Beauvoir: Ambiguity, Conversion, Resistance*. New York, Cambridge University Press, 2008. 199 p. (In English)
70 Eldridge, Richard Thomas, editor. *The Oxford Handbook of Philosophy and Literature*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 542 p. (In English)
71 Feger, Hans, editors. *Handbuch Literatur und Philosophie*. Berlin, Heidelberg, Springer, 2012. 353 S. (In German)

72 Ghosh Ranjan, editor. *Philosophy and Poetry: Continental Perspectives*. New York, Columbia University Press, 2019. 336 p. (In English)

73 Gibson, John, editor. *The Philosophy of Poetry*. Oxford, Oxford University Press, 2015. 253 p. (In English)

74 Gibson, John. "Introduction: The Place of Poetry in Contemporary Aesthetics." *The Philosophy of Poetry*, ed. by J. Gibson. Oxford, Oxford University Press, 2015, pp. 1–16. (In English)

75 Gracia, Jorge J.E., Camurati, Mireya. *Philosophy and Literature in Latin America: a Critical Assessment of the Current Situation*. Albany, NY, State University of New York Press, 1989. 279 p. (In English)

76 Griffiths, A. Phillips, editor. *Philosophy and Literature* (Royal Institute of Philosophy Supplements, vol. 16). Cambridge, Cambridge University Press, 1984. 233 p. (In English)

77 Hagberg, Garry L., Jost, Walter. *A Companion to the Philosophy of Literature* (Blackwell Companions to Philosophy, vol. 45). Chichester, West Sussex, UK, Wiley-Blackwell, 2015. 552 p. (In English)

78 Halliburton, David. *Poetic Thinking: An Approach to Heidegger*. Chicago, University of Chicago, 1981. 235 p. (In English)

79 Kivy, Peter. *The Performance of Reading: An Essay in the Philosophy of Literature* (New Directions in Aesthetics, vol. 3). Malden, Blackwell Publ., 2009. 155 p. (In English)

80 Krasicki, Jan. *Dostojewski i laboratorium idei*. Warszawa, Biblioteka "Więzi", 2020. 263 S. (In Polish)

81 Kroon, Frederick, Voltolini, Alberto. *Fiction*. Available at: https://plato.stanford.edu/entries/fiction/ (Accessed 12 December 2020). (In English)

82 Kroon, Frederick, Voltolini, Alberto. *Fictional Entities*. Available at: https://plato.stanford.edu/entries/fictional-entities/ (Accessed 12 December 2020). (In English)

83 *La conscience de soi de la poésie: Colloques de la Fondation Hugot du Collège de France (1993–2004)*, sous la direction de Y. Bonnefoy. Paris, Seuil, 2008. 413 p. (In French)

84 Lacoue-Labarthe, Philippe, Nancy, Jean-Luc. *L'Absolu littéraire: théorie de la littérature du romantisme allemande*. Paris, Le Seuil, 1978. 444 p. (In French)

85 Lamarque, P. "How Can We Fear and Pity Fictions?". *British Journal of Aesthetics*, no 21, 1981, pp. 291–304. (In English)

86 Lamarque, Peter. *The Opacity of Narrative*. London, New York, Rowman & Littlefield International, Ltd., 2014. 213 p. (In English)

87 Lamarque, Peter. *The Philosophy of Literature*. Malden, MA, Blackwell, 2009. 329 p. (In English)

88 Lamarque, Peter. *The Uselessness of Art: Essays in the Philosophy of Art and Literature*. Brighton; Chicago; Toronto Sussex Academic Press, 2020. 186 p. (In English)

89 Lamarque, Peter, Olsen Stein Haugo. "The Philosophy of Literature: Pleasure Restored." *The Blackwell Guide to Aesthetics*, ed. by P. Kivy. Malden, Blackwell Publishing Ltd., 2004, pp. 195–214. (In English)

90 Lang, Berel. *The Anatomy of Philosophical Style: Literary Philosophy and the Philosophy of Literature*. Oxford; Cambridge, MA, B. Blackwell, 1990. 277 p. (In English)
91 McPeek, Robert C., Baldwin James A.S. *An Introduction to Philosophy through Literature*. New York, The Ronald Press Company, 1950. 595 p. (In English)
92 Mohaghegh, Jason. *New Literature and Philosophy of the Middle East: The Chaotic Imagination*. New York, Palgrave Macmillan, 2010. 234 p. (Literatures and Cultures of the Islamic World). (In English)
93 Nash, Christopher. *Narrative in Culture: The Uses of Storytelling in the Sciences, Philosophy, and Literature*. London, Routledge, 1994. 228 p. (Warwick Studies in Philosophy and Literature) (In English)
94 New, Christopher. *Philosophy of Literature: An Introduction*. New York, London, Routledge, 1999. 151 p. (In English)
95 Rudrum, David, editor. *Literature and Philosophy: A Guide to Contemporary Debates*. London, Palgrave Macmillan. 2006. 246 p. (In English)
96 Rudrum, David, Ridvan Askin, & Beckman, Frida, editors. *New Directions in Philosophy and Literature*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2019. 486 p. (In English)
97 Schroeder, Severin, editor. *Philosophy of Literature* (Ratio special issues, vol. 22, no. 4). Chichester, West Sussex; Malden, MA, Wiley-Blackwell, 2010. 140 p. (In English)
98 Selleri, Andrea, Gaydon, Philip, editors. *Literary Studies and the Philosophy of Literature: New Interdisciplinary Directions*. London, Palgrave Macmillan, 2016. 290 p. (In English)
99 Stellardi, Guiseppe. *Heidegger and Derrida on Philosophy and Metaphor: Imperfect Thought*. Amherst, NY, HB, Humanity Books, 2004. 286 p. (In English)
100 Stocker, Barry, Mack, Michael, editors. *The Palgrave Handbook of Philosophy and Literature*. London, Palgrave Macmillan, 2018. 779 p. (In English)
101 Takho-Godi, Elena A., editor. A Symbiosis of Russian Literature and Philosophy. Special issue. *Studies in East European Thought*, 2020, vol. 72, issue 3–4. (In English)
102 Takho-Godi, Elena A. “Methodological Approaches to Studying the Problem of Interaction Between Literature and Philosophy”. *Revista de Literatura e cultura Russa*, vol. 12, no. 18, 2021, pp. 402–418. (Dossiê Literatura russa e Filosofia.) (In English)
103 *Transcultural Studies*, vol. 15, issue 2, 2019, pp. 91–188. (In English)
104 Walmsley, Peter. *The Rhetoric of Berkeley’s Philosophy* (Cambridge Studies in Eighteenth-Century English Literature and Thought, vol. 6). Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 205 p. (In English)
105 Wood, David, editor. *Philosophers’ Poets*. London, Routledge, 1990. 200 p. (In English)

Научная статья /
Research Article

УДК 82.0
ББК 83

ПЕРЕОТКРЫВАЯ ЭВОЛЮЦИЮ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА МЕЖДУ ТАВТОЛОГИЕЙ И ОБНОВЛЕНИЕМ

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 29 июня 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 августа 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67

Аннотация: В статье предпринимается попытка проанализировать эволюцию художественного мышления как ключевого концепта системного изучения национальной литературы. Методологический спрос на полноту описания литературной динамики требует переоткрытия принципа эволюционности, которую можно охарактеризовать и как открытую систему смыслополагания, и как темпорально развернутую диалектику константного и изменчивого. В центре внимания — переходные состояния, пограничные явления, смысловые перекодировки, высвобождение новых возможностей национальной литературы, взрывные точки развития, когда художественное открытие воспринимается как слом инерционной нормативности. Реконструируются концептуальные положения А. Бергсона, Г. Гуковского, Ю. Тынянова, которые предложили целевую разработку постулата «литература как система» в органической связи с литературной эволюцией.

Ключевые слова: эволюция, переходность, традиция, взрыв, форма смещения, стадиальность, А. Бергсон, Ю. Тынянов, Г. Гуковский.

Информация об авторе: Казбек Камилович Султанов — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом литератур народов РФ и СНГ ИМЛИ РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4173-2075

E-mail: sulkaz@inbox.ru

Для цитирования: *Султанов К.К.* Переоткрывая эволюцию: национальная литература между тавтологией и обновлением // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 42–67. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

RE-DISCOVERING EVOLUTION: A NATIONAL LITERATURE BETWEEN TAUTOLOGY AND RENEWAL

© 2021. Kazbek K. Sultanov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: June 29, 2021
Approved after reviewing: August 17, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: This article attempts to analyze the evolution of literary thinking as a key concept in the systematic study of a national literature. Methodological requirements to describe literary dynamics as completely as possible prompt a rediscovery of the evolutionary principle, which can be characterized both as an open system of meaning-making and a dialectic of the constant and the changeable contingent on the temporal factor. The focus of this paper is on transitional states, borderline phenomena, semantic re-coding, the release of new possibilities of a national literature, and explosive points of literary development when artistic discovery is perceived as a breakthrough challenging inertial normativity. The article reconstructs concepts of A. Bergson, G. Gukovsky, and especially Yu. Tynyanov who developed the notion of "literature as a system" in its natural relation to literary evolution.

Keywords: evolution, transition, tradition, explosion, displacement, stages, A. Bergson, Yu. Tynyanov, G. Gukovsky.

Information about the author: Kazbek K. Sultanov, DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Literature of the Peoples of Russia and CIS, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4173-2075

E-mail: sulkaz@inbox.ru

For citation: Sultanov, K.K. "Re-discovering Evolution: A National Literature between Tautology and Renewal." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 42–67. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67

За семь лет до публикации «Происхождения видов» (1859) Ч. Дарвина появилась статья Г. Спенсера «Гипотеза развития», выдвинувшая идею последовательности необратимых изменений культурных феноменов, — эволюция предстала как живая пульсирующая цепочка переходных состояний.

Наглядную метафорику эволюционного становления или творческого процесса предложил Г. Гегель в своей «Феноменологии духа» (1807, первое издание): «Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого» [10, с. 9].

Литературная эволюция — это не столько обновляемая фактография изданий, сколько их аксиология, распознающая признаки нового мировидения в его соотнесенности с напряженной взаимообусловленностью инерции и креативности, старого и нового, притяжения и противостояния. Эволюционность предполагает, помимо обновляемости диапазона жанрово-стилевых трансформаций, аккумулирование свода знаний о национальной литературе. Добавим и такое атрибутивное качество как обусловленность сменой культурных парадигм и, если брать шире, эпох, которая воспринимается, на первый взгляд, эмоционально-нейтрально в отличие от более выразительных событий: разлом, разрыв, распад, например, империи

и, как следствие, революция и гражданская война, которые есть нечто большее, чем мирная смена жизненного уклада.

В ситуации перехода литература переживает перераспределение доминантных смыслов и мировоззренческих сдвигов в пользу новых возможностей письма и расширения поля эстетических новаций. В статье Г.В. Флоровского «Русская философия в эмиграции» (1930) выделены «критические и разрывные точки, водоразделы эпох, когда вскрывается недостаточность наличного опыта и загорается пророческая жажда новых умозрительных откровений и открытий. <…> Эта новая очевидность определяет перелом, поворот пути» [26, с. 336]. Через три года П.М. Бицилли задал сакраментальный вопрос о соотнесенности темпоральной непрерывности истории и изобретенных конструктов «период», «эпоха»: «Историческая жизнь течет непрерывным потоком. Она есть не что иное, как безостановочное становление, то есть изменение. Если это так, то как возможна историческая периодизация?» [5, с. 3].

Под символическую диктовку исторических катаклизмов формировалась система периодизации, но она не настолько изоморфна, чтобы реагировать на разрывы и вовлекать в свой состав экстремальные культурные реалии: неравномерность, скачкообразность, иррегулярность, нестройность, неупорядоченность. Если перестройку стиля в Новое время определять как «путь стиля внутрь» (А.В. Михайлов), то художественное сознание явно недооценивается, когда подверстывается под хронологическую классификацию, позиционирующую себя как экспликацию внешней календарной событийности. Всё еще доминирует нейтрально-хронологический подход как условно-ограничительная разметка литературного процесса: хронологический релятивизм достаточно схематичен, чтобы отличаться невниманием к структурно-семантическим сдвигам, порождающим динамику художественного сознания. Современное литературоведение сдержанно, чтобы не сказать скептически, относится к «кабинетной» хронологии, непереводимой на язык внутрилитературных когнитивных изменений.

Что касается «смены эпохи», то в принципе обозначить ее нерушимые — от и до — хронологические границы невозможно. Мы не можем безошибочно датировать (месяц, год) начало эпохи Возрождения, но можем укрупнить экспозицию начала и эпилога — с XIV до XVI вв. История литературы и культуры традиционно апеллировала к разноплановым кри-

териям выделения эпохи: эпоха Просвещения, эпоха распада метанарративов или, например, эпоха Николая I, сущность которой в «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д.Н. Овсянико-Куликовского сводилась к «нерешительности в проведении реформ и настойчивости в проведении мер для укрепления абсолютизма» [12, с. 231]. В этой же «Истории...» 60-е гг. XIX в. аттестуются то как «эпоха доверия и начало диференциации (так в оригинале. — *К.С.*) в обществе», то как «конец реформаторской деятельности правительства и разгар реакции» [13, с. 41, 47]. Размытость характеристики общественного сознания эпохи не препятствует уточнению границ по другому основанию: от смерти Николая I (1855) до гибели Александра II (1881).

Идея эволюционности работает на взаимозависимых уровнях: название книги Г.Д. Гачева «Айтматов и мировая литература» гиперболизировало, с одной стороны, национально-литературную практику, но, с другой, отсылало к уровню макросистемы, вбирающей в себя динамику разнонациональных художественных достижений. К числу ее доминирующих компонентов относятся такие базовые понятия, как трансгрессия, пассионарный толчок, приращение смысла и, как следствие, смена ценностных парадигм.

Ф. Рабле «хочет продолжения жизни, — подчеркивал М.М. Бахтин, — с сохранением <...> ценностей для других поколений; он хочет увековечивания не какого-то статического состояния блаженной души, но именно сохранения жизненной смены, вечных обновлений, чтобы старость и дряхлость расцветали бы в новой юности». По существу это и есть подлинная деконструкция, ориентированная не столько на тотальное отрицание прошлого, сколько на выявление новых возможностей развития. Более того, «раблезианское выражение» предрасположено к «непрерывному, но противоречивому единству жизненного процесса, не умирающего в смерти, а, напротив, торжествующего в ней, ибо смерть есть омоложение жизни» [3, с. 441].

Для российских национальных литератур дискурс переходности типологичен — достаточно обратиться к современной характеристике природы их генезиса, чтобы выявить общезначимую закономерность эволюционного перехода от национальной мифологии к героическим усилиям просветителей, от фольклора как формы коллективного самоопознания к творческой, т. е. собственно литературной субъектности, от анонимности к авторской индивидуальности, от устного к письменному.

Если воспринимать эволюцию как историю «соотношения новшеств и повторений» или «комбинации повторения и уникальности» [15], то следует признать, имея в виду, например, северокавказскую литературу, что тавтологичность сюжетной тематики, психологических коллизий, поведенческих мотиваций персонажей, автостереотипов и предрешенности «правильного» авторского замысла явно превышала новаторские претензии, препятствуя раскрепощению творческого потенциала.

Релятивизация понятия «эволюция» проявлялась прежде всего в свертывании эстетических критериев, о чем свидетельствовал некогда популярный жанр историко-революционного романа, заведомо обреченного на признание и одобрение апробированной стереотипизации сюжетных линий — одну из различных жанровых разновидностей выдавали за образцовую модель для подражания. Толкование эволюции отличалось однозначной прямолинейностью, предполагавшей обязательность прогресса как непременного «восхождения к зрелости» (популярное название статей о национальных литературах) — эта навязчивая «идея», вовлеченная в изучение национальной литературы на правах идеологической установки, оказалась слишком некорректной по отношению к живому литературному процессу.

Утрата императивности одного метода (социалистический реализм) привела не только к методологическому вакууму, но и к распаду сакрализованной доминанты прогрессизма как процесса однолинейного, непременно восходящего к «расцвету». Суть не в прогрессе, а в предписанной литературному процессу целенаправленности, заведомо упразднявшей представление о неоднозначной природе литературной эволюции, которая знала не только «взлеты», но и «спады», не только «расцвет», но и «закат» — у каждой литературы свой взлет и свой надлом.

Теория прогресса применительно к литературному процессу представлялась О.Э. Мандельштаму «прямо-таки убийственной». В статье «О природе слова» (1922) он решительно полемизировал с «точкой зрения», согласно которой писатели «участвуют в конкурсе изобретений на улучшение какой-то литературной машины, причем неизвестно, где скрывается жюри и для какой цели эта машина служит». Если же квалифицировать смену форм как факт литературной эволюции, то надо признать, что «каждая смена, каждое приобретение сопровождается утратой, потерей» [20, с. 56, 57].

В недавнем прошлом эволюция пребывала в тени соцреализма, но и сегодня не распознается в полной мере, находясь на обочине доминирующего интереса к идентичности, которая конституируется нередко как категорический императив или вневременной набор устойчивых этико-поведенческих и ритуальных требований, хотя идентичность, как и всякое явление, эволюционирует, меняется и обновляется — вплоть до утраты некоторых традиционных ценностей. Эволюция коррелирует с «повествовательной идентичностью» (П. Рикер), но сама проблематика идентичности приобрела в постсоветской дискурсивной практике самодовлеющую значимость субстрата национального самосознания как чего-то неизменного, по отношению к которому эволюции отводится периферийная роль.

Стоит также напомнить, что литература — субстанция вербальная, сфера собственных изменений и собственных обновляемых тенденций. Со времен Аристотеля философия связывала возможности и природу изменения с внутренним принципом развития — литература, конечно, не исключение. Для нее структурно-семантическая перекодировка смыслов, переоценка ценностных предпочтений — не фатальный тупик, не камень преткновения, а генератор латентных изменений. Самодостаточная творческая стратегия ориентирована на продуцирование критической рефлексии, покидающей пределы устоявшейся нормативности.

Переход, например, к реализму А.В. Михайлов квалифицировал как «слом гигантского значения» или «резкость слома», проиллюстрированная сопоставлением пушкинского Германа и Раскольникова из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского. Принято метафору взрыва как перехода границы связывать с книгой Ю.М. Лотмана «Культура и взрыв», хотя и в трудах А.В. Михайлова обстоятельно показано, что уже в XVII в. литературу привлекали не переходы, но «заключенный в вещах взрыв, который в мгновение ока высвободит запертую в вещи духовность конечного смысла». В барокко «подспудно созревают семена нового поэтического мышления», его стилевая система подвела слово к пределу, по ту сторону которого возможно взрывное обновление. Образ и вдохновляющий пафос взрыва высвобождающего «духовность конечного смысла» привлекал писательское сознание уже в XVII в., когда классицизм противостоял «всеобъемлющей стихии барокко», но оставался «на узкой полоске “отвоеванной” у него стилистики». Следующий век стал веком

классицизма, а «барокко ушло в подполье, в массовую литературу» [23, с. 373, 347, 348, 356].

В работе «Переход от Гоголя к Достоевскому» С.Г. Бочаров акцентировал «глубокую обусловленность раннего Достоевского Гоголем», из которой он «выходит» и делает «поворот». Его расшифровку он находит у М.М. Бахтина, который в 1929 г. («Проблемы творчества Достоевского») высказал мысль о том, что в гоголевском мире «Достоевский произвел как бы в маленьком масштабе коперниковский переворот…», т. е. этот мир остался, «негоголевского материала почти не было привнесено», но существенно иным оказалось распределение структурных элементов и «мир стал выглядеть по-новому» [6, с. 161, 176, 177].

Метафорическая насыщенность «коперниковского переворота» очевидно выдает его взрывной характер. Эволюцию и взрыв, по Ю.М. Лотману, связывает комплементарность отношений, когда речь идет о «преодолении фатального выбора между застоем и катастрофой». Но можно говорить и о двойственности ситуации, о существенном различении эволюции и взрыва: первая означает «непрерывность как осмысленную предсказуемость», второй выступает как антитеза, символизируя «непредсказуемость, изменение, реализуемое в порядке взрыва». Лотман прибегает к выразительной образности: «Заминированное поле с непредсказуемыми местами взрыва и весенняя река, несущая свой мощный, но направленный поток, — таковы два зрительных образа, возникающих в сознании историка, изучающего динамические (взрывные) и постепенные процессы» [16, с. 146; 17].

Свойственный эволюции модус принципиальной открытости как незавершенности противостоит телеологическому подходу к литературе как процессу целенаправленной завершенности, исчерпанности, осуществленности. Вопрос о сомнительном «мыслительном усилии, мгновенно превращающем броуновское движение культуры в каузальную цепочку событий» поставил Б. Гаспаров: «…стиль зрелого Пушкина синтезировал стилевые тенденции карамзинской школы и младших архаистов», но возникло «раздирающее противоречие между острым чувством современности <…> и старомодностью, даже устарелостью, не позволяющей ему <…> полностью войти в XIX век» [9].

Основополагающей остается реинтерпретация литературного эволюционизма, предопределенная сосредоточенностью, как писал Б.М. Эйхенба-

ум в статье «Литературный быт», на той «основной роли», которую «играет сама литературность — элемент настолько специфический, что его изучение может быть плодотворным только в плане собственно эволюционном» [27].

Модификации, формирующие динамику художественного сознания, отличает качество необратимости, философски акцентированное Н. Луманом в работе «Риск и опасность»: «...всё, что происходит, происходит необратимо <...> структурные необратимости являются незаменимым условием эволюции». Если «всё в любой момент должно иметь возможность стать другим» [19], то суть эволюции обусловлена незавершаемой практикой продления литературного процесса — творчество не знает остановки. Метафизически значимой незавершенности литературных событий сопутствуют читательский интерес и стабильная практика интерпретаций, ни одной из которых не дано претендовать на окончательный вердикт.

Если рассматривать литературную эволюцию как систему структурно-семантических «перетеканий», то жанр и стиль выступают как накопители и индикаторы эволюционирующей литературности или, как предпочитал говорить А.В. Михайлов, «интуиции живого роста литературы». Прочно присутствующая в научном обороте бахтинская «память жанра» ориентирует на особенное значение жанров, которые утверждались как «твердые формы для отливки художественного опыта» [28, с. 599]. Эта твердость, по М.М. Бахтину, изоморфна внутренней мобильности: «Жанр всегда и тот и не тот, всегда стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра» [29, с. 120].

Почему же сегодня важно не столько констатировать, сколько проблематизировать эволюцию?

К числу заметных постсоветских трендов относится тенденция долгожданного возвращения в лоно родной литературы имен и текстов, ранее заблокированных по внелитературным соображениям, которое, безусловно, стимулировало отказ от упрощенного подхода к национальной литературе. Литературная диаспора во многих литературоведческих разработках стала классифицироваться как полноценная часть «материковой» литературы.

Постидеологическая реконструкция полноты литературы развернулась под знаком филологической самоактуализации, но артикулировалась

и этнокультурная предзаданность как чуть ли не единственный идентификатор литературной эволюции. На фоне этнокультурной эйфории диахронический подход, тяготеющий к восполнению объема, существенно ограничил возможности синхронии и, следовательно, ослабил значение и статус межлитературной коммуникации, которая воспринималась как осколок былого интернационализма и реанимация языка «дружбы народов».

Тем не менее былое инерционное и ограниченное представление о целостности и непрерывности национальной литературы закономерно уступило место научной потребности в бесцензурном воссоздании литературной динамики. Сложилась принципиально иная ситуация, куда более насыщенная и усложнившаяся, чем предыдущий литературный процесс, пропущенный через идеологические фильтры.

Задача восстановления баланса между традиционными ценностями и инновационными сдвигами приобрела во всех российских национальных литературах программный характер. Интенсивность восполнения неурезанной целостности, представление о многомерности литературного процесса и потребность в обосновании его непрерывности соотносимы не только с писателями первой величины (М. Сеспель в чувашской, Г. Тукай в татарской, К. Хетагуров в осетинской, А. Кулаковский в якутской, К. Мечиев в балкарской литературах и др.), но и с осознанным неотстранением тех литераторов, которые нередко обрекались на забвение благодаря филологическому невниманию к «застывшим» в прошлом именам и текстам.

Смена культурной парадигмы не отменяет принцип динамической взаимообусловленности традиционно обостренных бинарных оппозиций: традиция и модерность, повторяемость и обновление, преемственность и разрыв, различия и универсальность латентно присутствуют при любом переформатировании их взаимоотношений.

В период кризисов и переходов, поощряющих переоценку ценностей, динамика «определяется размахом колебаний между безмятежностью правила и беспокойством исключения, между самоуспокоенностью формы и тревожной подвижностью литературного материала». Характеристика классицизма и барокко позволила авторам нисколько не утратившего актуальность исследования «Категории поэтики в смене литературных эпох» (1994) выделить в референции первого этапа Возрождения тот факт, что «старые жанры легко входят в новые жанровые образования, легко усту-

пают друг другу темы, образы, приемы». Но эта легкость, продиктованная сохранением формальной структуры жанра, получает свою конструктивную расшифровку: «...резко меняется его идейно-содержательное наполнение...». Классицизм в XVII в., наследуя систему жанров позднего Возрождения, «не совершает в ней значительных перестановок, но существенно уточняет акценты». Или традиционная трактовка соперничества романтизма и реализма, сосуществование которых определило «основное литературное содержание эпохи»: «В XIX в. бытие каждого из двух направлений тесно связано с присутствием другого». Более того, именно романтизм и реализм, обнаруживая единение, «с особой остротой поставили проблему национальной специфики литературы, которая во всей своей полноте — как проблема исторической поэтики (с этим связано и введение понятия “всемирная литература”) — осознается именно в это время». Перенос акцента на литературную конкретику позволил выявить тот факт, что немецкая литература не знала последовательности перехода от романтизма к реализму, как это было во Франции, и прошла «буферный период, т. н. “бидермейера” <...> тенденции старого и нового не получают ясного разрешения, а идут на длительный компромисс» [1, с. 29, 30, 38, 37].

В известной книге А. Бергсона «Творческая эволюция» (1907) семантический потенциал слова «творческая» распространяется предельно широко — на жизнедеятельность как таковую, включая культурные и литературные ценности. Жизнь, воспринятая как изобретение, «тоже представляет собой творчество» и потому «превосходит целесообразность». Для А. Бергсона жизнь располагается как «порядок жизненный или исходящий от воли», противостоящий «второму порядку инерции и автоматизма» [4]. Такой взгляд на жизнь как творчество неизбежно нуждается в артикуляции выхода за отмеренные пределы инерции и автоматизма, в признании взрывчатой силы, которую «жизнь несет в себе и которая порождается неустойчивым равновесием тенденций» [4]. Взрывчатость соприродна творчеству, но, уточняет А. Бергсон, «сознание, представляющее собой потребность творчества, проявляется только там, где творчество возможно. Оно засыпает, если жизнь осуждена на автоматизм; оно пробуждается, как только вновь возникает возможность выбора» [4].

Неоднократно повторяемое понятие «изобретение» — вплоть до того, что «или время есть изобретение, или оно ничто» — становится клю-

чевым компонентом трактовки «истинной длительности», смысл которой сводится не только к «непрерывной изменчивости, сохранению прошлого в настоящем», но и к созданию форм» [4]. А. Бергсон отказывает «чисто логической форме» в понимании «истинной природы жизни, глубокого значения эволюционного движения» — последнее именуется и «органической эволюцией», приближающейся «к эволюции сознания, где прошлое напирает на настоящее и выдавливает из него новую форму, несоизмеримую с предшествующими». Проницательно отслеживается соотносимость эволюции и значительной «доли случайности»: «...случайны чаще всего формы» [4], которые усваиваются или изобретаются.

Общая мысль философа об автоматизме, о создании форм и набухающей «новой форме», о факторе случайности отозвалась через двадцать лет в литературоведческом анализе эволюции форм и функций, обстоятельно представленном в двух внутренне связанных — с интервалом в три года — статьях Ю.Н. Тынянова «Литературный факт» (Леф. 1924. № 2) и «О литературной эволюции» (На литературном посту. 1927. № 10). Проблематика литературной эволюции затрагивалась и в таких работах, как «Архаисты и Пушкин», «Проблемы изучения литературы и языка» (в соавторстве с Р.О. Якобсоном), «О пародии».

В научных комментариях к статье Ю.Н. Тынянова «Литературный факт» подчеркивается перспективность тыняновской концепции литературной эволюции как «основы будущей научной истории литературы», хотя затронут и вопрос о правомочности использования им понятия «эволюция» в связи с полемической позицией П.Н. Медведева: «По формалистической концепции между сменяющимися в истории литературы формами нет никакого отношения эволюционного характера, как бы широко мы ни понимали слова "эволюция" и "развитие" <...>. Борьба и смена вовсе не являются принципом эволюции <...>. Для того чтобы обнаружить эволюционную связь, нужно показать нечто совсем другое: нужно показать, что два явления существенно связаны между собой и одно — предшествующее — существенно и необходимо определяет другое — последующее. Этого-то как раз Тынянов и не показывает» [22, с. 220, 221].

Подход Ю.Н. Тынянова не приемлет ригидность неподвижных дефиниций, которые «сметаются фактом эволюции» [25, с. 257]. Убедительный пример: пушкинская «поэма» «Руслан и Людмила» была «не-поэмой» по

тогдашним меркам, но несла в себе «революционную суть» — происходит «не планомерная эволюция, а скачок, не развитие, а смещение» и «не-поэма» предстает поэмой [25, с. 256].

Приоритетное понятие «смещение» затрагивает «не только границы литературы, ее “периферию”, ее пограничные области»: «...дело идет о самом “центре”: не то, что в центре литературы движется и эволюционирует одна исконная, преемственная струя, а только по бокам наплывают новые явления, — нет, эти самые новые явления занимают именно самый центр, а центр съезжает в периферию» [25, с. 257].

Впервые в отечественной филологии Ю.Н. Тынянов выдвинул идею децентрализации применительно к литературе: постановка вопроса в 1920-е гг. была, несомненно, перспективной и выходящей за пределы нормативного гуманитарного знания. Смещение жанра, как и стиля, переформатирует жанровую конфигурацию литературного ландшафта, располагая к «ощущению смены», гарантирующей подлинность наследования: «...Державин наследовал Ломоносову, только сместив его оду <...> Пушкин наследовал большой форме XVIII века, сделав большой формой мелочь карамзинистов <...> они и могли-то наследовать своим предшественникам только потому, что смещали их стиль, смещали их жанры» [25, с. 258].

Две тыняновские метафоры призваны подчеркнуть динамичность и непрерывность эволюции, когда невозможно «подменить эволюционную точку зрения статической»: «Нельзя судить пулю по цвету, вкусу, запаху <...> она судима с точки зрения ее динамики...» [25, с. 260]. Второй пример также дезавуирует статический подход, склонный «оценивать качества ядра вне вопроса о полете <...> “Ядро” может быть очень хорошим на вид и не лететь, т. е. не быть ядром, и может быть “неуклюжим” и “безобразным”, но лететь хорошо, т. е. быть ядром» [25, с. 258].

Проблематика «Литературного факта» нашла свое теоретико-систематизированное продление в работе «О литературной эволюции» (первая публикация в журнале «На литературном посту» под названием «Вопрос о литературной эволюции»). Ю.Н. Тынянов предложил смысловую дифференциацию «двух главных типов» — генезиса и эволюции, которая позиционирует себя как «смена систем». Сам по себе характер смены («то медленный, то скачковый») не гарантирует «внезапное и полное обновление», но предполагается проявленность «новой функции» формальных элементов. Тынянов

возвращается к этой мысли через два года в статье «О пародии» (1929): эволюция «совершается не только путем изобретения новых форм, но и, главным образом, путем применения старых форм в новой функции» [25, с. 293].

Конкретизация литературной эволюции находит себя в перестройке жанровой системы, которая предстает «либо жанровой комбинированностью, либо даже полным исчезновением тех или иных жанров», о чем свидетельствует «борьба» оды и элегии и «победа» элегии. Если же стремиться к точной формулировке жанра, то мы «должны будем отступить перед текучестью явления» [25, с. 301]. Эта идея из ряда ключевых прозвучала за пять лет до появления статьи «О пародии»: в «Литературном факте» Ю.Н. Тынянов отказался от статической характеристики жанра как в принципе невозможной, ибо «жанр смещается» [25, с. 256].

В истории отечественного литературоведения концепция эволюции, основанная на поступательной диахронии в действии, неоднократно корректировалась и оспаривалась как априорно установленная и преходящая нормативность.

Один из примеров — теоретическая идеологема «ускоренное развитие», выдвинутая Г.Д. Гачевым в начале 60-х гг. XX в. и воспринятая как сценарий развития «младописьменных» литератур в формате отдаленности и отделенности от принципа эволюционной стадиальности.

Упорядоченная, но и облегченная версия становления национальной литературы — результат исследовательской рефлексии, адекватно отреагировавшей на идеологический запрос. При соположении «ускоренного развития» и «эволюции» нетрудно заметить их эпистемологическую несовместимость. Если эволюция отсылает к действующему в теле литературы стадиально-формационному принципу, то проект «ускоренного развития» ассоциировался с системой разрешений, ограничений и снисходительного похлопывания по плечу «младописьменных», фактически отстраненных от школы литературной эволюции.

Суть не в том, что идея ускоренного развития продуцирует скачкообразный переход в другое состояние, инициированное общественно-политическими реалиями, а в том, что потенциальная возможность вовлеченности в макросферу стадиальности — независимо от исторического возраста литературы — становится как бы фатально недоступной для национальной литературы.

Внешние факторы (революционные взрывы, радикальные пертурбации, трагически неразрешимые коллизии депортаций, утопические проекты, насильно настаивающие на своей значимости) по-своему, но непременно властно обязывали откликаться на событийность, поощряя прыжки через ступени, если говорить о становящемся литературном сознании.

Риторика «ускоренного развития», как и декларация метафорического перепрыгивания через стадии, не могла не обернуться упразднением эстетических критериев и, следовательно, трактовки литературы как системы ценностей. Унифицирующий взгляд на судьбу национальных литератур обособлял их под знаком «ускоренного развития» от спонтанности и непредсказуемости, столь важных для подлинного творчества.

Одним из проявлений этой привнесенной квазиупорядоченности как программного отказа от стадиальности в пользу аморфного ускорения стало массовое псевдолитературное сочинительство, которое выдавали за художественный текст по самому факту издания. Нельзя сказать, что эту гипотезу отличает эквивалентность между социологически мотивированной версией национально-литературного становления и волей к самопостижению и самосозиданию.

Идея эволюционирования предполагает усложнение авторского мировидения и внутрилитературных функциональных связей, но не объединяющее национальные литературы приглашение в мир тотальной ускоренности. Проект «ускоренного развития», минуя живую неравномерность становления национальных литератур, их разностадиальность и разноуровневость, был одновременно и единодушно принят на местах, приобретая некий обязательный характер. Методологическая установка на ускоренность, отстаивавшей необязательность прохождения через универсально значимые стадии и тем не менее получившей широкий резонанс в многонациональном культурном пространстве, оказалась нерезультативной из-за прогрессирующего оправдания художественно несостоявшихся произведений.

Национальная литература становится на ноги, отличаясь «лица необщим выраженьем», не столько благодаря внешним социокультурным факторам, которые, разумеется, важны, но в меру, сколько изнутри осознанного самоопределения, самоутверждения, самолегитимации и креативного повзросления, когда ускоренность становится возможной как индивидуальный «акт-поступок» (М. Бахтин) талантливого автора.

Сегодня заметно активизировалась позиция, согласно которой для «миноритарной литературы» приемлемо или ускоренное, или догоняющее развитие по отношению к «большой» литературе. Напомним, что слово «миноритарий» адресовано меньшинству владельцев акций, которые, в отличие от мажоритариев, никак не влияют на ситуацию. Само словосочетание «миноритарная литература» упрощает, обедняет и снижает статус молодых литератур, заведомо отброшенных от некоей магистральной дороги.

Название книги Г.Д. Гачева «Ускоренное развитие литератур» запомнилось, но подзаголовок — «на материале болгарской литературы первой половины XIX в.» — не удостоился пристального внимания, оставаясь в тени. Экстраполяция идеи ускоренности на российские национальные литературы возможна, но не стоит избегать содержательных оговорок, забывая о существенном отличии одной из европейской литератур от самобытности и одновременно множественности литератур российских народов.

Ссылаясь на якутский литературный опыт, Г.Д. Гачев писал о радикальной трансформации родового строя к социалистическому преобразованию. Ключевое слово, понятно, «социалистический», т. е. решающая роль отводится некогда важному, но все-таки внешнему и недолговременному фактору. Национальная литература получает внелитературный пассионарный толчок и, хочет она этого или нет, оказывается в зоне стяжения, внутренне мотивированного ускоренным развитием.

Известно, чем закончилось это стяжение всего и вся к соцреалистическому канону, принципиально не совпадающее с внутренней целью и творческим выживанием национальной литературы, критерием понимания которой было сплошное восхождение от чего-то низшего к чему-то высшему.

«Достаточно ли прочны сооружения, — спрашивал Н.М. Карамзин в «Письме в “Зритель” о русской литературе» (1797), — воздвигаемые с излишней поспешностью?.. Блистательная иррегулярность может ли быть устойчивой и прочной?» [14, с. 453]. Вопросительная, а не утвердительная, интонация Н.М. Карамзина выдает проблематичность установки на культурное замедление, косвенно оспаривающей последовательность стадиального развития. Выдавая механизм перескакивания за некий алгоритм становления национальной литературы, концепция ускоренного развития отменяет тем самым принцип эволюционной историзации в пользу имита-

ционного прыжка. «Рывок, в результате которого за десятилетия, — отметила И.Л. Попова в работе «Литература и теория литературы», — удается преодолеть путь, на который другим народам понадобились столетия, создает иллюзию движения вперед, позволяя с наивной увлеченностью изобретать велосипед» [24].

Если на «ускоренное развитие» продолжают ссылаться, то в полном забвении ее литературоведческий антипод — статья Г.А. Гуковского «О стадиальности истории литературы» (1943), основной тезис которой сводится к тому, что каждая национальная литература проходит последовательные и принципиально значимые стадии: «Пусть литература одного народа пройдет определенную данную стадию <...> на двести лет раньше или позднее литературы другого народа, — но она непременно пройдет эту стадию, хотя бы в сокращенном, свернутом виде, независимо от влияний извне». В сокращенном виде, но не утрачивая точки опоры эволюционизма, — это все-таки лучше и серьезнее, чем ускоренно пролетающий мимо станций (стадий) поезд той или иной национальной литературы.

Смена стадий неукоснительна и обязательна — это, по Г.А. Гуковскому, «предрешенный порядок», т. е. та же знакомая по концепции ускоренного развития обязательность. Но вот существенная разница, то, чего нет у Г.Д. Гачева — внутрилитературные противоречия как двигатель процесса, реализуемые в качественном скачке художественного мышления. Это исходный пункт фундаментальных перемен — переходы от классицизма к романтизму от романтизма к реализму, от критического реализма к социалистическому.

Неизбежно на глубине каждой стадии кристаллизуется ядро нового противоречия, требующее очередного скачка в развитии. Г.А. Гуковский выделяет «прогрессивное зерно» предшествующего этапа — оно не исчезает вместе с ним, но всякий раз остается жить «в новом качестве», включаясь в систему последующего этапа. Последующий период складывается внутри предшествующего, но и несет в себе отрицание: «...являясь на свет, выступает как могильщик своего предшественника, как его враг и разрушитель» — надо признать, позиция и обращение к эмоционально напряженному слову «могильщик» выдают до боли знакомую интонацию вульгарного социологизма.

Вне отрицания, считал Г.А. Гуковский, нет преемственности: этапы связывает отрицание друг друга, каждый «в самом принципе своем отли-

чается и от своего предшественника и от своего преемника». Его подвела неизбежная в ту эпоху апелляция к «предрешенному порядку»: «общество, нормально развиваясь, непременно проходит определенный порядок формаций <...>, значит <...> и искусство, выражая это стадиальное движение общества, непременно должно пройти те этапы, которые <...> соответствуют закономерным этапам общественного бытия». Г.А. Гуковский идет даже дальше: «искусство не саморазвивается».

В.М. Маркович, исследователь наследия Г.А. Гуковского, резонно спрашивал: «Почему же искусство так неотрывно привязано к порядку общественного развития?.. почему следует думать, что оно не саморазвивается?». Ответ Г.А. Гуковского на подобного рода вопросы иначе не назовешь, как безапелляционным: «...оно растет на дереве общества». Как точно заметил В.М. Маркович, «теоретическая конструкция держится на образном сравнении. Оно по-своему убедительно, однако это убедительность внушения, а не доказательства» (см.: [21, с. 15–21]).

Но есть и такое немаловажное обстоятельство, о котором напомнил В.М. Маркович: в своих «Лекциях по структуральной поэтике» Ю.М. Лотман говорил о преемственности и внутренней связи структурного метода тартуско-московской школы с «опытами по изучению художественной типологии, предпринимавшимися рядом советских литературоведов в 1930–1940-е гг.» [17, с. 27]. Во главу реестра этих опытов поставлена теория стадиальности литературного процесса Г.А. Гуковского. Поэтому главное все-таки в другом: «...теория Гуковского была единственной попыткой ответить на вопрос, почему различные направления и стили закономерно сменяют друг друга <...> Точнее, Гуковский был единственным, кто пытался выяснить не только внешние, но и внутренние причины этих перемен...» [21].

Этот подход не столько устарел, сколько сохранил и продлил значимость задачи: прояснить логику литературного развития, основанную на функционально-семантическом анализе стадиальности, вне которой подвижность жанрово-стилевой системы останется непроясненной.

Выдвигая «смену систем» как центральное понятие эволюционной динамики, Ю.Н. Тынянов подчеркивал во втором параграфе статьи «О литературной эволюции», что «вопрос о «традициях» переносится в другую плоскость» [25, с. 272]. Но в 14-м параграфе он напоминает, что «пора поставить вопрос о главном термине, которым оперирует история литерату-

ры, о “традиции” <...>. Вопрос затемняется здесь тем, что каждое литературное направление <...> ищет своих опорных пунктов в предшествующих системах, — то, что можно назвать “традиционностью”» [25, с. 280–281].

Эта позиция воспринимается как полемический ответ на статью «Традиция» во втором томе «Литературной энциклопедии», вышедшей за два года до появления упомянутой работы Ю.Н. Тынянова. Традиция, писала В. Дынник, «может стать и элементом эволюции, и элементом косности, — в зависимости от того, насколько она вызывает в данной литературной среде творческое к ней отношение». Литературный процесс как таковой, уточняет В. Дынник, есть не что иное, как «сочетание 2-х начал: традиции и личного творчества. Там, где личное творчество углубляет традицию, мы можем говорить о литературной эволюции, там же, где личное творчество восстает против традиции, оно создает литературную революцию...». Эти внутрилитературные движущие силы «никогда не встречаются порознь», более того, «когда личное творчество восстает против традиции, оно нередко создает в свою очередь новую традицию» [11, стб. 975, 974].

Если рассматривать национальную литературу как целостность, в рамках которой синхронные и диахронные аспекты изучения связаны методологической взаимодополняемостью, то стоит вспомнить, как М.Л. Гаспаров предостерегал от попытки выдавать литературную эволюцию за историю новаторства, пренебрегая не менее значимой историей традиционализма.

Строго говоря, каждая литературная новация возникает, чтобы, укрепившись со временем, позиционировать себя как органическую часть традиции. В заключении вступительной лекции по курсу истории всеобщей литературы «О методе и задачах истории литературы, как науки», прочитанной 5 октября 1870 г. в С.-Петербургском университете, А.Н. Веселовский обозначил перспективную проблематику: «...проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливалось всякое предыдущее развитие» [8, с. 17]. Позднее Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский проследили роль дуальных моделей в одноименной статье: оппозиция «старина ↔ новизна» — одно из «наиболее устойчивых противопоставлений», новая культурная реальность

выстраивалась «по “перевернутому” структурному плану старой культуры <…> именно в изменениях обнаруживается неизменное» [18].

Эволюция подразумевает процессуальность, когда изменчивость превалирует над апробированным постоянством — художественное слово пробивается к тому состоянию, о котором писал Ю.Н. Тынянов: литературе «заказывать <…> бесполезно: ей закажут Индию, а она откроет Америку» [25, с. 166]. Традицию, как и эволюцию, отличает смысловая неизолированность от вновь возникающего историко-культурного контекста.

Принцип эволюционности ослабляет жесткое разделение на неофилов и ретроградов, тяготея к внутреннему балансу унаследованной традиции и спонтанной новизны, предполагая не только их функциональную связность и ценностный компромисс, но и то, что безошибочно определил П. Бурдьё в работе «Поле литературы»: «…абсолютное следование традиции столь же невозможно, как и полный разрыв» [7]. При диалектическом подходе точка опоры смещается к синхронизации дискурсов традиции и переходности, инстинкта самосохранения человека в «стране отцов» (Ф. Ницше) и непротиворечивой соотнесенности «тавтологичности» и «обновляемости».

В статье «Рабле и Гоголь. Искусство слова и народная смеховая культура» (фрагмент из диссертации «Рабле в истории реализма») М.М. Бахтин, называя «примитивным» представление о «прямолинейном движении вперед», артикулирует мысль о том, что «действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу (“изначальность”), точнее, к обновлению начала. Идти вперед может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его». При этом наречия «вперед» и «назад» утрачивают «замкнутую абсолютность», обнаруживая «своим взаимодействием живую парадоксальную природу движения…» [2].

В современном дискурсе преобладает, однако, статичная характеристика традиции: нынешний презентизм, или культ осовременивания, способствует маргинализации традиции, артикулируя ее несовременность по аналогии с застывшей мемориальностью. Сторонники осовременивания всего и вся склонны par excellence приписывать традиции статус социокультурного реликта или даже инволюции с ее непрерывной оглядкой на ментальную «крепость» и незаинтересованностью в обновлении. Схождение или, точнее, столкновение — нашла коса на камень — современного тех-

нократизма и приватной приверженности человека традиции провоцирует когнитивный диссонанс и нарастающую неопределенность. Отказывая «непрогрессивным» народам и культурам в самовалоризации и саморазвитии, апологеты неофилии не просто подрывают иной ментальный и поведенческий кодекс, но и ставят под сомнение историко-культурную субъектность народа и его культуры.

Не стоит судить об айсберге по его верхушке, игнорируя основной подводный массив — так и семантическое пространство традиции шире и актуальнее, чем попытка редуцировать его всего лишь до тавтологичности, минуя не менее важный фактор обновляемости...

Список литературы

Исследования

1 *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.

2 *Бахтин М.М.* Рабле и Гоголь. Искусство слова и народная смеховая культура (фрагмент из диссертации «Рабле в истории реализма», 1940, 1970). URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/rublergog.htm#_w (дата обращения: 10.04.2021).

3 *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 543 с.

4 *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.: Канон-Пресс; Кучково Поле, 1998. URL: http://psylib.org.ua/books/bergs01/index.htm. (дата обращения: 12.05.2021).

5 *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. 256 с.

6 *Бочаров С.Г.* О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. 296 с.

7 *Бурдьё П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 5. URL: http://bourdieu.name/content/burde-pole-literatury (дата обращения: 21.04.2021).

8 *Веселовский А.Н.* О методе и задачах истории литературы, как науки // Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1913. Т. 1. 622 с.

9 *Гаспаров Б.* История без телеологии (заметки о Пушкине и его эпохе) // Новое литературное обозрение. 2003. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/istoriya-bez-teleologii.html (дата обращения: 06.05.2021).

10 *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.

11 *Дынник В.* Традиция // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. 972 с.

12 История русской литературы XIX в. / под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского. М.: Изд-е Т-ва «Мир», 1916. Т. 2. 374 с.

13 История русской литературы XIX в. / под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского. М.: Изд-е Т-ва «Мир», 1915. Т. 3. 503 с.

14 *Карамзин Н.М.* Письмо в «Зритель» о русской литературе // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 449–463.

15 *Козеллек Р.* Повторяющиеся структуры в языке и истории // Интернет-журнал «Гефтер». 2014. 4 августа. URL: http://gefter.ru/archive/12764/ (дата обращения: 15.05.2021).

16 *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

17 *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10–257.

18 *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии.

XXVIII: Литературоведение. Тарту, 1977. С. 3–36. URL: http://www.ruthenia.ru/document/537293.html (дата обращения: 05.05.2021).

19 *Луман Н.* Риск и опасность // Отечественные записки». 2013. № 2 (53). URL: http://www.strana-oz.ru/2013/2/risk-i-opasnost (дата обращения: 18.05.2021).

20 *Мандельштам О.Э.* Слово и культура. М.: Сов. писатель, 1987. 319 с.

21 *Маркович В.М.* Концепция «стадиальности литературного развития» в работах Г.А. Гуковского 1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2002. № 3. URL: http://magazines.gorky.media/nlo/2002/3/konczepcziya-stadialnosti-literaturnogo-razvitiya-v-rabotah-g-a-gukovskogo-1940-h-godov.html (дата обращения: 23.05.2021).

22 *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении. Л.: Прибой, 1928. 232 с.

23 *Михайлов А.В.* Проблема стиля и этапы развития литературы Нового времени // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М.: Наука, 1982.

24 *Попова И.Л.* Литература и теория литературы. Становление русской классики на фоне европейской традиции // Новое литературное обозрение. 2017. № 6. URL: http://magazines.gorky.media/nlo/2017/6/literatura-i-teoriya-literatury-stanovlenie-russkoj-klassiki-na-fone-evropejskoj-tradiczii.html. (дата обращения: 08.02.2021).

25 *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино / коммент. Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. М.: Наука, 1977. 574 с.

26 *Флоровский Г.В.* Русская философия в эмиграции // Историко-философский ежегодник' 2013. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 314–337.

27 *Эйхенбаум Б.М.* Литературный быт // *Эйхенбаум Б.М.* О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. URL: http://philologos.narod.ru/eichenbaum/eichen_litbyt.htm. (дата обращения: 10.04.2021).

Источники

28 *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры. 1997–2012. Т. 3. 877 с.

29 *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры. 1997–2012. Т. 6. 799 с.

References

1 Averintsev, S.S., Andreev, M.L., Gasparov, M.L., Grintser, P.A., Mikhailov A.V. “Kategorii poetiki v smene literaturnykh epoch” [“The Categories of Poetics in the Changing Literary Eras”]. *Istoricheskaia poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia* [*Historical Poetics. Literary Eras and Types of Poetic Consciousness*]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 3–38. (In Russ.)

2 Bakhtin, M.M. *Rable i Gogol’. Iskusstvo slova i narodnaia smekhovaia kul’tura (fragment iz dissertatsii “Rable v istorii realizma”, 1940, 1970)* [*Rabelais and Gogol. The Art of Words and the Folk Culture of Laughter (Excerpt from the PhD ‘Rabelais in the History of Realism’, 1940, 1970)*]. Available at: http://philologos.narod.ru/bakhtin/rublergog.htm#_w (Accessed 10 April 2021). (In Russ.)

3 Bakhtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul’tura srednevekov’ia i Renessansa* [*Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance*]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1965. 543 p. (In Russ.)

4 Bergson, A. *Tvorcheskaia evoliutsiia* [*Creative Evolution*]. Moscow, Kanon-Press Publ.; Kuchkovo Pole Publ., 1998. Available at: http://psylib.org.ua/books/bergs01/index.htm (Accessed 12 May 2021). (In Russ.)

5 Bitsilli, P.M. *Mesto Renessansa v istorii kul’tury* [*The Place of Renaissance in Cultural History*]. St. Petersburg, Mifril Publ., 1996. 256 p. (In Russ.)

6 Bocharov, S.G. *O khudozhestvennykh mirakh* [*On Fictional Worlds*]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1985. 296 p. (In Russ.)

7 Burd’e, P. “Pole literatury” [“Literary Field”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, 2000. Available at: http://bourdieu.name/content/burde-pole-literatury (Accessed 21 April 2021). (In Russ.)

8 Veselovskii, A.N. “O metode i zadachakh istorii literatury, kak nauki” [“On the Method and Tasks of the Literature History as a Science”]. *Sobranie sochinenii Aleksandra Nikolaevicha Veselovskogo* [*Collected Works of Alexander Nikolaevich Veselovsky*], vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1913. 622 p. (In Russ.)

9 Gasparov, B. “Istoriia bez teleologii (zametki o Pushkine i ego epokhe)” [“History without Teleology (Notes about Pushkin and His Era)”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1, 2003. Available at: https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/istoriya-bez-teleologii.html (Accessed 06 May 2021). (In Russ.)

10 Gegel’, G.V.F. *Fenomenologiia dukha* [*Phenomenology of the Spirit*]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 495 p. (In Russ.)

11 Dynnik, V. “Traditsiia” [“Tradition”]. *Literaturnaia entsiklopediia: Slovar’ literaturnykh terminov: v 2 t.* [*Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: in 2 vols.*], vol. 2. Moscow, Leningrad, L.D. Frenkel’ Publ., 1925. 972 p. (In Russ.)

12 Ovsyaniko-Kulikovsky, D.N., editor. *Istoriia russkoi literatury XIX v.* [*History of Russian Literature of the 19th Century*], vol. 2, Moscow, Izdanie Tovarishchestva “Mir” Publ., 1916. 374 p. (In Russ.)

13 Ovsyaniko-Kulikovsky, D.N., editor. *Istoriia russkoi literatury XIX v.* [*History of Russian Literature of the 19th Century*], vol. 3. Moscow, Izdanie Tovarishchestva “Mir” Publ., 1915. 503 p. (In Russ.)

14 Karamzin, N.M. “Pis’mo v ‘Zritel’’ o russkoi literature” [“Letter to *Zritel’* about Russian Literature”]. Karamzin, N.M. *Pis’ma russkogo puteshestvennika* [*Letters from a Russian Traveler*]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 449–463. (In Russ.)

15 Kozellek, R. “Povtoriaiushchiesia struktury v iazyke i istorii” [“Repetitive Structures in Language and History”]. *Internet-zhurnal “Gefter”*, August 4, 2014. Available at: http://gefter.ru/archive/12764 / (Accessed 15 May 2021). (In Russ.)

16 Lotman, Yu.M. *Semiosfera* [*Semiosphere*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p. (In Russ.)

17 Lotman, Yu.M. “Lektsii po struktural’noi poetike” [“Lectures on Structural Poetics”]. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaia semioticheskaia shkola* [*Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School*]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 10–257. (In Russ.)

18 Lotman, Yu.M., Uspenskii, B.A. “Rol’ dual’nykh modelei v dinamike russkoi kul’tury (do kontsa XVIII veka)” [“The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (until the End of the 18th Century)”]. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. XXVIII: Literaturovedenie* [*Works on Russian and Slavic Philology. XXVIII: Literary Criticism*]. Tartu, 1977, pp. 3–36. Available at: http://www.ruthenia.ru/document/537293.html (Accessed 05 May 2021). (In Russ.)

19 Luman, N. “Risk i opasnost’” [“Risk and Danger”]. *Otechestvennye zapiski*, no. 2 (53), 2013. Available at: http://www.strana-oz.ru/2013/2/risk-i-opasnost (Accessed 18 May 2021). (In Russ.)

20 Mandel’shtam, O.E. *Slovo i kul’tura* [*Word and Culture*]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1987. 319 p. (In Russ.)

21 Markovich, V.M. “Kontseptsiia ‘stadial’nosti literaturnogo razvitiia’ v rabotakh G.A. Gukovskogo 1940-kh godov” [“The Concept of ‘Stages of Literary Development’ in the Works of G.A. Gukovsky in the 1940s”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3. 2002. Available at: http://magazines.gorky.media/nlo/2002/3/konczepcziya-stadialnosti-literaturnogo-razvitiya-v-rabotah-g-a-gukovskogo-1940-h-godov.html (Accessed 23 May 2021). (In Russ.)

22 Medvedev, P.N. *Formal’nyi metod v literaturovedenii* [*Formal Method in Literary Studies*]. Leningrad, Priboi Publ., 1928. 232 p. (In Russ.)

23 Mikhailov, A.V. “Problema stilia i etapy razvitiia literatury Novogo vremeni” [“The Problem of Style and Stages in the Development of Modern Literature”]. *Teoriia literaturnykh stilei. Sovremennye aspekty izucheniia* [*The Theory of Literary Styles. Modern Aspects of Study*]. Moscow, Nauka Publ., 1982, (In Russ.)

24 Popova, I.L. “Literatura i teoriia literatury. Stanovlenie russkoi klassiki na fone evropeiskoi traditsii” [“Literature and Literary Theory. Development of Russian Classical Literature against the Background of European Tradition”]. *Novoe literaturnoe*

obozrenie, no. 6, 2017. Available at: http://magazines.gorky.media/nlo/2017/6/literatura-i-teoriya-literatury-stanovlenie-russkoj-klassiki-na-fone-evropejskoj-tradiczii.html (Accessed 08 February 2021). (In Russ.)

25 Tynianov, Iu.N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [*Poetics. Literary history. Cinema*], comm. E.A. Toddes, A.P. Chudakov, M.O. Chudakova. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russ.)

26 Florovskii, G.V. “Russkaia filosofiia v emigratsii” [“Russian Philosophy in Emigration”]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik' 2013* [*Historical and Philosophical Yearbook' 2013*]. Moscow, “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiia” Publ., 2014, pp. 314–337 (In Russ.)

27 Eikhenbaum, B.M. “Literaturnyi byt” [“Literary Life”]. Eikhenbaum, B.M. *O literature* [*On Literature*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. Available at: http://philologos.narod.ru/eichenbaum/eichen_litbyt.htm (Accessed 10 April 2021). (In Russ.)

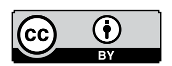
Научная статья /
Research Article

УДК 821.111.0
ББК 83.3 (4Вел)

СОВРЕМЕННАЯ ШОТЛАНДСКАЯ И ИРЛАНДСКАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 28 апреля 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 05 сентября 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-68-87

Аннотация: В работе анализируется развитие современного письма шотландских и ирландских женщин, рассматривается, что объединяет современное письмо шотландских и ирландских женщин с другими типами повествования и что делает его особенным. Теоретической основой и методологией исследования является внимание к вектору развития женской прозы, включая постколониальную литературу и современные феминистские критические теории. Рассматриваются постмодернистские и мета-модернистские теории (включая концепт «ризомы» и принцип «осцилляции»). Современное шотландское женское письмо (на примере Кэрол Энн Даффи) дает представление о развитии образа шотландской писательницы, работы Дженни Фэган позволяют проследить практики управления современным обществом. Работа Кейт Клэнчи раскрывает взаимосвязь между культурами, включенными в социальную проблему миграции. Современная ирландская женская проза характеризуется обращением к проблеме религии и католицизма, а также к концепции дома, которая хорошо раскрывается в произведениях большинства авторов, восстающих против традиции и в то же время ассоциирующих себя с ней.
Ключевые слова: шотландское и ирландское женское письмо, феминистические теории, Кэрол Энн Даффи, Дженни Фэган, Кейт Кленчи, Эмили Грошольц.
Информация об авторе: Нина Феликсовна Щербак — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8725-9717
E-mail: n.sherbak@spbu.ru
Для цитирования: *Щербак Н.Ф.* Современная шотландская и ирландская женская проза: традиции и инновации // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 68–87. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-68-87

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

CONTEMPORARY SCOTTISH AND IRISH WOMEN'S WRITING: TRADITION AND INNOVATION

© 2021. Nina F. Shcherbak
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Received: April 28, 2021
Approved after reviewing: September 05, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: The work examines the development of contemporary Scottish and Irish women's writing and explores what unites contemporary Scottish and Irish woman writing with other types of narrative and what makes it special. The theoretical basis and methodology for the study is the attention to the vector of women's prose development, including postcolonial literature and contemporary feminist critical theories. Postmodernist and meta-modernist theories (including the rhizome concept and "oscillation" principle) are also considered. Contemporary Scottish women's writing (the example of Carol Ann Duffy) provides insights into the development of the Scottish woman writer image; works by Jenny Fagan allow to trace controlling practices of contemporary society. Kate Clanchy's writing reveals the interconnection between cultures incorporated into the social problem of migration. Contemporary Irish women's prose is characterized by addressing the issue of religion and Catholicism as well as the concept of home, which is well revealed in the writings of most authors who are rebelling against the tradition and, at the same time, associate themselves with it.
Keywords: Scottish and Irish women's writing, feminist theories, Carol Ann Duffy, Jenny Fagan, Kate Clanchy, Emily Grosholz.
Information about the author: Nina F. Shcherbak, PhD in Philology, Associate Professor, English Department, St. Petersburg State University, University Embankment, 11, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8725-9717
E-mail: alpha-12@yandex.ru; n.sherbak@spbu.ru
Для цитирования: Shcherbak, N.F. "Contemporary Scottish and Irish Women's Writing: Tradition and Innovation." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 68–87. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-68-87

1. Introduction

The article aims at showing the vector of development of the Scottish and Irish women's writing that shapes the identity of a contemporary woman (characters as well as the writer herself) and bears certain characteristics.

The 19th century novel, in general, and the British novel, in particular, is restricted to conventions, with a strong emphasis on traditional values. Yet for British literature it is quite important that a female writer (in the face of sisters Bronte, for example) actually appears. Later the shift slides towards modernism and its techniques, with watercolor prose, full of hues and emotions. The "stream of consciousness" as a term is characteristic of the prose by V. Woolf. Yet some time passes, and woman writing has to take a different turn. Feminist movement of the third wave gives way to theoretical works on feminism and produces new writing. Prose by Silvia Platt feels depressing (and the author being depressed), yet talks about the true nature of problems related to a woman's true identity more. In the 60-s woman writing takes a different turn, University figures like Iris Murdoch would establish the identity of a strong woman, opposing herself to a man, struggling not for her own ambitions but, above all, for the idea of liberation and independence. J. Winterson attempts to eliminate the gender opposition making gender fluid, with her prose being treated sometimes as traumatic discourse, sometimes, as most tender and poetic manifestation of oneself. Postcolonial writing in the face of Zadie Smith shows that the return to more traditional values is seen in postmodern tendency to unite tradition and cultural backgrounds. Treating them with kind humor, respect and irony. To sum up, a British woman writer of the present wants from life almost everything, what she can take from tradition, and what she can happily generate from new opportunities.

In what way Scottish and Irish contemporary women's writing is similar to and different from the traditional narrative of the 19th–20th century? Is there a clear difference between English, Scottish and Irish writing? Is there a clear shift from the 20th century narrative to post-millennial writing? All of these questions are worth exploring and discussing in order to identify the most common tendencies.

2. Methodology and Sources

2.1. Feminist theories: tradition and innovation

The term "women's writing" refers to fiction written by women, but the term is far more informative, as it refers implicitly to the whole history of women's writing establishing itself, that is a woman writer who went through a number of stages in the process of developing her identity. Firstly, attempting to equal men in writing, secondly, competing with men, showing she is different, and finally, developing her own identity, with all its characteristic features.

One of the key works for understanding women's writing in general is the book by S. Gilbert and S. Gubar, prominent representatives of literary feminism and feminist theory. Their work the *Woman Writer and the Literary Imagination* [5] of the 19th century became a milestone for feminism in the 1970s and is considered a key research text for the "second wave" of feminism. In their work, they show that the 19th century limited the ability of writers to depict the female character, the heroines could be the personification of either angels or monsters. This patriarchal point of view has been built up by many generations of male writers. And this is what Camille Paglia writes about, for example, in her work *Sexual Personae. Art and Decadence from Nefertiti to Emily Dickinson* (first published 1990) [8]. She explains the phenomenon of repression of the feminine principle in culture giving as a proof the fact that Western culture has sought to curb the natural, "Dionysian" principle both in a man and a woman and neutralize the power of sensuality. On the basis of this intention, a cultural dislike for a woman who allegedly embodies "dark forces" has developed. It was this dichotomy in the portrayal of heroines that Jane Austen, the Bronte sisters, George Eliot, and M. Shelley had to deal with.

Within the framework of feminist criticism, the term "women's writing" is also used in the Derridian sense. The French philosopher introduced the concept of "feminine writing" and applied it to a special type of creativity, which is characterized by a rejection of the mental clichés of logo-centrism

and a fundamental semantic multiplicity. This type of writing can equally attract a male author. For example, Derrida finds it in Nietzsche. This allows to point out that women's writing is not specific always, but there are certain canons and stereotypes. Masculine literary canon means rational language, syntactic and narrative completeness, and semantic certainty. Feminist criticism associates the undermining of the male narrative canon in the works of women writers and substituting it for affective style, semantic ambiguity, and narrative incompleteness. Exploring this type of women's style, S. Gilbert and S. Gubar in *Madwoman in the Attic*: a *Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination* (1979) [8] and E. Showalter *A Literature of their Own: British Women Novelists from Brontë to Lessing* (1977) [10] define Victorian women's writing as "the discourse of admitting guilt," while contrasting it with the male "discourse of affirmation." Such conclusions are made under the great influence of the work of Michel Foucault the *History of Sexuality*, according to which in Victorian culture, the feminine principle has always been identified with a sense of guilt and was clearly marked as sinful, irrational.

In her other work, for instance, *Towards a Feminist Poetics* Showalter points out a very important point. She traces the history of women's literature, suggesting that it can be divided into three phases: in the Feminine phase (1840–1880), "women wrote in an effort to equal the intellectual achievements of the male culture, and internalized its assumptions about female nature;" the Feminist phase (1880–1920) was characterized by writing that protested against male standards, and advocated women's values. The Female phase (1920–) is one of self-discovery. Showalter says, "women reject both imitation and protest and turn to female experience as the source of an autonomous art, extending the feminist analysis of culture to the forms and techniques of literature" [10, p. 206]. This allows to define women's writing as having the history of its own with the final stage of self-discover and shaping one's identity regardless of gender.

No less important for understanding the prose of women authors is the position of feminist criticism about what is specific to women's reading. Proponents of this idea argue that women have fundamentally different preferences in relation to the text and their perception is inevitably different. Women are characterized by the idea of constructing their own stories, although, as critics point out, the stereotype of their reading is so strong that a woman reader must learn (by reading works written for her) to consciously disconnect from the stereotypical,

that is, male view of things. An American feminist Judith Fetterley in her analysis of t*he Legend of Sleepy Valley* by Irving (in the work *the Resisting Reader: a Feminist Approach to American Literature* (1978), writes that the author forces a female reader to love a hero who sees a woman as an enemy, thereby putting the reader in the most difficult and unnatural position!

Postmodernist tradition allowed to broaden the scope of the feminist literature and women writing. Intellectual authors like Iris Murdoch who actually competed with men in writing gave way to authors like J. Winterson who developed their own style and technique very similar to poetry writing, its poetics being a good example of syncretic writing, though at times having as a main theme the traumatic experience that the author goes through again and again. Late 20th century also allowed postcolonial writing to flourish.

Postcolonial literature seems to be a remarkable example of post-millennial writing. In his other landmark and striking work, already a classic, *Three Women's Texts and a Critique of Imperialism* (1986) Spivak, among other things, analyzes the famous English novel *Jane Eyre* by Charlotte Bronte and writes that it is based on unspoken directly racist ideas. In a brilliant analysis, Spivak recreates how Charlotte Bronte makes up the image of Bertha Mason, the first wife of Mr. Rochester, a native of Jamaica, who comes from a rich family. All the readers, according to Spivak, who inevitably take the author's position (because they sympathize with the main character), get into the position of the colonizer. Few people remember that Mr. Rochester's first wife is mixed-race. The fact that Charlotte Bronte tells the reader about the atrocities of treatment in a private English school, about the death of Jane Eyre's friend, completely forgetting that the fate of the first wife of Mr. Rochester is not clear. What is significant, is the ability of Spivak to see in the novel hidden meanings and in a certain sense "suppressed identity." Spivak rightly notes that the well-known feminist theorists Gulbert and Gubar call Jane Eyre "the story of Jane's life path," see in it only "a simple substitute for the male narrator," who turned into a female narrator, not noticing "the huge difference between sexual reproduction and spiritual pursuits" [12, p. 246–249].

Similarly, Scottish and Irish woman writing will be flourishing on postcolonial tradition, treating it in a broader sense. As was mentioned in the recent research, "Scottish postcolonial consciousness would suggest solidarity between the marginalized in Scotland and Britain's former overseas colonies,

which is evident in the poetry of William Neill who writes in Scots, Gaelic and English" [13, p. 77–94]. This accounts for hybridity of the narrative, mixed or more complex view of identity. I would argue that in many ways, Irish and Scottish woman writing will be developing along the same lines, maintaining a more traditional identity for its characters, and also constituting completely new agendas, story lines, characters.

To sum up, contemporary Scottish and Irish women's writing will be following the general tradition of women's writing, with a woman writer establishing her own identity, rather than competing with a man writer or imitating him. At the same time postcolonial literature with its irony and historical hybridity will be also used by women writers. Scottish and Irish writers will tend to maintain their own historical tradition and yet adhere to the general tendencies in the narrative development.

2.2. Postmodern and meta-modern philosophy and hermeneutics

It is highly relevant for our analysis to consider the ideas of Gilles Deleuze, a famous theoretician of postmodernism and poststructuralism in relation to the opposition "difference – repetition." This opposition (stated explicitly in the book *Difference and Repetition*, 1968) is the notion that challenges the traditional "representation" idea, the traditional philosophical knowledge, which is based on the presence of an object in question, which is not capable of getting the feeling of the world in the constant process of formation [1]. Deleuze puts forward the idea of metaphysics whereby the "multiplicity" replaces "the substance," "the event" replaces "the essence," "the virtual" replaces "the actual" [8]. Such interpretation of difference-repetition is realized by Deleuze in other works as well. For instance, he pays attention to the idea of crystal (time as crystal). As pointed out by F. Zurabishvili [16, p. 95], the notion of crystal is the meeting point of all the notions of the philosophy developed by Deleuze [16, p. 100]. The image of membrane has a similar function that puts into question the bi-polar model of the "outer – inner" opposition [5]. The idea of membrane, crystal, mirror corresponds to the general view of rhizomorphic nature of the text, which challenges the traditional view of representation, direct cause effect links, linear time concept. The concept of time is treated as dependent on the point of view of the author, the character and the reader [6]. Some researchers look at the phenomenon of breaking time order in the text in terms of the order, duration and frequency [2]. Others consider

subsystems with different velocity of cycle movements [4, p. 176–178], or talk about the imagined space which possesses the qualities of time outside the text [3]. All of these philosophical notions explain the general tendency of forming postmodern literary tradition (with its open structure, irony, concept of silence instead of the tradition "inclusion").

Moreover, the state of the art meta-modern tradition is also seen in contemporary women's writing, with its "oscillation principle," "general compression principle," "structure of feeling," "new sincerity," "hot and cold" principle, "global quotation without reference principle" [14], all of which form the narrative of many Scottish and Irish women writers.

To sum up, the ideas that are incorporated in the concept of the "difference and repetition" expressed by Deleuze, isomorphic connections, the break of the tradition time and space notions, including the co-existence of different time and space subsystems, all serve to explain new tendencies including works by 21st century Scottish and Irish women writers. Meta-modern tradition with "constant citation without reference," "oscillation and compression principle" will also serve to explain latest literary works. It is highly important to realize that women's writing in general, and Irish and Scottish writing, in particular, is a rebel against everything which is a convention, and at the same time an attempt to build its own world modelled upon the previous one, being a strong contradiction to it.

3. Results and Discussion

3.1. Scottish woman writing and the Feminine Gospels (example of Carol Ann Duffy)

It is not a straightforward task to ascribe certain stereotypical roles to Scottish and Irish postmodern women's writing, yet some of the tendencies are well seen. Broadly speaking, a Scottish woman writer is far more professional and serious than her predecessor of the 20th century.

Carol Ann Duffy's work offers a stark contrast to Sylvia Plath's writing [15, p. 64]. Being from a far less privileged background, she came of age in a markedly different time and place. She was very much empowered by the feminism of the 70-s and played far more distinctive public and private roles. When you consider the novel *Feminine Gospel*s (2002), you do see reminiscences of Jane Eyre in Duffy's direct and harsh criticism of the school realities, yet one could feel her remote, almost withdrawn role from the narrative. She is not the one

who experiences, yet the one who observes. Another interesting aspect of Carol Ann Duffy's work is that her novels and poetry are not limited to any particular audience. *The Laughter at Stafford Girls' High* is a good example of this. While being an obvious feminist, she doesn't confine herself to certain subjects, making the topics universal. The fact of addressing the idea of "gospels" makes the novel universal and allows to play with time and space subsystems, making time and space locations more diverse and interchangeable. This gives a narrative not only the touch of a postmodern writing which it is, but makes up a text that establishes rules anew, not just playing with the tradition. In one of her poems, *Caf Royal* she tells the story of Oscar Wilde, who was saved from his trial, thus allowing the difference-repetition concept by Deleuze to be at its best, revealing the power of a remake, revisiting the motive. This tendency of Duffy to be more a universal poet and writer, than a merely Scottish is also proved by her zest to prove and establish a more radical identity [15, p. 67].

This collection of facts does in a way positions Duffy as a Scottish woman writer of the 21st century in a similar fashion it is determined for Zadie Smith as a postcolonial writer. Carol Ann Duffy as if incorporates all the contemporary tendencies and hues of the past in her identity as well as in her work giving it a new touch.

It is also quite evident that Scottish woman writing is not completely isolated from the past and its conventions. Even more so as woman writers in a way unite together to strengthen their new identity against the past one. As it is well known, Virginia Woolf concluded *A Room of One's Own* by returning to the subject of the place to write. In the final chapter of her book Woolf insists that "intellectual freedom depends on material things" and "women have always been poor" [15, p. 67]. In a similar way, all the inconsistencies that society could bring about could result in women being denied their roles and not being able to fulfill themselves to the full. One of the examples is a failure of Carol Ann Duffy to be a laureate due to her radical feminism [15, p. 110].

To conclude, the writing by Carol Ann Duffy allows to shape a new woman's identity that establishes herself against tradition, yet some of the qualities she manifests are symbolic, allowing the reader to see recent tendencies and aspects of cultural change, including gender issues, which are quite universal for western women.

3.2. Scottish woman writing and the oscillation principle (example of Jenny Fagan)

Another stream of Scottish writing is in the attempt of a woman writer to create her own very specific identity related to Scotland and Scottish variety of the English language. Jenny Fagan is a good example of such an attempt.

Firstly, the novel is very symbolic in its content. The opposition of the global and the local is well shown here as the novel is philosophical (being global in its ability to cover general issues) and it is very culture-oriented in describing Scotland (being local in terms of showing the specifics of the local dialect and specifically Scottish atmosphere). It details burgeoning friendships and loves of a fifteen-year old Anais born in a psychiatric clinic within the sinister old building, *The Panopticon* is the title of this building. It is quite tempting to associate Fagan with E. Welsh as part of a Scottish tradition, that, is the author writing about the poor and the deprived with the use of specific Scottish dialect of the English language. At the same time *The Panopticon* describes the problems of the working class in a general, almost metaphorical way. That is why critics compare the novel with Camus and Michael Foucault. The mood of Fagan's narrative is reminiscent of early Camus. Also this is a novel with things to say about surveillance culture, the author's references to works by Michel Foucault suggest her critical theory background. Anais, the main character of the book says: "I dinnae get people, like they all want to be watched, to be seen, like all the time!" [19, p. 2–3]. This phrase allows to see that a story of a 15-year old gets a scope of the institution discourse observed in the works by Michael Foucault, which allows to place the novel on a higher philosophical plane.

Moreover, the content of the novel permits to cast a feminist view over it. This view is not isolated from the historical past and its conventions. Even more so, as Fagan in a way unites herself with other women writers to strengthen her new identity against the past ones. As it is well known, Virginia Woolf, a classic representative of women's writing, concluded *A Room of One's Own* by returning to the subject of famous women of the past who were never given a chance to write. Woolf insists that "intellectual freedom depends on material things" and "women have always been poor" [15, p. 67[. In a similar way *The Panopticon* allows to bring forward another important issue: what is the actual place of a woman writer where she can compose her work. The answer to this question is that it is a place where she is observed, checked, denied and not given enough space and freedom. This is how she is restricted [15, p. 110].

The book also focuses on Scottish aspects of life. Particular details related only to Scotland are shown, most places are recognized as Scottish, the author refers to a Scottish prison rather than just a prison, specifically Scottish vocabulary used, as in the example: “I’m so tired. Lie down and stare up, my eyes are getting heavy. ‘Is it alright tae go tae sleep?’ I ask Teresa. ‘Aye. Just give intae it. Dinnae fight it. Just let go, Anais.’ Her teeth are gone” [18, p. 53]. Most vividly the novel reveals itself as Scottish in its form (which will be discussed later, when we talk about meta-modernist dimension of the novel).

Secondly, there are a lot of postmodern techniques that are used in the novel, the substitution of “presence” for “absence;” “the open form” becoming a more common pattern than that of the “closed form;” “silence” substituting “speech;” the “rhizome” concept, “intertextuality” being more evident than “genre.” The novel starts with two quotations (“sometimes I feel like a motherless child”) [18, p. 2], this is the quote taken from a traditional US folk song of the 70-s, thus from the Civil War times. And the other quotation is taken from Oscar Wilde, and sounds as follows: “when liberty comes with hands dabbled in blood it is hard to shake hands with her” [18, p. 2]. Both quotations allow to unite different historical planes and spaces. Civil War times in the US and contemporary Scotland are united by means of the reference to another historical era and a different continent. This is a clearly postmodern technique and serves as a good example to combine the historical past and present, romantic tradition of the Civil War and the cynicism of the present, its post-apocalyptic narrative manner.

The beginning of the book also reveals an acute ability of the author “to listen to the world,” “see and feel” its hues. This is realized through repetitions (the verb “watch” is repeated) that provide scope for eco-effects, make the narrative more rhetorical (in the text: I’m an experiment. I always have been. It’s a given, a liberty, a fact) [18, p. 1–2]. The narrative reminds us of the musical score which is observed, for example, in the sentence “when I fight, and fuck and wank” [18, p. 2–3], verbs of different register are repeated (neutral, slang). Making the narrative close to that of poetry is another postmodern tendency.

Thirdly, it is important to speak about the form of the novel as related to its meta-modernist dimension. A recent trend in the development of literary texts is coined as a meta-modernist. Main principles guiding meta-modernism adhere to a contemporary paradigm observed in music that includes “shimmering effect

of sounds," "compression of sound," "global intertextuality without reference" [14]. The idea behind Fagan's work is to think "metonymically," that is completely change the rules of the narrative construction. Fagan's novel shows that the language itself, the metaphors and metonymies that are used in the text allow to portray reality in a different, more symbolic way:

> Kids begin to step out of their rooms and look down. I count them out of the corner of my vision — one, two, three, four, five. A boy with curly hair and glasses begins to kick the Perspex balcony outside his door. I dinnae look up. There will be time for all the nice fucking hello-and-how-do-you-dos later.
>
> Right in the middle of the C shape, as high as the top floor, is the watchtower.
>
> <...>
>
> This place has experiment written all over it.
>
> The polis come tae a halt outside the office door, and the Officer in Charge goes in. I scan the ground floor, and tap my feet, and clink my cuffs together until the policewoman leans over and says: Stop [18, p. 3].

What makes this episode meta-modernist? Above all, it is the "oscillation" and the "compression" principle, as well as the "hot and cold principle" [14]. The kids that appear in this episode (realized in the text as: kids, one, two, three) are reduced just to their outlines, the number actually stand for the person. This "compression" principle is taken further to describe the shape of the building. Part of it is C shape. A letter used to describe something is a meta-modern technique of reducing a word to a symbol. That is when one letter stands for the whole passage. The letter itself bears a lot of meaning. As a symbol it incorporates numerous meanings that are contradictory to one other. By choosing the letter C to describe the shape of the building, Fagan attaches maximum importance to the form, suggesting different connotations (including "half-circle," "semi-spiral," etc.). "The shimmering effect" reveals itself in indirect meanings. When you consider different connotations of the words "shell" and "C-shape," you come back to the original understanding of the book: it is a prison and the prison is described in the most detailed way. Similarly, one could consider a fragment when the police at the end of the passage come into the room and say "Stop." "Stop" is, firstly, a command, secondly, it could be interpreted as a "full stop." This is a possible meta-modern and meta-textual way of referring to a "full stop" as the end of the

text. In a way, kids in the book are letters (or numbers) themselves, almost card like creatures. This makes the novel compressed and symbolic.

Another meta-modernist principle used in the novel is the "quotation without reference" principle, the idea of a "remake." Abbreviations and the use of the Scottish variety of the English language implicitly refer to other works by Scottish writers who explored dialects and the language potential. A famous example is the work by a Scottish writer Adair who translated *A Void,* the French novel, with its famously "missing letter," an example of the "compression" technique. Scottish and Irish writers made a number of other attempts to address the phenomenon of language and its dialects, exploring Celtic origins and Old English references. In this way, the novel by Fagan is a similar kind of exploration. Her short sentences, eco-elements, homogenous subjects and predicates, the use of letters instead of words allow to reveal meaning trough the language itself, and at the same time manifest a Scottish tradition of doing it.

To conclude, Fagan's writing provides a good example of postmodern and meta-modern writing, with Scottish tradition being incorporated in it. Fagan's novel provides a good scope for studying social issues as well as the history of language and its potential.

3.3. Scottish woman writing and the "global sisterhood" (example of Kate Clanchy)

Writings by Kate Clanchy allow to see even better the interconnection of the old and the new in Scottish woman writing. Kate Clanchy's new book *What Is She Doing Here?* can be described as a story of her relationship with a Kosovan refugee, Antigona. The bond between two women allow to identify the contradiction between a stereotypical bond of an employer and employee, a friend and an acquaintance and its realization in a real life situation. Antigona's voice is meant to irritate the main character, to educate her and the narrator. Marina Benjamin (2008) in *The Telegraph* wrote: "Clanchy has done a marvelous thing. By giving voice to a refugee and telling a story that would otherwise have gone unheard, she reminds us both of the solidarity that exists between women, and of how far feminism — not just as an ideology, but as a system governing economic transaction — has yet to go" [17, p. 10].

The story explores (explicitly and implicitly) a strong bond women have, and the fact that "global sisterhood," as Spivak once coined it, not necessarily

could unite women. In *Imperialism and Sexual Difference* Spivak tried to situate feminist criticism as it is practiced within the context of middle-class academic life in the West, placing some modes of feminist practice within the context of post-structural view: “we perform a lie of constituting a truth of global sisterhood” [14, p. 243–261]. In other words, the fact that a writer is a woman does not necessarily mean that she would have a lot of common features with other women writers. This brings the issue of social identity to a different level, allowing to see a complicated nature of one’s identity better. Thus, Scottish characters or characters in a novel written by a Scottish woman, are constituted not just of identities borrowed from the old classics (like Robert Burns or Walter Scott), the novel would have a lot of contemporary touch and descriptions of contemporary problems (for instance, immigration, migration, mixed identity).

3.4. Irish women’s writing, concepts of religion and home

In *Confessions of a Reluctant Catholic*, an Irish-American novelist Alice McDermott describes the genesis of her narrative style and focus: “Gradually, as the pattern of my own work began to come clear, I began to understand that this repetition of what might be called Catholic themes, Catholic language” [20, p. 12–16]. McDermott is not alone in her views. Despite the United States reputation for being a secular country, “Catholic themes, Catholic language” pervade the works of contemporary Irish-American women writers. Running throughout their novels are themes of guilt and repression, suffering, transcendence and redemption, prayer and forgiveness, fatalism and free will. Most Irish woman writers (living in Ireland or elsewhere, for instance, in the US) have certain common features of discussions, and that is religion and home. James Joyce and his *Dubliners* established a platform for the sorrow about losing a home, on the one hand, and, on the other hand, constructed the image of a real city, collecting images and moments from different experiences, thus put into practice different techniques that modernist writing were inventing. The motive of home is very similar to the idea of religion in woman’s writing. It is a part of one’s basic needs, most desirable concepts. Home and religion was the main topic in the famous E. Waugh’s novel *Brideshead Revisited* which notoriously was aimed by the author as a novel “against Catholicism” yet proved to be one of the best possible example of advertising for Catholicism. Similar tendencies are seen in

Irish women writing. The topic of home is explored in an earlier novel by Leland Bardwell t*he House* (1984) and in *Girl on a Bicycle* (1977), which is about being a Protestant in Ireland.

It is important to mention that woman writers who come from Catholic families (like J. Winterson or I. Murdoch), did their best to show the impact of religion on human's life with a very negative predominant force. Some of them succeeded, some of them didn't. One of very famous examples (and a recent trend of taking real life experiences for screen versions and making it into a book) was a book *Lost child of Philomena Lee* by Marin Sixsmith (2009) made into a film with Judy Dench, with a main character being a real person. The book is a good illustration of the tendency to mix the real world and the virtual world, past and present thus observing the general postmodern tradition that women writers follow and explore, yet their emotional contribution is normally far more intense.

An interesting example of the fight for the human dimension (thus advocating religion) is the book by Sarah Maria Griffin *Spare and Found Parts* in which the author describes the life of humans after the epidemic. Each person in this novel is associated with a human body, and the main character is one's heart. This metonymical transfer allows to make the story meta-modern in its form and at the same time explore the opposition of the technological and the human, in other words reflect on what is going to win over the battle in the contemporary world.

Related to the concept of home being explored by Irish writers (as if "following the path of James Joyce") is the tendency of trans-national identity that appears in contemporary women writing, which allows "Irish" topics to be used by woman writers of mixed nationality, as it is in the case of an American writer Emily Grosholz who in her Itaka poem (2002) clearly hints not only at James Joyce's Ulysses but at the whole idea of a constant journey and "paradise regained" in the face of home and its attainment [18, p. 108]:

Penelope held off her ravenous suitors
By promising, tomorrow and tomorrow
She'd finish lost Ulysses' winding sheet
The Greek text says that she composed in light [19, p. 81].

This poem reveals one more feature of Irish woman writing, its symbolic nature, as it addresses the meta-textual aspect of writing: composed in light,

analyzed in darkness; compares writing to craft: woven figures unraveled. In postmodern manner Grosholz changes past and future and introduces "eternal" time and space subsystems (by promising, tomorrow and tomorrow). All if this is closely connected to the symbolic as well as iconic view of the language, which allows the writer to explore tradition not only on the level of the plot or as story behind a poem, but also on the language level. Irish woman writing becomes a good example of the following motives being explored: "uniqueness," "tradition," "history," "magic," "symbols," all combined together.

4. Conclusion

Contemporary Scottish and Irish woman writing is characterized by general postmodern and meta-modern tendencies of incorporating the actual and the virtual, mixing agenda and playing with the traditional motives. The "compression of the narrative", hidden and open meanings (as a sign of meta-modern techniques) are also important in the novels by women writers. A Scottish woman writer could position herself as a strong professional, free to choose her sexual preferences, strong and well-established. She could also be a proponent of contemporary tendencies, explore the notions of suppression, and position herself not only within the UK but also identifying herself in a more global context, associating herself with contemporary values as well as with the old tradition. Contemporary Irish woman writing will explore issues of religion, Catholicism, home, in other words relating to the past history and fundamental values, opposing them, at the same time. Both Scottish and Irish women writers will tend to incorporate the idea of playing with the identity, or a mixed identity. We see it as a sign of profound writing which makes use of the topics, motives, cultural background, thus being symbolic. The overall tendency of women's writing is for the author to form her own identity (different from a male one, but not opposing it in any way, as it used to be in the 19th century).

Список литературы

Исследования

1 *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.

2 *Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. 470 с.

3 *Колотов А.* Атопичная природа хронотопа. Три новеллы Вульф // Культура и текст: Материалы междунар. науч. конференции. 10–11 сентября 1996. СПб.; Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 1997. Вып. 1: Литературные исследования. Т. 2. С. 122–124.

4 *Лотман Ю.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, Прогресс, 1992. 272 с.

5 *Скопин Д.* Мембрана и жизнь в складках: Симондон и Делез // Синий диван. 2011. № 16. URL: http://morebo.ru/tema/kritika/item/мембрана-и-жизнь-в-складках-жильбер-симондон-и-жиль-делёз (дата обращения: 25.01.2016).

6 *Успенский Б.* Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. 360 с.

7 *Gilbert S., Gubar S.* The madwoman in the attic: the woman writer and the nineteenth century literary imagination. New Haven: Yale University Press, 1979. P. 20–32.

8 *Hughes J.* Deleuze`s Difference and Repetition. A Reader’s Guide. New York: Continuum, 2009. 302 p.

9 *Paglia C.A.* Sexual Personae. From Nefertiti to Emily Dickinson. London: Yale University Press, 2001. 203 p.

10 *Showalter E.* “Towards a feminist poetics”. Twentieth century literary theory, ed. by K. Newton. New York: MacMillan Publishers Limited, 1997. P. 216–220.

11 *Simondon G.* L’individuation à la lumière des notions de forme et d’information. Grenoble: Gérôme Millon, 2005. P. 39–57.

12 *Spivak G.* Three Women’s Texts and a Critique of Imperialism // Critical Inquiry. 1985. Vol. 12, no. 1, autumn. P. 243–261.

13 *Stroh S.* The Gaelic Voice and Postcolonial Discourse // Within and Without Empire, ed. Garlo Sassi and Theo van Heijnsbergen. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing, 2013. P. 77–94.

14 *Vermeulen T., van den Akker R.* Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. 2010. Vol. 2. P. 23–42. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677

15 *Zilboorg C.* Women’s writing: past and present. Cambridge: Camridge University Press, 2004. 140 p.

16 *Zourabichvili F.* Le vocabulaire de Deleuze. Paris: Ellipses, 2003. P. 20–22.

Источники

17 *Lanchy K.* What is she doing here? A refugee's story. Oxford: Pan Macmillan, 2008. 273 p.

18 *Fagan J.* Panopticon. Glasgow: William Heinemann Ltd, 2012. 336 p.

19 *Grosholz E.* The Abacus of Years. Poems by Grosholz. Ed. Godine. Boston, MA: David R. Godine, 2002. 200 p.

20 *McDermott A.* Confessions of a Reluctant Catholic // Commonweal. 2004. June 17. P. 12–16. Available at: https://www.commonwealmagazine.org/confessions-reluctant-catholic (Accessed 01 July 2020)

References

1 Delez, Zh. *Razlichie i povtorenie* [*Difference and Repetition*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)

2 Gennett, G. *Figury: v 2 t.* [*Figures: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ., 1998. 470 p. (In Russ.)

3 Kolotov, A. "Atopichnaia priroda khronotopa. Tri novelly Vul'f" ["Atopical Nature of the Hronotopos. Three Novels by V. Woolf"]. *Kul'tura i tekst: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 10–11 sentiabria 1996* [*Culture and Text: Proceedings of the International Conference. September 10–11, 1996*], issue 1: Literaturnye issledovaniia [Literary research], vol. 2. St. Petersburg, Barnaul'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 1997, pp. 122–124. (In Russ.)

4 Lotman, Yu. *Kul'tura i vzryv* [*Culture and Explosion*]. Moscow, Gnosis Progress Publ., 1992. 272 p. (In Russ.)

5 Skopin, D. "Membrana i zhizn' v skladkakh: Simondon i Delez" ["Membrane and Life in Folds"]. *Sinii divan*, no. 16, 2011 Available at: http://morebo.ru/tema/kritika/item/мембрана-и-жизнь-в-складках-жильбер-симондон-и-жиль-делёз (Accessed 25 January 2016). (In Russ.)

6 Uspenskii, B. *Semiotika iskusstva* [*Semiotics of Art*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1995. 360 p. (In Russ.)

7 Gilbert, Sandra, Gubar, Susan. *The Madwoman in the Attic: the Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination.* New Haven, Yale University Press, 1979, pp. 20–32. (In English)

8 Hughes, Joe. *Deleuze`s Difference and Repetition. A Reader's Guide.* New York, Continuum, 2009. 302 p. (In English)

9 Paglia, Camilla. *Sexual Personae. From Nefertiti to Emily Dickinson*. London, Yale University Press, 2001. 203 p. (In English)

10 Showalter, Elaine. "Towards a Feminist Poetics." *Twentieth Century Literary Theory,* ed. by K. Newton. Hughes, Joe. *Deleuze`s Difference and Repetition. A Reader`s Guide.* New York, MacMillan Publishers Limited, 1997, pp. 216–220. (In English)

11 Simondon, Gilbert. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information.* Grenoble, Gérôme Millon, 2005, pp. 39–57. (In French)

12 Spivak, Gayatri. "Three Women's Texts and a Critique of Imperialism." *Critical Inquiry,* vol. 12, no. 1, autumn, 1985, pp. 243–261. (In English)

13 Stroh, Silke. *The Gaelic Voice and Postcolonial Discourse. Within and Without Empire,* ed. Garlo Sassi and Theo van Heijnsbergen. Cambridge, Cambridge Scholar Publishing, 2013, pp. 77–94. (In English)

14 Vermeulen, Timotheus, and van den Akker, Robin. "Notes on Metamodernism." *Journal of Aesthetics and Culture*, vol. 2, 2010, pp. 23–42. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677 (In English)

15 Zilboorg, Caroline. *Women's Writing: Past and Present.* Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 140 p. (In English)
16 Zourabichvili, Francois. *Le Vocabulaire de Deleuze*. Paris, Ellipses, 2003, pp. 20–21. (In English)

Научная статья /
Research Article

УДК 821'01.0
ББК 83.3(0)321

ГОРЕСТИ И РАДОСТИ ДИКЕОПОЛЯ: АРИСТОФАН «АХАРНЯНЕ» 1–16

© 2021 г. И.А. Макаров, Б.М. Никольский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 01 июня 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 08 сентября 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-88-119

Статья выполнена по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 075-15-2021-571 от 3 июня 2021 г., срок реализации 2021—2023 гг.) «Цифровые комментарии к античным текстам: древнегреческая комедия»

Аннотация: Интерпретация первых шестнадцати стихов пролога комедии Аристофана «Ахарняне» ставит перед комментатором много проблем. Исследователи высказывали различные мнения относительно событий, ставших причиной переживаний героя, способа описания его эмоций, а также характера комических эффектов, которых добивается автор. Статья посвящена рассмотрению наиболее спорных вопросов. По мнению авторов, пролог отражает трагическую модель и пародирует язык трагедии. В ст. 1 намеренно используется неправильная синтаксическая конструкция, что превращает восклицание Дикеополя из патетического в комическое. Упомянутые в прологе события относятся к сфере театра. В частности эпизод «изблевывания» демагогом Клеоном «пяти талантов» (ст. 5–8) является аллюзией на некую сцену из комедии, поставленную в Афинах незадолго до «Ахарнян». Сочетание лингвистического анализа с исследованием исторических источников позволяет уточнить, какие именно события имелись в виду и как реагировал на них Дикеополь.

Ключевые слова: Аристофан, «Ахарняне», комедия, паратрагедия, Клеон, проагон, Хэрис

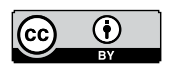
Информация об авторах: Игорь Анатольевич Макаров — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; Институт всеобщей истории Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32а, 119334 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0003-1197-7493

E-mail: ig.a.makarov@gmail.com

Борис Михайлович Никольский — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0760-8639

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

Для цитирования: *Макаров И.А, Никольский Б.М.* Горести и радости Дикеополя: Аристофан «Ахарняне» 1–16 // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 88–119. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-88-119

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

SORROWS AND JOYS OF DICAEOPOLIS: ARISTOPHANES' *ACHARNIANS* 1–16

© 2021. Igor A. Makarov, Boris M. Nikolsky
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: June 01, 2021
Approved after reviewing: September 08, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgments: The work was financially supported by the grant from the Government of the Russian Federation (agreement No. 075-15-2021-571 of June 3, 2021, implementation period 2021-2023) "Digital Commentaries on Ancient Texts: Ancient Greek Comedy."

Abstract: First sixteen verses of Aristophanes' *Acharnians* pose many questions to their commentator. Scholars had various conjectures concerning events that had provoked strong emotions of Dicaeopolis, about his ways of describing the emotions as well as about the comic effects of the passage. The article deals with the most controversial of these questions. It is argued that the prologue reproduces tragic structure and parodies tragic language. E.g., in v. 1, a particular syntactic construction is used that transforms Dicaeopolis' tragic exclamation into a comic one. The events mentioned by Dicaeopolis belong to the sphere of the theatre. E. g., the first story is about Cleon vomiting out five talents (vv. 5–8) is explained as an allusion to the comedy produced not long before the Acharnians. Combining linguistic and historical analysis in other cases as well makes it possible to throw some light on the facts alluded to in the play as well as on Dicaeopolis's reactions to them.

Keywords: Aristophanes, Acharnians, comedy, paratragedy, Cleon, proagon, Chaeris.

Information about the authors: Igor A. Makarov, PhD in History, Senior Researcher, 1) A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; 2) Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Prospekt 32 a, 119334 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1197-7493

E-mail: ig.a.makarov@gmail.com

Boris M. Nikolsky, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0760-8639

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

For citation: Makarov I.A., Nikolsky B.M. "Sorrows and Joys of Dicaepolis: Aristophanes' *Acharnians* 1–16." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 88–119. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-88-119

«Ахарняне» Аристофана начинаются типичным для комедий приемом: на сцене появляется персонаж, который первым пришел туда, где должны собраться многие, и он огорчен отсутствием остальных. Похожие сцены мы встречаем в начале «Лисистраты» и «Женщин в народном собрании». Здесь, в «Ахарнянах», Дикеополь первым пришел на народное собрание, надеясь на заключение мира со Спартой. Никого больше пока нет, и Дикеополь страдает.

Эта ситуация становится темой для паратрагического монолога. Дикеополь не просто сообщает о нынешнем своем огорчении; используя фигуру приамель, он рассказывает о многих несчастьях, перенесенных им в жизни, кульминацией которых представляется несчастье нынешнее. Подобным образом строится, например, вступительный монолог Силена в «Циклопе», где Силен перечисляет прежние страдания и труды, перенесенные им ради Диониса, и заканчивает наибольшим несчастьем — рабством у Полифема, в которое он попал вследствие своих забот о Дионисе. Оба монолога, и в «Ахарнянах», и в «Циклопе», по-видимому, отражают одну и ту же трагическую модель.

Рассказ о прежних бедах Дикеополя дает Аристофану повод поиздеваться над некоторыми современными ему поэтами и музыкантами, выступления которых стали причиной страданий героя. Этим несчастным происшествиям противопоставлены те случаи, когда Дикеополь испытал удовольствие — опять-таки от театральных впечатлений, но уже положительных.

Первые шестнадцать стихов комедии, содержащие историю радостей и огорчений Дикеополя, ставят перед комментатором много интерпрета-

ционных проблем. Какие именно события стали причиной переживаний героя? Каким образом описаны его эмоции? Каких комических эффектов добивается здесь автор? В этой статье мы попытаемся разрешить по крайней мере некоторые из этих вопросов.

Ст. 1
ὅσα δὴ δέδηγμαι τὴν ἐμαυτοῦ καρδίαν

Монолог Дикеополя начинается с восклицания ὅσα δὴ δέδηγμαι τὴν ἐμαυτοῦ καρδίαν, общий смысл которого не вызывает сомнений: «сколь много страданий испытало мое сердце». Однако относительно буквального значения этой фразы и ее стилистической характеристики мнения исследователей расходятся. Для обозначения состояния героя использована форма перфекта глагола δάκνω (буквально «кусать», в метафорическом употреблении «терзать», «мучить»). Многие из комментаторов и переводчиков полагают, что перфект δέδηγμαι в этом стихе должен иметь не пассивное значение, которое, казалось бы, является здесь совершенно естественным («искусан», «истерзан»)[1], а медиальное переходное (букв. «искусал себе свое сердце»)[2]. Действительно, против понимания δέδηγμαι как формы страдательного залога говорит то, что согласно норме языка классического времени в этом случае вместо τὴν ἐμαυτοῦ καρδίαν (accusativus relationis)

1 Метафорическое употребление δάκνω засвидетельствовано уже у Гомера: δάκε δὲ φρένας Ἕκτορι μῦθος (Iliad. 5, 493: «речь ранила сердце Гектору»). В этом значении глагол регулярно используется в классическое время, как в прозе, так и в поэзии (особенно часто у Еврипида). Ближе всего разбираемому стиху Eur. Alc. 1100: καὶ δρῶν γε λύπῃ καρδίαν δηχθήσομαι. Ср. другие примеры в пассивном залоге: Plat. Symp. 218 a: ἐγὼ οὖν δεδηγμένος («истерзан») τε ὑπὸ ἀλγεινοτέρου καὶ τὸ ἀλγεινότατον ὧν ἄν τις δηχθείη – τὴν καρδίαν γὰρ ἢ ψυχὴν ἢ ὅτι δεῖ αὐτὸ ὀνομάσαι πληγείς τε καὶ δηχθεὶς ὑπὸ τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ λόγων); Soph. Tr. 254: χοὔτως ἐδήχθη τοῦτο τοὔνειδος λαβὼν («испытал столь сильное страдание из-за этого позора») ὥσθ' ὅρκον αὑτῷ προσβαλὼν διώμοσεν. Eur. Med. 108: τί ποτ' ἐργάσεται / μεγαλόσπλαγχνος δυσκατάπαυστος / ψυχὴ δηχθεῖσα κακοῖσιν («душа, раненная несчастьями»); Eur. Rhes. 595 сл.: ποῖ δὴ λιπόντες Τρωικῶν ἐκ τάξεων χωρεῖτε, λύπῃ καρδίαν δεδηγμένοι («истерзанные печалью сердца»); Eur. fr. 316 Nauck: ἀλλ' οὐδὲν οὕτω λαμπρὸν οὐδ' ἰδεῖν καλὸν ὡς τοῖς ἄπαισι καὶ πόθῳ δεδηγμένοις («истерзанным тоской») παίδων νεογνῶν ἐν δόμοις ἰδεῖν θάλος. Медиально-непереходное употребление засвидетельствовано у Феогнида (909): ὃ δὴ καὶ ἐμοὶ μέγα πένθος ὄρωρεν καὶ δάκνομαι ψυχὴν («у меня разрывается душа») καὶ δίχα θυμὸν ἔχω.

2 [24]; ср. переводы этого стиха в изданиях [32]: "how many times have I eaten out my very heart"!; [6]: "que de fois je me suis mordu le coeur"!; [31]: "how often have I bitten my own heart with rage"! В русском переводе А. Пиотровского: «как часто угрызался я заботами» [2].

ожидалось бы τὴν καρδίαν без местоимения[3]. С другой стороны, бесспорных примеров использования δάκνομαι в медиальном переходном значении (за исключением футурума, где медиальная форма заменяет отсутствующую активную[4]) обнаружить не удается, в то время как пассивное (и близкое к нему медиальное непереходное) значение δάκνομαι («испытываю терзания», «терзаюсь») очень хорошо засвидетельствовано. Таким образом, обе имеющиеся интерпретации связаны с определенными сложностями.

Объяснение, которое должно устранить препятствие для толкования δέδηγμαι как формы пассива, предложил Э. Френкель[5]. По его мнению, местоимение ἐμαυτοῦ при слове καρδίαν («мое собственное сердце») добавлено с целью придать стиху комический характер, поскольку представляет собой плеоназм, уточняющий то, что в данном случае совершенно не нуждается в уточнении: ведь очевидно, что нельзя «быть укушенным в сердце кого-то другого» (τὴν ἄλλου καρδίαν δεδῆχθαι)[6].

Это толкование не нашло поддержки у последующих комментаторов, хотя и не было никем опровергнуто[7]. Действительно, с точки зрения нормативного греческого синтаксиса оно вполне состоятельно. Однако против него можно привести два возражения: во-первых, предполагаемая шутка по аристофановским меркам не кажется настолько смешной, чтобы служить достаточным обоснованием использования неправильной конструкции; во-вторых, у Э. Френкеля рассматриваемый случай оказывается изолированным, поскольку он не приводит параллелей для эмфатического употребления возвратно-притяжательных местоимений, которые позволили бы отнести его к определенному типу. Возможно, отсутствие ссылок на параллели объясняется следующим. В приводимых греческими грамматиками случаях эмфатического использования возвратно-притяжательных ме-

3 Наиболее ясно это сформулировал У. Ренни [27] и вслед за ним Э. Френкель [12, S. 18]. Ср. нормативное употребление того же самого выражения у Синесия (Epist. 6, 2: πῶς δοκεῖτε δέδηγμαι τὴν καρδίαν ἐκδεδομένου λόγου κατὰ τὴν πόλιν; Calvit. encom.1: ἐγὼ μὲν οὖν καὶ ὁπηνίκα τὸ δεινὸν ἤρχετο καὶ θρὶξ ἀπερρύη, μέσην αὐτὴν δέδηγμαι τὴν καρδίαν).

4 LSJ, s.v. δάκνω.

5 [12, S. 18–19]. До Э. Френкеля возможность такого толкования допустил У. Ренни [27, p. 85], но при этом сам отнесся к нему скептически.

6 [12, S. 18]: “das komische Element liegt in einer Überbetonung des auf dieser Sprachstufe Selbstverständlichen, da es nun fast so klingt als könnte jemand auch τὴν ἄλλου καρδίαν δεδῆχθαι”.

7 Так, Д. Олсон в своем комментарии приводит мнение Э. Френкеля о юмористическим плеоназме без какой-либо оценки, однако, очевидно, не разделяет его, интерпретируя δέδηγμαι как медиальный залог [24].

стоимений, когда синтаксическая конструкция этого не требует, причиной их постановки является ясно выраженное противопоставление (ср.: [18]). Например, Hom. Od. 4, 642: πότ’ ᾤχετο καὶ τίνες αὐτῷ/ κοῦροι ἕποντ’; Ἰθάκης ἐξαίρετοι, ἦ ἑοὶ αὐτοῦ θῆτές τε δμῶές τε («за ним последовали <...> его собственные слуги и рабы»); 15, 261: λίσσομ’ ὑπὲρ θυέων καὶ δαίμονος, αὐτὰρ ἔπειτα / σῆς τ’ αὐτοῦ κεφαλῆς καὶ ἑταίρων, οἵ τοι ἕπονται («я прошу ради твоей собственной жизни и жизни товарищей»); Aristoph. Plut. 33: τὸν ἐμὸν μὲν αὐτοῦ τοῦ ταλαιπώρου σχεδὸν / ἤδη νομίζων ἐκτετοξεῦσθαι βίον («считая, что моя собственная жизнь уже завершилась», в отличие от жизни сына). Если относить к данной категории интересующий нас стих, то эмфатическое ἐμαυτοῦ должно создавать у зрителя ожидание противопоставления. Однако это ожидание уменьшает непосредственный комический эффект: зритель, еще не знающий контекста, не успевает понять, что ожидаемое противопоставление отсутствует. Таким образом, фигурирующие в грамматиках примеры плеонастической постановки возвратно-притяжательных местоимений свидетельствуют не в пользу интерпретации, предложенной Э. Френкелем.

Приводит ли это неизбежным образом к выводу о том, что страдательный залог в данном случае невозможен и что присутствие ἐμαυτοῦ мы можем обосновать только понимая δέδηγμαι как форму медиального залога в переходном значении? Как уже было сказано, основным доводом против этого толкования является отсутствие примеров медиально-переходного употребления глагола δάκνω. В качестве контраргумента комментаторы указывали на использование Аристофаном двух похожих выражений, а именно: δάκνω ἐμαυτόν и δάκνω τὴν καρδίαν/τὸν θυμόν («кусать себя», «кусать свое сердце») [27; 24]. Однако есть основания сомневаться, что они действительно могут служить параллелями. Во-первых, в ряде случаев эти и похожие словосочетания несомненно обозначают не огорчение, а возмущение и гнев, как, например: Aristoph. Nub. 1368: κἀνταῦθα πῶς οἴεσθέ μου τὴν καρδίαν ὀρεχθεῖν;/ ὅμως δὲ τὸν θυμὸν δακὼν («сдержав возмущение») ἔφην; Aristoph. Vesp. 287: ἀνίστασο, μηδ’ οὕτω σεαυτὸν / ἔσθιε («не злись на себя»)[8], μηδ’ ἀγανάκτει; Ran. 43: καίτοι δάκνω γ’ ἐμαυτόν («испытываю воз-

8 Макдауэлл переводит “sulk in annoyance” [22, ad 287] и отмечает, что по-гречески выражения “bite one’s lip” или “bite oneself” служат “common expression for anger.” Ср. Aristoph. Vesp. 1083: ὑπ’ ὀργῆς τὴν χελύνην ἐσθίων; Eurip. Bacch. 620–621: θυμὸν ἐκπνέων, ἱδρῶτα σώματος στάζων ἄπο / χείλεσιν διδοὺς ὀδόντας; Hom. Od. I 381: οἱ δ’ ἄρα πάντες ὀδὰξ ἐν χείλεσι φύντες / Τηλέμαχον θαύμαζον, ὃ θαρσαλέως ἀγόρευε.

мущение»)· ἀλλ' ὅμως γελῶ. Сложнее определить их точное значение в Aristoph. Vesp. 374 ὡς ἐγὼ τοῦτόν γ', ἐὰν γρύξῃ τι, ποιή/σω δακεῖν τὴν καρδίαν / καὶ τὸν περὶ ψυχῆς δρόμον δρα/μεῖν, ἵν' εἰδῇ μὴ πατεῖν τὰ / τῶν θεῶν ψηφίσματα (букв: «заставлю его укусить свое сердце»)[9] и 776 сл.: ἢν δίκην/ λέγῃ μακράν τις, οὐχὶ πεινῶν ἀναμενεῖς/ δάκνων σεαυτὸν καὶ τὸν ἀπολογούμενον («ты не будешь долго голодать, кусая себя и отвечающего на обвинение»), но и здесь нельзя исключать, что передаваемая эмоция — это не печаль, а раздражение. Во-вторых, во всех этих случаях глагол δάκνω используется в действительном, а не в медиальном залоге[10]. В-третьих, при отсутствии необходимых примеров и параллелей для медиального переходного δέδηγμαι дополнительный вес приобретает то обстоятельство, что чуть ниже в стихе 18 использована пассивная страдательная форма глагола δάκνω: ἐδήχθην ὑπὸ κονίας τὰς ὀφρῦς (букв. «я испытал укусы в бровях»)[11]. Наконец, следует принять во внимание и следующее. В рассматриваемом стихе местоимение ὅσα в аккузативе синтаксически выполняет функцию внутреннего объекта при δέδηγμαι. Аналогичная конструкция с аккузативом внутреннего объекта имеется в следующих двух стихах при непереходных по значению глаголах ἥδομαι и ὀδυνῶμαι, где местоимению ὅσα соответствуют в первом случае прилагательное βαιά и во втором случае местоимение ἅ. Такая схожесть конструкций также может свидетельствовать против предполагаемого медиального переходного значения δέδηγμαι[12].

Это заставляет отказаться от указанной интерпретации и искать возможные обоснования для δέδηγμαι как формы страдательного залога.

9 Комментаторы толкуют δακεῖν τὴν καρδίαν как "feel miserable" [22, ad 375], "make him miserable" [24, ad 1], однако нельзя исключать значение "злиться/пенять на себя". Ср. мнение К. Довера [9, ad 1369] относительно использования δάκνω в переносном значении: "Biting my spirit must be what we would express as "biting back my anger." Ach. 1 δέδηγμαι τὴν ἐμαυτοῦ καρδίαν is quite different, for δάκνειν there is "hurt," "pain," "anger" as in Nub. 12 (ἀλλ' οὐ δύναμαι δείλαιος εὕδειν δακνόμενος ὑπὸ τῆς δαπάνης καὶ τῆς φάτνης καὶ τῶν χρεῶν); δακέθυμος ἱδρώς (Simon. 579.5) and δακέθυμος ἄτα (S. Ph. 706, of Philoktetes' painful wound) are probably — but not quite certainly — related to this."

10 Справедливости ради следует отметить, что для языка классического времени перфект действительного залога δέδηχα не засвидетельствован (LSJ, s.v. δάκνω). Однако нет и доказательств того, что вместо него могла использоваться медиальная форма δέδηγμαι.

11 Этот стих, а также ст. 12 ἔσεισέ μου … τὴν καρδίαν в качестве аргумента против медиальной конструкции приводился Э. Френкелем [12, S. 18].

12 Ср. толкование некоторых из античных комментаторов (Schol. REΓ: δέδηγμαι δὲ ἀντὶ τοῦ ἠνίαμαι, λελύπημαι).

Как неоднократно отмечалось комментаторами, начало «Ахарнян» имитирует трагический стиль: метафорическое употребление δάκνω в сочетании с существительными «сердце», «душа» и т. п. чаще всего встречается в языке трагиков[13]. Однако следует обратить внимание и на то, что появление в стихе возвратно-притяжательного местоимения ἐμαυτοῦ также может быть связано с имитацией трагического стиля. Плеоназм притяжательного местоимения при словах «сердце», «душа» и близких по значению мог использоваться в трагедии в восклицаниях как один из способов выражения эмоционального напряжения, причем без какой бы то ни было смысловой необходимости[14]: Eur. Alc. 837: ὦ πολλὰ τλᾶσα καρδία καὶ χεὶρ ἐμή; Eur. Orest. 466: ὦ τάλαινα καρδία ψυχή τ' ἐμή; Eur. Heraclid. 550: τὴν ἐμὴν ψυχὴν ἐγὼ δίδωμ' ἑκοῦσα τοῖσδ', ἀναγκασθεῖσα δ' οὔ; Eur. Med. 1244: ἄγ', ὦ τάλαινα χεὶρ ἐμή, λαβὲ ξίφος. Таким образом, в рассматриваемом стихе трагический оборот δάκνομαι τὴν καρδιαν оказался «усилен» трагическим плеоназмом — добавлением притяжательного местоимения I лица ед. числа. В отличие от приведенных выше примеров эмфазы, подчеркивающей противопоставление определенных субъектов действия, эмфаза в данном случае по смыслу имеет ограничительный характер («выделение одного субъекта из множества») и ее примеры должны быть рассматриваться в качестве особой категории. Что касается возникающего при этом комического эффекта, он состоит не столько в том, что фраза ὅσα δὴ δέδηγμαι τὴν ἐμαυτοῦ καρδίαν («сколькими терзаниями истерзано у меня мое собственное сердце») содержит избыточное по смыслу уточнение (как полагал Э. Френкель), сколько в том, что само это абсурдное уточнение возникает как следствие переизбытка выразительных средств трагического языка, использованных Дикеополем для придания речи патетического характера[15]. Таким образом, стих представляет собой несомненную пародию.

13 Ср. примеч. 1.

14 Примеры эмфатического употребления притяжательного местоимения при противопоставлении см. выше примеч. 7.

15 Поскольку комментаторы иногда специально подчеркивают недопустимость при наличии страдательного залога возвратного местоимения [17, p. 1], необходимо отметить, что с точки зрения греческой грамматики используемая Аристофаном конструкция является вполне безупречной. Возвратно-притяжательное местоимение отсылает к грамматическому подлежащему, а не к логическому субъекту действия, поэтому оно в данном случае совершенно закономерно. Ср. Eur. Tr. 661 сл.: κεἰ μὲν παρώσασ' Ἕκτορος φίλον κάρα/ πρὸς τὸν παρόντα πόσιν ἀναπτύξω φρένα/, κακὴ φανοῦμαι τῷ θανόντι· τόνδε δ' αὖ/ στυγοῦσ' ἐμαυτῆς δεσπόταις

Ст. 2–4
ἥσθην δὲ βαιά, πάνυ γε βαιά, τέτταρα·
ἃ δ᾽ ὠδυνήθην, ψαμμακοσιογάργαρα.
φέρ᾽ ἴδω, τί δ᾽ ἥσθην ἄξιον χαιρηδόνος;

Паратрагическая интонация Дикеополя, сокрушающегося о том, что количество печальных событий в его жизни несоизмеримо с количеством радостей, быстро переходит в откровенно комическую. Восклицанию «сколь много (ὅσα) терзаний» в следующем стихе противопоставлено утверждение о «маленьком, очень маленьком» (βαιά, πάνυ δὲ βαιά) количестве радостей, после чего поясняется, что «очень мало» в данном случае значит «четыре» (τέτταρα). Употребление этого числительного вызывает затруднения у комментаторов, предлагающих следующие объяснения: 1) поскольку далее упоминаются не четыре, а лишь два радостных события, предполагается, что текст испорчен и требует исправления; 2) стих содержит аллюзию на подсчет удовольствий и страданий, якобы присутствовавший в трагедии «Телеф» Еврипида. 3) числительное «четыре» являлось регулярным синонимом малого количества либо в греческом языке этого времени в целом, либо в разговорной речи сельских жителей, которую имитирует герой Аристофана. Однако ни одно из перечисленных объяснений не подкрепляется убедительными аргументами.

Вполне вероятно, что сама по себе точная цифра для обозначения количества пережитых за долгое время радостей могла создавать определенный комический эффект. Тем не менее трудно объяснить, почему для этого было выбрано именно число «четыре» (а, например, не «два», «три», «пять» и т. д.). Одно из возможных объяснений состоит в том, что выбор в пользу τέτταρα обусловлен его созвучием с ψαμμακοσιογάργαρα в следующем стихе: тем самым фонетическая близость подчеркивала смысловой контраст между бессчетным числом печалей Дикеополя и его легко поддающихся подсчету радостей. Сложное прилагательное ψαμμακοσιογάργαρα представляет собой аристофановский гапакс и буквально означает «насчитывающий бесчисленные скопления» (ψαμμακόσια γάργαρα). Первый элемент этого слова, «числительное» ψαμμακόσιοι (“sand-hundred” в переводе LSJ), образованное

μισήσομαι; Aelian.Var. hist. 13.1: ὀλίγῳ γὰρ ὕστερον ὑπὸ κυνηγετῶν ἀφῃρημένη τὰ ἑαυτῆς βρέφη ἄρκτος ἧκε.

от ἡ ψάμμος («песчинка», «песок») по аналогии с числительными на -ακόσιοι (ср. ὀκτακόσιοι и т. п.), среди современников Аристофана встречается лишь у комедиографа Евполида (фр. 308: ἀριθμεῖν θεατὰς ψαμμακοσίους)[16] и, судя по всему, ассоциировалось с языком комедии. Труднее установить стилистическую принадлежность второго элемента. Существительное τά γάργαρα («скопления»), равно как и производный от него глагол γαργαίρω («быть наполненным») используются как в комедии (ср. Кратин, фр. 290: ἀνδρῶν ἀρίστων πᾶσα γαργαίρει πόλις и возможную аллюзию на этот стих у Аристофана (фр. 359 Kock): ἀνδρῶν ἐπακτῶν πᾶσα γάργαρ' ἐστία, а также Аристомен, фр. 1: ἔνδον γὰρ ἡμῖν ἐστιν ἀνδρῶν γάργαρα; Алкей, фр. 19: ὁρῶ δ' ἄνωθεν γάργαρ' ἀνθρώπων κύκλῳ), так и в трагедии (Тимофей, PMG 791, 96: πόντος... ἐγάργαιρε σώμασιν; Adesp., TGF 426: χρημάτων τε γάργαρα). Присутствие этого существительного и глагола в трагической поэзии делает вероятным предположение, что они ассоциировались преимущественно с этим жанром, а в комедии использовались в паратрагических пассажах. По-видимому, комизм аристофановского гапакса ψαμμακοσιογάργαρα был обусловлен соединением в одном слове характерного для комедии ψαμμακόσιοι с трагическим по стилю γάργαρα.

Ст. 5–8
ἐγᾦδ' ἐφ' ᾧ γε τὸ κέαρ ηὐφράνθην ἰδών·
τοῖς πέντε ταλάντοις οἷς Κλέων ἐξήμεσεν.
ταῦθ' ὡς ἐγανώθην, καὶ φιλῶ τοὺς ἱππέας
διὰ τοῦτο τοὔργον· ἄξιον γὰρ Ἑλλάδι.

Среди радостных событий в жизни Дикеополя на первом месте упомянут этот эпизод («я знаю, при виде чего развеселилось мое сердце, — пяти талантов, которые изблевал Клеон. Как же я этому обрадовался! Поэтому я испытываю добрые чувства к всадникам за этот поступок. Ведь он ценен для Эллады»).

Схолиаст, ссылаясь на историка Феопомпа (μέμνηται Θεόπομπος), комментирует это место следующим образом: «Клеон был оштрафован (ἐζημιώθη) на пять талантов за оскорбление всадников (διὰ τὸ ὑβρίζειν τοὺς

16 Для более позднего времени оно засвидетельствовано также в одном из фрагментов Алексида (фр. 303b: ὀνόμασι δὲ ψαμμακοσίοισι χρώμενον).

ἱππέας). Ведь Клеон получил от островитян пять талантов, с тем чтобы он убедил афинян освободить их от военного налога (τῆς εἰσφορᾶς). Однако всадники, узнав, стали возражать и потребовали от него эти деньги». Вопреки этому Х. Любке [21, p. 17] предложил следующее объяснение. Он обратил внимание на то, что в перечне событий, вызывавших радость или печаль Дикеополя, помимо истории с Клеоном, фигурируют еще три события: трагедия Феогнида, выступление кифареда Дексифея и выступление кифареда Хэриса. Поскольку все они, несомненно, связаны с театром и мусическими агонами, Любке предположил, что точно так же упоминание всадников и Клеона, изблевавшего пять талантов, является аллюзией не на факт политической истории, как полагал схолиаст и следовавшие за ним комментаторы Нового времени, а на некую сцену из комедии, — предположительно из «Вавилонян» Аристофана, поставленных на Великих Дионисиях в 426 г., т. е. примерно за год до постановки «Ахарнян». Гипотеза Любке вызвала как согласие, так и возражения исследователей[17], в связи с чем имеет смысл подробнее остановиться на интерпретации указанных стихов.

Прежде всего бросается в глаза, что в изложении схолиаста присутствует противоречие. Вначале утверждается, что сумма в пять талантов была штрафом, которому был подвергнут Клеон за некие незаконные действия (ὑβρίζειν) по отношению к всадникам. Далее, однако, говорится, что всадники выступили против Клеона (ἀντέλεγον) и потребовали от него вернуть пять талантов, полученных от островитян. Схолиаст пытается представить эти два эпизода как связанные между собой, но очевидно, что речь идет о двух изначально разных объяснениях. В первом случае Клеон предстает обвиняемым в судебном процессе об оскорблении (ὕβρις), в то время как второй эпизод предполагает обвинение во взятке (δῶρα). Наличие двух совершенно различных «исторических» объяснений сцены с пятью талантами указывает на отсутствие какой-либо авторитетной традиции на этот счет, что кажется очень странным, если учитывать, что Клеон являлся протагонистом афинской политической жизни вплоть до его смерти в 421 г. Его фигуре уделено внимание в «Истории» Фукидида, в которой Клеон впервые упоминается в связи с митиленскими событиями лета 427 г. — уже как наиболее влиятельный политик. Вызывает удивление и то, что сам Аристофан,

17 Наиболее подробно доводы в пользу «историчности» описанных событий изложены в работе [5].

в комедиях которого Клеон подвергается многочисленным и разнообразным нападкам, не воспользовался более этим случаем, чтобы намекнуть на громкий политический скандал, якобы имевший место незадолго до начала 425 г. Очевидно и другое: если бы Клеон действительно был признан виновным в получении взятки от представителей иностранных полисов, то его дальнейшее участие в политической жизни Афин было бы невозможно.

Предлагавшееся объяснение, согласно которому дело о подкупе Клеона островитянами имело место — однако не в виде судебного процесса в дикастерии, а в виде процедуры προβολή в Народном собрании — и завершилось соглашением сторон (Carawan 1990, 146), не устраняет перечисленные трудности. Во-первых, нет никаких данных в пользу того, что к делам, касающимся подкупа, προβολή могло применяться в принципе. То, что известно об этой специфической процедуре, скорее свидетельствует об обратном. Во-вторых, политический скандал такого рода в любом случае не мог не отразиться на карьере и репутации Клеона. Наконец, против версии схолиаста об островитянах свидетельствует и неправильное употребление термина εἰσφορά: налог, уплачиваемый союзниками Афин, обозначался словом φόρος в отличие от чрезвычайного имущественного налога, касавшегося афинских граждан. По этим причинам «историческое» объяснение позднего комментатора о том, что в основе сцены с пятью талантами лежал некий коррупционный скандал, связанный с Клеоном, представляется маловероятным

Однако этим еще не опровергается вторая версия схолиаста, согласно которой Клеон проиграл судебный процесс по поводу оскорбления всадников и был оштрафован на пять талантов. К тому же наличие конфликта между Клеоном и частью гражданского населения Афин в 420-х гг. до н. э. не вызывает серьезных сомнений. В комедии «Всадники» говорится, что «благородные всадники его ненавидят» (225–6: ἀλλ’ εἰσὶν ἱππῆς ἄνδρες ἀγαθοὶ χίλιοι μισοῦντες αὐτόν), об этом же шла речь у Феопомпа (FGrH 115 F 93). Видимо, одной из основных причин этого противостояния явилась финансовая политика Клеона. Фукидид (3.19) сообщает о введении в Афинах чрезвычайного имущественного налога зимой 428/7 г. до н. э. (ἐσενεγκόντες τότε πρῶτον ἐσφορὰν διακόσια τάλαντα). Согласно «Всадникам» Аристофана, Клеон поддерживал эту непопулярную среди состоятельных граждан меру; не исключено,

что он был ее инициатором[18]. На этом фоне судебный процесс между Клеоном и кем-то из представителей всадников не кажется чем-то невозможным. Однако необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Аристофан здесь и в других местах говорит о всадниках как о консолидированной группе, будь то имущественный класс всадников в целом или его представители, несшие военную службы в афинской коннице. На это, в частности, указывает использование определенного артикля при слове «всадники» (τοὺς ἱππέας)[19]. В таком случае не удается объяснить, каким образом эта многочисленная группа могла выступать стороной в каком бы то ни было не вымышленном, а реальном судебном процессе, что должно следовать из толкования схолиаста. Это ставит под сомнение обе его версии, причем ссылка на Феопомпа вряд ли может считаться доводом в пользу существования некой исторической основы для этих данных: с одной стороны, невозможно установить, что в схолиях является прямым цитированием Феопомпа, а что вольным пересказом. С другой стороны, нельзя исключать, что для самого Феопомпа источником для описания противостояния Клеона и афинских всадников явились именно комедии Аристофана[20].

Таким образом, даже если предположить, что в стихах, упоминающих пять талантов Клеона, содержались аллюзия на некие исторические события, существующая античная традиция не может быть использована для их реконструкции. Однако, учитывая контекст рассматриваемого пассажа, первую из немногих радостей Дикеополя следует с большей вероятностью связывать не с некими событиями афинской политичской истории, а с одной из комедий, поставленных в Афинах незадолго до 425 г. до н. э.[21]

18 В ст. 774 Клеон заявляет, что он наполнил казну Демоса, заставив граждан платить, никого не щадя при этом (σοὶ χρήματα πλεῖστ’ ἀπέδειξα ἐν τῷ κοινῷ, τοὺς μὲν στρεβλῶν, τοὺς δ’ ἄγχων, τοὺς δὲ μεταιτῶν, οὐ φροντίζων τῶν ἰδιωτῶν οὐδενός), а в ст. 923 он дает понять, что большая часть чрезвычайных платежей в казну приходится на богатых граждан (δώσεις ἐμοὶ καλὴν δίκην ἰπούμενος ταῖς εἰσφοραῖς. ἐγὼ γὰρ εἰς τοὺς πλουσίους σπεύσω σ’ ὅπως ἂν ἐγγραφῇς), к которым относились афинские всадники.

19 Ср. также «Всадники» 225: ἀλλ’ εἰσὶν ἱππῆς ἄνδρες ἀγαθοὶ χίλιοι.

20 Традиция о конфликте между Клеоном и всадниками, очевидно, нашла отражение в X книге «Истории Филиппа», носившей название «Об афинских демагогах» (FGrHist 85-100). Рассматриваемый схолий атрибуируется издателем Ф. Якоби в качестве одного из фрагментов этого сочинения (FGrHist 115 F 94). Судя по всему, в нем содержались разного рода инвективы, причем их источником служили, в частности, сочинения комедиографов.

21 Имелась ли в виду комедия Аристофана «Вавилоняне», как полагал Х. Любке, или какая-либо другая комедия, остается неясным.

Ст. 9–12

ἀλλ’ ὠδυνήθην ἕτερον αὖ τραγῳδικόν,
ὅτε δὴ ’κεχήνη προσδοκῶν τὸν Αἰσχύλον,
ὁ δ’ ἀνεῖπεν, “εἴσαγ’, ὦ Θέογνι, τὸν χορόν”.
πῶς τοῦτ’ ἔσεισέ μου δοκεῖς τὴν καρδίαν;

Общий смысл этих стихов очевиден: Дикеополь ожидал увидеть в театре трагедии Эсхила, но вместо этого ему показали Феогнида («А другой, трагический случай причинил мне страдание, когда я разинул рот, ожидая нашего Эсхила, но объявили: «Выводи свой хор, Феогнид». Представляешь, как это сотрясло мое сердце!» Не совсем ясно, однако, в какой именно момент Дикеополя постигло это разочарование. Естественнее всего предположить, что это случилось в театре перед началом представления. Однако П. Мазон [23, p. 264–265] высказал некоторые соображения, доказывающие, по его мнению, что здесь говорится не о самом театральном состязании трагиков, а о проагоне — церемонии, предварявшей театральный праздник и происходившей за несколько дней до его начала в Одеоне. На этой церемонии каждый поэт, собиравшийся участвовать в состязании, выходил перед публикой в сопровождении хорега, актеров и хора (см.: [14, p. 67]). Мазон приводит два аргумента. Во-первых, после проагона имена поэтов, чьи трагедии предстояло увидеть, были известны, и поэтому Дикеополь не мог ожидать пьес Эсхила, если они не были объявлены. Второй аргумент относится к выражению εἰσάγειν τὸν χορόν. Фраза εἴσαγ’, ὦ Θέογνι, τὸν χορόν, как полагает Мазон, должна обозначать выход на сцену вместе с хором и самого поэта. У нас нет никаких оснований предполагать, что поэт лично выводил хор в начале театрального представления, но в то же время это очень похоже на церемонию проагона, во время которого поэт появлялся с хором перед публикой. Ср., например, рассказ о появлении Софокла после смерти Еврипида: λέγουσι δὲ καὶ Σοφοκλέα, ἀκούσαντα ὅτι ἐτελεύτησε [Εὐριπίδης], αὐτὸν μὲν ἱματίῳ φαιῷ προελθεῖν, τὸν δὲ χορὸν καὶ τοὺς ὑποκριτὰς ἀστεφανώτους εἰσαγαγεῖν ἐν τῷ προάγωνι, καὶ δακρῦσαι τὸν δῆμον «Говорят, что и Софокл, услышав, что Еврипид скончался, на проагоне сам вышел перед публикой в темном гиматии, а хор и актеров вывел без венков, и народ расплакался» («Жизнеописание Еврипида», 2, в издании [29, vol. 1, p. 3]. Предложение

εἴσαγ', ὦ Θέογνι, τὸν χορόν у Аристофана буквально совпадает со словами τὸν δὲ χορὸν εἰσαγαγεῖν в этом описании проагона (ἐν τῷ προάγωνι). Этот второй аргумент принимают многие комментаторы «Ахарнян».

Такая трактовка не вполне подходит к той сильной эмоции, которую испытал Дикеополь. Свое ожидание трагедий Эсхила он назвал словом ἐκεχήνη, предполагающим близость наслаждения («разинул рот» словно птенец в ожидании еды[22]): едва ли Дикеополь мог разинуть рот, если трагедии Эсхила ему предстояло увидеть лишь через несколько дней. Сила разочарования персонажа также понятнее, если думать, что ему пришлось смотреть убогого Феогнида прямо тогда, в тот момент, а не несколько дней спустя. Таким образом, психологически его реакция более объяснима, если разочарование он испытал перед началом спектакля. Но лингвистический аргумент, основанный на выражении τὸν χορὸν εἰσαγαγεῖν, представляется всем комментаторам безусловным. Ренни, готовый, в общем, увидеть в данном пассаже изображение начала театрального представления, считает тем не менее, что εἴσαγε… τὸν χορόν "is a real difficulty;" вслед за ним и Олсон замечает, что никакие другие свидетельства не заставляют нас предполагать появление перед спектаклем самого поэта вместе с хором и потому также относит изображаемую Аристофаном ситуацию скорее к проагону.

Тем не менее, если посмотреть внимательнее на доступные нам свидетельства, этот аргумент оказывается не таким убедительным, как видят его Ренни и Олсон. Фраза εἰσάγειν τὸν χορόν может применяться к показу поэтами своих спектаклей во время театрального праздника, а отнюдь не только к выступлению перед публикой на проагоне. В этих контекстах данное выражение не предполагает буквального выхода поэта с хором. Поэт «выводит» хор в том лишь смысле, что выпускает его на орхестру, заставляет его выйти. Например, в схолии к «Осам» Аристофана 224 говорится, что Аристофан в этой комедии «выводит» хор в облике ос с острыми жалами: ἐν σχήματι σφηκῶν εἰσάγει τὸν χορὸν προβάλλοντα ἐκ τῆς ὀσφύος κέντρον τι ὀξύτατον. В одной схолии к «Прикованному Прометею» Эсхила 128 (см. издание в [30]) сказано, что поэт «выводит» хор, состоящий из Океанид: ἐξ Ὠκεανίδων νυμφῶν εἰσάγει χορὸν ὁ ποιητής. В схолии к ст. 9 «Прикованного Прометея»

22 Так объясняют это значение схолии (ЕГ) к данному пассажу Аристофана: δύναται δὲ εἶναι κατὰ μεταφορὰν τῶν ὀρνίθων τῶν ἔτι νεοττῶν προσδεχομένων τὴν τροφὴν καὶ κεχηνότων «Возможно, по переносу от птенцов, ожидающих корма и разевающих рты».

(см. издание в [16]) передается анекдот о том, как Эсхил напугал публику, «выведя» в пароде «Эвменид» хор Эриний неожиданным образом — они не вышли строем, а выбежали все порознь (τινὲς δέ φασιν ἐν τῇ ἐπιδείξει τῶν Εὐμενίδων σποράδην εἰσαγαγόντα τὸν χορὸν τοσοῦτον ἐκπλῆξαι τὸν δῆμον ὥστε τὰ μὲν νήπια ἐκψῦξαι, τὰ δὲ ἔμβρυα ἐξαμβλωθῆναι). Во всех перечисленных случаях выражение εἰσάγειν τὸν χορόν описывает появление самого хора. Однако есть один контекст, в котором оно употреблено в более общем смысле, — не просто «выводить хор», а «показывать спектакль». В схолии к речи Эсхина «Против Ктесифонта» 27 говорится о наказании, налагаемом архонтом на поэта, отменяющего свой спектакль: ἐν τοῖς θεάτροις κηρύττει οἷον· ἐπιβάλλει ὁ ἄρχων τῷ δεῖνι ποιητῇ τοσόνδε, ἂν μὴ τὸν χορὸν εἰσάγῃ «Например, в театрах объявляют: архонт налагает на такого-то поэта следующее наказание, если он не выведет хор». Фраза «выводить хор» могла получить такое расширенное значение, поскольку хор изначально считался главным элементом представления; ср. выражения χορὸν αἰτεῖν и χορὸν διδόναι, которые обозначали заявку драматурга на постановку спектакля и официальное согласие на эту постановку архонта (ср. Аристофан «Лягушки» 94, Аристотель «Поэтика» гл. 5, «Политика» гл. 56–57, Суда χορὸν δίδωμι, Афиней 638f, Кратин fr. 15 Kock). В таком расширенном значении могло быть употреблено выражение εἰσάγειν τὸν χορόν и в рассматриваемом пассаже Аристофана: здесь речь может идти о том, что глашатай объявляет начало спектакля Феогнида.

Олсон, хотя и склоняется к тому, что эти слова скорее указывают на ситуацию проагона, не исключает все же и возможности отнести их к самому спектаклю, сопоставляя их с употреблением χορὸν αἰτεῖν; однако в этом случае он совершенно безосновательно предлагает видеть в них формулу, изначально относившуюся к проагону и перенесенную на спектакль.

Сложнее ответить на первый аргумент Мазона: как Дикеополь мог ожидать пьес Эсхила, если после проагона он, как и все афиняне, должен был бы знать, что именно ему предстоит увидеть в театре. Мы слишком мало знаем о театральных реалиях этого времени, поэтому здесь нам приходится удовольствоваться лишь предположениями. Прежде всего, стоит заметить, что и интерпретация самого Мазона, связывающего огорчение Дикеополя с проагоном, не совсем убедительно объясняет ожидания персонажа. Оказывается непонятным, почему Дикеополь вообще мог надеяться увидеть в театре Эсхила. Даже если трагедии Эсхила показывали после его

смерти с достаточной регулярностью, то все же не настолько часто, чтобы их можно было ожидать: по крайней мере, в дошедших до нас (впрочем, очень редких, единичных) записях результатов театральных состязаний нет ни одного упоминания о постановках Эсхила после его смерти. Если же предполагать, что Дикеополь расстроился перед спектаклем, можно предложить два объяснения его неоправдавшимся ожиданиям. Во-первых, насколько мы знаем, последовательность, в которой поэты представляли свои произведения, определялась жребием (ср. τραγῳδοὺς μὲν καὶ κιθαριστὰς καὶ τοὺς ἄλλους τοὺς ἐπὶ τῆς μουσικῆς μὴ ταυτὸν φέρεσθαι τῆς τε ἀξίας ὄνομα καὶ τῆς τάξεως, ἢ κληροῦν γε ἂν ἤρκει μόνον «трагики и кифаристы и все прочие музыканты получают не одно и то же место по достоинству и по порядку, иначе достаточно было бы только жребия», Элий Аристид «Ответ Платону о риторическом искусстве», цит. по: [8, p. 2]). Нам неизвестно, в какой именно момент происходила жеребьевка, но не исключено, что после проагона. Таким образом, Дикеополь мог знать (после проагона), что ему предстоит посмотреть трагедии Эсхила и Феогнида, мог надеяться, что в этот день он увидит любимого им Эсхила, и испытать разочарование от выпавшего жребия. Впрочем, такое объяснение, кроме того, что строится на довольно спекулятивном предположении о хронологии проагона и жеребьевки, оказывается слабым и с психологической точки зрения: получается, что Дикеополь лишь надеялся увидеть Эсхила, тогда как его сила его разочарование говорит о его уверенности в предстоящем театральном наслаждении. Ожидания и огорчение Дикеополя можно до конца понять, только если предположить, что в последний момент, перед самым началом представления, произошла замена одного спектакля другим. Такие замены, если вообще были возможны в ритуализованной структуре дионисийского праздника, должны были быть делом исключительным, а потому едва ли Аристофан может здесь выдумывать этот случай. Рассказ Дикеополя может быть понят только в том случае, если мы предположим, что совсем незадолго действительно случилась замена Эсхила на Феогнида. Стоит обратить внимание на то, что два других события, описываемых Дикеополем, — постановка комедии в ст. 5–8 и выступление кифареда Хэриса в ст. 15–16 — произошли в последний год (ср. τῆτες в ст. 15). Мы могли бы думать поэтому, что и описываемая здесь замена Эсхила на Феогнида — это реальная история, случившаяся, например, на Великих Дионисиях 426 г.

Ст. 13–16

Ἀλλ’ ἕτερον ἥσθην, ἡνίκ’ ἐπὶ Μόσχῳ ποτὲ
Δεξίθεος εἰσῆλθ’ ᾀσόμενος Βοιώτιον.
Τῆτες δ’ ἀπέθανον καὶ διεστράφην ἰδών,
ὅτε δὴ παρέκυψε Χαῖρις ἐπὶ τὸν ὄρθιον.

Этот пассаж рассказывает о случаях, произошедших на состязаниях кифаредов. Наиболее значительные музыкальные состязания устраивались на празднике Великих Панафиней, который, по-видимому, здесь и имеется в виду[23]. «Ахарняне» были поставлены зимой 426/425 г., Великие Панафинеи проходили предшествующим летом, в августе того же афинского года, так что, рассказывая историю о Хэрисе, Дикеополь возможно, имеет в виду случай на недавних Панафинеях (τῆτες «в этом году»). τῆτες противопоставлено указанию на неопределенное прошлое (ποτέ «некогда») в первой истории, о Мосхе и Дексифее.

Относительно интерпретации первого случая комментаторы в основном согласны. Принимаемое большинством из них толкование восходит к схолии, объясняющей, что Мосх — это имя плохого кифареда[24]; таким образом, радость Дикеополя вызвана была тем, что вслед на ним исполнять беотийский ном[25] предстояло хорошему кифареду Дексифею. Что касается второй истории, то она менее понятна. Несколько вопросов остаются без ясного ответа: кто такой Хэрис, какая именно физическая реакция обозначена словом διεστράφην и что именно эту реакцию вызвало — какое действие Хэриса названо глаголом παρέκυψε.

23 О кифародических и других музыкальных состязаниях на Панафинеях см.: [7, p. 36–41].

24 ἀντὶ τοῦ μετὰ τὸν Μόσχον. ἦν δὲ οὗτος φαῦλος κιθαρῳδός, πολλὰ ἀπνευστὶ ᾄδων «Вместо «после Мосха». Он был плохим кифаредом, многое пропевал не беря дыхания» (т. е. очевидно не беря дыхания в правильных местах, так что ему не хватало дыхания).

25 Буквально у Аристофана сказано ᾀσόμενος Βοιώτιον «собираясь петь по-беотийски»; имеется в виду песня, основанная на «беотийском номе» (Βοιώτιος νόμος). Номом называлась музыкальная модель, которой следовали музыканты в своих сочинениях. В какой степени эти сочинения были предопределены заданной устойчивой моделью, а в какой допускалась свобода, неизвестно (подробнее см.: [33, p. 215–217). По-видимому, каждому ному был присущ тот или иной музыкальный лад, ритмический и мелодический рисунок и постоянная последовательность частей. Свои номы были в каждом виде музыкальных состязаний. Упоминаемый здесь беотийский ном использовался кифаредами.

Начнем с первого вопроса, о личности Хэриса. В комедиях, поставленных в 20-е – 10-е гг. V в., появляются Хэрис-авлет и Хэрис-кифаред. Как сообщают схолии к «Птицам» Аристофана, ст. 858, Хэриса-авлета упоминал Кратин в комедии «Немесида» (431 г.): ἔστι καὶ ἕτερος αὐλητὴς, οὗ μνημονεύει Κρατῖνος ἐν Νεμέσει. Затем несколько раз его имя встречается в комедиях Аристофана. Далее в «Ахарнянах», в ст. 866, Дикеополь прогоняет флейтистов, называя их Χαιριδῆς βομβαύλιοι «Хэрисовы дети, жужжащие в авлосы». В «Мире» (421 г.) в ст. 950–955 хор опасается прихода Хэриса, который станет «дуть и трудиться» (φυσῶντι καὶ πονουμένῳ), пока не получит награду. Наконец, в «Птицах» (414 г.) в ст. 858 хор зовет Хэриса с его авлосом аккомпанировать их песне (συναυλείτω δὲ Χαῖρις ᾠδᾷ) и затем называет вышедшего флейтиста вороном: Παῦσαι σὺ φυσῶν. Ἡράκλεις, τουτὶ τί ἦν; / Τουτὶ μὰ Δί’ ἐγὼ πολλὰ δὴ καὶ δείν’ ἰδὼν / οὔπω κόρακ’ εἶδον ἐμπεφορβειωμένον «Хватит дуть! Геракл, что это! Я видел много удивительного, но, клянусь Зевсом, такого еще не видел — ворона с ремешком для флейты!» (859–861).

С другой стороны, комический поэт Ферекрат в комедии «Дикари» (fr. 6), поставленной в 420 г., упоминает Хэриса-кифареда. Цитата из этой комедии содержится в схолиях к «Птицам» Аристофана, ст. 858: φέρ’ ἴδω κιθαρῳδὸς τίς κάκιστος ἐγένετο; / — ὁ Πεισίου Μέλης. — μετὰ δὲ Μέλητα τίς; / ἔχ’ ἀτρέμ’, ἐγᾦδα, Χαῖρις». «Давай посмотрим, кто был худшим кифаредом? — Мелет, сын Писия. — А кто второй после Мелета? — Так, спокойно! Я знаю — Хэрис!»

Схолии к Аристофану пытаются как-то согласовать между собой сообщения о Хэрисе-авлете и Хэрисе-кифареде. Так, в одной схолии к «Птицам» 858 мы встречаем утверждение о том, что Хэрис был сначала «холодным кифаредом» и затем стал авлетом (ἦν δὲ ὁ Χαῖρις οὗτος κιθαρῳδὸς ψυχρὸς καὶ γέγονεν αὐλητής). Однако хронология перечисленных выше комедий ясно показывает ошибочность этого суждения: Хэрис-авлет упоминается уже в 431 г., т. е. намного раньше Хэриса-кифареда (420 г.). Очевидно, что комментатор, незнакомый с этой хронологией, предлагает здесь свое собственное объяснение встретившихся ему противоречивых данных. В схолиях к «Ахарнянам» 16 Хэрис назван «дурным кифаредом и авледом» (ὁ δὲ Χαῖρις οὗτος κιθαρῳδὸς καὶ αὐλῳδὸς φαῦλος). Эта схолия также содержит в себе ошибку: ее автор путает авледа (певца, исполнявшего песни под аккомпанемент авлоса) и авлета (музыканта, игравшего на авлосе). С другой стороны,

в некоторых схолиях Хэрис-авлет и Хэрис-кифаред различаются. В схолии к «Миру» 951 после слов о том, что Хэрис был флейтистом на жертвоприношениях (ὁ Χαῖρις αὐλητὴς ἐπὶ ταῖς θυσίαις), автор сообщает: ἦν δὲ καὶ ἕτερος κιθαρῳδός «А был и другой, кифаред». В схолиях к «Птицам» 858 после цитаты из Ферекида о Хэрисе-кифареде добавлено: ἔστι καὶ ἕτερος αὐλητὴς, οὗ μνημονεύει Κρατῖνος ἐν Νεμέσει «Есть и другой, авлет, которого упоминает Кратин в «Немесиде».

Существование и Хэриса-кифареда, и Хэриса-авлета не вызывает сомнений. Возникает, однако, два вопроса: во-первых, какой именно музыкант, кифаред или авлет, имеется в виду в данном пассаже из «Ахарнян», и, во-вторых, был ли это один и тот же человек или все же два разных.

На первый вопрос комментаторы отвечают по-разному. Большинство из них (Ван Левен, Ренни, Олсон, Соммерстейн) полагают, что здесь говорится о кифареде, некоторые (Блейдс, Пэйли, см. также: [1, с. 11, примеч. 12]) видят в этом Хэрисе авлета, а Старки предпочитает не уточнять, какого решения он придерживается, и без всякого порядка приводит аргументы и за кифареда (например, цитату из Ферекрата), и за авлета (например, объяснение из схолий к «Ахарнянам» 16, что ὁ δὲ ὄρθιος αὐλητικὸς νόμος «ортийский ном — авлетический»).

Никто из комментаторов при этом никак не объясняет свой выбор. Однако эта проблема может быть однозначно решена. Дело в том, что «ортийский ном», исполняемый Хэрисом, был, вопреки представлениям многих историков музыки (см.: [3, p. 252; 11, p. 224]) номом исключительно кифародическим. В классическую эпоху этот ном всегда упоминается как ном, используемый кифаредами. У Геродота (1.24.5) его исполняет легендарный кифаред Арион перед тем, как прыгнуть в море. В «Женщинах в народном собрании» Аристофана Хремет выводит на сцену петуха, который должен исполнять роль кифареда, и в этом пассаже обыгрывается сходство слова ὄρθριος «утренний», описывающего пение петуха, и ὄρθιος νόμος, отсылающего к песне кифареда: σὺ δὲ δεῦρ᾽, ἡ κιθαρῳδός, ἔξιθι, / πολλάκις ἀναστήσασά μ᾽ εἰς ἐκκλησίαν / ἀωρὶ νύκτωρ διὰ τὸν ὄρθριον νόμον «Выходи сюда, кифаред, часто поднимавший меня на собрание, ночью спозаранку, своим утренним (ὄρθριον) номом» (739–741). Создателем ортийского нома считался кифаред Терпандр (Псевдо-Плутарх «О музыке» 28, 1140f); в схолиях к разным местам из комедий Аристофана об этот номе говорится как о кифародиче-

ском (см. схолии к «Женщинам в народном собрании» 741, к «Всадникам» 1279, к «Лягушкам» 1282а). Единственная схолия, сообщающая о том, что ортийский ном являлся номом авлетическим — это схолия как раз к разбираемому стиху из «Ахарнян» (ὁ δὲ ὄρθιος αὐλητικὸς νόμος); такое утверждение появилось в ней, поскольку схолиаст был убежден в том, что упоминаемый здесь Хэрис был авлетом.

Тем не менее среди историков античной музыки бытует представление о том, что ортийский ном существовал в разных видах музыкального искусства, в том числе и в авлетике. Это мнение основано на неверной интерпретации одного места из трактата Псевдо-Плутарха «О музыке» (7, 1133f). На этом пассаже стоит остановиться подробнее. Речь идет здесь о влиянии на поэта Стесихора из Гимеры авлетического «гарматийского» (ἁρμάτιος, букв. «колесничного») нома, которое постулировал античный историк музыки Главк. Этот ном был создан авлетом Олимпом, и, по мнению Главка, в основе музыки Стесихора лежал именно он, а не произведения кифаредов Орфея, Терпандра, Архилоха и Фалета: ὅτι δ᾽ ἐστὶν Ὀλύμπου ὁ ἁρμάτειος νόμος, ἐκ τῆς Γλαύκου ἀναγραφῆς τῆς ὑπὲρ τῶν ἀρχαίων ποιητῶν μάθοι ἄν τις, καὶ ἔτι γνοίη ὅτι Στησίχορος ὁ Ἱμεραῖος οὔτ᾽ Ὀρφέα οὔτε Τέρπανδρον οὔτ᾽ Ἀρχίλοχον οὔτε Θαλήταν ἐμιμήσατο, ἀλλ᾽ Ὄλυμπον, χρησάμενος τῷ ἁρματείῳ νόμῳ καὶ τῷ κατὰ δάκτυλον εἴδει, ὅ τινες ἐξ ὀρθίου νόμου φασὶν εἶναι «О том, что создателем гарматийского нома был Олимп, можно узнать из сочинения Главка о древних поэтах. Из него можно узнать также и то, что Стесихор из Гимеры, подражал не Орфею, не Терпандру, не Архилоху, не Фалету, а Олимпу, поскольку он использовал гарматийский ном и дактилическую форму ритма, о которой некоторые говорят, что она взята из ортийского нома». В последних словах καὶ τῷ κατὰ δάκτυλον εἴδει, ὅ τινες ἐξ ὀρθίου νόμου φασὶν εἶναι Баркер видит развитие идеи о влиянии на Стесихора авлетики: по его мнению, Главк говорит здесь о том, что Стесихор подражал Олимпу, используя, во-первых, гарматийский ном и, во-вторых, дактилические ритмы, которые были присущи авлетическому ортийскому ному. Однако этот пассаж в целом посвящен не столько самому по себе Олимпу, сколько созданному им гарматийскому ному, и потому естественнее всего видеть в замечании о дактилической структуре характеристику одной из особенностей гарматийского нома («гарматийский ном с его дактилической формой»). Добавляя фразу ὅ τινες ἐξ ὀρθίου νόμου φασὶν εἶναι, автор трактата сообщает о точке зре-

ния, которую здесь оспаривает Главк, как спорит он и с представлением о влиянии на Стесихора вообще всей кифародической традиции: есть некоторые историки музыки, которые возводят творчество Стесихора к Терпандру и усматривают в его дактилической форме влияние созданного Терпандром кифародического ортийского нома, в то время как Главк считает эти ритмы у Стесихора знаком влияния на него Олимпа с его гарматийским номом.

Таким образом, оказывается, что у нас нет ни одного надежного свидетельства о существовании авлетического варианта ортийского нома; все говорит о том, что это был ном исключительно кифародический. Значит, в разбираемом пассаже из «Ахарнян» идет речь о Хэрисе-кифареде. Дополнительным аргументом в пользу этой точки зрения может служить поговорка Χαῖρις ᾄδων ὄρθιον, приводимая в словаре Суды (s.v. Χαιριδεῖς) и в античном сборнике поговорок (Appendix Centuria V, 21 в [20]), где ей предложено следующее объяснение: ἐπὶ τῶν εὐφώνων. ὁ γὰρ Χαῖρις αὐλητὴς Θηβαῖος ἦν, ὄρθιος δὲ αὐλητικὸς νόμος οὕτω καλούμενος εὔτονος καὶ ἀνάτασιν ἔχων «О красиво звучащих. Хэрис был фиванским авлетом, а ортийский ном авлетический, назван так, поскольку имеет хороший строй и высокое звучание». Это объяснение показывает, что комментатор совершенно не понимал смысла поговорки. Последняя его часть восходит к схолии к «Ахарнянам» 16 ὁ δὲ ὄρθιος αὐλητικὸς νόμος οὕτω καλούμενος διὰ τὸ εἶναι ἔντονον καὶ ἀνάτασιν ἔχειν, где уже содержалась одна ошибка (как мы видели, ортийский ном был неверно назван здесь авлетическим). К этой ошибке он добавляет еще одну, меняя ἔντονον «энергичный» на εὔτονος, что дает ему основание видеть в поговорке характеристику хороших музыкантов (ἐπὶ τῶν εὐφώνων). Мы не знаем, существовала ли эта поговорка на самом деле. Если она существовала, то она должна восходить к данному месту из «Ахарнян», точно так же как и аналогичная ей поговорка Μόσχος ᾄδων Βοιώτιον восходила к двум предыдущим стихам из «Ахарнян». Не исключено, однако, что оба выражения являются просто пересказом пассажа из «Ахарнян». В любом случае, она отсылает к «Ахарнянам» и, конечно, должна относиться не к хорошим, а к дурным исполнителям. Тот античный читатель Аристофана, который передал его слова фразой Χαῖρις ᾄδων ὄρθιον, безусловно, должен был видеть в Хэрисе певца, а не авлета.

Второй вопрос — были ли названный здесь Хэрис-кифаред и упоминаемый в других местах у Аристофана Хэрис-авлет одним и тем же че-

ловеком. Все комментаторы склонялись к этому мнению[26], однако Э. Хартвиг ([15]) убедительно доказал, что Хэрис-кифаред и Хэрис-авлет — это два разных музыканта. Аргументы Хартвига таковы: 1) Имя Χαῖρις было в Аттике отнюдь не столь редким, как принято считать. Оно упоминается на краснофигурной вазе Чикагского мастера (Boston13.192, ARV² 631 no. 40). Еще один Хэрис присутствует в списке погибших на войне из Акамантидской филы в 409 г. (IG I³ 1191, строка 172); возможно, этот же Хэрис назван в посвятительной надписи, поставленной его сыном из дема Холарга ок. 410–400 г. (IG I³ 900). Надпись IG II² 410, 401/400 г., упоминает торговца фигами Хэриса из Эрехтеидской филы, получившего гражданство за его участие в восстановлении демократии под началом Фрасибула. Хэрис из дема Фалерона назван на найденном в Синопе надгробии, датируемом V–IV вв. (см.: [21, p. 319, no. 56]). 2) Игра на авлосе и искусство кифареда — это две совсем разные профессии, каждая из которых требует особых профессиональных навыков. В подтверждение этого аргумента можно привести цитату из сочинения «Двойные речи» (7.4), где автор, возражая против распределения государственных должностей по жребию и показывая абсурдность такого способа, говорит о музыкантах: представим себе, что каждый из них участвовал бы не в том состязании, которое соответствовало бы его профессии, а в том, куда он случайным образом попадет по жребию, — τωὐτὸν δὲ καὶ ἐν ἀγῶσι τᾶς μωσικᾶς διακλαρῶσαι τὼς ἀγωνιστὰς καὶ ὅ τι χ' ἕκαστος λάχηι, ἀγωνίζεσθαι· αὐλητὰς κιθαριξεῖ τυχὸν καὶ κιθαρωιδὸς αὐλήσει… ὥστε πάντες ἃ οὐκ ἐπίστανται οὐδὲ δύνανται, πραξοῦντι «Точно также и в музыкальных состязаниях пусть соревнующиеся тянут жребий и пусть каждый участвует в том состязании, которое он получит по жребию. Случится так, что авлет будет играть на кифаре, а кифаред — на авлосе.., так что все станут делать то, что не умеют и не могут». Для автора этого текста совершенно очевидно различие в навыках, требуемых для разных музыкальных профессий. Более того, кифареды и авлеты различались и своим социальным статусом (см., например: [13, p. 258]). Хартвиг замечает, что мы не знаем ни одного примера музыканта, который сочетал бы оба этих ремесла. На это можно было бы возразить, вспомнив о Фринисе, который был и авлетом, и кифаредом, од-

26 См. Ван Левен, Старки, Ренни, Олсон; см. также примечание Данбар к ст. 858 «Птиц» Аристофана в [10, ad 858]: Данбар полагает, что едва ли могли существовать в одно время два музыканта с таким редким именем.

нако Фринис не совмещал две профессии одновременно: сначала он был авлетом, а затем стал кифаредом, повысив тем самым свой статус (см. схолии Иоанна Цеца к «Облакам» Аристофана 971a: Φρῦνις κιθαρῳδὸς Μιτυληναῖος ὃς πρότερον αὐλητὴς ὢν ὕστερον κιθαρῳδὸς γέγονε «Фринис — митиленский кифаред, который сначала был авлетом, а затем стал кифаредом»). Хэрис же должен был бы выступать одновременно в обеих ролях, что едва ли возможно. 3) Те из схолий к комедиям Аристофана, которые видят в Хэрисе-авлете и Хэрисе-кифареде двух разных музыкантов, восходят к более древним и более надежным источникам, нежели схолии, которые отождествляют двух Хэрисов. Все схолии, выдающие двух Хэрисов за одного и того же человека, содержат в себе много ошибок (в схолии к «Ахарнянам» 16 он назван авледом вместо авлета; в схолии к «Птицам» 858 сказано, что он сначала был кифаредом, а позже стал авлетом, что, как мы видели невозможно хронологически), в то время как схолии, разделяющие их, используют формулировку ἦν δὲ καὶ ἕτερος и ἔστι καὶ ἕτερος, которая указывает на их зависимость от александрийских словарей с объяснениями ὁμώνυμοι и κωμωδούμενοι (см.: [34, p. 43]). 4) Наиболее важный из аргументов Хартвига заключается в том, что Хэрис-кифаред и Хэрис-авлет высмеиваются в комедиях совсем по-разному. Если первый предстает всегда плохим музыкантом, то музыкальные способности второго никогда не обсуждаются. Во всех трех пассажах Аристофана, в которых он упоминается, говорится о его неумеренном желании получить гонорар за свою игру на праздниках. Хартвиг предполагает, что этот Хэрис был не концертирующим музыкантом, а относился к более низкой категории авлетов, подыгрывавших на жертвоприношениях. Все эти аргументы позволяют сделать окончательный вывод о том, что Хэрис-кифаред и Хэрис-авлет — два разных человека.

Обратимся теперь ко второму вопросу: какое состояние Дикеополя названо словом διεστράφην? Что точно случилось с героем, когда он увидел Хэриса?

Глагол διαστρέφω в активном залоге означает «выворачивать, выкручивать» (например, тело в танце, Ксенофонт «Пир» 7.3), в пассиве — «выворачиваться, перекашиваться». Комментаторы предлагают несколько разных интерпретаций значения этого слова в данном месте.

Некоторые комментаторы (Ван Левен и Старки) находят аналогию во «Всадниках», ст. 175. Здесь один из слуг Демоса предлагает Колбаснику

взглянуть на земли, которые могут принести ему богатство и счастье: свой правый глаз он должен обратить на Карию, а левый на Карфаген. Колбасник отвечает на это: Εὐδαιμονήσω δ’, εἰ διαστραφήσομαι «Что, я буду счастлив, если скошусь?» При διαστραφήσομαι в этом пассаже подразумевается слово τὰ ὄμματα — «я буду со скошенными глазами». διαστρέφεσθαι нередко описывает косоглазие, употребляясь и с τὰ ὄμματα, и без этого слова (см. Аристотель «Проблемы» 957b7, 960a9, 960a13). Однако если во «Всадниках» действительно говорится о косоглазии, то в данном пассаже из «Ахарнян» такое значение едва ли возможно. Почему и каким образом Дикеополь должен был скосить глаза, если он просто лишь смотрел на вышедшего на сцену Хэриса? Объяснение Старки (“‘I got a squint’ from staring”) неверно. Старки предполагает, что Дикеополь едва не умер, ожидая выхода Хэриса, и стал косым, долго высматривая его (“He was bored to death waiting for Chaeris”), и сравнивает его ощущения с описанными в «Женщинах на празднике Фесмофорий», ст. 846 ἰλλὸς γεγένημαι προσδοκῶν «Я окосел, ожидая». Однако здесь, в «Ахарнянах», персонажа заставляет страдать не долгое ожидание Хэриса (который был плохим музыкантом, так что едва ли Дикеополь мог пристально его высматривать), а появление этого кифареда на сцене, так что приведенная Старки параллель оказывается неправильной. Сам по себе вид появившегося Хэриса едва ли мог вызвать у Дикеополя косоглазие.

Другие комментаторы (Пэйли и Блэйдс) сопоставляют данный пассаж с одним местом из «Птиц» (ст. 176–177), где Писфетер предлагает Удоду посмотреть в разные стороны, вниз и вверх, и наконец повернуть голову и посмотреть назад (περίαγε τὸν τράχηλον), в ответ на что Удод говорит: ἀπολαύσομαί γ’ <ἄρ’>, εἰ διαστραφήσομαι «Да уж, получу я удовольствие, если перекошусь!» При всем сходстве этой сцены с упомянутой выше сценой из «Всадников» глагол διαστραφήσομαι, по-видимому, следует понимать здесь иначе: не «окосею», а «сверну себе шею» (ср. замечание в схолии к «Птицам» 175: διαστραφήσομαι δὲ, τὸν τράχηλον κλάσω). По мнению Пэйли, это значение διεστράφην имеет и в разбираемом стихе «Ахарнян». Однако непонятно, как Дикеополь мог свернуть себе шею, увидев Хэриса. Объяснение Пэйли (Дикеополь свернул шею «от вида исполнителя, который стоял в проходе вместо того, чтобы выйти на сцену») совсем не убедительно.

Ренни и вслед за ним Олсон видят здесь иное значение διαστρέφειν. Они сравнивают данный пассаж с одним комическим фрагментом (fr. 422

Kock), где упоминается пытка на приспособлении, называемом «лестницей»: τῇ κλίμακι διαστρέφονται κατὰ μέλη στρεβλούμενοι «их выворачивают на лестнице, скручивая им члены». Едва ли, однако, зрители могли связать с пыткой на «лестнице» глагол διαστρέφω, употребленный без каких-либо уточняющих слов. Олсон в подтверждение своей точки зрения приводит один контекст из начала большого папирусного фрагмента комедии Евполида «Демы» (fr. 99, 1–14 Kassel-Austin). Здесь хор бранит афинян, наслаждающихся обильными трапезами в то время, как город голодает. Брань выражается сначала в рассказах о том, как двух из этих персонажей, Писандра и Теогена, «выкрутили» — одного за завтраком (Πείσανδρον διεστράφθαι χθὲς ἀριστῶντά φασ' «Говорят, что Писандра вчера выкрутили за завтраком», 1–3), а другого за ужином (Παύσων δὲ προσστὰς Θεογένει / δειπνοῦντι πρὸς τὴν καρδίαν / <…> λέψας ἅπαξ διέστρεφεν «Павсон, встав рядом с Теогеном, когда тот с удовольствием обедал.., ударил и тут же стал выкручивать», 4–7), а затем хор высказывает пожелание, чтобы так же обошлись с Каллием и Никератом (διαστρέφειν οὖν πρῶτα μὲν / χρὴ Καλλίαν <…> / Νικήρατόν τ' Ἀχαρνέα, 10–14). В другой своей работе, в комментарии к этому фрагменту, однако, сам же Олсон замечает, что едва ли можно понимать здесь под διαστρέφειν указание на пытку, поскольку одного глагола недостаточно для выражения этой идеи ([25, p. 329–330]). Вероятнее всего, у Евполида διαστρέφειν обозначает просто выкручивание членов в драке. Этот контекст никак не может служить параллелью для нашего пассажа из «Ахарнян», так как ни о каком физическом воздействии на Дикеополя здесь речи не идет.

Итак, все предложенные комментаторами трактовки διεστράφην в «Ахарнянах» представляются нам неверными. Понять смысл, который имеет здесь это слово, можно, если обратиться к медицинским текстам, в которых διαστρέφειν нередко обозначает судороги, приводящие к деформации частей тела. Например, Гиппократ в сочинении «О священной болезни» (9), после рассказа об эпилептических судорогах у молодых людей, отмечает, что «более старых эта болезнь, когда она наступает, ни убивает, ни скручивает» (Τοὺς δὲ πρεσβυτέρους οὐκ ἀποκτείνει, ὁκόταν ἐπιγένηται, οὐδὲ διαστρέφει). Один из «Афоризмов» Гиппократа (4.49) описывает предсмертное состояние человека, в том числе и предсмертные судороги: Ἐν μὴ διαλείποντι πυρετῷ, ἢν χεῖλος, ἢ ὀφρὺς, ἢ ὀφθαλμὸς, ἢ ῥὶς διαστραφῇ, ἢν μὴ βλέπῃ, ἢν μὴ ἀκούῃ, ἀσθενέος ἐόντος τοῦ κάμνοντος, ὅ τι ἂν τουτέων γένηται, ἐγγὺς

ὁ θάνατος «Во время непрекращающейся лихорадки если больному перекосит губу, или бровь, или глаз, или нос, если он не видит, если не слышит и если при этом больной слаб — что бы из этого ни случилось, значит, смерть близка» (ср. также «Косские прогнозы» 72).

Это употребление διαστρέφειν оказывается очень близким разбираемому нами пассажу из «Ахарнян». Как и в контекстах из Гиппократа, глагол описывает здесь не какое-то физическое воздействие на персонажа, как у Евполида, не какое-то мучительное движение его самого, следующего глазами или поворачивающего шею, чтобы разглядеть музыканта Хэриса, а болезненные судороги, вызванные его появлением. Медицинская коннотация слова διεστράφην подтверждается и соседством этого глагола с ἀπέθανον: Дикеополя, как больного у Гиппократа, скрючило в судорогах в момент смерти.

Наконец, последний вопрос касается интерпретации глагола παρέκυψε: от какого действия Хэриса Дикеополя скрючило? Бесприставочный глагол κύπτω значит «наклоняться», παρακύπτω — «наклоняться в сторону». Словарь LSJ находит в данном пассаже описание позы, стоя в которой Хэрис исполнял ортийский ном (“of the attitude of a bad harp-player”). Как обозначение позы понимает παρέκυψε также и Ренни (“sidled in”, «согнулся»). Особенную позу или движение видит здесь и Старки, полагающий, что Хэрис выходил на сцену нагнувшись и крадучись с воровским взглядом (“he sneaked in with a furtive look”). Однако непонятно, почему поза кифареда, пусть даже самая нелепая, могла причинить Дикеополю столь тяжелые страдания.

Аристофан употребляет этот глагол очень часто, и всегда в значении «высунуться» — например, в какое-либо отверстие, как во фрагменте 692b διὰ τῆς τρήμης παρακύπτων. В «Осах» (178) παρακύπτω описывает попытки помешанного завсегдатая судов старика Филоклеона выбраться из дома, где его удерживает сын: сын заботится о том, ὅπως ἂν ὁ γέρων μηδὲ παρακύψῃ πάλιν «чтобы старик опять не высунулся». В «Мире» 981–982 этот глагол применяется к действиям женщин, которые высовываются из двери дома, поджидая прохожих: καὶ γὰρ ἐκεῖναι παρακλίνασαι / τῆς αὐλείας παρακύπτουσιν «Они, приоткрыв дверь на улицу, высовываются», ср. также 985 и похожее употребление в «Женщинах на празднике Фесмофорий»: κἂν ἐκ θυρίδος παρακύπτωμεν, τὸ κακὸν ζητεῖτε θεᾶσθαι «Если мы [женщины] высовываем-

ся из окна, вы стремитесь посмотреть на эту напасть» (797). В «Женщинах в народном собрании» (202) это слово употреблено в переносном смысле, о надежде на спасение города, выглянувшей, когда был создан анти-спартанский союз: σωτηρία παρέκυψεν. Еще один пример — из «Женщин на празднике Фесмофорий» (1187b), где παρακύπτω появляется в обсценном контексте. В этой сцене Еврипид пытается усыпить бдительность скифа, стерегущего Мнесилоха. Для этого Еврипид приводит юную танцовщицу, раздевает ее и показывает скифу, который восторгается ее задом и передом; его восторги в Равеннской рукописи сопровождаются фразой ἀνακύπτι καὶ παρακύπτι ἀπεψωλημένος. Подлежащим здесь должен быть половой член; ἀνακύπτει указывает на то, что он поднимается вверх; причастие ἀπεψωλημένος указывает на его возбужденное состояние (букв. «с отведенной назад крайней плотью»), и это причастие вполне объяснимо сопровождает второй глагол, παρακύπτει — т. е. половой член «высовывается» из крайней плоти.

Естественно было бы видеть и в нашем пассаже еще один случай такого же употребления, а не искать здесь обозначение особой позы кифареда. Хэрис «высунулся», чтобы выйти на сцену. Такое значение и лучше всего отвечает конструкции ἐπί с аккузативом (ἐπὶ τὸν ὄρθιον), указывающей на цель действия («высунулся для ортийской песни»).

Но что именно доставило Дикеополю страдания? По мнению Пэйли, который также понимает здесь παρακύπτω как «высовываться», Дикеополь страдал от того, что Хэрис выглядывал из прохода и не спешил выйти на сцену: Дикеополь свернул шею, ожидая его. Однако такое толкование плохо сочетается с представлением о Хэрисе как о плохом музыканте. Если учесть, что в двух предыдущих ситуациях, о которых рассказывает Дикеополь, его эмоции вызваны были просто самим по себе появлением на сцене хороших или плохих артистов, правильно было бы предположить (как это делает Олсон), что о том же идет речь и здесь: Дикеополя мучает не особенная поза или положение Хэриса, а сам его выход на сцену. Глагол παρέκυψεν («высунулся» вместо нейтрального παρῆλθε «вышел») придает рассказу о выходе Хэриса негативный тон. Кроме того, он усиливает описание реакции Дикеополя, которому стало плохо уже при первом взгляде на Хэриса. Наконец, как заметил Ван Лёвен, этот глагол вступает в семантический контраст с ὄρθιος νόμος. ὄρθιος νόμος получил свое название, по-видимому, от того, что он исполнялся на высоких тонах (ср. его характеристику как ἀνατεταμένος у

Суды, s.v. ὄρθιος νόμος καὶ τροχαῖος, и примечание схолиаста к рассматриваемому месту у Аристофана οὕτω καλούμενος διὰ τὸ εἶναι ἔντονον καὶ ἀνάτασιν ἔχειν). Образ «вылезающего», а значит, будто бы согнувшегося музыканта противоречит высоким нотам, которые ему предстоит петь.

Список литературы

1 *Алмазова Н.А.* Беотийский ном // Philologia classica. 2015. № 10. С. 7–30.

2 *Ярхо В.Н.* (ред., перев.), *Пиотровский Адр.* (перев.) Аристофан. Комедии. Фрагменты. М.: Наука, 2000. 1033 с.

3 *Barker A.* Greek Musical Writings. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Vol. 1: The Musician and his Art. 332 p.

4 *Blaydes F.* (Ed.) Aristophanes. Acharnenses. London: D. Nutt, 1845. 168 p.

5 *Carawan E.* The Five Talents Cleon Coughed Up (Scholiast Ar. Ach. 6) // Classical Quarterly. 1990. No. 40. P. 137–147.

6 *Coulon V.* (éditeur), *Irigoin J.* (éditeur), *van Daele H.* (traducteur) Aristophane. Comédies. Paris: Les Belles Lettres, 1928. T. 1: Introduction. Les Acharniens. Les Cavaliers. Les Nuées. 40 p.

7 *Davison J.* Notes on the Panathenaea // Journal of Hellenic Studies. 1958. No. 78. P. 23–42.

8 *Dindorf W.* (Ed.) Aelius Aristides. Leipzig: Reimer, 1829. Vol. 2. 813 p.

9 *Dover K.* (Ed.) Aristophanes. Clouds. Oxford: Clarendon Press, 1968. 285 p.

10 *Dunbar N.* (Ed.) Aristophanes. Birds. Oxford: Clarendon Press, 1995. 782 p.

11 *Fleming T.* The Musical Nomos in Aeschylus' Oresteia // Classical Journal. 1977. No. 72. P. 222–233.

12 *Fraenkel E.* Beobachtungen zu Aristophanes. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1962. 223 p.

13 *Griffith M.* Towards a Sociology of Classical Greek Music // Turkish Journal of Sociology. 2017. No. 37. P. 211–258.

14 *Haigh A.* The Attic Theatre. 3rd edition. Oxford: Oxford University Press, 1907. 430 p.

15 *Hartwig A.* A Reconsideration of the Musician Chaeris // Classical Quarterly. 2009. No. 59. P. 383–397.

16 *Herington C.J.* (Ed.) The older scholia on the Prometheus bound. Leiden: Brill, 1972. 262 p.

17 *Herwerden H. van.* Vindiciae Aristophaneae. Leiden: A.W. Sijthoff, 1906. 141 p.

18 *Kühner R., Gerth B.* Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Zweiter Teil. Satzlehre. Hannover, Leipzig: Hahnsche Buchhandlung, 1898–1904.

19 *Leeuwen J. van* (Ed.) Aristophanes. Acharnenses. Leiden: A.W. Sijthoff, 1901. 206 p.

20 *Leutsch E.L. von, Schneidewin F.* (Eds.) Paroemiographi Graeci. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1839. Vol. 1. 904 p.

21 *Lübcke H.* Observationes criticae in historiam veteris Graecorum comoediae. Berlin: Mayer, 1883. 59 p.

22 *Macdowell D.M.* (Ed.) Aristophanes. Wasps. Oxford: Clarendon Press, 1971. 530 p.

23 *Mazon P.* Sur le proagon // Revue de Philologie. 1903. No. 27. P. 263–268.

24 *Olson S.D.* (Ed.) Aristophanes. Acharnians. Oxford: Oxford University Press, 2002. 379 p.

25 *Olson D.* (Ed.) Eupolis. Einleitung, Testimonia und Aiges – Demoi. Fragmenta comica. Bd. 8.1. Heidelberg: Verlag Antike, 2017. 525 p.

26 *Paley F.A.* (Ed.) The Acharnians of Aristophanes. Cambridge: Deighton, Bell, 1876. 121 p.

27 *Rennie W.* (Ed.) The Acharnians of Aristophanes. London: E. Arnold, 1909. 279 p.

28 *Robinson D.* Greek and Latin Inscriptions from Sinope and Environs // American Journal of Archaeology. 1905. No. 9. P. 294–333.

29 *Schwartz E.* (Ed.) Scholia in Euripidem. 2 vols. Berlin: G. Reimer, 1887–1891.

30 *Smyth H.W.* (Ed.) The Commentary on Aeschylus' Prometheus in the Codex Neapolitanus // Harvard Studies in Classical Philology. 1921. No. 32. P. 3–82.

31 *Sommerstein A.* (Ed.) The Comedies of Aristophanes. Warminster: Aris & Phillips, 1980. Vol. 1: Acharnians. 215 p.

32 *Starkie W.J.M.* (Ed.) The Acharnians of Aristophanes. London: Macmillan, 1909. 274 p.

33 *West M.L.* Ancient Greek Music. Oxford: Oxford University Press, 1992. 410 p.

34 *Wilson N.G.* Scholiasts and Commentators // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2007. No. 47. P. 39–70.

References

1 Almazova, N.A. “Beotiiskii nom” [“The Boeotian Nome”]. *Philologia classica*, no. 10, 2015, pp. 7–30. (In Russ.)

2 Iarkho, V.N., editor, trans., Piotrovskii, Adr, trans. *Aristofan. Komedii. Fragmenty* [*Aristophanes. Comedies. Fragments*]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 1033 p. (In Russ.)

3 Barker, Andrew. *Greek Musical Writings*, vol. 1: The Musician and his Art. Cambridge, Cambridge University Press, 1984. 332 p. (In English)

4 Blaydes, Frederick, editor. *Aristophanes. Acharnenses.* London, D. Nutt, 1845. 168 p. (In Latin)

5 Carawan, Edwin. “The Five Talents Cleon Coughed Up (Scholiast Ar. Ach. 6).” *Classical Quarterly*, no. 40, 1990, pp. 137–147. (In English)

6 Coulon, Victor, éditeur, Irigoin, Jean, éditeur, van Daele, Hilaire, traducteur. *Aristophane. Comédies. T. 1: Introduction. Les Acharniens. Les Cavaliers. Les Nuées.* Paris, Les Belles Lettres, 1928. 40 p. (In French)

7 Davison, John. “Notes on the Panathenaea.” *Journal of Hellenic Studies*, no. 78, 1958, pp. 23–42. (In English)

8 Dindorf, Wilhelm, editor. *Aelius Aristides,* vol. 2. Leipzig, Reimer, 1829. 813 p. (In Latin)

9 Dover, Kenneth, editor. *Aristophanes. Clouds.* Oxford, Clarendon Press, 1968. 285 p. (In English)

10 Dunbar, Nan, editor. *Aristophanes. Birds.* Oxford, Clarendon Press, 1995. 782 p. (In English)

11 Fleming, Thomas. The Musical Nomos in Aeschylus’ Oresteia. *Classical Journal*, no. 72, 1977, pp. 222–233. (In English)

12 Fraenkel, Eduard. *Beobachtungen zu Aristophanes.* Roma, Edizioni di Storia e Letteratura, 1962. 223 p. (In German)

13 Griffith, Mark. “Towards a Sociology of Classical Greek Music.” *Turkish Journal of Sociology*, no. 37, 2017, pp. 211–258. (In English)

14 Haigh, Arthur. *The Attic Theatre.* 3rd ed. Oxford, Oxford University Press, 1907. 430 p. (In English)

15 Hartwig, Andrew. “A Reconsideration of the Musician Chaeris.” *Classical Quarterly*, no. 59, 2009, pp. 383–397. (In English)

16 Herington, Cecil, editor. *The older scholia on the Prometheus bound.* Leiden, Brill, 1972. 262 p. (In English)

17 Herwerden, Henrik van. *Vindiciae Aristophaneae*. Leiden, A.W. Sijthoff, 1906. 141 p. (In Latin)

18 Kühner, Raphael, Gerth, Bernhard. *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Zweiter Teil. Satzlehre.* Hannover, Leipzig, Hahnsche Buchhandlung, 1898–1904. (In German)

19 Leeuwen, Jans van, editor. *Aristophanes. Acharnenses.* Leiden, A.W. Sijthoff, 1901. 206 p. (In Latin)

20 Leutsch, Ernst von, Schneidewin, Friedrich, editors. *Paroemiographi Graeci*, vol. 1. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1839. 904 p. (In Latin)

21 Lübcke, Hermann. *Observationes criticae in historiam veteris Graecorum comoediae*. Berlin, Mayer, 1883. 59 p. (In Latin)

22 Macdowell, Douglas, editor. *Aristophanes. Wasps*. Oxford, Clarendon Press, 1971. 530 p. (In English)

23 Mazon, Paul. "Sur le proagon." *Revue de Philologie,* no. 27, 1903, pp. 263–268. (In French)

24 Olson, Stuart Douglas, editor. *Aristophanes. Acharnians*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 379 p. (In English)

25 Olson, Stuart Douglas, editor. *Eupolis. Einleitung, Testimonia und Aiges – Demoi*. Fragmenta comica. Bd. 8.1. Heidelberg, Verlag Antike, 2017. 525 p. (In English)

26 Paley, Frederick, editor. *The Acharnians of Aristophanes*. Cambridge, Deighton, Bell, 1876. 121 p. (In English)

27 Rennie, William, editor. *The Acharnians of Aristophanes*. London, E. Arnold, 1909. 279 p. (In English)

28 Robinson, David. "Greek and Latin Inscriptions from Sinope and Environs." *American Journal of Archaeology*, no. 9, 1905, pp. 294–333. (In English)

29 Schwartz, Eduard, editor. *Scholia in Euripidem*. 2 vols. Berlin, G. Reimer, 1887–1891. (In Latin)

30 Smyth, Herbert Weir, editor. "The Commentary on Aeschylus' Prometheus in the Codex Neapolitanus." *Harvard Studies in Classical Philology*, no. 32, 1921, pp. 3–82. (InEnglish)

31 Sommerstein, Alan, editor. *The Comedies of Aristophanes*, vol. 1: Acharnians. Warminster, Aris & Phillips, 1980. 215 p. (In English)

32 Starkie, William, editor. *The Acharnians of Aristophanes*. London, Macmillan, 1909. 274 p. (In English)

33 West, Martin. *Ancient Greek Music*. Oxford, Oxford University Press, 1992. 410 p. (In English)

34 Wilson, Nigel. "Scholiasts and Commentators." *Greek, Roman and Byzantine Studies*, no. 47, 2007, pp. 39–70. (In English)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.111.0
ББК 83.3(4Вел)5

ЗА ГРАНЬЮ ЭПИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ. «РИЧАРД II» И ПРИРОДА ТРАГИЧЕСКОГО У ШЕКСПИРА

Российский государственный гуманитарный университет, Российская академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 19 мая 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 01 июля 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-120-141

Аннотация: По мнению Л.Е. Пинского, трагический герой у Шекспира был выходцем из эпического прошлого, обретающим на пути в историю свое «я» в его индивидуальности и внутреннем мире. Среди тех, кто не разделял этой точки зрения, были его друзья: М.М. Бахтин и Г.М. Козинцев, видевшие пространство шекспировской трагедии в большей мере не историческим, а мифологизированным и распахнутым во всемирность. Тем не менее не в жанре трагедии, а в жанре хроники впервые появляется герой, делающий шаг за пределы эпического мира. Следуя архетипической оппозиции, предложенной Хью Грейди в статье «Шекспировские связи с Макиавелли и Монтенем», Ричард не макиавеллистский тип, хотя иногда и характеризуемый критиками как слабый или «недостаточный» тиран, или Джоном Гонтом в пьесе как своевольный «помещик», а не король. В создании этого характера Шекспир делает первый шаг в направлении Гамлета. Кульминационной в этом отношении становится сцена низложения короля: кто он теперь, лишенный короны и прежнего достоинства? Еще несколько сцен в пьесе (королева и Буши, Ричард в замке Помфрет) демонстрируют новый лирический опыт, обретенный Шекспиром, автором поэм и сонетов, в течение двух лет эпидемии чумы (1592–1594); в «Ричарде II» он закладывает основы новой поэтической традиции — метафизической.

Ключевые слова: эпический мир, эпическое мировоззрение, А.Н. Веселовский, Л.Е. Пинский, Х. Грейди, внутренний мир, *inwardness*, Макиавелли, Монтень, метафизика, кончетти/

Информация об авторе: Игорь Олегович Шайтанов — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр современных компаративных исследования ИФИ, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 ГСП-3, г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, 119571 г. Москва, Россия.

E-mail: voplit@mail.ru

Для цитирования: *Шайтанов И.О.* За гранью эпического времени. «Ричард II» и природа трагического у Шекспира // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 120–141. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-120-141

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

BEYOND THE EPIC. *RICHARD II* AND THE NATURE OF THE TRAGIC IN SHAKESPEARE

© 2021. Igor O. Shaytanov
Russian State University for the Humanities,
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia
Received: May 19, 2021
Approved after reviewing: July 01, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: The major disagreement on the nature of the epic is rooted in the opposition of two concepts — either the epic draws on the myth, or its optics is regulated by history. In Leonid Pinsky's opinion the way leading from the epic past towards the individual and inward self was the way of Shakespeare's heroes both in his tragedies and history plays. *Richard II* (1595, opening the second tetralogy) follows one of the two archetypes suggested by Hugh Grady in his article "Shakespeare's links to Machiavelli and Montaigne." Richard is not essentially a machiavellian type, though occasionally called a weak, "deficient" tyrant by critics and a "landlord" (not a king) by John Gaunt in the play. Creating this character Shakespeare makes the first step towards Hamlet. The climax is reached in the scene of his dethronement, much more known for its political topicality than being scrutinized for the discovery a dethroned king is to make. Who is he now? A nonentity, or a new being? The mirror he asks to bring lies, he thinks, when he recognizes his own unchanged face in it. Several scenes in the play (the Queen and Bushy, Richard and his jailor) demonstrate how the lyrical experience, Shakespeare must have acquired in the two plague years (1592–1594), had changed his dramatic technique. In *Richard II* he gave a start to a new metaphysical tradition.

Keywords: epic, epic worldview, Alexandre Veselovsky, Leonid Pinsky, Hugh Grady, *inwardness*, Machiavelli, Montaigne, metaphysical tradition, conceit.

Information about the author: Igor O. Shaytanov, DSc in Philology, Professor, Director of Research, Head of the Center of Contemporary Comparative Studies, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Ploshad 6, 125993 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prospect Vernadskogo, 82, bld. 1, 119571 Moscow, Russia.

E-mail: voplit@mail.ru

For citation: Shaytanov, I.O. "Beyond the Epic. *Richard II* and the Nature of the Tragic in Shakespeare." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 120–141. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-120-141

Основным моментом спора о жанре героического эпоса, как и о природе эпического, служит оппозиция мифа и истории в качестве порождающей его почвы. Отражает ли эпическое событие некую легендарную память о реально бывшем в истории рода, или более привязано к мифу, в нем находя начало и объяснение родовой истории? Понятно, что противопоставление не может быть однозначно разрешено, поскольку и миф, и история выступают как формирующие факторы эпического сюжета со сменным значением по мере его хронологического развития. Но уточнение их соотношения уместно в каждом отдельном случае, что каждый исследователь мифа и эпоса предпринимает на своем конкретном материале (общетеоретической постановкой проблемы в контексте исторической поэтики памятны исследования Е.М. Мелетинского).

Есть, впрочем, и иной повод для обсуждения. В какой мере историзировать сам период эпического бытия, каким его видеть и в каких формах представлять выход из него, запечатленный в поэтике сюжета и образе героя. В связи именно с этой проблемой в России имел место ранний спор о природе эпического. Его участниками были А.Н. Веселовский и его университетский учитель Ф.И. Буслаев.

Когда в одном из «Отчетов о заграничной командировке» (III, лето 1863 г.) Веселовский упоминает «любителей эпической наивности и первобытной простоты нравов» [6, с. 53], есть повод предположить, что он имеет в виду автора работы «Эпическая поэзия» (1851), где мысль об «эпической наивности» не раз варьируется [3, с. 69]. Сама работа принципиальна для Ф.И. Буслаева, и была с энтузиазмом встречена, заложив основы для будущих исследователей в области мифа и народной поэзии. О впечатлении, ею

произведенном, так вспоминал историк В.О. Ключевский, также слушавший буслаевские лекции:

> Живо помню впечатление, произведенное на меня чтением статьи «Эпическая поэзия». Это было в 1860 или 1861 г. Заглавие вызвало во мне привычные школьные представления об эпосе, «Махабхарате», «Илиаде», «Одиссее», русских богатырских былинах. Читаю и нахожу нечто совсем другое. Вместо героических подвигов и мифических приключений я прочитал в статье лексикографический разбор, вскрывший в простейших русских словах вроде *думать*, *говорить*, *делать* сложную сеть первичных житейских впечатлений, воспринятых человеком, и основных народных представлений о божестве, мире и человеке... Первое и главное произведение народной словесности есть самое *слово*, язык народа. Слово — не случайная комбинация звуков, но условный знак для выражения мысли... [7, с. 225].

А.Н. Веселовский также числится среди продолжателей, к идеям этой работы, возможно, он «вернулся в 1890 гг., размышляя об основаниях своей "Исторической поэтики"» [12, с. 99]. А.Л. Топорков очень внимательно исследовал отношения двух ученых в разные периоды их деятельности, включая и моменты полемики. В качестве одного из них, вероятно, можно добавить и понимание природы эпического. Сам принцип подхода к эпическому был различным.

А.Н. Веселовский уже в одной из ранних работ «Из истории развития личности. Женщина и старинные теории любви» (1872) говорит не об «эпическом периоде жизни», как это делал Ф.И. Буслаев, а об «эпическом миросозерцании», которое он обнаружит в общественной жизни и бытовом ритуале гораздо более поздних эпох. Там оно проявляет себя как консервативный момент, сопротивляющийся самовыражению и личности, и народности. Сама эта работа (не получившая заслуженного внимания) дает пример того, как А.Н. Веселовского, вероятно даже до знакомства с английской «ритуалистической» антропологией (которая послужит одним из источников его сравнительного метода), привлекает не отвлеченное исследование идей, а процесс их бытования, влияния на жизненный обычай и зависимость от него. (Методология А.Н. Веселовского вполне могла бы послужить примером для современных энтузиастов антропологических ис-

следований). Речь в данной работе идет о том, что если куртуазию можно еще представить как бытовую реальность в декорациях рыцарского замка, то как она может проявить себя и существовать, будучи перемещенной в условия средневекового итальянского города, куда она попадает после разгрома Прованса.

Эпическое миросозерцание — понятие, относящееся не только к классическому эпосу, но ко всему укладу жизни: «Сама жизнь была опутана обрядом и обычаем, их вековые определения связывали всякий личный порыв, всякий шаг человека от колыбели и до гроба» [5, с. 240]; и далее — «личность еще не успела выдвинуться из условного эпического типа, личная инициатива разорвать путы обряда и обычая...» [5, с. 241].

В «эпической наивности» у Ф.И. Буслаева и в эпических «путах обряда и обычая» у А.Н. Веселовского — непреходящее различие в восприятии эпоса, традиции, традиционного уклада жизни, в котором одним видится гармония соприродного порядка, другим — тирания домостроя и авторитарности.

Именно в этом аспекте отношения героя к эпическому укладу жизни, уже, впрочем, одряхлевшему и вырождающемуся в своем собственно эпическом бытии, проблема может быть поставлена (и была поставлена) на материале трагического у Шекспира. Шекспировский герой предстает в тот момент, когда он разрывает путы обряда, переступает установления обычая, обнаруживая личную инициативу, которая, в свою очередь, может различно обернуться: трагической ошибкой Отелло, преступлением Макбета или гамлетовской потрясенностью при встрече со своим новым «я».

Концепция трагического у Шекспира, понимаемого как трагедия если не эпического героя, то героя из эпического прошлого, попавшего в историю, была намечена в России Л.Е. Пинским. В 1946 г. на восьмой шекспировской конференции Пинский сделал доклад «О трагическом начале у Шекспира» [4, с. 267]. Вскоре ученый будет арестован. Выйдя из лагеря, свой доклад Л.Е. Пинский превратит в статью «Трагическое у Шекспира» (Вопросы литературы, 1958, № 2). Она станет главой книги «Реализм эпохи Возрождения» [9], по свидетельству А.А. Аникста, соученика Пинского по аспирантуре, мало изменившись по отношению к идеям 1946 г. [1, с. 5]. В процессе подготовки этой книги внутреннюю рецензию на нее напишет А.А. Смирнов, который известит Л.Е. Пинского письмом, что его мысли,

особенно в части, касающейся Рабле, показались ему близкими мыслям, высказанным в одной диссертации, в защите которой он, Смирнов, еще в 1946 г. принял участие в качестве оппонента. Имя диссертанта — М.М. Бахтин. Л.Е. Пинский прочитал диссертацию, написал письмо в Саранск, состоялось знакомство, ознаменованное личной дружбой и принципиальным единомыслием, которое, впрочем, не мешало спору.

Поводом для несогласия Пинского с Бахтиным (и, как стало известно из недавно опубликованной переписки — с Г.М. Козинцевым по поводу его фильма «Король Лир» [11]) стал вопрос о том, насколько историчен или внеисторичен («топографичен», по слову М.М. Бахтина, «мифологичен» в нашем более привычном словоупотреблении) шекспировский герой и конфликт. Основной план трагедии для Л.Е. Пинского представлен «эпическим моментом». В то время как герой трагедии, обладатель «индивидуальной жизни», мыслится не как «внешний человек», а как рефлексирующий герой, хотя и не знающий еще «позднейшего раздвоения» [9, с. 258, 267]. «Эпический момент», соотнесенный с «эпическим состоянием общества», для Л.Е. Пинского — характеристика определенного исторического бытия. У М.М. Бахтина, в его понимании Шекспира, историческое хотя и присутствует, но не должно играть центральной роли в осмыслении жанра трагедии.

Это был момент расхождения, который ни тот, ни другой по понятным причинам не хотели обнаружить в жанре обоюдных внутренних рецензий для издательства. Или ограничивались смягченными характеристиками, как это делает М.М. Бахтин во внутренней рецензии на книгу Л.Е. Пинского «Шекспир». Он не подвергает сомнению «историческое определение основы трагического» [2, с. 446] как слома эпох, но сомневается в том, можно ли достичь на историческом пути полного объяснения. «Л.Е. Пинский прекрасно раскрывает всемирность» шекспировского театра, но почему не пойти далее и не увидеть "космичность" шекспировских образов» [2, с. 440].

По поводу ответного мнения Л.Е. Пинского со всей недвусмысленностью (поскольку вне соображений цензуры или такта) скажет в интервью его вдова — Е.М. Лысенко: «Леонид Ефимович находил, что у Михаила Михайловича в книге о Рабле есть какая-то внеисторичность, что открытая им смеховая культура низов накладывается на все эпохи и теряет свою специфику средневековую и времен Ренессанса [8, с. 109–110].

Казалось бы, все понятно: один предпочитает миф, другой — историю, однако ввиду многозначности каждого из этих слов некоторое пояснение необходимо. Историзировать Шекспира пытались не раз, особенно наглядно — на сцене. Романтики не согласились с придворной пышностью по моде Людовика XIV и устремились в направлении бутафорского соответствия изображаемой эпохе. Финальный успех на этом пути был достигнут в спектаклях мейнингенцев в 1870–1880-х гг. Но это был успех на пределе, за которым последовало разочарование: ведь в шекспировском «Глобусе» нимало не заботились об исторической бутафории и играли в пышных костюмах (бывших самой большой ценностью в собственности труппы), которые вельможи нередко завещали актерам. К концу XIX в. пришло время, когда любители исторической точности занялись исследованием условий елизаветинской сцены, современное воспроизведение которой нельзя было заставлять бутафорией.

Но ни одну из этих сценических интерпретаций истории не имел в виду Л.Е. Пинский. Его историческая концепция, прежде всего, касалась не бутафории и оформления сцены или экрана, а понимания сути событий, их определенного порядка и последовательности, хронологии Большого времени, которое у М.М. Бахтина вне- или над-исторично. А у Л.Е. Пинского собственно и составляет смысл истории в ее движении и переменах, в ее всемирности, мысль о которой также восходит к романтикам (что естественно для пожизненного, по собственному признанию, гегельянца Пинского).

Пинский в силу не только хронологии шекспировского творчества, но и в силу собственной концепции открывает книгу «Шекспир» главой о хрониках, поскольку как поэт истории Шекспир был ему особенно близок, а исторический путь героя, уводящий его из эпоса, мыслился как основа его трагического бытия и начало Нового времени. С этого начинает Ричард Глостер в своем вступительном монологе (в функции Пролога к хронике «Ричард III») в котором он отделяет себя от коллективной неразличимости «мы — Йорки», чтобы дерзко броситься в поток Времени, настойчиво рифмуя “I — Time”. Движение мысли (а вместе с ним и зарождение сюжета) Шекспир сделал слышимым в звуковом движении смысла (об этом мне приходилось подробно писать, см.: [13; 19]).

Совсем иной вариант вступления в современность предлагает судьба короля Ричарда II. Хроника о нем открывает вторую тетралогию (1595),

возвращая к самым истокам событий, уже выведенных на сцену в первой. Низложение и убийство Ричарда (исторически имевшее место в 1399 г.) на несколько десятилетий прерывают течение английской истории гражданской смутой и войной Роз.

В 1595 г. Шекспир решает задачу создания репертуара для своей новой труппы — с ней он останется до конца карьеры и жизни — труппы лорда-камергера. Несколько месяцев, как лондонские театры открылись после двухлетнего простоя, вызванного эпидемией чумы. За эти годы Шекспир приобрел новый опыт — лирического поэта. И то, что он пишет теперь, отмечено этой новизной. Шекспир становится великим драматургом, став одновременно великим поэтом, и результат очевиден в создании трех шедевров 1595 г. в трех основных шекспировских жанрах: трагедия «Ромео и Джульетта», комедия «Сон в летнюю ночь», хроника «Ричард II». Если в трагедии Шекспир непосредственно делает предметом изображения и отталкивания сонетную условность, то в хронике он предваряет следующую эпоху. В моей биографии Шекспира [14] эта главка названа: «Если Джон Донн ходил в театр...». Есть сведения, что в эти годы Донн был завзятым театралом. Тогда именно там — в театре — он мог получить первые уроки поэтической метафизики.

Тем не менее «Ричард II» не принадлежит к числу самых популярных и оцененных хроник, если сравнить его с «Ричардом III» или «Генрихом IV» с его фальстафовскими эпизодами. Во всяком случае это в полной мере справедливо для русского театра. Да и упоминается пьеса чаще всего в связи с одной лишь сценой — низложения короля, без которой она трижды в течение двух лет (1597–1598) печаталась в изданиях кварто, демонстрируя тем свою небывалую популярность у шекспировского зрителя и остроту политического намека — на возможную судьбу королевы Елизаветы.

Королевский антиквар и хранитель архива в Тауэре, Уильям Лэмбард записал беседу с Елизаветой 4 августа 1601 г. Случайно нашелся сделанный на доске, используемой в хозяйственных целях, портрет Ричарда II. Лэмбард показал его королеве:

> ...Ее Величество, недобрым словом поминая правление короля Ричарда II, сказала: «А ты не знаешь, что Ричард — это я?».

Л э м б а р д. Такое могло привидеться только в злобных мыслях неблагодарного джентльмена, небывало вознесенного Вашим Величеством.

Ее В е л и ч е с т в о. Забывший Бога забудет и своего благодетеля; эта трагедия игралась более 40 раз на улицах города и в домах[1].

Прошло всего лишь полгода после того, как имело место самое известное исполнение хроники в неурезанном виде накануне восстания графа Эссекса в феврале 1601 г. Спектакль был заказан его сторонниками. А в печатных изданиях сцена будет восстановлена только после смерти Елизаветы в четвертом кварто (1608), вероятно со слов кого-то из актеров, поскольку они сильно отличаются от соответствующего текста в посмертном шекспировском фолио (1623), видимо, восстановленного по рукописи.

О популярности пьесы и о том, что она действительно игралась в частных домах, говорит и столь редкое в случае с шекспировскими пьесами свидетельство об одном из первых исполнений в присутствии привилегированных зрителей. Сохранилось письмо от 7 декабря 1595 г. сэра Эдварда Хоуби его двоюродному брату — сэру Роберту Сесилу:

> Сэр, будучи извещен о том, что Вам невозможно быть в Лондоне завтра вечером, я возьму на себя смелость узнать, будет ли вторник [9 декабря] Вам более любезен с тем, чтобы посетить нашу скромную Чэннон-роу, где в час столь поздний, как Вам это будет угодно, двери будут открыты пред Вами для ужина, а К[ороль] Ричард собственной персоной готов предстать пред Вашим взором...

Общий консенсус (при редких репликах несогласных) существует относительно того, что упомянутый «Король Ричард» — новая пьеса Шекспира «Ричард II», самая политически интригующая его хроника, заставляющая при каждом издании или сведениях о каждой прижизненной постановке задавать вопрос: а сцена отречения короля выброшена или оставлена?

Но только ли эта политическая острота могла привлечь к пьесе двух знаменитых елизаветинских интеллектуалов, заказавших ее домашнее исполнение? Сесил — сын первого министра Елизаветы Уильяма Сесила,

1 В документальных текстах, где имя переводчика не указано, перевод выполнен автором статьи.

лорда Берли, впоследствии занявший аналогичное положение при Якове Стюарте; а Хоуби — сын дипломата, переводчика «Придворного» Кастильоне на английский язык. Женат он на дочери лорда-камергера — Генри Кэри, барона Хансдона, покровителя шекспировской труппы! Так что был или не был (или в какой мере был) актер Шекспир допущен в аристократический круг, но его пьесы были вхожи и воспринимались как интеллектуальное развлечение. Или в данном случае все решала острота политического намека?

По утверждению Чарлза Р. Фоккера, редактора хроники в “The Arden Shakespeare”, слово ‘ritualistic’ в отношении ее репутации звучит трюизмом [15, p. 58]. Повод к подобному мнению — количество сцен придворного ритуала, от самой первой и до кульминационной с низложением короля. Ритуальность действия как бы служит напоминанием о том, что Ричард II — «самый “законный” — даже единственный вполне “законный” король хроник» [10, с. 29], поскольку он — единственный прямой Плантагенет. И если спустя сто лет узурпатор Ричард III будет чаще, чем кто-либо из королей этой династии напоминать о том, что он — Плантагенет, то именно потому, что представляет лишь младшую линию, по праву сильного захватившую власть: Болингброк, будущий Генрих IV, был Ланкастером, Ричард III — Йорком, а Ричард II — Плантагенетом.

Стоит ли удивляться, что в свое время (1857) популярность этой исполненной ритуала пьесе вернул главный сторонник сценической парадности в постановке шекспировских хроник и трагедий Чарлз Кин. Однако в XX столетии возникло желание увидеть в ней нечто другое, и Джон Гилгуд, один из самых блистательных исполнителей заглавной роли, отмечает «опасность монотонности в пьесе, если в “искусственную условность” несколько “бутафорского” стиля <...> не будет возвращена поэзия» [15, p. 56]. Чарлз Фоккер беглым замечанием определил суть того, что сопутствует развитию «ритуального» сюжета и задает новую драматическую глубину этой хронике: “Shakespeare makes drama out of poetic ingenuity” [15, p. 64]. Новая шекспировская драма творится на путях изобретательного поэтического мастерства.

Возвращение поэзии, заслоненной политической актуальностью в восприятии потомков, и должно стать залогом нового интереса к пьесе и ее нового достоинства в шекспировском творчестве. Поэтическую мета-

физику нужно научиться играть. Это условие, без которого «Ричард II» не завоюет российскую сцену.

Впрочем, и с ритуалом не все так просто. Он часто сопровождает действие и демонстрирует проблемы, но он далеко не безусловно торжествует. С первых же двух сцен (когда согласно композиции шекспировских пьес герой заявляет свой характер) Ричард «манипулирует публичным ритуалом» [18, p. 201]. В первой сцене он дирижирует ситуацией, в которой его двоюродный брат Болингброк бросает обвинение в предательстве Томасу Моубрею. герцогу Норфолку. Ричард отказывает им в немедленном поединке чести и переносит его в Ковентри, где состоится рыцарский турнир. Но и там король не позволит двум антагонистам восстановить свою честь: в последний момент, когда звучат трубы герольдов, возгласивших имена рыцарей, король прерывает поединок и своей властью изгоняет их из страны. Для обоих это удар судьбы, который также тяжел для престарелого отца Болингброка, дяди короля, не раз вмешивавшегося в ход его правления, Джона Гонта. Теперь Ричард отыгрывается на его сыне — изгнанном, а в следующей сцене смерти Гонта лишенном наследства. Это и послужит поводом для возвращения Болингброка, требующего восстановления своих прав, а по ходу своего победного шествия захватывающего короля, и, по мере роста его аппетита, отнимающего у Ричарда и корону, и жизнь.

Формулу королевского произвола в предсмертной речи чеканит Джон Гонт:

> Why, cousin, wert thou regent of the world,
> It were a shame to let this land by lease;
> But for thy world enjoying but this land,
> Is it not more than shame to shame it so?
> Landlord of England art thou now, not king.
> Thy state of law is bondslave to the law;
> And thou —
>
> Act II, 1, 109–115[2]

2 Английский текст «Ричарда II» цит. по: [20].

Племянник, если бы ты владел всем миром, —
В аренду сдать сей остров было б стыдно.
Но этот остров — все, чем ты владеешь,
И оттого твой стыд еще стыдней.
Помещик ты, в наем сдающий ферму,
А не король. Твой сан, законов крепость,
Отныне в рабстве крепостном. А ты...[3]

Речь Гонта прерывается королевской бранью. Но Гонт уже сказал главное: король вышел из-под власти закона, что в данном случае означает — он порвал с феодальным ритуалом и обычаем. По-русски в сходном значении слово «помещик» употребил А.С. Пушкин (едва ли пропустивший это ключевое место в «Ричарде II», как он не прошел мимо народного молчания в «Ричарде III», воспользовавшись им как финальной ремаркой в «Борисе Годунове»![4]), описывая суть деяний Петра I. В подготовительных набросках текста к «Истории Петра I» под 1721 г. есть такое заключение с пометкой: «NB. (Это внести в Историю Петра, обдумав.)».

Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика.

Помещик самовластен, монарх — строитель государства и защитник законов. Но как быть реформатору? Впрочем, это вопрос не по пово-

3 Здесь и далее перевод М. Донского.

4 Исследователи Н. Гоголя обращали внимание на сходство «безмолвных» финалов в «Ревизоре» и «Борисе Годунове», как и пушкинистами давно установлена генетическая связь финальной реплики пушкинской трагедии с реакцией лондонских горожан в «Ричарде III»: и там, и там «народ безмолвствует». Мне кажется вполне вероятным предположение, что А.С. Пушкин обратил внимание и на «Ричарда II» с его поэтикой невыразимого, путь к которой уже был проложен в русской поэзии В. Жуковским, устремленным к моментам когда «лишь молчание понятно говорит» («Невыразимое», 1819). Если не молчание, то «невыразимое» впервые становится предметом переживания, ищущего словесную форму, в «Ричарде II».

ду Ричарда II, который реформатором если и стал, то лишь апофатически, вырвавшись из прежнего миропорядка, разрывая путы ритуала и обычая. В этом его трагическая новизна, наполнившая эту шекспировскую хронику тем, что Хью Грейди назвал «очарованием субъектностью» (fascination with subjectivity) [16, p. 133]. Известна шекспировская приверженность к дублированию основных сюжетных мотивов в регистрах, меняющихся для разных персонажей, так называемые (еще со времен Виктора Гюго, обратившего на них внимание) — «параллельные сюжеты». Параллельными могут быть и проблемные мотивы. В «Ричарде II» «очарование субъектностью» варьируется в своем значении: метафизическое угадывание душевной глубины у королевы, прежде скрытого человеческого «я» у Ричарда… И не внутреннее, а внешнее, ритуальное — политическая многоликость у претендента, сменяющего в пьесе титулы по мере своего восхождения: Дерби, Херефорд, Болингброк, Ланкастер и, наконец, Генрих IV [15, p. 68].

Трагическое осуществление метафизического «очарования» разворачивается в нескольких сценах. Публичная сцена детронизации (низложения) в Вестминстере, которая сменится для развенчанного короля предсмертным размышлением в замке Помфрет и монологом, когда Ричард сопоставляет свой микромир с внешним, а пространство, что ему теперь предоставлено, представляет порождением души и мозга, подкрепляя мысль рядом метафизических метафор. Новое мироздание рождается не под музыку сфер, а в дисгармонической фальшивой игре конюха, хотя и музицирующего из лучших побуждений — развлечь заключенного и обреченного короля.

Король буквально зачарован своей субъектностью, но не ранее, чем он утрачивает корону, теряя с нею и свое место в иерархии, т. е. самого себя. Кто же он теперь?

Прежде опыт самоанализа проходит королева, разбираясь в смутности своих предчувствий, в игре реального и, возможно, мнимого, но тем не менее реально ею переживаемого и чем же тогда порожденного?

Душевная смута передается языку (или рождается в языке) — возникновением неожиданных метафорических уподоблений, словесных повторов, когда именно вслед слову пробивается, новая мысль. Именно так происходит в беседе одного из немногих сторонников короля Буши и королевы, терзаемой предчувствиями по поводу королевского отбытия в Ирлан-

дию. Пытаясь развеять еще неведомую печаль королевы, Буши развертывает метафору, уподобляя охваченный печалью взгляд сквозь слезы ложной живописной перспективе, когда реальность расплывается, ускользает, а нужно лишь взглянуть на нее под верным углом зрения.

Такого рода перспективная живопись вошла в Англии в моду еще со времен Генриха VIII. Ее самый прославленный образец картина Гольбейна-младшего «Послы» (1533). Это портрет и одновременно натюрморт, где каждая деталь туалета, предмет или цветок — часть видимого шифра, но главная его часть дана в предметах, которые обретут форму только при верно выбранном угле зрения. Живопись, известная как анаморфическая, т. е. предлагающая образ в искаженной перспективе, которую зрителю предстоит восстановить самостоятельно.

Ч. Фоккер называет эту речь Буши «“метафизическим” пассажем о “перспективе”» [15, p. 61], но если это и метафизика, то уже несколько устаревшего свойства, верящая в способность зрения во внешнем подсмотреть суть вещей. Позднейшая метафизика исходит из способности слова сделать зримым незримое, эта оптика лежит в основе поэтической метафизики. В ответ Буши королева пытается описать то, что ее тревожит, что рождается в глубине души. Буши кратко откликается словом, которое будет неразрывно связано с образностью метафизической поэзии и отвергает его:

Bushy. ‘Tis nothing but conceit, my gracious lady (II, 2; 33).

Слово *conceit* — с огромным кругом значений, уводящих к обозначению сложной метафизической метафоры «кончетти». Здесь оно употреблено в более обыденном значении — вымысел, игра ума. Но королева подхватывает его, переводя в другой смысловой план, возвращая к этимологическому смыслу, производному от глагола *to conceive* — порождать, давать начало. Чему? Она еще не знает и, говоря об этом неведомом, пытается выбраться (предвосхищая стиль Донна и возможно уже написанных шекспировских сонетов), пробуя облечь *nothing* во что-то более определенное, но также не имеющее еще имени — *something*:

Tis nothing less: conceit is still derived
From some forefather grief. Mine is not so,

For nothing had begot my something grief;
Or something hath the nothing that I grieve.
'Tis in reversion that I do possess —
But what it is, that is not yet known what,
I cannot name. 'Tis nameless woe, I wot. (II. 2; 34–40)[5].

Буши
То призрачные страхи, госпожа.
Королева
Нет! Призрачные страхи — порожденье
Былого горя. У меня не так.
Мое ничто само рождает горе,
Как будто бы в моем ничто есть нечто
И буду им я скоро обладать.
Я знаю лишь, что ждет меня страданье.
Хотя не знаю для него названья.

Но самая показательная в отношении нового исторического бытия и нового героя, разумеется, сцена публичного низложения Ричарда в Вестминстере. Король должен зачитать отречение с признанием собственной вины и списка преступных действий. Ричард медлит завершить сцену (чем раздражает Болингброка) и требует принести зеркало. Последняя королевская просьба исполняется. Он ожидает увидеть отраженными изменения в своем лице, даже потерю лица вместе с утратой короны, поскольку кто он теперь? Никто. Не обнаруживая изменений, он в исступлении разбивает лживое зеркало. И лишь теперь готов производить своим разлетевшееся на куски изображение. Следует такой диалог с Болингброком:

5 Принимая текстологическое решение Чарлза Р. Фоккера в издании The Arden Shakespeare, нельзя не сказать, что в целом текстологические усилия современных редакторов кажутся излишне направленными на приближение Шекспира к правилам современной орфографии и к расстановке знаков препинания с целью «прояснить» текст. В «Ричарде II» сама смутность смысла порой должна сопутствовать стремлению персонажей уловить еще скрытую, лишь интуитивно ощущаемую ими мысль или переживание. То же можно сказать о современных принципах редактуры шекспировских сонетов.

King Richard:
For there it is, crack'd in a hundred shivers.
Mark, silent king, the moral of this sport,
How soon my sorrow hath destroy'd my face. (IV, 1; 289–291)

Ну вот, оно лежит, в куски разбито,
И в том тебе урок, король угасший:
Как быстро скорбь разрушила лицо.

Ричард имеет в виду физическое уничтожение своей печали в теперь разбитом им зеркале, вина которого в том, что оно не отразило внутреннего состояния, обновленного «я». Болингброк парирует с иронией, раздраженно:

The shadow of your sorrow hath destroy'd
The shadow or your face. (IV, 1; 292–293)

Разрушена лишь тенью вашей скорби
Тень вашего лица...

Ричард поражен верностью мысли:

Say that again!
The shadow of my sorrow? Ha! let's see.
'Tis very true, my grief lies all within;
And these external manners of laments
Are merely shadows to the unseen grief
That swells with silence in the tortured soul.
There lies the substance. And I thank thee, King... (IV, 1; 293–299)

Как? Повтори!
Тень скорби, говоришь ты? Гм! Быть может, —
Конечно, так: гнездится скорбь внутри,
А горестные жалобы мои —

Лишь призраки невидимого горя,
Созревшего в истерзанной душе.
Король, благодарю тебя за щедрость

Человек дела и макиавеллистской решимости, Болингброк не склонен к метафизическим размышлениям, у него ни разу не возникает рефлексия по поводу душевных переживаний — *inwardness*. Но здесь он отвечает в тон Ричарду, поражая его верностью сказанного. Ричарда тоже порой готовы счесть макиавеллистом — за своеволие. Но все же, если он и макиавеллист, то несостоявшийся, не ставший, по слову Л.Е. Пинского, «сознательным актером времени», он — «недостойный король» [10, с. 54, 30]. Утративший с короной ритуальное достоинство, место в иерархии, что он ожидает увидеть в своем новом отражении? Только не себя прежнего и хватается за ироническую подсказку макиавеллиста Болингброка, готовый признать реальность тени, незримого внутреннего и придать ему значение.

Если Ричард и попытался встать на макиавеллистский путь, то у него не достало сил, чтобы по нему пойти. Он так и остался "a deficient Machiavellian", недостаточным макиавеллистом [16, p. 134]. Недостойный король, он не обрел и нового макиавеллистского virtu, в котором ренессансное добродетельное достоинство сменилось в античном значении слова — доблестью. Ричарду предстоит иной путь в современность, чем Болингброку, если принять антитезу, заданную в самом названии статьи Х. Грейди "Shakespeare's links to Machiavelli and Montaigne". Вся статья — попытка вписаться в новые подходы (от Адорно до нового историзма), устанавливая начало "modernity" в сочетании Макиавелли, как воплощения идеи практического разума, отделенного от морали, и Монтеня, как того, кто в той же ситуации находит выход для отдельно взятой личности в мире рушащейся цельности и ценности. В шекспировской галерее персонажей Ричард II — первая ступенька на пути к Гамлету.

Ритуальность хроники «Ричард II» опровергается внутри нее не только отступлением власти и властителя от привычных путей, не только тем, как сначала король, а потом подданный, стремящийся к трону, манипулируют ритуалом, но и тем, что собой эти новые люди представляют. Один, Болингброк, в не знающем и не признающим преград действии; другой, король Ричард, проиграв в действии, обнаруживает новую человеческую

реальность, по причине которой вся пьеса совершенно по-новому демонстрирует “a major advance in the playwrights ability to represent inwardness” [17, p. 50].

Это открытие исполнено новизны и трагического значения. Новому человеку предстоит сотворить и отстоять себя, а, по сути, освобождаясь от обряда и обычая, творить закон нового мира. Смысл сотворенной новизны многократно станет предметом обсуждения и спора, «очарования субъектностью» и разочарования в индивидуальности субъекта. А пока что новый герой врывается в установленные обстоятельства то преступником, то жертвой, а то и тем, и другим в одном лице, не умея ни совладать с собственным «я», ни с миром, не готовым принять его.

В хронике, открывающей вторую тетралогию, Шекспир совершает хронологическую рокировку: возвращается к событиям, которые предваряли события первой и дали им толчок. Именно так отзывается своеволие короля Ричарда, вольно обходившегося с рыцарским ритуалом и правами своих высокопоставленных подданных, а потом бунт Болингброка. Совместными усилиями они разрушают старый эпический порядок, его обряд и обычай, ввергая страну в десятилетия хаоса, из которого возникнет новая — тюдоровская Англия, та Англия, где Шекспир прожил большую часть жизни.

Список литературы

Исследования

1 *Аникст А.* Л.Е. Пинский // *Пинский Л.* Магистральный сюжет. М.: Сов. писатель, 1989. С. 3–14.

2 *Бахтин М.М.* [Внутренняя рец. на] Л. Пинский. Шекспир: Основные начала драматургии // *Бахтин М.М.* Собр. соч. М.: Русское слово, 2002. Т. VI. С. 440–450.

3 *Буслаев Ф.* Народная поэзия. СПб.: Изд-е Д.Е. Кожанчикова, 1861. 643 с.

4 *Вендровская Л.* Работа кабинета Шекспира ВТО // Шекспировской сборник 1947. М.: Всероссийское театральное общество, 1947. С. 261–272.

5 *Веселовский А.Н.* Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви // *Веселовский А.Н.* Избранное: На пути к исторической поэтике. М.: Автокнига, 2010. С. 237–294.

6 *Веселовский А.Н.* Отчеты о заграничной командировке (1862–1864) // *Веселовский А.Н.* Избранное: На пути к исторической поэтике. М.: Автокнига, 2010. С. 39–76.

7 *Ключевский В.О.* Буслаев как преподаватель и исследователь // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. С. 223–229.

8 Два монолога об одном диалоге. Е.М. Лысенко и В.В. Кожинов рассказывают о М.М. Бахтине и Л.Е. Пинском / Запись Н. Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 2. С. 108–118.

9 *Пинский Л.Е.* Реализм эпохи Возрождения. М.: Худож. лит., 1961. 368 с.

10 *Пинский Л.* Шекспир: Основные начала драматургии. М.: Худож. лит., 1971. 607 с.

11 *Пинский Л.Е.* Почему Бог спит / сост., подгот. текста, предисл. и заключ. ст. А.Г. Козинцева. СПб.: Нестор-История, 2019. 136 с.

12 *Топорков А.Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997. 456 с.

13 *Шайтанов И.О.* Пролог к жанру. «Ричард III» // *Шайтанов И.О.* Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М.: РГГУ, 2010. С. 113–128.

14 *Шайтанов И.* Шекспир. М.: Молодая гвардия, 2013. 475 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»)

15 *Forker Ch. R.* Introduction // *Shakespeare W.* King Richard II. London: The Arden Shakespeare, 2002. P. 1–169.

16 *Grady H.* Shakespeare's links to Machiavelli and Montaigne: Constructing intellectual modernity in early modern Europe // Comparative Literature. Spring. 2000. No. 52 (2). P. 119–143.

17 *Greenblatt S.* Will in the World. How Shakespeare became Shakespeare. New York; London: W.W. Norton&Company, 2004. 430 p.

18 *Holderness Gr*. Shakespeare: The Histories. New York: St Martins Press, 2002. 231 p.
19 *Shaytanov I.* The Prologue to Genre: Richard Gloucester's Introductory Soliloquy // On Page and Stage: Shakespeare in Polish and World Culture / Ed. by Krystyna Kujawińska Courtney. Krakow: Towarzystwo Autorów, 2000. P. 127–138.

Источники

20 *Shakespeare W*. King Richard II. London: The Arden Shakespeare, 2002. 593 p.

References

1 Anikst, A. “A. Pinskii” [“Pinsky”]. Pinskii, L. *Magistral’nyi siuzhet* [*The Magisterial Plot*]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1989, pp. 3–14. (In Russ.)

2 Bakhtin, M.M. “Vnutrenniaia rets. na” [“Internal Review”]. Pinskii, L. *Shekspir. Osnovnye nachala dramaturgii* [*Shakespeare. The Basic Elements of Dramaturgy*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971, pp. 440–450. (In Russ.)

3 Buslaev, F. *Narodnaia poeziia.* [*Folk Poetry*]. St. Petersburg, Izdanie D.E. Kozhanchikova Publ., 1861. 643 p. (In Russ.)

4 Vendrovskaia, L. “Rabota kabineta Shekspira VTO” [“The Work of Shakespeare’s Centre in RTS (Russian Theatre Society”]. *Skekspirovskii sbornik 1947* [*Studies in Shakespeare, 1947*]. Moscow, Vserossiiskoe teatral’noe obshchestvo Publ., 1947, pp. 261–272. (In Russ.)

5 Veselovskii, A.N. “Iz istorii razvitiia lichnosti: zhenshchina i starinnye teorii liubvi” [“From the History of the Evolution of the Woman’s Personality: Woman and Some Old Theories of Love”]. Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Na puti k istoricheskoi poetike* [*Selected Works: On the Way to Historical Poetics*]. Moscow, Avtokniga Publ., 2010, pp. 237–294. (In Russ.)

6 Veselovskii, A.N. “Otchety o zagranichnoi komandirovke (1862–1864)” [“Reports from a Mission Abroad (1862–1864)”]. Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Na puti k istoricheskoi poetike* [*Selected Works: On the Way to Historical Poetics*]. Moscow, Avtokniga Publ., 2010, pp. 39–76. (In Russ.)

7 Kliuchevskii, V.O. “Buslaev kak prepodavatel’ i issledovatel”’ [“Buslaev as Professor and Researcher”]. *Moskovskii universitet v vospominaniiakh sovremennikov (1755–1917)* [*Moscow University in the Contemporaries’ Memoirs (1755–1917)*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 223–229. (In Russ.)

8 “Dva monologa ob odnom dialoge. E.M. Lysenko i V.V. Kozhinov rasskazyvaiut o M.M. Bakhtine i L.E. Pinskom” [“Two Monologues about one Dialogue. E.M. Lysenko and V.V. Kozhinov Talk about M.M. Bakhtin and L.E. Pinsky”], Zapis’ N. Pan’kova [Recorded by N. Pan’kov]. *Dialog. Karnaval. Khronotop* [*Dialogue. Carnival. Chronotope*], no. 2, 1994, pp. 108–118. (In Russ.)

9 Pinskii, L.E. *Realizm epokhi Vozrozhdeniia* [*Renaissance Realism*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1961, pp. 250–297. (In Russ.)

10 Pinskii, L. *Shekspir: Osnovnye nachala dramaturgii* [*Shakespeare. The Basic Elements of Dramaturgy*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971. 606 p. (In Russ.)

11 Pinskii, L. *Pochemu Bog spit?* [*Why God is Asleep*], ed., foreword and afterword A.G. Kozintzev. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019. 136 p. (In Russ.)

12 Toporkov, A.L. *Teoriia mifa v russkoi filologicheskoi nauke XIX veka [The Theory of Myth in Russian Philological Studies of the 19th Century*]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 456 p. (In Russ.)

13 Shaytanov, I.O. “Prolog k zhanru. *Richard III*” [“The Prologue to Genre. *Richard III*”]. Shaytanov, I.O. *Komparativistika i/ili poetika. Angliiskie suzhety glazami istoricheskoi poetiki* [*Comparative Studies and/or Poetics. English Plots Seen through the Eyes of Historical Poetics*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2010, pp. 113–128. (In Russ.)

14 Shaytanov, I.O. *Shekspir* [*Shakespeare*]. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 2013. 475 p. (In Russ.)

15 Forker, Charles R. “Introduction.” Shakespeare, W. *King Richard II.* London, The Arden Shakespeare, 2002, pp. 1–169. (In English)

16 Grady, Hugh. “Shakespeare’s Links to Machiavelli and Montaigne: Constructing Intellectual Modernity in Early Modern Europe.” *Comparative Literature*, no. 52 (2), Spring, 2000, pp. 119–143 (In English)

17 Greenblatt, Stephen. *Will in the World. How Shakespeare Became Shakespeare*. New York; London, W.W. Norton&Company, 2004. 430 p. (In English)

18 Holderness, Graham. *Shakespeare: The Histories.* New York, St Martins Press, 2002. 231 p. (In English)

19 Shaytanov, Igor. “The Prologue to Genre: Richard Gloucester’s Introductory Soliloquy.” *On Page and Stage: Shakespeare in Polish and World Culture.* Ed. Krystyna Kujawińska Courtney. Krakow, Towarzystwo Autorów, 2000, pp. 127–138. (In English)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.112.2.0
ББК 83.3(4Гем)6

ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН И ЭРИХ КЕСТНЕР. К ИСТОРИИ ДВУХ МОРАЛИСТОВ

© 2021 г. Е.Б. Крюкова, О.А. Коваль
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия
Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 20 апреля 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 11 мая 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-142-163

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-311-60010 «Этическое измерение языка: современная литература как способ подступиться к границам высказываемого»

Аннотация: В центре внимания статьи — судьба и творчество двух немецких интеллектуалов, философа Вальтера Беньямина и писателя Эриха Кестнера, игравших весьма заметную роль в культурной жизни Берлина 1920-х гг. Поводом для их сопоставления служит роман Э. Кестнера «Фабиан. История одного моралиста», который причисляют к литературному направлению новой вещественности. Высказываемое ранее немецкими исследователями предположение, что в образах заглавного героя и его друга выведены реальные лица — сам автор и Вальтер Беньямин — получает в статье развитие и подкрепление. С этой целью проводятся параллели между биографическими фактами и сюжетными коллизиями, реконструируется контекст создания романа и события, последовавшие за его появлением. Выдвигается гипотеза, что ключевые персонажи репрезентируют два способа этического существования в обществе, в котором моральные ценности нивелированы циническим разумом. Привлечение к рассмотрению философских теорий Беньямина, а также военных дневников Кестнера помогает очертить бэкграунд разворачивающегося на страницах романа спора о нравственных приоритетах.

Ключевые слова: Вальтер Беньямин, Эрих Кестнер, «Левая меланхолия», «Фабиан», литература и философия, этика действия и этика долга.

Информация об авторах: Екатерина Борисовна Крюкова — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Социологический институт РАН, 7-я Красноармейская ул., д. 25, 190005 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6585-4611. **E-mail:** kriukova.jr@yandex.ru

Оксана Анатольевна Коваль — кандидат философских наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия, наб. р. Фонтанки, д. 15А, 191011 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4718-6669. **E-mail:** ox.koval@gmail.com

Для цитирования: *Крюкова Е.Б., Коваль О.А.* Вальтер Беньямин и Эрих Кестнер. К истории двух моралистов // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 142–163. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-142-163

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

WALTER BENJAMIN AND ERICH KÄSTNER. THE STORY OF TWO MORALISTS

© 2021. Ekaterina B. Kriukova, Oxana A. Koval
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the RAS, St. Petersburg, Russia
Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, Russia
Received: April 20, 2021
Approved after reviewing: May 11, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: The paper is written with financial support from the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFI), Project No. 19-311-60010, "The ethical dimension of language: modern literature as a way to approach the limits of words."

Abstract: The article focuses on the life and work of two German intellectuals, the philosopher Walter Benjamin and the writer Erich Kästner, who played a prominent role in the cultural life of Berlin in the 1920s. The idea of a comparative analysis of these two figures was prompted by Kästner's novel *Fabian. The Story of a Moralist.* This novel is of interest due to its high literary quality, on the one hand, and the authenticity of the representation of the Weimar Republic on the other, which allows us to consider Kästner's book as a document of the era. According to German researchers, the main characters of the novel have real-life prototypes, namely the author himself and the famous philosopher Walter Benjamin. This idea is developed and reinforced in the article. Therefore, the article parallels draws parallels between biographical facts and plot devices while reconstructing the context of the novel's creation and highlighting events that occurred after its appearance. Based on this analysis, we argue that the key characters represent two ways of ethical existence in a society where moral values are negated by cynical reason. Thus, involving Benjamin's philosophical theories, as well as Kästner's war diaries, we outline the background of the debate on moral priorities that takes place in the pages of the novel.

Keywords: Walter Benjamin, Erich Kästner, "Left-Wing Melancholy," *Fabian, The Story of a Moralist.* philosophy and literature, ethics of action and ethics of duty.

Information about the authors: Ekaterina B. Kriukova, PhD in Philosophy, Senior Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the RAS, St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6585-4611.
E-mail: kriukova.jr@yandex.ru
Oxana A. Koval, PhD in Philosophy, Associate Professor, Russian Christian Academy for the Humanities, Fontanka River Embankment St., 15A, 191011 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4718-6669.
E-mail: ox.koval@gmail.com

For citation: Kriukova, E.B., Koval, O.A "Walter Benjamin and Erich Kästner. The Story of Two Moralists." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 142–163. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-142-163

Ныне всемирно известный философ Вальтер Беньямин (1892–1940), чьи размышления об истории, языке, религии, новых медиа существенно изменили облик современной интеллектуальной культуры, на протяжении всего своего творческого пути особое значение придавал художественной литературе. Уже в начале 1920-х гг. у него зарождаются две идеи, которые впоследствии станут определяющими для его мировоззрения. Первая связана с пониманием истины, которая, по мнению мыслителя, ускользает от научного или рефлексивного познания и может найти выражение только в искусстве, прежде всего в изящной словесности[1]. Отсюда вытекает вторая магистральная идея: самой важной сферой приложения умственных усилий должна стать литературная критика, призванная не только выявить историческую истину в конкретном шедевре, но и оживить ее, обнаружив следы ее присутствия в настоящем. С такой грандиозной гносеологической задачей способен справиться лишь особого рода текстологический анализ, нарушающий традиционные каноны иерархии жанров, когда любое высказывание о произведении остается вторичным по отношению к оригиналу. Подлинная критика по своему созидательному потенциалу приравнивается Беньямином к художественной практике.

Во встречном движении амбициозному проекту немецкого философа в те же годы развивалось целое направление в искусстве, известное сегодня

1 Беньямин наделял язык сакральным смыслом, полагая, что в нем продолжается начатое Богом творение мира словом. Свою необычную религиозно-поэтическую концепцию он изложил в эссе «О языке вообще и о языке человека» (Über Sprache überhaupt und über die Sprache des Menschen, 1916).

как «новая вещественность», или «новая деловитость» (Neue Sachlichkeit). Если Беньямин хотел превратить критику в литературу, то представители этого течения, напротив, пытались использовать литературу в качестве действенного инструмента критики. Предметом их нападок было тревожное состояние общества, переживающего на тот момент тяжелейший экономический кризис. И хотя Беньямин недооценивал скрытые ресурсы новой вещественности, предпочитая из актуальных тенденций фантасмагорические эксперименты французских сюрреалистов, эта школа, перенесшая в литературный контекст приемы киномонтажа, сумела запечатлеть вполне адекватный образ тогдашней Германии.

В квазидокументальную хронику новой вещественности, словно бы фиксируемую ироничным взглядом стороннего наблюдателя, попал, вопреки собственным ожиданиям, и Беньямин. В 1931 г. из-под пера Эриха Кестнера (1899–1974), популярнейшего берлинского поэта и начинающего детского писателя, вышел «взрослый» роман «Фабиан. История одного моралиста» (Fabian. Die Geschichte eines Moralisten) [18]. Эта книга повествует о потерянном поколении, выжившем в Первую мировую войну и стоящем на пороге еще большей катастрофы. Многие исследователи отмечают сходство автора с заглавным персонажем, молодым человеком, который в хаосе Веймарской республики старается не поддаваться всеобщему нигилизму и следовать собственным представлениям о должном. В качестве ближайшего друга Фабиана Кестнер выводит крайне располагающего, хотя и столь же неуместного в эпоху вездесущего цинизма героя — Лабуде, в чертах которого узнается Вальтер Беньямин[2].

Прояснение обстоятельств, предшествующих созданию романа, сравнение этических принципов персонажей и проецирование их на поступки, определившие судьбы реальных лиц, поможет воссоздать целостную картину, в которой творческая фантазия прольет свет на сложные хитросплетения жизни.

2 Специалисты расходятся во мнениях насчет того, кто послужил прототипом Лабуде. Если первый биограф философа Вернер Фульд не сомневается в том, что им был именно Беньямин [5, S. 283], то биографы Кестнера выдвигают другую кандидатуру на эту роль. Чаще всего в этой связи упоминается имя школьного друга Кестнера, Ральфа Цукера, см., например: [9, S. 163; 7, S. 198].

I. Левые меланхолики

Кестнер и Беньямин вращались в одних и тех же кругах берлинской богемы, не упускали друг друга из поля зрения, однако не только не были друзьями, но даже не состояли в приятельских отношениях. Об этом может свидетельствовать появление в немецкой прессе в 1931 г., еще до того, как свет увидел «Фабиан», обличительной статьи философа под названием «Левая меланхолия» (Linke Melancholie). Она замышлялась как разгромная рецензия на третий поэтический сборник Кестнера «Мужчина дает справку» (Ein Mann gibt Auskunft, 1930). Однако под прицел критики Беньямина попали не столько стихи, сколько двусмысленность гражданской позиции их автора, который, высмеивая пороки мелкой буржуазии, избегает прямого политического высказывания. Категоричность, с которой Беньямин обрушивается на Кестнера (а заодно и на Курта Тухольского с Вальтером Мерингом, чьи сатирические куплеты тоже были у всех на слуху), объясняется его страстным увлечением марксизмом и возросшим влиянием Брехта, зонги которого он считал образцовыми. Примеряя на себя амплуа пролетарского писателя, Беньямин клеймит не консерваторов и националистов, а идейно «своих», левых, которые отказываются превращать искусство в трибуну борьбы против угнетения масс. «Левый радикализм», к которому Беньямин причисляет Кестнера, по его мнению, недостаточно радикален и «представляет собой как раз такое течение, которому чужда всякая политическая активность. Он держится слева не от того или иного направления, а вообще слева от всего подряд. Ибо он с самого начала не видит перед собой ничего, кроме наслаждения собственным существом в тиши полного отрицания» [14, с. 379–380].

Отдавая в 1930 г. свою заметку в газету «Франкфуртер цайтунг» (Frankfurter Zeitung), с которой он сотрудничал уже на протяжении пяти лет, Беньямин рассчитывал, что текст на столь злободневную тему будет опубликован незамедлительно. К его большому разочарованию, этого не случилось: редактор соответствующего раздела Фридрих Гублер отклонил ее из-за «крайне агрессивного тона»[3]. Статью напечатали лишь весной следующего года в газете «Гезельшафт» (Die Gesellschaft). Однако и у читательской аудитории она встретила прохладный прием. С одной стороны,

3 Обстоятельства этого инцидента впервые в подробностях приводятся в книге Бернда Витте: [12, S. 166].

причиной тому могла быть громкая слава Кестнера, Тухольского и Меринга, с другой стороны, свою роль сыграла и слишком воинственная манера подачи материала. Тем не менее для самого Беньямина эта работа не была проходным текстом, написанным в запальчивости и тут же позабытым. В программном эссе «Автор как производитель» (Der Autor als Produzent, 1934), созданном уже в эмиграции, он приводит объемную выдержку из «Левой меланхолии», неумело маскируя свою причастность к ее сочинению ссылкой на одного «проницательного критика»:

> Леворадикальные публицисты вроде Кестнера, Меринга или Тухольского — представители буржуазных слоев, подвергшиеся мимикрии под пролетариев. Их функция с политической точки зрения — создавать не партии, а клики, с литературной точки зрения — не школы, а моды, с экономической точки зрения — не производителей, а представителей. Создавать представителей или рутинеров, которые поднимают большой шум по поводу собственной нищеты, а зияющую пустоту превращают в праздник. Невозможно более уютнее устроиться в такой неуютной ситуации [13, с. 147].

Моральные требования, которые Беньямин предъявляет Кестнеру, с тем же успехом могут быть обращены к нему самому[4]. Он был выходцем из состоятельной семьи и, несмотря на бунт против жизненного уклада родителей, не спешил отказываться от великосветских привычек и привилегий своего класса. Не исключено, что безапелляционность его осуждения леворадикальных литераторов маркировала границу между собой вчерашним и собой сегодняшним. С тех пор как Беньямин стал приверженцем марксистского учения, он неустанно предупреждал об опасности революционного промедления и призывал к решительным действиям, даже если эти действия осуществляются на территории слов. Но по иронии судьбы, ярлык «левый меланхолик» закрепился не за Кестнером, а за самим Беньямином. Хотя он никогда не ставил под сомнение принципы избранной им идеологии и не успел разочароваться в методах пролетарской борьбы, его марксизм был столь причудливым и неортодоксальным, что и в Советской

4 Подобные соображения высказывал видный историк литературы Фриц Раддац: [11, S. 196].

России[5], и в коммунистической среде Германии Беньямина воспринимали скорее как чужака.

II. Фабиан: автор и герой

Репутация Кестнера как ведущего поэта своего поколения с момента выхода в 1928 г. его первого сборника стихов набирала обороты в головокружительном темпе. Сам он относил свою сатирическую поэзию к недавно возникшему направлению «прикладной лирики» (Gebrauchslyrik), что отчасти пересекается с оценкой, данной в «Левой меланхолии». Но если Беньямин развенчивает подобный жанр как необременительное рифмоплетство, то Кестнер, напротив, считает его крайне насущной художественной формой:

> На самом деле, в том, чтобы писать стихи, которые кажутся понятными современникам, нет ничего зазорного. «Чистые поэты» от одного лишь избытка слов сочиняют законсервированную лирику — для вечности и будущих докторских диссертаций. Прикладные лирики пишут для дня сегодняшнего... [20, S. 227].

Вряд ли Кестнер не знал о публикации «Левой меланхолии», однако он предпочел оставить ее без ответа. С другой стороны, в те же дни Кестнер пишет роман «Фабиан»[6], и дискуссии между главным героем и Лабуде, которые обнаруживают расхождение их жизненных стратегий, можно рассматривать как внутренний диалог, ведущийся автором с его критиком. В отличие от Беньямина, Кестнер представляет своего визави в роли ближайшего друга, с которым ему суждено в это смутное время делить надежды, разочарования, сомнения, страхи, желания. Интеллектуальные ба-

5 В конце 1926 г. Беньямин отправился в Москву с серьезным намерением завоевать сердце Аси Лацис, латышской коммунистки, во многом ответственной за его политическую ангажированность, и при удачном стечении обстоятельств обосноваться в столице «нового мира». Его планам не суждено было сбыться, и через два месяца Беньямин вернулся на родину.

6 Фульд выдвигает достаточно спорное предположение, будто бы Беньямину стало известно, что Кестнер намеревается изобразить его в качестве одного из действующих лиц. «Левая меланхолия» при таком развитии событий выглядит как предупредительный удар, поскольку Беньямин, по мнению его биографа, не ждал от берлинского кабаретиста ничего, кроме карикатуры на себя. См.: [5, S. 176–178].

талии, которые разворачиваются между Фабианом и Лабуде, в конечном счете нацелены не на то, чтобы развести два способа существования в социуме: активное и пассивное, действие и созерцание, — и с позиции одной крайности вынести суровый приговор другой (как поступает Беньямин в «Левой меланхолии»). Задача Кестнера — показать, что за мнимым антагонизмом скрывается общее ценностное измерение, идет ли речь об историческом пессимизме, свойственном Фабиану и ему самому, или о вере в силу социальных преобразований, которую исповедуют Лабуде и Беньямин в период его горячей приверженности марксистской идеологии.

Отсюда в названии романа, которое до своей окончательной формулировки претерпело множество изменений, фигурирует уточнение, выдержанное в старомодном стиле: «История одного моралиста». Правда, читатель, раскрывающий книгу в уверенности, что перед ним образчик дидактической литературы, будет обманут в своих ожиданиях. Текст изобилует весьма откровенными для тех лет описаниями ночной жизни Берлина: ведомый любопытством главный герой — один или в сопровождении Лабуде — посещает то полуподпольный клуб знакомств, завсегдатаи которого ищут лишь случайных связей, то редакцию ежедневной газеты, фабрикующую материалы на потребу публике, то мастерскую скульпторши, где царит дух свободной любви. Он далек от назидательных проповедей и не стремится избегать предлагаемых миром удовольствий. Подобно Беньямину, Лабуде осуждает своего друга за политическую пассивность, за то, что в бурном море современной истории он занимает позицию зрителя. Но Фабиан — моралист иного типа. Гораздо больше его волнует сохранение собственного достоинства, что в эпоху крушения большой Морали само по себе требует значительных усилий. «Я меланхолик, — говорит Фабиан. — Я наблюдаю и жду. Жду, что победит порядочность, тогда и я буду готов служить ей. Но я жду этого, как неверующий — чуда» [16, с. 86].

В духе такой социальной инертности он и строит свою жизнь. Имея докторскую степень, Фабиан тем не менее подвизается не в университете, а в рекламном агентстве, где запросто выдает рифмованные слоганы на любой вкус. Сам Кестнер тоже отказался от академической карьеры, хотя в свое время зарекомендовал себя подающим большие надежды исследователем и с блеском защитил диссертацию по немецкой литературе. Он выбрал журналистику и первое время в Берлине зарабатывал тем, что каждую

неделю сочинял по стихотворению для газеты «Монтаг морген» (Montag Morgen) [4, S. 50–51]. На это решение отчасти проливает свет один эпизод в романе. Когда коллега Фабиана, случайно узнав о его докторском титуле, с восхищением спрашивает, какова же была тема его диссертации, тот с невозмутимым видом отвечает:

> Она называлась: «Заикался ли Генрих фон Клейст?» Сначала я хотел путем стилистических изысканий доказать, что у Ганса Сакса было плоскостопие. Но изыскания слишком затянулись [16, с. 44].

Этой шутливой репликой, которую его собеседник принимает за чистую монету, Фабиан выражает свое отношение к научной деятельности, которая, по его мнению, слишком оторвана от действительности.

Однако и то, что происходит в реальном мире — конец 1920-х гг. в Германии ознаменован ожесточенной политической борьбой — не побуждает Фабиана сменить линию поведения и перейти от наблюдения к конфронтации. Сцена, в которой они с Лабуде становятся случайными свидетелями стычки двух идеологических противников, фашиста и коммуниста, и помогают доставить их в больницу, показывает главного героя сочувствующим одной из сторон, но не испытывающим никаких иллюзий по поводу коммунистической программы:

> Пролетариат — это союз, основанный на общности интересов, <...> величайших союз. И борьба за свои права — ваш долг. Я вам друг, потому что враг у нас общий, и потому, что я стою за справедливость. <...> Но даже если вы и придете к власти, идеалы человечества все равно будут сиротливо сидеть в подполье. Люди вовсе не становятся добрыми и умными только от того, что они нищие [16, с. 61–62].

Вероятно, трезвость этих суждений вызвана впечатлениями автора от поездки в 1927 г. в СССР, «страну победившего социализма». Как пишет Лизелотта Эндерле, личный секретарь Кестнера, позднее ставшая спутницей его жизни, он так резюмировал свои наблюдения от посещения Москвы и Ленинграда: «Мы увидели то, что нам показали, и даже немного больше. Берлинская свобода и жизнь на собственный страх и риск были нам милее»

[4, S. 51]. Что касается воинственного пыла национал-социалистов, то Кестнеру, которому еще в ранней юности довелось попасть в окопы, глубоко претил милитаристский дух, и Фабиан воплощает этот пацифистский пафос своим категорическим неприятием войны. С другой стороны, после Второй мировой Кестнер часто корил себя за то, что недооценил ситуацию. В 1933 г. он отверг возможность остаться в Швейцарии и вернулся на родину, будучи убежден, что фашистский режим не продержится долго и не примет столь катастрофический размах.

Медлительность, которую демонстрирует Фабиан, не случайная черта его характера. Она восходит к увлечению Кестнера идеями фабианства[7], весьма распространенного в Англии общественно-реформистского движения. Своим названием оно обязано имени древнеримского военачальника Фабия, который вместо атакующих действий использовал изматывающую врага тактику выжидания, за что получил прозвище «Медлительный». Долгое время это течение ставило своей целью не столько экономические и политические преобразования, сколько морально-культурное оздоровление общества. Хотя главный герой кестнеровского романа не может считаться фабианцем в полной мере (в частности, он не склонен придавать своей работе в рекламном агентстве какую бы то ни было просветительскую значимость[8]), он разделяет с невоинствующими социалистами Великобритании сомнения в целесообразности радикальных изменений. Революционные перевороты, воодушевленные мечтой о светлом будущем и всеобщем благе, неизбежно приносят в жертву конкретные человеческие судьбы. Для Фабиана же на первом плане всегда живые люди и их сиюминутные обстоятельства. Подчиняясь безотчетному порыву, он приглашает за свой столик в кафе нищего и пытается угостить того обедом. В другой раз встает на сторону маленькой девочки, пойманной в универмаге на воровстве: в то время как толпа стыдит ее за украденную пепельницу, предназначенную

7 Наиболее близким Кестнеру сторонником фабианства был Герберт Уэллс, чьи социальные воззрения он разделял и проповедовал с небывалым энтузиазмом. См. об этом: [7, S. 202–205].

8 Под впечатлением от романа Уэллса «Мир Вильяма Клиссольда» (1926) Кестнер пишет статью «Реклама и мировая революция» (Reklame und Weltrevolution, 1930), в которой реклама толкуется расширительно: будучи инструментом продвижения товара на рынок, она не ограничивается коммерческой сферой, но имеет и социальную функцию в качестве средства пропаганды морального долга [19]. Эти соображения перекликаются с мыслями Беньямина о новых возможностях, открывшихся с наступлением эпохи технических медиа.

в подарок отцу, и требует немедленного наказания, Фабиан выкупает вещицу и вручает ребенку. Самый же впечатляющий пример его отзывчивости — случай с престарелым изобретателем Кольрепом, некогда знаменитым профессором, а ныне бродягой, вынужденным ежедневно искать себе новый ночлег. Встретив его в парке, Фабиан, к тому времени уже потерявший место в рекламном агентстве, с готовностью предоставляет ему свое скромное жилище. Ученый, который отрекся от своих научных достижений, осознав, сколько людей лишились работы благодаря его гениальным усовершенствованиям, может быть рассмотрен как еще один тип моралиста, чья участь, подобно участи Фабиана и Лабуде, предрешена. Родственники профессора объявляют его безумцем и упекают в сумасшедший дом, беззастенчиво наживаясь на его изобретении.

Для Кестнера было принципиально важно создать героя, чьи поступки ситуативны и чужды пафоса насаждаемой добродетельности. Чаще всего поведение Фабиана продиктовано внутренней интуицией, которая включается, когда судьба забрасывает его в силовое поле неподвластных ему внешних процессов. Он не действует согласно заранее продуманному плану и не руководствуется высокими принципами, а, скорее, всякий раз обнаруживает себя в состоянии претерпевающего[9]. И такая невовлеченность делает Фабиана носителем морали особого рода, где сознательное воздержание от участия принимает форму пассивного, но стойкого сопротивления. В череде подобных уклонений — и невмешательство в роковой ход событий, толкнувших его невесту Корнелию в объятия неприятного, но влиятельного кинопромышленника; и пренебрежение соблазнительной перспективой материального благополучия, которое ему сулит другая женщина в обмен на близость; и несогласие работать в правоконсервативном печатном издании, что могло бы стать временным выходом из финансового кризиса. Сама смерть Фабиана встраивается в вереницу отказов подчинить свое существование привычной логике фактов. При виде тонущего ребенка он тотчас бросается в воду, хотя не умеет плавать. Мальчик спасается, самостоятельно выбравшись на берег, тогда как Фабиан гибнет. Этой последней

9 Габриелла Хима обращает внимание на то, что безынициативность Фабиана заметна даже на языковом уровне. С героем постоянно что-то случается, и на письме это передается предложениями, где ему отводится роль не грамматического субъекта, а объекта. См.: [8, S. 223–224].

метафорой Кестнер подчеркивает контраст между инстинктом самосохранения и нравственностью, которая порой не совместима с жизнью и граничит с абсурдом.

III. Лабуде: персонаж и его прототип

Чем не обладает Фабиан, тем сполна наделен его друг Лабуде — целеустремленностью, верой в консолидацию граждан, политической решимостью. Вопреки своему происхождению и родительскому состоянию, которые могли бы обеспечить ему безбедное времяпрепровождение до конца дней, Лабуде возлагает на себя миссию борца за права и свободы угнетенного класса. Причем делает ставку на юную генерацию. Пересказывая Фабиану доклад, который он держал перед студентами Гамбургского университета, Лабуде говорит:

> Я в общих чертах набросал политическую ситуацию в Европе и призвал буржуазную молодежь радикализироваться и предотвратить крушение, со всех сторон, активно или пассивно, грозящее нашему континенту. Этой молодежи, сказал я, предстоит в недалеком будущем занять ведущее положение в политике, промышленности, землевладении и торговле, время старшего поколения миновало... [16, с. 71].

Подобные тезисы мог бы в свои студенческие годы произнести с трибуны и Беньямин, который под влиянием Густава Винекена много размышлял о духовной силе молодости. Даже Фрайбургский университет он выбрал не в последнюю очередь потому, что в стенах этого почтенного заведения собралась наиболее влиятельная и многочисленная группа винекенцев, ратовавших за полное обновление системы высшей школы. Как пишут авторы фундаментального исследования творчества Беньямина, «вера в образование — убеждение в том, что политика начинается в образовании, а ее плоды пожинает культура, в течение всех последующих университетских лет побуждала его ко все более заметному участию в активной организации политической жизни...» [1, с. 47].

Если Фабиан руководствуется соображениями индивидуальной морали, полагая, что может и должен нести ответственность лишь за свои поступки, то для Лабуде этого недостаточно. В одиночку нельзя выстроить мир

всеобщего благоденствия, поэтому следует рискнуть и выступить от имени большинства — ради его же пользы. В своем проекте Лабуде видит себя и соратников, группу интеллектуалов, способных принимать верные политические решения, в авангарде нового общества. «Сначала надо создать разумную систему, а люди уж к ней приспособятся» [16, с. 52], — формулирует он свое кредо. Франкфуртский институт социальных исследований, к которому в 1930-е гг. примкнул Беньямин, позиционировал себя схожим образом: его марксистски ориентированные ключевые фигуры (Адорно, Хоркхаймер, Маркузе и др.) считали, что главную роль в деле коллективных трансформаций должна сыграть интеллигенция. Примечательно, что именно во Франкфурт Лабуде ездит с целью идеологического просвещения студенчества. В намерения его единомышленников входило создать очаги распространения демократических взглядов в главных университетских центрах по всей Германии.

Предприимчивость Лабуде резко контрастирует с отрешенностью его друга. В кошмарном сне Фабиана фрау Молль, самый аморальный персонаж романа, извлекает на свет истину, скрытую от главного героя: «Ты боишься разбить стекло, которое тебя от них (людей. — *Е.К., О.К.*) отделяет. Ведь мир для тебя — витрина» [16, с. 122]. Лабуде же, который всегда находится в гуще событий, не сохраняет защитного зазора между собой и обществом и оказывается задет им напрямую. Подобная затронутость, по мнению Петера Слотердайка, типична и для представителей критической теории, у истоков которой стоял Беньямин. Слотердайк видит ее отличие от других социально-философских концепций в принципе «страдания *a priori*»: «Это не позиция для возвышенной отстраненной критики, которая обеспечивала бы панорамное видение всего в целом, а позиция предельной приближенности — микрология. Если вещи, происходящие вокруг, обрели жгучую близость к нашему телу, то непременно появится критика, которая это выразит. От нее потребуется не надлежащая дистанция, а надлежащая приближенность» [2, с. 16]. Для Беньямина сознательное устранение разрыва с предметом его изучения, как бы далеко в хронологическом плане тот ни отстоял — впечатления ли это собственного детства, барочная драма или праисторическое состояние языка, — способствовало возникновению в высшей степени новаторских теорий, которые смогли быть оценены по достоинству лишь полвека спустя.

Помимо причастности к франкфуртцам, другим косвенным признаком, позволяющим идентифицировать Беньямина в качестве прототипа кестнеровского героя, является необычная фамилия. Уже первая сцена, в которой фигурирует Лабуде — телефонный разговор с Фабианом, заканчивается любопытным диалогом между главным героем и его коллегой:

> — Этот господин Лабуде ваш друг. Почему вы не называете его по имени?
>
> — А у него нет имени. Родители в свое время забыли дать ему имя, — отвечал Фабиан.
>
> — Вообще нет имени?
>
> — Представьте себе, нет! Он все хочет задним числом обзавестись таковым, но полиция ему не позволяет [16, с. 44].

Хотя Фабиан и разыгрывает своего недалекого сослуживца, в романе только он один, и то в предельно доверительных беседах, называет Лабуде по имени — Стефаном. Так звали единственного сына Беньямина. Что же касается его самого, то друзья тоже предпочитали обращаться к нему по фамилии, даже образовали от нее прозвище — Бенджи. А при погребении философа и вовсе вышла путаница: в испанском пограничном городке Портбоу, где он покончил с собой, Беньямина похоронили в той части кладбища, что отводилась католикам, посчитав, что Вальтер — это его фамилия [1, с. 699].

Между двумя измерениями — литературным и реальным — встречаются и топографические параллели[10]. Родителям Лабуде принадлежит фешенебельная вилла в Груневальде, скорее похожая на музей, чем на жилое помещение. Когда Фабиан навещает своего друга, он недоумевает, «как среди всей этой роскоши можно чувствовать себя дома» [16, с. 70]. Семья Бе-

10 В книге Кестнера дается столь подробное описание Берлина, что сам город можно рассматривать не просто как сцену действия, а как одного из героев. Вальтер Делабар, анализируя географию романного пространства, делает ряд ценных наблюдений. Так, он подмечает, что открытая территория улицы, которая репрезентирует сферу публичного, чаще всего оказывается пустой, тогда как внутренние локации частных покоев, маркирующие сферу приватного, иной раз переполнены людьми. В этой вывернутой наизнанку ситуации бульвары и площади превращаются в места интимных разговоров, даруя собеседникам чувство защищенности, а внутри комнат постоянно происходит нарушение личных границ. См.: [3, S. 22].

ньямина в 1912 г. переселилась именно в этот престижный район Берлина, и в их четырехэтажный особняк на Дельбрюкштрассе Беньямин то и дело возвращался. В одной из своих первых книг, «Улице с односторонним движением» (Einbahnstraße, 1928), он крайне язвительно описывает внутреннее убранство такого странного обиталища, вытесняющего все живое:

> Буржуазный интерьер шестидесятых-девяностых годов с его огромными, пышно украшенными резьбой буфетами, сумрачными углами, где стоит пальма, с эркером, оснащенным балюстрадой, и длинными коридорами с поющим газовым пламенем — подходящее жилище только для трупа [15, с. 17].

Неудивительно, что и Беньямин, и Лабуде стремятся убежать из-под отчего крова. Лабуде снимает тайную квартиру близ Александерплац, чтобы «предаться своим научным и социальным увлечениям» [16, с. 49]. Беньямин с той же целью ищет уединения, кочуя по разным адресам по преимуществу в центре Берлина.

Отношения Лабуде с его невестой Ледой, которые заканчиваются для него трагически, хотя и не повторяют сценарий крайне запутанных любовных связей Беньямина, тем не менее дают некоторые основания для сопоставлений. Беньямин в конце 1920-х гг. переживает завершение своего бурного и болезненного романа с Асей Лацис, побуждавшего его к решительным и далеко не всегда обдуманным действиям (путешествие в зимнюю Москву, дружба-вражда с гражданским мужем Аси Бернхардом Райхом, развод с женой Дорой, невынужденные финансовые траты в счет будущего наследства). В результате своих авантюр он остается в одиночестве — без денег, без семьи, без возлюбленной. Точно так же теряет почву под ногами герой кестнеровского романа, когда узнает, что Леда ему изменяет. Разрыв, который Лабуде сам и инициирует, становится одной из причин его самоубийства. Главным же мотивом для такого радикального шага оказывается крушение его профессиональных надежд.

В течение пяти лет Лабуде работал над исследованием, посвященным творчеству Лессинга. Защита диссертации открыла бы перед ним двери в академическое сообщество. Неординарный ученый, он, как никто другой, по мнению Фабиана, заслуживал присуждения степени. Но решение из

университета все не поступало, и Лабуде уже начал сомневаться, смогут ли высоколобые мужи оценить его нестандартное прочтение немецкого просветителя. Фабиан старается успокоить друга.

> — Не волнуйся. Эти типы удивятся, как ты на основе сочинений Лессинга сумел воссоздать острый ум и ход мыслей этого человека, которого они до тебя, никогда его не понимая, изображали как разум, работающий на холостом ходу.
>
> — Боюсь, их удивление будет чрезмерно. Психологически оценивать каноническую логику покойного писателя, обнаруживать его логические ошибки и самостоятельно трактовать их как исполненные смысла события, демонстрировать личность гениального человека, колеблющегося между двумя эпохами, на примере давно выставленного на продажу классика — это все их только разозлит [16, с. 49].

Приписываемый здесь Лабуде нестандартный подход, идущий вразрез с традиционными интерпретациями литературных текстов, выдает знакомство Кестнера с эссе Беньямина «Избирательное сродство Гёте» (Goethes Wahlverwandtschaften, 1925). В этом трактате молодой мыслитель не только демонстрирует крайне свободное обращение с непререкаемым поэтическим авторитетом, вскрывая и развенчивая мифологию Гёте через призму его шедевров, но и впервые набрасывает принципы новой критики, которая путем разрушения содержания актуализирует истину художественного произведения.

Однако еще более поразительно другое совпадение. В 1925 г. Беньямин подал во Франкфуртский университет на соискание ученой степени труд о немецкой барочной драме (Г.Х. Лессинг, к слову, был одним из первых, кто пытался привлечь внимание к этому забытому национальному феномену). Сегодня исследование Беньямина считается важнейшей теоретической работой по данной теме, признаваемой как филологами, так и философами. Но в 20-е гг. XX в. она была отвергнута философским факультетом на основании ознакомительного отзыва Ганса Корнелиуса, заведовавшего тогда кафедрой эстетики и теории искусств. Поводом для отказа стало то, что диссертация Беньямина якобы «исключительно трудна для понимания» и невозможно «извлечь внятный смысл из этих художествен-

но-исторических наблюдений» (цит. по: [1, с. 246]). По рекомендации университета Беньямин сам отозвал свое исследование, дабы не предавать этот случай огласке (о чем впоследствии сильно сожалел). О его расстройстве и возмущении можно судить по письму Саломону-Делатуру от 5 августа 1925 г.: «...если бы внутренние причины не превратили для меня эту историю в нечто несущественное, то прием, который мне там оказали, произвел бы на меня долговременное и пагубное воздействие. Если бы моя самооценка хоть в малейшей степени зависела от этих мнений, то безответственность и небрежность, с которыми решалось мое дело, стали бы для меня таким ударом, от которого моя производительность оправилась бы очень нескоро» (цит. по: [1, с. 247]).

Удар, который Беньямин перенес во многом благодаря тому, что поле его научных изысканий уже успело сместиться с литературы прошлых эпох на авангардное искусство, сломил героя кестнеровского романа. Не дождавшись официального извещения тайного советника, Лабуде узнает от его ассистента, что работа отклонена. По словам помощника, «тайный советник охарактеризовал ее как абсолютно неудовлетворительную и добавил, что передать ее на факультет значило бы только зря обременить профессуру» [16, с. 149]. В тот же вечер Лабуде застрелился. В своей предсмертной записке, адресованной Фабиану, он с горечью констатирует: «...я провалился на экзаменах по двум основным предметам — любви и профессии. Пойми, такому человеку нет места в жизни» [16, с. 150]. Трагизм случившегося усугубляется тем, что слова ассистента оказались злой шуткой. Диссертация Лабуде в действительности была удостоена наивысшей оценки и причислена тайным советником к «наиболее значительным достижениям в области истории литературы за последние годы» [16, с. 162]. Почти в идентичных формулировках спустя сорок лет после первой публикации будут говорить и о «Происхождении немецкой барочной драмы» (Ursprung des deutschen Trauerspiels, 1928) Вальтера Беньямина.

IV. По ту сторону романа

Успех «Фабиана», увидевшего свет осенью 1931 г., превзошел все ожидания. Тираж постоянно допечатывали, и рецензии в основном были хвалебными. Роман окрестили «версией Гамлета нынешнего поколения» (цит. по: [7, S. 209]), а Фабиана ставили в один ряд с Вертером и Обломо-

вым. Уже через полгода появились первые переводы и иностранные издания. Но все резко изменилось с приходом Гитлера к власти. Как и многие другие свободомыслящие писатели, Кестнер получил запрет на профессию. Его книги были изъяты из продажи и подвергнуты символической казни во время «акции против негерманского духа», устраиваемой нацистами во многих городах. 10 мая 1933 г. Кестнеру довелось лично присутствовать при масштабном сожжении книг на одной из центральных площадей Берлина. Его роман о моралисте был брошен в пламя со словами: «Против нравственной деградации и морального разложения»[11]. Не раз на протяжении двенадцати лет гитлеровского режима и тем более после войны Кестнера спрашивали, что удерживало его от эмиграции. И неизменно звучал один и тот же ответ: «Я остался, чтобы быть свидетелем» (цит. по: [4, S. 62]). Он хотел написать большой роман о Третьем рейхе, в котором бы отразилась историческая правда о беспрецедентном умопомешательстве целой страны. С этой целью Кестнер вел дневник, так называемую «Голубую книгу», где тайным шрифтом делал многочисленные заметки о тогдашней берлинской повседневности.

Многие, кто был осведомлен о планах Кестнера, с нетерпением ожидали реализации его замысла — отчасти даже в качестве своеобразного морального обязательства. Однако роман так и не появился. Сохранились лишь разрозненные наброски, в которых действует похожий на Фабиана герой — автор театральных пьес, тонко чувствующий, но мало действующий фланер-созерцатель. Почему Кестнер отказался от своего проекта, до конца неясно. Свен Ханушек, подготовивший к изданию «Голубую книгу» (Das Blaue Buch, 2018), не без основания полагает, что причиной тому могли стать встречи Кестнера с людьми, вернувшимися из концлагеря[12]. Увидев и услышав живых свидетелей, прошедших все круги земного ада, он счел свою наблюдательную позицию слишком безопасной и отстраненной, чтобы иметь право говорить о творившихся злодеяниях. Если поначалу в заявлениях Кестнера о взятой на себя роли летописца проскальзывали некоторые героические нотки, то после войны в его словах сквозит скорее

11 Цит. по: [4, S. 638–647]. Сам Кестнер после войны описывает этот эпизод в речи «О сожжении книг» (Über das Verbrennen von Büchern) [21].

12 См.: [6, S. 36–37]. Последняя запись в «Голубой книге» как раз повествует о бывшем узнике Освенцима Мэнне Кратце, который в июле 1945 г. поведал Кестнеру ужасающие подробности концлагерного существования, до той поры мало кому известные [17, S. 231–236].

растерянность и смущение. В последней своей публичной речи 15 марта 1970 г. он откровенно признается, что в 1930-е отвага требовалась не для того, чтобы остаться в Германии, а для того, чтобы уехать: «Я поражаюсь их (эмигрантов. — *Е.К., О.К.*) мужеству к жизни и к литературе. Я поражаюсь тому и другому без зависти, полностью осознавая, что я на это — а собственно, на бегство с целью продолжать бороться и жить — вероятно, был бы не способен. Тем больше я понимаю тех, кто покончил с собой — Хазенклевера, Беньямина, Толлера и Тухольского» (цит. по: [7, S. 424]).

О самоубийстве Беньямина Кестнер узнал, возможно, одним из первых, находившихся в Берлине, куда во время войны новости из-за границы практически не поступали. 19 января 1941 г., через четыре месяца после гибели мыслителя, он делает запись в «Голубой книге», из которой следует, что информация дошла до него в искаженном виде: Кестнер был уверен, что Беньямин вскрыл себе вены на Ривьере [17, S. 48]. На самом деле это случилось в Портбоу, когда испанские пограничники, несмотря на наличие визы на въезд в Америку, отказались пропустить группу беженцев из Франции. Беньямин, прекрасно отдававший себе отчет в том, что, как еврей и левый интеллектуал, он попадет в концлагерь и не переживет этого, чувствовал себя загнанным в угол и принял смертельную дозу морфия. Его смерть (что снова невольно отсылает к Лабуде) стала следствием недоразумения: уже на следующий день все его попутчики смогли беспрепятственно пересечь границу. После войны обстоятельства гибели Беньямина не были ни для кого секретом, чего не скажешь про инцидент неудавшейся защиты во Франкфуртском университете, который получил огласку лишь в конце 1960-х гг., когда близкий друг философа Гершом Шолем обнародовал эту историю в прессе, обвинив совет факультета в научной некомпетентности. И лишь в 1984 г. видный специалист по творчеству Беньямина Буркхардт Линднер выяснил из архивных документов, что вина за отклонение рукописи Беньямина во многом лежит на тогдашнем ассистенте Корнелиуса, которым был не кто иной, как Макс Хоркхаймер [10]. Именно ему, будущему главе Института социальных исследований, внештатным сотрудником которого Беньямин являлся в 1930-е гг., принадлежит злополучная фраза о непонятности диссертации. Конечно, участие Хоркхаймера в составлении отрицательной рецензии Корнелиуса далеко отстоит от шутки секретаря тайного советника из романа Кестнера (хотя в современной академической среде оно вызвало

сенсацию), однако эпизодическая роль, которую он сыграл в этом сюжете, в свете драматического исхода жизни Лабуде приобретает едва ли не зловещие очертания.

***

Разумеется, литература не обязана держаться фактического положения дел, скорее, наоборот. Но в случае романа «Фабиан» художественная проза запечатлевает исторический момент с такой достоверностью, что в нем — в полном соответствии с поздней философией Беньямина — уже предугадывается определенный образ будущего. Начиная писать роман, Эрих Кестнер не пытался придать ему эпический размах. Он стремился рассказать о жизни большого города, погрязшего в инфляции и безработице, раздираемого политическими противоречиями, но все-таки еще мирного и еще свободного. В этом калейдоскопе сменяющих друг друга кадров и разворачивается судьба двух приятелей, по-разному выстраивающих свои экзистенциальные маршруты — в зависимости от того, на действие или бездействие опирается их этическая позиция. То обстоятельство, что за характерами парных персонажей просвечивают фигуры реальных людей, а именно автора и его критика, позволяет свести траектории движения героев с перипетиями творческих судеб Кестнера и Беньямина. В результате такого перекрестного сопоставления подлинных и вымышленных событий возникают объемные портреты двух незаурядных личностей своей эпохи, где строгие внешние контуры биографий наполняются глубиной и интенсивностью воображения. Идея Беньямина об истине, которую хранит литературное произведение, получает в романе Кестнера свое наглядное воплощение.

Список литературы

Исследования

1 *Айленд Х., Дженнингс М.У.* Вальтер Беньямин: критическая жизнь / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Дело РАНХиГС, 2018. 720 с.

2 *Слотердайк П.* Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург; М.: У-Фактория, АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.

3 *Delabar W.* Linke Melancholie? Erich Kästners *Fabian* // Verkehrsformen und Schreibverhältnisse. Mediale Wandel als Gegenstand und Bedingung von Literatur im

20. Jahrhundert / Hrsg. von J. Döring, C. Jäger, Th. Wegmann. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. S. 15–34.
4 *Enderle L.* Erich Kästner. 14. Aufl. Hamburg: Rowohlt, 1993. 150 S.
5 *Fuld W.* Walter Benjamin. Zwischen den Stühlen. Eine Biographie. München: Hanser, 1979. 323 S.
6 *Hanuschek S.* Kästners Kriegstagebücher: Eine Einführung // *Kästner E.* Das Blaue Buch. Geheimes Kriegstagebuch 1941–1945. Zürich: Atrium Verlag, 2018. S. 7–41.
7 *Hanuschek S.* Keiner blickt dir hinter das Gesicht: das Leben Erich Kästners. München; Wien: Hanser, 1999. 493 S.
8 *Hima G.* Dunkle Archive der Seele in hellen Gebärden des Körpers: die Anthropologie der neusachlichen Prosa. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1999. 276 S.
9 *Kiesel H.* Erich Kästner. München: Beck, 1981. 179 S.
10 *Lindner B.* Habilitationsakte Benjamin: Über ein “akademisches Trauerspiel” und über ein Vorkapitel der “Frankfurter Schule” (Horkheimer, Adorno) // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 53/54. 1984. S. 147–165.
11 *Raddatz F.* Die Kräfte des Rausches für die Revolution gewinnen // *Raddatz F.* Revolte und Melancholie: Essays zur Literaturtheorie. Hamburg: Knaus, 1979. S. 191–222.
12 *Witte B.* Walter Benjamin — Der Intellektuelle als Kritiker: Untersuchungen zu seinem Frühwerk. Stuttgart: Metzler, 1976. 244 S.

Источники

13 *Беньямин В.* Автор как производитель / пер. с нем. Б. Скуратова, И. Чубарова // *Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения / сост. И. Чубарова, И. Болдырева. Сб. статей. М.: РГГУ, 2012. С. 133–163.
14 *Беньямин В.* Левая меланхолия / пер. с нем. Е. Трифоновой // *Беньямин В.* Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 376–382.
15 *Беньямин В.* Улица с односторонним движением / пер. с нем. под ред. И. Болдырева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 128 с.
16 *Кестнер Э.* Фабиан. История одного моралиста / пер. с нем. Е. Вильмонт. М.: Худож. лит., 1975. 192 с.
17 *Kästner E.* Das Blaue Buch. Geheimes Kriegstagebuch 1941–1945. Zürich: Atrium Verlag, 2018. 406 S.
18 *Kästner E.* Fabian. Die Geschichte eines Moralisten. Zürich: Atrium Verlag, 1985. 201 S.
19 *Kästner E.* Reklame und Weltrevolution // *Kästner E.* Werken. Band VI: Splitter und Balken. Publizistik / Hrsg. von H. Sarkowicz und F.J. Görtz in Zusammenarbeit mit A. Johann. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1998. S. 233–237.
20 *Kästner E.* Ringelnatz und Gedichte überhaupt // *Kästner E.* Werken. Band VI: Splitter und Balken. Publizistik / Hrsg. von H. Sarkowicz und F.J. Görtz in Zusammenarbeit mit A. Johann. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1998. S. 226–228.

21 *Kästner E.* Über das Verbrennen von Büchern // *Kästner E.* Werken. Band VI: Splitter und Balken. Publizistik / Hrsg. von H. Sarkowicz und F.J. Görtz in Zusammenarbeit mit A. Johann. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1998. S. 638–647.

References

1 Eiland, H. & Jennings, M.W. *Val'ter Ben'iamin: kriticheskaia zhizn'* [*Walter Benjamin: A Critical Life*], trans. from English by N. Edelman. Moscow, Delo RANKhiGS Publ., 2018. 720 p. (In Russ.)
2 Sloterdaik, P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [*Critique of Cynical Reason*], trans. from German by A. Pertsev. Ekaterinburg, Moscow, U-Faktoriia, ACT MOSKVA Publ., 2009. 800 p. (In Russ.)
3 Delabar, Walter. "Linke Melancholie? Erich Kästners Fabian". *Verkehrsformen und Schreibverhältnisse. Mediale Wandel als Gegenstand und Bedingung von Literatur im 20. Jahrhundert*, hrsg. von J. Döring, C. Jäger, Th. Wegmann. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1996, pp. 15–34. (In German)
4 Enderle, Luiselotte. *Erich Kästner*. Hamburg, Rowohlt, 1993. 150 p. (In German)
5 Fuld, Werner. *Walter Benjamin. Zwischen den Stühlen. Eine Biographie*. München, Hanser, 1979. 323 p. (In German)
6 Hanuschek, Sven. "Kästners Kriegstagebücher: Eine Einführung". Kästner, Erich. *Das Blaue Buch. Geheimes Kriegstagebuch 1941–1945*. Zürich, Atrium Verlag, 2018, pp. 7–41. (In German)
7 Hanuschek, Sven. *Keiner blickt dir hinter das Gesicht: das Leben Erich Kästners*. München, Wien, Hanser, 1999. 493 p. (In German)
8 Hima, Gabriella. *Dunkle Archive der Seele in hellen Gebärden des Körpers: die Anthropologie der neusachlichen Prosa*. Frankfurt a.M., Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, Lang, 1999. 276 p. (In German)
9 Kiesel, Helmuth. *Erich Kästner*. München, Beck, 1981. 179 p. (In German)
10 Lindner, Burkhardt. "Habilitationsakte Benjamin: Über ein 'akademisches Trauerspiel' und über ein Vorkapitel der 'Frankfurter Schule' (Horkheimer, Adorno)". *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, no. 53/54, 1984, pp. 147–165. (In German)
11 Raddatz, Fritz. "Die Kräfte des Rausches für die Revolution gewinnen". Raddatz, Fritz. *Revolte und Melancholie: Essays zur Literaturtheorie*. Hamburg, Knaus, 1979, pp. 191–222. (In German)
12 Witte, Bernd. *Walter Benjamin — Der Intellektuelle als Kritiker: Untersuchungen zu seinem Frühwerk*. Stuttgart, Metzler, 1976. 244 p. (In German)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.133.1.0
ББК 83.8(4Фра)

«И ВОТ МЫ В СКАЗОЧНОЙ СТРАНЕ»[1] ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СЛУЧАЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА» (1934 год)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Дата поступления статьи: 24 мая 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 09 июля 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-164-179

Благодарности: Благодарю за помощь в работе над статьей Е.С. Островскую, И.В. Фомина.

Аннотация: Статья посвящена номеру французской версии многоязычного советского журнала «Интернациональная литература», в котором был воплощен один из тезисов первого съезда советских писателей о ключевой роли дидактизма в новой литературе. В “La Littérature Internationale” (1934. № 2) была напечатана подборка произведений о детях авторов из СССР, Франции, США и Германии. Цель статьи — проанализировать «детскую» подборку номера и определить ее функции во взрослом литературно-критическом журнале. Автор показывает связь сюжетных схем произведений подборки с предшествующей фольклорной и литературной традицией. Классическая сюжетная основа этих произведений позволяет ввести новые темы и сюжеты: перевоспитание и исправление, сюжет о работе на заводе и в шахте, показанный глазами детей, сопротивление гитлеровскому режиму в Германии. Делается вывод о том, что в пространстве этого номера детская подборка становится своеобразной соцреалистической моделью мировой литературы, ориентированной на готовые сюжетные схемы и дидактизм.

Ключевые слова: «Интернациональная литература», “La Littérature Internationale”, советская детская литература 1930-х гг., волшебная сказка в литературе соцреализма, Первый съезд советских писателей, А. Гарри, С. Третьяков, Р. Виттенберг, Ж. Геген-Дрейфюс, Дж. Конрой.

Информация об авторе: Евгения Вячеславовна Бельская — аспирант Школы филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная 21/4 стр. 1, 105066 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9659-1631

E-mail: evgenia.belskaja@yandex.ru

Для цитирования: *Бельская Е.В.* «И вот мы в сказочной стране» детской литературы: случай французской версии журнала «Интернациональная литература» (1934 год) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 164–179. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-164-179

1 Из речи Мартина Андерсена Нексе на Первом съезде союза писателей: «И вот мы в сказочной стране, в прекрасной стране пролетариата. Это значит — мы в царстве ребенка!» [27, с. 320].

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

"AND HERE WE ARE IN THE FAIRYLAND" OF CHILDREN'S LITERATURE: THE CASE OF THE FRENCH VERSION OF *INTERNATSIONALNAYA LITERATURA* (1934)

© 2021. Evgeniia V. Belskaia
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Received: *May 24, 2021*
Approved after reviewing: *July 09, 2021*
Date of publication: *December 25, 2021*

Acknowledgments: I would like to thank E.S. Ostrovskaya and I.V. Fomin for their help with this article.

Abstract: This article focuses on the issue of *La Littérature Internationale*, a French version of the multilingual Soviet journal *Internatsionalnaya Literatura*, which embodied one of the declarations of the First Congress of the Soviet writers on the key role of didacticism in the new literature. The second issue of *La Littérature Internationale* in 1934 contained a selection of works about children by authors from the USSR, France, United States, and Germany. The aim of this article is to analyze this selection of texts and to determine its function in the literary journal for adults. The author shows the connection of the plot schemes in the selection with the preceding folklore and literary tradition (a folk fairytale and literary Christmas tale, Victorian educational novel, romantic heroic novel). The classic storyline of these works allows us to introduce new themes and plots: re-education and correction, the story of working at the factory and at the mine, shown through the eyes of children as well as the resistance to Hitler's regime in Germany. The conclusion shows that in this issue, the children's selection forms a socialist realist model of world literature of a kind. Together with the stories for adults, it sets a pattern for the new universal literature whose plot schemes reflect the main trends in the literature of socialist realism and the anti-fascist literature of the 1930s–1940s.

Keywords: *Internatsionalnaya Literatura, La Littérature Internationale*, Soviet children's literature of the 1930s, folklore fairy tale in socialist realist literature, First Congress of Soviet Writers, A. Harry, S. Tretyakov, R. Wittenberg, G. Guéguen-Dreyfus, J. Conroy.

Information about the author: Evgenia V. Belskaya, PhD student, The School of Philological Studies, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya 21/4, 1, 105066 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9659-1631
E-mail: evgenia.belskaja@yandex.ru

For citation: Belskaia, E.V. "'And Here We are in the Fairyland' of Children's Literature: The Case of the French Version of *Internattsionalnaya Literatura.*" *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 164–179. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-164-179

«Художественно-научная литература для детей у нас уже создается. О ней больше всего писали и пишут на Западе. Ее переводят и в Америке, и во Франции, и в Японии, и даже в маленькой Исландии», — торжественно провозгласил С.Я. Маршак на Первом съезде писателей в августе 1934 г. [24, с. 23]. Действительно, с 1923 по 1938 гг. в Европе и США прошло как минимум двадцать шесть выставок, посвященных советской книге и детской советской книге, в частности [3]. Выставки имели огромный успех по нескольким причинам. Во-первых, это было типографское и педагогическое чудо: недорогие, ярко иллюстрированные советские издания рассказывали об окружающей ребенка природе, жизни в городе и в стране. Во-вторых, советская детская книга стала источником информации не только для детей, но и для взрослых, поскольку рассказывала о социальной и индустриальной политике СССР. Огромную популярность на Западе имел изначально детский «Рассказ о великом плане» М. Ильина [19], который в начале 1930-х гг. был издан во многих странах, в том числе Англии, США, Франции и Германии [3, с. 67]. Говоря о книге М. Ильина и других «экспортных» детских книгах, С. Маршак в начале съезда писателей с удивлением отмечает, что взрослые стали непосредственной аудиторией советских детских произведений: «Написанные для детей, эти книги оказались книгами и для взрослых. / В этом одна из типичных черт нашей книги для школьников: ее читают и дети, и взрослые» [24, с. 23]. В ходе выставок за рубежом советская детская книга в буквальном смысле стала, согласно метафоре Майкла Дэвида-Фокса [1], «витриной» советских достижений в области педагогики, социальной и индустриальной политики.

К середине 1930-х гг. советская детская литература становится советской идеологической «витриной» не только в рамках выставок, где она

в основном выступала как типографский и педагогический феномен, но и в рамках реализации утопии мировой литературы (по «Манифесту» [21] К. Маркса и Ф. Энгельса) [2; 8; 9; 10]. Одним из агентов реализации этого замысла в 1930-е гг. был печатный орган МОРП (с 1935 г. орган Союза советских писателей), многоязычный журнал «Интернациональная литература»[2], который выходил в 1931–1945 гг. на русском, английском, немецком, французском и (с 1942 г.) на испанском языке. Любопытно, что еще за полгода до съезда писателей журнал «Интернациональная литература» фактически реализовал призыв другого докладчика, Мартина Андерсена–Нексе, который, подводя итог выступлениям М. Горького, С. Маршака, Л. Кассиля и других видных советских писателей, говоривших о важности детской литературы соцреализма, заявил: «Каждый писатель должен писать для детей; в сущности говоря, он должен писать только для детей» [24, с. 320]. В феврале–марте 1934 г. в разных языковых версиях многоязычного журнала бок о бок со взрослой литературой были опубликованы подборки произведений с главными героями детьми, которые по своей форме и содержанию относятся к детским произведениям. Таким образом, детская литература оказалась адресована непосредственно взрослому читателю.

Литературный раздел журнала, как правило, составлялся из разных произведений, но иногда выходили и специальные номера (например, по итогам Второй международной конференции революционной литературы в Харькове в 1930 г., по итогам Первого съезда союза писателей в 1934 [34; 36; 37]) и номера с тематическими подборками (например, о Беломорканале [35; 39]). Журнал был посвящен взрослой литературе и обращен ко взрослому читателю, однако во втором номере за 1934 г. в английской, немецкой и французской версиях были помещены произведения литературы о детях советских и зарубежных авторов. Какие-то из них были напечатаны в нескольких версиях параллельно: «Гвоздь» / «Портрет вождя» (“Le Clou” / “Portrait of a Leader” [47]) Рудольфа Виттенберга (во французской и английской версиях), «Рождественская повесть» (“Un Récit de Noël” [33] / “Ein Weihnachtsmärchen” [32]) А. Гарри (Алексея Бронштейна) (во французской и немецкой версиях). В дополнение к художественным текстам в разделе критики были помещены статьи и очерки о воспитании

2 «Литература мировой революции» — до 1932 г. в иноязычных версиях и до 1933 г. в русской версии.

и образовании детей в СССР. В немецкой версии для этого выделен раздел «Молодежь и культура» (Jugend und Kultur), во французской версии приводится большой список переводных советских текстов о детском театре в СССР, о пионерах-героях (он же в английской версии) и о советской педагогике[3].

Наиболее крупная подборка произведений о детях представлена во втором номере французской версии журнала (“La Littérature Internationale”) (пять детских произведений, тогда как в английской — четыре, а в немецкой — три). Три взрослых и пять детских произведений объединены темой борьбы. Взрослые рассказы посвящены охране границ в СССР (С. Диковский «Ночь на пограничном пункте Н. в тайге» [28]), революции и гражданской войне (О. Эрдберг[4] «Стремительная весна»[5] [30]), революционному движению в Китае (Эми Сяо «Нанкин-Роуд» [42]). Их обрамляют пять произведений о детях в СССР, Франции, Германии и США: известного американского писателя Джека Конроя, немецкого марксистского драматурга Рудольфа Виттенберга и детской французской писательницы Жоржетты Геген-Дрейфюс, а также советского журналиста и писателя Алексея Гарри (Бронштейна) и главного редактора русской версии «Интернациональной литературы» Сергея Третьякова.

В пяти произведениях «детской» подборки тема борьбы обретает новое измерение. В рассказе Третьякова «Дозорные урожая»[6] [45] и «Рождественской повести» Гарри, в основе которых лежит сюжет перевоспитания героя, сирота и беспризорник борются за место в советском обществе, стремясь стать настоящими пионерами. В другой паре произведений — отрывке из романа Геген-Дрейфюс[7] [29] и рассказе Конроя [27] — с помощью приема остранения (глазами детей) показана борьба рабочего класса во Франции и

3 La liste des héros [Список героев] [38]
V. Finn — A propos de la “Bouza” [По поводу «бузы»] [31]
S. Roudine — Que deviendrai-je? [Кем я стану?] [41]
T. Tess — Les talents [Таланты] [44]
E. Volkova — Les enfants dans leur théâtre [Дети в своем театре] [46]
E. Mindline — Origine des sentiments. Conversations et Commentaires [Истоки чувств. Беседы и комментарии] [40]
V. Smirnova — Sans craintes [Без страхов] [43]

4 Псевдоним Оскара Сергеевича Тарханова (1901–1938).

5 Рассказ вышел ранее по-русски [23].

6 Рассказ вышел в сборнике в 1934 г. [18].

7 В журнале неверно записана фамилия автора: Дрейфюс-Геген вместо Геген-Дрейфюс.

США. Пятый рассказ, «Гвоздь» Виттенберга, казалось бы, стоит особняком, поскольку в нем показан не мир СССР и типично не капиталистический мир, а гитлеровская Германия, однако на уровне нарратива он представляет некий синтез четырех остальных произведений: в нем образы страдающего ребенка из «капиталистического» нарратива о детстве соединяются с образами героя-ребенка из советских произведений о детстве. Далее будут более подробно рассмотрены сюжетные схемы этих произведений.

Рассказ Третьякова «Дозорные урожая» и «Рождественская повесть» Гарри посвящены историям мальчиков-сирот, Яши и Гриши Котляренко, каждый из которых преодолевает свой непростой путь к детскому коммунистическому раю, в первом случае это пионерский съезд в Ростове, во втором — трудовая коммуна имени Ф.Э. Дзержинского. «Дозорные урожая» — очерковый рассказ, этот жанр Сергей Третьяков усвоил после двухлетней работы в колхозе в Ставрополье, где в 1928–1930 гг. один из главных адептов документальной фотографии и фотомонтажа в СССР, в прошлом футурист, работал редактором газеты и журналистом [2, с. 71, 98, 211]. В 1932 г. Третьяков стал членом секретариата МОРПа и главным редактором русской версии «Интернациональной литературы». Один из главных героев повести Алексея Гарри (Бронштейна) — чекист, благодаря которому свершается удивительное для атеистической реальности СССР 1934 г. рождественское чудо. Несмотря на то что «Рождественская повесть», насколько известно, не была издана в СССР, для Гарри, журналиста и автора детских рассказов о чекистах и гражданской войне [14; 15], это произведение можно считать программным. Очерк о жизни колхоза и повесть о чекисте типичны не только для авторов, Третьякова и Гарри, но и в целом для литературы начала 1930-х гг.

Оба произведения построены по характерной для соцреализма сюжетной схеме перевоспитания героя, актуальной и для детской литературы начала 1930-х гг.[8] Как показывает К. Кларк в монографии «Советский

8 За полгода до выпуска второго номера “La Littérature Internationale” (1934) в журнале «Мурзилка» был напечатан рассказ Л. Кассиля «Алешка-Рязань» [20] о мальчике-сироте, которого тоже подбирает добродетельный чекист, однако, в отличие от Гриши, Алешка не дает отправить себя в детскую трудовую колонию и становится вором. Чудо перевоспитания, по Л. Кассилю, превращение из «получеловека» в человека [20, с. 7], происходит с героем уже во взрослом возрасте, когда все тот же чекист отправляет его на Беломорканал, где Алешка находит свое призвание в строительстве плотины и даже совершает подвиг, спасая пробитую конструкцию. Подобно детской колонии в «Рождественской повести», взрослый трудовой лагерь на Медвежьей горе показан сказочно, потому как это и есть советское волшебное,

роман: история как ритуал» (“The Soviet novel: history as ritual”), нарративные схемы соцреалистического романа близки схемам волшебных сказок в силу ритуальности их сюжета и устойчивости символических форм [6, p. 3, 10–11]. К. Кларк использует пропповскую терминологию, в частности, для описания фабулы «Молодой гвардии» А. Фадеева, называя роман сказкой о герое, который отправляется на поиски «сознательности» (consciousness), как за недостачей (по В. Проппу [4]) [6, p. 162]. Мы полагаем, что подобная методология анализа применима и к рассматриваемым произведениям Гарри и Третьякова, тем более что обретение упомянутой коммунистической сознательности — главный итог произведений о перевоспитании.

В обоих произведениях есть помощники/дарители, оба мальчика обретают новый облик (Яшу переодевают перед отправкой в Ростов, Гришу — перед отправкой в коммуну), оба героя проходят испытание (Яша — на колхозном съезде пионеров, когда его судят за кражу орехов, а Гриша — в детской коммуне, когда во время испытательного срока он учится уважать общественное имущество). Однако Третьяков не следует прямо законам волшебной сказки: в «Дозорных урожая» подаренные предметы и помощники не несут значимой сюжетной функции. Яша отправляется в путешествие на районную МТС, а затем в Ростов, при этом на всех этапах его наделяют экипажем (подсаживают на телегу), одаривают и преображают подобно герою сказки [45, с. 26], но эти подарки не помогают герою преодолевать препятствия, поскольку таковых нет на его пути, это своеобразная награда избранному представлять свой колхоз на съезде пионеров. В то же время в «Рождественской повести» герой неоднократно оказывается в беде, из которой его выручают различные помощники: чудесное спасение — один из ведущих мотивов повести. Гриша чудом спасается от ареста во время очередного «дела», чудом его, голодного и замерзающего, замечает в снегу оставшийся неназванным чекист. Рассказчик подчеркивает сказочность происходящего: «Яркие пучки фар блуждали по заснеженным деревьям, очень похожим на декорации к сцене рождественской ночи»[9]. Главное «рождественское» чудо в повести происходит, когда Гришу

сказочное пространство, в котором происходит чудо перевоспитания: в духе уже не диккенсовской, а пушкинской сказки Алешка становится тридцать третьим «богатырем» в трудовом отряде дядьки Беломора (бывшего вора).

9 “La gerbe éclatante des phares errait sur les arbres couverts de neige qui ressemblaient alors à la décoration d’une scène de la nuit de Noël” [28, p. 39].

принимают в коммуну, где он легко приспосабливается к новой жизни, как будто был всегда предрасположен к таким порядкам, однако это говорит о глубокой внутренней трансформации, которая произошла с ним, от страха смерти и под влиянием проявленной к нему доброты.

В пропповской терминологии «Дозорные урожая» завершаются «возвращением домой»: после посещения съезда пионеров в Ростове Яша возвращается в свой колхоз, тогда как Гриша из «Рождественской повести» остается в «месте нахождения предмета поисков» (в детской коммуне). Такое расхождение обусловлено изначально разным положением героев: жестокий мир детских домов и разбойничьих шаек малолетних преступников, к которому принадлежал Гриша, скорее соответствует «миру профанного» (profane world), который обычно покидает герой волшебной сказки. Для Гриши мир детской коммуны, соответствующий «миру высшей реальности» (higher reality) волшебной сказки, представляет полную противоположность покинутому «профанному» миру его прошлого [6, p. 227]. В то же время в «Дозорных урожая» колхоз, который покидает Яша, представляет не противоположность, а прообраз «истинного» мира, который Яша находит в Ростове, поскольку и колхоз, и пионерская ячейка в нем — это такие же элементы социалистического строя, как и ростовский съезд пионеров. Разница финалов объясняется также тем, что в «Рождественской повести» кульминацией является эпизод перевоспитания/исправления героя, а в рассказе «Дозорные урожая» — ростовский съезд пионеров, ярко показанный в конце. То есть если для Яши путешествие в Ростов — награда за исправление (раскаяние на пионерском съезде), то настоящее исправление Гриши происходит только в детской коммуне.

Особенность «Рождественской повести» в том, что она выстраивается по канонам не волшебной сказки как таковой, а рождественской сказки, с отчетливыми отсылками к претекстам, в том числе «Девочке со спичками» Г.-Х. Андерсена, рождественским повестям и «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса. Финал «Рождественской повести», с одной стороны, соответствует жанру соцреалистических произведений о перевоспитании, когда герой исправляется и остается в обретенном «истинном» мире того или иного трудового коллектива, а с другой стороны, отсылает к финалу андерсеновской сказки: подобно героине у Андерсена, Гриша засыпает на снегу и по пробуждении попадает в иной мир (теплых комнат спасшего

его чекиста, а затем в коммуну), этот мир соотносится с чудесным загробным миром, в который попадает «Девочка со спичками». Гарри жанрово обыгрывает привычную европейскому читателю (в том числе подписчикам французской версии «Интернациональной литературы») сказочную традицию, показывая, каким должно быть настоящее рождественское чудо и что оно возможно только в СССР[10].

Своеобразную рамку «детской» подборки представляют произведения о жизни рабочих во Франции и в США: это отрывок романа «Ты будешь рабочим» Геген-Дрейфюс[11] и автобиографический рассказ Конроя «Детство в руднике». В обоих случаях социальная критика реализуется за счет изображения капиталистического мира с помощью остраненного, по В. Шкловскому, взгляда (глазами ребенка) на взрослые дела, например, борьбу со штрейкбрехерством. В основе обоих произведений лежит сюжетная схема, характерная для описания викторианского детства. Сирота Жан из романа Геген-Дрейфюс с двенадцати лет поступает на корабельный завод и, подобно Дэвиду Копперфильду, выполняет тяжелую взрослую работу вместе с другими детьми, которые и дома видели только жестокость и насилие. В отличие от Жана из французского романа, Джеку еще нет двенадцати, и поэтому он только наблюдает, как работают его отец и братья. Оба мальчика видят смерть других детей, которые погибают на работе. В романе «Ты будешь рабочим» по вине надзирателя погибает мальчик Огюстен, а в «Детстве в руднике», получив травму в шахте, погибает старший брат рассказчика, Тим. В рассказе Конроя капиталистическая система обретает лицо в образе владельца шахты, который игнорирует забастовку рабочих. Джек и сам становится участником столкновения на классовой почве с сыном владельца шахты в яркой, практически марк-твеновской сцене: мальчик оскорбительно дразнит сестру Джека, и за это Тим пачкает грязью его белоснежную рубашку и золотистые кудри. В отрывке из романа «Ты будешь

10 Нам пока не удалось найти издания повести Гарри на русском, вероятно, она не была напечатана в СССР и вышла только в немецкой и французской версиях «Интернациональной литературы». Поскольку основная часть тиража этих версий поставлялась заграницу, можно предположить, что повесть была специально написана для иностранного читателя. В то же время в 1934 г. Рождество было запрещено, и только в 1935 г. в СССР было разрешено празднование Нового года с елкой, что вернуло зимнему празднику атмосферу дореволюционного Рождества, а значит, и рождественское чудо снова стало возможно.

11 Роман переведен целиком в СССР в 1936 г. [16].

рабочим» и рассказе «Детство в руднике» накладываются две сюжетные парадигмы: викторианское детство (с центральным образом страдающего ребенка, который отсылает к диккенсовской традиции) и романтический подвиг, где в центр сюжета помещается образ борющегося героя, в том числе ребенка, напоминающий Гавроша из «Отверженных» В. Гюго, который живет на улице, заботится о других брошенных детях и в конце погибает во время июньского восстания 1832 г. в Париже, отстаивая права народа.

В рассказе «Гвоздь» (“Le Clou”) Р. Виттенберга меняется не только страна, но и характер конфликта, в который вовлекается главный герой. В одном классе берлинской школы для девочек учительница приносит портрет Гитлера, и одна из учениц отказывается вбить в стену гвоздь и повесить портрет. В школу приглашают отца Хильды, и обнаруживается, что Хильду дома не наказывают, более того, у семьи нет ни флага нового правительства, ни портрета Гитлера. Через несколько дней и ее отца отправляют в Ораниенбург. В конце Виттенберг дает понять, что для Хильды не все потеряно: девочка обретает поддержку других учениц (кто-то из сочувствующих школьниц кладет ей яблоко и булочки). Рассказ Виттенберга освещает антифашистскую тему, актуальную в 1930-х гг. и для советской детской литературы. В «Пионерской правде» неоднократно выходили заметки о детях немецких рабочих [13; 22]. В журнале «Мурзилка» за сентябрь 1933 г. был напечатан похожий до карикатурности на рассказ «Гвоздь» сюжет с девочкой в немецкой школе. «Рассказах о фашистах и пионерах» Анна Гринберг приводит историю об одной берлинской школе, в которой школьники (дети рабочих-коммунистов) открыто противостоят учителю-нацисту, например, не поют, а только открывают рот во время исполнения классом «Хорст Вессель» [17, с. 10]. Как и в рассказе «Гвоздь», здесь есть и упоминание лагерей (тюрьма), и антигитлеровский жест, но о наказании за него в этой лубочной истории для детей младшего возраста речь, однако, не заходит.

На первый взгляд рассказ Виттенберга далек от индустриальных произведений Геген-Дрейфюс и Конроя, и от сказочных историй перевоспитания Гарри и Третьякова, однако в нем находят отражение ключевые черты этих четырех текстов. Как повествование в романе «Ты будешь Рабочим» и рассказе «Детство на руднике», так и повествование в «Гвозде» можно назвать остраненным, поскольку автор устраняется из повествования, помещая читателя в позицию наблюдателя: читатель видит события

глазами ученика школы, в которой учится Хильда. Поэтому рассказчику удается нарисовать яркую и страшную картину гитлеровской Германии. Образ Хильды, с одной стороны, символизирует борьбу против враждебной власти, инварианты которой показаны у Геген-Дрейфюс и Конроя, а с другой стороны, воплощает идеал пионера, к которому стремятся главные герои «Рождественской повести» и рассказа «Дозорные урожая»[12].

Пять детских произведений из литературной подборки второго номера французской версии «Интернациональной литературы» за 1934 г. воспроизводят основные сюжетные типы, которые в дальнейшем будут актуальны для литературы соцреализма: перевоспитание, страдание и героизм. В советских произведениях, «Рождественской повести» Гарри и «Дозорных урожая» Третьякова, показаны истории перевоспитания, которые заимствуют сюжетные схемы волшебной сказки, а также авторской сказки Диккенса и Андерсена. Страдание и противостояние враждебной власти лежит в основе сюжетов «Детства в руднике» и «Ты будешь Рабочим», при этом Конрой и Геген-Дрейфюс обращаются к наследию Гюго, Диккенса и Марка Твена. Виттенберг в рассказе «Гвоздь» разрабатывает новый героический сюжет, который в 1934 г. перекликается с советскими произведениями о пионерах-героях, а впоследствии будет актуален для большого количества произведений о Второй мировой войне. Рассмотренные произведения представляют своеобразный палимпсест предшествующей фольклорной и литературной традиции, напоминающей список литературы, на который, по мнению Маршака, с 1934 г. стоит ориентироваться советским писателям: «...рядом с классиками, рядом с “Детством” Горького им [советским читателям-детям] нужен “Том Сойер” Марка Твэна, Жюль Верн, “Дэрсу-Узала” Арсеньева, “Пакет” Пантелеева...» [24, с. 23].

Представляется, что к «детской» подборке номера продуктивно было бы применить используемое в современных исследованиях периодических изданий понятие «эмергенции» (emergence, [7]) — т. е. приращения смысла, которое происходит от соположения различных вербальных и невербальных текстов в пространстве журнала (по аналогии с приращением, которое

12 Сюжет рассказа «Гвоздь» напоминает биографии пионеров-героев, когда главный персонаж оказывается один на один с врагами, как, например, в эпизоде из «Кулацкого гнезда» Соломеина, где Павлик Морозов спорит с дедом и дядей о колхозе и коллективизации [25, с. 40–41].

происходит в помещенных рядом отдельных информационных элементах внутри базы данных, в результате их спонтанного взаимодействия внутри образовавшейся группы) [7, p. 113]. Произведения подборки складываются в своеобразную соцреалистическую модель мировой литературы, обличительного реализма капиталистического мира с его страдающим героем до советских сюжетов о перевоспитании нерадивых персонажей и подвигах пионеров и чекистов, и даже заглядывает в будущее, предвосхищая появление литературы о Второй мировой войне. Эта литературная модель перекликается со взрослыми произведениями номера, посвященными революционной борьбе и подвигу. Помещенные бок о бок в одном номере «Интернациональной литературы», эти условно детские и взрослые произведения начинают вместе работать как сложная творческая лаборатория, переплавляющая сюжетные схемы и ходы в единое пространство соцреалистической литературы, обращенной и к детям, и ко взрослым. Эта литература бесконечно задействует типичные сюжетные схемы и приемы. В произведениях подборки находим отсылки к классической литературе и волшебной сказке как на уровне сюжетных схем (викторианское детство, романтический подвиг ребенка-героя, путешествие героя за недостачей), так и среди узнаваемых образов (золотистые кудри мальчика из «Детства в руднике», фигура замерзающего на снегу ребенка из «Рождественской повести»). И, благодаря «детскому» материалу, она усиленно дидактична — в соответствии с основным вектором развития соцреалистической литературы во второй половине 1930-х – 1940-х гг. Как отмечает Омри Ронен, «на писателя для взрослых, “инженера человеческих душ”, установочные доклады съезда возложили большую дидактическую функцию, чем на детского писателя», поскольку первый должен был ориентироваться на смешанную, взрослую и детскую, аудиторию [5, с. 971].

Кажется неслучайным, что наиболее крупная «детская» подборка была напечатана во французской версии журнала. Ее появление мог инспирировать главный редактор “La Littérature Internationale”, представитель МОРПа во Франции, Поль Вайян-Кутюрье. Помимо активной редакторской и политической работы, он был писателем, и в том числе детским (так, в 1920-е и в 1930-е гг. в СССР несколько раз печатали перевод и переложение его известного романа «Жан бесхлебный» (“Jean-sans-pain”) [12; 26]). Согласно Матильде Левек, Вайян-Кутюрье, по сути, создал коммунистиче-

скую литературу для детей на французском [11], с этой точки зрения, второй номер “La Littérature Internationale” за 1934 г. стал своего рода кульминацией этого начинания: таким образом совпали личные творческие устремления редактора и концептуальный проект журнала.

Список литературы

Исследования

1 *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 561 с.

2 *Кларк К.* Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / пер. с англ. О. Гавриковой и А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 511 с.

3 *Мяэотс О.Н.* Советские детские книги в Европе и в США в 1920–1930-е гг. // Детские чтения. 2017. № 2 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-detskie-knigi-v-evrope-i-v-ssha-v-1920-1930-e-gg (дата обращения: 20.07.2020).

4 *Пропп В.Я.* Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 511 с.

5 *Ронен О.* Детская литература и социалистический реализм // Соцреалистический канон / Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 969–979.

6 *Clark K.* The Soviet novel: history as ritual / 3rd ed. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2000. 320 p.

7 *Drouin J.* Close- and Distant-Reading Modernism: Network Analysis, Text Mining, and Teaching the “Little Review” // The Journal of Modern Periodical Studies. 2014. No. 1 (5), P. 110–135. URL: www.jstor.org/stable/10.5325/jmodeperistud.5.1.0110. (дата обращения: 14.05.2021).

8 *Ostrovskaya E., Zemskova E.* From International Literature to World Literature: English translators in 1930s Moscow // Translation and Interpreting Studies. 2019. Vol. 14, № 3. P. 351–371. DOI: 10.1075/tis.18025.ost

9 *Safiullina N., Platonov R.* Literary translation and soviet cultural politics in the 1930s: the role of the journal “Internacional’naja literatura” // Russian literature. 2012. Vol. 72, № 2. P. 239–269. DOI: 10.1016/j.ruslit.2012.08.005

10 *Sherry S.* Discourses of Regulation and Resistance: Censoring Translation in the Stalin and Khrushchev Era Soviet Union. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. 208 p.

11 *Lévêque M.* Les écrivains communistes pour la jeunesse pendant l’entre-deux-guerres // Itinéraires. 2011. № 4. URL: http://journals.openedition.org/itineraires/1400 (дата обращения: 20.07.2020).

Источники

12 *Вайян-Кутюрье П.* Жан бесхлебный / пер. с фр. М. А. Гершензона. М.: Гос. изд-во, [19--] 36 с.

13 *Вилли Гер.* МОПР помогает германским пионерам // Пионерская правда. 1926. № 32 (74). С. 3.

14 *Гарри А.Н.* Конец Петлюры: Рассказы. М.: Журн.-газ. объединение, 1934. 31 с.

15 *Гарри А.Н.* Снег на крыльях: Для средн. и старш. возраста [М.]: Детгиз, 1935. 48 с.

16 *Геген-Дрейфюс, Ж.* Ты будешь рабочим / пер. с фр. под ред. А.С. Кулишер. Л.: Гослитиздат, 1936. 312 с.

17 *Гринберг А.* Рассказы о фашистах и пионерах // Мурзилка. 1933. № 9. С. 7–11.

18 Дозорные урожая: Эта лучшая жизнь достанется вам / С.М. Третьяков. М.: Детгиз, 1934. 32 с.

19 *Ильин М.* Рассказ о великом плане: Пятилетний план. Издание для детей. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 170 с.

20 *Кассиль Л.* Алешка-Рязань // Мурзилка. 1933. № 10. С. 5–12.

21 *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Marxist Internet Archive. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm (дата обращения: 10.07.2020).

22 *Мюллер Э.* Немецкие дети // Пионерская правда. 1926. № 32 (74). С. 3.

23 На рубеже: Д.-Вост. лит.-худ. и обществ.-полит. альманах. М.; Хабаровск: Дальгиз, [1933]. 121 с.

24 Первый всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет. М.: Худож. лит., 1934. 719 с.

25 *Соломеин П.Д.* В кулацком гнезде: Рассказ о пионере Павле Морозове. М.; Свердловск: Мралогиз, 1933. 79 с.

26 *Чуковский К.И.* Жан-беднота и заяц: Сказка для детей всех возрастов / По П. Кутюрье рассказал К. Чуковский. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. 25 с.

27 *Conroy J.* Enfance dans une mine // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 72–81.

28 *Dikovsky S.* Une nuit au poste-frontière N. dans la taïga // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 42–52.

29 *Dreyfus-Guéguen G.* Tu seras un ouvrier // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 3–18.

30 *Erdberg O.* Printemps impétueux // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 53–64.

31 *Finn V.* A propos de la “Bouza” // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 86–90.

32 *Garri A.* Ein Weihnachtsmärchen // Internationale Literatur. 1924. № 2. P. 67–77.

33 *Harry A.* Un récit de Noël // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 42–52.

34 International Literature. 1934. № 4.

35 Internationale Literatur. 1933. № 2.

36 Internationale Literatur. 1934. № 3.

37 Internationale Literatur. 1934. № 5.

38 La liste des héros // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 82–85.
39 La Littérature Internationale. 1933. № 5.
40 *Mindline E.* Origines des sentiments. Conversations et Commentaires // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 110–118.
41 *Roudine S.* Que deviendrai-je? // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 91–100.
42 *Siao E.* Nankin-Road // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 65–66.
43 *Smirnova V.* Sans craintes // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 119–123.
44 *Tess T.* Les talents // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 101–103.
45 *Tretiakov S.* Gardiens de récoltes // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 19–32.
46 *Volkova E.* Les enfants dans leur théâtre // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 104–109.
47 *Wittenberg R.* Le clou // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 67–71.
48 Portrait of the Leader // International Literature. 1934. № 2. P. 36–40.

References

1 Devid-Fox, M. *Vitriny velikogo eksperimenta: kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [*Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*], trans. by V. Makarov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 561 p. (In Russ.)
2 Clark, K. *Moskva, chetvertyi Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evoliutsiia sovetskoi kul'tury (1931–1941)* [*Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*], trans. by O. Gavrikova and A. Fomenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 511 p. (In Russ.)
3 Miaeots, O.N. "Sovetskie detskie knigi v Evrope i v SShA v 192–1930-e gg." ["Soviet Children's Books in Europe and the USA in the 1920–1930s."]. *Detskie chteniia*, no. 2 (12), 2017. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-detskie-knigi-v-evrope-i-v-ssha-v-1920-1930-e-gg (Accessed 20 July 2020). (In Russ.)
4 Propp, V.Y. *Morfologiia (volshebnoi) skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [*Morphology of the Folktale*]. Moscow, Labirint Publ., 1998. 511 p. (In Russ.)
5 Ronen, O. "Detskaia literatura i sotsialisticheskii realizm" ["Children's Literature and Socialist Realism"]. *Sotsrealisticheskii kanon: sb. statei* [*Social Realist Canon: Collection of Articles*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 969–979. (In Russ.)
6 Clark, Katerina. *The Soviet Novel: History as Ritual.* 3rd ed. Bloomington; Indianapolis, Indiana University Press, 2000. 320 p. (In English)
7 Drouin, Jeffrey. "Close- and Distant-Reading Modernism: Network Analysis, Text Mining, and Teaching the Little Review." *The Journal of Modern Periodical Studies*, no. 1 (5), 2014, pp. 110–135. Available at: www.jstor.org/stable/10.5325/jmodeperistud.5.1.0110 (Accessed 14 May 2021). (In English)

8 Ostrovskaya, Elena, Zemskova, Elena. “From International Literature to World Literature: English Translators in 1930s Moscow.” *Translation and Interpreting Studies*, no. 3 (14), 2019, pp. 351–371. DOI: 10.1075/tis.18025.ost (In English)
9 Safiullina, Nailya, Platonov, Rachel. “Literary Translation and Soviet Cultural Politics in the 1930s: The Role of the Journal ‘Internacional’naja Literatura’.” *Russian literature*, no. 2 (72), 2012, pp. 239–269. DOI: 10.1016/j.ruslit.2012.08.005 (In English)
10 Sherry, Samantha. *Discourses of Regulation and Resistance: Censoring Translation in the Stalin and Khrushchev Era Soviet Union*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2015. 208 p. (In English)
11 Lévêque, Mathilde. “Les Écrivains Communistes pour la Jeunesse Pendant l’Entre-deux-guerres.” *Itinéraires*, no. 4, 2011. Available at: http://journals.openedition.org/itineraires/1400 (Accessed 20 July 2020). (In French)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

БИБЛЕЙСКИЕ ЦИТАТЫ В НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ

© 2021 г. Н.В. Трофимова
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 24 февраля 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 03 марта 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-180-197

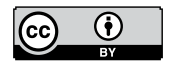
Аннотация: Библейские цитаты — необходимый элемент повествования всех древнерусских летописей. Во владимирском и южнорусском летописании они были одним из важнейших средств толкования событий с позиции теории «Божьих казней», изображения и оценки князей как главных героев, выражения мыслей и чувств летописцев и персонажей. Новгородская Первая летопись, которую вели книжники архиепископов Великого Новгорода, отличается небольшим количеством цитат и неравномерным их распределением по тексту. Большинство цитат появляется в дидактических рассуждениях летописцев, часто в связи с осмыслением причин природных бедствий, нашествий, военных поражений, городских событий. В речи персонажей цитат очень мало. В отличие от других летописей, цитаты не включаются непосредственно в описания. Сокращение сферы использования приводит к ограничению функций: главным образом, цитаты служат оценке и разъяснению хода событий, лишь иногда помогая эмоционально выразить чувства летописца и персонажей. Цитаты часто вводятся без ссылки на источник, иногда с неверной ссылкой. Как и в других сводах, основным источником заимствований была Псалтирь. Цитируются также ветхозаветные книги, в том числе пророческие, но их круг уже, чем в других летописях. Невелико число цитируемых новозаветных текстов, их количество увеличивается в летописи младшего извода, включившей значительные по объему сюжетные произведения с князьями в качестве главных героев.

Ключевые слова: библейская цитата, князь, летописец, Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, функция.

Информация об авторе: Нина Владимировна Трофимова — доктор филологических наук, профессор, Институт филологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9001-8236

E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

Для цитирования: *Трофимова Н.В.* Библейские цитаты в Новгородской Первой летописи // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 180–197. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-180-197

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

BIBLICAL QUOTATIONS IN THE *NOVGOROD FIRST CHRONICLE*

© 2021. Nina V. Trofimova
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
Received: February 24, 2021
Approved after reviewing: March 03, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: Biblical quotations are important narrative elements in all Old Russian chronicles. In the Vladimir and South Russian chronicles, they were one of the most important means of interpreting events from the point of view of the theory of "God's executions," of depicting and asserting princes as their main characters, and of expressing thoughts and feelings of the chroniclers and their characters. The *Novgorod First Chronicle*, which was kept by the chroniclers of the archbishops of Novgorod, stands out due to a small number of biblical quotations and their irregular distribution throughout the text. Most of the quotations appear in didactic comments of the chroniclers, often as a means to interpret natural disasters, invasions, military defeats, and urban events while they are scarce in the speech of the characters. Quotations are not included directly in descriptions as it is common in other chronicles. This reduction leads to the limitation of the functions of biblical quotations: mainly, quotes serve here to evaluate and explain the course of events, only occasionally helping to emotionally express the feelings of the chronicler and the characters. Quotations are often included without reference to the source, sometimes with an incorrect reference. As in other chronicles, the main source of quotations is the Psalter. The Old Testament books, including the prophetic ones, are also quoted, but their range is smaller than in other chronicles. The number of New Testament texts is small, but it increases in the chronicle of junior recension, which includes extensive plots with princes as main characters.

Keywords: biblical quotation, prince, chronicler, *Novgorod First Chronicle* of the Senior and Junior recension, function.

Information about author: Nina V. Trofimova, DSc in Philology, Professor of Russian Classic Literature department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St., 1, 119991 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9001-8236

E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

For citation: Trofimova, N.V. "Biblical Quotations in the *Novgorod First Chronicle*." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 180–197. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-180-197

Исследование репертуара и функций библейских цитат и образов в составе древнерусских произведений — не новая, но активно развивающаяся в последние десятилетия область медиевистики. В современной науке проблеме цитации Священного Писания посвящено огромное количество работ, зачастую рассматривающих ее с противоположных позиций. Большинство из них связано с агиографическими произведениями, многие исследователи обращаются к летописям и историческим сочинениям, некоторые ставят теоретические вопросы. Выявлены источники цитат в широком круге памятников, установлены основные формы цитирования библейских текстов, приемы их включения в произведения[1].

Летописные тексты, в силу многочисленности памятников и их большого объема, с точки зрения библейской цитации пока изучены недостаточно. Полностью в этом плане рассмотрен только текст «Повести временных лет» И.Н. Данилевским [10].

Нами ранее предприняты попытки выявления и тематически-функциональной интерпретации цитат в ранних летописях, следующих за «Повестью временных лет»: владимирском своде, отразившемся в Лаврентьевской летописи (так называемой «Суздальской летописи») [14], Киевском [13] и Галицко-Волынском [15] сводах, сохранившихся в Ипатьевском сборнике. Наблюдения над этими памятниками привели к выводам о значительно более частом и многофункциональном цитировании во владимирской традиции, связанном в первую очередь с общей дидактической направленностью свода. В Киевской летописи проявляется иной подход к изложению:

1 Литература вопроса настолько обширна, что не представляется возможным представить ее в рамках статьи. Наиболее полные списки содержат монографии [1; 2; 11].

на первом плане повествование о событиях, а не дидактические задачи, цитат меньше, круг их функций несколько уже. Галицко-Волынская летопись еще реже цитирует Священное Писание, причем в двух частях ее используются различные приемы цитирования. В Галицкой летописи чаще встречаются неточные цитаты, раскрывающие мысли повествователя и князей, с целью создания яркого эмоционального повествования; в Волынской летописи — в основном точные заимствования, направленные на создание идеального образа князя Владимира Васильковича.

В данной работе обратимся еще к одной местной традиции летописания — новгородской, существовавшей параллельно с киевской и владимирской. Древнейший пласт сведений сохранила Новгородская Первая летопись (далее — НПЛ). Она известна в двух изводах — старшем (Синодальный список, XIII–XIV вв.) и младшем (группа списков, основные — Академический и Комиссионный, 40-е гг. XV в.). Памятник, опубликованный впервые в XVIII в., изучается два столетия, особенно активно историками и лингвистами. Цикл исследований в последние десятилетия принадлежит А.А. Гиппиусу [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9], детально рассмотревшему историю текстов, выявившему границы работы разных летописцев, особенности их языка и стиля. В числе признаков, отличающих манеры книжников разных эпох, исследователем названы были цитаты из библейских текстов, перечисленные почти исчерпывающе для периода 6736–6833 гг. При этом А.А. Гиппиус обратил внимание на период наибольшего сосредоточения цитат (6736–6776 гг.), на три основных способа их введения в текст, сделал вывод о том, что регулярное обращение к библеизмам характерно было для летописца архиепископов Спиридона и Далмата [9, с. 189–190, 215]. Специальных работ, посвященных цитированию в НПЛ, не существует.

Цель данной работы — выявить состав и проанализировать формы, способы введения, функции библейских цитат в тексте НПЛ обоих изводов в промежутке от 6625 (1117) г. (начало собственно новгородского летописания) до 6954 (1446) г. (окончание Комиссионного списка младшего извода) и сравнить их в сопоставимых временных отрезках с текстами южнорусской и владимирской традиций.

В НПЛ старшего извода библейские цитаты содержат 21 (12 из них — по одной цитате), в младшем изводе — 27 летописных статей (14 — по одной цитате, в том числе 12, аналогичных старшему изводу); заимствования

совпадают в 19 статьях. На протяжении записей XII в. цитаты не использовались вплоть до статьи 6706 (1198) г. Среди сообщений 6696 (1188) г. есть упоминание о смерти Германа Вояты, иерея церкви святого Иакова, которого исследователи считают одним из авторов новгородской летописи, поэтому можно говорить о том, что именно он писал часть без цитат. Возможно, свойственный написанной им части строго повествовательный стиль, лишенный авторских рассуждений и содержащий краткое документальное изложение событий, не требовал никаких дополнительных средств изображения и выражения мыслей.

Библия начинает активно цитироваться новгородским летописцем во второй трети XIII столетия. Вероятно, начало монголо-татарского нашествия вызвало стремление к объяснению неожиданных для Руси событий, мотивировка которых велась с провиденциальной точки зрения «казней Божьих», справедливых и неизменно следующих за грехами. С этой мыслью в НПЛ соединялась другая — о милосердии Господнем, дарующем людям прощение. Основные события, определявшие появление цитат в ходе таких рассуждений, — битвы, природные катаклизмы, городские смуты.

В повести о приходе Батыя к Рязани в 6746 г., рассказывая об отказе владимирского князя Юрия в помощи рязанцам, летописец объясняет ход событий Божьим гневом за грехи и приводит библейскую аналогию с цитатой: «Но уже бяше божию гнѣву не противитися, яко речено бысть дрѣвле Исусу Наугину Богомь; егда веде я на землю обѣтованую, тогда рече: *азъ послю на ня преже васъ недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ* (ср.: Вт. 2: 25, 11: 25). Також и преже сихъ отъя Господь у насъ силу, а недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи въ насъ за грѣхы наша» [18, с. 75; 286][2] (здесь и далее выделено мною. — *Н.Т.)*. Цитата приведена с ошибочной ссылкой: в Книге Иисуса Навина нет даже отчасти сходного текста, он содержится в книге Второзаконие и относится к Моисею.

В той же годовой статье книжник, повествуя о разорении татарами многих городов, объясняет спасение Новгорода заступничеством Бога и святой Софии. В связи с этим он приводит с некоторыми изменениями «Слово о Божьих казнях», заимствованное из «Повести временных лет», включая цитату из Книги пророка Иоиля, выражающую мысль о Божием

2 Здесь и далее при наличии цитат в обоих изводах летописи указываются две страницы.

милосердии к кающимся: «...глаголеть бо къ намъ пророкомъ: *обратитеся ко мнѣ всемъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ* (Иоиль 2: 12), да еще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ» [18, с. 76; 289].

В начале краткой повести о Невской битве под 1240 г. автор прямо говорит о милости Божьей к новгородцам, оценивает и одновременно предсказывает ход событий, используя парафраз псалма 126: 1: «Но еще преблагыи, премилостивыи человѣколюбець Богъ ублюде ны и защити от иноплеменьникъ, яко *всуе трудишася без божия повѣления*» [18, с. 77]. Вариант того же парафраза появляется в аналогичной ситуации в повести 1301 г. о разорении новгородцами города, поставленного шведами на устье Охты [18, с. 91; 331]. Это одна из немногих повторяющихся в НПЛ цитат.

Группой цитат из богослужебного текста, книг Товита, прр. Исайи, Левит раскрывается мысль о необходимости покаяния, смирения, молитвы и поста для преодоления Божьего гнева в повести о битве у Раковора (1268) после перечисления погибших и пропавших без вести: «Но то, братье, за грѣхы наша Богъ казнить ны и отъятъ от насъ мужи добрыѣ да быхомъ ся покаяли, якоже глаголеть писание: *дивно оружие молитва и постъ* (служба понедельника 2-й седмицы Великого Поста); и пакы: *милостыни совкупилася с постомь, от смерти избавляета чело/вѣка* (Тов 12: 8, 9); и пакы помянемъ Исаия пророка, глаголюща, *аще хощете послушати мене, благая земная снѣсте; аще ли не хощете, ни послушаете мене, оружие вы поясть* (Ис 1: 19–20), и тако *поженеть единъ 100 васъ, а от ста побегнет 1000 васъ* (ср. Лев 26: 8, Вт 32: 30) [18, с. 86–87; 317].

В конце той же повести, рассказывая о победе новгородцев, летописец размышлял о милосердии Божьем с помощью парафраза текстов Книги прр. Иезекииля и псалма 84: «...милосердыи Господь посла милость свою въскорѣ, *не хотя смерти грѣшнику до конца* (Иез 33: 11, ср.: 2 Пет 3: 9), кажа нас и пакы милуя, *отврати ярость свою от нас* (Пс 84: 4)» [18, с. 87; 317]. Более точно цитата из Книги прр. Иезекииля приводится в рассуждении о грехах и покаянии под 1251 г. в связи с природными бедами, приведшими к неурожаю. Цитата же из Псалма 84: 4 еще раз, утверждая милосердие Господне, звучит в размышлении о неожиданном морозе 1259 г., причем сопровождается скептическим суждением летописца о неизбывности грехов, подтверждаемым цитатой из Притч: «...но Господь не хотя мѣста сего святои Софьи оставить пуста, *отврати ярость свою от нас* и призрѣ окомъ мило-

сердия своего, кажа нас на покаяние; но мы грѣшнии *акы пси обращаемъся на своя бльвотины* (Пр 26: 11), не помышляюще казни божия, яже на ны приходить за грѣхы наша» [18, с. 83; 311].

В рассказе о страшном пожаре в Новгороде в Великую субботу 1299 г., акцентируя мотив наказания, постигшего город за грехи, летописец дважды обращается к одному тексту из книги пророка Амоса (ссылаясь при этом на пророка Исайю) — сначала в форме аллюзии, а затем в цитате: «И бысть заутра *печаль и сьтование в радости мьсто* (Ам 8: 10). То же все бысть грѣхъ дѣля нашихъ; събыстся пророчество Исаия пророка, еже рече: *“преложю праздникы ваша въ плач, и игрища ваша в сьтование, да быхом ся остали от злобъ своихъ...”*» (Ам 8: 10) [18, с. 90; 329]. Тот же текст в составе горестной реплики автора сопровождает сообщение о безвременной смерти в 1233 г. Федора Ярославича: «И кто не пожалуеть сего: сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани; и *бысть въ веселия мьсто плачь и сьтование* за грѣхы наша» (Ам. 8: 10) [18, с. 72; 282]. В летописях других княжеств эта цитата, чаще всего в виде аллюзии или парафраза, использовалась как оценка состояния русских людей после поражений от врагов, новгородские книжники нашли ей иную сферу применения.

В повести о битве на реке Калке под 1224 г. летописец не только объясняет и оценивает события, используя библейский парафраз, но и скрыто дает людям надежду на будущее: «И тако за грѣхы наша Богъ вложи недоумение въ нас, и погыбе много бещисла людии; и *бысть вопль и плачь и печяль* (ср. Иер. 31: 15, Мф 2: 18) по городомъ и по селомъ» [18, с. 63; 267]. Текст книги пророка Иеремии в источнике относится к плачу Рахили, взирающей на опустевшее царство ее сыновей, но следующий стих говорит о награде Рахили за страдание — возвращении десяти колен Израилевых в Палестину [12]. В Евангелии от Матфея этот ветхозаветный образ переносится на избиение младенцев Иродом, как сбывшееся пророчество, но дальше говорится о смерти Ирода и явлении Иосифу ангела, сообщившего об этом событии.

Красочным парафразом двух стихов из книги пророка Иезекииля оценивает летописец наложение татарской дани на Новгород (1259): «...навелъ Богъ за грѣхы наша ис пустыня *звьри дивияя ясти силныхъ плъти и пити кровь боярскую*» (Иез 39: 17, 18) [18, с. 83; 311]. Согласно толкованию библейского текста, эти стихи пророчества означают жертвенный пир,

совершаемый победителями и приглашенными самим Иеговой зверями и птицами как помощниками в победе над врагом [12]. В летописи образ превращается в яркую метафору, оценивающую жестокость и кровожадность врагов.

Оценочно-пояснительные цитаты особенно характерны для рассказов о восстаниях в Новгороде. В ходе «замятни» 1228 г. бояре Ярослава увезли из города княжичей Федора и Александра, оставленных там отцом. Новгородцы решили пригласить на княжение Михаила Черниговского, но послов перехватил смоленский князь. Однако Михаил все равно узнал о приглашении новгородцев и пошел к ним. Оценку такому ходу событий автор дает немаркированной цитатой: «Нъ оже Богъ по насъ, кто на ны...» (Рим 8: 31) [18, с. 67; 274].

Размышляя о разграблении в 1230 г. восставшими новгородцами имущества бежавшего посадника Водовика и убитого Семена Борисовича, летописец высказывает мысль о бренности земного богатства, бессмысленности его собирания, используя цитаты из Евангелия от Иоанна и Псалтири: «Они трудишася, събирающе, а си *въ трудъ ихъ вънидоша* (Ин 4: 38); о таковыхъ бо рече духъ святыи: *събираеть, а нѣ вѣсть, кому сбирает*» (Пс 38: 7) [18, с. 70; 278].

Немаркированной цитатой осуждает книжник новгородцев в сообщении 1257 г. о смерти смещенного по требованию Александра Ярославича посадника Анании и убийстве новгородцами сменившего его Михалки: «Аще бы кто добро другу чинилъ, то добро бы было; а *копая подъ другомъ яму, самъ ся в ню въвалить*» (Пр 26: 27, Еккл 10: 8, Пс 7: 16) [18, с. 82; 309]. Смысл этой цитаты раскрывается в дальнейшем повествовании. Пришедший в город Александр Ярославич расправился с зачинщиками смуты, в связи с чем летописец привел еще одну немаркированную оценочную цитату из Евангелия от Матфея: «Всякъ бо злыи злѣ да погыбнеть» (Мф 21: 41) [18, с. 82; 309].

Цитата из Притч, приведенная в предыдущем сюжете, служит также оценкой и одновременно предсказанием судьбы «коромольникам», которые в 1337 г. восстали против архимандрита Иосифа, заперли его в церкви Св. Николая и сторожили [18, с. 100; 347].

Единственный случай, в котором оцениваются отношения князей с помощью цитаты из Послания Галатам, — текст 1325 г., рассказывающий

об убийстве в Орде князем Дмитрием Михайловичем Тверским Юрия Московского: «...убилъ бо и бяше в Ордѣ князь Дмитрии Михаилович безъ цесарева слова; не добро же бысть и самому: *еже бо сеѣть человѣкъ, то и пожнеть*» (Гал 6: 7) [18, с. 97].

Все приведенные цитаты содержались в рассуждениях летописцев. Лишь трижды в текстах в обоих изводах заимствования появляются в молитвах персонажа и повествователей — двух благодарственных и просительной. В молитве архиепископа Мартирия при освящении Преображенской церкви под 1198 г. использован псалом 79: 15–16, эмоционально подчеркивающий радость епископа и надежду на помощь Божию в связи с завершением строительства храма: «Господи Боже, призри съ небесъ и вижь, и посѣти винограда/своего, и съвѣрши иже насади десниця твоя...» [18, с. 43–44; 237]. Эмоционален и парафраз стихов Псалтири (32: 21–22) в составе молитвы летописца под 1243 г., посвященной чуду мироточения иконы Спаса во Пскове: «Но, Господи, слава тобѣ, давыи намъ недостоинымъ и грѣшнымъ рабомъ своимъ таково благословение; *на тя уповаемъ, Господи вседержителю, яко призираеши на нас убогыхъ своею многою милостью*, человѣколюбче» [18, с. 79; 297].

Просительную молитву, отсылающую к стихам Псалтири и Книги прр. Исайи, произносит летописец в связи с бесснежной зимой 1303 г., приведшей к неурожаю и голоду: «Но не отчаемъся милости твоея; *кажа, Господи, накажи, а смерти не предаи* (Пс 117: 18): аще бо сгрѣшихомъ, но тебе не отступихомъ; казнивъ, /помилуи, господи человѣколюбче, не по нашимъ деломъ злымъ, но по своеи велицѣи милости: *ты еси Богъ нашь, развѣ тебе иного бога не знаемъ* (Ис 26: 13) [18, с. 91–92; 331].

В НПЛ младшего извода круг цитат расширяется за счет введения больших повествовательных произведений: «Жития Александра Невского» и «Повести о убиении в Орде Михаила Черниговского и боярина его Феодора», а также в связи с продолжением текста летописи сообщениями конца XIV – начала XV вв.

Житие Александра Невского включено в летопись частями, но при этом сохраняет все цитаты, которые есть в едином тексте. Это цитата из вступления о премудрости («Нь якоже рече приточникъ: въ злохытру душю не внидет мудрость, на высокыхъ бо краих есть, посреде же стезь стояше, при вратѣх силных присѣдит» (Прем 1: 4, Пр 8: 1–3) [18, с. 290]; помещен-

ные в связи с рождением Александра слова пророка Исайи о божественном происхождении княжеской власти (Ис 13: 2–3) [16, с. 290]. В дальнейшем повествовании о Невской битве цитаты из псалмов 34: 1–2 и 19: 8–9 сосредоточены в молитвах Александра и выражают упование на Божью помощь и уверенность в справедливости борьбы с врагом [18, с. 291]. В молитве перед Ледовым побоищем мысль князя, взывающего о справедливом суде, выражена цитатой из псалма 42: 1 [18, с. 296].

Под 6759 г. в похвале Александру, содержащейся и в житии, приводится текст со ссылкой на пророка Исайю: «О таковых рече Исаия пророкъ: князь благъ в странах, тих, увѣтлѣвъ, кротокъ и смиренъ по образу божию есть; не сбирая богатьства и не презря кровь праведничю, *сирот и вдовицю въ правду судя* (Ис. 1: 17) милостилюбець, а не златолюбець, благъ домочадцемъ своимъ, внѣшнимъ от странъ приходящим кормитель, на таковыя Богъ призираеть: Богъ бо не аггеломъ любитель, нь человѣкомъ, щедря ущедряет и показаеть на мирѣ милость свою. И распространѣ же Богъ землю его богатством и славою, удолжит Богъ лѣта ему...» [18, с. 305]. Точных соответствий большей части этого фрагмента в Книге пророка Исайи найти не удается.

«Повесть о убиении в Орде Михаила Черниговского и боярина его Федора» под 6753 г. включает речь Федора, содержащую группу цитат, раскрывающих мысль о необходимости защиты православия от иноверцев: «Слово отца своего духовнаго помниши ли, еже учаше нас от святого еуангелиа; рече Господь: иже аще хощеть душю свою спасти, погубить ю; а иже погубить душю свою, то спасеть ю (Мф 16: 25, Мк 8: 35, Лк 9: 24); и пакы рече: кая полза человѣку, аще всего мира царство приимет, а душю свою погубить, то что дасть измину на души своеи (Мф 16: 26, Мк 8: 36, 37, Лк 9: 25); иже бо постыдится мене и моих словесъ и исповѣсть мя пред человѣкы, и азъ исповѣмъ его предъ отцемъ моимъ, иже есть на небесѣхъ; аще ли кто отвержется мене пред человѣкы, отвергуся его и азъ пред отцемь моимъ, иже есть не небесехъ» (Мф 10: 32, 33) [18, с. 301].

Цитаты включены в повесть о Куликовской битве. О московских воинах, испугавшихся татарского войска, летописец рассуждает: «...не помянувше реченаго пророкомъ, како единъ пожнеть 1000, а два двигнета тму, аще не Богъ предасть ихь» (Вт 32: 30) [16, с. 376]. В молитве перед боем Дмитрий «...рекоста слово псаломъское: // “братие, Богъ намъ прибѣжище

и сила”» (Пс 45: 2) [18, с. 376–377]. Уже предсказав победу Дмитрия, летописец размышляет о приходе врагов как наказании за грехи и о милосердии Божием: «…нь милосердъ бо есть Богъ человѣколюбець, не до конца прогнѣвается на ны, ни в вѣкы враждуеть» (Пс 102: 8–9) [18, с. 377].

Кратко рассказывая о нашествии Тохтамыша в статье 6890 г., автор приводит ряд цитат и парафразов, рисующих настроение на Руси в тот момент: «И кто нас, братие, о сем не устрашится, видя таковое смущение Рускои земли, якоже Господь глагола пророком: аще хощете послушаете, благая земьная снѣсте (Ис. 1: 19), и положю страх вашь на вразѣх ваших; аще ли не послушаете мене (Ис. 1: 20), то побѣгнете, никим же гоними (Лев 26: 17); пошлю на вы страх и ужасъ (Исх 15: 16, Вт 2: 25, Пс 54: 6) побѣгнеть вас от 5 – 100, а отъ 100 – 1000» (ср. Лев. 26: 8) [18, с. 378]. Последний текст в виде парафраза вновь использует летописец, оценивая под 6907 г. личность Витовта в связи с его поражением от Орды и упрекая его в отступлении от православия и желании пленить русские земли: «…хотѣл плѣнити Рускую землю и Новъград и Пьсковъ, а не мыслит Господа пророкомъ глаголюща, како *един поженет 1000, а два двигнета 10000* (Лев. 26: 8). Аще Богъ по крестиянех, то кто на ны» (Рим 8: 31) [18, с. 395].

В статье 6926 г. в ходе распри в Новгороде боярин Данила Иванович Божин, брошенный в реку и спасенный рыбаком, решил отомстить и захватил своего главного обидчика, но это привело к новому возмущению народа, рассказ о котором летописец предвосхищает размышлением: «…хотя врѣд ицѣлити, паче болши язву въздвиже; не помяну рекшаго: *азъ отмьщение*» (Евр 10: 30) [18, с. 409].

Таким образом, в Синодальном списке шесть цитат введены неточными упоминаниями источников, две — указанием на Книгу пророка Исайи (одна ошибочно вместо пророка Амоса). Текст под 6746 г. указывает на Книгу Иисуса Навина, в то время как цитируется Второзаконие. Эти указания, в том числе ошибочные, повторяются и в младшем изводе, следовательно, они изначально принадлежали новгородским книжникам, последовательно ведшим записи. Совпадающие в обоих изводах тексты редко приводятся одинаково, чаще появляются лексические и грамматические варианты. Большинство цитат в летописи старшего извода не маркированы. Младший извод в новых текстах содержит отсылки к Притчам Соломоновым, пророку Исайе (дважды), Псалтири (дважды), Евангелию («рече

Господь»), 1 Посланию апостола Иоанна, пророкам (трижды — без точного указания на книгу), в трех случаях цитаты не содержат ссылок. Среди цитат со ссылками на Писание есть фрагмент, не входивший в Библию, взятый из богослужебного текста. Приведенные наблюдения свидетельствуют о свободном, по памяти использовании библейских цитат. Такой способ цитирования отличает новгородское летописание от текстов владимирских летописцев и сходен с манерой некоторых южнорусских книжников.

Чаще всего летописцы цитируют Псалтирь, что характерно для всех ветвей летописания; книги пророков, больше всего Исайи, редко Иеремии, Иезекииля, Амоса, Иоиля; из Пятикнижия — Второзаконие, Исход, Левит. Есть одна редкая цитата из Книги Товита (12: 8, 9, 6776 г.). Из Нового Завета в Синодальном списке всего три цитаты: из Послания Римлянам 8: 31 (6736 г.), Евангелия от Матфея 21: 41 (6765 г.), Послания Галатам 6: 7 (6833 г.); в младшем изводе под 6753 г. появляются одинаковые или сходные тексты, присутствующие в трех Евангелиях: от Матфея (16: 25, 26, 10: 32, 33); от Марка (8: 35, 36–37, 38), от Луки (9: 24, 25, 26), под 6833 г. добавляются цитаты из Евангелия от Иоанна 13: 34; 1 Послания Иоанна 4: 16, под 6907 г. повторяется Рим 8: 31, под 6926 г. включен текст Евр 10: 30. В сравнении с южнорусской и владимирской традициями, при том, что в целом Библия новгородцами цитируется значительно меньше, реже используются цитаты из Нового Завета, их круг уже, значительно меньше и число цитируемых книг Ветхого Завета, особенно пророческих. Намного реже появляются в новгородской традиции повторяющиеся цитаты, закономерные в летописании других княжеств, особенно во владимирском. В Новгороде преимущественно это те тексты, которые тяготеют к разговорным формулам («бысть въ веселия мѣсто плачь и сѣтование за грѣхы наша» (Ам 8: 10, 6741, более точно 6807); «всуе трудишася без Божия повѣления» (6748) — «всуе трудъ ихъ безъ Божия повѣления» (Пс 126: 1, 6809); «не хощю смерти грѣшнику, но обращения животу его» (Иез. 33: 11, 6759) — «не хотя смерти грѣшнику до конца» (6776). Некоторые впоследствии становятся пословицами («копая подъ другомъ яму, самъ ся в ню ъвалить» (Пр. 26: 27, 6765, вариант 6845).

Всего четыре цитируемых в НПЛ текста совпадают с цитатами в других летописях. Это Иоиль 2: 12 в повествованиях о пожарах во Владимире во владимирском летописании (1185 и 1193 гг.) [17, стб. 394, 410], Ам 8: 10

в киевской [16, стб. 643] и владимирской [17, стб. 398] повестях о походе Игоря против половцев (1185 и 1186 гг.), а во второй из летописей еще в повести 1237 г. о взятии татарами Владимира [17, стб. 463]; Мф 21: 41 в тех же летописях в связи с наказанием епископа Феодорца (1172 и 1169 гг.) [16, стб. 554; 17, стб. 357]; Пс 117: 18 в связи с чудом от икон в Новгороде (1173 и 1169 гг.) [16, стб. 561; 17, стб. 362], а также во владимирской летописи под 1187 г. в связи с мором [17, стб. 406], под 1188 г. в рассуждении о страшной грозе [17, стб. 407], под 1239 г. в связи с гибелью князей в битве на Сити и спасением Ярослава и его сыновей [17, стб. 469]. Совпадающих текстов не только немного, но они используются в тематически несходных эпизодах и в хронологически не совпадающих частях. Большинство их в Киевской летописи и владимирском летописании приходится на XII в. — период, в котором цитаты в НПЛ отсутствуют. Совпадений с Галицко-Волынской летописью, редко цитирующей Библию, в НПЛ нет совсем.

Абсолютное большинство цитат в НПЛ появляется в дидактических рассуждениях летописцев. В речи персонажей цитаты редки, главным образом они включены в состав просительных молитв: архиепископа Мартирия; Александра Ярославича перед Невской битвой и Ледовым побоищем в младшем изводе. Отдельные цитаты есть в речах младшей летописи: Александра Невского, Федора Черниговского, Дмитрия Ивановича. В отличие от других сводов, цитаты практически не включаются в повествование и описания. Сокращение сферы использования библейских текстов приводит к ограничению их функций: главным образом они служат оценке и разъяснению хода событий, лишь иногда помогая выразить чувства летописца и персонажей. Эта особенность также отличает новгородское летописание от текстов других княжеств: цитирование Библии персонажами во владимирском и южнорусском летописании придает молитвам и речам повышенную эмоциональность, помогает создать образы героев, оценить их поступки. Почти не проявляется в новгородской летописи функция предсказания хода событий с помощью цитат.

Отличия в использовании библейских текстов, видимо, обусловлены общими особенностями новгородских летописей, ведшихся при новгородском архиепископе, тесно связанных с повседневной жизнью города, в том числе с реальным положением князей в нем. Если для южнорусских и владимирских книжников они были центральными героями событий,

то в новгородских летописях князья оказываются главными персонажами только во включенных развернутых сюжетных повествованиях в младшем изводе. В связи с этим отсутствуют характерные для других летописных памятников мотивы происхождения княжеской власти как богоданной, идеального правителя со всеми необходимыми добродетелями, необходимости единства и братолюбия князей. Сходны со всеми летописными традициями мотивы Божьего гнева за грехи, смирения перед Промыслом, надежды на милосердие Божие, необходимости любви к ближнему, раскрывающиеся с помощью цитат.

Определенное значение имели общие стилевые особенности новгородской летописи, которой свойственны краткое изложение событий, отсутствие значительных описательных элементов, сдержанность в выражении эмоций. Соответственно и цитаты, как правило, краткие и преимущественно одиночные.

Таким образом, численность, функции, смысловое значение цитат из Библии в летописях русских княжеств определялись задачами, которые ставили создававшие их книжники, общими стилевыми особенностями каждого свода, отражением реалий исторической действительности, свойственных разным русским землям в XII–XIV вв.

Список литературы

Исследования

1 *Башлыкова М.Е.* Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 года // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Сб. 15. С. 187–351.

2 *Гардзанити М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М.: Индрик, 2014. 232 с.

3 *Гиппиус А.А.* «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской Первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 18–30.

4 *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности севера, 2012. С. 37–63.

5 *Гиппиус А.А.* К вопросу о контактах региональных традиций в русском летописании первой трети XIII века // Восточная Европа в древности и средневековье. XXI Чтения памяти В.Т. Пашуто. Автор и его источник: восприятие, Отношение, Интерпретация. Москва, 14–17 апреля 2009 г. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2009. С. 70–77.

6 *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.

7 *Гиппиус А.А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 41–50.

8 *Гиппиус А.А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентевича Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 345–364.

9 *Гиппиус А.А.* Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Древлехранилище, 2006. С. 114–251.

10 *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов М.: Аспект-Пресс, 2004. 383 с.

11 *Кузьмина М.К.* Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М.: Водолей, 2017. 400 с.

12 *Лопухин А.П.* Толковая Библия. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblia/ (дата обращения: 15.01.2021).

13 *Трофимова Н.В.* Библейские цитаты в Киевской летописи // Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения: Материалы международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения». Москва,

3–6 октября 2019 г. /сост. М.В. Михайлова. М.: Изд. центр МГИК, 2019. С. 225–233.
14 *Трофимова Н.В.* Библейские цитаты во владимиро-суздальском летописании XII–XIII вв. // Литература Древней Руси: Материалы X Всероссийской конференции «Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времени», посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева, г. Москва, 6–7 декабря 2018 г. М.: МПГУ, 2019. С. 23–44.
15 *Трофимова Н.В.* Особенности цитирования Священного Писания в Галицко-Волынской летописи // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Сб. 20. С. 223–228. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-221-236

Источники

16 Ипатьевская летопись / ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 648 с.
17 Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. 496 с.
18 Новгородская I летопись старшего и младшего изводов / ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3. XII, 720 с.

References

1 Bashlykova, M.E. "Topika zhitii v Kievo-Pecherskom paterike redaktsii 1661 goda". ["Topic of the Lives in the Kievo-Pechersk Paterikon Edition of 1661"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*], issue 15. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2010, pp. 187–351. (In Russ.)

2 Gardzaniti, M. *Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavianskoi knizhnosti* [*Biblical Quotations in the Old Church Slavonic Literacy*]. Moscow, Indrik Publ., 2014. 232 p. (In Russ.)

3 Gippius, A.A. "'Do Aleksandra i Isakiia': k voprosu o proiskhozhdenii mladshego izvoda Novgorodskoi Pervoi letopisi" ["'Before Alexander and Isakiy': on the Question of the Origin of the Junior Recension of the Novgorod First Chronicle"]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki,* no. 1 (43), 2011, pp. 18–30. (In Russ.)

4 Gippius, A.A. "Do i posle Nachal'nogo svoda: ranniaia letopisnaia istoriia Rusi kak ob"ekt tekstologicheskoi rekonstruktsii" ["Before and After the Initial Code: the Early Chronicle History of Russia as an Object of Textual Reconstruction"]. *Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaia panorama* [*Russia in the 9th–10th Centuries: an Archaeological Panorama*]. Moscow, Vologda, Drevnosti severa Publ., 2012, pp. 37–63. (In Russ.)

5 Gippius, A.A. "K voprosu o kontaktakh regional'nykh traditsii v russkom letopisanii pervoi treti XIII veka" ["On the Question of Contacts of Regional Traditions in the Russian Chronicles of the First Third of the 13th Century"]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Avtor i ego istochnik: vospriiatie, otnoshenie, interpretatsiia* [*Eastern Europe in Antiquity and in the Middle Ages. The Author and His Source: Perception, Attitude, Interpretation*]: XXI Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto: Moskva, 14–17 aprelia 2009 g.: materialy konferentsii. Moscow, IWH RAN Publ., 2009, pp. 74–75. (In Russ.)

6 Gippius, A.A. "K istorii slozheniia teksta Novgorodskoi Pervoi letopisi" ["On the History of the Composition of the Text of the *Novgorod First Chronicle*"]. *Novgorodskii istoricheskii sbornik* [*Novgorod Historical Collection*], issue 6 (16). St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997, pp. 3–72. (In Russ.)

7 Gippius, A.A. "K rekonstruktsii drevneishikh etapov istorii russkogo letopisaniia" ["On the Reconstruction of the Oldest Stages of the History of the Russian Chronicle"]. *Drevniaia Rus' i srednevekovaia Evropa: vozniknovenie gosudarstv* [*Old Russia and Medieval Europe: The Emergence of States*]. Materialy konferentsii. Moscow, IWH RAN Publ., 2012, pp. 41–50. (In Russ.)

8 Gippius, A.A. "K kharakteristike novgorodskogo vladychnogo letopisaniia XII–XIV vv." ["On the Specificity of the *Novgorod Bishop's Chronicle* of the 12th–14th Centuries"]. *Velikii Novgorod v istorii srednevekovoi Evropy.* [*Veliky Novgorod in the History of Medieval Europe*]. K 70-letiiu Valentina Lavrentevicha Ianina. Moscow, Russkie slovari Publ., 1999, pp. 345–364. (In Russ.)

9 Gippius, A.A. “Novgorodskaia vladychnaia letopis’ XII–XIV vv. i ee avtory” [“*Novgorod Bishop’s Chronicle* of the 12th–14th Century and its Authors”]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka* [*Linguistic Source Studies and History of the Russian Language*]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2006, pp. 189–190. (In Russ.)
10 Danilevskii, I.N. *Povest’ vremennykh let: Germenevticheskie osnovy izucheniia letopisnykh tekstov* [*The Tale of Bygone Years: Hermeneutical Foundations of the Study of the Annalistic Texts*]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2004. 370 p. (In Russ.)
11 Kuz’mina, M.K. *Kanon prepodobnicheskogo zhitiia skvoz’ prizmu bibleiskikh tsitat* [*Canon of Monastic Lives through the Prism of Biblical Quotations*]. Moscow, Vodolei Publ., 2017. 400 p. (In Russ.)
12 Lopukhin, A.P. *Tolkovaia Bibliia* [*An Explanatory Bible*]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_ (Accessed 15 January 2021) (In Russ.)
13 Trofimova, N.V. “Bibleiskie tsitaty v Kievskoi letopisi” [“Biblical Quotes in the *Kiev Chronicle*”]. *Aksiologicheskoe prostranstvo russkoi slovesnosti: traditsii i perspektivy izucheniia* [*Axiological Space of Russian Literature: Traditions and Perspectives of Study*]: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Kuskovskie chteniia. Aksiologicheskoe prostranstvo russkoi slovesnosti: traditsii i perspektivy izucheniia”. Moskva, 3–6 oktiabria 2019 g. Moscow, Izdatel’skii tsentr MGIK Publ., 2019, pp. 225–233. (In Russ.)
14 Trofimova, N.V. “Bibleiskie tsitaty vo vladimiro-suzdal’skom letopisanii XII–XIII vv.” [“Biblical Quotations in the Vladimir-Suzdal Chronicle of the 12th–13th Centuries”]. *Literatura Drevnei Rusi* [*Literature of Old Russia*]: Materialy X Vserossiiskoi konferentsii “Drevnerusskaia literatura i ee traditsii v literature Novogo vremeni”, posviashchennoi pamiati professora Nikolaia Ivanovicha Prokof’eva, g. Moskva, 6–7 dekabria 2018 g. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2019, pp. 23–44. (In Russ.)
15 Trofimova, N.V. “Osobennosti tsitirovaniia Sviashchennogo Pisaniia v Galitsko-Volynskoi letopisi” [“The Peculiarity of the Holy Scriptures Citation in the Galician-Volynian Chronicle”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*], issue 20. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 223–228. (In Russ.)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6

ФЕНОМЕН «ПОДАХМАТОВОК» (АХМАТОВСКИЙ ДИСКУРС В ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.)

© 2021 г. Л. Цзоу, М.В. Михайлова
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 06 декабря 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 19 февраля 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-198-223

Аннотация: Статья посвящена функционированию ахматовского дискурса в женской поэзии первой трети XX в. После появления первых стихотворных сборников А. Ахматовой, характеризующихся «высшей простотой», женская поэзия обрела новые возможности саморепрезентации. Возник феномен «подахматовок», список которых, однако, у разных исследователей варьируется. По мнению авторов статьи, самыми представительными «подахматовками» являлись Л.Ф. Копылова, Н.Г. Львова, В.М. Инбер. В статье впервые предлагается анализ конкретных лирических произведений этих трех поэтесс, что позволяет обнаружить различные способы усвоения и развития открытий Ахматовой в сфере психологизма. В результате анализа стихотворений было установлено, что Копылова почти дублирует ахматовские приемы постижения внутреннего мира женщины, являясь в определенной мере подражательницей, Львова пытается приспособить футуристическую поэтику для воссоздания образа героини Ахматовой, а Инбер предпочитает поэтический диалог и своеобразное «соперничество» с поэтессой.
Ключевые слова: ахматовский дискурс, Л.Ф. Копылова, Н.Г. Львова, В.М. Инбер, женская поэзия, психологизм.
Информация об авторах: Лувэй Цзоу — кандидат филологических наук, университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, улица Гоцзидасюеюань, дом 1, 518172 г. Шэньчжэнь, провинция Гуандун, Китай, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3917-8829
E-mail: luvej.czzou@mail.ru
Мария Викторовна Михайлова — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8193-6588
E-mail: mary1701@mail.ru
Для цитирования: *Цзоу Л., Михайлова М.В.* Феномен «подахматовок» (ахматовский дискурс в женской поэзии первой трети XX в.) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 198–223. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-198-223

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

THE PHENOMENON OF "PODAKHMATOVKI" (AKHMATOVA'S DISCOURSE IN WOMEN'S POETRY OF THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY)

© 2021. Luwei Zou, Maria V. Mikhaylova
Shenzhen MSU-BIT University,
Shenzhen, Guangdong Province, China
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
Received: December 06, 2020
Approved after reviewing: February 19, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: The article mainly deals with the role of Akhmatova's discourse in women's poetry of the first third of the 20th century. After the publication of Akhmatova's first collections of poems characterized by "the superior simplicity," women's poetry got access to the new opportunities for self-presentation. There emerged such phenomenon as "podakhmatovki" (e.g. female poets influenced by Akhmatova), the list of which, however, varies in different studies. We argue that the most representative "podakhmatovki" were L.F. Kopylova, N.G. L'vova, and V.M. Inber. For the first time, the article proposes a specific analysis of the poems by these three female poets which allows us to discover their ways of absorbing and developing Akhmatova's insights from a psychological stand. We claim that Kopylova almost duplicates Akhmatova's methods of comprehending the inner world of women being, to a certain extent, an imitator; L'vova is trying to combine the image of Akhmatova's female characters and futuristic poetics; and Inber prefers a dialogue and exhibits "rivalry" of a kind with Akhmatova in her poetry.

Keywords: Akhmatova's discourse, L.F. Kopylova, N.G. L'vova, V.M. Inber, women's poetry, psychologism.

Information about the authors: Luwei Zou, PhD in Philology, Shenzhen MSU-BIT University, International University Park Road 1, 518172 Shenzhen, Guangdong Province, China. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3917-8829

E-mail: Luvej.czzou@mail.ru

Maria V. Mikhaylova, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, building 51, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8193-6588

E-mail: mary1701@mail.ru

For citation: Zou L., Mikhaylova M.V. "The Phenomenon of 'Podakhmatovki': Akhmatova's Discourse in Women's Poetry of the First Third of the 20th Century." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 198–223. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-198-223

Серебряный век русской литературы по сравнению с предшествующим «золотым» интересен и уникален отчасти своим «женским колоритом», который придало ему творчество многочисленных поэтесс. Среди них сразу же выделилась Анна Андреевна Ахматова, на которую начали «равняться» прочие. Некоторые исследователи считают[1], что всех поэтесс начала XX в. можно разделить на тех, кто Ахматову прочитал внимательно, и тех, кого ее поэзия не затронула[2]. Следовательно, можно предположить, что А. Ахматова во многом «определила» своеобразие женской поэзии начала XX в. и что она сразу же приобрела многих последовательниц.

Всплеск женской поэзии на рубеже XIX–XX вв. был обусловлен внешними социально-культурными причинами и возможным внутренним кризисом русской поэзии. Всеобщий интерес к женскому вопросу и интенсивное развитие женского движения на всех уровнях, в том числе обретенное избирательное право и возможность получения высшего образования, появление многочисленных женских изданий, дискуссионные статьи о путях достижения женщиной независимости, подготовили «почву» и «климат», нужные для бурного развития женского коллективного «голосообразования» в творческой сфере[3].

1 Так, О.Б. Кушлина и Т.Л. Никольская в предисловии к книге «Сто одна поэтесса Серебряного века» писали о возможном разграничении поэтесс Серебряного века по степени их зависимости от манеры Ахматовой (см.: [37, с. 9]).

2 Известное эссе И.Ф. Анненского «О современном лиризме» было написано до появления стихов А. Ахматовой в печати. Возможно, поэтому поэт-критик не выстроил «женский лиризм» по ранжиру. У него «на равных» присутствует анализ стихотворений З.Н. Гиппиус, П.С. Соловьевой, И.А. Гриневской и др.

3 Согласно гендерному построению истории литературы, женское творчество выходит на первый план во времена культурных сломов и пересмотра канона. Тогда «маргинальные

Причину энергичного вторжения женщин в русскую культуру обнаружила М.С. Шагинян (статья «Женская поэзия», 1914), связав выход женщин на литературную авансцену и их творческие успехи с эпохой индивидуализации и интимизации, что увеличило ценность личного высказывания. Одновременно она указала и на общественный кризис, сопровождающийся идейным разбродом и шатаниями. Однако поэтесса и ученица В.Я. Брюсова Н.Г. Львова предложила иное, «внутреннее» объяснение данного явления. В статье «Холод утра: несколько слов о женском творчестве» (1913) она утверждала, что поэзия оказалась в тупике, возникшем из-за переполнивших русскую поэзию «мужских» качеств: рациональности и рассудочности. Спасение Львова видела в привнесении в поэзию женского начала, т. е. «стихийности, непосредственности восприятий и переживаний» [32, с. 250]. Такое объяснение очень близко гендерному «измерению» ситуации. Однако она (возможно, невольно) ограничила сферу женских переживаний любовью, оставив поэтам-мужчинам большой мир социальных и прочих проблем. Такая интерпретация женского творчества встречается обычно в мужской критической практике (но в феминный период развития литературы и женщины, будучи сформированы в лоне патриархатной культуры, примеривают ее на себя). Так, А.М. Скабичевский, характеризуя произведения писательниц в своей «Истории новейшей русской литературы. 1848–1903» (1903), считал, что повышенное внимание к интимным чувствам обусловило «бедность наблюдений внешней жизни» [12, с. 402] в женском творчестве. Однако он все же вынужден был признать, что именно поэтому они преуспели в *психическом анализе*. А М.А. Волошин в статье «Женская поэзия» (1910) выделял «исступленную правдивость» [21] как одну из важнейших черт женской поэзии последних лет. Дань размышлению об особенностях женского творчества отдал и Вяч.И. Иванов. В статье «О достоинстве женщины» (1908) он обнаружил «большее богатство психических сил», «большую и иную напряженность всемирного чувствования» [24, с. 140] у женщин. Можно предположить, что для него женщины были бессознательными хранительницами какой-то сверхличной природной тайны. И эта особенность их *психической энергии* стала их вкладом в литературу.

с точки зрения старого канона элементы начинают вторгаться в отлаженный литературный процесс» (см.: [11]), что и имело место в указанный период.

Откровениями глубочайших женских переживаний отличается лирика Анны Ахматовой, которая прославилась уже дебютным сборником «Вечер» (1912), а после выхода второго сборников «Четки» (1914) признание ее дарования стало всеобщим. Ахматова открыла новые возможности женского «присутствия» в русской поэзии. Если в XIX в. участие в литературной жизни женщин отличалось дискретностью, то в начале XX в. благодаря стихам Мирры Александровны Лохвицкой[4] стало возможным говорить о «прецедентном» возникновении женского поэтического творчества, которое уже невозможно игнорировать. Возникновение на литературном небосклоне звезды Мирры Лохвицкой спровоцировало отдельные высказывания о женской поэзии и вызвало главным образом удивление. А вот появление у А. Ахматовой последовательниц и подражательниц свидетельствовало о континуально проявленном историко-литературном феномене, в рамках которого фигуры третьего, четвертого, пятого рядов становились не менее важны, нежели «сильные» авторы, поскольку именно их поэзия формирует целостность и неразрывность контекста. Стихи А. Ахматовой подняли волну подражания именно в плане воссоздания манеры, способов выражения и пр. Феномен «подахматовок» (так, несколько вольно, определил Н.С. Гумилев тех, кто шел вслед за А. Ахматовой, см.: [35, с. 49]) возник именно как целостное и довольно мощное движение (феномен «подмаксимовиков» применительно к прозе М. Горького имел иную, идеологическую и моделирующую поведение природу).

В конце жизни А. Ахматова напомнила о существовании многочисленных «учениц», написав в 1957 г. «Эпиграмму», где обозначила свое место в поэзии: «Могла ли Биче, словно Дант творить? / Или Лаура жар любви восславить? / Я научила женщин говорить, / Но, Боже, как их замолчать заставить?» [18, т. 2, с. 199]. В ней с долей иронии А. Ахматова указала на дихотомичную роль женщины в культуре. Всего в четырех строчках она зафиксировала наличие двух моделей, существовавших в культуре последних столетий (безмолвный объект поклонения или источник вдохновения) и «прорыв» нового времени, результат которого неясен. Сама же А. Ахматова

4 Вклад Мирры Лохвицкой в женскую лирику заключается в том, что, во-первых, она, по сути, впервые открыто заявила об эротическом влечении, буквально сжигающем душу женщины; а во-вторых, индивидуализировала своих лирических героинь, создав различные их облики, начав варьировать их поведенческие модели.

была одной из первых, кто осуществил этот прорыв, найдя или даже создав свой, на первый взгляд кажущийся простым, а на самом деле не сразу улавливаемый язык для выражения женских переживаний. Именно в ее стихах «женщина из объекта поэтического чувства стала в поэзии лирическим героем» [5, с. 45]. После появления стихов А. Ахматовой женское начало, можно сказать, обрело новые возможности для самовыражения. Поэтому она и написала такую строку, в которой можно акцентировать любое слово: «Я научила женщин говорить»...

Следование поэтическим открытиям А. Ахматовой можно рассматривать не только как подражание, но и как развитие традиции. В.Е. Хализев указал, что «с точки зрения художественного творчества традиция представляет собой совокупность неких устоявшихся, сформированных средств, приемов, способов как художественной выразительности, так и идейно-эстетического плана, которые наследуются авторами последующих поколений» [14, с. 299]. Но вот Ю.Н. Тынянов рассматривал традицию как «неправомерную абстракцию» и полагал, что «говорить о преемственности приходится только при явлении школы эпигонства, а не при явлениях литературных эволюций» [13, с. 258]. С ним поспорил бы Д.Д. Благой, который подчеркнул, что «преемственность — это не только усвоение, но и отталкивание, не только продолжение и развитие, но и критический пересмотр» [2, с. 94]. Позже эту мысль развил А.С. Бушмин: «Высший эффект преемственного развития литературы состоит не в полноте и частоте сходства последующего с предыдущим, а в их различии» [3, с. 82–83].

Думается, что литературные связи между А. Ахматовой и ее современницами также могут быть рассмотрены с учетом традиции и преемственности, поскольку уже раннее творчество Ахматовой содержит сформировавшиеся средства, устоявшиеся приемы художественной выразительности и способы воплощения авторской мысли, которые и пытаются «наследовать» поэтессы 1910-х гг. Вышеприведенное высказывание А.С. Бушмина способно, как нам кажется, помочь определить, как и каким поэтессам удалось создать «свое» при сходстве с манерой А. Ахматовой, а какие по определенным причинам не смогли этого добиться. При этом важно учитывать, что преемственность и эпигонство — разные процессы. Если эпигонство является слепым подражанием, то преемственность — скорее всего диалог, в котором «собеседники» при встрече «не сливаются и не смешиваются, а

сохраняют свое единство и открытую целостность» [1, с. 360]. К проблеме подражания и эпигонства в последнее время обратилась Е.А. Погорелая, которая, на наш взгляд, слишком безапелляционно заявила, что А. Ахматова не терпела конкуренции особенно в лице соперниц-поэтесс, что она «не прощала отклонения от канона истории современной поэзии, который создавала сама» [9, с. 162]. Более верным нам кажется наблюдение Вяч. Иванова, предположившего, что «существует между женщинами как бы немое соглашение и при всей вражде и разделении сверх-индивидуальное взаимопонимание в области той же стихийной тайны» [24, с. 140]. Возможно, этот тезис также в свою очередь может послужить основанием для выделения «ахматовского направления» в поэзии.

Наследниц поэтической манеры А. Ахматовой сразу же появилось немало (это М.Л. Моравская, а позже И.Н. Кнорринг, М.С. Петровых). Думается, поэтесс, нацеленных на модель воспроизведения открытий А. Ахматовой, можно разделять на три типа: первые из них воспринимали только поведенческую манерность лирических героинь или отдельные характеристики создания Ахматовой стихотворного текста, вторые же пытались, опираясь на ахматовское самопредставление, не утратить собственной поэтической манеры, т. е. предпочитали механическое «соединение», а третьи улавливали глубину поэзии Ахматовой и вступали с нею «диалог», творчески наследуя и даже развивая ее открытия. В соответствии с названными типами нами были выбраны Л.Ф. Копылова, Н.Г. Львова и В.М. Инбер как наиболее репрезентативные в каждой из «групп». Выбор этих имен основывается на том, что, в отличие от подражаний, явившихся «попросту перепевами и переложениями стихов “Четок”» [35, с. 48], они, будучи одаренными поэтессами, следовали не за текстами А. Ахматовой, а испытали воздействие созданных ею художественных произведений[5]. Кроме того, они пытались одновременно и преодолеть зависимость от Ахматовой, а значит, воспроизводили типологически различные варианты усвоения и развития психологических находок поэтессы, порою трансформируя образ ахматовской героини и усложняя процесс репрезентации женщины в любовной лирике.

5 Ю.М. Лотман разграничивает понятия «текст» и «художественное произведение». Он считает текст крайне существенным компонентом художественного произведения, но «художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» (см.: [8, с. 24–25]).

Любовь Федоровна Копылова (1885–1936) — русская поэтесса и прозаик, довольно активно публиковалась в 1920 и 1930-е гг. С 1914 г. Копылова жила в Москве, выступала на вечерах поэзии. Несмотря на трудность вхождения в московские литературные круги (она родилась в провинции) и ощущение своей инородности, Копылова не осталась незамеченной. Ее стихи «успели обратить на себя внимание публики» [40], были доброжелательно восприняты С.И. Дмитриевым[6], Вл.А. Пястом[7], М.С. Шагинян и др. Сходство с А. Ахматовой тогда же было уловлено некоторыми критиками (М. Шагинян)[8].

Чтобы выявить «ахматовский импульс» в творчестве этой поэтессы, приведем в качестве примера ее стихотворения «Зимним вечером» и «Вальс» (оба — 1914), в которых финал остается открытым (Ахматова тоже часто прибегает к открытым финалам). Но у Копыловой это свидетельство робости и нерешительности лирической героини, ее неготовности довериться судьбе, а героиня Ахматовой уже сделала выбор: перед ней расстилается безграничность большого пространства. В первом стихотворении дано мучительное объяснение женщины с самой собой. Внешне это выглядит так: сидящая за покрытым белой скатертью столом молодая женщина что-то невнятно произносит, постоянно возвращаясь к одним и тем же формулам:

«Для дома... для сердца... что будет... и чем успокоится»...
На скатерти белой кипел самовар и потух.
На картах игральных судьба моя верно откроется
«Для дома... для сердца... как пусто, как пусто вокруг»...
Холодная вьюга играет открытыми ставнями,
На площади темной не видно вечерних огней.

6 Например, в обзоре, напоминающем развернутый анонс вечера современных поэтесс 22-го января 1916 г., С.И. Дмитриев из всех участниц выделил только ее и Марину Цветаеву: «Чертами нежной интимности лирического рисунка и мелодии отличаются две поэтессы». И прибавил, что «Любовь Копылова — дала хороший сборничек» [23].

7 Вл.А. Пяст в отзыве на ее книгу стихов отметил «стойкую слитность ритма и содержания, выдержанность формы и спокойно-уверенное стремление прочь от банальности». Резюмируя, он признал в Копыловой «вообще настоящего поэта» [36].

8 М.С. Шагинян, аргументируя интересные попытки женского самоопределения, в качестве примера привела стихи Л.Ф. Копыловой, поставив имя поэтессы в один ряд с А. Ахматовой и М. Цветаевой и выделив их стихи как «наиболее значительные» [40, с. 4].

Моя ли душа смущена обещаньями давними?
«Для дома… для сердца… он думать не хочет о ней»…
К утру эта площадь вся снегом уставшим покроется…
У пиковой дамы открытая полная грудь…
«Для дома… для сердца… что будет и чем успокоится»?..
Куда ж этот поздний, шестеркой указанный путь?

Ясно, что перед нами сцена гадания на картах. Взгляд героини все время переводится с карт на окно, потом снова на карты. А в конце вообще устремляется внутрь, где воображение рисует картины неизведанного будущего. Мы понимаем, что женщину покинул либо муж, либо возлюбленный, и она в отчаянии задается вопросом, как ей быть дальше. Во внешнем мире в это время идет своя жизнь: остывает самовар, стелется вьюга, наступает вечер. Вьюга — символ смятения, грядущих жизненных перемен. Но к утру вся площадь будет покрыта снегом, следовательно, дорогу, на которую указывает выпавшая в картах шестерка (по-видимому, шестерка пик), отыскать будет невозможно. Женщину одолевают сомнения, она смущена, чувствует свою беспомощность, ей не на кого надеяться… Постоянно возникающие строки «для дома… для сердца…» с различными вариантами завершений — не только традиционная присказка формулы гадания, в него вплетены автором и раздумья самой героини («как пусто, как пусто вокруг»; «он думать не хочет о ней»), что усиливает напряжение и смятение. Копылова намеревалась прочертить таинственную связь между наблюдаемым и ощущаемым, но подлинного перекрещивания не возникает. Чувства почти запрограммированно рождаются из того, на что обращен взор героини. Зима, пороша, заметенный путь указывают, что во внутреннем мире героини все сохраняется неизменным. Она как была в неведении своего будущего, так и осталась. Здесь по-ахматовски «работает» природа. Равнина белого снега, готовая открыться утром героине, напоминает безнадежность скованного холодом сада в известном стихотворении А. Ахматовой. Однако нет ахматовской «недосказанности», не обнаруживается семантического пробела, свойственного ахматовской лирике, так называемого «среднего звена», отсутствие которого и рождает неожиданность и спонтанность ощущений. В читателе не возникает эмоционального напряжения, которое необходимо, чтобы уловить подлинные переживания героини, ему не надо

«подключаться» к процессу постижения того, что с нею происходит, — ведь связь внутреннего состояния героини с окружающей обстановкой довольно понятна. И хотя обнаруживаются почти «ахматовские» детали: «самовар», «белая скатерть», неожиданно уловленная взглядом «полная грудь» Дамы Пик, — они не несут дополнительной нагрузки. Первые детали все же метонимичны, рассчитаны на обрисовку обстановки (благодаря им читатель представляет себе место действия). Вторая деталь более сложна: возможно, она подсказана мыслью о сопернице, которая соблазнила мужчину, но и этот «подтекст» все же легко вычитывается. Стихотворение «Зимним вечером» строится на параллели «человек-природа». Использование детали при установлении связи внешнего и внутреннего не доведено до такого художественного эффекта, при котором привычное становится неожиданным и обжигает погружением в тайны психологии. Л.Ф. Копылова осознавала необычность открытий А. Ахматовой, опиралась на них, но реализовала эти открытия, воспользовавшись старыми схемами.

Думается, что и ее обращение к сюжетной лирике в 1910-е гг. произошло не без влияния ахматовской поэзии. Стихотворение «Вальс» является, по сути, миниатюрным романом, развязка которого неизвестна: неясно, покидает героиня бальную залу одна или ее кто-то сопровождает.

Мы проходили по светлой зале,
Мой шлейф был длинен, а я бледна.
И, наклонившись, вы мне сказали:
«Сегодня будешь ли ты одна»?
...
И кто-то чуждый сказал мне: «Марта,
Ты так устала, ты так бледна...
Сегодня в руки идет мне карта,
И не уедешь ли ты одна».

Здесь особенно важны диалоги, которыми героиня обменивается со своими поклонниками. Они явно «заимствованы» у А. Ахматовой. Существенны детали одежды («длинный шлейф»), указание на несоответствие поведения героини ее внутреннему состоянию (на словах она не любит его, но «сжавшееся» сердце намекает на лживость этого признания или на сожа-

ление, что оно было произнесено). Причина того, что героиню не смутило и не испугало предложение проводить ее, раскрывается в третьей строфе, из которой читатель узнает, что мужчина и женщина когда-то были знакомы, возможно, даже близки (наигрываемый оркестром «старинный вальс» напоминает «о недоступном», возможно, о мечте стать женой избранника). Однако вскоре на балу новый поклонник делает героине такое же предложение, и, что она ответит ему, остается неизвестным.

Л.Ф. Копылова явно опирается на стиль ахматовских диалогов, дублируя их отрывистость и откровенность, «копирует» детали внешности (дважды повторенное слово «бледна» отсылает к знаменитому «Отчего ты сегодня бледна?»), однако ситуация у нее обрисована довольно подробно (мы отчетливо понимаем, что героиня лжет, говоря, что не любит). Сохранены почти все причинно-следственные связи, а потому не возникает неопределенности, присущей атмосфере ахматовских стихов, хотя и здесь читатель не знает дальнейшего развития событий. Причина неудачного дублирования ахматовской стилистики видится нам в том, что, пытаясь воссоздать разговорность, Л.Ф. Копылова не сумела воспроизвести спонтанность речи, которая имеет место, например, в ахматовском стихотворении «Хочешь знать, как все это было?..» (1911) и которая создает особую зыбкую атмосферу отношений ее лирических героев. Кроме того, Копылова, хотя и пытается передать нервозность происходящего, рисуя быстро сменяющие друг друга сцены (действие происходит сначала в бальной зале, потом в гостиной, затем в новом пространстве возникает другой мужчина), но ею недостаточно выявлена динамика происходящего. Она заменена простым перемещением в пространстве. Волнующие героиню стихотворения Копыловой эмоции скорее названы, чем показаны.

Как видим, в приведенных выше стихотворениях сюжетную канву образует разрыв женщины со своим возлюбленным, в котором лирическая героиня предстает нерешительной, безвольной, не способной на поступок. Она вся в нервических ощущениях, которые делают ее игрушкой в руках других. Можно утверждать, что Л.Ф. Копылова продолжает актуализировать хрупкую женственность прежнего типа, акцентируя зависимость женщины от внешних обстоятельств. Стоит отметить, что и критика выделила в стихах Л.Ф. Копыловой «слабость авторской воли» и вообще «ослабленность жизненного импульса» [10, с. 64]. В итоге, даже воспроиз-

ведя элементы поэтики А. Ахматовой, Л.Ф. Копылова осталась в кругу тех представлений о женщине, которые продуцировались и возвеличивались патриархатной культурой.

Иной поворот при обращении к стихам А. Ахматовой обнаруживаем мы у Надежды Григорьевны Львовой (1891–1913) — русской поэтессы, чей талант едва начал созревать перед тем, как произошла катастрофа (в возрасте 22 лет она покончила с собой). Львова начала писать в 1910 г., и летом 1913 г. вышел ее первый (и последний) сборник стихов «Старая сказка. Стихи 1911–1912 года» с предисловием В.Я. Брюсова, указавшего на хорошее владение ею версификационной техникой и умение «быть наблюдателем, двойником-художником своей души» [19, с. 6]. Кроме Брюсова, поэзия Львовой получила положительные отзывы В.Ф. Ходасевича[9], Н.С. Ашукина[10], С.А. Соколова[11] и др. Сама Львова прекрасно давала себе отчет о том сдвиге, который наблюдался в поэзии ее времени, о тех задачах, которые стояли перед женщинами, посвятившими себя поэзии, и в статье «Холод утра: несколько слов о женском творчестве» заявила, что «современным поэтессам надо найти “свое” адекватное слово» [32, с. 256]. Однако она была «зачарована» стихами А. Ахматовой, которая в своей лирике воплотила женское начало и надолго тем самым, по убеждению одного литературоведа, лишила индивидуальности других поэтесс[12]. На наш взгляд, Львова восприняла кокетство героинь Ахматовой как признак независимости новой женщины, она притворное «жеманство» ахматовской героини расценила как подлинную изысканность. Львова использовала прямое изображение переживаний, однозначно обрисовывая состояние лирических героев. Так организовано стихотворение Н.Г. Львовой «Мне хочется плакать...» (1913).

Мне хочется плакать под плач оркестра.
Печален и строг мой профиль.

9 В.Ф. Ходасевич также отметил, что Львова достигла «известной высоты» в искусстве «стихосложения». См.: [39].

10 См.: [34].

11 С.А. Соколов похвалил Львову за живую эмоциональность. См.: [28].

12 В.Л. Львов-Рогачевский утверждал, что стихи А. Ахматовой и Н. Гумилева имеют разную природу: «...Анна Ахматова в своих хрупких фарфоровых стихах воплотила женское начало и надолго лишила индивидуальности поэтесс, зачарованных “Вечером” и “Четками” этой изысканно-тонкой и нежно-скорбной женщины», а Гумилев «в своей меди звенящей воплотил начало мужское, непреклонное и негнущееся». См.: [30, с. 87–88].

Я нынче чья-то траурная невеста...
Возьмите, я не буду пить кофе.

Мы празднуем мою близкую смерть.
Факелом вспыхнула на шляпе эгретка.
Вы улыбнетесь... О, случайный! Поверьте,
Я — только поэтка.
...

Читателю предоставлена возможность услышать диалог героини и ее поклонника, что отсылает нас к ахматовскому «Сжала руки под темной вуалью» (1911). Причем четко ощущается манерность поведения этой «печальной и строгой» женщины, ее самолюбование. Она видит себя «траурной невестой». И то говорит, что ей «хочется плакать», то отказывается от кофе, предложенного собеседником. Ее настроения неглубоки, меняются каждую минуту. Но это спровоцировано и экзотической обстановкой, в которой она чувствует себя очень естественно, и модными принадлежностями туалета (эгретка у нее на шляпе «вспыхивает» факелом, вокруг нее редкие растения — туи). Во второй строфе героиня после фантазий о своей смерти притворно-скромно произносит, что она — «только поэтка». Здесь умаление своей роли призвано обозначить гордыню. Укажем, что и в третьей строфе героиня вновь манерничает, игриво спрашивая поклонника, кто ее поцеловал — он или Ночь. Здесь важно подчеркнуть, что Львова прямо говорит об атмосфере порока (туи вокруг источают «сладко-порочный» запах), в которой существуют она и ее возлюбленный. А Ахматовой для передачи всепоглощающей страсти в стихотворении «О, жизнь без завтрашнего дня» (1921) достаточно сопоставления дневных и ночных состояний героев (холод дня и влажная истома ночи), чтобы дать представление о муках сладострастия, которому не могут противиться любовники.

Повторим, Н.Г. Львова, взяв от А. Ахматовой ситуацию «словопрений» с возлюбленным, выдвигает на первый план позерство и манерность женщины, что сразу аннулирует драматизм происходящего. Но все же он присутствует: все происходит под звуки оркестра, по-видимому, в ресторане, расположенном в саду, и музыкальная атмосфера усиливает

эмоциональность фона. Можно увидеть в этом явную отсылку к ахматовской строке «Звенела музыка в саду» из стихотворения «Вечером» (оно написано в январе 1913 г., примерно за 9 месяцев до созданного Львовой), и, по всей вероятности, Львова знала это ставшее известным стихотворение. В конце Львова снова подчеркивает трагическое самочувствие героини, расколотый мир, который фиксирует ее сознание: «радужные брызги хрусталя», «осколки бреда», «жалобное lá скрипки». Но переживания героини остаются неизменными. Она видит себя со стороны как бы позирующей художнику («печален и строг мой профиль»). И соответствующие предметы и детали понадобились ей, чтобы подчеркнуть эти «монотонные» чувства. Они не самоценны, ибо ей «хочется плакать под плач оркестра». Она вторит оркестру. Слезы вызваны не ее состоянием, а она «подстраивается» к состоянию окружающих явлений, т. е. она добивается «слияния формы с содержанием, соответствия их друг другу» [32, с. 250], к чему Львова призывала подруг по ремеслу. Но если героиня А. Ахматовой *переполнена* чувствами, то героиня Н.Г. Львой, подобно сосуду, наполняется ими, перенимает их извне. И такая смена субъектно-объектной фокусировки, несомненно, уменьшает эффект психологической выразительности. Н.Г. Львова хочет создать образ гордой и независимой женщины, открытый А. Ахматовой, но делает это с помощью экспрессивных средств выразительности, прибегая к эпатирующим деталям. Иными словами, обращается к футуристической поэтике[13], падкой на броскость, дерзость, стремящейся задеть и раззадорить читателя. Она делает упор на внешний рисунок, а не на внутреннюю насыщенность и густоту душевного пространства. Но «прививка» не вполне удалась: вместо сдержанности появилась развязность, вместо самоуглубленности — наигранность. Целью А. Ахматовой было обнаружение тончайших, почти незаметных переливов чувств, а балансирующая на грани акмеизма и футуризма Н.Г. Львова добилась только того, что все стало «весомо, грубо, зримо» [33, с. 281].

13 Летом 1913 г. Н.Г. Львова сблизилась с группой московских футуристов, объединенных вокруг издательства «Мезонин поэзии», а осенью уже преодолела брюсовско-бальмонтовское влияние и восприняла футуристическую манеру письма (см.: [29, с. 430]). И В.Г. Шершеневич, будучи уверен, что в произведениях этого периода Львова «укрепила свой стих и почти создала свою манеру» (см.: [42]), имел в виду, конечно, футуризм.

Психология Н.Г. Львовой[14] отразилась в субъектной организации текста. Ее героини не обладают внутренней уверенностью, они закомплексованы, зажаты, а потому ведут себя вызывающе — сразу объявляют себя «поэткой» (использование тогда появившегося феминатива очень показательно, так как отграничивает ее от мужского сообщества!), кокетничают (факелом вспыхивающая эгретка говорит о повороте или покачивании головы). Но спасением от душевного надлома для самой Н.Г. Львовой было творчество, в котором, как считает А. Ахматова, ее страдание искало выход в мечте, преображающей мгновения жизни[15].

Иногда поиск разрешения жизненных конфликтов становится у поэтессы настолько интенсивным, что она, уловив пафос независимости, гордыни современной женщины, явленный в стихах А. Ахматовой, превращает свою героиню в мужененавистницу, делает ее этакой Эринией настоящего времени, полностью поглощенной мечтою о мести мужчинам. Это особенно заметно в манифесте-монологе «Будем безжалостны! Ведь мы — только женщины» (1913). По сравнению с героиней А. Ахматовой, которая всегда пытается найти нить, связывающую ее с миром, установить контакт с человеком, героиня Н.Г. Львовой делает ставку на отторжение, причинение боли Другому.

14 По этому поводу мы разделяем мнение А.А. Гизетти, который был уверен, что лирическая героиня Н.Г. Львовой и сама поэтесса жаждут тишины, покоя и красоты, на что указывает, по его мнению, и название книги — «Старая сказка». Но городская жизнь порождает только «горячку непрерывного стремления вперед, вдаль», а городская любовь — только имитирует ураган страсти. Несовместимость мечты и реальности обуславливает крах любви. В итоге оказывается разрушенной вера в жизнь, теряется самообладание и вера в себя (см.: [22]). Современная исследовательница с опорой на работы С. Жижека, Ю. Кристевой, Л. Иригарей, К. Клеман, утверждает, что подобную реакцию можно истолковать как вариант «женской истерии», являющейся максимально выраженным протестом против патриархатной власти жизни и языка (см.: [4]). И она утверждает, что это есть особая чуткость (пусть и бессознательная), некий антивластный рефлекс как мгновенная реакция к действиям патриархатной власти, проявление импульса к свободе. Это все приводит женщину в действие, часто — трагикомическое. Думается, что в случае с героиней Н.Г. Львовой мы не можем говорить о бессознательном проявлении. Как видим, жесты героини выверены (отказ пить кофе), она статуарна. И трагикомизм возникает не случайно. Он предрешен из-за несоответствия ее представления о себе (поэтка, печальный и строгий профиль, близкая смерть, неверие в будущее), выспренности произносимых слов, многозначительности действий и банальности поведения.

15 См.: [17]. Вопрос о принадлежности этой единственной рецензии перу А. Ахматовой не разрешен доныне. Все же большинство литературоведов склоняется к версии, что она написана Н. Гумилевым. Но это не означает, что текст не был знаком Анне Андреевне. И скорее всего, разрешив подписать ее своим именем, она согласилась с высказанными в ней постулатами.

Будем безжалостны! Ведь мы — только женщины.
По правде сказать — больше делать нам нечего.
Одним ударом больше, одним ударом меньше...
Так красива кровь осеннего вечера!

Ведь мы — только женщины! Каждый смеет дотронуться,
В каждом взгляде — пощечины пьянящая боль...
Мы — королевы, ждущие трона,
Но — убит король.

Ни слова о нем... Смежая веки,
Отдавая губы, — тайны не нарушим...
Знаешь, так забавно ударить стэком
Чью-нибудь орхидейно раскрывшуюся душу!

Стихотворение «Будем безжалостны!...» написано Н.Г. Львовой за два месяца до смерти. Поэтесса обращает свой призыв быть жестокими к женщинам, и решительность его подчеркнута восклицательным знаком. Она объясняет причину этого возгласа: в женщинах исключительные достоинства, они королевы, но мужчины, могущего оказаться рядом на троне, нет. И это заставляет их невольно относиться с презрением к мужчинам, которые отныне воспринимаются как подданные. В этом презрении — память о прошлых обидах и унижениях, о пережитых ударах, о том, что женщины всегда были лишь сексуальными объектами. Особенно острой в эмоциональном плане является концовка стихотворения, в которой героиня, издевательски характеризуя душу мужчины как нежную, хочет нанести ей удар «стэком». Бросается в глаза пространственное решение мизансцены: героиня находится на возвышении, а партнер — внизу, поэтому для удара и нужен стек, длина которого не меньше метра. Показательна и смена ролей: душа мужчины сравнивается с орхидеей, цветком, символизирующим хрупкость, что обычно характеризует женщину. Важно также, что душа мужчины *раскрывшаяся*, хотя неизвестно, по какой причине она обнажилась (возможно, от любви, но может быть, и из-за готовности отдаться боли, принять унижение). Женщина в этом стихотворении предстает некой амазонкой, которая, издеваясь над мужчиной, способна вести диалог с ним

только через насилие. С нашей точки зрения, это, с одной стороны, является отражением борьбы женщин за равноправие в новую историческую эпоху, а с другой — служит для выражения личных чувств поэтессы, сопротивлявшейся мужскому шовинизму. В любом случае налицо изменение гендерной парадигмы, которую фиксировала и А. Ахматова, но делала это значительно более тонко.

Н.Г. Львова любит «игру временами», но вместо анализа прошлого, что свойственно А. Ахматовой, она устремлялась в будущее. Это, вероятно, обусловлено желанием автора прервать конфронтацию мечты и реальности и прямо заявить о потаенных чувствах. Ведь «Будем безжалостны!» — это очевидная отсылка к будущему. И в стихотворении «Небо бледнее и кротче» (1913) мы тоже видим, что проявление интимных чувств лирической героини отнесено к будущему времени. Во втором («Вот, вспыхнут лампочки пышные, / Раскроются книги любимые, / А сердце заплачет неслышно: / “Ах, жизнь идет мимо!”») и третьем («И я над нею, унылая, — / Лунатик на узком карнизе, — / И тот, кого так любила я, / Он ко мне никогда не приблизится!») четверостишиях она погружается в грезы, сравнивая себя со стоящим на крыше больным сомнамбулизмом человеком. Последнее может означать и скрытое желание свести счеты с жизнью, и желание уйти от жизненной суеты, и устремленность ввысь, и готовность закрыть глаза на происходящее. В этот момент она дает волю своему воображению, и с помощью глаголов совершенного вида будущего времени («вспыхнут», «раскроются», «заплачет», «приблизится») передает напряженность своих чувств. Это вместе с настоящим временем, использованным в начале и конце стихотворения, создает причудливую «игру» со временем, которая передает трагедийность самочувствия героини.

Особенностью поэзии Н.Г. Львовой один из критиков считал «трагическое несоответствие души чужой сфере, в которую она вступила» [20, с. 294]. «Чужая сфера», видимо, подразумевает и городскую жизнь, что подчеркнул А.А. Гизетти, и мужскую культуру, что отметила сама Н.Г. Львова в своей критической статье, а возможно, и футуристическую поэтику, которая оказывалась ей в конечном счете чужда.

Наиболее сложное взаимодействие со стихами А. Ахматовой возникает в поэзии Веры Михайловны Инбер (1890–1972), чей творческий путь оказался извилистым и не всегда пройденным достойно. Ранние сти-

хи Инбер, как вспоминал В.Т. Шаламов, «всем нравились» [41, с. 89], но и ее творчество в целом заслуживает серьезного изучения. Первые ее шаги в литературе были отмечены А.А. Блоком[16], И.Г. Эренбургом[17], Р.В. Ивановым-Разумником[18], а впоследствии получили позитивную оценку у зарубежных исследователей (например, немецкого слависта В. Казака[19], китайского филолога Чэнь Яоцю[20]). Известно высказывание А. Ахматовой, что «Вера Михайловна Инбер может представительствовать от моего имени только в преисподней» [38]. Но оно относится к позднему времени, когда репутация В. Инбер оставляла желать лучшего, и связано с предложением высших инстанций «заменить» А. Ахматову в делегации, направляемой в Италию, и не имеет отношения к стихам.

Ранняя В. Инбер постоянно подчеркивала, что воспринимает окружающий мир чувственно, а не рационально, и даже кокетничала этим. В 1920-е гг. она признавалась, что «любила тонкие духи, улыбки», что в сказках, которыми она себя утешала, «рос тюльпан и все мечтал о чайке, в которую влюбился из каприза...» [26, с. 7]. «Духи», «улыбки», «тюльпан», «чайка» вполне конкретные явления и предметы, а слово «каприз» уже переносит нас в чувственный мир. Инбер культивировала органолептическое восприятие внешнего мира, что позволило ей в ранней лирике «оплотнить» переживания и приблизить субъектный план стихотворения к вещному ряду. В этом смысле можно сказать, что ориентация на поэтический мир Ахматовой для Инбер была неизбежной и плодотворной в силу особенностей ее дарования.

Ярким подтверждением сказанного может служить стихотворение «Здесь нежная заря робка...» (1915).

16 По свидетельству В. Шаламова, А. Блок хвалил первый сборник В. Инбер «Печальное вино». См.: [41, с. 89].

17 И. Эренбург выделил в стихах В. Инбер забавное сочетание очаровательного парижского гамена и приторно жеманной провинциальной барышни. Но призвал увидеть за этим «дешевым гримом» «человеческое лицо» и «свою правду» [43].

18 Р.В. Иванов-Разумник позволил себе сравнить А. Ахматову и В. Инбер по степени таланта, написав общую рецензию под названием «Жеманницы» на их сборники «Печальное вино» и «Четки», причем выразил надежду, что их дар позволит им порвать с душным и чадным кругом мелких интересов и выйти на широкий жизненный простор. См.: [25].

19 В. Казак подчеркивал поэтическую одаренность В. Инбер на раннем этапе, указывая на подлинность чувств и оригинальность ее стихотворений. См.: [6, с. 167].

20 Чэнь Яоцю выпустил книгу своих переводов «А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, В.М. Инбер. Стихи трех советских поэтесс / сост. Чэнь Яоцю» (Чанша, 1985. 402 с.), тем самым поставив ее наследие в один ряд с величайшими достижениями русской поэзии.

Здесь нежная заря робка,
Как девочка в дороге дальней.
Здесь лето, кротче голубка,
Воркует с каждым днем печальней.
...
Меж скал спокойные канальцы,
И водорослей терпкий сок,
И чьи-то бронзовые пальцы
Полузарытые в песок.

К концу стихотворения В. Инбер начинает насыщать его картинами, предметами. Появляются и «узор синих волн», и «красный скат» скалы, и «канальцы», и «водоросли», что характерно для «вещного» мира акмеистической поэтики, а по мнению И. Анненского[21], и для женского лиризма вообще. Помимо визуального ряда в стихотворении мы еще и «слышим» происходящее: голубь «воркует», цикада «поет». Поэтесса передает и вкусовые ощущения, водоросли выделяют «терпкий сок». Вещи, явления показаны поэтессой таким образом, что «процесс их сенсорного восприятия остается “за кадром”» [7, с. 67], а это и есть ахматовский «прием “суверенного” изображения реальных явлений» [7, с. 67]. Кроме того, «цикада», «волна», «скат» пригорка выступают не только как элементы приморского пейзажа, но и как самоценные феномены, словно впечатанные в память героини. Инбер только называет их, а уже читатель призван объединить их, увидеть целостную картину, прочувствовав душевные движения девушки, буквально став ее глазами и провожая каждый предмет взглядом. Так, возникающее семантически пустое место между выхваченными взором предметами создает недосказанность, столь дорогую Ахматовой. В конце стихотворения появляется по-ахматовски выразительная деталь: бронзовые пальцы, перебирающие песок. И мы понимаем, что память сохранила находящегося на берегу рядом с героиней юношу. А потому пейзажная зарисовка превращается в стихотворение любовной тематики. Деталь физического облика спутника

21 И.Ф. Анненский в статье «О современном лиризме» (1909) исследовал смысл и строй новейшей русской поэзии, разделив лиризм на мужской и женский. Поэт выразил уверенность, что женщины в лирике предлагают свой взгляд на мир, они более внимательны к *материи* и *быту*. См.: [15].

героини В. Инбер отсылает нас к искривленному мукой рту возлюбленного из стихотворения А. Ахматовой «Сжала руки под темной вуалью…» (1911). Одна яркая деталь заменяет полноценный портрет и создает образ.

Отношения влюбленных — центральная тема ранней лирики В. Инбер. Но, в отличие от часто неразрешимых конфликтов между мужчиной и женщиной, что составляют стержень ахматовской лирики, Инбер склонна рассматривать эти отношения как более гармонические. Вернее, она намечает не столько гармонию, сколько рисует согласие, которое вполне осуществимо, если не нарушать традиционную систему гендерного распределения ролей. Инбер подхватывает ахматовский мотив женщины-загадки, становящейся героиней ее стихотворения «Прохладнее бы кровь и плавников бы пара…» (1920), где она превращается в рыбу, как и в стихотворении Ахматовой «Мне больше ног моих не надо…» (1911). Но вспомним самопредставление героини Ахматовой в стихотворении «Ты письмо мое, милый, не комкай…». Она утверждает, что она «не пастушка, не королевна» и «не монашенка». Она отвергает стереотипные представления о женщинах, имеющие место в культуре: наивная простушка, бесплотное существо, объект поклонения — и формирует новый образ — обычной женщины. Важно, что она хочет, чтобы ее любили и принимали такою, какая она есть. А это подспудно предполагает новый вариант любви. Не любви-поклонения. Не любви-забавы, а любви «на равных».

Героиня же В. Инбер в разбираемом стихотворении уверена, что ее превращение в рыбу ничего не изменит, она остается по-прежнему не способной к сопротивлению («Была бы я и там такой же слабой, / Как здесь от суеты»). Да и рыбой она стала исключительно не для того, чтобы ускользнуть, а чтобы попасть в сети к рыбаку, т. е. она вновь мечтает о подчинении и готова принять даже смерть из рук возлюбленного, буквально моля бога об этом («И пусть бы бог хранил, моря волнуя, / Тебя в твоих путях, / И дал бы мне окончить жизнь земную / В твоих сетях»). В итоге «гармония» достижима только при принятии условий, которые выработаны мужским сообществом. Требование подчинения должно соблюдаться неукоснительно. А у героини Ахматовой слабость мнимая. Это видимость, а не суть.

В лирике А. Ахматовой ситуация одновременно разворачивается как бы в двух планах: во внутреннем мире автора, в его памяти, и на условной сцене, за которой наблюдает зритель. Почти всегда присутствует взгляд со

стороны, что определяет отстраненность героини от происходящего, благодаря чему и появляется возможность его анализировать. Эпизод «завершен», надо продолжать жить дальше. Но прошлое все же неустранимо. А в стихах В. Инбер связь между внешним миром и внутренним состоянием героини развивается как «переплетение», «взаимопроникновение», дублирование. В большей степени это напоминает двучленный психологический параллелизм (термин А.Н. Веселовского, который также выделял формальный, многочленный, одночленный и отрицательный параллелизмы), распространенный в фольклоре. Но В. Инбер сопоставляет природу и человека не последовательно, один за другим, а смешивает их. Возможно, так она хочет «преодолеть» или «развить» А. Ахматову, запечатлевая не тайные импульсы, а подменяя душу человека природной сущностью явлений. В стихотворении «Надо мной любовь нависла тучей…» (1919) не героиня переживает нечто, существующее в природе, а природа воспроизводит «рисунок» переживаний героини.

…
Расставаясь, поцелую, плача,
Ясные глаза.
Пыль столбом завьется, не иначе
Как гроза.

Грянет гром. Зашепчет, как живая,
В поле рожь.
Где слеза, где капля дождевая —
Не поймешь.

Через час на вёдро золотое
Выглянет сосед
И затопчет грубою стопою
Милый след.

Перед нами воображаемая сцена будущего расставания возлюбленных, которая «проигрывается» героиней. Она предчувствует, как ей будет тяжело («плач», «слезы» возникают в строках не раз), настолько тяжело,

что это отзовется в природе: в момент расставания разразится гроза, «пыль завьется столбом». Предсказывая ситуацию будущего прощания, поэтесса соединяет природные явления с чувствами, которые она будет испытывать. И предполагает, что, расставшись с любимым, она почувствует себя освобожденной. Ее легкость отзовется в природе: рожь оживет и «зашепчет», золотой свет разольется, наступит «вёдро золотое». Воображаемые предметные реалии — на самом деле и есть компоненты души героини. Если у А. Ахматовой сознание героини раздваивается: она и участник, и наблюдатель ситуации, — то сознание героини В. Инбер направлено именно на сохранение целостности, нераздельности внешнего и внутреннего. Только в конце стихотворения возникает «рука судьбы»: сосед, совершенно о том не подозревая, перечеркивает ее прошлое, наступая на след, оставленный ее возлюбленным. Но здесь можно говорить, что она обнаруживает свои скрытые желания — она хочет, чтобы произошло именно так. И сосед — тоже плод ее воображения, как гроза, пыль и пр. Любящая женщина надеется, что случится нечто, что прервет ее муку. Героиня же Ахматовой сама принимает подобное решение. Стихи В. Инбер обращены чаще всего к будущему, а А. Ахматова же предпочитает ретроперспективный анализ и осмысление событий. Можно предположить, что, восприняв опыт А. Ахматовой, В. Инбер сумела предложить собственный вариант психологического анализа бытия. Она захотела показать «природность» внутренних переживаний лирической героини, силу и действенность ее мечтаний. И скорее всего, это происходило потому, что она продолжала считать, что с женщиной связано в мире «природное», а не «рациональное».

А то, что именно А. Ахматова многому научила ее, имеет неожиданное подтверждение. В колыбельной песне, названной «Сыну, которого нет» (1927)[22], В. Инбер посылает тайный привет своей находящейся в данный момент в опале предшественнице, вспомнив о серых глазах нерожденного сына (колыбельная рассказывает о комсомольце и полностью соответствует идеологическому настрою эпохи, хотя главная мысль стихотворения — о вечных разлуках с близкими людьми, о непоправимости ухода родителей). Сероглазый мальчик Инбер «замещает» девочку с серыми глазками из знаменитой баллады Ахматовой. Но и вечные темы колыбельной песни

22 Здесь явная отсылка и к мифу Елены Генриховны Гуро, которая создавала произведения о несуществующем сыне.

Инбер — боль, утраты, неминуемая смерть, круговорот времени — тоже можно считать завещанными великой поэтессой, что и сделало это стихотворение отнюдь не банальным и стереотипным.

«В то время открывалась какая-то вакансия на женское место в русской поэзии. <...> Судьба захотела, чтобы оно стало моим» [16, с. 268], — такую запись на склоне лет А. Ахматова оставила в своем дневнике. Судя по всему, эта вакансия действительно ждала именно ее. Но рядом были некие локусы, тоже ждавшие, чтобы их «освоили» поэтессы. Одних привлек пафос изображения А. Ахматовой независимой, принимающей твердые решения женщины. Другие воспроизводили ахматовскую поэтику: диалоги, бытовые детали, несфокусированный взгляд героев на окружающее, прием «суверенного» описания реальных явлений. Л. Копыловой удалось уловить отдельные особенности конструирования стихотворного текста А. Ахматовой, но она не смогла воспроизвести универсальность душевных переживаний ее героинь. Н. Львова придала завершенность и определенность облику своих героинь, огрубила их, использовав для этого футуристические приемы. А В. Инбер, начинавшая как акмеистка, сумела «приспособить» ахматовские открытия в области психологизма к своим задачам. В результате рождались прелестные эскизы, сделанные «под Ахматову», с точно выписанными деталями, улавливанием причудливой связи природы и внутреннего состояния.

Список литературы

Исследования

1 *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2 *Благой Д.Д.* Диалектика литературной преемственности // Вопросы литературы. 1962. № 2. С. 94–113.
3 *Бушмин А.С.* Преемственность в развитии литературы. Л.: Наука, 1975. 157 с.
4 *Жеребкина И.А.* Страсть: Женское тело и женская сексуальность в России. СПб.: Алетейя, 2001. 335 с.
5 *Жирмунский В.М.* Творчество А. Ахматовой. Л.: Наука, 1973. 184 с.
6 *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. 491 с.
7 *Кихней Л.Г.* Акмеизм. Миропонимание и поэтика. М.: МАКС Пресс, 2001. 184 с.
8 *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста: структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
9 *Погорелая Е.А.* Тайная вакансия: Черубина де Габриак, Анна Ахматова и Марина Цветаева // Вопросы литературы. 2019. № 4. С. 159–180.
10 *Поливанов К.М.*, *Чанцев А.В.* Копылова Любовь Федоровна // Русские писатели 1800–1917: в 5 т. М.: Сов. энциклопедия, 1994. Т. 3. 590 с.
11 *Савкина И.Л.* Кто и как пишет историю русской женской литературы? // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 359–372.
12 *Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы. 1848–1903. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1903. 504 с.
13 *Тынянов Ю.С.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
14 *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004. 404 с.

Источники

15 *Анненский И.Ф.* О современном лиризме // *Анненский И.Ф.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 328–382.
16 *Ахматова А.А.* Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой. М.; Турин: EINAUDI, 1996. 873 с.
17 *Ахматова А.А.* О стихах Н. Львовой // Русская мысль. 1914. № 1. Отд. 2. С. 28.
18 *Ахматова А.А.* Собр. соч.: в 6 т / сост., подгот. текста, коммент., ст. Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 1. 966 с. 1999. Т. 2. 638 с.
19 *Брюсов В.Я.* Предисловие // *Львова Н.Г.* Старая сказка. М.: Альциона, 1913. С. 5–6.
20 *Булдеев А.Н.* Львова — «Старая сказка» // Жатва. 1914. Кн. 4. С. 294–295.
21 *Волошин М.А.* Женская поэзия // Утро России. 1910. №. 323. 11 декабря.
22 *Гизетти А.А.* Три души // Ежемесячный журнал. 1915. № 12. С. 147–160.
23 *Дмитриев С.И.* Вечер современных поэтесс // Женская жизнь (Москва). 1916. № 2. С. 19–20.
24 *Иванов Вяч.И.* О достоинстве женщины // *Иванов Вяч.И.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. Т. 3. С. 136–146.

25 *Иванов-Разумник Р.В.* Жеманницы («Четки» Анны Ахматовой и «Печальное вино» Веры Инбер) // Заветы. 1914. № 5. С. 51.

26 *Инбер В.М.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 1 / вступ. ст. А. Макарова. 575 с.

27 *Копылова Л.Ф.* Стихи. Тетрадь вторая. М.: В. Португалов, 1914. 77 с.

28 *Кречетов (Соколов С.А.).* Критические заметки по текущей литературе // Утро России. 1913. № 235. С. 6–7.

29 *Лавров А.В.* Львова Надежда Григорьевна // Русские писатели 1800–1917. М.: Сов. энциклопедия, 1994. Т. 3: К–М / гл. ред. П.А. Николаев. 590 с.

30 *Львов-Рогачевский В.Л.* Новейшая русская литература. 3-е изд., испр. и доп. М.: Л.Д. Френкель, 1925. 396 с.

31 *Львова Н.Г.* Старая сказка. 2-е изд. доп. посмертными стихотворениями. М.: Альциона, 1914. 123 с.

32 *Львова Н.Г.* Холод утра: несколько слов о женском творчестве // Жатва. 1914. Кн. 4. С. 249–256.

33 *Маяковский В.В.* Собр. соч.: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1955–1961, 1958. Т. 10 / подгот. текста и примеч. С.А. Коваленко; ред. Н. Реформатская. 383 с.

34 *Новинский (Ашукин Н.С.)* Современные женщины-поэты // Мир женщины. 1913. № 19. С. 5–6.

35 *Одоевцева И.В.* На берегах Невы. М.: Худож. лит., 1988. 333 с.

36 *Пяст Вл.А.* Отзывы о книжках // Отклики. Бесплатное приложение к № 15 газеты «День». 1914. № 2. С. 12.

37 Сто одна поэтесса Серебряного века / сост. и биограф. статьи М.Л. Гаспаров, О.Б. Кушлина, Т.Л. Никольская. СПб.: ДЕАН, 2000. 238 с.

38 У времени в плену. Интервью с А. Межировым // Юрмала. 1990. 13 сентября.

39 *Ходасевич В.Ф.* Поэты «Альционы» // *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Русский путь, 2010. Т. 2. С. 114–116.

40 *Шагинян М.С.* Женская поэзия // Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1914. № 116. 4 мая.

41 *Шаламов В.Т.* Воспоминания. М.: АСТ, 2001. 384 с.

42 *Шершеневич В.Г.* Смерть поэтессы // Руль. 1914. № 19. С. 5–6.

43 *Эренбург И.Г.* Четыре // Новости дня. 1918. 13 апреля.

References

1 Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*The Aesthetics of Verbal Creation*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)

2 Blagoi, D.D. “Dialektika literaturnoi preemstvennosti” [“Dialectics of Literary Continuity”]. *Voprosy literatury*, no. 2, 1962, pp. 94–113. (In Russ.)

3 Bushmin, A.S. *Preemstvennost’ v razvitii literatury* [*Continuity in the Development of Literature*]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 157 p. (In Russ.)

4 Zherebkina, I.A. *Strast’: Zhenskoe telo i zhenskaia seksual’nost’ v Rossii* [*Passion: The Female Body and Female Sexuality in Russia*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001. 335 p. (In Russ.)

5 Zhirmunskii, V.M. *Tvorchestvo A. Akhmatovoi* [*Works of A. Akhmatova*]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 184 p. (In Russ.)

6 Kazak, V. *Leksikon russkoi literatury XX veka* [*Lexicon of Russian Literature of the 20th Century*]. Moscow, RIK “Kul’tura” Publ., 1996. 491 p. (In Russ.)

7 Kikhnei, L.G. *Akmeizm. Miroponimanie I poetika* [*Acmeism. Worldview and Poetics*]. Moscow, MAKS Press Publ., 2001. 184 p. (In Russ.)

8 Lotman, Iu.M. *Analiz poeticheskogo teksta: struktura stikha* [*Analysis of the Poetic Text: the Structure of the Verse*]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1972. 271 p. (In Russ.)

9 Pogorelaia, E.A. “Tainaia vakansiia: Cherubina de Gabriak, Anna Akhmatova i Marina Tsvetaeva” [“Secret Vacancy: Cherubina de Gabriak, Anna Akhmatova, and Marina Tsvetaeva”]. *Voprosy literatury*, no. 4, 2019, pp. 159–180. DOI: 10.31425/0042-8795-2019-4-159-180 (In Russ.)

10 Polivanov, K.M., Chantsev, A.V. “Kopylova Liubov’ Fedorovna” [“Kopylova Liubov’ Fedorovna”]. *Russkie pisateli 1800–1917: v 5 t.* [*Russian Writers 1800–1917: in 5 vols.*], vol. 3. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1994. 590 p. (In Russ.)

11 Savkina, I.L. “Kto i kak pishet istoriiu russkoi zhenskoi literatury?” [“Who Writes the History of Russian Women’s Literature and How?”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 24, 1997, pp. 359–372. (In Russ.)

12 Skabichevskii, A.M. *Istoriia noveishei russkoi literatury. 1848–1903* [*History of the Recent Russian Literature. 1848–1903*]. St. Petersburg, Tipografiia Tovarishchestva “Obshchestvennaia pol’za” Publ., 1903. 504 p. (In Russ.)

13 Tynianov, Iu.S. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [*Poetics. Literary History. Cinema*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russ.)

14 Khalizev V.E. *Teoriia literatury* [*Literary Theory*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2004. 404 p. (In Russ.)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.134.2.0 + 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

«ВООБРАЖАЕМЫЕ ЛИНИИ»: ИСТОЧНИКИ «СВ. ИОАННА КРЕСТА» Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

© 2021 г. М.Ю. Игнатьева (Оганисьян)
Государственная школа иностранных языков Драссанес, Барселона, Испания
Дата поступления статьи: 10 февраля 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 28 июня 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-224-245

Аннотация: «Св. Иоанна Креста» представляет собой вторую часть трилогии Д.С. Мережковского, посвященной святым кармелитского ордена. Эта трилогия — последнее сочинение Мережковского и единственное пространное описание на русском языке жизни и взглядов испанского мистика. В статье рассматриваются особенности источников, которыми пользовался писатель при подготовке биографии Иоанна Креста (1542–1591): французские издания переводов, биография отца Брюно и монография Жана Барюзи, — и способы их прочтения. Приводится полный перечень источников, которые появляются в примечаниях и сносках к повести, анализируются издания, которые он непосредственно держал в руках. Особенное значение имеет источник, указанный самим писателем, — авторский «апокриф», «воображаемые линии», позволяющие глубже понять Иоанна Креста. В статье анализируются некоторые из этих «апокрифов» (в частности, фигура Матереотца, идея богосупружества и «бездны противоречий») и показаны способы обращения с источниками при конструировании этих апокрифов: ассоциация идей, гиперболизация, деконтекстуализация и т. д. Выдвигается гипотеза о художественных основаниях такого подхода: с одной стороны, отмеченная Н.А. Бердяевым «плененность словами и отражениями» Мережковского, а с другой — экстаз как одновременно тема и техника данной биографии. Исследование позволяет глубже понять позднего Мережковского, а также скорректировать важные авторские утверждения о личности и взглядах Иоанна Креста.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, Иоанн Креста, Бердяев, испанские мистики, кармелиты, биография, источники.

Информация об авторе: Мария Юльевна Игнатьева (Оганисьян) — кандидат филологических наук, доцент, преподаватель русского языка, Барселонская Государственная Школа Языков Драссанес, EOIBD, av. Drassanes, 14, 08001 Барселона, Испания. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9714-3582

E-mail: maria.ignatievaogan@gmail.com

Для цитирования: *Игнатьева (Оганисьян) М.Ю.* «Воображаемые линии»: источники «Св. Иоанна Креста» Д.С. Мережковского // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 224–245. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-224-245

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

"IMAGINARY LINES": SOURCES OF THE *ST. JOHN OF THE CROSS* BY D. S. MEREZHKOVSKY

© 2021. Maria Yu. Ignatieva (Oganissian)
Escola Oficial d'Idiomes de Barcelona (Drassanes), Spain
Received: February 10, 2021
Approved after reviewing: June 28, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: *St. John of the Cross* is the second part of the trilogy by D.S. Merezhkovsky dedicated to the saints of the Carmelite order. This trilogy is Merezhkovsky's last work and is the only novelistic description of the life and views of John of the Cross (1542–1591) in the Russian language. The article analyzes the features of the sources that the writer used in preparing his biography: French editions of St. John's works, the biography of father Bruno (1929), and the monograph by Jean Barusi (1924) as well as the ways of working with these sources. The article provides a complete list of sources that appear in the notes and footnotes to the novel and analyzes those publications that the author actually worked with. Of particular importance is the source referenced by Merezhkovsky himself — the author's "apocryph," which provided him with a deeper insight into the life and work of John of the Cross. The article analyzes some of these "apocryphal" ideas (in particular, the figure of the Materefather, the idea of divine matrimony, and "the abyss of contradictions") and shows the ways of dealing with sources when constructing these apocryphs: association of ideas, hyperbolization, decontextualization, etc. The article argues that Merezhkovsky's approach was literary in its essence: on the one hand, there is his "captivation by the words and reflections" (N.A. Berdyaev), on the other hand, there is ecstasy as both the theme and the technique of this biography. The study allows to better understand the late Merezhkovsky, and also to correct important author's statements about the personality and the views of John of the Cross.

Keywords: Merezhkovsky, John of the Cross, Berdyaev, Spanish mystics, Carmelites, biography, sources.

Information about the author: Maria Yu. Ignatieva (Oganissian), PhD in Philology, Associate Professor of Russian Language, State School of Idioms Drassanes, EOIBD, av. Drassanes, 14, 08001 Barcelona, España.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9714-3582

E-mail: maria.ignatievaogan@gmail.com

For citation: Ignatieva (Oganissian), M.Yu. "'Imaginary Lines': Sources of *St. John of the Cross* by D.S. Merezhkovsky." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 224–245. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-224-245

«Испанские мистики» Д.С. Мережковского

Сочинение Д.С. Мережковского «Испанские мистики» по-прежнему остается наиболее пространным русскоязычным жизнеописанием знаменитых католических святых XVI в., реформаторов кармелитского ордена — Терезы Иисуса (Тересы де Хесус) и Иоанна Креста (Хуана де ла Крус), а для многих — единственным источником сведений об их жизни и учении. Однако не следует рассматривать «Испанских мистиков» как пособие по биографии Терезы и Иоанна.

Приведем выдержку из статьи М.П. Осиповой, весьма полно резюмирующую основные недостатки «Мистиков» как сочинения биографического: «К сожалению, особенности личных взглядов этого мыслителя, а также то, что пользовался он, судя по всему, не собственно текстами испанских мистиков, а критическими работами о них, привели его к ряду неточных выводов и совершенно неверных (т. е. не соответствующих реальности текстов) утверждений, как то: Д.С. Мережковский, к сожалению, "вчитал" в тексты испанских созерцателей (а не вычитал из них) некоторые собственные мысли: провозвестие некоей Третьей вселенской церкви Святого Духа (нужно ли говорить, что свв. Тереза и Иоанн крайне удивились бы, что им приписываются такие взгляды), эротичность переживаний авильской затворницы <...>, а также толкование "темной ночи" св. Иоанна как ночи безверия (что совсем уже странно, поскольку св. Иоанн неоднократно повторяет, что вера — это единственная опора духа в состоянии «ночи»)» [5, с. 80].

Критическая аргументация М.П. Осиповой сводится к двум тезисам: 1) Д.С. Мережковский плохо знал первоисточники; 2) он неверно истолковал события жизни и взгляды своих персонажей, основываясь на собственных идеях, которые и приписал героям.

Действительно, отголоски главных идей и увлечений Д.С. Мережковского создают постоянный звуковой фон «Мистиков», который может показаться досадным шумом исследователю первого толка, глубже знающего исходный материал, точно так же и неисторичные обобщения могут вызвать неудовольствие у более осведомленного читателя[1]. Исследование, выявляющее все неточности и субъективные авторские вчитывания, было бы полезно для подготовки критического издания «Мистиков»: в подробных примечаниях можно было бы указать все натяжки и ошибки Д.С. Мережковского как биографа.

Однако возможна и другая точка зрения на «Испанских мистиков», которая не только допускает свободное обращение с историческими фактами, но и вовсе не заботится об исторической правде: это взгляд на «Мистиков» как на художественное повествование или как на духовную автобиографию самого Д.С. Мережковского, рассказанную в лицах его персонажей.

Этот взгляд на «Мистиков» легализирует неправду факта ради правды мысли самого автора. Примером такого приятия служит статья Т. Пахмусс в том же издании [4][2].

«Мистический и религиозный опыт св. Терезы Испанской и св. Иоанна Креста, — пишет Т. Пахмусс, — всегда привлекал внимание Дмитрия Сергеевича Мережковского, особенно основа их мировоззрения, которая соответствовала его собственной философии — для св. Терезы Испанской была характерна самоотдача Иисусу Христу; для св. Иоанна Креста — Богоматери» [4, с. 9]. Здесь специалист по Д.С. Мережковскому основывается на видении, почерпнутом из самого сочинения писателя, в то время как даже условно эта схема не работает в отношении исторических Терезы и Иоанна. Так, особенностью мариологии Иоанна Креста является именно скудость упоминаний о Богородице (см.: [2]), а в сочинении Д.С. Мережковского делается упор на чудеса, совершенные ею, о которых сам Иоанн, по воспоминаниям, предпочитал не упоминать.

В нашей статье мы предлагаем аналитическое описание источников, которыми пользовался Д.С. Мережковский, собирая материалы для био-

1 Ср.: «Савонарола погиб на эшафоте, отстаивая идеалы христианской свободы, он был одним из великих культурных гениев своей страны. А Мережковский его изобразил так, что даже читать стыдно» [3, с. 202].

2 К сожалению, нам не удалось найти других исследований, посвященных этой трилогии.

графии испанского мистика. Это описание было бы полезно для понимания художественных особенностей «Св. Иоанна Креста» в контексте любого из предложенных аспектов.

Сочинение Д.С. Мережковского впервые было опубликовано уже после смерти автора: оно вышло в 1961 г. в двух номерах нью-йоркского «Нового журнала» [18]. В 1988 г. в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом» были изданы «Испанские мистики» [16]. В это издание вошли биографии трех кармелитов («Св. Тереза Иисуса», «Св. Иоанн Креста» и приложение «Маленькая Тереза», которые часто называют «трилогией»), а также вводная статья Т. Пахмусс и две статьи примечаний: 1) ссылки на источники цитат в «Св. Иоанну Креста» и 2) «Примечания богословские и исторические» католического священника о. Антония Ильца. Для нашей задачи нам интересны первые примечания[3]. Они были подготовлены Т. Пахмусс на основании выписок, найденных ею в архиве Мережковского-Гиппиус. Мы не можем судить о том, насколько сам писатель предполагал публиковать эти ссылки, но они, безусловно, являются удобным материалом для решения нашей задачи. Кроме этого, мы изучили сноски, имеющиеся в тексте самих «Мистиков». При работе над статьей мы опирались на первое российское издание, вышедшее в 1997 г. в Томске, оно воспроизводит брюссельскую публикацию [17].

Основные источники биографии Иоанна Креста

Ниже мы приводим алфавитный список источников, упоминаемых у Д.С. Мережковского в самом тексте. Мы выбрали лишь те из них, которые имеют непосредственное отношение к жизни или трудам Иоанна Креста. После дробной черты курсивом даются принятое Д.С. Мережковским сокращение и в скобках наш комментарий.

1) Тексты Иоанна Креста.

St. Jean de la Croix. Le Cantique spirituel et les sentences et avis spirituels de saint Jean de la Croix [20]. / *Авг. (цитаты из стихотворений Иоанна Креста, перевод с французского издания Орнера).*

St. Jean de la Croix. La Nuit obscure et la Vive flamme d'amour de Saint-Jean de la Croix [19]. / *Hoorn. (цитаты из трактата «Темная ночь»).*

2) Биография и учение Иоанна Креста.

3 В «Новом журнале» примечаний не было. В издание [16] включены богословские комментарии, которые в свою очередь требуют уточнений, выходящих за рамки данной статьи.

Abrégé de toute la doctrine mystique de Saint Jean de la Croix par C.H. [7]. / *Abr.*

Alonso de la Madre de Dios. Vida, virtudes y milagros del Santo Padre Fray Juan de la Cruz, Málaga. / *Alonso* (*рукопись*).

Baruzi, Jean. Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique [9]. / *Baruzi, Barusi.*

Fr. Bruno de J. M. Saint Jean de la Croix. Paris, 1929. [11]. / *Bruno.*

Demimuid, Maurice. St. Jean de la Croix [12]. / *Dem., Demim., Дем.*

Это те книги, которые Д.С. Мережковский держал в руках, за исключением рукописи Алонсо, которая была ему недоступна, поскольку находилась в испанском архиве, а писателю не удалось побывать в Испании.

Сведения из изданий, появляющихся в примечаниях, приводятся преимущественно по книге Барюзи [9], включая сюда цитаты из Дионисия Ареопагита, Данте, Лютера, Паскаля, Гете и др. Здесь и первое критическое испанское издание Иоанна Креста [21], архивные хроники из Мадридской Национальной библиотеки, исторические и филологические труды на испанском языке, а также французские, английские и немецкие источники по следующим темам: биография Терезы Авильской, мистика, протестантизм, мировая литература.

В примечания при перепечатке переходит даже неверное указание тома у Барюзи[4], полностью исчезают акценты в испанских словах, иногда неверно записывается имя (Jose — Josef) или слово (repatas вместо reparas). Д.С. Мережковский, очевидно, не знал испанского, хотя и мог, на основании французского, восстановить текст первоисточника.

Итак, в руках у Д.С. Мережковского шесть книг. Наиболее часто цитируемыми оказываются две: Bruno [11] и Baruzi [9].

«Святой Иоанн Креста» брата Брюно Иисуса Марии (1892–1962)

Брюно (светское имя Жак Фруассарт) издавал журнал Études carmélitaines, который выходил до его смерти в 1962 г. С 1935 по 1937 г. Брюно организовал несколько международных конгрессов по религиозной психологии. Отзвуки последнего, центром которого было учение Иоанна Креста

4 Примеч. 32 к 5 гл. 4 кн. цитата из третьего тома издания Херардо [21], а не первого.

(«Критика явлений духовной сухости в свете символов святого Иоанна Креста»)[5], могли привлечь внимание Мережковского к знаменитому кармелиту.

Здесь следует отметить, что к 1929 г., когда вышла биография Брюно, молодая иоаннистика не располагала полнотой биографических данных и основывалась, по большей части, на агиографических источниках (см.: [13]). Кроме того, Брюно, как будет показано ниже, иногда неправильно понимал испанский текст.

Однако нас интересует не столько достоверность биографии Брюно, сколько то, как дополнял или изменял Д.С. Мережковский прочитанное в ней.

Так, описывая городок Фонтиверос, в котором родился Иоанн Креста, писатель берет приметы пейзажа из книги Брюно: плоскогорье, двойной ряд тополей, сверкающие на солнце лагуны — и превращает последние в болота, «откуда вечером стелется под кваканье лягушек и крик коростелей голубовато-серый дым: “ведьмы кашу варят”; самая злая из них — Лихорадка, с трясущимся телом и синим лицом» [17, с. 123]. Заметим, что вполне идиллический пейзаж Брюно приобретает в книге русского писателя драматическую нюансировку.

Возьмем другой пример. В третьей главе читаем описание смерти отца Иоанна Креста со ссылкой в скобках на страницу в книге Брюно: «Медленно таял, как свеча и, наконец, отдавая любимой всю душу в последнем поцелуе любви, тихо угас (Bruno, 3)» [17, с. 125]. Далее говорится, что Иоанн родился после смерти отца и что мать осталась с двумя детьми в то время, как у Брюно на указанной — третьей — странице сказано: «Немного времени спустя после рождения своего младшего сына Хуана заболел Гонсало, возможно, болевший и ранее. Веласко (агиограф. — *М.И.*) сообщает нам, что он страдал в течение двух лет». Абзацем ниже Брюно пишет о том, что Каталина с тремя детьми отправилась в Авилу [11, с. 3].

Д.С. Мережковский пренебрегает этими сведениями для того, чтобы создать образ матери, носящей во чреве «сына смерти»: «“Я его убила”, — думала Каталина над гробом умершего. <...> сын родился у нее, Жуан, будущий Иоанн Креста — сын смерти, потому что родился от умершего, и сын утеше-

5 Брюно пережил духовный переворот после знакомства с «Историей одной души» Терезы из Лизье (это героиня третьей кармелитской повести Д.С. Мережковского), «Мыслей» Паскаля и Евангелия. В Рождество 1916 г. он прочитал Иоанна Креста, а в июле вступил в орден босоногих кармелитов. В 1929 г. он издал биографию Иоанна Креста с предисловием философа Жана Маритена. Сведения о жизни Брюно почерпнуты из [10, с. 174].

ния, потому что еще в утробе матери, в той Темной Ночи, Noche Oscura, где проходит таинственная грань между вечностью и временем, уже совершил первое великое дело любви — спас от отчаяния мать» [17, с. 125–126].

Яркий образ зародыша, в черноте материнской утробы оплакивающего отца и утешающего мать, обязан своим появлением и поэтическому, и религиозному воображению Д.С. Мережковского. Здесь так же, как и в привнесенном образе ведьмы Лихорадки, на свет появляется теневое, странное, почти инфернальное присутствие.

Отметим, что неточности и оговорки Д.С. Мережковского идут не от непонимания источников: французским он владел безупречно. Основным источником «Жизни святого Иоанна Креста» стало то, что сам писатель в примечаниях называет «Апокрифом»: «Для того, чтобы составить себе какое-нибудь, хотя бы только смутное понятие о жизни св. Иоанна Креста необходимо соединить уцелевшие в исторических свидетельствах отдельные точки этой жизни **воображаемыми линиями** (выделено нами. — *М.И.*), которые могут быть названы “Апокрифами”, но не в позднейшем смысле “ложных”, а в смысле древнейшем (I–II-го века) “скрытых, утаенных” свидетельств <...>. В дальнейшем эти более или менее вероятные догадки, для того, чтобы можно было отличать их от исторически-достоверных свидетельств, будут обозначаться словом *Апокриф,* в этом его древнейшем и более глубоком смысле» [17, с. 271].

Примером такого апокрифа может стать вымышленная фигура Матереотца из жизнеописания Терезы Авильской. Здесь Д.С. Мережковский связывает образ Бога, кормящего молоком божественной пищи, который он встретил у Терезы, с фигурой вавилонского или самофракийского бога с женскими сосцами, называя ее «Матереотец» [17, с. 46][6]. Следует учесть, что это была традиционная в кармелитском ордене метафора: образ отца, кормящего грудью, имел однозначную коннотацию с «Песнью песней», в то время как писатель увидел в нем «гностического бога Матереотца». Вот и у самого Иоанна в «Духовном гимне» читаем: «Поил меня он грудью, и дивной напитал меня наукой» [2, с. 32].

6 Ср. у Терезы: «...душа подобна грудному младенцу, которому мать выжимает молоко для его удовольствия, без того, чтобы он сам сосал грудь» [24, с. 598].

Богосупружество

Другим таким апокрифом является идея «Богосупружества». Д.С. Мережковский изобретает неологизм, суть которого сводится к следующему: это духовно-плотское соединение человеческой личности с Богом, известное еще задолго до христианства «от Египта и Вавилона до Елевзиса и Самофракии»; это соединение происходит с помощью любовного Экстаза, оно непосредственно связано с тайной Троицы. В понятии Богосупружества, таким образом, мы видим: новый термин, смешение двух богословских концепций — персоналистической и тринитарной, а также эротизм Серебряного века с его желанием соединить дух и пол (см., например: [6]).

У самого Иоанна Креста также имеется понятие «брачного союза души с Богом», оно описано в главном его поэтическом произведении «Духовный гимн», авторских комментариях к нему, а также в других трактатах. Можно следующим образом резюмировать учение Иоанна: союз души с Женихом Христом составляет высшую ступень совершенства, она доступна лишь душам, полностью очистившим себя от желаний, это соединение происходит согласно простоте и подобию. Это духовное соединение: плоть (один из трех врагов души наряду с миром и диаволом) следует подчинить духу, и тогда она не будет препятствовать соединению души с Богом. Препятствием к брачному союзу с Христом является, в частности, желание духовных ощущений, таких как видения. Хотя сам Иоанн Креста переживал состояния духовного восхищения, extasis, он, как и Тереза, настаивает на том, что поиск духовных наслаждений («богоодержимость», как его называет Д.С. Мережковский [17, с. 48]) — признак несовершенного состояния души.

Какими свидетельствами Д.С. Мережковский подтверждает этот свой «апокриф»? Вот один пример:

> Дух говорит (в душе человеческой) такими же воздыханиями неизреченными, как и в глубинах Божиих, en los profundos de Dios... Но об этом я не хочу говорить, потому, что если бы я об этом сказал, то оно было бы меньше того, что оно есть на самом «деле» (Baruzi, 672). Это несказанное и есть Богосупружество, в котором совершается такое внутреннее соединение Существа Божия с человеческим, что каждое из них как бы становится Богом, хотя ни то, ни другое не изменяет природы своей [17, с. 202].

Если пройти по ссылке, то увидим, что Д.С. Мережковский контаминирует в одной цитате, будто бы принадлежавшей Иоанну Креста, параграф Барюзи и цитату Иоанна. Вот как выглядит это место у Барюзи:

> Иоанн Креста умолкает, задумавшись о возвышенном познании *la Deidad* (*Божества)*, производимом в душе воспоминанием о Боге, и о дыхании Святого Духа, действующего *en los profundos de Dios.* Но он не желает говорить об этом дыхании. «Я отчетливо вижу, — пишет он, — что мне не по силам выразить это, и все сказанное мною об этом показалось бы меньше того, что на самом деле» («Пламя живой любви». — *М.И.*) [13, с. 672].

Помещая цитату в другой контекст, писатель создает впечатление, что мысль о «Богосупружестве» принадлежит если не самому Иоанну Креста, то французскому исследователю. Иоанн называет Бога «Супругом души» (в православной традиции — «Женихом»), ее Возлюбленным, определяя любовь к Богу как основу богообщения, Д.С. Мережковский же в сочиненном термине подчеркивает плотскую составляющую: «Брачное соединение человека с Богом, для Иоанна Креста, так же как для Терезы, есть нечто не только духовное, но духовное и плотское вместе, потому что это есть величайшее явление человеческой Личности, а Личность есть — весь человек с духом и плотью. Этого духовно-плотского соединения человека с Богом, может быть, никто, за двадцать веков христианства, не чувствовал с такою силою, как св. Иоанн Креста и св. Тереза» [17, с. 56].

Д.С. Мережковский говорит, что идею «Богосупружества» сам Иоанн считал откровением, которое позволило Церкви понять нечто главное. «Если бывали минуты, когда он думал, что новых откровений больше не будет, то бывали и другие минуты, когда он предчувствовал, что “многое и самое главное еще остается познать, углубляясь во Христа” (Bruno, 38. Cántico, XXXVI)» [17, с. 201].

Здесь имеется в виду высказывание Иоанна о том, что сокровища божественной премудрости неисчерпаемы для понимания[7], у Иоанна отсут-

7 «…хотя Учителя Церкви и святые души раскрыли и поняли многие чудесные тайны, еще остается неизмеримо многое, что нужно изъяснить, а еще больше — понять, а значит и углубиться в познание Христа. Это как шахта с огромным количеством сокровищ, которые сколько ни копай, никогда не кончаются, напротив, там и сям открываются все новые драгоценные залежи» [2, с. 188].

ствует слово principal, «главное», т. е. то главное, которое как будто бы еще не открыто. Открыв указанную страницу сноски, мы обнаруживаем, что Брюно тоже использует слово principal, ссылаясь на критическое издание Херардо. А проверив указанную им страницу, убеждаемся в том, что страница не та, а соседняя и что в издании Херардо — подлинный текст Иоанна. О чем это говорит? Возможно, о том, что Брюно недостаточно хорошо перевел испанский текст, а Д.С. Мережковский подхватил именно эту неточность в переводе.

Сам Д.С. Мережковский ощущает экстравагантность этих утверждений: «Если бы кто-нибудь сказал Иоанну Креста, что главный религиозный опыт его, Богосупружество, есть новое откровение, неизвестное в Римской Церкви, то он этому ужаснулся бы или не поверил бы, потому что думает, или хотел бы думать, что “не может быть никаких новых открытий, кроме тех, какие уже были в (Римской) Церкви”» [17, с. 200–201]. Чем же объяснить ту настойчивость, с которой писатель преодолевает материал первоисточника, чтобы утвердить воображаемый образ?

«В плену слов и отражений». Ночь

Один из ответов предложен в статье Н.А. Бердяева, писавшего в 1916 г.: «Над душой Мережковского, по-видимому, имеет неотразимую власть пленительность слов и словесных конструкций. Иные слова звучат для него как откровения. Это откровение всегда вторичное, отраженное» [1, с. 332].

Иоаннова «ночь» у Д.С. Мережковского становится «страшной пустотой Темной Ночи Духа», где грозно выстреливают прописные. В этой пустоте «человек задыхается, как в безвоздушном пространстве, или висит, как повешенный, лишенный всякой точки опоры» (Abr., 131. Hoorn., 68), цитирует в кавычках Д.С. Мережковский. У самого Иоанна нет ни «безвоздушного пространства», ни «повешенного»[8]. Заимствованная и искаженная метафора позволила Д.С. Мережковскому выстроить образ Иоанна Креста: темного, странного святого на пороге ереси и безумия[9].

8 Ср: «До полного обладания Возлюбленным душа подобна пустому сосуду, который ждет, что его наполнят, или голодному, который желает пищи, или больному, который мечтает о выздоровлении, или человеку, который повис над пустотой, в которой ему не на что опереться, точно так чувствует и влюбленное сердце» [22, p. 747].

9 «За что такая страшная казнь постигает в Ночи Духа великих святых, избранных среди избранных? За “грех святости”, — за то, что человек распинается не вместе с Христом, а

Иоанн предстает фигурой Серебряного века, чем-то вроде врубелевского демона. Однако пленительной магии слов Серебряного века: бездна, двойник, личность — противостоит словарь самого Иоанна Креста.

Писатель отвергает собственное, Иоанново, значение «ночи» как избыточное потому, что оно не соответствует экстатическому образу испанского кармелита. Свободолюбивому воображению писателя должно мешать учение, уничижающее власть воображения. Ночь Иоанна Креста — это пустота, свобода, отсутствие мечтательности. Д.С. Мережковский ищет черноты и находит ее только в слове «ночь». Отсюда — легкий шаг к противоположному смыслу, который и появляется в апокрифическом персонаже «Дневной звезде», которому Иоанн посвящает стихи, написанные за него Мережковским:

Ave Stella Diurna!
Радуйся, Звезда Дневная!
Радуйся, Матерь Всепетая!

Так ночь Иоанна Креста у Д.С. Мережковского становится днем. Протягивая *воображаемые линии* от одного предмета к его противоположности, Д.С. Мережковский собственноручно завязывает узлы «противоречий» в учении Иоанна Креста, которым посвящает отдельную главу.

Шесть бездн противоречий

«Ужас и крутая стезя на вершину Кармеля — к “согласию противоположностей” — ведет между безднами противоречий» [17, с. 177] — так начинается глава, в которой писатель предлагает рассмотреть шесть «бездн противоречий» Иоанна Креста, тех узлов его учения, в которых оно, с точки зрения биографа, противостоит церковной догматике.

Авторские формулировки основаны на *линиях*, протянутых от обрывочных цитат из «Краткого изложения» (*Abr.*), перевода Орнэра, биографий и монографии Барюзи. Цитату автор сопровождает собственным выводом.

вместо Христа. <…>. Здесь только один волосок отделяет Бога от диавола и величайшую святость от величайшего из всех грехов — гордыни. Вот за этот-то “грех святости” и казнится человек в Темной Ночи Духа» [17, с. 187].

Ниже представлена таблица, в которой утверждениям Д.С. Мережковского об Иоанне Креста противопоставляются цитаты из самого Иоанна, что позволяет убедиться в силе *апокрифического* мышления русского автора. Оставлены кавычки там же, где они появляются у Д.С. Мережковского и у Иоанна Креста. Наши комментарии приводятся в скобках курсивом.

Шесть Бездн / The Six Abysses

№	Д.С. Мережковский. Бездны противоречий Иоанна Креста [17, с. 177–178]	Иоанн Креста	*Комментарий*
1	«Если Бог — всё, а тварь — ничто, то Бог не творит, а уничтожает мир». (*Это не цитата из Иоанна Креста, хотя Мережковский и приводит ее в кавычках*).	Творения — это след Божией поступи, который выдает величие, могущество, премудрость и другие божественные достоинства [2, с. 145–146].	*Иоанн Креста утверждает не уничтожение твари, но ее противопоставленность нетварному, Богу. Тварное — поступь Бога, свидетельствующая о Нем.*
2	«Сверхъестественное не входит в естественное и не имеет ничего общего с ним», — учит Иоанн Креста (Hoorn., 211–212). Если тварь — плоть — не соединима с Богом, то нет Христа.	Пещеры — каменные, потому что «камень» есть Христос (1 Кор 10: 4), а пещеры — это высокие сокровенные тайны божественной Премудрости об ипостасном соединении во Христе человеческой природы с Божественным Словом, а также сходство между этим соединением и связью людей с Богом. Поэтому апостол Павел сказал, что во Христе «сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол 2: 3) [2, с. 188].	*Тварное, по мысли Иоанна Креста, может отвлечь внимание от Бога, если сосредоточить на нем свое внимание. Сосредоточиваясь же на богопознании, человек постигает тайну боговоплощения Христа.*

3	«Кто хочет видеть Бога в чувственном образе, тот никогда ничего не уразумеет в Нем», — учит Иоанн Креста. Что же значит «чувственный образ» Бога в воплощении Сына Божия?	Через богосоставленность Он совершил большее деяние, чем во всех чудесах и поступках, на земле и на небе: Он примирил и соединил по благодати человеческий род и Бога («*Восхождение*») [22, с. 252].	*Христос Иоанна Креста это Господь Распятый, путь к блаженству богоообщения ведет через приобщение к полному самоотречению Христа на Кресте.*
5[10]	В том же опыте «самоуничтожения» Воскресение Христа как бы вовсе отсутствует. <...> Воскресение не нужно ему — нужна только Голгофа, Крест бесконечный и окончательный, как символ Самоуничтожения.	Не верьте и не следуйте никаким широким учениям, хотя бы и подтвержденным чудесами. Не ищите Христа без креста. («*Письмо Луису Св. Ангела*») [22, с. 1327]. Самое чистое страдание приносит и самое глубинное и чистое понимание, а следовательно и самое чистое и возвышенное наслаждение («*Духовный гимн*») [22, с. 915].	*См. выше.*
6	«Чувственная радость» Таинства Евхаристии есть для Иоанна Креста «немощь», почти грех «начинающих», principantes[11], «не совершенно очищенных» от соблазна плоти (Baruzi, 565).	Привязанность к духовного рода удовольствию происходит от слабости и нестойкости. Она может причинить зло и вред не меньшие, чем ослабление духовных и телесных подвигов, теплохладность и небрежность по отношению к таинствам Исповеди и Евхаристии («*Восхождение*») [22, с. 474].	*Иоанн предостерегает против услаждения церковными таинствами, как проявлению духовного баловства и преграде к богообщению.*

Главное противоречие Иоанна Креста, по Д.С. Мережковскому, проявляется в вопросе о вере.

«Самое страшное в этой Ночи Духа, — пишет Д.С. Мережковский, — потеря веры: здесь совершается умерщвление не только всех земных, плот-

10 Д.С. Мережковский не определил четвертую бездну.

11 Орфографическая, «офранцуженная», ошибка Д.С. Мережковского. Нужно: principiantes.

ских, но и всех духовных, небесных радостей, потому что “любовь к благам сверхъестественным делает соединение (человека) с Богом таким же невозможным, как и любовь к благам естественным” (Dem., 134)» [17, с. 184]. Здесь Д.С. Мережковский не только меняет смысл цитаты из «Восхождения», отождествляя Бога и Его дары, он выносит за скобки одну из главных тем этого сочинения: вера — это лучший из способов богообщения, составляющего смысл нашего существования. Иоанн пишет: «Самое близкое и доступное нам средство понимания того, как душа может войти в союз любви с Богом, это вера, потому что между верой и Богом имеется чрезвычайное сходство. Как Бог бесконечен, так и вера предлагает нам Его бесконечного; как Он есть Троица и Единица, так и вера предлагает нам Его Троичным и Единым; как Бог есть тьма для нашего разумения, так и вера ослепляет и погружает во мрак наше понимание. Итак, лишь посредством веры Бог является душе в божественном свете, превосходящем всякое разумение. И потому чем сильнее вера, тем сильнее союз души с Богом» [3, с. 114].

Из этого же воображаемого неверия своего персонажа следует и другое допущение Д.С. Мережковского: «“Темная Ночь” Иоанна Креста не окончена: бóльшая часть ее потеряна или уничтожена, может быть, Инквизицией, а может быть, и им самим, или не дописана, оттого, что и ему было слишком страшно то, что он хотел и должен был сказать в этой части книги (Hoorn., 141. Abr., 158), потому что о “потере веры” он говорит, конечно, не по чужому, а по своему собственному “преисподнему опыту”. А если бы он ее дописал, и судьи его, инквизиторы, прочли ее, то, вероятно, он был бы или сожжен на костре и уж, во всяком случае, венцом святости не был бы увенчан» [17, с. 185]. Причиной того, что «Восхождение» и «Ночь» не окончены, было другое. Ф. Руис Сальвадор пишет: «Так как тема “Ночи” — пассивная ночь души — была менее известна и изучена, Иоанн прервал “Восхождение” и начал новый комментарий, но так и не закончил ни тот ни другой. Его утомляло писание, и при первой же возможности он бросал перо. Его подлинным призванием была не литература, а устная проповедь» [14, с. 431].

Экстаз как тема и способ изложения

Д.С. Мережковский использует различные технические приемы для конструирования образа Иоанна Креста.

1) Собирание событий в ракурсе единой метафоры. Так, с образом колодца (в детстве мальчик Хуан — будущий Иоанн — упал в колодец и был чудесным образом спасен от гибели) связываются побег из тюрьмы, когда Иоанн повис на веревке в шаге от пропасти, и учение о пустоте «Ночи Духа». Разрозненные события соединяется *воображаемой линией* в судьбу, нередко позволяя автору делать проницательные наблюдения. Однако то и дело точкой смотрящего на эту судьбу оказывается око Вселенской Церкви так, как ее представлял себе Д.С. Мережковский, и в таком случае жизнь и учение Иоанна оказываются подчиненными прихоти странного промысла: от элевсинских мистерий[12] к «Третьей Церкви Духа»: «Глубже колодца мединского был для него черный колодец одиночества; чудом Божьим спасся он из того, и из этого — таким же чудом — встречей с Терезой.

После этой встречи он и начнет великое дело всей жизни своей — Реформы — может быть, ему самому еще невидимый, но уже действительный путь от настоящей Римской Церкви к будущей Церкви Вселенской»[13] [17, с. 227].

2) Ассоциация идей, свойственных другим его персонажам, например, Лютеру, с учением Иоанна Креста: «Ужас человека в Ночи Духа, и может быть, и самого Иоанна Креста — ужас Лютера: “Бог хранит для нас великие искушения, в которых мы уже не знаем, не диавол ли Бог и не Бог ли Диавол” (Лютер, 31). Или еще страшнее: нет ни Бога, ни диавола, и правы безбожники» [17, с. 186]. Или: «Не только сомнение Вольтера, но и отрицание христианства у такого великого мудреца, как Спиноза, перед сомнением и отрицанием такого великого святого, как Иоанн Креста, — ничто, потому что те падают в яму, а этот — в преисподнюю» [17, с. 185].

3) Деконтекстуализация. Цитата (иногда неточная) помещается в иной контекст, как мы это видели раньше, говоря о идее «Богосупружества».

12 «Через св. Дионисия Ареопагита, который мог быть посвящен в Еливзинские таинства, св. Иоанн Креста связан с религиозным опытом всего дохристианского человечества, с тем, что происходило во всех древних таинствах, от Египта и Вавилона до Елевзиса и Самофракии, — с Теогамией, Богосупружеством (Авг., 197)» [17, с. 198].

13 Таким же образом-судьбой является тема сифилиса (от больницы, где мальчиком прислуживал Хуан — до Сифилиса с прописной как «половой чумы» всего человечества).

4) Арифметизация. Еще Н.А. Бердяев отметил пристрастие Д.С. Мережковского к троичности[14]: три кармелита, три церкви (Петра, Иоанна и Павла), шесть бездн (пусть их на самом деле и пять). «Три вещи — лампада с железной ручкой в виде крючка, игла и нитки — внушили узнику первую мысль о побеге (Demim., 83)» [17, с. 151]. Тройки закольцовывают судьбу Иоанна, делая его пленником таинственного Промысла, чьи арифметические загадки и сложные алгебраические построения раскрываются силой интуитивного, пророческого воображения автора.

5) Гиперболизация. Д.С. Мережковский время от времени «повышает голос»: то прибегает к прописным буквам, то использует громкие определения. Например, во фразе: «великое открытие ИК — вечное взаимодействие Ничего и Всего» [17, с. 131], ложным будет не столько смысл (хотя и он не верен), сколько слово *великое*. Так же звонко звучат и первые слова следующего утверждения: «*Первая и последняя правда* (выделено нами. — *М.И.*) всего человечества, что Бог есть Личность — и человек тоже. Крайнего напряжения достигает воля к Личности в наиболее личном и внутреннем, брачном соединении человечества с Богом» [17, с. 59]. Иоанн Креста превращается в некоего борца, противостоящего Церкви: «С бóльшею силою не восставал на Римскую Церковь ни Лютер, ни Кальвин. Это уже не обман Иллюминатства — Протестантизма, а его святая правда» [17, с. 174].

Эти и другие технические приемы позволяют Д.С. Мережковскому создать образ Иоанна Креста, который, хотя и отличен от исторического, обладает художественной цельностью. Цельность эта держится на единстве метода, который можно назвать «экстатическим». Восторженность, столь чуждая историческому Иоанну, пронизывает всю трилогию. Здесь метод и предмет становятся почти не отличимыми друг от друга. «Только здесь, около Трех, подымается буря того Экстаза, чья высшая точка — Богосупружество» [17, с. 203].

14 Ср.: «Все и всех подводит он под одну схему, под один трафарет. Образуется клише, посредством которого почти автоматически находится выход из двух безвыходных тайн в третьей тайне, из двух взаимоисключающих антитез в синтезе самого Мережковского. Настоящей энергии творческой мысли в этом не чувствуется. <…> Он остается в вечном двоении, и это двоение — наиболее характерное, наиболее оригинальное в нем. Ему нравится это двоение, это смешение образа Христа и Антихриста, эта неясность в различении подлинного и обманного» [1, с. 335].

Иоанн Креста предостерегал против поиска восторженных духовных состояний, считая этот поиск заменой жажды истинного богообщения, вот почему столь сложным и противоречивым выглядит его персонаж под пером Д.С. Мережковского.

Заключение

«Испанским мистикам» не хватает кинематографической живости красок и разнообразия персонажей, как, например, в «Александре I» или «Леонардо»: сказывается тот факт, что Д.С. Мережковскому не удалось побывать в Испании, а сама Испания в годы работы над книгой пребывала в послевоенном дыму. Но в этом claroscuro «Мистиков» есть вполне подходящая предмету барочность и монашеская атмосфера. И в ней отчетливее звучит голос Д.С. Мережковского, пусть и спрятавшегося за очередную римскую «говорящую статую». От статуи ему понадобились лишь монашеское облачение, изможденный вид и экстатический взгляд вверх, к Распятию.

Интерес к темному, скрытому, странному, извращенному: неверующий святой, визионерка с подавленным эросом, темные сны, постыдные мысли у ребенка — всему этому посвящены теневые страницы кармелитской трилогии. Чем парадоксальнее, тем святее, чем ближе к неназываемому, тем выше и величественнее показаны кармелиты. Зачем «вселенской церкви» именно такие персонажи? Не настоящие грешники и мытари, составившие первую Церковь, а святые, балансирующие на грани отчаяния и безверия?

Д.С. Мережковский ищет у Иоанна Креста страдания, в то время как весь Иоанн Креста — ясность и кротость. «Это мистик, влюбленный в Бога, богослов любви, желающий поделиться своим светоносным опытом, чтобы помочь другим идущим по духовному пути», — пишет А. Балдеон-Сантьяго [8, с. 1115]. Даже о горении души, соединенной с Богом, Иоанн Креста говорит тихо. А Д.С. Мережковский делает из Иоанна некоего экстатического безумца на краю бездны. Писатель настойчиво возвращается к своим утверждениям, как заклинатель, поскольку в основе его художественного метода лежит экстаз. Д.С. Мережковский примеряет маску поэта-мистика затем, чтобы самому стать таким поэтом-мистиком — и чтобы сразу обнаружить в себе отсутствие настоящего мистического опыта. Тогда он начина-

ет внушать персонажу свои идеи. Экстаз перестает быть темой и становится принципом описания.

Мы рассмотрели то, как это происходило, чтобы помочь возможному будущему критическому изданию этого текста, а также читателям этой художественной биографии Иоанна Креста.

Список литературы

Исследования

1 *Бердяев Н.А.* Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2001. С. 331–353.

2 *Игнатьева М.Ю.* «Вертоград заключенный»: мариология в поэзии Иоанна Креста // Медиа Альманах. 2019. Вып. 1. С. 196–203.

3 *Мень Александр, прот.* Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна Гиппиус // Русская религиозная философия. М.: Издат. дом «Жизнь с Богом», 2008. С. 181–224.

4 *Осипова М.П.* «Темная ночь» Хуана де ла Крус (Святой Хуан де ла Крус. Темная ночь. Рецензия) // Волшебная гора. Традиция, религия, культура. М.: Волшебная гора, 2007. Вып. XIII. С. 79–82.

5 *Пахмусс Т.* Св. Тереза Испанская и св. Иоанн Креста // *Мережковский Д.С.* Испанские мистики. Томск: Водолей, 1998. С. 9–20.

6 Эрос. Россия. Серебряный век / сост. А. Щуплов. М.: Серебряный бор, 1992. 304 с.

7 Abrégé de toute la doctrine mystique de Saint Jean de la Croix par C.H. Editions de la vie spirituelle, 1925. 248 p.

8 *Baldeon-Santiago A.* Padecer // Diccionario de San Juan de la Cruz. Burgos: Monte Carmelo, 2000. P. 1115–1117.

9 *Baruzi J.* Saint Jean de la Croix et le problème de l’expérience mystique. Paris: Librairie Félix Alcan, 1931. 740 p.

10 *Bord A.* Jean de la Croix en France. Paris: Beauchesne, 1993. 278 p.

11 *Bruno de J. M., Fr.* Saint Jean de la Croix. Paris: Librairie Plon, 1929. 482 p.

12 *Demimuid M.* St. Jean de la Croix. Paris: Librairie Victor Lecoffre, 1916. 210 p.

13 *Egido T.* Claves históricas // *Introducción a la lectura de San Juan de la Cruz.* Salamanca: Junta de Castilla y Leon, 1993. P. 59–124.

14 *Ruiz Salvador F.* Introducciones y notas doctrinales // *San Juan de la Cruz. Obras completas.* Madrid: Editorial de espiritualidad, 1993. 1214 p.

Источники

15 *Иоанн Креста.* Песни души: полное собрание стихотворений / пер., вступ. ст., коммент. М. Игнатьевой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2021. 240 с.

16 *Мережковский Д.С.* Испанские мистики. Брюссель: Издат. дом «Жизнь с Богом», 1988. 384 с.

17 *Мережковский Д.С.* Испанские мистики. Томск: Водолей, 1998. 288 с.

18 *Мережковский Д.С.* Св. Иоанн Креста // Новый журнал. 1961. № 64–65. С. 10–44.

19 *Jean de la Croix, St.* La Nuit obscure et la Vive flamme d’amour de Saint-Jean de la Croix // *Œuvres spirituelles du Saint.* 1918. Vol. 3. Ed. H. Hoornaert. Sté St-Augustin/ Desclée de Brouwer.

20 *Jean de la Croix, St.* Le Cantique spirituel et les sentences et avis spirituels de saint Jean de la Croix, Lille, Société St. Augustin, 1918. 410 p.
21 *Juan de la Cruz, S.* Obras del Místico Doctor San Juan de la Cruz. Edición crítica. Ed. P. Gerardo de San Juan de la Cruz. Viuda e hijos de J Pelàez, 1912–1914. 3 v.
22 *Juan de la Cruz, S.* Obras completas. Ed. Eulogio Pacho. Monte Carmelo, 2010. 1358 p.
23 *Teresa de Jesús, S.* Obras completas. Madrid^ Felipe González Rojas, 1902. Vol. 1. 676 p.

References

1 Berdiaev, N.A. "Novoe khristianstvo (D.S. Merezhkovskii)" ["New Christianism (D.S. Merezhkovsky)"]. *D.S. Merezhkovsky: pro et contra* [D.S. Merezhkovsky: pro et contra]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2001, pp. 331–353. (In Russ.)
2 Ignat'eva, M.Iu. "'Vertograd zakliuchennyi': mariologiia v poezii Ioanna Kresta" ["'Hortus Conclusus': Mariology in the Poetry of John of the Cross"]. *Media Al'manakh*, no. 1, 2019, pp. 196–203. (In Russ.)
3 Men', Aleksandr, prot. "Dmitrii Sergeevich Merezhkovskii i Zinaida Nikolaevna Gippius" ["Dmitry Sergeevich Merezhkovsky and Zinaida Nikolaevna Gippius"]. *Russkaia religioznaia filosofiia* [*Russian Religious Philosophy*]. Moscow, Zhizn' s Bogom Publ., 2008, pp. 181–224. (In Russ.)
4 Osipova, M.P. "'Temnaia noch'' Khuana de la Krus (Sviatoi Khuan de la Krus. Temnaia noch'. Retsenziia)" ["'Dark Night' by Juan de la Cruz (Saint Juan de la Cruz. Dark Night. Review)"]. *Volshebnaia gora. Traditsiia, religiia, kul'tura* [*Magic Mountain. Tradition, Religion, Culture*], issue XIII. Moscow, Volshebnaia gora Publ., 2007, pp. 79–82. (In Russ.)
5 Pakhmuss, Temira. "Sv. Tereza Ispanskaia i sv. Ioann Kresta" ["St. Teresa of Spain and St. John of the Cross"]. Merezhkovsky, D.S. *Ispanskie mistiki* [*Spanish Mystics*]. Tomsk, Vodolei Publ., 1998, pp. 9–20. (In Russ.)
6 *Eros. Rossiia. Serebrianyi vek* [*Eros. Russia. Silver Age*], comp. A. Shchuplov. Moscow, Serebrianyi bor Publ., 1992. 304 p. (In Russ.)
7 *Abrégé de toute la doctrine mystique de Saint Jean de la Croix*. Paris, Editions de la vie spirituelle, 1925. 248 p. (In French)
8 Baldeon-Santiago, Alfonso. "Padecer." *Diccionario de San Juan de la Cruz.* Burgos, Monte Carmelo, 2000, pp. 1115–1117. (In Spanish)
9 Baruzi, Jean. *Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique*. Paris, Librairie Félix Alcan, 1931. 740 p. (In French)
10 Bord, André. *Jean de la Croix en France*. Paris, Beauchesne, 1993. 278 p. (In French)
11 Bruno de J. M., Fr. *Saint Jean de la Croix*. Paris, Librairie Plon, 1929. 482 p. (In French)

12 Demimuid, Maurice. *St. Jean de la Croix*. Paris, Librairie Victor Lecoffre, 1916. 210 p. (In French)
13 Egido, Teófanes. “Claves históricas.” *Introducción a la lectura de San Juan de la Cruz*. Salamanca, Junta de Castilla y Leon, 1993. P. 59–124. (In Spanish)
14 Ruiz Salvador, Federico. “Introducciones y notas doctrinales.” *San Juan de la Cruz. Obras completas.* Madrid, Editorial de espiritualidad, 1993. 1214 p. (In Spanish)

Научная статья с публикацией архивных материалов / Research Article and Publication of Archival Documents

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

К ИСТОРИИ КРИТИКИ ПОВЕСТИ «ВПРОК» А.П. ПЛАТОНОВА: О ВОЗМОЖНОМ ПОВОДЕ ДЛЯ «БОЛЬШОГО ВЗРЫВА»

© 2021 г. Е.В. Антонова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Дата поступления статьи: 15 октября 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 07 декабря 2020 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-246-261

Аннотация: В статье с привлечением новых материалов уточняется история опубликования и начального этапа критики повести А.П. Платонова «Впрок». В частности, предпринимается попытка внести как можно большую определенность в установление даты выхода содержавшего «Впрок» выпуска «Красной нови» и даты ознакомления И.В. Сталина с этим произведением. Высказывается предположение о том, что внимание Сталина было привлечено к данной публикации благодаря упоминанию «Впрок» в заметке критика Г.В. Адамовича, напечатанной в эмигрантской газете «Последние новости». На основе свидетельств С.И. Канатчикова и В.А. Сутырина уточняется характер «заседания Политбюро», на котором перед редактором «Красной нови» А.А. Фадеевым была поставлена задача по развертыванию критической кампании, посвященной «Впрок». Отмечается, что газета «Последние новости» какое-то время отслеживала ситуацию со «Впрок» и реагировала на критические публикации по этой теме центральных газет «Правда» и «Известия». Статья дополнена документальными материалами: выдержками из дневника писателя И.В. Евдокимова и соответствующими заметками из газеты «Последние новости».

Ключевые слова: А.П. Платонов, повесть «Впрок», И.В. Сталин, Политбюро, журнал «Красная новь», Г.В. Адамович, газета «Последние новости», реальный комментарий, датировка.

Информация об авторе: Елена Викторовна Антонова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3659-8994

E-mail: antonova.imli@gmail.com

Для цитирования: *Антонова Е.В.* К истории критики повести «Впрок» А.П. Платонова: о возможном поводе для «большого взрыва» // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 246–261. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-246-261

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

ON THE HISTORY OF CRITICAL PERCEPTION OF THE STORY "FOR FUTURE USE" BY PLATONOV: ABOUT A POSSIBLE REASON FOR THE "BIG BANG"

© 2021. Elena V. Antonova
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: October 15, 2020
Approved after reviewing: December 07, 2020
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: The article uses new materials to clarify the history of publication and the initial stage of criticism of Andrey Platonov's story "For Future Use." In particular, it attempts to bring as much clarity as possible as far as the date of the story's publication in the magazine *Krasnaia Nov'* is concerned and also to clarify the date of Stalin's acquaintance of with this story. It is argued that Stalin's attention was drawn to this publication due to its mentioning by critic G.V. Adamovich, in a note published in the emigrant newspaper *Poslednie Novosti*. Based on the evidence of S.I. Kanatchikov and V.A. Sutyrin, the author clarifies the nature of the "Politburo meeting," at which the editor of *Krasnaia nov'* A.A. Fadeev, was assigned the task of launching a critical campaign against *For Future Use*. The newspaper *Poslednie novosti* for some time monitored the situation with the novel and reacted to critical publications on this topic in central newspapers such as *Pravda* and *Izvestia*. The article is supplemented with documentary materials: excerpts from the diary of the writer I.V. Evdokimov and relevant notes from the newspaper *Poslednie novosti*.

Keywords: A.P. Platonov, story "For Future Use," I.V. Stalin, magazine *Kransaya Nov,'* Politburo, G.V. Adamovich, newspaper *Poslednie novosti*, comment, dating.

Information about the author: Elena V. Antonova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3659-8994
E-mail: antonova.imli@gmail.com

For citation: Antonova, E.V. "On the History of Critical Perception of the Story 'For Future Use' by Platonov: About a Possible Reason for the 'Big Bang'." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 246–261. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-246-261

Уже чуть более девяноста лет прошло с того момента, когда повесть А.П. Платонова «Впрок», напечатанная в журнале «Красная новь» (далее — *КН*), была прочитана И.В. Сталиным, вслед за чем писателю пришлось пережить поистине разгромную критическую кампанию. Однако и до настоящего времени прояснены не все вопросы, связанные с этой историей. В данной статье мы предполагаем еще раз, в дополнение к комментариям Н.В. Умрюхиной в недавно вышедшем 4-м томе Научного собрания сочинений Платонова [3, с. 373–416], уточнить хронологию публикации «Впрок» и рассмотреть первоначальный, непубличный этап ее обсуждения партийным руководством.

«Впрок» оказался в *КН* в самом начале 1931 г., где встретил радушный прием ответственного редактора, выходца из крестьянской семьи и ровесника Платонова, И.М. Беспалова [5, с. 301]. Еще в первых числах февраля, приблизительно тогда, когда повесть проходила предварительную вычитку[1], Федерация объединений советских писателей (ФОСП) приняла решение перестроить *КН* и, в частности, сделать журнал собственным печатным органом[2]. 15 февраля это решение было закреплено опросом членов Оргбюро ЦК ВКП(б) и зафиксировано в протоколе от 21 февраля[3]. Решение Оргбюро утвердило и новый состав редколлегии во главе с А.А. Фадеевым: писатели Л.М. Леонов и Вс.В. Иванов (единственный представитель старой

1 Штамп с соответствующей датой предварительной вычитки был проставлен на машинопись «Впрок» (ОР ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 1); к настоящему времени цифра, обозначающая день из 1-й декады февраля, расплылась и не прочитывается.

2 Литературная газета. 1931. 9 февраля. С. 4.

3 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 215. Л. 13, 260.

редколлегии), а также Ф.А. Горохов и Ф.Я. Кон[4]. За этим постановлением Оргбюро последовала необходимая формальность — аналогичное постановление ФОСП от 31 февраля[5].

К тому времени, когда А.А. Фадеев сменил И.М. Беспалова, «Впрок», скорее всего, находился в наборе. К сожалению, хронология редакционно-издательского процесса *КН* за этот период почти не поддается восстановлению, в связи с чем точно установить, что происходило с этим номером журнала в начале марта, весьма затруднительно. Сам А.П. Платонов спустя год, в феврале 1932 г., вспоминал: «...новый редактор посмотрел, потребовал переработки, опять началась переработка...» [5, с. 301]. Редактирование текстов на этапе верстки, естественно, влекло за собой задержку выхода журнала, что отнюдь не было чем-то из ряда вон выходящим, но А.А. Фадееву, надо полагать, не хотелось затягивать с открытием новой, связанной с его именем страницы истории *КН*.

По косвенным свидетельствам предположим, что переработка «Впрок», как и всего номера в целом, не была слишком уж долгой и дотошной. Писатель И.В. Евдокимов, отдавший в фадеевскую *КН* повесть «Дорога» (опубликована в № 5–6), 18 марта записал в своем дневнике: «...к 25 марта готовят уже четвертую книжку, т. е. апрельскую. Рукописей бездна»[6], — речь здесь, по-видимому, идет об этапе работы, предшествующем передаче журнала в печать (кстати, относительно скоро, в связи со «Впрок», Евдокимов познакомится с Платоновым и посвятит этому событию пару дневниковых записей; см. ниже документ 1). Б.Л. Пастернак, чья «Охранная грамота» как раз и готовилась среди прочего к публикации в № 4, 21 марта уже имел в своем распоряжении рукопись, возвращенную ему из *КН* после набора [6, с. 105]. Похоже, в марте силы новой редколлегии были отданы главным образом № 4 — в таком случае предположим, что редакционная работа с № 3 была сочтена завершенной едва ли не в первой декаде месяца. Думается все-таки, что указание нового состава редколлегии

4 Горохов Федор Александрович (1902–1954); в № 3 и 4 КН Горохов ошибочно указан с инициалом «Л.». До начала 1931 г. являлся директором Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. Учитывая, что Горохов был откомандирован в Москву не ранее начала мая (на должность зам. директора Института философии Комакадемии), его участие в редактировании КН представляется чисто номинальным.

5 РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. Ед. хр. 513. Л. 40.

6 РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 140. Л. 23 об.

на «платоновском» выпуске *КН* являлось в большей степени формальностью, нежели соответствовало усилиям, затраченным на переработку выпуска, полученного «в наследство» от И.М. Беспалова.

Мы полагаем тем не менее, что эта принадлежность № 3 двум редколлегиям, его, так сказать, «пограничность», могла придать А.А. Фадееву решимости для публикации «Впрок». Как известно, Фадеев познакомился со «Впрок» еще в 1930 г., в качестве редактора журнала «Октябрь», но, при всем желании осуществить публикацию, предпочел не рисковать[7]. В 1931 г. он словно бы получил новый шанс напечатать повесть волей возглавляемой им редколлегии, в случае же провала имелась возможность переложить часть ответственности на предшественников. Если верить свидетельству В.А. Сутырина, якобы попавшего на заседание Политбюро, посвященное разбору «Впрок», эта двойственность ситуации действительно сыграла Фадееву на руку[8].

Как бы то ни было, А.А. Фадеев не воспрепятствовал публикации «Впрок», и никакой особой реакции повесть поначалу не вызвала. С известной долей условности предположим, что № 3 *КН* вышел где-то в конце марта[9], и, к счастью для А.П. Платонова, до начала скандала, разразившегося на рубеже мая-июня, он успел получить собственную жилплощадь в новом писательском доме в Театральном проезде.

Вполне возможно, что процесс критического осмысления повести был запущен кратким упоминанием о «Впрок» в эмигрантской газете

7 Со 2-й половины 1929 г. (с № 8) А.А. Фадеев являлся «врид» ответственного редактора журнала «Октябрь»; при нем в № 7 и 8 «Октября» (1930) были напечатаны анонсы планируемой публикации «Впрок»; указанные номера вышли предположительно в августе и сентябре (известно, что № 5–6 вышел только в конце июля, см.: Известия. 1930. 26 июля). Объявления «Октября» дублировались также в журнале «На литературном посту», где анонсы со «Впрок» попали в № 18 и 19 (сентябрьский и октябрьский). Возможно, удержаться тогда от напечатания «Впрок» А.А. Фадееву помогли относительно свежие воспоминания об истории с публикацией им же платоновского «Усомнившегося Макара» (Октябрь. 1929. № 9).

8 Воспоминания Сутырина, относящиеся к истории со «Впрок», изначально известны в изложении Л.Э. Разгона, в дальнейшем воспроизводились в трудах Г.А. Белой [1, с. 297–299]. Следует учитывать, что далеко не все детали этих поздних по времени воспоминаний выдерживают проверку на достоверность.

9 Подобный вывод сделан исходя из сведений о других номерах КН весны-лета 1931 г.: № 5–6 должен был выйти вскоре после 20 июня (см. в дневнике Евдокимова: РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 140. Л. 70 об.), № 7 — около 25 июля (см.: Литературная газета. 25 июля), сигнальный экземпляр № 9 вышел 28 сентября (дата вписана в штамп Главлита, на одном из экземпляров № из фонда ГПИБ).

«Последние новости», где в рубрике «Осколки» критик Г.В. Адамович, под псевдонимом *Сизиф*, еженедельно делился своими впечатлениями от просмотренных им советских литературных журналов. 21 мая Г.В. Адамович открыл рубрику сообщением о романе А.Н. Толстого «Петр I», помянул при этом о критике романа академиком С.Ф. Платоновым и далее, играя на совпадении фамилий, перешел ко «Впрок» Андрея Платонова (при этом критик ошибочно сообщил, что публикация состоялась в журнале «Октябрь»), выделив и процитировав сцену встречи одного из персонажей с Лениным (см. документ 2). Эпизод этот, кстати, представлен так, что создается впечатление, будто Г.В. Адамович мог счесть целью его написания выражение верноподданнических чувств самого писателя в отношении Сталина.

Несмотря на общие ограничения, установленные с конца 1927 г. для подписки на эмигрантскую периодику, у партийной и государственной верхушки не могло быть никаких затруднений с доступом к «Последним новостям»; эту газету члены Политбюро получали персонально и, вероятно, достаточно оперативно[10]. Ознакомление Сталина с указанной заметкой было делом практически неизбежным, вдобавок речь зашла об упоминании его самого в произведении писателя А.П. Платонова, уже приобретшего печальную известность в связи с «Усомнившимся Макаром»[11]. В такой ситуации естественно было обратиться к полному тексту публикации.

Гнев Сталина, выплеснувшийся в его знаменитых ремарках на полях журнала, становится понятнее, если учесть жадное внимание буржуазной прессы к процессам, происходящим в СССР, и ответное желание предоставить зарубежному читателю идеологически приемлемые литературные произведения. Показательно в этой связи письмо первого секретаря советского полпредства Германии Б.Д. Виноградова, направленное Л.Л. Авербаху 13 апреля 1931 г.: «Суть дела коротко состоит в следующем. Буржуазная пресса, наряду с усиливающимся злопыхательством против нас, предъявляет большой спрос на информацию об эксперименте, производящемся в СССР, информацию, исходящую из самого СССР, из советских источников. При этом требуются не сухие официальные статьи и не перепечатки

10 См. документ, регламентирующий подписку членов ЦК на эмигрантские газеты в 1931 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 204. Л. 217.

11 А.А. Фадееву за публикацию «Усомнившегося Макара», по его собственному признанию, «поделом попало от Сталина» [8, с. 304].

из наших газет, а оригинальные, написанные художественным языком и подписанные более или менее известными именами очерки о нашем строительстве, зарисовки быта и т. п. В связи с успехами пятилетнего плана и поездкой германских промышленников в Москву этот спрос на статьи и очерки необычайно усилился. Нас буквально засыпают предложениями печатать наши материалы. <...> Частенько буржуазные газеты и журналы по нашей вине принуждены бывают обращаться к “испытанному” источнику информации — белогвардейским литераторам. Мне кажется, что оставлять это дело в теперешнем положении никак нельзя. Мне думается, что ВАПП или Федерация писателей могли бы наладить в Москве эту работу. О значении этой работы в смысле борьбы с антисоветскими кампаниями в прессе, особенно в теперешний прединтервенционистский период, я распространятся не буду»[12].

Ознакомление Сталина со «Впрок», выяснение обстоятельств злосчастной публикации и выработка мер по «перевоспитанию» автора, как и в случае с «Усомнившимся Макаром», не могли занять много времени (стоит отметить, что в событиях, связанных с «Макаром» и «Впрок», вообще довольно много параллелизма). В 1929 г., к примеру, о выходе номера с «Усомнившимся Макаром» в газете «Известия» было сообщено 13 октября, а 22 октября А.А. Фадеев, сопутствуемый В.М. Киршоном, провел более часа на приеме у Сталина, где, возможно, и состоялся соответствующий разговор о «Макаре» [7, с. 31]. Главная же критическая статья по этому поводу («О целостных масштабах и частных Макарах») была оперативно написана Л.Л. Авербахом к концу октября, хотя публикация ее потом и подзатянулась[13].

В свою очередь, кампания по обличению «Впрок» в публичном пространстве стартовала с доклада В.М. Киршона, сделанного 3 июня на Пер-

12 РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 1–2.

13 В архивном фонде КН сохранилась книга учета рукописей, проходивших через журнал «На литпосту», где статья «О целостных масштабах...» числится в перечне «архива 15», датированного 1 ноября (РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 1761. Л. 29 об.; под заглавием: Архивные описи 1927–1932 гг.). Широкая читательская аудитория смогла ознакомиться со статьей Л.Л. Авербаха лишь 3 декабря в газетном варианте «Правды» (№ 283), где текст был ужат почти в два раза, не в ущерб, однако, разоблачительному пафосу. В полном объеме статья увидела свет в журнале «На литпосту» (№ 21–22) в середине декабря (см. извещение о выходе в газете «Правда» от 16 декабря), а замыкала эту череду публикация в сильно запоздавшем «Октябре» (№ 11).

вом расширенном пленуме МАПП; 4 июня краткий обзор этого доклада, с упоминанием «Впрок», был опубликован в газете «Вечерняя Москва», далее волна критики начала неуклонно нарастать. Накануне, 2 июня, в день открытия пленума Л.Л. Авербах, Б.М. Буачидзе, В.М. Киршон, Б.Л. Коваленко, И.С. Макарьев, В.А. Сутырин и А.А. Фадеев, а также Ф.А. Горохов побывали на приеме у Сталина [7, с. 45]. Однако полагаем, что вопрос со «Впрок» ко 2-му июня считался уже решенным, хотя во время встречи, продлившейся три часа (с 17:30 до 20:30), могли обговариваться некоторые нюансы запланированного на следующий день доклада Киршона.

По поводу кремлевского заседания, посвященного именно «Впрок», известны два свидетельства — будто бы участника этого события В.А. Сутырина и представителя беспаловской редколлегии *КН* С.И. Канатчикова, наоборот не удостоенного вызова на разбирательство[14]. Данное событие и Канатчиковым, и Сутыриным согласно именуется заседанием Политбюро (далее — *ПБ*). Отметим, что на встрече 2 июня из членов *ПБ*, помимо Сталина, присутствовали только В.М. Молотов, Л.М. Каганович и П.П. Постышев, что явно не представляется достаточным для подобной формулировки.

Поскольку в доступных ныне протоколах заседаний *ПБ* 1931 г. вопрос о «Впрок» в повестке дня не зафиксирован, предположим, что это заседание относилось к разряду внеочередных. Известно, что с начала 1931 г. к очередным заседаниям *ПБ* 5, 15 и 25 числа месяца официально добавились также заседания 10, 20 и 30 числа, чем, по мнению исследователей, были «легализованы» внеплановые собрания членов *ПБ*, неформально происходившие преимущественно в дни заседаний Оргбюро [4, с. 180–181; 2, с. 41–43]. Исследователями также высказывается предположение, что вопросы, обсужденные вне основного графика заседаний, фиксировались затем в протоколах *ПБ* в разделе «Решения Политбюро». С мая 1931 г. дополнительные заседания *ПБ* и вовсе стали оформляться отдельным протоколом решений *ПБ*. Соответствующий протокол есть для решений 10 и 20 мая, но не для 30-го. Однако какое-то собрание *ПБ* 30 мая все-таки состоялось, поскольку в протоколе заседания *ПБ* от 5 июня зафиксированы «решения Политбюро», принятые 30 мая (21 пункт!). Возможно, именно в этот день обсуждался и

14 6 июня 1931 г. С.И. Канатчиков счел нужным написать письмо Сталину по поводу своего неприглашения (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 201. Л. 25. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/41446/images (дата обращения: 12.12.2020).

«Впрок» А.П. Платонова. Но в любом случае повесть не была удостоена упоминания в протоколах ЦК (*ПБ*, Оргбюро или Секретариата), в отличие, например, от обсуждавшихся в разное время «Повести непогашенной Луны» Б.А. Пильняка, рассказа «Босая правда» А. Веселого, некоторых фельетонов Д. Бедного и др. Возможно, что для этого нужна была все же более высокая степень именно антипартийной направленности произведения.

Свидетельства С.И. Канатчикова и В.А. Сутырина совпадают, кстати, и в том, что на заседание *ПБ*, с разбором публикации «Впрок» вызывались члены старой редколлегии журнала, между тем никто из таковых не отмечен на приеме у Сталина 2 июля. В повествовании Сутырина имя экстренно доставленного «бывшего редактора» не оглашается, но весьма экспрессивно живописуется учиненный тому разнос. Не удивительно, что со временем этот безымянный редактор стал ассоциироваться с И.М. Беспаловым (см., например, посвященную ему статью Википедии), но стоит учитывать, что переведенный после *КН* в Иностранный отдел ТАСС (в резерве ТАСС с 4 апреля), Беспалов как минимум с 27 мая должен был находится по месту работы — в Стокгольме[15]. Между тем С.И. Канатчиков прямо сообщает имя того из старых редакторов, кому точно не удалось избежать вызова в Кремль: «Вызывая на это заседание меня и т. Васильевского, как бывших редакторов журнала “Красная новь” меня почему-то *не нашли*, хотя я находился в момент вызова вместе с тов. Васильевским».

Интересно, что после «большого взрыва», связанного со «Впрок», «Последние новости» еще какое-то время отслеживали судьбу А.П. Платонова по публикациям «Правды» и «Известий» (см. документы 3, 4). Самые первые статьи на эту тему, опубликованные другими газетами[16], вряд ли вообще попали в поле зрение эмигрантов. Критиком А.П. Платонова в «Правде» выступил спецкор В.Ф. Дятлов (см. ниже примеч. 6 к документу 1). А.А. Фадееву же за свою редакторскую ошибку пришлось расплатиться статьей «Об одной кулацкой хронике» («Известия», 3 июля)[17].

15 ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 17. Д. 15. Л. 205, 299. Заграничная работа Беспалова продолжилась до 1935 г.

16 *Селивановский А.П.* В чем сомневается Андрей Платонов // Литературная газета. 1931. 10 июня; Ханин Д.М. Пасквиль на колхозную деревню // За коммунистическое просвещение. 1931. 12 июня.

17 Статья А.А. Фадеева вышла также в № 5–6 КН, вероятно даже несколько ранее газетного варианта (см. примеч. 9).

Реакция «Последних новостей» была хотя и оперативной, но достаточно формальной: примечательно, что цитирование текста «Впрок» в этих заметках не выходит за пределы отрывков, приведенных в советских газетах. О роли, которую эти анонимные реплики «Последних новостей» могли сыграть в последующей судьбе А.П. Платонова, остается только догадываться.

Приложение

1

ИЗ ДНЕВНИКА И. ЕВДОКИМОВА

13 июня. <...> Я проморгал очень одаренного писателя Андрея Платонова, смешав его с Алексеем Платоновым[1], очень бездарным писателем. И не читал настоящего. Теперь я купил его книжки: «Епифанские шлюзы» и «Рождение мастера»[2]. Даровитейший человек, настоящий писатель, остр, талантлив, превосходен по яркости и наблюдению, силен по языку, — но совершенно чужой эпохе. В «Кр<асной> нови» из-за него скандал. В третьей книжке помещена повесть «Впрок». Будто бы Сталин написал после прочтения следующую рецензию: «Впредь это будет нам “впрок”. Негодяй, мерзавец, гад». Новая редакция в составе А. Фадеева, Леонова и Иванова печатает в 5–6 книжке покаянную статью и отрекается от Платонова. Федерация получила выговор. «Впрок» я не читал, но из статьи Селивановского в «Лит<ературной> газ<ете>»[3] чувствуется, что Платонов написал действительно что-то злостное, зубоскальское и враждебное, перегнув свой сатирический дар прямо в антисоветский крен. Вообще с Платоновым все время скандалы: «Усумнившийся Макар», «ЧЧО», «Впрок». Но писатель он очень даровитый. Видел его в «Кр<асной> нови» и познакомился[4]. Угрюм. Смотрит волком. Очень сдержан и мало приятен. Не люблю молчаливых.

18 июня. Прочитал «Впрок». Гиперболическое издевательство над колхозным движением, сплошной идиотизм деревни, злые колкости по адресу партии, Старика[5] как вождя, а в общем сплошной глум. В «Правде» сегодня во многом верная, хотя и беспокойная, с излишней бранчливостью, статья какого-то Дятлова[6]. В статье А. Платонов «классовый враг». Это близко к истине. Удивительно только то, что ведь Ан<дрей> Платонов бывший рабочий, он же не может защищать дело чуждого ему класса. Нет,

тут ошибка. Платонов не допонял широты идеи коллективизации, временные трудности заслонили пред его глазами грандиозную переустроительную идею. За всем тем «Впрок» очень талантливо, но значительно уступает «Рождению мастера». Платонов владеет превосходным и метким словом. Столько нового и свежего, что сразу чувствуется особый энергичный платоновский стиль. «Вечерка» сообщает сегодня, что ГИХЛ командировал А. Платонова на Ростовский сельмашстрой, чтобы писатель там вел культработу, написал очерки о героях пятилетки и давал литконсультацию[7]. Или это сознательная издевка, или А. Платонов хочет исправиться попробовать написать рабочих. Он так талантлив, что он это может, и ГИХЛ поступил правильно.

Публикуется по: РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 140. Л. 67–67 об.

[1] Настоящее имя Петр Алексеевич Романов (1900–1941).

[2] Правильное название книги «Происхождение мастера».

[3] Статья «В чем сомневается Андрей Платонов» (опубл. 10 июня).

[4] Примечательно, что совсем незадолго до этого Евдокимов познакомился также и с первооткрывателем Платонова — Г.З. Литвиным-Молотовым: «Последнюю главу “Дороги” <*нрзб*> снес в “Народный учитель”. Попробуем там напечатать. Обещали 24 мая дать ответ. Редактор Литвин-Молотов. Знаю его по ГИЗу. Величайшей добросовестности человек и чистейший чиновник. Он заведовал редпланом ГИЗа. Работал страшно добросовестно, читал буквально каждую строчку каждой наипустейшей бумажки, дико осторожен и, кажется, честен и беспристрастен на редкость. Если понравится, то возьмет» (Там же. Л. 55 об.; запись от 20 мая).

[5] Одна из партийных кличек В.И. Ленина.

[6] Автор статьи «Больше внимания тактике классового врага» — Василий Федорович Дятлов, сотрудник редакции газеты «Правда» (в 1933 г. введен в состав редколлегии); в феврале 1934 г. командирован на партийную работу на Северный Кавказ.

[7] В разделе «Литературная хроника» «Вечерней Москвы» от 18 июня было помещено сообщение: «ГИХЛ командировал *Андрея Платонова в Ростов-Дон на завод Сельмаш*. Писатель должен дать для издательства *зарисовки ударников* и вместе с тем примет участие в общественно-политической жизни завода и организует там литконсультацию». Какие-либо дополнительные сведений об этой поездке не выявлены.

Тремя днями ранее, 15 июня, «Вечерняя Москва» сообщала также о печатании в «Массовой библиотеке» ГИХЛ повести Платонова «Сокровенный человек». Вероятно, уже в ближайшее время издание было приостановлено и в итоге не состоялось.

2
ОСКОЛКИ

<...>

В журнале «Октябрь» напечатано произведение другого Платонова, — не буржуазного академика[1], а пролетарского писателя.

Это не роман и не повесть. Это «бедняцкая хроника» под названием «Впрок». Произведение замечательное. Особенно хороши страницы, где описывается, как бедняк Упоев добился приема у Ленина:

«Упоев, увидев Ленина, заскрипел зубами от радости и, не сдержавшись, закапал слезами вниз. Маленький человек сидел за столом, выставив вперед большую голову, похожую на смертоносное ядро для буржуазии. Упоев готов был размолоть себя под жерновом, лишь бы этот небольшой человек сидел за столом и чертил для вечности свои скрижали на бумаге...»

Ленин Упоева выслушал, обещал все дела его устроить, стал прощаться.

«Тягость трудовой жизни желтела на задумавшемся лице Ленина.

— Ты гляди, Ильич, не скончайся нечаянно... Тебе-то все равно, а нам-то как же? Ты главное не забудь оставить нам кого-нибудь вроде себя!»

Центр тяжести, конечно, в этой фразе. Дальше выясняется, что «без призору нас Ленин не покинул, из мудрых мудрейшего выделил» — Сталина.

Публикуется по: Последние новости. Париж. 1931. 21 мая. С. 3. Сообщено Н.В. Корниенко.

[1] В предшествующей части «Осколков» был упомянут историк, действительный член Российской академии наук Сергей Федорович Платонов (1860–1933; с января 1930 г. находился в заключении).

3
УКЛОН АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

«Правда» обнаружила правый уклон в журнале «Красная новь». «Уклонистом» оказался писатель Андрей Платонов, поместивший в этом журнале «Бедняцкую хронику», написанную, по словам «Правды», в щедринской манере и задуманную, как пасквиль на генеральную линию партии в целом и на политику сплошной коллективизации в частности и в особенности. Ленин изображен Платоновым как вождь люмпен-пролетариата, а ленинизм как несбыточная утопия.

Вот, что писал Платонов о Ленине: «Этот небольшой человек, думающий две мысли враз, сидел за своим столом и чертил для вечности, для всех безрадостных и погибающих свои скрижали на бумаге».

Рисуя желанный для него колхоз, Платонов мимоходом роняет: «беды в колхозе, пожалуй, не было, но и покоя жизни тоже никто не знал». Описывая коммуну, Платонов рассказывает, что в ней существует наемный труд, под флагом колхоза идет эксплуатация бедноты кучкой новых «колхозных» кулаков, которые в колхоз вступили бедняками, «а теперь накопили бугор имущества». Орган ЦК требует изгнания Платонова из среды советских литераторов, как «классового врага».

Публикуется по: Последние новости. Париж. 1931. С. 3.

4
ТРАВЛЯ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Травля, давно уже поднятая в советской печати против писателя Андрея Платонова, автора деревенских очерков, продолжается. В «Известиях» (3 июля) Платонову посвящен большой подвал.

Особенно возмущена газета очерком Платонова «Впрок», напечатанным в 3-й книжке «Красной нови». Об этом очерке писалось уже в «Последних новостях». Платонов рисует советские колхозы. В изображении автора «все они, — по словам «Известий», — царство сплошной нелепости и бессмысленности».

«Бестолочь, праздная суетня и вместе с тем эксплуатация труда — вот какими красками изображает Платонов колхозную жизнь».

А некоторые случаи, рассказанные Платоновым, действительно, в высшей степени колоритны.

«Колхозное электрическое солнце»

Платонов высмеивает «массовое движение за овладение техникой»

Руководитель коллектива «Доброе начало», красноармеец Кондров, занят, главным образом, изобретением «колхозного электрического солнца», которое светило бы «целиком в сторону колхоза». Он пишет устав для действия электросолнца:

«Солнце организуется для прикрытия темного и пасмурного дефицита небесного светила того же названия»...

«Колхозное солнце в то же время культурная сила, поскольку старые члены наешго колхоза и разные верующие остатки соседних колхозов и деревень дали письменное обязательство перестать держаться за религию при наличии местного солнца»...

«И в городах необходимо устроить районное общественное солнце, дабы техника всюду горела и гремела в нашей стране»...

«Бедняк Упоев»

Вот руководитель другого колхоза — «бедняк Упоев», говорящий «евангельским слогом, потому что марксистского он еще не знал».

«Упоев нарочно садился обедать среди отсталых девок и показывал им, как надо медленно и продуктивно жевать пищу, дабы от нее получилась польза и не было бы желудочного завала. Девки действительно из страха или сознания перестали глотать говядину целыми кусками. Раньше же у них постоянно бурчало в желудке от несварения»

Другой герой Платонова, «воинствующий безбожник», нарочно издевается над верующими:

— Вы, граждане, обладаете идиотизмом деревенской жизни, вас еще Карл Маркс предвидел...

Публикуется по: Последние новости. Париж. 1931. 6 июля. С. 3. Сообщено Н.В. Корниенко.

Список литературы

Исследования

1 *Белая Г.А.* Дон Кихоты революции — опыт побед и поражений. М.: РГГУ, 2004. 621 с.

2 *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Западное приграничье: Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934. М.: Алгоритм, 2014. 717 с.

3 *Платонов А.П.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Т. 4. Кн. 1. 653 с.

4 Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов / сост. О.В. Хлевнюк. М.: Издат. центр «АИРО-XX», 1995. 339 с.

5 Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г. // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии / сост., подгот. текстов и примеч. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. М.: Современный писатель, 1994. 494 с.

Источники

6 Борис Пастернак: Письма к И.А. Груздеву / публ. Е.Л. Пастернак // Звезда. 1994. № 9. С. 92–107.

7 На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.) / [авт.-сост.: А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев]. М.: Новый хронограф, 2008. 783 с.

8 *Фадеев А.А.* Собр. соч.: в 5 т. / под ред. Е.Ф. Книпович. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 5. 682 с.

References

1 Belaia, G.A. *Don Kikhoty revoliutsii — opyt pobed i porazhenii* [*Don Quixotes of the Revolution — Experience of Victories and Defeats*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2004. 621 p. (In Russ.)

2 Ken, O.N., Rupasov, A.I. *Zapadnoe prigranich'e: Politbiuro TsK VKP(b) i otnosheniia SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami, 1928–1934* [*Western Frontier: Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) and Relations of the USSR with Western Neighboring States, 1928–1934*]. Moscow, Algoritm Publ., 2014. 717 p. (In Russ.)

3 Platonov, A.P. *Sochineniia* [*Works*], vol. 4, book 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 653 p. (In Russ.)

4 *Stalinskoe Politbiuro v 30-e gody: Sbornik Dokumentov* [*Stalin's Politburo in the 1930s: a Collection of Documents*], comp. O.V. Khlevniuk. Moscow, "AIRO-XX" Publ., 1995. 339 p. (In Russ.)

5 *Stenogramma tvorcheskogo vechera Andreia Platonova vo Vserossiiskom Soiuze sovetskikh pisatelei 1 fevralia 1932 g. Andrei Platonov: Vospominaniia sovremennikov. Materialy k biografii* [*Transcript of Andrey Platonov's Creative Evening at the All-Russian Union of Soviet Writers on February 1, 1932. Andrey Platonov: Memoirs of Contemporaries. Materials for Biography*], comp., ed. prep. and comm. by N.V. Kornienko, E.D. Shubina. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1994. 494 p. (In Russ.)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

СЕЛЬСОВЕТ В ПАРИЖЕ: «ФРАНЦУЗСКИЙ» ЭПИЗОД В ПОВЕСТИ А.П. ПЛАТОНОВА «ВПРОК»

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 11 ноября 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 18 марта 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-262-273

Благодарность: Наталье Васильевне Корниенко.

Аннотация: Статья посвящена одному из эпизодов повести А.П. Платонова «Впрок (Бедняцкая хроника)». В сюжете о путешествии Ефима Нечаева в Париж, созданном в начале 1930 г. и сохранившемся только в первой редакции повести, очевиден отклик на международную проблематику партийных выступлений и газетных публикаций, а также узнаваемы литературные параллели с «заграничными текстами» других писателей (В.В. Маяковского, А.М. Горького). Эпизод о колхозном активисте, готовом начать коллективизацию и раскулачивание в Париже, а также оригинальным образом решить экономическую проблему СССР за счет придуманного им вида экспорта, прочитывается в контексте обострения советско-французских отношений и проведения всесоюзной кампании по сбору утильсырья. Реальный комментарий высвечивает гротескность платоновского сюжета, в котором политическая идея экспорта социалистической революции на Запад объединяется с хозяйственной задачей экспорта отходов за границу.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «Впрок», коллективизация, международная тема, Франция, Ефим в Париже, утильсырье, реальный комментарий.

Информация об авторе: Наталья Владимировна Умрюхина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4260-4764

E-mail: umnat@yandex.ru

Для цитирования: *Умрюхина Н.В.* Сельсовет в Париже: «французский» эпизод в повести А.П. Платонова «Впрок» // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 262–273. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-262-273

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

VILLAGE COUNCIL IN PARIS: "FRENCH" EPISODE IN THE STORY "FOR FUTURE USE" BY PLATONOV

© 2021. Natalia V. Umryukhina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: November 11, 2020
Approved after reviewing: March 18, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: Natalia V. Kornienko.

Abstract: The article focuses on one of the episodes of Andrey Platonov's story "For Future Use." The episode dealing with Efim Nechaev's trip to Paris is a response to international issues as discussed in the Communist Party official speeches and newspaper publications and has recognizable literature parallels with the so-called "foreign texts" by other writers (V.V. Mayakovsky, A.M. Gorky). This scene was written in early 1930 and was only kept in the first edition of the story. The aggravation of Soviet-French relationships and an all-Union recyclable materials collection campaign are both reflected in the passage involving a kolkhoz (collective farm) activist who is ready to start collectivization and dispossession of kulaks in Paris and trying to solve the economic problems of the USSR by a new original type of export which he invented. Explanatory notes reveal the grotesqueness of Platonov's plot combining the political idea of exporting the socialist revolution to the West and the economic task of waste export.

Keywords: Andrey Platonov, "For Future Use," collectivization, international theme, France, Efim in Paris, scrap, explanatory notes.

Information about the author: Natalia V. Umryukhina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4260-4764

E-mail: umnat@yandex.ru

For citation: Umryukhina, N.V. "Village Council in Paris: 'French' Episode in the Story 'For Future Use' by Platonov." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 262–273. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-262-273

Повесть А.П. Платонова «Впрок», написанная весной 1930 г. в период подведения первых итогов массового колхозного строительства, отразила широкий спектр актуальных вопросов реконструкции сельского хозяйства. В насыщенной реальными деталями «бедняцкой хронике» писатель откликнулся и на международную проблематику, вниманием к которой отмечены многие его произведения 1920-х гг.[1] Сюжетно «иностранная тема» оформляется в двух эпизодах хроники.

Среди вставок, включенных в автограф «Впрок», два фрагмента посвящены заграничным путешествиям героев. «Вставка Р» — это машинопись рассказа «Масло розы», сюжет которого ранее был использован в повести «Эфирный тракт» и в цикле «Родоначальники нации, или Беспокойные происшествия» (1927). Герой эпизода, Петр, спешит в Америку за маслом розы, от которого, как он верит, «все болезни пропадут»: «...нежное масло душных и пьяных роз способно построить вечные здания в древних балках его родины, и в этих зданиях поселятся довольные, счастливые бедняки со своими многочисленными семействами» [28, с. 304]. Осенью 1930 г., в период интенсивной работы над «Котлованом», от «утопического», по словам И.А. Саца[2], сюжета А.П. Платонов откажется — во вторую редакцию «Впрок», созданную с учетом замечаний многочисленных редакторов, этот фрагмент не войдет. Его контекст связан

1 См. повести «Город Градов», «Сокровенный человек», рассказы «Война» и «Областные организационно-философские очерки», а также примеч. к ним: [2, с. 661–662; 6, с. 607–608; 7, с. 507; 8, с. 714–715].

2 В своем выступлении на заседании редсовета Государственного издательства художественной литературы, на котором обсуждалась повесть «Впрок», И. Сац обратил внимание на этот фрагмент: «Это утопизм, вымысел» [12, с. 609].

с более ранним историческим периодом и уже привлекал внимание исследователей[3].

Актуальная международная проблематика «года великого перелома» определила сюжет другого эпизода, написанного не ранее начала 1930 г. В качестве «Вставки У» в автографе повести «Впрок» использован предположительно текст радиорассказа, созданного А.П. Платоновым для программы «Деревенский утренник» в период сотрудничества с «Крестьянской радиогазетой»[4]. Этот фрагмент посвящен путешествию председателя колхоза Ефима Нечаева в Париж. Ранее французская столица уже появлялась в топонимике платоновских произведений: в статьях[5], в предисловии к «Поэме о русском ребёнке» Ж. Шеневьера: «Нас там начинают жалеть и любить, но не жалость и любовь нам нужны, а смерть европейской буржуазии, пролетарское восстание Европы, взрыв золотого Парижа, гибель его бирж и бульваров» [1, с. 17] и в пародийном рассказе «Антисексус» (1925–1926) — в Париже находится одно из генеральных агентств по производству аппарата, а сам текст «рекламной брошюры» представлен как перевод с французского.

На протяжении 1920-х гг. Париж был одним из самых посещаемых советскими писателями европейских городов. В конце десятилетия там побывали В.Г. Лидин, М.Л. Слонимский, О.Д. Форш, И.Г. Эренбург, Л.Н. Сейфуллина, Вс.В. Иванов, Л.В. Никулин, И.Э. Бабель, В.М. Инбер, К.Л. Зелинский и др. Наиболее обсуждаемыми в литературной среде стали книги В. Инбер «Америка в Париже» (1928), Л. Никулина «Вокруг Парижа (Воображаемые прогулки)» (1929), О. Форш «Под куполом» (1929). Заметное влияние на «парижскую тему» в литературе этого времени оказал цикл стихотворений В.В. Маяковского «Париж» (1924–1925)[6].

В повествовании о Ефиме Нечаеве учтен опыт советских писателей в освоении «заграничной темы». Но герой платоновского травелога необычен для литературной традиции. Это колхозный активист, который «еще с семнадцатого года приобрел симпатию к обширной, общественной жизни и к энтузиазму кампаний, проводимых на селе благодаря спускаю-

3 Об истории сюжета «Масло розы» и о контекстах рассказа см. вступительную статью Н.В. Корниенко: [29, с. 359–365].

4 См.: [3, с. 583–585].

5 См., например, статью «Красный поток» (1920) [1, с. 495–497].

6 О путевых заграничных очерках советских писателей этого времени см.: [10].

щимся туда директивам» [28, с. 311]. Поэтому полученное задание «посмотреть там разную научность», изучить садоводство[7] Ефим не выполняет, увлекаясь тем обширным наказом, который ему дали «вдобавок»: «Особо же Ефим должен сосредоточиться на заграничном быте: сколько времени буржуй жует мясо во рту, долго ль беднячество будет обожать феодалов, и за что, как организованы там красота и счастье жизни, и когда настанет мгновенье раскулачиванья? И еще должен Ефим справиться — хватит ли заграничным товарищам революционных сил...» [28, с. 312].

В 1929–1930 гг. Франция, центр белой эмиграции, стала главным символом враждебных СССР сил на политической арене, обогнав в этой роли прежнего лидера — Англию: «С момента падения консервативного кабинета в Англии руководящая роль в антисоветском блоке перешла, несомненно, к Франции» [19, с. 1]. Значительную роль в осложнении отношений двух стран сыграл известный проект французского политика Аристида Бриана о создании панъевропейского объединения — Пан-Европы. Цель этого проекта — защита европейских стран против экспансии капитала США и революционных идей СССР: «Пан-Европа, как блок европейских капиталистических государств, по замыслу Бриана, должна быть противопоставлена Советскому Союзу и “большевистской опасности”, т. е. всему мировому революционному движению пролетариата и угнетенных народов» [31, с. 1][8].

Обстановка обострилась в начале 1930 г. после исчезновения в Париже белогвардейского генерала А.П. Кутепова. Советские газеты регулярно печатают сообщения о готовящемся нападении на посольство СССР во Франции и попытках спровоцировать серьезный конфликт между странами. Освещение в печати получила и скандальная история, связанная с пребыванием С.М. Эйзенштейна в «недружественном» Париже. Режиссеру

7 Для ознакомления с достижениями в области науки, техники и организации производства в заграничные командировки направлялись некоторые советские специалисты (работники Зернотреста, транспорта, химпромышленности и т. д.), о чем сообщали газеты, см., например: [17, с. 3; 32, с. 4; 23, с. 5]. В конце 1929 г. в Центральном бюро агросекции Наркомзема РСФСР после доклада «Об итогах заграничных командировок, проведенных в 1928–1929 гг.» президиум был вынужден отметить «недостаточную плановость, а иногда и элемент случайности в индивидуальных и групповых командировках Наркомзема за границу» [36, с. 55]. Было принято решение о значительном ужесточении требований ко всем командируемым.

8 См. отражение темы Пан-Европы в пьесе А.П. Платонова «Шарманка» (1930–1931): [5, с. 697].

недавно вышедшего на экраны СССР фильма о коллективизации и индустриализации деревни, о рождении нового человека — «Старое и новое» (1926–1929)[9] французская полиция не дала возможности показать киноленту в Сорбонне, собравшей большое количество зрителей. «“Матэн” <...> не замедлил сообщить, что СССР “спустил на весь мир своего известнейшего кинематографиста с проповедью большевизма для пропаганды его по всем странам”» [35, с. 3]. Французские власти предприняли попытку выслать С. Эйзенштейна из страны.

В ответ на враждебные действия Парижа публикуются открытые письма советских граждан с обещаниями поддержать Красную армию, поднять производительность труда, выполнить промфинплан, построить самолет... Подчеркивалась и солидарность французских рабочих с пролетариатом СССР, их готовность защищать «социалистическое отечество»: «Международный пролетариат встанет на защиту социалистического отечества. “Защитим СССР” Даешь советы в Париже!» [34, с. 1]. В выступлениях партийных деятелей сообщалось о пристальном внимании заграницы к советскому эксперименту — коллективизации. Так, в докладе, прочитанном в начале 1930 г. в Воронеже, М.И. Калинин отмечал: «Теперь частенько среди наших заклятых врагов за границей раздаются голоса о том, что если коллективизация пройдет удачно, то это будет исключительное явление. Один германский буржуазный публицист прямо заявил, что в таком случае, пожалуй, придется признаться в том, что весь мир надо перестроить по большевистским методам» [33, с. 3; 14, с. 1].

Именно этой «перестройкой» и готов заняться Ефим Нечаев, который, оказавшись в Париже, отправляется на поиски подходящего места для размещения сельсовета. Следуя логике захвата, Ефим хочет переоборудовать помещение Института Красоты[10] (центр буржуазного Парижа, реаль-

9 О внимании А.П. Платонова к творчеству режиссера в это время свидетельствуют полемические аллюзии к фильму «Старое и новое» в сценарии «Машинист» — см.: [9, с. 744].

10 В Институте Красоты Ефим наблюдает танцующих под фокстрот полнотелых женщин. О фокстроте упоминал почти каждый писатель, побывавший за границей. В советской печати этот танец клеймили как образец музыкальной безвкусицы и признак вырождения буржуазной культуры. Сцена в повести «Впрок»: «...раздалась бушующая музыка боевых масс Африки. <...> ...и все начали танцевать такими движениями, как будто хотели размножаться. — Останови их! — указал Ефим. — Буржуазное количество и так достаточно!» [28, с. 313] — напоминает изображение танца в статье М. Горького «О музыке толстых»: «...дикий визг, свист, грохот, вой... <...> Это радио в соседнем отеле утешает мир толстых

ный парижский топоним, упоминаемый в писательских «путешествиях») под сельсовет (главный орган пролетарской диктатуры в советской деревне). Хозяйственная забота по использованию парижских зданий роднит Ефима с лирическим героем цикла В.В. Маяковского «Париж», который, попав в собор Парижской Богоматери, строит планы по его переоборудованию: «Спускался в партер, / подымался к хорам, / смотрел удобства / и мебель. <...> Конечно, / под клуб не пойдет — / темноват, — / <...> Но то хорошо, / что уже места / готовы тебе / для сидения. / Его / ни к чему / перестраивать заново — / приладим / с грехом пополам...» [25, с. 20–23].

При этом А.П. Платонов объединяет политическую идею экспорта социалистической революции на Запад с экономической кампанией — сбором утиля (франц. *utile* — полезный). В Институте Красоты Ефим узнает о способе доведения «обрюзгших девушек до красоты худощавости»[11] — с помощью червей-паразитов, которые, однако, в последнее время плохо помогают, так как буржуйки к ним уже привыкли. «Нам нужны более ядовитые аскаридные черви, мы бы хорошо за них уплатили» [28, с. 313] — говорит Ефиму «главная руководящая дама». «— Я как скажу своему государству, — сообщил Ефим, — так мы целыми эшелонами червей сюда будем гнать — этого имущества у нас хватает![12] Пускай только машины нам качают обратно: им черви, а нам чугун!» [28, с. 315].

В конце 1920-х гг. многие западные страны отказываются от советского экспорта, запрещая ввоз спичек, льна, леса, зерновой и животноводческой продукции, что наносит серьезный урон экономике СССР и создает угрозу срыва планов индустриализации. В качестве ответной меры по всей стране с начала 1930 г. разворачивается кампания по сбору предметов до-

людей, мир хищников, сообщая им по воздуху новый фокстрот в исполнении оркестра негров. Это — музыка для толстых. Под ее ритм во всех великолепных кабаках “культурных” стран толстые люди, цинически двигая бедрами, грязнят, симулируют акт оплодотворения мужчиной женщины» [15, с. 2].

11 О применении за границей экзотических способов «обезжиривания» дам, о «хождении европейских модниц по мукам институтов красоты» [27, с. 14] сообщали юмористические заметки и статьи в советской печати, см., например: [16, с. 8–9].

12 О том, насколько слова Ефима соответствуют реальности, свидетельствуют данные о массовом «очервлении» населения СССР, представленные в многочисленных изданиях (в том числе предназначенных для деревни) конца 1920-х гг. В начале мая 1930 г. в Париже проходила Сессия международного эпизоотического бюро, в резолюции которой отмечалась необходимость «проводить в международном масштабе работу по борьбе с глистными заболеваниями, аналогичную той, которая широко проводится в Советском Союзе» [22, с. 2].

полнительного экспорта. Для индустриализации и колхозного строительства требовалась заграничная техника — средства на ее приобретение должен был дать утиль: «Через экспорт увеличим число тракторов на полях ЦЧО» [13, с. 3]. Список отходов, пригодных для переработки в качестве вторичного сырья, был обширным: кость, тряпье, мох, водоросли, грибы, лекарственные травы, шкурки собак и кошек и т. д. От успеха кампании зависело выполнение плана хозяйственной реконструкции страны, пятилетки: «Принимая во внимание, что 72,9 проц. основного сырья нашей промышленности должен дать утиль, необходимо привлечь к заготовкам всю советскую общественность…» [26, с. 4]. Кампания приобрела широкий размах: на московских улицах вывешивались транспаранты, выпускались специальные брошюры. Заместитель народного комиссара торговли СССР Л.М. Хинчук обратился даже с открытым письмом к советским литераторам — с призывом принять участие в составлении лозунгов к плакатам для города и деревни [20, с. 4]. О необходимости усилить сбор утиля говорилось и в главном правительственном документе весны 1930 г. — в статье И.В. Сталина «Головокружение от успехов».

Основная роль в проведении кампании отводилась деревне, где с начала 1930 г. организуются красные обозы с утилем; за выполнение планов назначаются награды: отличившимся колхозам — радио. В повести «Впрок» Ефим берет в Институте Красоты радио для своего колхоза в качестве задатка «за будущих глистов»: «…оно нам для культурной революции приемлемо!» [28, с. 315].

В печати особо подчеркивалась необходимость выявления новых видов экспорта: «Необходимо проявить максимум энергии и инициативы для изыскания новых экспортных товаров» [18, с. 3], за что было обещано премиальное вознаграждение: «…Экосо РСФСР решил ввести премиальное вознаграждение за выявление новых реальных предметов экспорта…» [21, с. 4]. Именно это и делает Ефим Нечаев — находит новую статью для экспорта: предлагает извлечь пользу из вредителей[13].

Выслав письмо в родной колхоз, сам Ефим решает остаться в Париже, так как чувствует, что настал «сочельник революции». Французская столица в восприятии героя — своеобразный Чевенгур, который нужно

13 См. также отражение темы утиля в повести «Котлован»: [4, с. 518, 542–543, 576, 584, 586].

очистить от буржуев — выслать в родной район сплошной коллективизации (а этот статус местности означал решительное проведение «экономических, политических и административных мер в отношении кулачества» [24, с. 1]) «эшелон парижских толстых туловищ, — с тем, чтобы трамбовать ими проезжий грунт» [28, с. 315]. Так из мирового «утиля», буржуазии, Ефим планирует извлечь пользу для отечества. Это еще одна платоновская отсылка к собственному раннему творчеству — к газетным лозунгам и статьям, см., например: «Западная Европа — наш последний живой противник. Его гибель — наше конечное торжество, его труп — лучшее удобрение революционной нивы» [30, с. 22][14].

Символично, что платоновский герой носит имя пролетарского поэта Демьяна Бедного (наст. — Ефим Придворов) и фамилию русского нигилиста С.Г. Нечаева, автора «Катехизиса революционера», в котором впервые в отечественной истории была представлена программа широкомасштабного террора — «страстного, полного, повсеместного и беспощадного разрушения» ради будущего счастья народа. Нельзя исключить и существование прототипа героя среди реальных колхозников ЦЧО: председателем одной из сельскохозяйственных артелей области был Ефим Нечаев[15].

Итак, на географической (политической) карте Ефима французская столица — пока не коллективизированная местность, периферия, подвластная директивам из «верховного руководящего города» — Москвы. Таков своеобразный ответ Бриану — проект «Пан-СССР», *закат Европы* глазами председателя колхоза «*Утро Человечества*», «великого и все более растущего большевистского человека» [28, с. 311], готового воплотить призывы к перестраиванию мира по большевистским методам и ликвидировать кулачество всех стран.

В галерее персонажей «бедняцкой хроники», написанной в период кампании по разоблачению в печати практики насильственной коллективизации, Ефим Нечаев предстает как всемирный «перегибщик», нашедший хозяйственно-экономическое решение проблемы советизации Запада. Рецензенты и редакторы, читавшие первую редакцию «Впрок», единодушно и настойчиво рекомендовали А.П. Платонову отказаться от парижского эпи-

14 См. также статьи «Белые духом», «Восстание Востока», «Два удара на удар», «Задние планы» и др.

15 См. книгу об этом колхозе: [11].

зода, возможный эффект от публикации которого сравнивали с выходом в берлинском издательстве «Красного дерева» Б.А. Пильняка. Очевидно, не такого решения темы «Наши успехи и зарубежные враги» ждала партийная критика от советских писателей. Рассказ о путешествии Ефима А.П. Платонов заменил на историю о «выросшем из мелкого дурака» Пашке, однако, как известно, это не спасло «бедняцкую хронику» от жесточайшей критики.

Список литературы

Исследования

1 *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 784 с.

2 [*Антонова Е.В.* Комментарии] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2: 1926–1927. Повести. Рассказы. Сценарии. Статьи. С. 623–662.

3 [*Антонова Е.В.* Комментарии] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Т. 4: 1928–1932. Кн. 2: Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи. С. 583–586.

4 [*Дужина Н.И.* Комментарии] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Т. 4: 1928–1932. Кн. 1: Повести. С. 504–586.

5 [*Дужина Н.И.* Комментарии] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Т. 4: 1928–1932. Кн. 2: Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи. С. 646–705.

6 [*Корниенко Н.В.* Комментарии] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2: 1926–1927. Повести. Рассказы. Сценарии. Статьи. С. 529–623.

7 [*Корниенко Н.В.* Комментарии] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Т. 4: 1928–1932. Кн. 2: Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи. С. 470–512.

8 [*Московская Д.С.* Комментарии] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2: 1926–1927. Повести. Рассказы. Сценарии. Статьи. С. 705–716.

9 [*Осипенко М.В.* Комментарии] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Т. 4: 1928–1932. Кн. 2: Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи. С. 739–751.

10 *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920–1930-х годов. СПб.: СПГУТД, 2011. 276 с.

Источники

11 *Апресян Г.* Червонный прогресс. Воронеж: Коммуна, 1930. 32 с.

12 Архив А.П. Платонова / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1. 696 с.

13 Беднота. 1930. 9 января.

14 Беднота. 1930. 4 марта.

15 *Горький М.* О музыке толстых // Правда. 1928. 18 апреля. С. 2.

16 *Залка М.* Рекорд красоты // Женский журнал. 1929. № 3. С. 8–9.

17 Известия. 1929. 16 апреля.
18 Известия. 1930. 2 января.
19 Известия. 1930. 7 января.
20 Известия. 1930. 16 февраля.
21 Известия. 1930. 22 апреля.
22 Известия. 1930. 19 мая.
23 Известия. 1930. 30 августа.
24 Коммуна. 1930. 28 января.
25 *Маяковский В.В.* Париж. М.: Московский рабочий, 1925. 40 с.
26 Новая жизнь. 1930. 27 марта.
27 Огонек. 1928. № 20.
28 *Платонов А.* Впрок (Бедняцкая хроника) // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Т. 4: 1928–1932. Кн. 1: Повести. С. 249–329.
29 *Платонов А.* Масло розы / публ. М.А. Платоновой; подгот. текста и вступ. ст. Н.В. Корниенко // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ред.-сост. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 1994. С. 359–365.
30 *Платонов А.* Последний враг // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918–1927. Кн. 2: Статьи. С. 22.
31 Правда. 1929. 14 июля.
32 Правда. 1929. 7 сентября.
33 Правда. 1930. 3 марта.
34 Рабочая газета. 1930. 16 февраля.
35 *Рик Р.О.* Жандармы в Сорбонне // Литературная газета. 1930. 17 марта. С. 3.
36 Специалист сельского хозяйства. 1930. № 1.

References

1 Antonova, E.V. *Voronezhskii period zhizni i tvorchestva A.P. Platonova: biografiia, tekstologiia, poetika* [*Voronezh Period of the Life and Work of A.P. Platonov: Biography, Textual Criticism, Poetics*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016. 784 p. (In Russ.)

2 [Antonova, E.V. Kommentarii] [Comments]. Platonov, A. *Sochineniia* [*Works*], vol. 2 (1926–1927): *Povesti. Rasskazy. Stsenarii. Stat'i* [*Stories, Scripts, Articles*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 623–662. (In Russ.)

3 [Antonova, E.V. Kommentarii] [Comments]. Platonov, A. *Sochineniia* [*Essays*], vol. 4 (1928–1932), book 2: *Rasskazy. P'esy. Stsenarii. Stat'i* [*Stories, Plays, Scripts, Articles*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 583–586. (In Russ.)

4 [Duzhina, N.I. Kommentarii] [Comments]. Platonov, A. *Sochineniia* [*Works*], vol. 4 (1928–1932), book 1: *Povesti* [*Stories*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 504–586. (In Russ.)

5 [Duzhina, N.I. Kommentarii] [Comments]. Platonov, A. *Sochineniia* [*Works*], vol. 4 (1928–1932), book 2: *Rasskazy. P'esy. Stsenarii. Stat'i* [*Stories, Plays, Scripts, Articles*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 646–705. (In Russ.)

6 [Kornienko, N.V. Kommentarii] [Comments]. Platonov, A. *Sochineniia* [*Works*], vol. 2 (1926–1927): *Povesti. Rasskazy. Stsenarii. Stat'i* [*Stories, Scripts, Articles*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 529–623. (In Russ.)

7 [Kornienko, N.V. Kommentarii] [Comments]. Platonov, A. *Sochineniia* [*Works*], vol. 4 (1928–1932), book 2: *Rasskazy. P'esy. Stsenarii. Stat'i* [*Stories, Plays, Scripts, Articles*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 470–512. (In Russ.)

8 [Moskovskaia, D.S. Kommentarii] [Comments]. Platonov, A. *Sochineniia* [*Essays*], vol. 2 (1926–1927). *Povesti. Rasskazy. Stsenarii. Stat'i* [*Stories, Scripts, Articles*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 705–716. (In Russ.)

9 [Osipenko, M.V. Kommentarii] [Comments]. Platonov, A. *Sochineniia* [*Essays*], vol. 4 (1928–1932), book 2: *Rasskazy. P'esy. Stsenarii. Stat'i* [*Stories, Plays, Scripts, Articles*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 739–751. (In Russ.)

10 Ponomarev, E.R. *Tipologiia sovetskogo puteshestviia. Sovetskii putevoi ocherk 1920–1930-kh godov* [*Typology of Soviet Travel. Soviet Travel Sketch 1920–1930 Years*]. St. Petersburg, SPGUTD Publ., 2011. 276 p. (In Russ.)

Научная статья /
Research Article

УДК 82.0+821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ИНСПЕКТОРЫ И РЕВИЗОРЫ: О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ТВОРЧЕСТВА А.П. ПЛАТОНОВА 1920-х гг.

 М.В. Осипенко
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 11 ноября 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 20 апреля 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-274-299

Благодарности: Роберту Ходелу, Наталье Васильевне Корниенко.

Аннотация: В статье рассматривается творчество Андрея Платонова 1920-х гг. на фоне истории органов государственного и партийного контроля РСФСР и СССР. Аллюзии на деятельность этих органов присутствуют во многих произведениях писателя (повесть «Город Градов», рассказ «Административное естествознание», либретто «Надлежащие мероприятия (Социальная сатира наших дней)», рассказ «Усомнившийся Макар» и др.). Большинство отсылок связано с рационализаторской и антибюрократической работой Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ). Характер этих отсылок говорит о существенном изменении образа контрольной инстанции, его функций и места в творчестве Платонова. Краткие характеристики и упоминания в контексте борьбы с бюрократизмом сменяются развернутыми изображениями разрастающегося бюрократического учреждения. Работа НК РКИ по совершенствованию госучреждений приобретает в творчестве Платонова ярко выраженные черты псевдонаучной, псевдопроизводственной и обессмысленной деятельности. При этом образ такой мнимой организации может превращаться в реальную силу, угрожающую жизни.

Ключевые слова: Андрей Платонов, НК РКИ, Рабкрин, ревизор, «Город Градов», «Административное естествознание», «Усомнившийся Макар», «Чевенгур».

Информация об авторе: Мария Валерьевна Осипенко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0294-8546

E-mail: msn08383@gmail.com

Для цитирования: *Осипенко М.В.* Инспекторы и ревизоры: о некоторых источниках творчества А.П. Платонова 1920-х гг. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 274–299. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-274-299

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

INSPECTORS AND AUDITORS: SOME SOURCES OF ANDREY PLATONOV'S WORK OF THE 1920S

© 2021. Maria V. Osipenko
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: November 11, 2020
Approved after reviewing: April 20, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: I would like to thank Robert Hodel and Natalia V. Kornienko.
Abstract: The article examines the work of Andrey Platonov of the 1920s in the context of the history of the Soviet state and Communist Party administration departments. Allusions to the activity of these authorities are present in many of Platonov's works ("Gorod Gradov," "Administrativnoe Estestvoznanie," "Usomnivshiysya Makar," "Nadlezhachie Meropriyatiya (Socialnaya Satira nashih dney)," etc.). Most of the references relate to anti-bureaucratic and rationalization activities of these power and control authorities. The effort to perfect bureaucratic machine is represented in Platonov's work as pseudo-productive, pseudo-scientific, and meaningless activity. Yet, it is also shown how such pseudo-organization can become real life-threatening force.
Keywords: Andrey Platonov, auditor, RKI, Rabkrin, Gorod Gradov, Usomnivshijsya Makar, Administrativnoe estestvoznanie, Chevengur.
Information about the author: Maria V. Osipenko, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0294-8546
E-mail: msn08383@gmail.com
For citation: Osipenko, M.V. "Inspectors and Auditors: Some Sources of Andrey Platonov's Work of the 1920s." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 274–299. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-274-299

В творчестве Андрея Платонова оставили след многочисленные реалии, связанные с деятельностью центрального органа государственного контроля — Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин, НК РКИ), объединенного в 1923 г. с центральным органом партийного контроля — Центральной контрольной комиссии (ЦКК). Выявленные и откомментированные исследователями отсылки к работе НК РКИ (ЦКК–РКИ) указывают на особую актуальность этих реалий в творчестве Платонова в 1927–1928 гг. — повесть «Город Градов» (1927), рассказ «Административное естествознание» (1927), сценарий «Надлежащие мероприятия (социальная сатира наших дней)» (1927), рассказы «Усомнившийся Макар» (1928–1929), «Григорий с Умственного хутора (эпизод)» (1928–1929), пьеса «Дураки на периферии» (1928) [46, т. 2, с. 599, 602–603, 818–819, 820–821, 825–829; 46, т. 4, кн. 2, с. 512–513, 538, 645 и др.]. В более раннем творчестве, 1919–1926 гг., отсылок к НК РКИ почти не встречается, однако к этому периоду ведут многие источники указанных аллюзий. Их рассмотрение на первом этапе уместно начать с «истории вопроса», выходя к конечной цели — проведению целостного анализа творчества А.П. Платонова в контексте деятельности контрольных органов РСФСР и СССР, с попутным выявлением возможных новых аллюзий.

Система советского контроля в начале своего пути опиралась на дореволюционное контрольное ведомство (Госконтроль, Госкон), преобразованное в мае 1918 г. в Народный комиссариат государственного контроля во главе с наркомом и коллегией [65, с. 546]. Наряду с этим законодательно

оформлялась деятельность рабочего контроля, «как стихийного выявления трудовых масс» [65, с. 545][1].

В апреле 1919 г. в этой системе контроля произошли важные изменения. Было принято решение все «существующие органы рабочего контроля объединить в одно целое, и все силы, которые занимаются контролем, влить в общий государственный контроль», — так пояснял суть реформы назначенный в марте 1919 г. Народным комиссаром государственного контроля И.В. Сталин [15, с. 3][2]. Реформированному Госкону было предоставлено право «ближайшего наблюдения» за деятельностью всех наркоматов и его подразделений и «всех вообще органов власти» [12, с. 49]. Материалы проводимых ведомством Сталина «летучих ревизий»[3] передавались судебным органам, ревтрибуналам и другим заинтересованным инстанциям[4]. За первый год работы ведомства таким образом была «проверена деятельность всех центральных советских учреждений и громадного большинства местных» [72, с. 140].

А.П. Платонов стал активным участником общественной жизни в 1920 г., уже после отшумевших в печати дискуссий о госконтроле, споров о том, нужны ли молодой стране Советов «помахивание кнутиком» и «приглядывающий глаз» [19, с. 1]. В его первых статьях идея госконтроля ассоциировалась прежде всего с буржуазной государственной машиной и ее бюрократическим аппаратом.

В 1920 г. А.П. Платонов написал небольшую рецензию на брошюру, посвященную проблеме делопроизводства в СССР. Автор брошюры, М. Рафимов (Р.С. Майзельс), предлагал провести весьма щадящую реформу сложившейся в царской России и продолжавшей действовать в советских учреждениях канцелярской системы (порядок «сношений» между учреждениями, работа с потоками «входящих» и «исходящих», препроводительных бумаг, разносными книгами и т. д.) [69]. Отвечая Рафимову, А.П. Платонов прежде всего уравнял идею государственного учреждения, его делопроизводства с идеей «контроля над той или иной областью жизни страны» [35,

1 См. Положение «О рабочем контроле» от 14 (27) ноября 1917 г.: [32, т. 35, с. 30–31].

2 Сталин занимал должность наркома государственного контроля с 30 марта 1919 г. по 7 февраля 1920 г., затем до мая 1922 г. возглавлял НК РКИ.

3 Принцип «чрезвычайных летучих ревизий» был положен в основу всей контрольно-ревизионной деятельности реформированного Госконтроля [14, с. 1].

4 См., например: [14, с. 8, 10–11 и др.].

с. 492]. «С уменьшением в общественном организме всех видов преступлений и ошибок, — пояснял Платонов, — число контрольных учреждений падает. В будущем коммунистическом обществе государственных учреждений — этих показателей отсутствия общественной самодеятельности (ведь учреждения отчасти проделывают за людей в жизни технические, политические и другие полезные функции) — минимум…» [35, с. 493]. В ответ на главное предложение Рафимова–Майзельса создать специальный государственный орган или институт «по делопроизводству и по организации учреждений вообще», А.П. Платонов напомнил о задачах рабочего контроля: «Пожалуй, это и следует сделать и возможно скорее, с целью осуществить на деле железный рабочий контроль над всеми частями государственного механизма» [35, с. 493]. В остальном, в отношении многочисленных рекомендаций, инструкций и карточек для улучшения делопроизводства[5], А.П. Платонов высказался кратко: «…самый верный признак рациональной системы делопроизводства — это — если в системе имеется тенденция к прогрессивному сокращению всякого делопроизводства, уничтожению власти мертвых учреждений и сведению на нет бумажно-официальной волокиты» [35, с. 493].

Предложения Рафимова–Майзельса по реформе бумажно-канцелярского дела появились впервые весной 1919 г. [18, с. 3]. К тому времени большевики уже предпринимали попытки отказаться от наследия царских канцелярий, упростить бумажную работу и переписку между учреждениями[6]. Новая волна интереса к этой проблеме[7] не случайно совпала с реформой Госконтроля, основной задачей которого была провозглашена борьба с бюрократизмом: «Старый бюрократизм разбит. Но бюрократы остались. Войдя в советские учреждения, они внесли туда дух косности и канцелярской волокиты, бесхозяйственности и распущенности. Советская власть заявляет, что она не потерпит бюрократизма, в каких бы формах он ни проявлялся,

5 В предисловии к своей книге Майзельс, отстаивая преимущества предложенной системы делопроизводства, писал: «…сложность служит лишь доказательством совершенства системы, и малейшая ненормальность в ходе работ или движении бумаг тотчас же отзовется в системе, и во всяком случае лучше предпочесть сложную, но правильно действующую систему, чем бестолковое топтание на месте сотрудников в погоне за пропавшей куда-то бумагой или делом» [69, с. 5–6].

6 См., например: [50].

7 Первая статья Майзельса, опубликованная на страницах «Известий», открыла последующую дискуссию [18, с. 3; 16, с. 1; 17, с. 3; и др.].

что она изгонит его из Советских учреждений решительными мерами», — провозглашал Декрет о Государственном контроле от 9 апреля 1919 г. [12, с. 48]. В обязанности Госкона с принятием этого Декрета стала входить подготовка для центральной власти «конкретных предложений <…> об упрощении аппаратов Советской власти, упразднении параллелизма в работе, бесхозяйственности и канцелярской волокиты, а также о преобразовании самой системы управления» [12, с. 49]. С марта 1920 г. эти функции перешли в ведение созданного на основе Госкона народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции — НК РКИ [49, с. 213].

На первых порах начавшаяся работа опиралась на того же Рафимова–Майзельса, который в 1921 г., уже в качестве сотрудника НК РКИ, переработал свои предложения (изложенные в отрецензированной Платоновым брошюре) в проект «Положения об управлении делами, письмоводстве и делопроизводстве в гражданских учреждениях» и лично представил его в Кремле на заседании Малого Совнаркома [4, с. 166]. Это был грандиозный замысел нового государственного устройства. Автор проекта намечал восемь кругов учреждений — «с учетом степени частоты сношений» и изучение нескольких систем делопроизводства: «журнальной, карточной, комбинированной и германской» [4, с. 167]. Проект рассматривался специальной комиссией, но после многократных обсуждений все-таки был отклонен «как неподлежащий разрешению в законодательном порядке» [4, с. 168]. Позже Майзельс выступил автором еще одного государственного проекта — создание Объединенного бюро по упрощенному делопроизводству при Управлении делами СНК РСФСР и Московском губернском отделе профсоюза совработников (также потерпевшего неудачу) [4, с. 166–167, 170–172]. Эти начинания поддерживались лично Лениным, который рекомендовал Н.П. Горбунову (СНК РСФСР) «двинуть» майзельский проект «Положения об управлении делами, письмоводстве и делопроизводстве в гражданских учреждениях» [4, с. 166].

Работы Ленина и его интерес к этой теме (см. подробнее: [4, с. 160–166]) повлияли на внедрение принципов НОТ в систему госуправления. По инициативе Ленина это направление сначала было отнесено к полномочиям Госкона (НК РКИ), а в 1923 г., после реформы Рабкрина (его объединение с ЦКК), вошло в приоритетные задачи контрольного ведомства. Еще в преддверии XII съезда РКП(б) (17–23 апреля 1923 г.), одобрившего объединение

НК РКИ и ЦКК, вопросы актуальности НОТ в советской России, разработки и повсеместного внедрения новых организационных методов и пр. были вынесены партией на обсуждение всей страны [51, с. 1; 52, с. 1; 54, с. 1; и др.]. После Съезда важнейшей задачей НК РКИ была объявлена «перестройка всего государственного и хозяйственного аппарата на началах научной организации труда и управления» и «искоренения всего ненужного и лишнего в нем» [11, с. 644–645]. В ходе апрельских дискуссий 1923 г. затрагивались также вопросы психотехники, изучения «человека как машины» [58, с. 1], на которые А.П. Платонов откликнулся заметкой в сатирической газете «Репейник» (Воронеж. 1923, № 9), объявив от имени редакции конкурсы на «способ улучшение человека» и «относительно лучшего человека» Воронежа [36].

Спустя пять лет задачи рационализации и совершенствования госаппарата оставались одними из самых актуальных в стране[8]. При НК РКИ с 1926 г. уже работал отдельный Институт техники управления (ИТУ), где сосредоточилась вся научная работа наркомата[9]. Все это говорит о большом и неизменном внимании власти к разрабатываемым некогда Майзельсом проблемам. А.П. Платонов также не пройдет мимо происходящего в этой сфере государственного строительства и в 1927–1929 гг. откликнется целым рядом произведений («Административное естествознание», «Надлежащие мероприятия (Социальная сатира наших дней)», «Григорий с Умственного хутора (Эпизод)», «Дураки на периферии» и др.).

После реформы 1923 г. к полномочиям НК РКИ отошло «общее руководство и объединение деятельности всех учреждений», занимающихся нотовской работой не только в административной сфере, но и на производстве [13, с. 33]. НК РКИ начинает сотрудничество по вопросам НОТ с ВСНХ,

8 См. резолюции съездов и пленумов: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (21–23 октября 1927 г.) [31, с. 289–290]; XV съезд ЦК ВКП(б) (декабрь 1927 г.) [31, с. 480] и др.

9 Необходимость создания ИТУ обосновывалась руководством РКИ перед СНК РСФСР следующим образом: «...улучшение техники управления, на основе научной организации труда, требует сложной и длительной научно-исследовательской работы, которая не может быть выполнена существующими аппаратом Наркомата. Осуществление этой работы требует лабораторных изысканий физиотехнического характера и применения точных методов наблюдения, измерения (в том числе хронометража), эксперимента, анализа и синтеза элементов труда, из которых слагаются производственные процессы в области управления» (Объяснительная записка для СНК РСФСР к проекту Положения о государственном ИТУ // ГА РФ. Ф. 4084. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1).

Центральным институтом труда (ЦИТ), Наркоматом путей сообщения, Наркоматом труда и другими организациями.

Платонов проявлял большой интерес к работе ЦИТа, применению идей НОТ на производстве и в практической жизни, размышлял и многократно откликался на эту тему в начале 1920-х гг. («Нормализованный работник», «Наука о взаимной равноценности труда», «О Губернском институте труда», «Перерождение производства» и др.). В 1923 г. он не пропустил развернувшуюся после XII съезда кампанию (прошедшую, видимо, уже под руководством НК РКИ) по рациональному использованию времени[10] — см. его статьи «Время, помноженное на силу, на вещество и на скупость, — даст нам благоденствие» и «Об институте труда в Москве и о зоркой мысли, берегущей тело человека и одолевающей время» [39; 43].

В 1927 г. НК РКИ обращает пристальное внимание на актуальные проблемы производства (брак на заводах, недостаточное внимание к внедрению НОТ, механизации производства и изобретательству, бесхозяйственность и пр.) и в 1928 г. устанавливает контроль посредством производственных совещаний (см., например: [71, с. 1]). По касательной эти кампании также входили в творчество А.П. Платонова 1920-х гг. (либретто «Надлежащие мероприятиях (Социальная сатира наших дней)», рассказе «Григорий с Умственного хутора (Эпизод)»).

Другой круг идей, определивших особенности советского контроля, связан с ленинской теорией привлечения рабочих и крестьян к управлению государством. Идея «демократизации» и сближения государственного контроля с «массами» [13, с. 3] была положена в основу реформ 1919 и 1920 г. [12, с. 46–50; 49, с. 210–215]. В результате Госкон должен был превратиться «из органа формального контроля... в орган народного социалистического контроля» [12, с. 49], а в 1920 г. Рабоче-крестьянской инспекции, как новому «единому органу социалистического контроля», была открыта перспектива «подготовить и приучить» рабоче-крестьянские массы к управлению государственным аппаратом [49, с. 212].

На практике эта задача решалась с помощью работы Бюро жалоб и заявлений[11] и привлечения населения к контрольно-ревизионной дея-

10 См.: [53, с. 1, 3; 55, с. 3; 56, с. 3; и др.].

11 См. инструкции для Бюро жалоб и заявлений при советских учреждениях и при губернских отделениях Государственного контроля [14, с. 28–30].

тельности РКИ [12, с. 50]. Под руководством инспекторов РКИ рабочие и крестьяне стали участвовать в обследованиях предприятий, осуществлять контроль за распределением продуктов, сбором налогов, излишков и пр.[12] Весной 1920 г. Ленин агитировал молодежь сплотить «боевые рабочие ряды» в помощь Рабкрину для борьбы с «буржуазными специалистами» и крестьянами-«спекулянтами» [32, т. 40, с. 199–200]. Идеология этого «демократического» движения формулировалась в недрах сталинского госконтроля и популярно разъяснялась следующим образом (из материалов для «Советского календаря», 1920): «...в процессе массового обследования у трудящегося поневоле и постепенно создается представление о необходимой государственной хозяйственности. <...> ...все это затрагивает и укрепляет в нем представление о том, что он действительно хозяин страны... <...> Другим ценным результатом массового обследования должно явиться представление в трудящемся о законности. Сталкиваясь с теми или иными упущениями и злоупотреблениями, трудящийся сам или с помощью опытных руководителей начинает отличать законное от незаконного, “что можно и что нельзя”, и таким образом в нем воспитываются те элементы социалистического права, без которых немыслимо какое-либо творческое участие его в государственном строительстве»[13]. Целью такого «массового обследования» объявлялось «ознакомление, без особой детализации, рабочих и крестьян с государственным аппаратом и передача материалов обследования соответствующим государственным органам для устранения обнаруженных дефектов»[14].

В 1923 г. партией был выдвинут вопрос о кадровом составе НК РКИ и «сосредоточении в Рабкрине человеческого материала действительно современного качества» (Ленин, «Лучше меньше да лучше»); одной из приоритетных задач ведомства стала «подготовка рабочих и крестьян на ответственные руководящие должности путем участия их в работе РКИ и ЦКК

12 За первые два года работы государственного контроля к массовым обследованиям было привлечено около 35 тыс. человек [70, с. 15]. Всего армия «учеников РКИ» составляла около 200 000 человек (вовлечение в работу ячеек содействия РКИ, делегирование представителей трудящихся для работы в РКИ) [70, с. 15]. См. также отчет Отдела летучих ревизий и Центрального бюро жалоб о привлечении рабочих к массовым обследованиям (ГА РФ. Ф. 4085. Оп. 22. Ед. хр. 2. Л. 127). Это движение не получило дальнейшего развития (помешали массовая безработица и голод населения).

13 ГА РФ. Ф. 4085. Оп. 22. Ед. хр. 2. Л. 99–100.

14 Там же. Л. 99.

в целях усвоения ими практических методов и техники управления, оказание поддержки наиболее честным и преданным делу работникам» [11, с. 647].

С приходом Г.К. Орджоникидзе[15] НК РКИ вновь развернула работу по привлечению широких слоев населения к борьбе с бюрократизмом и рационализаторской работе[16]. Эти кампании также весьма разнообразно отразились в творчестве А.П. Платонова («Административное естествознание», «Надлежащие мероприятия (Социальная сатира наших дней)», «Григорий с Умственного хутора (Эпизод)», «Усомнившийся Макар» и др.).

Представления А.П. Платонова о формах организации «масс», принципах государственного устройства и управления складывались еще в конце 1910-х – начале 1920-х гг. На его взгляды большое влияние оказывала производственная среда и работа. Сначала — участие в жизни Воронежских железнодорожных мастерских, где писатель увидел еще в 1920 г. «сделанный самой жизнью» коммунизм [47, с. 512] и отлаженную организацию работы: «Там есть такие организаторы, что помнят без записей весь ход производства за много лет и все время изменяют его, хотя часто бессознательно, в сторону экономии сил и увеличения результата, т. е. производят тейлоризацию, не слыхав о Тейлоре. <…> Сам в себе пролетариат стремителен, как электричка, но у его "администрации" паровые заклепанные головы. И что внизу давно сделано, вверху "сосредоточенно обдумывается"» [38, с. 549–550]. Позже А.П. Платонов занимается мелиоративной работой. В конце 1921 – начале 1922 г. он обдумывает и претворяет в жизнь идею создания всемирной организации для борьбы с засухой (Земчека) (подробно см.: [1, с. 176–185]). В его статьях этого времени описывается опыт взаимодействия с губернскими властями на этом пути: «…причина этого превращения Земчека в Энергозем, — из тяжелой артиллерии, которую мы предполагали создать против природы за человека, в простой кастет, — эта причина наша местная, губернская — обычное безденежье, организационная слякоть и то бюрократическое кольцо, которого не минует никто, которое отучает че-

15 Г. Орджоникидзе возглавлял ЦКК–РКИ с ноября 1926 г. по ноябрь 1930 г. (занимал должности Председателя ЦКК ВКП(б) и наркома РКИ).

16 См.: Обращение ко всем профорганизациям и членам профсоюзов и органов КК и РКИ Председателя ЦКК ВКП(б) и наркома РКИ С. Орджоникидзе и Председателя ВЦСПС М. Томского: Бороться с бюрократизмом — обязанность трудящихся [20, с. 2]; Постановление ЦК ВКП(б) «Вопросы рационализации производства» от 24 марта 1927 г. [59, с. 4]; и др.

ловека просто и сердечно говорить с другим человеком, а заставляет взаимно обмениваться приказами и взаимно не исполнять их. <…> …над бюрократией надо не хохотать, а мстить ей за голод и смерть детей, в чем она, безусловно, повинна. Наши канцелярии иногда плодят трупы; знаменитые “входящие-исходящие” мокнут кровью. Бессознательность бюрократов не служит им оправданием, ибо бессознательного, как животное, легче смирить или уничтожить, и на это не потребуется затраты совести от сознательного» [42, с. 611]. Еще накануне этого, проектируя Земчека, А.П. Платонов выдвинул близкие ему принципы работы, заключающие в себе методы борьбы с бюрократизмом. Коллегия, осуществлявшая общее руководство мелиоративными мероприятиями, «работает, — как писал Платонов, — “припадая к земле”, а не сидит в городе. Члены ее — постоянно в разъездах и на непосредственной личной работе»; «Земчека почти не будет (в центре, в губ.городе) иметь своего аппарата, а будет опираться на подотделы Губземотдела и Губсовнархоза главным образом; и на все советские учреждения» [1, с. 179, 182].

В мае 1923 г. возглавляемая А.П. Платоновым Комиссия по гидрофикации после долгих «блужданий» (Е.В. Антонова) оформилась в Государственное мелиоративное бюро (Госмелбюро) при Губернском земельном управлении (ГЗУ). А.П. Платонов занял в структуре губернского аппарата одну из руководящих должностей[17]. После этого он продолжал проводить большую часть времени в поле. В сентябре 1924 г., в разгар общественно-мелиоративных работ, он писал инспектору Наркомзема А. Прозорову: «Работы сейчас вдесятеро больше, чем было при вас, но работа гораздо более веселого характера (если бы, между нами, не всякая бумажная бумага, не речи, и не доклады, и не лекции, кои приходится читать ежедневно)» [37, с. 131], — и высылал ежедневные «сводки с мест» [37, с. 130, 133, 135, 138–139 и др.]. А.П. Платонов видел и ощущал результаты своей работы и крестьянской самодеятельности, восхищался их «воодушевлением» и энергией «стихийности» [41; 40; 44; 45].

Постоянным фоном общественно-мелиоративных работ шли ведомственные и партийные проверки [46, т. 1, кн. 1, с. 456; 45, с. 275; 1, с. 434, 435, 437 и др.]. Вероятно, какие-то проверки были инициированы

17 См. подготовленное, вероятно, самим А.П. Платоновым Положение о Воронежском государственном мелиоративном бюро при Губземуправлении: [48, с. 478–479].

органами РКИ, которые с 1923 г. стали активней участвовать в местной жизни[18].

Осенью 1923 г. Воронежскую губернию посетила группа московских инспекторов для проведения «сплошного» обследования «низового аппарата»[19]. Инспекторы НК РКИ проверили воронежский губисполком, в том числе земельное управление. Проверка ГЗУ началась 2 октября 1923 г.[20], в тот же день когда газета «Воронежская коммуна» сообщила о ликвидации платоновского Госмелбюро и восстановлении подотдела сельхозмелиораций [1, с. 186, 414]. По результатам этой проверки инспекторы указали на необходимость реорганизации ГЗУ. В их отчете подчеркнуты громоздкость организации и хаотичность работы, отсутствие централизованного управления, унифицированных систем отчетов, единой практики заключения договоров, оформления командировок и т. д.; сделаны выводы о «безусловном пересмотрении и упрощении» всей структуры ГЗУ[21]. Вскоре последовала его реорганизация [9, с. 4; 1, с. 186], А.П. Платонов при этом был вновь назначен на должность заведующего подотделом сельхозмелиораций [1, с. 186, 414]. И в этом качестве он предоставил в НК РКИ подробные сведения о своем подразделении. В деле проверки ГЗУ сохранилась подписанная Платоновым справка о подотделе сельхозмелиораций с анкетными данными всех сотрудников[22].

С приездом в Воронеж московской инспекции повестку дня местных учреждений заполнили вопросы рационализации (упрощения административного аппарата, повышения эффективности работы, качества обслуживания населения и пр.) [8, с. 1, 2; 10, с. 3; 7, с. 2; и др.]. В целом после проведенного в 1923 г. всероссийского обследования началась последовательная работа НК РКИ (совместно с ЦКК и НКВД) по инструктированию и улучшению «техники управления» на местах (см., например: [70, с. 5–6, 26–27]).

Параллельно органами РКИ велась чистка соваппарата от «нежелательных элементов», совмещаемая зачастую с задачами рационализа-

18 Воронежское подразделение РКИ какое-то время в 1922 г. располагалось в одном помещении с ГЗУ, где работал А.П. Платонов (выявлено Е. Антоновой — см.: [1, с. 388]).

19 Проведение «сплошного обследования низового аппарата» по всей стране было инициировано ЦКК после решений XII съезда ЦК ВКП(б) — об итогах этого обследования см.: [6].

20 ГА РФ. Ф. 374. Ф. 64. Ед. хр. 45.

21 Там же. Л. 3.

22 Там же. Л. 87.

ции (должности арестованных или отстраненных от работы чиновников сокращали). Воронежская РКИ стала известна такими чистками в середине 1920-х гг. [13, с. 250–251]. В 1923–1925 гг. под выговоры и аресты в губернии попали сотни чиновников [13, с. 250; 34, с. 98–99, 104; и др.]. В 1924 г. в Москве комиссия ЦКК–РКИ провела обследование центрального аппарата Наркомзема РСФСР, заключив, что его руководством «не усвоены идеи и задачи советского строительства в деревне» и наркомат «насквозь пропитан чуждыми, зачастую даже враждебными по отношению к власти и партии элементами» [2, с. 181]. Штат Наркомата (795 человек) был сокращен на 40% [2, с. 181]. Скорей всего, эти события были хорошо известны Платонову.

Различного рода информацию о работе Рабкрина А.П. Платонов узнавал из печати. Деятельность местной РКИ освещалась в газете «Воронежская коммуна». Центральная пресса рассказывала, в основном, об общих задачах и проблемах РКИ. Опубликованная в «Правде» в марте 1923 г. статья В.И. Ленина «Лучше меньше, да лучше» [57, с. 2], очевидно, была известна А.П. Платонову: отсылка к ней встречается в его заметке «Об Обществе друзей Обновленной земли» [1, с. 655].

Летом 1926 г. А.П. Платонов переехал в Москву. Во время службы в ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих он на две недели привлекался к работе в Центрально-штатной комиссии НК РКИ[23]. Как писал сам Платонов, «просидел» там, «защищая штатные интересы своих интересов» [37, с. 251]. Возможно, речь идет об обосновании штатного расписания (или отдельных должностных единиц) ЦК Союза[24].

В конце 1926 – начале 1927 г., принимая руководство подотделом мелиорации Тамбовского ГЗУ, А.П. Платонов писал о своих намерениях поставить работу «на здоровые ясные основания» [37, с. 175], по-прежнему рассматривая бюрократический аппарат как препятствие в «борьбе за успех»: «Денег нет на работы, а штат такой огромный, что пожирает все. <...> ...теперь часть сокращаю, часть бросаю в поле на работы. <...> Допускаю возможность доносов и даже худшего. Но пока крушу и буду крушить

23 В ведении Центрально-штатной комиссии НК РКИ находились вопросы согласования штатных расписаний бюджетных учреждений, исчисления фонда заработной платы, нормирования заработной платы, субвенций и пр.

24 Работа Центрально-штатной комиссии РКИ была нацелена на сокращение штатов госучреждений и «урезание» ведомственных заявок (см., например: [62, с. 5]).

все глупое, роскошное и нелепое костяной рукой», — писал он жене из Тамбова 8 января 1927 г. [37, с. 195].

В Тамбове весной 1927 г. А.П. Платонов написал повесть о бюрократизме «Город Градов». Образ «саботажника» и «мудреца» Бормотова складывается как реакция на «современную борьбу с бюрократизмом» и — прямо — на деятельность ЦКК–РКИ. Бормотов и местную «Контрольную палату – РКИ» взял под свое покровительство («на ноги поставил и людей там делом занял»), и «всякие карточки, НОТы и прочую антисанитарию истребил в канцеляриях» [46, т. 2, с. 136], и директиву ЦКК о борьбе с бюрократизмом[25] «затемнил» [46, т. 2, с. 138]. На последнее обвинение в «затемнении основной директивы по линии партии, данной всерьез и надолго», Бормотов лишь посмеивается: «А был бы протокольчик, вы бы нас укатали в какую-нибудь гепею или рекаю!» [46, т. 2, с. 139]. В финале повести вскользь упоминается старший инспектор РКИ, уволивший Бормотова «за волокиту». После чего бывший чиновник завел дома «частную канцелярию по выработке форм деятельности госорганов», где он «служил один и притом без жалованья и без охраны труда» [46, т. 2, с. 145]. В целом после описанных в финале событий «ничего особенного не вышло — только дураки в расход пошли» [46, т. 2, с. 145–146]. Позиция Бормотова, его философия, представлена в повести весьма жизнеспособной моделью. Важным обстоятельством при этом является изменение положения героя относительно государственной службы, его переход в финале на точку зрения стороннего наблюдателя: «Бормотов жив и каждый день нарочно гуляет перед домом, где раньше помещался Губисполком. <...> Но Бормотов не верит глазам своим — тем самым глазам, которые некогда были носителями неуклонного государственного взора» [46, т. 2, с. 146]. Такое развитие событий, уход Бормотова от наказания, вызвало негативную реакцию редактора: «Неужели Бормотова не посадят в тюрьму!», «А потом — посадить надо его в тюрьму», «Надо, чтобы вмешалась Москва более четко, решительно. Расправа трудная», — написал Литвин-Молотов на полях машинописи (см. примеч. Н. Корниенко к повести: [46, т. 2, с. 536–537, 538]). Платонов отказался от рекомендуемой правки, оставив Бормотова на свободе. Герой благополучно

25 Речь идет о резолюции V пленума ЦКК (4–5 февраля 1927 г.) — см. примечания Н. Корниенко к повести «Город Градов» [46, т. 2, с. 603].

живет вне государства, вырабатывает в «частной канцелярии» государственные «формы» и сохраняет свою жизнь — в отличие от пущенных «в расход» «дураков» и от главного героя Шмакова, оставшегося на службе и умершего в новой должности «от истощения на большом социально-философском труде: “Принципы обезличения человека, с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно регламентированными поступками на каждый миг бытия”» [46, т. 2, с. 146]. Появление в повести инспектора РКИ, связанное с фабульной функцией увольнения Бормотова с государственной службы, в свете вышесказанного, может рассматриваться двояко: и как борьба с Бормотовым, и как его спасение от действия государственной машины.

Осенью 1927 г. в Москве А.П. Платонов пишет два произведения, в которых деятельность НК РКИ стоит в центре повествования. В рассказе «Административное естествознание» главного героя пригласили в «самое страшное — НКРКИ». От первого лица описывается его путь на Ильинку, в «рационализаторский центр»[26]: «...бюрократический поток пронес меня сквозь Ильинские ворота. Сделалось немного страшно за республику — от одного вида шествия служащих» [46, т. 2, с. 419]. Затем герой попадает внутрь здания: «Сначала я долго блудил по клубам, уголкам, чайным, президиумам каких-то бюро и прочим подсобным, очевидно, учреждениям НК РКИ. Но самой сердцевины органа еще не видел. <...> Я шел, теряя силы, по лестницам...» [46, т. 2, с. 418]. Контрольное ведомство представлено типичным иерархичным бюрократическим учреждением, в котором герой, видимо, так и не нашел искомого «старшего рационализатора» (рассказ остался незавершенным).

Другое произведение, непосредственно примыкающее к рассказу, — либретто для фильма о бюрократизме «Надлежащие мероприятия (Социальная сатира наших дней)»[27]. Основное действие также связано с рационализаторской деятельностью НК РКИ (произведение тоже не было завершено). Главный герой Фаддей Чалый попадает в здание на Ильинке, где с трудом, но все-таки находит нужный кабинет (для передачи бракованного шкива) [46, т. 2, с. 422–424]. Впоследствии он устраивается (как и в рассказе, через объ-

26 Наркомат РКИ располагался по адресу: ул. Ильинка, д. 21 (в настоящее время в этом здании располагается Министерство труда и социальной защиты РФ).

27 Об истории создания этих произведений см. примеч. Н. Корниенко к рассказу и либретто: [46, т. 2, с. 815, 823].

явление в газете) на работу в РКИ для «рационализации госаппарата» [46, т. 2, с. 424–425]. Настроенный сражаться с «бюрократической гвардией, топтавшей зеленя революции», Чалый видит в центре Москвы (на примере Всесоюзного союза кооперативных союзов) «всю фантасмагорию современного учреждения: залы машинисток, бухгалтерии, отделы, курьерские уголки, где готовят чай к разноске, какие-то темные ущелья со шкафами и штабелями бумаг, разные бытовые сценки: коридоры, наполненные гуляющей публикой, кабинет, где шепотом говорят двое людей, коммутатор, где стремительно работают барышни», «лабиринты учреждений» и движение бумаг по ним [46, т. 2, с. 429]. Вместо борьбы с бумажными потоками и рационализации работы канцелярий описывается разрастающееся бюрократическое учреждение, осваивающее науку делопроизводства. И в рассказе «Административное естествознание», и в либретто «Надлежащие мероприятия» А.П. Платонов впервые ввел, в сатирическом ключе, «в образы советских бюрократов всех уровней (от низового до высшего) их причастность к сфере науки» (примеч. Н. Корниенко к рассказу: [46, т. 2, с. 819]).

Важно отметить, что в обоих рассмотренных произведениях «рационализаторские» предложения главных героев, пришедших в НК РКИ, связаны с 1919 г. В рассказе «Административное естествознание» автобиографический герой несет в рационализаторский центр, как образец, схему «губпродкома 19-го года», «благородного боевого учреждения». В либретто «Надлежащие мероприятия» участник Гражданской войны и «убежденный любитель военного коммунизма» Фаддей Чалый прибывает из коммуны «Революционный заповедник 1919 г.». В творчестве А.П. Платонова 1927–1929 гг. мотив 1919 г. приобретает особое значение; этот год упоминается в контексте описаний особых переходных моментов и ностальгических состояний героев [5, с. 72, 241; 46, т. 4, кн. 2, с. 45]. В рассказе «Административное естествознание» и либретто «Надлежащие мероприятия» контексты 1919 г. также актуализируют идею возвращения к периоду «догосударственного» рабочего контроля и как бы отмены, «рационализации», самого НК РКИ. Примечательно, что и работа губпродкомов 1919 г., и опыт Гражданской войны ставились Лениным (на разных этапах) в качестве ориентиров для РКИ[28].

28 См. высказывание В.И. Ленина: «Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны? Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной Армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых

В 1927 г. А.П. Платонов оставил сюжет устройства героев на работу в НК РКИ незавершенным. Он вернулся к нему позже, в 1928 г. Его завершению способствовали изменения в системе образов персонажей. В рассказе «Усомнившийся Макар» (1928–1929) в фабуле появляется герой, который нашел себе место в НК РКИ. Это Лев Чумовой, оставивший «свою деревню на произвол бедняков» и устроившийся в РКИ, где «он сидел и чем-то заведовал» [46, т. 4, кн. 2, с. 58]. Ему противопоставлены образы Макара и Петра, которые глазами рабочего и крестьянина увидели современную им рабоче-крестьянскую инспекцию и завершили авторское высказывание об этой организации.

Одним из источников этого рассказа является вышедший в конце 1928 г. восьмой выпуск Ленинского сборника, в который были включены работы В.И. Ленина на тему борьбы с бюрократизмом[29]. В этот выпуск, призванный стать «настольной книгой» для работников РКИ [33, с. 6], вошли материалы реорганизаций Госкона и НК РКИ 1919–1923 гг. (письма, записки, проекты постановлений и т. д.). А.П. Платонов выбрал из опубликованных писем Ленина цитаты о ведомственной работе [33, с. 538] и фабульно реализовал, в финальном эпизоде посещения Макаром и Петром РКИ, идеи привлечения беспартийных рабочих и крестьян к управлению государством (эти мысли многократно варьируются в работах Ленина — см.: [33, с. 17–18, 25–26, и др.]). В тексте рассказа платоновские герои читают «книжку Ленина»: «Побольше надо в наши учреждения рабочих и крестьян <…> Социализм надо строить руками массового человека, а не чиновничьими бумажками наших учреждений» — и идут в РКИ «бороться за ленинское и общебедняцкое дело»: «Сядем с тобой в учреждение и будем думать для государства…» (в первоначальном варианте: «Сядем с тобой в учреждение и будем хлеб есть от государства. — Да уж пора, — согласился Макар. — До каких пор они там против Ленина будут идти?» [46, т. 4, кн. 2, с. 528]). В РКИ, где «была тоска по людям и действительному низовому уму», герои «сели за столы против Льва Чумового и стали говорить с бедным приходящим народом, решая все дела в уме — на базе сочувствия неимущим» [46, т. 4,

сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры. В этом же направлении нам следует, по моему убеждению, искать источник реорганизации Рабкрина» [32, т. 45, с. 383]. Об отрядах губпродкомов и рабочей инспекции — см., например: [32, т. 37, с. 424–425].

29 См. примеч. Е. Антоновой к рассказу «Усомнившийся Макар» [46, т. 4, кн. 2, с. 537–538].

кн. 2, с. 58]. Такая трактовка ленинских идей — решение народных проблем «на базе сочувствия» и социальной близости, сделали существование учреждения бессмысленным: «Скоро народ перестал ходить в учреждение Макара и Петра, потому что они думали настолько просто, что и сами бедные могли думать и решать так же, и трудящиеся стали думать сами за себя на квартирах» [46, т. 4, кн. 2, с. 58–59]. В РКИ остался один Лев Чумовой, и «присутствовал он там до тех пор, пока не была назначена комиссия по делам ликвидации государства. В ней товарищ Чумовой проработал 44 года и умер среди забвения и канцелярских дел, в которых был помещен его организационный гос-ум» [46, т. 4, кн. 2, с. 59].

В рассказе «Григорий с Умственного хутора (Эпизод)» (1928–1929) А.П. Платонов создал яркую пародию на деятельность РКИ по рационализации госучреждений; при этом в разоблачении этой пародии (и выражении оценочных установок автора) участвует персонаж, сам представляющий РКИ. Главный герой рассказа кузнец Григорий рационализирует, по просьбе директора, работу учреждения — переделывает его «на завод»: изобретает «автоматические намазыватели масла на булки», машины для «отжима влаги из исходящих бумаг», переименовывает «отделы» в «цеха», «машинисток» в «механиков», заменяет старичка бюрократа роботом — «чугунным регистратором» и т. д. [46, т. 4, кн. 2, с. 29–31]). Вскоре героя приглашают на «производственное совещание» (заседание в кабинете директора), где присутствует, на фоне «красивых людей», один «мрачный и плохо одетый человек» — инспектор РКИ, который сообщает о результатах обследования учреждения: «Обследовательская группа РКИ нашла, что организация бюрократизма почти закончена», «осталось еще ввести единообразные картузы для всех служащих, чтобы под их базой было видно одинаковое сознание, и затем сделать чугунного регистратора дешевым начальником» [46, т. 4, кн. 2, с. 31]. Далее «рабочий инспектор» обсуждает с кузнецом «сюжет» будущего фильма о бюрократических извращениях, создание которого может «искупить» это учреждение [46, т. 4, кн. 2, с. 32]. В предстоящих киносъемках служащим отводится роль «типажей», а главному герою достается «счастье» творческой жизни: «Доигрывайте жизнь, товарищ, Пакуркин! Вам достанется счастье, кинорежиссеру — гонорар, а здешние бюрократы обратятся в типажи, мы превратим их жизнь в прекрасное искусство» [46, т. 4, кн. 2, с. 32]. Это решение, отрицающее бюро-

кратический подход, принадлежит рабочему инспектору, который не отождествляется ни с госучреждением, ни с бюрократической системой в целом.

Совсем иное впечатление производит инспектор в пьесе о бюрократизме «Дураки на периферии», где своеобразное развитие получают мысли Шмакова об обезличении человека и его перерождении «в абсолютного гражданина» («Город Градов»). Прибывший в финале пьесы инспектор — «Старший рационализатор», словно откликаясь на чаяния запутавшихся чиновников, разрешает основную коллизию по-бюрократически (и по-гоголевски). Своими «повелениями» он запускает новый круг бумажных процедур: «Судебный процесс об алиментах направить к пересмотру... <...> Комиссии быть в силе и продолжать работу, подавая на Башмакова немедля в суд. Башмакову по суду отвечать» [46, т. 4, кн. 2, с. 192]. Фабульные события возвращаются к началу, бюрократическое колесо продолжает крутиться. Мысль об организации бюрократизма и государственном регулировании общественной жизни развивается здесь в трагическом ключе. «Категорически окончательное» [46, т. 4, кн. 2, с. 193] постановление Старшего рационализатора ассоциируется в финале пьесы с «окончательным» приговором родившемуся «по закону» ребенку.

Сюжет «Дураков на периферии» создавался уже после написания трагического эпизода смерти ребенка в романе «Чевенгур» (А.П. Платонов писал пьесу, прерывая работу над романом [30, с. 662]). Уже был создан образ инспектора Сербинова, появление которого в Чевенгуре (наряду с женщинами) — тревожный знак для строителей коммунизма. А.П. Платонов вел повествование к завершению; рождался финальный образ «машинальной» армии, загадочной кавалерии, вторжение которой окончательно погубило мечты чевенгурцев.

Одним из источников этого образа, возможно, стали отряды «легких кавалерий», созданные в 1928 г. по образцу «боевых отрядов» 1919–1920 гг. Их появление в 1928 г. было подготовлено последовательной работой ЦКК–РКИ по привлечению масс к контрольной деятельности и выступлением Н. Бухарина, который в мае 1928 г. призвал комсомольцев поддержать РКИ: «Почему, например, не создать группы комсомольцев по борьбе с бюрократизмом, своего рода “легкую кавалерию” в помощь РКИ. Эта “легкая кавалерия” могла бы производить контроль налетом, наскоком, не как ревизор, а как “обыкновенный смертный”, сталкивающийся непосредственно

с жизнью» [29, с. 1]. Высказанная Н.И. Бухариным мысль была продолжена Сталиным, призвавшим молодежь помочь в проведении лозунга «самокритики»[30], активно участвовать в организации «контроля снизу» и направить всю «ярость» против классовых врагов и бюрократических «извращений» [73, с. 72–74].

Руководство ВЛКСМ восприняло призыв Н.И. Бухарина как возможность показать лицо нового поколения революционеров, а также «оживить» пассивную, безработную молодежь [30, с. 1]. С июня 1928 г. отряды «легких кавалерий» приступили к выполнению «боевых» заданий РКИ [26, с. 1]. «В бой!», «В атаку!» — начались «налеты» на предприятия и учреждения. Без особых инструкций и подготовок устраивались допросы сотрудников и администраций, составлялись акты о результатах проверки, материалы передавались в РКИ, затем в суд и ОГПУ. Размах этой работы хорошо прослеживается по печати (многие газеты открыли в 1928 г. специальные рубрики, посвященные работе РКИ) — к примеру, в «Рабочей газете»: «“Легкая кавалерия” наступает» (20 июня), «“Легкая кавалерия” РКИ в Рязани» (14 июля), «Рейды “легкой кавалерии”» (9 августа), «Налет “легкой кавалерии”» (12 августа), «“Легкая кавалерия” за работой» (23 августа) и др.; в «Комсомольской правде»: «“Легкая” в действии» (4 ноября), «Кавалерийским строем по шахтам Донбасса» (17 ноября); «200 дней работы московских “кавалеристов”» (17 ноября) и т. д.

«Кавалеристов» обвиняли в «нажиме» на администрации предприятий; их стиль работы определяли словами «военщина» и «театральщина» [23, с. 120]. Вместе с тем к концу года эти методы работы были полностью поддержаны властью: «Несмотря на короткий период работы, группы “легкой кавалерии” показали свою жизнеспособность, достигнув положительных результатов в устранении вскрытых ими случаев бюрократизма, волокиты, разгильдяйства, а порой и преступности в соваппарате», — заявлял Г. Орджоникидзе [25, с. 1]. Как на недостатки в работе групп «легкой кавалерии» он указывал лишь на «крайне слабое вовлечение беспартийной молодежи, совершенно незначительное развертывание этой работы в деревне, недостаточное руководство группами со стороны органов РКИ и комсомо-

30 Один из главных партийных лозунгов 1928 г., на который А.П. Платонов откликнулся летом в рассказе «Областные организационно-философские очерки» (см. примеч. Н. Корниенко к рассказу [46, т. 4, кн. 2, с. 491–492]).

ла» [25, с. 1]. Работа «кавалерий» всецело поощрялась, самые активные выдвигались на ответственные посты в государственный аппарат.

Призывы ЦКК–РКИ нашли отклик не только в рядах комсомольцев. Население стало активно участвовать в работе Объединенного бюро жалоб и заявлений НК РКИ[31] и массово откликнулось на призыв РКИ жаловаться на любые проявления бюрократизма и непорядки[32]. «У нас жалобщиков любят», — скажет по этому поводу герой «Усомнившегося Макара», а в пьесе «Дураки на периферии» появятся жалобщицы, чьи письма в губгород (наряду с письмом М. Горькому) повлекут за собой приезд ревизора.

В помощь отрядам РКИ начали активно записываться добровольцы — см. «Хороший почин (На призыв РКИ откликнулось уже более тысячи человек)» [66, с. 1], «2.000 помощников РКИ» [67, с. 6], «10.000 помощников РКИ» [68, с. 5] и др. Они формировали рационализаторские группы, участвовали под руководством инспекторов РКИ в проверках поступающих в огромном количестве жалоб от населения. В 1928 г. эта форма участия масс в управлении государством стала самой популярной [22, с. 5]. К событиям того лета отсылает развернутый диалог платоновских героев в рассказе «Областные организационно-философские очерки», рассуждающих о «полосе самокритики», о «самобичевании» и «давлении» масс на учреждения [46, т. 4, кн. 2, с. 11–13].

В 1929–1930 гг. этот опыт массового «контроля снизу» стал внедряться в разные организационные структуры, закрепляться в форме, например, шефства рабочих над соваппаратом и в целом оказался самым востребованным репрессивным инструментом в ходе «чисток» партийных, государственных и хозяйственных организаций 1929–1930 гг. [63, с. 2; 64, с. 4; и др.]. Начавшееся с «легких кавалерий» общественное движение имело огромное значение и важные последствия для страны (см. подробнее: [2, с. 238–258]).

В финале романа «Чевенгур» на город напали всадники, «неизвестные Чевенгуру солдаты». «Машинальный враг гремел копытами по целине,

31 В начале 1928 г. была проведена реформа этого Бюро, важной частью которой было создание института рабочих заседателей для разбора жалоб и заявлений [27, с. 2; 28, с. 4; 24, с. 4; и др.].

32 В каждом советском учреждении в 1928 г. организовывались пункты приема жалоб, предложений и заявлений от населения (жалобные книги и ящики); открывались посты для личного приема граждан в праздничные и выходные дни; велась большая агитационная работа.

он загораживал от прочих открытую степь — дорогу в будущие страны света, в исход из Чевенгура» [5, с. 498]. Содержание этого образа включает разные контексты (исторические, мифологические, религиозные). В историческом плане, по-видимому, большую роль сыграли близкие реалии 1928 г., связанные с развернувшейся деятельностью НК РКИ. К этому времени государственное контрольное ведомство уже устойчиво связывалась с организационным воздействием, с подавлением «стихийности», с рационализаторским подходом и силовыми методами, ассоциировалась с проверками и «налетами», всегда имевшими последствия. Обращение к этому образу помогло А.П. Платонову ввести также важные для романа контексты 1919 г. и переосмыслить проблему государственного (административного, силового, рационального) вмешательства в жизнь общества.

Работа по изучению творчества А.П. Платонова в контексте истории советского контроля еще требует продолжения, выхода за 1920-е гг. и дальнейших обобщений. На первом этапе можно сделать выводы об общей специфике рассмотренных аллюзий и упоминаний в произведениях писателя 1920-х гг. Большинство отсылок к деятельности НК РКИ связано с рационализаторской и антибюрократической работой контрольного ведомства. Характер этих отсылок говорит о многоаспектности образа контрольной инстанции, об изменении его функций и места в творчестве Платонова. Краткие характеристики и упоминания инспекторов РКИ, образы которых не всегда ассоциируются с деятельностью государства, сменяются развернутыми изображениями разрастающегося, перерождающегося в новых формах бюрократического учреждения. Работа НК РКИ по рационализации и совершенствованию государственного аппарата приобретает ярко выраженные черты псевдонаучной, псевдопроизводственной, обессмысленной деятельности. При этом образ такой мнимой организации может превращаться в реальную силу, угрожающую жизни.

Список литературы

Исследования

1 *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 784 с.

2 *Иконников С.Н.* Создание и деятельность объединенных органов ЦКК–РКИ в 1923–1934 гг. М.: Наука, 1971. 481 с.

3 *Корниенко Н.* «Путь в Чевенгур»: От истории текста — к творческой истории романа // Архив А.П. Платонова. Книга 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 642–670.

4 *Тамм И.Е.* Из истории становления советского делопроизводства (по материалам 1921 г.) // Археографический ежегодник за 1969 г. М.: Наука, 1971. С. 160–173.

Источники

5 Архив А.П. Платонова. Книга 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 672 с.

6 Волисполкомы и сельсоветы по данным обследования ЦКК РКП(б) и НК РКИ. М.: НК РКИ, 1924. 219 с.

7 Воронежская коммуна. 1923. 10 октября.

8 Воронежская коммуна. 1923. 19 сентября.

9 Воронежская коммуна. 1923. 28 октября.

10 Воронежская коммуна. 1923. 7 октября.

11 Двенадцатый съезд РКП(б). 17–13 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 903 с.

12 Декреты Советской власти. Т. V: 1 апреля – 31 июля 1919 г. М.: Госполитиздат, 1971. 720 с.

13 Деятельность органов партийно-государственного контроля по совершенствованию государственного аппарата (от XII до XVI съезда партии): Сборник документов. М.: Мысль, 1964. 335 с.

14 Известия Государственного контроля. 1919. 1 октября.

15 Известия. 1919. 10 апреля.

16 Известия. 1919. 10 мая.

17 Известия. 1919. 17 июня.

18 Известия. 1919. 3 мая.

19 Известия. 1919. 4 апреля.

20 Известия. 1927. 9 марта.

21 Известия. 1927. 9 февраля.

22 Известия. 1928. 30 августа.

23 *Кладовников В.С.* Как работать по-новому. Л.: Прибой, 1930. 180 с.

24 Комсомольская правда. 1928. 17 января.

25 Комсомольская правда. 1928. 21 декабря.

26 Комсомольская правда. 1928. 29 июня.

27 Комсомольская правда. 1928. 3 января.

28 Комсомольская правда. 1928. 5 января.

29 Комсомольская правда. 1928. 8 мая.

30 Комсомольская правда. 1928. 9 мая.

31 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 2 ч.: 1898–1953. 7-е изд. Ч. 2.: 1925–1953. М.: ГИПЛ, 1953. 1204 с.

32 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965.

33 Ленинский сборник: VIII. М.; Л.: Гиз., 1928. 374 с.

34 Отчет Воронежского уездного исполнительного комитета XI-го созыва о деятельности за период с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. Воронеж: Тип. Губсоюза, 1926. 143 с.

35 *Платонов А.* <Отзыв о книге М. Рафимова «Система делопроизводства в государственных учреждениях»> // *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 492–493.

36 *Платонов А.* <О конкурсах газеты «Репейник»> // *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 637–639.

37 *Платонов А.* «...я прожил жизнь». Письма. [1920–1950 гг.]. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2019. 717 с.

38 *Платонов А.* Великое равно малому, а малое – ничему // *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 549–550.

39 *Платонов А.* Время, помноженное на силу, на вещество и на скупость, – даст нам благоденствие // *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 646–648.

40 *Платонов А.* Мелиоративная война против засухи // *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 663–665.

41 *Платонов А.* Мелиоративные работы // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1. Кн. 2. С. 273–275.

42 *Платонов А.* О поднятии энергетики сельского хозяйства (Очерк о планах Энергзема) // *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 610–613.

43 *Платонов А.* Об институте труда в Москве и о зоркой мысли, берегущей тело человека и одолевающей время // *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 648–649.

44 *Платонов А.* Об организации мелиоративного дела в Воронежской губернии // *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 650–652.

45 *Платонов А.* Организация победы над засухой // *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 667–669.

46 *Платонов А.П.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004–2020.
47 *Платонов А.* Почему мы, городские рабочие, — коммунисты // *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 512–513.
48 Положение о Воронежском государственном мелиоративном бюро при Губземуправлении / публ. Е. Антоновой // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 478–479.
49 Положение о Рабоче-крестьянской инспекции // Декреты советской власти. Т. VII: 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М.: Политиздат, 1975. С. 208–215.
50 Постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны «О точном и быстром исполнении распоряжений центральной власти и устранении канцелярской волокиты» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 1311–1312.
51 Правда. 1923. 13 апреля.
52 Правда. 1923. 14 апреля.
53 Правда. 1923. 18 июля.
54 Правда. 1923. 19 апреля.
55 Правда. 1923. 29 июля.
56 Правда. 1923. 31 июля.
57 Правда. 1923. 4 марта.
58 Правда. 1927. 17 февраля.
59 Правда. 1927. 25 марта.
60 Правда. 1927. 6 января.
61 Правда. 1927. 8 февраля.
62 Правда. 1927. 9 января.
63 Правда. 1929. 1 мая.
64 Правда. 1929. 2 июня.
65 Пять лет власти Советов. М.: ВЦИК, 1922. 571 с.
66 Рабочая газета. 1928. 19 июня.
67 Рабочая газета. 1928. 27 июня.
68 Рабочая газета. 1928. 8 июля.
69 *Рафимов М.* Система делопроизводства в государственных учреждениях. М.: ВСНХ, 1919. 40 с.
70 РКИ в советском строительстве. М.: Бюро Печати и Информации СНК и СТО, 1926. 65 с.
71 Связь с РКИ // Производственный журнал. 1928. № 16. С. 1.
72 Советский календарь на 1920 г. М.: ВЦИК, 1920. 174 с.
73 *Сталин И.В.* Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. М.: ОГИЗ; ГИПЛ, 1949. Т. 11. С. 66–77.

References

1 Antonova, E.V. *Voronezhskii period zhizni i tvorchestva A. Platonova* [*The Voronezh Period of Platonov's Life and Work*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016. 784 p. (In Russ.)

2 Ikonnikov, S.N. *Sozdanie i deiatel'nost' ob"edinennykh organov TsKK–RKI v 1923–1934 gg.* [*The Establishment and the Activity of the Joint CCC–WPI in 1923–1934s*]. Moscow, Nauka Publ, 1971. 481 p. (In Russ.)

3 Kornienko, N. "'Put' v Chevengur': Ot istorii teksta — k tvorcheskoi istorii romana" ["'Path to Chevengur': From the History of the Text to the Creative History of the Novel"]. *Arkhiv A.P. Platonova. Kniga 2: Opisanie rukopisi romana "Chevengur". Dinamicheskaia transkriptsiia. Nauchnoe izdanie* [*Archive of A.P. Platonov. Book 2: The Description of the Manuscript of "Chevengur". Dynamic Transcription. Academic Publication*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 642–670. (In Russ.)

4 Tamm, I.E. "Iz istorii stanovleniia sovetskogo deloproizvodstva (po materialam 1921 g.)" ["From the History of the Development of Soviet Office Work (Based on Materials from 1921)"]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1969 g.* [*Archeography Yearbook for 1969*]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 160–173. (In Russ.)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

К ЧЕМУ МОЖНО ПРИВЫКНУТЬ И ОТ ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ОТВЫКНУТЬ: К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ А. ПЛАТОНОВА

© 2021 г. С. Нонака
Сайтамский государственный университет,
Сайтама, Япония
Дата поступления статьи: 03 августа 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 12 сентября 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-300-313

Работа выполнена при финансовой поддержке Japan Association for the Promotion of Science (kakenhi № 20H01246)

Аннонация: Статья посвящена рассмотрению употребления глагола «привыкнуть» в художественных произведениях А.П. Платонова. Данное слово у него отличается особенным «платоновским» употреблением, которое показывает своеобразное понимание «временной» сущности человеческой жизни, противоречащей плановому мышлению утопизма, характерного для писателя в молодости, и социализма вообще. По мере того как Платонов становился старше, переживая многие трагедии, такие как скоропостижная смерть сына и Великая Отечественная война, он всё больше склонялся к мнению, что «привыкание» составляет один из самых главных моментов человеческой жизни, чего бы оно ни касалось: горя, смерти и даже счастья и любви. Можно назвать это «традиционалистским углублением» Платонова, если учесть, что традиционализм или консерватизм отличается подчеркиванием значения привычек и обычаев в обществе, формировавшихся течением времени, а не силой идеала или теории. В целом можно сказать, что творчество Платонова характеризует антиномия между плановым мышлением и привыканием, идеалом и привычной жизнью.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «привыкнуть», временная сущность человеческой жизни, военные рассказы, традиционализм.

Информация об авторе: Сусуму Нонака — PhD in Philology, профессор, Сайтамский государственный университет, филологический факультет, Сайтама, Сакура-ку, Симо-Окубо, 338-8570 Япония.

E-mail: nonaka@mail.saitama-u.ac.jp

Для цитирования: *Нонака С.* К чему можно привыкнуть и от чего нельзя отвыкнуть: к вопросу о традиционализме А. Платонова // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 300–313. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-300-313

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

WHAT YOU CAN GET USED TO AND WHAT YOU CANNOT: TOWARDS THE QUESTION OF PLATONOV'S TRADITIONALISM

© 2021. Susumu Nonaka
Saitama University, Saitama, Japan
Received: August 03, 2021
Approved after reviewing: September 12, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: The work was financially supported by Japan Association for the Promotion of Science (kakenhi № 20H01246).

Abstract: The article examines the use of a Russian verb "privyknut' (get used to)" in the fiction of Andrey Platonov. The use of this verb in his works is full of special connotations typical for his prose that reveal his understanding of the "temporal" being of a human life. This perspective is opposed to the "plan-based thinking" of utopianism which played an important role in Platonov's earlier period and in socialism generally. However, as he grew older, with many tragedies including his son's early death and the World War II, he started to realize that "getting used to" is one of the main moments in the life of human existence, whatever it concerns — grief and death or happiness and love. It is possible to call this change of Platonov's thought a "traditionalist deepening" should we consider that traditionalism or conservatism entails the importance of customs and habits that were developed in the society over time and not by the power of ideas and theories. In general, we can conclude that it is the antinomy between the "plan-based thinking" and the "getting used to," ideals and ordinary life that characterizes Platonov's fiction.

Keywords: Andrey Platonov, "getting used to," temporal essence of a human life, war prose, traditionalism.

Information about the author: Susumu Nonaka, PhD in Philology, Professor, Saitama University, Saitama, Sakura-ku, Simo-Okubo 255, 338-8570 Japan.

E-mail: nonaka@mail.saitama-u.ac.jp

For citation: Nonaka, S. "What You Can Get Used to and What You Cannot: Towards the Question of Platonov's Traditionalism. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 300–313. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-300-313

Как иностранный читатель произведений А.П. Платонова, я нередко сталкиваюсь со словами, которые (почти) каждый раз впечатляют меня и заставляют задуматься о том, что писатель хочет передать с их помощью. К таким словам относится «привыкнуть». Глагол обыкновенный, но под пером А.П. Платонова он часто отличается особенным звучанием и значением. Как мы увидим, платоновские герои привыкают ко многим вещам, но сначала ограничимся двумя отрывками:

> — Тебе ничего сейчас, не жалко со мною жить? — спросила она.
>
> — Нет, мне ничего, — ответил Никита. — Я уже *привык быть счастливым* с тобой («Река Потудань» [13, т. 4, с. 454[1]]).
>
> Сычов оглядел всех своих живых бойцов. Красноармейцы были безмолвны. Они *привыкли терпеть бой* и могли стерпеть даже смерть, но сердце их *не могло привыкнуть к разлуке* с тем, кого оно любило и что ушло от него безответно навеки («Оборона Семидворья» [13, т. 5, с. 177]).

Оба примера представляются по-особому «платоновскими». Слова Никиты дают нам понять, что даже к тому, чтобы быть счастливым, нужно привыкнуть. А описание похорон командира роты, на наш взгляд, передает платоновскую мысль о том, к чему надо и не надо привыкать в катастрофах, таких как война. Можно заметить, что писатель придает слову «привыкнуть» особенное значение, поскольку оно появляется в самом конце обоих рассказов.

1 Курсив в цитированных платоновских текстах здесь и далее наш. — *С.Н.*

В настоящей статье хотелось бы показать, что, во-первых, слово «привыкнуть» имеет важное значение, особенно в поздних (т. е. военных и послевоенных) произведениях А.П. Платонова, а во-вторых, что его можно отнести к вопросу «платоновского традиционализма»[2]. Важно отметить, что слово «привыкнуть» обращает на себя внимание платоноведов. Ян Лохер выделяет концепт «привычности», не теряющий центральной функции, по мнению исследователя, «со времени написания “Реки Потудань” и до самой смерти писателя» [5, с. 596]. Исследователь правильно указывает на амбивалентность платоновского отношения к «привычности»:

> Жизнь без *привыкания* и *отвыкания* невозможна; во всяком случае, без них нельзя осознать жизнь во всей ее сложности. Неясно, относится ли констатация *привык* / *отвык* к шкале ценностей «плохое — хорошее»; у Платонова неясно и то, в какой мере осмысленная жизнь обусловлена такой аксиологической шкалой, так как *привыкание* / *отвыкание* может служить ложным оправданием любого действия, любого отношения [5, с. 596; курсив Я. Лохера].

Михаил Михеев также обращает внимание на «идею *привыкания, привычности* или того, что герою оказывается *по пути,* что он делает, так сказать, п*о*ходя, без специального усилия, просто по ходу дела» [6, с. 725; курсив М. Михеева]. На наш взгляд, исследователь немного сужает значение платоновского «привыкания», относя его только к идее «*попутности* жизни» или «*неразборчивости*» в образе героя рассказа «Возвращения» [6, с. 725; курсив М. Михеева]. На самом деле, А.П. Платонов в этом произведении подразумевает и положительное значение «привыкания» для человека, как и в «Реке Потудань»: даже к счастью нужно привыкнуть. Во всяком случае, можно сказать, что вопрос о «привыкании / отвыкании» давно находится в орбите вопросов платоноведения.

К чему привыкают платоновские герои?

У А.П. Платонова слово «привыкнуть» появляется уже в ранней прозе первой половины 1920-х гг. (но ни разу в стихах, что заслуживает внима-

2 Вопрос о «традиционализме» А.П. Платонова обращает на себя все больше внимания в последнее время [2; 3; 8].

ния). Оно стало приобретать заметную частоту и особенные коннотации, по-видимому, во второй половине 1920-х гг. В 1930–1940-е гг. данное слово находится уже в центре внимания писателя, который, на наш взгляд, переформулировал свое понимание того, что означают привыкание и привычка для человека. Это можно подтвердить на основании военных и послевоенных произведений А.П. Платонова. Рассмотрим конкретно, к чему и как платоновские герои привыкают[3].

1) Горе, страдание, боль. Им часто приходится привыкать к мучительным состояниям, к которым обычно привыкнуть нельзя. Но у А.П. Платонова люди часто привыкают к горю, страданию, боли. Примечательно, что он изображает привыкание не только как результат («привык(ла/ли)»), но и как процесс («привыкая», «начинали/стали привыкать»). В этом отношении представляется, что он считает «привыкание» скорее сознательным действием, нуждающимся в прошествии определенного времени: «Они [прочие люди. — *С.Н.*] *привыкли к горю*, им оно легко, дадим пока им мало, и они будут нас любить» («Чевенгур» [13, т. 3, с. 329]); «...но все же бабы вскрикивали повсеместно и, *привыкая к горю*, держали постоянный вой» («Котлован» [13, т. 3, с. 495]); «...они [дети. — *С.Н.*] уже *начинали привыкать мучиться*, и им дремалось ко сну» («Июльская гроза» [13, т. 6, с. 33]); «Однако постепенно вдова успокоилась, потому что *стала уже привыкать к своему страданию*, и привычка служила ей облегчением» («Пустодушие» [13, т. 5, с. 250]); «— Разорви меня, нас тогда двое будет. Один останется землю муравьям пахать, а другой к матери твоей пойдет. Рви меня пополам, *мне не больно, я привык*» («Осьмушка» [13, т. 6, с. 140]).

2) Смерть. В военных рассказах А.П. Платонов изображает людей, пытающихся привыкнуть к смерти. Можно сказать, что привыкание к смерти представляет собой одну из главных тем его военных рассказов[4]: «— Давай их [немецкие танки. — *С.Н.*] остановим всех — не страшно, *я видел смерть, я привык к ней*» («Одухотворенные люди» [13, т. 5, с. 105]); «Роза

3 Оговоримся, что мы займемся, главным образом, специфически «платоновскими» примерами использования данного слова. У него, конечно, бывают и более стандартные, обыкновенные примеры, которые все же отличаются чем-то «платоновским».

4 Правда, у А.П. Платонова и до войны появляется привыкание этого типа: «Маленький Назар не хотел уходить от матери. Он ей говорил, что привык умирать и больше не боится, что он мало будет есть» («Джан» [13, т. 4, с. 120]). Но все-таки следует сказать, что данный мотив стал играть центральную роль в военных рассказах.

всего не знала, а что знала, про то сказать не могла, потому что если бы сказала, то умерла бы сама по себе, от своего стыда и сердца, а этой смерти Роза не хотела, она думала, что эта смерть вечная... *К немецкой же смерти Роза начала уже привыкать*» («Девушка Роза» [13, т. 5, с. 243]); «— А я что же, товарищ капитан... Я солдат, я *к смерти давно привык*, почему же меня не посылаете на дело?» («Офицер и солдат» [13, т. 5, с. 311]).

Стоит отметить, что в «Божьем дереве», первом рассказе А.П. Платонова военных лет[5], «привыкание к смерти» уже тематизируется:

> Немецкий офицер взял со стола револьвер.
>
> — Сейчас вы научитесь.
>
> — Убьешь, что ль? — спросил Трофимов.
>
> — Убью, — подтвердил офицер.
>
> — *Убивай, мы привыкли*, — сказал Трофимов.
>
> — А теперь *отвыкнуть захотел*? — спросил офицер.
>
> — *Отвыкнуть захотел*, — согласно сообщил Трофимов. — Теперь *вам пора к смерти привыкать*.
>
> Офицер поднялся и ударил пленника рукояткой револьвера в темя на голове. — *Отвыкай!* — воскликнул фашист [13, т. 5, с. 14].

В как бы философском диалоге с немецким офицером речь затрагивает и «отвыкание», очевидно, от жизни. В сочетании глаголов «привыкнуть / отвыкнуть» с существительными «жизнь / смерть» намечено платоновское понимание человеческой жизни — ее временно́го характера или времени как ее необходимого момента. Для А.П. Платонова сущность жизни и смерти можно постигнуть только с помощью «теченья времени» (название одного из платоновских рассказов), а не с помощью какой-нибудь вечной, вневременной правды. С такой точки зрения, может быть, следует понимать платоновскую запись 1944 г. по поводу смерти сына: «Как Тоша, умирая, говорил: “важное, важное, самое важное”, — и умер, не сказав самого важного. Так самое важное уносится в могилу» [12, с. 249].

3) Жизнь. Не удивительно, что платоновские герои должны привыкнуть также и к жизни. Естественно, что выражение «привык(ла/ли) жить»

5 Согласно комментариям к восьмитомному собранию сочинений, впервые о работе над этим рассказом упоминается в его письме от 4 августа 1941 г. [13, т. 5, с. 515].

используется часто по отношению к взрослым и старшим людям: «Айдым ощупала на становище всех спящих и беспамятных: *они привыкли жить,* дышали, и никто из них не умер» («Джан» [13, т. 4, с. 193]); «Дед долго жил на свете и *так привык жить, что забыл о смерти* и никогда не собирался помирать» («Дед-солдат» [13, т. 5, с. 16]); «Да надо бы пожить еще, я уж *привык жить, и отвыкать надобности нету*!..» («Офицер и солдат» [13, т. 5, с. 278]); «— Я больная, да терпеливая и *к жизни привычная*» («Великий человек» [13, т. 6, с. 54]).

Интересно, что подобные выражения появляются и в платоновских произведениях о детях, детских рассказах и сказках[6]; в таких случаях часто используются выражения «*не* привык(ла/ли) жить»: «...*к биению своего сердца она* [Джумаль. — *С.Н.*] *уже привыкла* и не боялась, что оно остановится» («Такыр» [13, т. 4, с. 296]); «— Отчего ты такая глупая? — Ни отчего. Я еще маленькая, *не привыкла жить*» («Теченье времени» [13, т. 6, с. 66]); «Я забыл, как я начал жить на свете, как прожил первые дни и *привык потом быть живым*» («Первый день на свете» [13, т. 6, с. 191]); «Ивану было скучно одному без матери. *Не привыкши жить*, он не знал, что ему надо думать, что делать и что происходит кругом на свете» («Дар жизни» [13, т. 6, с. 192]).

Представляется, что А.П. Платонов придает моменту «привыкания к жизни» важное значение для детей, поскольку он имеет отношение к противопоставлению «видение — узнавание», которое играет важную роль в поэтике писателя и, следовательно, в его понимании действительности и жизни [7, с. 18–20, 49–52]. В рассказе «Дар жизни», например, контрастность и взаимодополнительность «видения — узнавания» представлены в изображении восприятия ребенка и взрослого человека:

> Глядя на мать, Иван *видел ее и видел то, что она говорила ему*: землю, освещенную солнцем и звездами, на которой хотелось жить со всеми людьми, и людей, что проходили через самое его сердце, сопровождаемые словами матери, людей добрых и кротких или грозных и страшных, разных и непохожих друг на друга, но одинаково влекущих к себе [13, т. 6, с. 193].

6 Об общих жанровых вопросах платоновских детских рассказов и сказок, а также о литературно-политическом контексте этих жанров в СССР см. комментарии Н. Корниенко [13, т. 6, с. 366–390].

> Солдат посмотрел на Ивана долгим радующимся взглядом, словно *постепенно узнавая в Иване того, кого давно искал и уже забыл в лицо, а встретив, не сразу понял*... [13, т. 6, с. 208].

4) Любовь, счастье. Если любовь и счастье составляют самые важные моменты жизни, то следует, что и к ним нужно привыкнуть в связи с ее временн*ы*м характером. Иначе говоря, любовь и счастье сами содержат в себе момент привыкания. На наш взгляд, А.П. Платонов относится к ним с этой точки зрения, изображая людей, привыкающих любить и быть счастливыми с помощью течения времени: «— Тебе ничего сейчас, не жалко со мною жить? — спросила она. — Нет, мне ничего, — ответил Никита. — Я уже *привык быть счастливым с тобой*» («Река Потудань» [13, т. 4, с. 454]); «Анна Гавриловна поняла своего мужа. Она отвернула одеяло, положенное на диване для Кондрата <...>: пусть Кондрат спит удобно и нежно, если надо его считать сыном, а *сердце затем само привыкнет его любить*» («Старый механик» [13, т. 4, с. 517]); «Я *привык любить свою жену*, я часто забываю о ней среди многих забот и обязанностей, но и без памяти о ней душа моя молча страдает, что нет ее со мной, что, может быть, нет ее в живых на свете» («Размышления офицера» [13, т. 5, с. 228]); «— Ступайте теперь к своим родителям, — говорит им Иван. А звери ему отвечают: — Не пойдем, — говорят, — ты добрый, и *мы к тебе привыкли*» («Иван-чудо» [13, т. 6, с. 272]); «Он читал когда-то, что черепахи живут долго, а *старик не хотел, чтобы то существо, к которому привыкнет его сердце, погибло раньше его*» («Любовь к родине, или путешествие воробья» [13, т. 4, с. 473].

Можно ли жить по привычке?

Как известно, исследователи давно отмечают у А.П. Платонова тему «стыда быть счастливым». В своей классической статье Леонид Карасев сформулировал: «...стыд становится полноправным хозяином в чувствах платоновских взрослых людей» [4, с. 121]. Владимир Варава утверждает, что нравственную философию писателя можно резюмировать так: «*Счастливым быть стыдно*» [1, с. 193; курсив В. Варавы]. Действительно, в «Котловане» Вощев говорит: «...наш класс весь мир чувствует, а счастье все равно буржуазное дело... От счастья только стыд начнется!» («Котлован» [13, т. 3, с. 426]). И в «Афродите», написанной во время войны, герой верит, что

«в стремлении к счастью для одного себя есть что-то низменное и непрочное» («Афродита» [13, т. 5, с. 355]).

Между тем в поздних платоновских произведениях можно заметить развитие и углубление темы счастья. Например, сказка «Безручка» заканчивается следующим предложением: «Несчастье хоть и живет на свете, да нечаянно, а *счастье должно жить постоянно*» [13, т. 6, с. 287]. Это, возможно, представляет собой продолжение размышлений писателя на данную тему, начатых во время войны: «Теперь давно миновали те счастливые мирные годы. *И они не могли длиться постоянно, ибо и счастье должно изменяться, чтобы сохраниться*» («Афродита» [13, т. 5, с. 343]).

По поводу «Безручки» Роберт Чандлер отмечает, что в ее финале наиболее полно разрешаются платоновские темы о «добре» и «доброте» [9, с. 279–280]. Нельзя не согласиться с его заключением: «В своих сказках, этой последней главе сочинений, изданных при жизни, Платонов утверждает свою веру в счастье» [9, с. 280]. Остается лишь добавить, что для писателя военного и послевоенного периодов существенным оказался еще один момент счастья — привыкание. На наш взгляд, это повлияло на платоновское понимание счастья коренным образом, что хотелось бы назвать «традиционалистским углублением» позднего Платонова.

Мотив «жизни по привычке» приобрел основное значение в платоновских военных рассказах именно потому, что во время войны жить по привычке невозможно: «Все здесь [в русской избе. — *С.Н.*] было знакомо, просто и убого, *но мило и привычно сердцу и ненадоедливо, как хлеб*» («Никодим Максимов» [13, т. 5, с. 194]); «До вечера еще время нам было; мы маленько уже обжились в избе и привыкать стали; *солдат обвыкается с местом скоро — медлить ему некогда*» («Страх солдата» [13, т. 5, с. 370]); «Глядя на это небо, в груди человека подымается *счастливое желание долго жить на земле и еще раз будущим годом снова увидеть лето сначала*» («Домашний очаг» [13, т. 5, с. 205]). Снова увидеть, т. е. узнавать, дорогое и дорогих — это ценнейший момент «жизни по привычке», представляющий собой счастье.

Правда, надо вспомнить, что у А.П. Платонова отношение к «жизни по привычке» всегда амбивалентно. В рассказе «Бессмертие» (1936) есть следующий диалог:

— Нарком [Л. Каганович. — *С.Н.*] сказал, что *привычка нас губит. Человек должен уметь отвыкать и жить заново...*

— Слыхал, — сказал Едвак. — Он нарком, а я нет.

— Ты нет, — произнес Левин. — Ты вчера два поезда задержал на десять минут, два вагона перекидывал — пять сцепщиков нагнал. Тебе бы надо моим дедом быть: тот три телеги нанимал, когда нужна была одна. Первая не приедет, у второй шкворень согнется, а уж третья как-нибудь явится...

Едвак осовел от обиды [13, т. 4, с. 376].

Видимо, здесь нет (или очень мало) авторской иронии к словам наркома и героя. Скорее, автор приспосабливается к официальной идеологии, пропагандирующей ускоренное обновление и уничтожение старого быта. Обиженная реакция Едвака, помощника Левина, мотивирована тем, что его сопоставляют с «дедом», человеком отжившей эпохи. Интересно заметить, однако, что в этом сопоставлении все-таки есть юмор, происходящий, пожалуй, от мнения Платонова о русскости или русской душе[7].

В военное и послевоенное же время, когда привыкание / отвыкание получило для А.П. Платонова новое освещение, он описывает пожилых людей, которые пытаются изменить старые привычки, чтобы привыкнуть к новым: «Он сам погрузил свой хлеб на воз и поехал с ним в районную кооперацию, а жену оставил дома, *чтоб она подумала одна и постепенно привыкла к его новому мероприятию*» («Добрый Кузя» [13, т. 5, с. 130]); «И они *по привычке пошли к своей избе, где были теперь ясли*» («От хорошего сердца» [13, т. 6, с. 108]). А.П. Платонов, придавая большое значение «жизни по привычке», все-таки верил в способность людей привыкнуть к новой жизни после утраты старой. Таков динамизм платоновского традиционализма.

Стоит коснуться и другого вопроса: к чему его герои не могут привыкнуть и от чего они отказываются отвыкнуть? Этот вопрос важен потому, что он имеет отношение к теме «постоянное» для человека: «Они [красноармейцы. — *С.Н.*] *привыкли терпеть бой* и могли стерпеть даже смерть, но сердце их *не могло привыкнуть к разлуке с тем, кого оно любило и что*

7 Н. Корниенко пишет по этому поводу: «...он сам был носителем уникальных для советского писателя знаний о реальной жизни провинции эпохи нэпа — и это знание во многом определит его жесткое противостояние основному направлению и пафосу советской литературы и главное обвинение, которое он до конца жизни будет ей предъявлять: незнание и нежелание знать жизнь народа» [14, с. 60].

ушло от него безответно навеки» («Оборона Семидворья» [13, т. 5, с. 177]); «— Мать с дочкой, — сказал бабай [о коровах. — *С.Н.*]. — *Дочка выросла, а дурная; от матери не отвыкла. — Зачем ей отвыкать,* — сказал Беспалов, — у нее мать хорошая, она дитя свое от ветра бережет» («Крестьянин Ягафар» [13, т. 5, с. 39]); «Однако *от этой земли, серой и равнодушной, отвыкнуть было нельзя никому*, кто на ней родился однажды. И кузнец, карел Нигарэ, тоже *не мог отвыкнуть от привычной земли*» («Сампо» [13, т. 5, с. 110]).

Эти отрывки ясно показывают платоновскую позицию: нельзя отвыкнуть от того, что любишь, а особенно от того, что тебя родило[8]. В ней заключается, возможно, основной пафос платоновских военных рассказов.

Как мы пытались показать, платоновская тема «привыкание / отвыкание» углубляется в военных и послевоенных произведениях. Это углубление можно считать «традиционалистским», поскольку оно основано на мысли, что человеку следует жить по привычке, а не по разуму или «плановому мышлению» по терминологии Т. Сейфрида [10]. Если у А.П. Платонова утопизм и традиционализм противоречат друг другу, то данное противоречие проходит именно по вопросу «или по плану, или по привычке». Можно сказать, что этот вопрос не утратил актуальности для писателя до самого конца. Молодой пафос, с которым он однажды сформулировал: «Вы люди законные и достойные, я человеком только хочу быть. *Для вас быть человеком привычка, для меня редкость и праздник*» [13, т. 8, с. 15], должен был в нем остаться. Он понимает значение привыкания для человека, так как ему самому было нелегко привыкнуть к жизни.

«Время и место» традиционализма (вместо заключения)

В завершение хочется сказать следующее: неслучайным представляется связь мотива «привыкания» с традиционализмом, если вспомнить роман Сергея Аксакова «Семейная хроника», где привычка и привыкание выделяются как важные критерии образа жизни:

8 Нужно отметить, что этот мотив наблюдается и в более ранних произведениях. Например, в повести «Хлеб и чтение» (1932): «После смерти родителей, всех братьев и сестер, Щеглов жил у знакомых и никак не мог отвыкнуть от любви к погребенному отцу и матери» [13, т. 3, с. 464].

Грустно было Степану Михайловичу расставаться с сестрицей; по душе она пришлась ему всеми своими свойствами, и *привык он к ней чрезвычайно* <...>. «Ну что, сестрица, за житье тебе с нами, — говорил Степан Михайлович. — У нас жизнь скучная, но *мы уже к ней привыкли*. Ты человек еще молодой (ей был тридцатый год), ты богата, *ты привыкла не к такой жизни*» [11, с. 55; курсив наш. — *С.Н.*].

Одно только поддерживало духовные силы Софьи Николаевны: мысль, что она скоро уедет и постарается никогда не заглянуть в Багрово. Если бы кто-нибудь сказал ей, что она будет жить в нем постоянно, до старости, и даже кончит жизнь, она бы не поверила и отвечала бы искренне, что лучше согласна умереть... *Но только к тому человек не привыкнет и того не перенесет, чего Бог не пошлет!* [11, с. 118; курсив наш. — *С.Н.*].

В аксаковском романе мотив «привыкания» играет важную роль в представлении, что люди старших поколений жили не модами или идеями, а привычками и обычаями, что с точки зрения писателя хорошо.

Как известно, консерватизм (или традиционализм) родился как философский ответ на Французскую революцию («Размышления о Французской революции» Эдмунда Берка 1790 г. [15]), которая провозгласила идеалы свободы и равенства, основываясь не на традиции или авторитете, а на разуме и просвещении. Если Русская революция явилась делом «строителей страны», убежденных в разуме и просвещении еще сильнее своих предшественников, то естественно, что «реально существующий социализм» дал мощный импульс развитию консерватизма XX в. не только в России, но и во всем мире.

Что же касается А.П. Платонова, односторонне было бы считать его консерватором или традиционалистом. Но повторим, что он в своих (особенно поздних) произведениях обращается к антиномии между плановым мышлением и привыканием, идеалом и привычной жизнью.

Список литературы

Исследования

1 *Варава В.* Нравственные искания Платонова в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6 / ред.-сост. Н.В. Корниенко. С. 190–198.

2 *Власова Н.* Будущее на грозовом перевале истории: Недетский «детский» рассказ «Июльская гроза» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Вып. 8 / ред.-сост. Н.В. Корниенко. С. 292–297.

3 *Дырдин А.* О «медленной пользе»: Славянофильские акценты «Чевенгура» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6 / ред.-сост. Н.В. Корниенко. С. 73–80.

4 *Карасев Л.* Знаки «покинутого детства» (Анализ «постоянного» у А. Платонова) // *Корниенко Н., Шубина Е. (ред.)* Андрей Платонов: Мир творчества. М.: Современный писатель, 1994. С. 105–121.

5 *Лохер Я.* Поэтика рассказа «Божье дерево» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5 / ред.-сост. Н.В. Корниенко. С. 595–600.

6 *Михеев М.* Андрей Платонов… и другие: Языки русской литературы XX века. М.: Языки славянской культуры, 2015. 821 с.

7 *Нонака С.* Сокровенные тропы: Поэтика стиля Андрея Платонова. Белград: Логос, 2019. 179 с. URL: http://www.philhist.spbu.ru/images/books/Innermost-tropes_For-print.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

8 *Серафимова В.* Ребенок в художественном мире Платонова и Распутина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5 / ред.-сост. Н.В. Корниенко. С. 291–296.

9 *Чандлер Р.* Последнее слово Платонова: Новый взгляд на «Волшебное кольцо» // «Страна филологов»: Проблемы текстологии и истории литературы. К юбилею члена-корреспондента РАН Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 272–281.

10 *Seifrid T.* Platonov and Dissidence // Russian Literature. 2013. Vol. 73, issue 1–2. С. 285–300. DOI: 10.1016/j.ruslit.2013.01.014

Источники

11 *Аксаков С.* Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука. М.: Новатор, 1996. 378 с.

12 *Платонов А.* Записные книжки: Материалы к биографии / сост., подгот. текста, примеч. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 424 с.

13 *Платонов А.* Собрание / сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Корниенко. 2-е изд. М.: Время, 2011–.

14 *Платонов А.* «…я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / сост., вступ. ст., коммент. Н. Корниенко и др. М.: Астрель, 2014. 685 с.

15 Burke E. *Reflections on the Revolution in France.* Indianapolis: Hackett Pub, 1987. 288 p.

References

1 Varava, V. “Nravstvennye iskaniia Platonova v romane *Chevengur*” [“Platonov’s Moral Quest in the novel *Chevengur*”]. Kornienko, N.V., editor. *“Strana filosofov” Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* [*“Country of Philosophers” of Andrey Platonov: Problems of Creativity*], vol. 6. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 190–198. (In Russ.)

2 Vlasova, N. “Budushchee na grozovom perevale istorii: Nedetskii ‘detskii’ rasskaz ‘Iiul’skaia groza’” [“Future on the Thunderous Pass of History: Unchildlike ‘Children’s’ Story ‘July Thunderstorm’”]. Kornienko, N.V., editor. *“Strana filosofov” Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* [*“Country of Philosophers” of Andrey Platonov: Problems of Creativity*], vol. 8. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 292–297. (In Russ.)

3 Dyrdin, A. “O ‘medlennoi pol’ze’: Slavianofil’skie aktsenty *Chevengura*” [“On the ‘Slow Benefit’: Slavophile Accents of *Chevengur*”]. Kornienko, N.V., editor. *“Strana filosofov”Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* [*“Country of Philosophers” of Andrey Platonov: Problems of Creativity*], vol. 6. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 73–80. (In Russ.)

4 Karasev, L. “Znaki ‘pokinutogo detstvo’ (Analiz ‘postoiannogo’ u A. Platonova” [“Signs of ‘Abandoned Childhood’ (Analysis of the ‘Permanent’ in A. Platonov”]. Kornienko, N., and E. Shubina, editors. *Andrei Platonov: Mir tvorchestva* [*Andrey Platonov: The World of his Work*], Moscow, Sovremennyi Pisatel’ Publ., 1994, pp. 105–121. (In Russ.)

5 Locher, J. “Poetika rasskaza ‘Bozh’e derevo’” [“Poetics of a Short Story ‘The God’s Tree’”]. Kornienko, N.V., editor. *“Strana filosofov” Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* [*“Country of Philosophers” of Andrey Platonov: Problems of Creativity*], vol. 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, pp. 595–600. (In Russ.)

6 Mikheev, M. *Andrei Platonov... i drugie: Iazyki russkoi literatury XX veka* [*Andrey Platonov... and Others: Languages of the Twentieth Century Russian Literature*]. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul’tury Publ, 2015. 821 p. (In Russ.)

7 Nonaka, S. *Sokrovennye tropy: Poetika stilia Andreia Platonova* [*Innermost Tropes: The Poetics of Andrey Platonov’s Style*]. Belgrade, Logos Publ., 2019. 179 p. Availbale at: http://www.philhist.spbu.ru/images/books/Innermost-tropes_For-print.pdf) (Accessed 01 September 2021) (In Russ.)

8 Serafimovich, V. “Rebenok v khudozhestvennom mire Platonova i Rasputina” [“Child in the Fictional World of Platonov and Rasputin”]. Kornienko, N.V., editor. *“Strana filosofov” Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* [*“Country of Philosophers” of Andrey Platonov: Problems of Creativity*], vol. 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, pp. 291–296. (In Russ.)

9 Chandler R. “Poslednee slovo Platonova: Novyi vzgliad na ‘Volshebnoe kol’tso’” [“The Last Word of Platonov: A New Look on the ‘Magic Ring’”]. *“Strana filologov”: Problemy tekstologii i istorii. K iubileiu chlena-korrespondenta RAN N.V. Kornienko* [*“Country of Philologists”: Problems of Textual Criticism and History. Festschrift for Corresponding Member of Russian Academy N.V. Kornienko*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 272–281. (In Russ.)

10 Seifrid, T. “Platonov and Dissidence.” *Russian Literature*, vol. 73, issue 1–2, 2013), pp. 285–300. DOI: 10.1016/j.ruslit.2013.01.014 (In English)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ПРЕОДОЛЕНИЕ ФАУСТА: ТВОРЧЕСТВО А.М. ГОРЬКОГО В ОЦЕНКЕ ФИЛОСОФА, ПОЭТА, ЭСТЕТИКА А.К. ГОРСКОГО

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
Дата поступления статьи: 01 марта 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 29 апреля 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-314-343

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П)

Аннотация: В статье рассматривается отношение философа, поэта, эстетика А.К. Горского к личности и наследию А.М. Горького. Показано, что Горский выдвигает на первый план активность и проективность творческого мышления Горького, считает его последовательным имморталистом. В центре внимания — неопубликованная работа Горского «Преодоление Фауста» (1939–1940), представляющая собой характерный образец философской критики художественного произведения, использующей и филологические приемы анализа. Горский рассматривает фаустианство сквозь призму неприятия индивидуализма, характерного для творчества Горького. Считая определяющей чертой фаустианского сознания стремление к знанию и действию, Горский отмечает, что это стремление сковано и ограничено фактом человеческой смертности, признанием всесилия стихийной природы. Тот факт, что фаустианство не претендует на преодоление смерти, фактически примиряется с ней, позволяет Горскому сблизить его с мещанским типом сознания. Горький, воздвигавший протест против мещанской пассивности, ставит своим творчеством вопрос о преодолении смерти. Ранняя сказка Горького «Девушка и смерть» трактуется Горским в контексте становления жизнеутверждающего сознания, которое побеждает смерть силой любви и общим делом.
Ключевые слова: литературно-философское наследие А.К. Горского, творчество А.М. Горького, работа «Преодоление Фауста», критика фаустианского сознания, активизм, проективность, иммортализм, философская критика мещанства, индивидуализм, коллективизм.
Информация об авторе: Анастасия Георгиевна Гачева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5453-0881
E-mail: a-gacheva@yandex.ru
Для цитирования: *Гачева А.Г.* Преодоление Фауста: творчество А.М. Горького в оценке философа, поэта, эстетика А.К. Горского // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 314–343. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-314-343

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

OVERCOMING FAUST: MAKSIM GORKY IN THE PERCEPTION OF PHILOSOPHER, POET, AND AESTHETICIAN ALEKSANDR GORSKY

© 2021. Anastasia G. Gacheva
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: March 01, 2021
Approved after reviewing: April 29, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: The research has been carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences supported by the Russian Science Foundation grant (RSF, project no. 17-18-01432-П).
Abstract: The article examines the attitude of philosopher, poet, and aesthetician Aleksandr Gorsky to the personality and legacy of A.M. Gorky. It outlines the main directions of Gorky's perception and interpretation by Gorsky. The article argues that Gorsky highlights vitality and projectivity of Gorky's creative thinking, and considers him a consistent immortalist. The focus is on Gorsky's unpublished work "Overcoming Faust" (1939–1940), a typical example of philosophical criticism that uses philological methods of analysis. Gorsky examines Faustianism through the prism of the rejection of individualism, which is specific for Gorky's work. Considering the desire for knowledge and action as the defining feature of the Faustian consciousness, Gorsky notes that this desire is constrained and limited by the fact of human mortality and the recognition of the omnipotence of nature. The fact that Faustianism does not aim at overcoming death and eventually comes to terms with with it, allows Gorsky to see Faustianism as a bourgeois type of consciousness. Instead, Gorky, by standing against petty-bourgeois passivity in his work, raises the question about the means to overcome death. Gorky's early fairy tale "The Girl and Death" is interpreted by Gorsky in the context of the development of life-affirming consciousness that overcomes death by the power of love and devotion to the common cause.
Keywords: literary and philosophical heritage of Aleksandr Gorsky, Maksim Gorky's work, "Overcoming Faust," criticism of the Faustian consciousness, activism, projectivity, immortalism, philosophical criticism of philistinism, individualism, collectivism.
Information about the author: Anastasia G. Gacheva, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5453-0881
E-mail: a-gacheva@yandex.ru
For citation: Gacheva, A.G. "Overcoming Faust: Maksim Gorky in the Perception of Philosopher, Poet, and Aesthetician Aleksandr Gorsky." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 314–343. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-314-343

Философ, эстетик, поэт Александр Константинович Горский (1886–1943) — фигура, еще недостаточно известная горьковедам. И этому есть свое объяснение. Хотя творчество А.М. Горького находилось в орбите заинтересованного внимания Горского почти два десятилетия, однако большинство его текстов, посвященных Горькому, до сих пор остаются в архивах. В 2004 г. в сборнике «А.М. Горький и его корреспонденты» в научный оборот были введены письма А.К. Горского и его друга и единомышленника Н.А. Сетницкого к А.М. Горькому [2], в первом томе антологии «Н.Ф. Федоров: pro et contra» был републикован с купюрами очерк Горского «Острие мирового кризиса», являющийся четвертой частью его работы «Николай Федорович Федоров и современность» и содержащий обширные апелляции к Горькому [13]. В 2018 г. вышло в свет двухтомное издание сочинений и писем Горского, включившее и его письма Сетницкому 1926–1928 гг., в которых обсуждаются детали контактов друзей-единомышленников с Горьким, и корпус писем Горского его духовным ученицам О.Н. Сетницкой и Е.А. Крашенинниковой 1937–1943 гг., проливающих свет на занятия Горского горьковской темой в 1939–1940 гг. Однако до сих пор не опубликованы посвященные Горькому работы Горского 1938–1940 гг., и прежде всего обширная статья «Преодоление Фауста» (1939–1940), главная в его философской горьковиане. Эта статья, созданная на стыке филологии и философии, синтезирует методы той и другой, представляя яркий пример взаимодействия литературы и философской мысли, характерного для русской культуры XIX–XX вв. [4; 5; 6].

Становление горьковской темы в творчестве А.К. Горского

В дореволюционном творчестве А.К. Горского интерес к фигуре А.М. Горького не просматривается. Выпускник Московской духовной академии, судьба которого отчасти оказалась схожа с судьбой Алеши Карамазова (по благословению монаха-схимника он ушел в мир), молодой поэт и мыслитель в 1900–1910-е гг. всецело погружен в религиозно-философскую проблематику. Его кумиры — Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, апологеты творческого, миропреображающего христианства. И сам он жаждет религиозной активности в мире, Царства Божия на земле, а не в потусторонности, и воспринимает обетование о победе над смертью как заповедь роду людскому. Наследуя эстетике Федорова и Соловьева, Горский видит в искусстве силу воскресительную и жизнетворческую, ищет пути расширения символистской теории творчества, призывая двигаться от «мировосприятия» к «творческому мировоздействию», от утверждения реальнейшего к преображению реального. В предисловии к своему первому поэтическому сборнику «Глубоким утром» (1913), которое стало первой ласточкой его концепции литургизма в литературе, А.К. Горский писал: «Если символизм в поэзии — сочетание, сопричастие многих Одному, то он не может и не должен довольствоваться единомыслием и единочувствием, но хочет и требует единодействия» [14, кн. 1, с. 129].

Впрочем, именно эта жажда реального христианского делания, стремление не просто верить во Христа, но и творить Его дела, не просто чаять «воскресения мертвых и жизни будущего века», но и осуществлять их в реальности, религиозный активизм А.К. Горского готовил почву для будущей духовной встречи с А.М. Горьким, богостроительство которого было утверждением религиозной активности человека-творца, соединенного с другими в коллективный организм народа, нации, человечества. И недаром в записных книжках А.К. Горского — как бы в pendant заявленному в программной горьковской статье «Разрушение личности» (1909) тезису об источной связи творчества с коллективной энергией народа[1], о том, что во всякий подлинный шедевр есть создание «коллективного опыта», несет

1 «Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры» [18, т. 24, с. 26].

в себе дух народных масс, появляется размышление о поэме Н.А. Некрасова «Коробейники», в которой молодой Горский видит образец именно такого, синергийного творчества художника и коллективной народной души: «...единственное произведение нашей поэзии — за 200 лет — дошедшее до народа — и слившееся с ним! Уж по одному этому — можно догадываться, что его мистика — необъятна — символика огненна... и многозначимость неисчерпаема. И здесь — Дионис — русский в Некрасове — поэте скудости — по преимуществу — творит из полноты... полна, полна коробушка! Мысль — изреченная не вмещает наших чувств — и вот слова заменяются мимикой <...> — и аккомпанемент — хора — искусной музыки — на мотив — *народной* песни, то есть — как бы гудение всего народа, показывающее, что события драмы происходят на фоне народной души, что герои не отъединены от вселенских истоков трагизма, но связаны невидимо крепкими нитями со всеми вот колосьями, березами и толпами сударушек-варварушек» [14, кн. 1, с. 22].

Спустя тридцать лет, в работе «Преодоление Фауста» А.К. Горский специально обратится к статье «Разрушение личности», подчеркивая, что в ней А.М. Горький точно и убедительно представляет «законы взаимоотношений коллективной и индивидуальной художественной фантазии» [15, с. 5]. При этом он особенно отметит утверждение Горького о сопротивлении смерти как точке приложения коллективных энергий рода, о воскресительном импульсе, лежащем в основе первобытного человечества, — утверждение, сближающее писателя с философом «всеобщего дела» Н.Ф. Федоровым, адептом которого А.К. Горский был долгие годы: «...печаль об утрате части своей физической энергии, опасение новых потерь, желание оградить себя от них, противопоставить силе смерти всю силу сопротивления коллектива, естественное желание борьбы с ней, мести ей <...> слагались в единое бессознательное, но необходимое и напряженное желание заместить убыль, воскресить отшедшего, оставить его в своей среде» [18, т. 24, с. 28].

Последовательное неприятие смерти, непризнание компромиссов в отношении к «курноске», которым так охотно отдавал дань Л.Н. Толстой [35, т. 4, с. 34; 14, кн. 1, с. 647–648], стало той почвой, на которой возникало и росло внимание Горского к творчеству Горького. Свою роль сыграло и знакомство с «Воспоминаниями» писателя, в частности с очерком «Лев Толстой», и особенно с фрагментом этого очерка, напечатанным в журна-

ле «Беседа» (1923. Май-июнь, № 1). На эти воспоминания А.К. Горский позднее будет опираться в брошюре «Перед лицем смерти. Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров» (Харбин, 1928), концепция которой фактически вырастет из характеристики, данной Толстому Горьким: человек, который «с величайшим напряжением всех сил духа своего одиноко всматривается *в самое главное: в смерть*» [18, т. 14, с. 280]. Эту характеристику А.К. Горский назовет «самой острой и меткой» из «всех характеристик, данных Льву Николаевичу людьми, лично его знавшими» [14, кн. 1, с. 649].

Углублению интереса к фигуре А.М. Горького способствовали и внешние обстоятельства. Переехав в Москву в 1922 г., А.К. Горский общается с А.Д. Кожевниковой, вдовой друга, ученика и издателя сочинений Н.Ф. Федорова В.А. Кожевникова, которая сообщает ему об интересе писателя к идеям Федорова. Те же сведения он, по его собственному свидетельству, получает и «из других источников» [2, с. 524]. Взяв на заметку эти сведения, А.К. Горский 19 марта 1923 г. обращается с письмом к А.М. Горькому, предлагая ряд проектов, связанных с публикацией хрестоматии из произведений мыслителя и разработкой литературно-философских тем «Федоров и Толстой», «Федоров и Достоевский» [2, с. 524]. А затем внимательно следит за начавшейся в 1926 г. перепиской Н.А. Сетницкого, осенью 1925 г. уехавшего на службу в Харбин, с Горьким, давая советы своему младшему другу, стремившемуся подвигнуть писателя заявить о федоровских идеях публично [14, кн. 2, с. 392, 415–420, 423, 428, 431 и др.].

Внимание к Горькому было связано и с той внутренней установкой, которую в начале 1920-х гг. избирают Н.А. Сетницкий и А.К. Горский по отношению к советской власти и ее лозунгам. Сознавая глубинные изъяны большевистской идеологии, шаткость ее нравственных оснований, они стремятся расширить духовную платформу нового строительства, выставить против идеологем революции иную, онтологическую систему ценностей, подобно Н.Ф. Федорову заменяют «вопрос о богатстве и бедности» «вопросом о смерти и жизни» [35, т. 1, с. 390]. Узкому масштабу власти, стоящей на классовой точке зрения, противопоставляют глобальный масштаб учения «всеобщего дела», касающегося всех и каждого вне зависимости от социального статуса и политических убеждений.

Попытку расширить узкий горизонт марксистской доктрины А.К. Горский сделал еще в 1913 г. в предисловии к сборнику «Вселенское

Дело», вводившему идеи Н.Ф. Федорова в контекст современности, подчеркнув, что сопротивление смерти есть дело, «способное объединить в себе все дела человеческие», и выдвинув лозунг, построенный по типу известного пролетарского лозунга «Манифеста коммунистической партии»: «Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний, всех верований, мнений, убеждений, — соединяйтесь!» [14, кн. 1, с. 148]. Тот же лозунг «Смертные всех стран, соединяйтесь!», переводящий вопрос о причинах зла и несправедливости в мире из социального в онтологический план, призыв «всех, без различия пола, возраста, расы, класса, вероисповедания и мировоззрения, на борьбу с врагом извечным и сильным, но победимым и побеждаемым» [12, с. 369], А.К. Горский и Н.А. Сетницкий повторили в проспекте к планировавшему в 1920 г., но так и не изданному тогда второму выпуску «Вселенского Дела» и однодневной газете «На помощь!», которую выпустили в Одессе в связи с «голодной катастрофой» этого года [31, с. 205]. Они настаивали на необходимости преодолеть узкий взгляд на главную причину неравенства, бедности, нищеты, выдвигаемый в социалистическом учении. Эта причина, по их убеждению, заключается не только в недостатках социально-экономического строя, но и в наличном, падшем и смертном, статусе мира. А значит, и активность объединенного человечества должна быть смещена с борьбы классовой, уничтожающей мнимых виновников несправедливости и несчастья, на борьбу с натуральными природными бедствиями: голодом, засухой, эпидемиями (их убийственный лик со всей ясностью обнажился в годы революции и Гражданской войны) и, наконец, с самой смертью.

Идею социального и экономического переустройства А.К. Горский и Н.А. Сетницкий рассматривали в активно-эволюционной, жизнетворческой перспективе, в свете конечных, метаисторических, религиозных целей и задач. Категорию труда они выводили из области политэкономии в сферу философской онтологии и антропологии, определяя труд как мироустроительную, целенаправленную, сознательно-творческую деятельность человека в бытии, носящую антиэнтропийный характер. В их сочинениях возникал образ планетарного и шире — «космического хозяйствования», целью которого является преображение земли, человека, Вселенной.

Стремясь внедрить в сознание своих современников федоровские мировоззренческие установки, переориентировать масштабное строитель-

ство, разворачивавшееся в Советской России, с односторонне-социальных и классовых проблем на проблемы всечеловеческого и даже вселенского масштаба, А.К. Горский и Н.А. Сетницкий особенно внимательно присматривались к литературе, видя именно в ней ростки нового, планетарного миросознания. В первые пореволюционные годы преобразовательно-космические мотивы, образы творческой регуляции материи, мечты о будущем бессмертном человечестве, выходящем на просторы Вселенной, наполнили творчество поэтов самых разных течений: от деятелей группы «Кузница» и биокосмистов до раннего А. Платонова, С. Есенина, В. Хлебникова, В. Маяковского [5, с. 8–11]. Что касается А.М. Горького, то уже в его дореволюционном творчестве А.К. Горский увидел стремление открыть человеческой активности имморталистические перспективы. Он особенно акцентировал поэму «Человек», где рядом с образом Существа, стремящегося «вперед! и — выше!», встает подругой и помощницей Мысль, которая «в борьбу вступает и со Смертью»: «...ей, из животного создавшей Человека, ей, сотворившей множества богов, системы философские, науки — ключи к загадкам мира, — свободной и бессмертной Мысли, — противна и враждебна эта сила, бесплодная и часто глупо злая» [18, т. 5, с. 364].

Поэму «Человек» А.К. Горский позднее определит как один из манифестов целостного, деятельного, творчески ориентированного сознания, которое призвана утвердить в мире Россия XX в., преодолевая те пессимистические тенденции, которые усилились в сознании европейского человечества после Первой мировой войны, в 1920–1930-е гг. все чаще воспринимавшейся современниками философа как пролог к будущей тотальной схватке народов, к Армагеддону истории. В IV выпуске очерков «Николай Федорович Федоров и современность», названном «Острие мирового кризиса» (работа вышла в 1933 г., хотя реально была написана в 1927 г.), он затрагивал вопрос об угрозе всемирной войны, подчеркивая, что избежать этой угрозы можно лишь обращением на путь «всеобщего дела». Без радикальной умоперемены цивилизация потребления и комфорта, овнешняющая человека, обращающая самые новейшие открытия науки и самые головокружительные достижения техники на потребу торгово-промышленному эгоизму, не видящая в экономике ойкономию, не подкрепляющая техническое развитие прогрессом нравственным, обречена на вечную рознь, а в перспективе — и на неизбежную гибель. Делая этот прогноз, А.К. Горский прямо ссылался на

А.М. Горького: в предисловии к переводу книги Л.П. Локнера «Генри Форд и его корабль мира» (Л., 1925) писатель пророчил европейскому региону, раздираемому внутренними противоречиями и международной враждой, новую мировую войну, которая, обращая себе на потребу все научные завоевания человечества, все новейшие технические средства, фактически уничтожит цивилизацию, обратит «в прах очаги европейской культуры и людей, тех, что не будут убиты, искалечены или повержены в безумие», превратит «в диких животных» [18, т. 24, с. 247]. Вплетая в свой текст строки из предисловия А.М. Горького, А.К. Горский проводил параллели между данной писателем картиной будущего европейского мира и той апокалипсической картиной, которая представлена в символическом сне героя «Преступления и наказания» о поразившей человечество моровой язве, о безумии и бешенстве, охватившем погрязших во зле людей. Сюда же привлекал и пророчества Н.Ф. Федорова о будущей «сциентифичной битве», которая неминуема для человечества, упорствующего на путях розни [35, т. 1, с. 140].

Перед лицом «новой мировой войны» актуализируется, по мысли А.К. Горского, необходимость жизнеутверждающего смелого слова, громкого и твердого призыва, «течения встречного», которое могли бы воздвигнуть ведущие умы современности. Как в свое время Н.Ф. Федоров надеялся на Ф. Достоевского, Л. Толстого и В. Соловьева, что они выступят от своего имени с призывом к общему делу, так А.К. Горский и Н.А. Сетницкий в 1920-е гг. стремились подвигнуть А.М. Горького заговорить об идеях Н.Ф. Федорова, для которого вопрос о преодолении небратского состояния мира был ключевым. Об их усилиях в этом направлении и о встречной реакции А.М. Горького нам уже приходилось писать [2, с. 508–515], останавливаться на данном сюжете здесь мы не будем, а сразу же перейдем к той интерпретации творчества Горького, которая была дана Горским уже после смерти писателя, в его литературно-философских заметках и набросках, и прежде всего в работе «Преодоление Фауста» (1939–1940).

«Преодоление Фауста» как опыт литературно-философского синтеза. Идейный диалог А.К. Горского с современностью

Подобно статьям и докладам А.К. Горского 1920-х гг., посвященным А.С. Пушкину, Ф.М. Достоевскому, А.А. Блоку и др., работа «Преодоление Фауста» представляет собой единство филологического и философского

дискурса, и одновременно здесь, как и в других текстах Горского, суждение о писателе и его образе мира соединено с собственным исповеданием веры. Философская декларация облекается в форму литературно-критической статьи, но такой, в которой разбор художественного текста подчинен авторскому антропологическому и историософскому замыслу. И в этом смысле «Преодоление Фауста» встает в ряд таких текстов, как «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души» К.С. Аксакова, «Проективное определение литературы. О “Мертвых душах”», «“Фауст” Гёте и народная поэма о Фаусте» Н.Ф. Федорова, «Поэзия Ф.И. Тютчева» и «Лермонтов» В.С. Соловьева, полемическая по отношению ко второй соловьевской статье статья Д.С. Мережковского «Лермонтов — поэт сверхчеловечества» и его масштабная дилогия о Л.Н Толстом и Ф.М. Достоевском.

Во всех этих текстах слово писателя становится тем материалом, из которого растет и на котором утверждается, как на каменном основании, мысль философа. К.С. Аксаков видит в «Мертвых душах» возрождение древнего эпоса, способного к целокупному охвату мира и человека, и выходит, опираясь на этот тезис, к апологии соборности. Н.Ф. Федоров рассматривает гоголевский шедевр сквозь призму воскресительного долга. В.С. Соловьев прочитывает творчество М.Ю. Лермонтова на фоне своей полемики с ницшеанством, а Д.С. Мережковский, отталкиваясь от созданного им образа Л.Н. Толстого как «духовидца плоти» и Ф.М. Достоевского как «духовидца духа», выходит к идее «святой плоти», к чаянию просветления и одухотворения телесности [27, с. 348–349]. Подобно этим примерам А.К. Горский в «Преодолении Фауста» через разбор художественных образов и публицистических высказываний А.М. Горького представляет апологию деятельного, активно-творческого идеала, который, с его точки зрения, должен быть введен в современность.

Общая направленность работы «Преодоление Фауста» и ее пафос связаны с той установкой, которую выработали себе А.К. Горский и Н.А. Сетницкий весной 1937 г., когда первый только вернулся из лагеря, а второй, двумя годами ранее приехавший из Харбина, работал в Институте мирового хозяйства, не подозревая, что до ареста и смертельного приговора остается всего несколько месяцев. Говорить о темах и смыслах русской философии, тем более о представителях христианского ее крыла, к коим и принадлежал Н.Ф. Федоров, в условиях идеологического прессинга

1930-х гг., тотального моноидеизма, напрямую было немыслимо. Но можно было попытаться заговорить на языке эпохи, используя ее лексику, однако полностью при этом подменяя понятия, точнее давая им совершенно иное раскрытие, иной смысловой горизонт. Так в свое время в 1923 г. А.К. Горский, философы В.Н. Муравьев, Н.А. Сетницкий и инженер С.А. Бекнев работали над сборником «Трудоведение», представляя федоровскую тему в контексте и риторике звучавшей тогда идеи «научной организации труда», в результате чего идея НОТ обрела метафизическое измерение, была соотнесена с идеей антиэнтропийной сущности жизни и труда человека, расширилась до «организации мировоздействия» [14, кн. 1, с. 711; 15, с. 13–19, 538–545]. И весной 1937 г. они написали работу «Творческий марксизм и ликвидация хвостизма в биологии» (1937), где, взяв за отсчет фразу Сталина, прозвучавшую 3 августа 1917 г. на VI съезде РСДРП(б): «Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего» [34, с. 187], дали свое определение творческого марксизма, наполнив это понятие федоровским, имморталистическим содержанием, трактуя его как активное мироотношение, выводящее к преобразовательному действию в природе и истории, направленное против смерти, требующее активного сопротивления ей [32].

В своем стремлении донести до современников смыслы «Философии общего дела» А.К. Горский решил двигаться через литературу. Это решение вызрело в нем еще в лагерный период, когда в маленьких тетрадках, выпущенных в Кеми, пересыльном пункте Соловецких лагерей, он писал заметки о современных писателях, вступая в заочный диалог с художниками слова, призывая их на «очную ставку» с современностью, требуя от них ответить на главный вопрос: как миру двигаться в будущее и как строить его, чтобы в перспективе истории утвердился рай, а не ад на земле [14, кн. 2, с. 93–101]. А в последние пять лет жизни, когда философ поселился в Калуге, городе К.Э. Циолковского, диалог с литературой становится в центр его творчества. В письме О.Н. Сетницкой от 9 июня 1937 г. он сообщает о своей работе над А.М. Горьким, а параллельно над Корнеем Чуковским [14, кн. 2, с. 531]. Позднее присоединяет сюда Б. Пастернака, а затем расширяет диалог о будущем и на Серебряный, и на девятнадцатый век, создавая цикл «Песни без недомолвок», включающий в себя стихотворения русских классиков (М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, А.К. Толстого, А.А. Блока, Ф. Сологу-

ба, А. Белого, Н.С. Гумилева, Б.Л. Пастернака и др.), дописанные им самим. Присоединяя к известным текстам свои «хвосты», А.К. Горский то прояснял смыслы, близкие ему самому, договаривая недосказанное, раскрывая жизнетворческий идеал в его полноте и объемности, то полемизировал с позицией лирического героя, особенно когда в его слове, как в блоковском «Ночь — как ночь, и улица пустынна. Так всегда», звучали ноты отчаяния и безнадежности [22].

В своей битве за образ будущего, А.К. Горский из писателей-современников берет в союзники А.М. Горького, из писателей-классиков — А.С. Пушкина, подчеркивая, что Горький для двадцатого века — то же, что Пушкин — для девятнадцатого. Воскресительный пафос творчества А.С. Пушкина, который философ раскрывал в работе «Магический кристалл», написанной в 1922 г. [14, кн. 1, с. 294–370], в набросках и заметках о Пушкине, сделанных в лагерной тетради «Творческая непрерывка» [14, кн. 2, с. 16–32], а затем в год 100-летия со дня смерти поэта, и имморталистический пафос творчества А.М. Горького, о котором он начинает писать в конце 1930-х гг., в его представлении, сходятся, определяя новый мировоззренческий выбор — в пользу жизни, внутренне растущей, раскрывающейся во всей полноте, а главное — не идущей на компромисс с умалением и смертью.

В статье «Укрыватели убийц», написанной по поводу смерти А.М. Горького и знаменитого процесса 1938 г., на котором в преднамеренном убийстве писателя были обвинены его секретарь П.П. Крючков, лечащие врачи, а также политические деятели Н.И. Бухарин, Г.Г. Ягода [8], А.К. Горский подчеркивал, что обвинять нужно не конкретных людей, а тот мировоззренческий пессимизм, ту торжествующую в сознании современного человека убежденность в неотвратимости и неизбежности смерти, о которой сам Горский и его друг Н.А. Сетницкий писали еще в 1925 г. в работе «Смертобожничество». «Укрывателем» и «шефом убийц» является трусливый, бессильный человеческий ум, легко примиряющийся со смертью как «законом природы» [16, с. 70]. Напротив, «целеустановка» А.М. Горького, лежащая в основании его понимания культуры и творчества, по мысли А.К. Горского, строится на «уверенности в принципиальной *устранимости* смерти, в возможность и надобности борьбы с умиранием *до конца*, то есть до полной *победы жизни*, победы человека и человечества» [16, с. 61]. В этом смысле он — продолжатель

А.С. Пушкина, устремлявшегося к «высшей правде», к гармонизации бытия («Жизни даровать, о, лира, твое согласье захотел»), ко всецелому охвату реальности творческой мыслью и вдохновением, что, с точки зрения самого А.К. Горского, означало первый шаг на пути преображения бытия в благобытие, мира — в Царство Христово [14, кн. 2, с. 19, 32].

«Преодоление Фауста» и лагерная гётевиана первой половины 1930-х гг.

В работе «Преодоление Фауста» А.К. Горский будет сравнивать А.М. Горького с творцом, не менее мощным, олицетворявшим полноту художественных и духовных потенций европейской культуры: «Фигура Горького столь же монументальна и характерна для культурного перевала от 19-го столетия к 20-му, как фигура Гёте, замыкающая 18-й век и открывающая дорогу к 19-му. Обоих художников роднят постоянные универсальные замыслы, стремление к охвату центральных научно-философских проблем, действенный интерес к культуре в самом широком смысле слова» [15, с. 9].

К фигуре Гёте А.К. Горский обратился еще в 1932 г. в статье «Света, больше света!», посвященной его 100-летнему юбилею. Официальная советская критика одновременно и разоблачала «буржуазность», филистерство Гёте, и призывала к «критическому усвоению и переработке тех элементов творчества великого поэта эпохи Sturm und Drang, которые принадлежат будущему» [11], особенно выделяя в связи с последним предсмертный монолог Фауста: «Лишь тот свободной жизни властелин / Кто дни свои в борьбе проводит трудной» [10]. Герой гётевской трагедии трактовался как преобразователь мира, деятель, ведущий людей к счастью, находящий «решение загадки жизни в победоносной борьбе трудового коллектива» [21]. Однако А.К. Горский, наследник русской религиозно-философской традиции, критичен к идее творческой активности, совершающейся вне поля веры. Знаменитая теза Фауста, провозглашающего началом всего не Слово, а Дело, вызывает спор мыслителя, который подчеркивает амбивалентность действия, лишенного религиозного основания, выбившего из-под себя евангельскую опору: «*Деяние*, очутившееся взамен *Слова* в начале бытия, мгновенно отражается в образе визжащего, мечущегося пуделя, с которым необходимо “делиться комнатой”. Пудель вырастает как бегемот, скалит пасть, наконец, испуганный видом Креста и Божьего огня, является из рассеявшегося тума-

на в одежде странствующего схоласта, рекомендуясь как некое изначальное деятельное стремление. А именно “стремленье разрушать”. Ведь разрушение — тоже “деяние”» [14, кн. 2, с. 79].

Примечательно, что тот же образ пуделя, воплощения темных, демонических сил, вырастающего сразу после того, как Фауст провозглашает примат Деяния над Словом, акцентирует А.А. Мейер в своих «Размышлениях при чтении “Фауста”», создававшихся, как и статья А.К. Горского, в лагере на Медвежьей горе. А.К. Горский акцентирует амбивалентность действия, основанного от божественной первоосновы, А.А. Мейер — призрачность реальности, отрекшейся от Слова, утратившей с ним животворную связь [26, с. 234–235], и оба сходятся в понимании того, что и Бытие, и Действие не могут иметь полноты вне Божества.

Ведущий публикатор и исследователь наследия А.Ф. Лосева Е.А. Тахо-Годи акцентирует одновременность обращения к фигуре Гёте сразу трех «сидельцев» Медвежьей горы — А.К. Горского, А.А. Мейера и А.Ф. Лосева, подчеркивая, что созданные в 1933 г. тезисы философа могли быть связаны с контекстом обсуждения гётевской темы в лагерной среде [9, с. 167–168]. Можно предположить, что статья «Света, больше света!» также связана с этими обсуждениями. Именно на фоне размышлений и заметок А.Ф. Лосева о свете и цвете у Гёте [24] обретает дополнительный смысловой объем название статьи А.К. Горского. Слова Гёте «Света, больше света!», сказанные на смертном одре, он трактует как утверждение онтологической правды Света, стоящего за Словом, того нетварного света, которым была исполнена фигура Христа, преобразившегося на горе Фавор, который стяжали монахи-исихасты в умной молитве и который осиял преп. Серафима Саровского, учившего о «стяжании Духа Святого» как «цели христианской жизни» [30].

Используя метод «медленного чтения», А.К. Горский рассматривает финальную сцену «Фауста», видя в ней разоблачение слепоты героя, иллюзорности его мысли и действия («в тот самый момент, как Фауст провозглашает необходимость ежеминутной борьбы, упорного боя за жизнь, жизнь у него отнимают без всякого боя» [14, кн. 2, с. 81]). И в то же время он пытается, опираясь на гётевскую трагедию, набросать «туманный чертеж *возможности* иного рода деяний» [14, кн. 2, с. 87]. Каких? — об этом узнаем из рукописи работы «Преодоление “Фауста”», куда в переработанном виде вошла часть статьи «Света, больше света!»

«Фаустианская тема» в работе «Преодоление Фауста»

Обе статьи — и «Света, больше света!», и «Преодоление Фауста» — объединены темой гибели фаустовской культуры, впервые прозвучавшей у О. Шпенглера в трактате «Закат Европы», объявившего героя трагедии Гёте выражением и воплощением европейской души. А.К. Горский в своем анализе фаустианства отталкивается от идей О. Шпенглера, одновременно пытаясь понять, что именно в самой фаустовской душе способствовало ее надлому, в чем ахиллесова пята фаустианского типа сознания. И одновременно берет в союзники А.М. Горького, фигуру, как он сам указал, равновеликую немецкому поэту.

Он пытается понять, почему А.М. Горький, столь близкий Гёте по масштабу философской мысли о мире, так критичен к образу Фауста, ставшему для цивилизации и культуры Нового времени «наиболее полным олицетворением человека» [25]. Почему, возводя гётевский образ к народной легенде о Фаусте, писатель подчеркивает фиаско героя, продавшего душу дьяволу ради власти над тайнами природы, но не сумевшего достичь ни «всезнания», ни «бессмертия» [18, т. 24, с. 494].

Основная черта фаустианского сознания — активизм, неудержимое стремление к познанию мира и действию в нем. Но этот активизм, по А.М. Горькому, изначально ущербен, ибо сопряжен с индивидуализмом, с гордынным отрывом «я» от других, с тем «обособлением», в котором еще Ф.М. Достоевский увидел ахиллесову пяту современной личности. А главное, продолжает А.К. Горский мысль А.М. Горького, он трагичен, ибо при всех широковещательных лозунгах («Лишь тот достоин жизни и свободы, / Кто каждый день за них идет на бой») основан на убеждении в существовании роковых пределов жизни, в неустранимости смерти для человека и человечества.

Именно из сознания этих пределов вырастает, по мысли А.К. Горского, европейский пессимизм и ощущение заката Европы. Творческая активность западного человечества, основанная на индивидуализме, на утверждении человека мерой всех вещей, споткнулась о смертные границы и его собственной природы, и природы мира. Свобода личности обернулась иллюзией. А.К. Горский приводит знаковую цитату из О. Шпенглера: «К чему <...> употреблять сомнительное слово “свобода”? Мы отныне не свободны осуществить то или иное, но только необходимое, или ничто. Сожалеть и

порицать не значит изменять. Рождение влечет за собой смерть, за юностью следует старость, *жизни вообще присуща определенная форма и предельные границы ее длительности*. В связи с этим отпадает целый ряд жизненных содержаний как невозможных. Об этом можно сожалеть и облечь это сожаление в форму пессимистической философии и лирики, но изменить это невозможно» [37, с. 42].

Коренящееся в глубинах фаустианской культуры и фаустианского типа человека преклонение перед наличной природой вещей, устроение которой противоречит разуму и нравственному чувству личности, примиренность со смертью позволяет А.К. Горскому сблизить фаустианство с мещанством. Эта на первый взгляд неожиданная параллель проясняется по ходу ее развертывания в тексте работы «Преодоление Фауста». А.К. Горский развивает трактовку мещанства, которая была представлена у А.И. Герцена и особенно у А.М. Горького, подробно останавливаясь на окуровском цикле. Мещанская — «окуровская» — философия есть философия пассивности, сна и метафизической скуки, это философия *пределов*, их же не прейдеши, философия примиренности со смертью, не допускающая даже тени иного выбора: «Всем делам — один конец. И ходя умрешь, и лежа умрешь» [18, т. 9, с. 234].

И фаустианская индивидуалистическая активность, рвущаяся за пределы возможного, но одновременно ограничивающая этот порыв признанием неколебимости смерти, ее *естественности* для человека, и окуровская пассивность, стремление плыть по течению, своим итогом имеют одно: смерть, тесный гроб и могилу. Тот самый гроб, куда ложатся, «вытягивая ходилки», жители городка Окурова. Ту самую могилу, которую, по приказанию Мефистофеля, добросовестного служителя «имущему державу смерти», роют лемуры для Фауста.

А.К. Горский критикует «смертопоклонство» современной ему цивилизации, подчеркивая, что оно проникает в область не только мировоззрения, но и веры, и тогда смерть предстает не как «последний враг», но как блаженный переход в инобытие, в божественную потусторонность. Еще в работе «Смертобожничество» (1925) А.К. Горский и его друг и соавтор Н.А. Сетницкий показали линии проникновения в христианское учение этой пассивной, обоготворяющей смерть установки. Философы настаивали на том, что смертность, стихийность и слепота не богоданны, противопо-

ложны божественному основанию мира. Понимание смерти как врат чаемой Вечности столь же иллюзорно, как иллюзорна уверенность ослепшего Фауста, что «звон лопат» вокруг него — знак общей работы по созданию плотины морю («Здесь вся толпа мой замысел исполняет: / Она кладет предел морской волне, / С самой собою землю примиряет, / Грань строгую для моря создает»), в то время как на деле этот звон — звон могильщиков, готовящих его смертный час.

Фаустианство, по А.К. Горскому, есть порождение того же «лукавого и умного духа», «духа самоуничтожения и небытия» [19, с. 229], о котором говорит у Ф.М. Достоевского Великий Инквизитор Христу. Именно этот дух поселяет в человечество сознание неотвратимости конечной гибели, а значит, и парадоксальное, гартмановское стремление эту гибель ускорить. Мефистофель, отдающий приказ лемурам копать могилу Фаусту в то время, как ослепший герой грезит об осушении болота и положении предела морской стихии, прямо указывает на союз стихийного и смертного порядка природы с демоническим, злым началом мира:

Как ни трудись, плоды плохие!
Ведь с нами заодно стихии;
Уничтоженья ждет весь мир.

Об этом поистине *смертоносном* союзе А.К. Горский писал еще в 1910-е гг. в серии статей «Германизм и музыка», а спустя десятилетие — в очерке «Острие мирового кризиса». Цитируя стихотворение К.К. Случевского «Мефистофель» — о «яде дурмана», напущенном злым соблазнителем в сердца людей, о «смраде тленья», смешавшемся «с жаждой идеала», о «празднике смерти», нагло включенном «в Четью-Минею», он говорил о смертобожничестве как о подмене христианского идеала, который есть воплощенная жизнь — жизнь целостная, преображенная, лишенная жала смерти [14, кн. 1, с. 790–791]. Философ указывал на проникновение смертобожнических тенденций в трактовку последней книги Нового завета — «Откровения Иоанна Богослова»: не мотив сопротивления сил света противобожеским силам тьмы, не образ тысячелетнего царства Христова, преображенной и обновленной земли выдвигаются на первый план, но апостасийные образы Вавилона, Зверя из бездны, блудницы на Звере,

а конечное обновление мира приобретает характер тотальной гибельной катастрофы. В свое время именно такой катастрофический сценарий истории отстаивал в полемике с Ф.М. Достоевским К.Н. Леонтьев, заявлявший, что «Христос проповедовал не гармонию всеобщую, мир всеобщий, а всеобщее разрушение», а значит, «все здешнее должно погибнуть» [23, с. 189]. А.К. Горский показывает, как тот же сценарий крепнет в современную ему эпоху, как нарастает в сознании человечества, вышедшего из катаклизма Первой мировой войны и революционных потрясений в России, убеждение в неизбежности для человечества войны и конечной катастрофы.

В работе «Преодоление Фауста», которая писалась в конце 1930-х гг., религиозно-философские акценты, отчетливо ощутимые в очерке «Острие мирового кризиса», в статье «Света, больше света!», по понятным причинам были затушеваны автором. Но, не имея возможности в тексте, изначально предназначенном для печати, обращаться к активно-христианской линии мысли, А.К. Горский делал это прикровенно. Данная в работе «Преодоление Фауста» критика европейской философии, пронизанной духом пессимизма и катастрофизма, базируется именно на активно-христианском понимании путей философии и путей мира. Неотвратимость всеобщей гибели, подчеркивал А.К. Горский, является коренной чертой «фаустовского человека» и фаустианского сознания как такового. Герой фаустианского типа при всей его активности и декларативности не верит в возможность радикального расширения границ человеческого действия. Его мировоззренческая установка изначально пессимистична, соединена с ожиданием всеобщей гибели. Закономерным следствием подобного симбиоза является и гартмановское чаяние вселенского самоубийства человечества, и ницшеанское стремление «всем как одно целое пойти навстречу предстоящей гибели с трагическим умонастроением» [29, с. 352], и даже, как это ни парадоксально, идея героической смерти в бою, «погибели в борьбе с вражьей силой», которая есть не что иное, как выбор «*достойной формы* умирания» [15, с. 36]. Подкладка идеи героической смерти — все тот же историософский и онтологический пессимизм, все то же неверие в возможность для человека и человечества увидеть финалом земного существования что-нибудь кроме могилы и гроба.

А.К. Горский критикует позицию, которую разделяли многие его современники и известные умы XIX и XX вв., начиная с В.С. Соловьева и

заканчивая И.А. Ильиным. Речь идет об апологии войны как своего рода духовной встряски заболоченного мира, покрывшегося ряской мещанства, погрязшего в тине обыденности. А.К. Горский против того, чтобы видеть в человеке существо, живущее и творящее из-под палки, побуждаемое к движению и активности лишь постоянной угрозой «утраты жизни и утраты свободы» [15, с. 22]. Подобная точка зрения, предостерегает философ, приводит к парадоксальному выводу: и смерть, и страдания необходимы в экономии бытия, являются орудием гегелевского «лукавого разума» истории. «Если так, выходит, правы все те, кто хлопочет об умножении этих угроз, об увеличении количества оков, стеснений, смертей и смертельных опасностей. Правы апологеты *войны*, классового, расового и всякого иного гнета, рабства, эксплуатации и т. п.: ведь все это как-никак воспитает стойкость сопротивления, мужество и достоинство во всех или хотя бы немногих» [15, с. 22–23].

Критика фашизма

Оправдание смерти, ее целесообразности и нужности в бытии, когда смерть выступает как ассенизатор истории, кнут, подстегивающий человека и человечество в их движении по пространству земли, является, по тонкому прозрению А.К. Горского, той же разновидностью философии пределов, что и окуровское «во что ни верь, умрешь!». Именно эта философия, замечает философ, лежит в основе фашизма. Рассматривая феномен фашизма в свете своей критики смертобожнической фаустианской культуры, А.К. Горский подчеркивает, что он является последним словом этой культуры, симптомом ее заката, ее лебединой песнью. Говоря так, философ прямо апеллирует к А.М. Горькому, цитируя его определение фашизма как «порождения буржуазной культуры, находящейся уже в состоянии гниения и распада» [18, т. 27, с. 453], как «раковой опухоли» на теле европейского человечества.

Культ Вагнера и Ницше в идеологии Третьего Рейха также обнажает, по мысли А.К. Горского, пессимистическую, пассивно-апокалиптическую установку, скрытую в подпочве идеологии национал-социализма. Убежденность в конечной гибели человечества соседствует с бестиализмом, с преклонением перед силой природы, более того, с сознательным следованием ей (отсюда культ расы и крови, идея отбора, селекции, уничтожения слабейших, борьбы и войны как способа утверждения сильной, перспективной

расы). «Ни одна “идея”, — пишет А.К. Горский с сарказмом, комментируя “Майн кампф” Гитлера, — не вошла столь крепким клином в несложную голову незамысловатого автора, как убеждение в окончательной беспомощности человека перед лицом всемогущей природы; оно стало, можно сказать, основоположною заповедью этого корана Третьей Империи. “Тот, кто противится железной логике природы, восстает против основных законов человеческого существования... Я хорошо знаю это типичное, наглое и бессмысленное выражение: “Человек побеждает природу!” Миллионы людей, как попугаи, повторяют эту глупость и, в конце концов, начинают воображать, что они действительно победители природы”» [15, с. 37]. А бессилие перед природой оборачивается в идеологии Третьего Рейха преклонением перед ней и эксплуатацией смерти как действенного орудия власти.

Фашизм вырастает на почве сознания непреодолимости смерти. «Панический культ “непобедимой” *природы*, романтики *войны* и мистики *смерти* — три коренных устоя фашизма» [15, с. 38]. Но именно поэтому борьба с ним не может строиться только на идее отпора, благородной ненависти к врагу. Об этом А.К. Горский будет неоднократно писать в годы, когда война придет на землю его отечества, выступая против призыва И.Г. Эренбурга «Убей немца!» Подобно тому как христианство учит различать зло и носителя зла, А.К. Горский настаивает на необходимости разводить фашистскую идеологию и зараженных ею людей. А главное — видеть то, что скрывается за идеологией: обожествление слепой, смертоносной силы природы, убежденность в бессилии перед ней, тщательно внушаемую «лукавым духом», «имущим державу смерти».

Мысль и творчество А.М. Горького стоят, по А.К. Горскому, в авангарде антифашистского сопротивления. В них звучит несмиренность со смертнической установкой сознания, последовательный призыв к активной борьбе с природной стихийностью. А.К. Горский подчеркивает религиозную ценность горьковской критики мещанства, «буржуазного гуманизма», который «все время пытался превознести и возвеличить ценность человека, увиливая при этом от категорического четкого ответа на крайне простой вопрос: чем же в конце концов должен быть этот хваленый “человек”: данником природы, пленником стихии или их повелителем и управителем?» [15, с. 41]. Будучи сторонником активно-творческой веры, А.К. Горский говорит

о правде неприятия А.М. Горьким пассивно-христианского упования на потусторонность бессмертия, подчеркивая, что это не христианство, а извращение христианства. Для А.К. Горского А.М. Горький глубинно религиозен, ибо не смиряется с падшим и смертным порядком природы, чувствует и сознает творческое призвание человека в бытии, подобно тому как сознавали это — но стоя на почве активного христианства — Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков. Именно А.К. Горький, прямо выдвигавший в ряде статей и выступлений идею борьбы со смертью и природной стихийностью, дает прочные основания сопротивления духу фашизма как духу пессимизма и катастрофизма, как законченному проявлению смертобожничества.

«Преодоление Фауста» и идеал регуляции

Выступая против трагического миросознания, возводящего идею всеобщей гибели в неотменимый закон, А.К. Горский еще в статьях, написанных в годы Первой мировой войны, противопоставил духу германизма, стоящему на этом миросознании, литургизм, основанный на идее преображения мира, активного соучастия человечества в созидании совершенного строя жизни. В работе «Преодоление Фауста» эта мысль получила новый идейный импульс. Против окуровской пассивности в отношении к миру, обратной стороной которой является фаустианская безбожная индивидуалистическая активность, в смертном мире изначально окрашенная трагически, философ выдвигал литургическое «общее дело», богочеловеческую «работу спасения». Эксплуатирующее, эгоистическое отношение к бытию, становящемуся лишь подножием проектов и планов самовластной титанической личности, заменялось у А.К. Горского регуляцией — в том смысле, который придавал этому понятию Н.Ф. Федоров. Регуляция — это «внесение в природу воли и разума» [7, с. 526], преодоление природного порядка существования, стоящего на борьбе, вытеснении и смерти, приведение природы в подобие Пресвятой Троицы, утверждение в ней закона соборности и любви.

Задавая вопрос: «Что должно стать нормой *человеческого* отношения к любой стихии: сознательное, разумное *овладение* этой стихией, или слепая, “безумная” ей *отдача*?», А.К. Горский апеллировал к выраженному у позднего А.М. Горького требованию активного отношения человека

к миру, борьбы с природой, разумея, как уже было сказано, под «природой» не совокупность всего живого, но слепой, извращенный порядок существования. В статье «Преодоление Фауста» А.К. Горский цитирует строки из статьи А.М. Горького «О библиотеке поэта», в которой выдвигались новые творческие темы искусства: «Наше время включает в область поэзии совершенно новые темы, например, борьбу коллективно организованного разума против стихийных сил природы и против “стихийности” вообще» [18, т. 26, с. 182]. Фраза А.М. Горького для него тем важнее, что сам А.К. Горский держит в уме определение искусства, данное Владимиром Соловьевым: быть словом об идеале, «пророчеством и связующим звеном между красотою природы и красотою будущей жизни» [33, с. 398]. Искусство рисует образ-проект преобразовательной работы человечества, человечество же совокупным трудом осуществляет этот проект.

Трактуя тезис А.М. Горького о борьбе с природой, А.К. Горский видит в этой борьбе не человекобожескую активность, как то склонны были утверждать адепты религиозного пессимизма и катастрофизма, а богочеловеческое дело спасения, религиозный долг человека. Ведь и Христос умножал хлебы, ходил по водам, утишал бури, исцелял больных, воскрешал умерших и заповедал это своим ученикам, говоря: «Дела, которые творю я и он (верующий в меня) сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14: 12). Однако сотворить эти дела не способен одинокий фаустовский человек, даже если он гордынно полагает себя ницшеанским сверхчеловеком. Подобное под силу только творческой воле объединенного человечества, воле, идущей не против Бога, а вслед за Ним, отдающей себя благому делу «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения» [35, т. 1, с. 401].

Проповедовать в открытую это богочеловеческое соработничество в условиях воинствующего безбожия 1930-х гг. было немыслимо. Однако донести до своих современников идею всечеловеческой преображающей мир активности А.К. Горский хотел и, безусловно, полагал своим долгом. И если в силу цензуры не мог говорить о религиозных основаниях идеи преодоления смерти, то заговорил об источных ее основаниях, тех, что лежали в основе мифологического, патриархального сознания, питали действие первобытного коллектива, который, в отличие от человека индустриальной цивилизации, отгородившегося от природы при помощи своих машин и ме-

ханизмов и убежденного в своей — на деле иллюзорной — власти над ней, гораздо острее сознавал враждебную силу стихии и мечтал в сказках о живой и мертвой воде, ковре-самолете, сапогах-скороходах, т. е. о победе над временем и пространством. В таком повороте мысли А.М. Горький снова оказывался опорой размышлений философа. А.К. Горский апеллировал к статье «Разрушение личности», в которой говорилось о стремлении коллектива «воскресить отшедшего, оставить его в своей среде». Разбирая эту работу, он подчеркивал характерное для А.М. Горького утверждение источной связи личности и коллектива и сознание искаженности их взаимоотношений в эпоху Нового времени, где происходит обособление личности от коллективных энергий, ее самостийное утверждение в бытии и истории. Пути одиночной личности, пусть титанической, обладающей недюжинными задатками, но именно в силу своей обособленности от других обреченной на поражение, А.М. Горький противопоставляет путь общего делания, и в народном сознании многоученый Фауст проигрывает необразованному, но сметливому Пульчинелло-Петрушке. «Непобедимый герой народной комедии, — цитирует А.М. Горького А.К. Горский, — он побеждает всех и все: полицию, попов, даже черта и смерть, сам же остается. В грубом и наивном образе этом трудовой народ воплотил сам себя и свою веру в то, что именно он преодолеет все и всех» [18, т. 24, с. 494].

Сказка А.М. Горького «Девушка и смерть» в контексте имморталистической темы

Выше мы уже говорили об оценке А.К. Горским некрасовских «Коробейников»: выплеск коллективной народной души, «гудение всего народа» [14, кн. 1, с. 22]. Спустя тридцать лет в работе «Преодоление Фауста» А.К. Горский характеризует раннюю сказку А.М. Горького «Девушка и смерть», видя в ней именно такой голос почвы, проявление энергии коллектива, силы народного сознания, сопротивляющегося смерти, верящего в силу разума, любви и природную сметку.

В 1930-е гг. сказка А.М. Горького была актуализирована высказыванием И.В. Сталина: «Эта штука посильнее, чем Фауст Гёте. Любовь побеждает смерть». А.К. Горский подхватывает эту цитату и встраивает ее в контекст собственного философского слова, придав риторической, банальной фразе совершенно иной смысл и объем, трактуя ее в контексте фе-

доровско-соловьевской апологии воскресительной силы любви. Любовь, если она не есть пустословие, должна побеждать смерть реальным деланием. Именно любовь, не смиряющаяся с фатальным исчезновением любимого существа, способна организовать вокруг призыва к преодолению смерти всю мощь научного знания и всю силу творческого воображения.

В отличие от писавших в 1930-е гг. о сказке А.М. Горького, А.К. Горский не превозносит девушку, смело просящую Смерть об отсрочке во имя любви и в конце концов заставляющую ее переменить приговор: «Она живет слепым чувством: в лучшем случае пробужденное любовью творческое *воображение* в ней еще не перешло в творческую *волю*, не ищет путей к *действию*» [12, с. 89]. Тем более не впечатляет его возникающий в финале сказки образ Любви и Смерти как неразлучных сестер. Новаторство А.М. Горького А.К. Горский видит в ином: «Творческий эффект достигнут здесь ничуть не новой трактовкой любви, но только новой трактовкой смерти» [15, с. 66]. Она не страшна, не всесильна, она *смертельно* устала и буквально дышит на ладан. «Смерть — эта грозная, чудовищная, “неведомая и незнаемая” черная сила, перед которой так трепетали все поэты, полагая высшую храбрость лишь в “бестрепетной” отдаче себя могиле, — эта смерть у Горького впервые до конца расшифрована, антропоморфизирована, очеловечена, показана *изнутри*. Показана не как “сила природы”, а как слабость человека» [15, с. 66]. По мысли А.К. Горского, А.М. Горький сломал привычный механизм восприятия (и прославления) «“убийственной” и самоубийственной любви», тем самым задав вектор разрешения оппозиции «Любовь» — «Смерть» в ином направлении: не к симбиозу любви и смерти, а к «полной победе» любви через преодоление смерти [15, с. 66–67].

Попытки продвижения работы в печать

А.К. Горский сознательно выделял те грани миросозерцания писателя, которые были близки активно-творческому пафосу мысли Н.Ф. Федорова и его самого, делая понимания и суждения А.М. Горького фундаментом собственных построений. При этом, разворачивая критику «смертобожнических» тенденций современного мира, размышляя об анастатических — альтернативных — путях истории, он сознательно не оставлял зазора между своей позицией и позицией А.М. Горького, хотя это зазор был очевидным: А.К. Горский продолжал активно-христианскую линию русской мыс-

ли, утверждавшую единство Божественной воли и человеческого усилия, А.М. Горький — склонялся к модели прометеистического активизма. Однако в работе «Преодоление Фауста» философ сознательно пошел на определенную идейную редукцию, ибо рассчитывал выйти с этой работой в печать.

Поводом стал конкурс на соискание Сталинской премии. Сбор произведений по направлению «Литературоведение» осуществлялся в Институте мировой литературы (ИМЛИ), и 28 сентября 1940 г. А.К. Горский передал в ИМЛИ данную работу вместе с другой своей статьей — «Воинствующий оптимизм», название которой было взято из статьи А.М. Горького о В.И. Ленине. По мысли А.М. Горького, ленинский оптимизм был построен на «чувстве непримиримой, неугасимой вражды к несчастиям людей», на «вере в то, что несчастие не есть неустранимая основа бытия, а мерзость, которую люди могут отмести прочь от себя» [18, т. 17, с. 24]. Именно такой тип оптимизма А.К. Горский находил в самом А.М. Горьком. Хрестоматийному афоризму Панглосса «Все к лучшему в этом лучшем из миров», воплощающему прекраснодушный, но пассивный и бездейственный оптимизм, писатель, по мысли А.К. Горского, противопоставил оптимизм «другого типа, честный, последовательный и *действенный*», устремляющий к преодолению смерти [16, с. 80].

И «Воинствующий оптимизм», и «Преодоление Фауста» на конкурс так и не попали (А.К. Горский задержал отправку работ более чем на полмесяца), но были переданы в секцию изучения жизни и творчества А.М. Горького. Однако поддержки эти рукописи не нашли. В Московском архиве А.К. Горского и Н.А. Сетницкого сохранился ответ-отзыв Т.Л. Мотылевой, тогда — ученого секретаря ИМЛИ, составленный по поручению дирекции института. Отдавая дань эрудированности А.К. Горского, «основательному знакомству с творчеством Горького и мировой литературой», подчеркивая справедливость тезиса А.К. Горского об «активном, жизнеутверждающем гуманизме» и вере писателя «в безграничные силы и способности человека», обращая мыслителя к работам современных исследователей, Т.Л. Мотылева выражала категорическое несогласие с данной Горским через Горького трактовкой смерти [28, с. 1]. А.К. Горский откликнулся обширным письмом, в котором объяснял замысел своих статей, отвечал на ряд возражений и замечаний, высказанных Т.Л. Мотылевой [17], однако на продвижение статей в печать это не повлияло.

Заключение

Несмотря на то что работа «Преодоление Фауста» так и не вышла в свет, оставшись, по образному выражению поэта Н.С. Тихонова, «в могиле стола», прикровенно она сыграла свою роль в становлении философского горьковедения. Сохраненная в составе архива А.К. Горского, она была перепечатана его духовной ученицей О.Н. Сетницкой, которая познакомила с ней ведущего исследователя творчества Н.Ф. Федорова С.Г. Семенову, выпустившую в 1977 г. в сборнике «Контекст» комментированную публикацию работы философа «“Фауст” Гете и народная поэма о Фаусте» [36], где был представлен еще один ракурс к теме религиозно-философской гётевианы. Трактовка горьковского иммортализма, данная А.К. Горским, оказала влияние на интерпретацию творчества А.М. Горького в статьях исследовательницы [5, с. 276–287; 6, с. 517–524], а сама работа «Преодоление Фауста», представлявшая пример философской критики, стала одним из побудительных импульсов к ее замыслу философии русской литературы, вылившемуся в книги «Преодоление трагедии: “Вечные вопросы в литературе” (М., 1989), «Метафизика русской литературы» (В 2 т. М., 2004) и др.

Список литературы

Исследования

1 *Гачева А.Г.* «Перед лицом войны и смерти…». Тема войны в поэтическом и философском наследии Александра Горского конца 1930-х – начала 1940-х годов // Человек и война / отв. ред. С.А. Никольский. М.: Голос, 2020. С. 303–339.

2 М. Горький и мир философских идей Н.Ф. Федорова (переписка с А.К. Горским и Н.А. Сетницким) / вступ. ст., публ., подгот. текста, примеч. И.А. Бочаровой и А.Г. Гачевой // М. Горький и его корреспонденты. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 501–563.

3 *Макаров В.Г.* Архивные тайны: философы и власть. Александр Горский: судьба, покалеченная «по праву власти» // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 98–133.

4 Русская философия и литература: пути взаимодействия / отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. 600 с. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 1)

5 *Семенова С.Г.* Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 590 с.

6 *Семенова С.Г.* Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма, 2016. 890 с.

7 *Семенова С.Г.* Философ будущего: Николай Федоров. М.: Академический проект; Парадигма, 2019. 638 с.

8 Тайна смерти Максима Горького. Документы, факты, версии / отв. ред. Л.А. Спиридонова. М.: АСТ, 2017. 464 с.

9 *Тахо-Годи Е.А.* А.Ф. Лосев о гётевском учении о цвете, трагедии «Фауст» и романе «Страдания юного Вертера» // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 162–172. DOI: 10.31857/S004287440006328-5

Источники

10 Бедный Демьян. «Гретхен из Таннрода», или Социальный внутренний мир Германии // Правда. 1932. 22 марта. № 81.
11 Вечер памяти Гёте // Известия. 1932. 24 марта. № 83.
12 Вселенское дело в прошлом // Н.Ф. Федоров: pro et contra. М.: РХГА, 2008. Кн. 2. С. 364–370.
13 *Горский А.К.* Николай Федорович Федоров и современность // Н.Ф. Федоров: pro et contra. М.: РХГИ, 2004. Кн. 1. С. 518–658.
14 *Горский А.К.* Сочинения и письма: в 2 кн. / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой. М.: ИМЛИ РАН, 2018.
15 *Горский А.К.* Преодоление Фауста. Машинопись. 1939–1940 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого (Частное собрание). 103 с.
16 *Горский А.К.* Укрыватели убийц (псевд.: А. Мыславский). Машинопись. 1938 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого (Частное собрание). 212 с.
17 *Горский А.К.* Письмо-ответ Т.Л. Мотылевой. 15 мая 1941 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого (Частное собрание). 38 с.
18 *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1955.
19 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 512 с.
20 Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 1: Н.А. Сетницкий / сост. Е.Н. Берковской (Сетницкой), А.Г. Гачевой. 624 с.
21 *Каменев Л.Б.* Гёте и мы // Известия. 1932. 22 марта. № 81.
22 «Комическое как врата вечного»: А.К. Горский. Песни без недомолвок / вступ. ст., подгот. текста, публ., примеч. А.Г. Гачевой // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 418–498.
23 *Леонтьев К.Н.* Собр. соч.: в 12 т. М.: В.М. Саблин, 1912. Т. 8. 357 с.
24 *Лосев А.Ф.* Учение Гете о цветах. Замечание о «Вертере» Гете (Научная подготовка текста Е.А. Тахо-Годи) // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 173–184.
25 *Манн Г.* В защиту культуры. М.: Радуга, 1986. 412 с.
26 *Мейер А.А.* Размышления при чтении «Фауста» // *Мейер А.А.* Oeuvre philosophique. Paris: La Presse Libre, 1982. С. 235–377.
27 *Мережковский Д.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 624 с.
28 *Мотылева Т.Л.* [Письмо А.К. Горскому]. 27 января 1941 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого (Частное собрание). 2 с.
29 *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: Несвоевременные размышления; Из посмертных произведений (1873–1875); «Мы филологи» / под ред. С. Франка и Г. Рачинского; [Предисл.: С. Франк]. М.: Моск. кн-во, 1909. 426 с.
30 О цели жизни нашей христианской. Беседа преп. Серафима с Н.А. Мотовиловым. Киев: Киево-Печерская Успенская Лавра, 2013. 82 с.

31 *Сетницкий Н.А.* СССР, Китай и Япония: Начальные пути регуляции // Известия Юридического факультета. Харбин, 1933. Т. 10. С. 187–247.
32 *Сетницкий Н.А., Горский А.К.* Творческий марксизм и ликвидация хвостизма в биологии. Машинопись. 1937 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого (Частное собрание). 36 с.
33 *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
34 *Сталин И.В.* Сочинения. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1946. Т. 3. 428 с.
35 *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Издат. группа «Прогресс»; Традиция, 1995–1999.
36 *Федоров Н.Ф.* «Фауст» Гете и народная легенда о Фаусте / предисл., публ., коммент. С.Г. Семеновой // Контекст – 1975. М.: Наука, 1977. С. 315–343.
37 *Шпенглер О.* Причинность и судьба. Закат Европы. Пб.: Академия, 1923. Т. 1. Ч. 1 / пер. с нем. под ред. А.А. Франковского. 212 с.

References

1 Gacheva, A.G. "'Pered litsom voiny i smerti...'. Tema voiny v poeticheskom i filosofskom nasledii Aleksandra Gorskogo kontsa 1930-kh – nachala 1940-kh godov" ["Facing War and Death: War Theme in Alexander Gorsky's Poetic and Philosophical Works (Late 1930s – Early 1940s)"]. *Chelovek i voina* [*Man and War*]. Moscow, Golos Publ., 2020, pp. 303–339. (In Russ.).

2 "M. Gor'kii i mir filosofskikh idei N.F. Fedorova (perepiska s A.K. Gorskim i N.A. Setnitskim)" ["M. Gorky and the World of Philosophical Ideas by N.F. Fedorov (Correspondence with A.K. Gorsky and N.A. Setnitsky)"]. *M. Gor'kii i ego korrespondenty* [*M. Gorky and his Correspondents*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 501–563. (In Russ.).

3 Makarov, V.G. "Arkhivnye tainy: filosofy i vlast'. Aleksandr Gorskii: sud'ba, pokalechennaia "po pravu vlasti" ["Archival Secrets: Philosophers and Power. Alexander Gorsky: Life as Destroyed "by the Right of Power"]. *Voprosy filosofii*, no. 8, 2002, pp. 98–133. (In Russ.).

4 Takho-Godi, E.A., editor. *Russkaia filosofiia i literatura: puti vzaimodeistviia* [*Russian Philosophy and Literature: Ways of Interaction*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 600 p. (In Russ.).

5 Semenova, S.G. *Russkaia poeziia i proza 1920–1930-kh godov. Poetika — Videnie mira — Filosofiia* [*Russian Poetry and Prose of the 1920s-1930s. Poetics —Vision of the World — Philosophy*]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2001. 590 p. (In Russ.).

6 Semenova, S.G. *Russkaia literatura XIX–XX vv.: Ot poetiki k miroponimaniiu* [*Russian Literature of the 19th–20th centuries: From the Poetics to the Worldview*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Paradigma Publ., 2016. 890 p. (In Russ.).

7 Semenova, S.G. *Filosof budushchego: Nikolai Fedorov* [*The Philosopher of the Future: Nikolay Fedorov*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Paradigma Publ., 2019. 638 p. (In Russ.)

8 Spiridonova, L.A., editor. *Taina smerti Maksima Gor'kogo. Dokumenty, fakty, versii* [*The Secret of Maxim Gorky's Death. Documents, Facts, Versions*]. Moscow, AST Publ., 2017. 464 p. (In Russ.)

9 Takho-Godi, E.A. "Losev o getevskom uchenii o tsvete, tragedii 'Faust' i romane 'Stradaniia iunogo Vertera'." ["Alexey F. Losev on Goethe's Theory of Colors, the Tragedy 'Faust' and the Novel 'The Sorrows of Young Werther'."]. *Voprosy Filosofii*, vol. 9, 2019, pp. 162–172. DOI: 10.31857/S004287440006328-5 (In Russ.)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.352.2.0
ББК 83.3(531)

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАМНЯ И ГОР В ЛИТЕРАТУРАХ НАРОДОВ АБХАЗИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

© 2021 г. В.А. Бигуаа
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 18 января 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 марта 2020 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-344-371

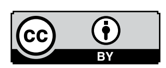
Аннотация: В статье исследуются особенности функционирования символических образов камня и гор в фольклоре и литературах народов Северного Кавказа и Абхазии. Объектом анализа стали мифы, героический эпос о нартах ряда кавказских народов, поэзия К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова, Р. Гамзатова, романы Б. Шинкубы «Рассеченный камень» и А. Гогуа «Нимб». Как показано в статье, образы камня и гор в каждой литературе по-разному функционируют в структуре художественного текста, в зависимости от авторского замысла. Вместе с тем эти образы изначально тесно связаны с историей, бытом, мифологией, фольклором народов, с тысячелетним историко-духовным опытом горцев. Процесс создания литературного образа, корни которого глубоко уходят в национальную историю и культуру, отражает взаимодействие разных типов мышления — исторического, мифологического, художественно-фольклорного и литературно-художественного; характер связи и диалог литературы с фольклором, историографией и этнографией говорят о роли смежных наук в развитии литературы, в постановке и художественно-эстетическом исследовании историософских проблем, об особенностях художественного историзма, который отличается от историзма историографии, философии истории.

Ключевые слова: символика камня и гор, литературы народов Северного Кавказа и Абхазии, поэзия, проза, истоки художественного образа, мифология, фольклор, компаративный метод исследования, междисциплинарный подход.

Информация об авторе: Вячеслав Акакиевич Бигуаа — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: lit-sng@mail.ru

Для цитирования: *Бигуаа В.А.* Символические образы камня и гор в литературах народов Абхазии и Северного Кавказа // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 344–371. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-344-371

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

SYMBOLIC IMAGES OF STONE AND MOUNTAINS IN THE LITERATURES OF ABKHAZIAN AND NORTH CAUCASIAN NATIONS

© 2021. Vyacheslav A. Biguaa
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: January 18, 2020
Approved after reviewing: March 17, 2020
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: This article examines the peculiarities of the functioning of symbolic images of stone and mountains in the folklore and literatures of the peoples of the North Caucasus and Abkhazia. The objects of analysis are myths, a heroic epic about the sledges shared by a number of Caucasian peoples, poetry by K. Mechiev, K. Kuliev, A. Keshokov, and R. Gamzatov, novels by B. Shinkuba (*Dissected Stone*) and A. Gogua (*Nimbus*). As shown in the article, the images of stone and mountains in each literature function differently within the structure of a literary text, depending on the author's intention. At the same time, these images are initially closely connected with history, life, mythology, folklore of the people, and with thousand-year historical and spiritual experience of mountaineers. The process of creating a literary image, whose roots go deep into national history and culture, reflects the interaction of different types of thinking — historical, mythological, anthropological, and literary; the nature of the relationship and the dialogue of literature with folklore, historiography, and ethnography speak about the role of this interdisciplinary dialogue in the development of literature; this way, we can also speak of literary or artistic historicism which differs from historicism in historiography or philosophy of history.

Keywords: symbolism of stone and mountains, literatures of North Caucasian nations, Abkhazian literature, poetry, prose, roots of literary image, mythology, folklore, method of comparative research, interdisciplinary approach.

Information about the author: Vyacheslav A. Biguaa, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: lit-sng@mail.ru

For citation: Biguaa, V.A. "Symbolic Images of Stone and Mountains in the Literatures of Abkhazian and North Caucasian Nations." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 344–371. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-344-371

В течение тысячелетий, человек, как часть мироздания, пытался разгадать тайны вселенной, окружающей природы, с которой стремился выстраивать отношения. При этом природные качества человека, его естественные потребности, страх перед труднообъяснимыми явлениями способствовали развитию мифологического мышления, выработке этических принципов и норм, которые регулировали поведение человека в окружающей среде. Результатом мифотворчества стали различные мифы, божества, магические обряды. Велика его роль и в возникновении почти у всех народов героического эпоса, сказаний, легенд, преданий, сказок, в которых обнаруживаются общие и национальные черты (здесь влияние местного пространства со своим ландшафтом, флорой и фауной значительна). Впоследствии это своеобразие мифотворчества перешло и в литературы разных народов, в том числе Российской Федерации и сопредельных стран. С.А. Токарев и Е.М. Мелетинский писали: «...если позитивистская этнология 2-й половины 19 в. видела в мифах лишь “пережитки” и наивный донаучный способ объяснения непознанных сил природы, то этнология 20 в. доказала, что: во-первых, мифы в примитивных обществах тесно связаны с магией и обрядом и функционируют как средство поддержания природного и социального порядка и социального контроля; что, во-вторых, мифологическое мышление обладает известным логическим и психологическим своеобразием; в третьих, мифотворчество является древнейшей формой, своего рода символическим “языком”, в терминах которого человек моделировал, классифицировал и интерпретировал мир, общество и себя самого; но что, в-четвертых — своеобразные черты мифологического мышления имеют известные аналогии в продуктах фантазии человека не только глубокой

древности, но и других исторических эпох, и, таким образом, миф как тотальный или доминирующий способ мышления специфичен для культур архаических, но в качестве “некоего” уровня или “фрагмента” может присутствовать в самых различных культурах, особенно в литературе и искусстве, обязанных многим мифу генетически и отчасти имеющих с ним общие черты (“метафоризм” и т. д.)» [6, с. 19].

Объектом мифологического мышления были деревья, животные, горы, камни, которые часто превращались в символические образы в структуре фольклорных произведений, затем литературных. Многие части, например, реальной неживой природы становились элементами быта того или иного народа, затем некоторые из них обрастали мифами и легендами, превращаясь в архетипы. Впоследствии эти мифологизированные образы использовались писателями в художественном тексте или сами создавали новые мифы. В данном случае речь пойдет о символике камня и гор, которые занимали и занимают значительное место в фольклоре и литературе народов Абхазии и Северного Кавказа, иногда именуемых горцами. Есть и понятие «горская этика», сформировавшаяся не без влияния сурового кавказского ландшафта. При этом у каждого народа есть своя этическая система: у адыгов (адыгейцев, черкесов, кабардинцев) — Адыгъагъэ (или, по мнению некоторых, — Адыгэ хабзэ); у ингушей — Эздел; у абхазов — Апсуара и т. д. Эти неписанные духовно-нравственные законы, регулировавшие в прошлом и по сей день регулирующие взаимоотношения людей внутри семьи, общества, отношение человека к природе, изначально были отражены в мифах и фольклорных произведениях. В течение столетий, в процессе диалога с другими культурами, с такими мировыми религиями, как христианство и ислам, принципы и нормы этих систем претерпевали некоторые изменения, но национальное ценностное ядро сохранялось. Принципы и нормы этих горских этических систем во многом совпадают, и это — в определенной степени результат влияния в целом сходного ландшафта (особенно гор, скал, уникальной флоры). Они и составляют основу национального сознания и мировосприятия каждого народа и вместе с тем способствуют установлению диалога между разными народами, хотя и бывают проблемы. Все это отразилось в фольклоре и литературах народов Северного Кавказа и Абхазии. Я не случайно взял этот регион с его горским населением, ибо здесь обнаруживается много совпадений и перекличек не

только в быту, в ценностных ориентациях, но и в фольклоре и литературе, где в художественном пространстве особое место занимают взаимосвязанные мифологические и символические образы камня и гор.

В мифологии и фольклоре адыгов, абхазов, абазин, балкарцев, карачаевцев, осетин, чеченцев, ингушей и других камень выступает как основа Земли, источник прочности, вечности, рождения героя и новой жизни. Он один из важнейших элементов сюжетов о добывании огня. Об этом свидетельствует нартский эпос вышеперечисленных народов. Например, в сюжете адыгского эпоса, связанном с рождением главного героя Сосруко, мать нартов Сатаней-гуаша стирала на берегу реки Псыж (Кубань). На противоположном берегу пастух нартов пас коров. Он был пленен красотой Сатаней; у него вскипела кровь. Загорелась страстью и Сатаней и присела на прибрежный камень. Когда Сатаней собралась уходить домой, пастух окликнул ее: «Эй, Сатаней-красавица!.. Твоя мудрость превосходит ум мужчин... Зачем ты оставила этот камень? Возьми его и отнеси домой камень». Сатаней так и сделала: отнесла домой камень и положила в отруби. Камень стал расти, внутри его кипело, и был слышен шум. Затем Сатаней положила камень к теплому очагу. Через девять месяцев и девять дней кузнец нартов Тлепш расколол камень, и оттуда выпал ребенок, которому дали имя Сосруко.

Почти аналогичный сюжет встречается в абхазском нартском эпосе. Однажды мать 99-ти братьев нартов — прекрасная Сатаней-гуаша — спустилась к реке, чтобы искупаться. На противоположном берегу она увидела пастуха нартов Нарджхиоу (или Нузидж). Ей он понравился, и она захотела, чтобы пастух переплыл реку, с тем и окликнула его. У пастуха забурлила кровь, он бросился в реку, но не смог одолеть быстрое течение. Тогда он послал свою «стрелу» (с семенем), Сатаней укрылась за каменной глыбой. «Стрела» попала в камень, и на нем появился человеческий образ. Сатаней, по совету пастуха, привела кузнеца нартов Айнар-жи, у которого правая рука — молот, левая — клещи, а левая нога — наковальня. Кузнец высек каменный образ и, клещами прихватив одну ногу, извлек его из скалы, но та нога так и осталась уязвимой, подобно «ахиллесовой пяте». По другим вариантам, нога стала уязвимой после процедуры закаления Сасрыквы кузнецом в кипящей стали; незакаленной осталась та нога, которую держал Айнар-жи клещами. После Сатаней-гуаша некоторое время носила

каменный образ у тела. В итоге родился сотый брат нартов [30, с. 24–43; 9, с. 170–184; 31, с. 137, 148, 157; 2, с. 130–131], которого за свою необычность прозвали Сасрыквой[1]. «За описаниями “ухода” за камнем в абхазских и адыгских версиях эпоса следует появление на свет новорожденного» [2, с. 134; 3, с. 22].

Камень также встречается в сказании «Как Сасрыква сбил звезду», где герой пытается победить хитростью великана (адау). Он рассказал великану о мнимых подвигах Сасрыквы. Согласно одному из них, великан должен был разбить лбом огромный камень, который скатит Сасрыква с горы. И, наконец, от такого камня и погибает сам Сасрыква. Как видим, рождение и смерть героя связаны с камнем. Заметим, что эпизод с падающим камнем присутствует и в другом абхазском сказании об Абрскиле, использованный в романе Б. Шинкубы «Рассеченный камень», о котором скажем ниже.

Сюжеты о рождении одного из главных героев из камня и добывании огня присутствует и в нартском эпосе осетин, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей. Факт свидетельствует о многовековых исторических и культурных взаимосвязях этих народов. Многие ученые признают сюжет с камнем самой архаичной частью эпоса. Вместе с тем, по мнению востоковеда В.Г. Ардзинбы — ученика Вяч.Вс. Иванова, «в адыгских, абхазских и абазинских версиях циклы о рождении героев из камня наряду с циклом о матери нартов Сатаней составляют даже по объему самую значительную часть эпоса. Следовательно, изучение этого сюжета — важный компонент поисков решения общей сложной проблемы происхождения эпоса» [2, с. 129; 3, с. 13].

Аналогичные сюжеты, связанные с рождением героя из камня можно обнаружить и в мифах других народов мира. В частности, Н.С. Трубецкой указывал на совпадение кавказского сюжета о рождении героя из камня с двумя вариантами фригийского мифа о Зевсе в изложении Павсания и Арнобия [11, с. 88–91].

1 Много споров вызывает этимология имени Сасрыква / Сосруко. М.А. Кумахов, основываясь на шапсугско-хакучинский диалект адыгейского языка (*сэуэ-сыры-къуэ*), объяснял его как «разящий огнем сын» [5, с. 61–65]. Л.Х. Акаба, разделяя точку зрения Кумахова, отмечала, что «правильность такого объяснения подтверждается и данными абхазского языка (*са* от более древнего *ца*, обозначавшего у многих кавказских народов, в том числе и у абхазов, молнию, огонь, *аср* от *асра* “ударять”, “разить”, *куа* — уже известный реликтовый патронимический формант» (означающий сын. — *В.Б.*) [1, с. 39]. По мнению Ш.Х. Салакая, имя Сасрыква означает «сын камня» [8, с. 83–87]).

Об особом отношении абхазо-адыгских и других народов Северного Кавказа к камню свидетельствуют и другие мифы, традиционные религиозные верования, а также археологические материалы. Как рассказывали некоторые абхазские старейшины, камни в Абхазии имеют небесное происхождение. В рассказе Мамия Цвижба, записанном в 1966 г. в селении Члоу Л.Х. Акаба, говорится: «Сначала был хаос. Все тряслось. Потом бог послал на землю камни, тогда земля остановилась и перестала трястись, камни скрепили землю…» [1, с. 75]. В адыгском нартском эпосе и волшебных сказках часто встречается древняя форма клятвы: «Уащхъуэ, мываащхъуэ кIане…» («Синим небом и синим осколком камня клянусь…») [13, с. 20]. А.Т. Шортанов считал, что культ камня перекликается с космогоническими представлениями древних людей. «Камень соединялся с небом и огнем небесным» [13, с. 20]. В нартском эпосе адыгов, абхазов, карачаевцев и балкарцев герои Сосруко, Сасрыква и Ёрюзмек добывают огонь, сбивая звезду, или ударяя скалу. Так, Ёрюзмек «сложил листья и ветки возле скалы и потом ударил скалу глыбой с такой силой, что посыпались искры. Одни искры улетели на небо и превратились в звезды, другие упали на ворох сухих листьев и веток. Вспыхнул огонь» [15, с. 39; 24, с. 22]. В первобытном сознании огонь и камень были слиты в одно целое, ибо считалось, что «в камне (теле) находится огонь (душа). Отголоском этих воззрений было особое почитание тех предметов, в которых древние адыги, балкарцы и карачаевцы видели соприкосновение этих двух элементов — огня и камня. Дерево или камень, пораженные молнией, признавались священными и около них совершались многочисленные магические ритуалы» [13, с. 22].

Фольклорные и этнографические материалы, связанные с камнем и горами, оказали существенное влияние на многие литературы мира, в том числе на литературы народов Северного Кавказа и Абхазии. Примером могут служить произведения абхазских поэтов и прозаиков Баграта Шинкубы (1917–2004) и Алексей Гогуа (р. 1932), балкарских поэтов Кязима Мечиева (1859–1945) и Кайсына Кулиева (1917–1985), кабардинского поэта Алима Кешокова (1914–2001), аварского поэта Расула Гамзатова (1923–2003) и др.

К. Мечиев в 1910 г., находясь в качестве паломника на Ближнем Востоке, в частности в Дамаске, написал стихотворение «Серый камень сорвался с утеса…» (Дамаск, 1910). В нем лирический герой, тоскуя по родине, мысленно возвращается к родным кавказским горам, видит камень, сорвав-

шийся с утеса и оставшийся лежать «в мрачной бездне». Камень — часть вечной горной страны, он упал, но остался на родной земле. И герой хочет быть этим камнем: «Я молю тебя, господи, ныне: / Лучше в камень меня преврати, / Но остаться не дай на чужбине, / К моему очагу возврати!» (пер. С. Липкин) [23, с. 78].

Невозможно представить очаг горцев без камня. Вообще в этнографической литературе очаг и составляющие его компоненты (очажная цепь, камни, котел, висящий на цепи и т. д.) рассматриваются как элементы домашнего быта горца. Это — этнографическая реальность, которая сопровождает жителя гор вот уже много столетий, приобретая особую значимость и смысл, превращаясь в важнейшую часть национального самосознания. Очаг стал символом судьбы как отдельной семьи, так и целого народа; причем важным элементом очага является очажный дым — символ благополучия. «Неугасающий огонь» в очаге говорит о бессмертии народа, сохранении преемственности поколений, культуры, языка, о процветании родины. В таком смысле этот образ встречается у многих горских поэтов.

Р. Гамзатов писал: «Вам так нигде тепло не будет, кроме / Как здесь, у очага в отцовском доме» (пер. Н. Гребнев) [16, с. 337]. А в стихотворении «Беда тебе, кунак» поэт утверждал: «Беда тебе, кунак, / Чье сердце не стучит. / Беда тебе, очаг, / Где пламя не горит» (пер. Н. Гребнев) [16, с. 336].

В горском понимании, если очаг не будет вечен, как и камень, то судьба рода, народа в будущем может быть трагичной. У многих горцев Кавказа родовой, фамильный дом воспринимается в качестве ядра, важного элемента родины и народа. И это все в поэзии воплощено в символическом образе очага.

К. Кулиев создал ряд произведений, в которых образ камня соседствует с образом очага. В стихотворении «Огонь очага» очаг символизирует нелегкую судьбу балкарцев. Оно написано в 1957 г., после реабилитации балкарцев и возвращения их на родину. Это, естественно, повлияло на оптимистический дух стихотворения. В нем утверждается: пока «Очаг родной горит, / Удача не покинет дом», «Горит очаг — и песнь жива, / И сыт мой отчий край... / Шепчу молитвенно слова: / — Очаг!.. Не остывай! (пер. Ю. Нейман) [20, с. 135–136].

Через семь лет, словно поддерживая пафос Кулиева, Б. Шинкуба пишет стихотворение «Горит очаг, и пламя вьется...»:

Горит очаг, и пламя вьется.
Подбросить дров — не проворонь!
Из рода в род передается
Неугасающий огонь.

Хочу, чтоб все беречь умели
Огонь, пришедший из веков,
Чей отсвет лёг на колыбели
И на седины стариков.
[26, с. 108–109]
(Пер. Я. Козловский)

Вообще поэтическое пространство К. Кулиева усеяно камнями, обнесено горами, скалами. Об этом свидетельствуют его книги: «Горы» (М., 1957), «Я пришел с гор» (М., 1959), «Огонь на горе» (М., 1962), «Раненый камень» (М., 1964; М., 1968), «Трава и камень. Избр. стихи» (1977) и др. Здесь, видимо, сыграл свою роль долгая разлука поэта с родной горной страной. Дело в том, что в 1944 г. балкарский народ был депортирован в Среднюю Азию (в Киргизию). К. Кулиев был участником Великой Отечественной войны. После войны, благодаря усилиям многих членов Союза писателей СССР во главе с Н. Тихоновым, руководство страны сделало исключение для Кулиева, и разрешили ему любое место жительство (в Москве и Ленинграде), кроме родины. Но поэт посчитал, что в тяжелое для народа время он должен быть с народом, и уехал в Киргизию, где пробыл 11 лет. На это Р. Гамзатов в стихотворении «Мустаю Кариму» писал: «Помню: на сердце камень один / Мы носили, покуда в разлуке / Был с Кавказом Кулиев Кайсын. / Переживший молчания муки» (пер. Я. Козловский) [16, с. 105].

Поэзию К. Кулиева невозможно рассматривать вне мира гор. В горах, как и многие поэты Северного Кавказа, он сформировался как личность, придерживающаяся горской этики, сохраняющая свое горство (как говорится в ряде стихов Р. Гамзатова) в широком смысле этого слова; здесь у него появилось поэтическое восприятие этого мира. В стихотворении «Ты ждешь меня» К. Кулиев писал: «Каждый камень горы для поэта — стих, / Каждый выступ скалы — строка. / Сколько песен скрыто в тропах крутых, / И поэмой течёт река» (пер. Л. Шифферс) [20, с. 45].

В произведениях К. Кулиева камень, скалы и горы символизируют постоянство, вечный покой, твердость, высоту. Кроме того, у него камень — символ балкарского народа, его трагической судьбы, истории, непоколебимой твердости национального духа. Камень — свидетель прошлого и настоящего, он вечен. По словам поэта, вся история и традиционная культура народа заключены в этих «каменных страницах», их невозможно стереть. Камни — «книги», в них отражены и войны, и жизнь крестьян, и плач матерей, и боль поэта, и судьба предков... Камень — составная часть очага, но и надгробье человека; с одной стороны — бесконечность и земная жизнь, с другой — конец одной формы жизни и переход в вечность.

Много раз я писал о тебе... Издавна́
Были камнем богаты аулы нагорий,
И народ мой оставил свои письмена
В камне: мудрость свою, и надежду, и горе.
....
В доме каменном, у очага, сколько раз,
Камень, ты согревал мои ноги босые.
Нам при жизни служил. А придет смертный час —
У могил имена сохранишь ты людские.
[21, с. 216]

А в статье «Песни горцев» К. Кулиев отмечал: «Я многим обязан камню. В горах он особый. Как ни странно, камень учил меня мыслить, учил сдержанности, оберегал, как и деревья, от многословья и болтливости в стихах, камнем гор порождены многие мои мысли... Камень сопровождал горца от рождения до смерти, он “общался” с ним каждый день. Поэтому так же часто встречается камень в горской поэзии, как, скажем, березка в русской» [22, с. 270–271]. Поэт утверждал, что в литературах народов Кавказа, которых он объединял под одним словом — «горцы», этот образ — совершенно естественное явление; подчеркивал, что общность исторических судеб способствовала рождению «родственного фольклора», возникновению сходных поэтических образов. По его словам, «В своих песнях горцы в час торжества или беды нередко обращаются к горе, скале, дереву, реке, дороге,

звездам, призывая их в свидетели, ища у них помощи, считая их опорой, поддержкой, утешением» [22, с. 262].

Мысли К. Кулиева подтверждает и поэзия А. Кешокова, который посвятил балкарскому поэту (во время Великой Отечественной войны с ним он прошел путь от Сальских степей до Восточной Пруссии) стихотворение «Кайсыну Кулиеву» (1964). В нем подчеркивается близость судеб двух земляков-горцев, которые «пили воду из Чегема», встречали «одну зарю, одну грозу», во время войны сражались вместе, «перед атакою в Крыму» «к одной скале» они «прижимались», и им тогда «припоминались / Вершины горные в дыму» (речь идет о кавказских горах). А когда К. Кулиев, «оклеветанный молвой» был разлучен с Кавказом, его собрат-поэт «жил со склоненной головой». Два поэта ищут славы для Кавказа, «неся годов сердечный груз»; «И как назначено судьбою, / Мы — горской песни два крыла» (пер. Я. Козловский) [19, с. 198–199].

В поэтическом пространстве А. Кешокова образы камня, скалы, гор также используются в качестве символа божественной истины, чистоты, крепости, мужества, чести, величия, справедливости, они же — молчаливые свидетели прошлого, носители тайн истории; общение с ними, словно с живыми существами, стимулирует мысль, способствует лучшему пониманию жизни. В стихотворении «Рожденному на камне, мне в наследство» (1964) поэт писал:

Рожденному на камне, мне в наследство
Был отдан камень волею судеб.
— Мужчиной будь, — мне говорили с детства, —
Чтобы уметь из камня выжать хлеб.
……………………………………………………
Едва рожденному, он был мне зыбкой,
И, оторвавшись от родимых скал,
На низменной земле, на почве зыбкой
Я все же свойства камня сохранял.
………………………………………………
Я жил под щедрым камнезвездным небом,
Я стал частицей этих твердых скал.

Порой из них не мог я выжать хлеба,
Но слово я из камня выжимал.
[19, с. 200]
(Пер. Н. Гребнев)

Образы камня и гор занимают значительное место в поэтике других стихотворений А. Кешокова — «Кавказ» (1939), «Горы» (1941), «Собрание гор» (1952), «Горы молчат» (1959), «На вершине горы» (1959), «Эльбрус» (1959), «Я знаю, горы, чуток слух у вас…» (1962), «Камень» (1960–1964), «Двуглавый Эльбрус» (1960–1964), «В горах, как древней рукописи строки…» (1966), «Меня позвали горные вершины» (1966), «Утес» (1970), «Легенда о горе» (1979) и др.

В стихотворении «Камень» утверждается, что камень из века в век сопровождал жизнь горца, как важный элемент быта и национального самосознания: «Из камня пламень высекал мой предок с давних пор, / Когда очаг он разжигал иль разводил костер. / Точил о камень саблю впрок, а если умирал, / Он над собою завещал нести ему дозор» (пер. Я. Козловский) [19, с. 214].

А в стихотворении «В горах, как древней рукописи строки…» лирический герой видит на скале «морщин сплетенье», похожие на древние рукописи; они вечны как и сама скала. «Какие начертали их пророки / На неподвижном сумрачном челе?» — спрашивает он и «пальцами» ведет «по тем морщинам», «как по странице книги для слепых»; «И чудится, что в небе ястребином / Вновь буря поминает всех святых». Герой хочет разгадать тайны прошлого, почувствовать духовные истоки, но сделать это нелегко: «Судьбы ли знаки, времени ли числа, / Иль шрамами увенчанная честь? / Я письмена магического смысла / За целый век беспомощен прочесть» (пер. Я. Козловский) [19, с. 228].

Северокавказские поэтические камни и горы, в частности образы К. Кулиева, были близко восприняты Б. Шинкубой. В 1959 г. он написал стихотворение «Тот камушек, который ты дал мне когда-то», посвященное К. Кулиеву. В нем читаем: «Вытащил и посмотрел я на камушек, / Который ты дал мне когда-то. / Он символ памяти вечной, / Бережно храню его, словно золото» [33, с. 185] (Здесь и далее подстрочный перевод мой. — *В.Б.*).

Б. Шинкуба хорошо знал К. Кулиева, высоко ценил его поэзию. И не случайно он обратил внимание на символический образ камня в поэзии

Кулиева. В стихотворении лирический герой «вытащил и посмотрел на камушек» (имеется в виду, конечно, не предмет, а поэтический образ), благодаря которому перед ним раскрылась такая картина: «Камушек упал с ладони / И превратился в гору, / Ставшую выше Эльбруса».

Сюжеты, связанные с «ростом» камня известны в мировой мифологии, где камни — структурная основа земли, символ начала начал, рождения жизни. Пока растут, «размножаются» камни — жизни людей ничего не угрожает, будет и богатый урожай.

Символическая, живописная картина дополняется образом К. Кулиева, который несет людям правду жизни, правду о нелегкой судьбе родного народа.

Спустя много лет после стихотворения «Тот камушек, который ты дал мне когда-то» Б. Шинкуба обращается к образу рассеченного камня, создает роман «Рассеченный камень» (1978–1991). В нем художественно исследованы важнейшие проблемы истории и культуры абхазского народа в переломную эпоху, наступившую после установления советской власти в Абхазии в 1921 г. Писатель создает историко-духовный портрет этноса 1920–1930-х гг., раскрывает судьбу Апсуары — основы этнической идентичности, которая оказалась на грани исчезновения в эпоху коллективизации сельского хозяйства, гонений на абхазскую культуру и интеллигенцию, отражает особенности этнического сознания абхазов, их мировоззрения, философских взглядов. В качестве «исторической личности» в романе выступает сам автор в лице главного повествователя и свидетеля событий Лагана. Наличие автобиографического элемента усиливает историзм произведения. Примечательной чертой романа является то, что в нем фольклорные и этнографические материалы органично вплетаются в поэтическую структуру произведения и несут в себе большую смысловую нагрузку. Часто этнографический и фольклорный материал превращается в полифункциональный символический образ (Абрскил, рассеченный камень, Сасрыква, очаг), углубляющий содержание романа и усиливающий его эстетическую значимость. Особое место в структуре романа занимает символический образ рассеченного камня.

В основе образа рассеченного камня лежит героико-мифологическое предание об Абрскиле[2]. Согласно одной из распространенных версий [7,

2 Этимологией имени Абрскил занимались Н.Я. Марр, Г.В. Цулая, Ш.Х. Салакая, Л.Х. Акаба и др. По мнению Цулая, имя расшифровывается на основе скифского языка,

с. 22–23; 28, с. 111–118], Абрскил родился чудесным образом от непорочной девы. Рос он быстро, вскоре стал непобедимым богатырем, защитником своего народа. Абрскил считал, что он по своим возможностям, силе и могуществу может соперничать с верховным богом Анцва. Так началась вражда между богом и Абрскилом. У Абрскила был крылатый конь-араш, на котором он поднимался в поднебесье. Сбрасывая валуны, он производил шум, аналогичный небесному грому, а рассекая саблей облака, извлекал молнию. Разгневанный Анцва приказал своим подчиненным поймать Абрскила и заточить в пещеру. В итоге герой был схвачен и прикован вместе с конем к железному столбу в пещере. И с тех пор Абрскил пытается вырваться на волю, но все его усилия оканчиваются неудачно.

Дед Лагана — Бежан — поведал внуку о первоначальном значении символического образа рассеченного камня. Холм, на котором лежит этот камень, находился недалеко от дома. Он — реальность прошлого, настоящего и будущего времени; он вечен, ибо сам камень, как символ постоянства и вечности, покоится на холме тысячелетиями, обрастая легендами и мифами. По утверждению Бежана, холм издавна почитается сельчанами как святыня.

Когда Лаган с дедушкой впервые поднялся на холм и увидел там камень величиной с амбар, он оторопело уставился на него. Его больше всего удивило то, что камень был разрублен на две части. Дед рассказал, как божьи ратники безуспешно гнались за Абрскилом, для которого холм был излюбленным местом для отдыха: «И вот однажды, когда Абрскил отдыхал здесь после трудов, враги выследили его, и решили схватить... Они знали: если Абрскил успеет вскочить на коня, то тут же поднимется в небо. Вот они и договорились: раз не получается на земле, давайте попробуем в небе.

термин *абр* не встречается в кавказских языках и его появление в этих языках может быть результатом их общения с индоевропейскими языками, главным образом со скифским, в котором *абр* означал «небо» [12, с. 87–89]. Дело в том, что аналогичного предания с таким героем нет в фольклоре индоевропейских и иных народов, но есть схожие образы героев (греческий Прометей, грузинский Амирани и т. д.). Другую этимологизацию имени Абрскила дает Ш.Х. Салакая. Он считает, что имя героя состоит из *абр* и *скил*, но он объясняет *абр* на основе абхазо-адыгских языков; возводит данный компонент к адыгскому *абра-мыва*, *амбырмыжъо* — «абра-камень», встречающееся в нартском эпосе адыгов. Относительно *скил* ученый придерживается позиции Н. Марра, который исходил из мегрельского *скир* — «сын». При этом Салакая полагает, что имена Абрскил и героя нартского эпоса Сасрыква одного корня происхождения и означают «сын камня» [8, с. 121, 123].

Договорились — и полетели к холму, и столько их собралось, что день померк...». Абрскил «поднял с земли вот этот громадный камень, который сам же принес сюда на всякий случай, размахнулся и запустил его в самую гущу небесного воинства. Камень, пока летел, такой ветер поднял, что крылатых ратников просто-напросто сдуло с неба, как мух... Небо снова стало чистым, выглянуло солнце, а камень полетел вниз. Абрскил встал и занес над головою меч... И когда камень готов был уже вот-вот обрушиться на Абрскила, герой принял камень на свой меч, и меч рассек его пополам, словно яблоко, и его половины упали по обе стороны от Абрскила... Абрскил вложил меч в ножны, <...> глянул на эти половинки и молвил: “Так вот распалась сегодня и моя жизнь... Это мое прошлое”, — и показал на ту половинку, что упала срезом вверх, навзничь, как бы открыв лицо. А про другую, которая упала срезом вниз, ничком, словно бы спрятавшую лицо, сказал: “А вот мое будущее. И одно отделено от другого”. Такими были последние слова героя...». [27, с. 43–44]. В абхазском оригинале последние слова Абрскила завершаются так: «И одно отделено от другого, это, конечно, плохо» [31, с. 276, 301]. Слово «плохо» в устах героя имеет оценочный оттенок. Отделение одной части от другой, разрыв связей между прошлым и будущим ведет к забвению корней, историко-культурных традиций народа.

Миф об Абрскиле играет ключевую роль в художественной системе романа, с ним связан и основной полифункциональный символический образ рассеченного камня. Этот образ — свидетельство того, как природное явление (камень) превращается в фольклорный образ, а фольклорный — в литературный. Естественно, без включения всего мифа в повествовательную структуру произведения, значение символа осталось бы непонятным, тем более что в «Рассеченном камне» ему присуща смысловая динамичность, которая и делает его полифункциональным элементом поэтики романа. Неоднократная трансформация значения образа камня происходит на разных уровнях повествования и художественного раскрытия жизни общества в 20–30-х гг. XX в. и характеров персонажей.

Исходя из этого, можно выстроить синонимический ряд понятий, связанных с «рассеченностью»: разделение, раскол общества, раздвоение личности героя и т. д. Внутри этого ряда образуются оппозиции, антиномии: «новое», считавшееся прогрессивным, сталкивается со «старым», якобы отжившим свой век; происходит поляризация общественного сознания

на основе его идеологизации, раскалывающая народ «на врагов» и «не врагов»; усиливается антиномичность некоторых действующих лиц. Все труднее становится ответить на вопросы: что есть добро? А что есть зло?

В глубине души каждого человека заложены зерна добра и зла. Какое же из них будет прорастать — зависит от тех или иных условий и воздействий. Иногда добро и зло настолько переплетены, что человек мечется между двумя полюсами; он изменчив, непостоянен, от него можно ожидать всякое; его взгляды порою антиномичны. Антиномичность мировоззрения, с одной стороны, может сформироваться на базе осознанного идеологизированного восприятия явлений действительности. При этом идеологизированность сознания становится главной причиной раздвоения личности, конфликта того или иного человека с другими людьми, которые не разделяют его точку зрения на общественно-политические и иные процессы в стране, конфликта индивидуума — представителя молодого поколения — со старшим поколением — носителем народной культуры, традиций, Апсуары, ослабления связи «нового человека» с прошлым, с национальными корнями.

С другой стороны, немаловажную роль играют и подсознательные факторы, которые часто, незаметно для самого человека, определяют его характер, манеру поведения, моральный облик. Его амбициозность, мания величия не имеют предела. Такой человек иногда может показаться незаурядной личностью, иногда — отвратительным, бездушным, низким и жестоким индивидуумом.

Линия «рассечения», «разделения», «раздвоения» проходит везде: в сознании, душе персонажей романа «Рассеченный камень», в жизни общества. Она порождена самим человеком. Лагану повезло, что он рос в традиционной семье, которая, благодаря стараниям его деда Бежана, чтила Апсуару, способствующую воспитанию достойного наследника — хранителя очага. Где бы Лаган ни находился, он всегда вспоминал о Холме Рассеченного камня.

Особый интерес представляет трагическая судьба крестьянина, одаренного скотовода Джомлата, которого внесли в список «кулаков». Примечательна его речь в горах перед самоубийством; она образна, метафорична, эмоциональна и философична. Одна часть речи адресована милиционерам, другая — обращена к горам.

Обращаясь к милиционерам, преследующим его как «врага народа», Джомлат говорит: «...Вы, преследующие меня, ...зачем стреляете? Может быть, по поводу какой-то радостной вести?.. Или из-за того, что я ушел из низины, поросшей бурьяном, и поднялся вверх, поближе к небу?.. Вы жалкие люди!.. Вы, как волки, неожиданно набрасываетесь на невинного человека. Арестовываете его и бросаете в тюрьму. Вы не хотите знать, в чем его обвиняют, вы даже не обращаете внимания на плачущих его детей...» [34, с. 495].

Для Джомлата верх (вершина горы, скалы) — символ божественной истины, чистоты и справедливости. Достижение высоты — это сближение с небом, где обитает Бог. Милиционеры не смогли догнать Джомлата, ибо эта высота им недоступна, они связаны только с низиной, где творится зло. А горы не любят, когда грубо нарушают их законы, стихию. Пальба из пистолетов в невинного человека, тем более всегда чтящего эти законы, — тоже нарушение традиционных правил общения с природой, норм поведения в горах.

В другой части речи, обращенной к горам — свидетелям тысячелетней истории абхазов и других горских народов Кавказа, мудрый старик сжато, но емко раскрыл суть философии истории горцев XIX–XX вв., описал судьбу традиционной культуры абхазов, показал их философские взгляды на взаимоотношения человека и природы: «О, вы, мои родные горы!.. Бог сотворил вас так, что вы постоянно стоите на ногах, свысока смотря на землю!.. Вы знаете, что скоро будете окутаны трауром, хотя это скрываете от нас!.. По вашему взгляду видно, что вы понимаете сложившуюся нынешнюю ситуацию; вы также знаете, что нас ждет завтра, но не говорите об этом. Своим молчанием вы, видимо, предупреждаете нас: "Вы сами должны понять ситуацию, в которой оказались!"...О, мои горы... Я не прошу вас объяснить, почему вы обижены на нас; вы сами видите, что мы перестали проводить традиционные моления, посвященные вам... Если спрашиваешь внуков: какие божества они знают? — они начинают смеяться. "Нет ни Бога, ни святилищ, все это ложь!" — так воспитывают их учителя. О, родимые горы, наши предки так высоко чтили вас, что создали... специальный охотничий язык[3], на котором они говорили только в горах... Мы... забыли этот язык; и

3 С древнейших времен абхазы, как и другие горцы Кавказа, занимались скотоводством и охотой. Находясь в горах, охотники и пастухи пользовались специальным языком, иноска-

когда вы видите охотника, вы уже не радуетесь ему… Раньше мы бережно относились к горным родникам, …не загрязняли их…» [34, с. 497–498].

По мнению старого пастуха, забвение традиций и обычаев народа, культуры общения человека с природой может привести к экологической катастрофе, к деградации нации, потере нравственности, в конечном итоге — потере Апсуары. Взгляды Джомлата — это продолжение мировоззрения предков, которое формировалось на полирелигиозной основе. Согласно такому мировосприятию, человек — неотъемлемая часть природы; и человек, как и природа, — божественное творение. Религиозное сознание предполагает гармоническое сосуществование этих двух элементов мироздания. Беспокойство Джомлата вызвано тем, что эта гармония начала разрушаться; между человеком и природой образовалась трещина, которая, благодаря новым порядкам в жизни, постепенно увеличивалась и скоро могла дойти до полного «рассечения». Система или власть, отрицающая духовную, культурную основу, ведет общество к катастрофе, деградации народа, к гибели самой системы. В такой ситуации разрушается и очаг предков, являющийся основой этноса; начинают господствовать зло, лицемерие, ложь, вытесняются добро, честь, совесть, правда, ибо они кому-то экономически не выгодны. Но до поры до времени…

Не случайно в устах мудрого Сита звучат слова, обращенные к брату Джомлату: «Вспомни, не чужие люди убили Сасрыкву!» [34, с. 452]. В первые главы романа «Рассеченный камень» автор включает песню о герое эпоса о нартах, Сасрыкве, которую исполняет известный на селе сказитель и певец Мамсыр, играя на апхярце — народном смычковом инструменте. В гибели Сасрыквы были виноваты его же братья.

Читая речь Джомлата, вспоминаешь ряд произведений Р. Гамзатова, в частности стихотворения «Здесь на вершинах», «Горцам, переселяющимся с гор», «Проклятие». «Горцы», «На груди материнской», «Старые горцы», поэму «В горах мое сердце». Вообще у поэта понятие «горство» обладает особым смыслом, оно включает этические принципы и нормы, которые близки почти всем горцам Кавказа. Быть горцем нелегко, но позорно горцу не быть горцем. Вот строки из стихотворения «Проклятие»:

заниями; они называли животных по-другому. Видимо, возникновение иносказаний было обусловлено религиозными традициями и прагматическими мотивами (если не говорить настоящее название зверя, то можно надеяться на успех в охоте) [4, с. 293–308].

Проклятье тем, кто и понятия
Иметь о чести не привык,
Проклятие, мое проклятие
Унизившим родной язык.
....
Будь проклято в любом обличии
Мне ненавистное вранье.
Забывшим горские обычаи
Презренье горское мое!
[17, с. 67–68]
(Пер. Я. Козловский)

В горах человек становится чище, если, конечно, он чтит законы гор. Лирический герой стихотворения «Здесь на вершинах» предлагает друзьям оставить порочную низину и подняться в горы:

Мой друг, кончай пустые споры,
Смех прекрати, сотри слезу,
Быстрее поднимайся в горы,
Ты, суетящийся внизу!
....
Здесь каждый человек почтенен,
Со всеми дружен и знаком.
Здесь должен преклонять колени
Он только перед родником.

Друзья мои, кончайте споры,
Из духоты своих квартир
Быстрее поднимайтесь в горы,
Чтоб с высоты увидеть мир.
[16, с. 182–183]
(Пер. Н. Гребнев)

А в стихотворении «Горцам, переселяющимся с гор» поэт призывает тех, кто спускается в «равнинные просторы», не забывать свое «горство»:

«Горцы, вы, с новой свыкаясь судьбою, / Переходя на равнинный простор, / Горство свое захватите с собою, /Мужество, дружество, запахи гор»; «Больше там света, тепла и красот… / Чистой вершины отваги и чести / Не покидайте, спускаясь с высот»; «Бедность забудьте на каменных склонах. / Честность ее заберите с собой!»; «Горцы, покинув родные жилища, / Горскую честь захватите с собой»; «Горцы, кувшины возьмите с собою — / Вы издалека в них воду несли, / С отчих могил захватите с собою / Камня осколок, щепотку земли!» (пер. Н. Гребнев) [16, с. 186–187].

Понятие «горство» у Р. Гамзатова, как у многих поэтов Северного Кавказа, следует рассматривать в качестве этической категории, горской этики со своими принципами и ценностями, в числе которых: человечность, честь, совесть, терпимость, стыд, мужество, преемственность, связанная прежде всего с продолжением лучших духовно-нравственных традиций народа, любовь к родине, родному языку, гостеприимство, куначество (побратимство), бережное отношение к природе и т. д.[4]

После «Рассеченного камня» Б. Шинкубы нельзя не вспомнить и о романе А. Гогуа[5] «Нимб» (1966), который, с моей точки зрения, входит в число лучших художественных произведений советской эпохи о второй половине 30-х – 40-х гг. прошлого столетия. В нем в контексте трагической судьбы народа и героев функционируют образы горы и камня. Посредством символических и метафорических образов проблемы, поставленные в произведении, приобретают универсальный характер. Можно согласиться с В.Л. Цвинариа, который писал: «Благодаря символическим отступлениям, похожими на стихи, <…> роман “Нимб” выходит за рамки того историче-

4 О горской этической системе на примере абхазских и адыгских материалов я писал в разделе «Этические основы художественного образа в литературах абхазо-адыгских народов. Апсуара и Адыгагъэ: Этнологический аспект. Литературные реминисценции» моей книги. См.: *Бигуаа В.А.* Абхазская литература и литературы народов Северного Кавказа. (Историко-культурный контекст. Диаспора). М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. 308 с.

5 А.Н. Гогуа — один из ведущих современных абхазских писателей. С его именем связано развитие и утверждение психологической прозы в абхазской литературе во второй половине XX в. Произведения писателя отличаются сложностью повествовательной структуры, характеров героев, обилием символических образов — камня, горы, нимба, деревьев, животных, мифологем (рассказы и повести: «Звезда абазина», «Дорога в три дня и в три ночи», «За семью камнями», «Поляна Ананы-Гунды», «Вкус воды», «Гора-красивая»; романы: «Снег и молния», «Настолько он был близок, а ты его не заметил», «Уже можно было различить впереди идущего», «Нимб», «Большой снег» и др.). Многие произведения переведены на русский язык, ряд книг издан в Москве.

ского времени, из которого он вышел. Символические образы, взятые из древних сказаний, греческой мифологии, абхазских преданий, библейские мотивы, или выдуманные самим автором образы ... ставят проблемы вечности» [28, с. 321]. К сожалению, этот сложный по стилю, языку и поэтической структуре роман до сих пор не переведен на русский и другие языки.

Милая, романтичная, правдолюбивая и благородная Шасия — самый замечательный женский образ в романе «Нимб». На ее глазах происходили трагические события 1930–1940-х гг. Долгое время героиня не понимала суть «уважаемого человека», «заслуженного учителя» Аджыра (буквальный перевод имени — сталь, стальной). Случайно обнаруженный в доме Аджыра дневник ее возлюбленного Батала позволил ей разобраться в причинах гибели отца Батала — Даута (брата Аджыра) и судьбы самого Батала. Оказалось, что лицемерный, хитрый, тщеславный и жестокий Аджыр, умело приспособившийся к сложившейся тогда ситуации, был главным виновником трагедии. Именно такие, как он, разрушили жизнь Шасии. Но спустя много лет Аджыр продолжает жить припеваючи, пользуясь уважением части сельчан. И на фоне трагических событий и кажущейся мирной жизни, в разных местах повествования появляются «курсивные» вставки или, по словам В.Л. Цвинариа, «символические отступления», которые способствуют реализации масштабного авторского замысла. Эти вставки можно определить как символико-философские стихи в прозе. Любопытно, что их семь и они выделены писателем курсивом и римскими цифрами. На первый взгляд может показаться, что они занимают самостоятельную позицию в структуре произведения, но эти вставки появляются в определенных местах в связи с той или иной линией повествования, с монологами и судьбой тех или иных героев. Выделим две из них, в которых функционируют образы камня и гор.

Одна из самых поэтичных «курсивных» вставок — символико-философское стихотворение в прозе о трагической судьбе двух серн, которое органично связано с размышлениями Шасии. Она, как и другие сельчане, пришла в дом Аджыра для оказания помощи в подготовке торжественного пира в связи с проводом на пенсию «заслуженного учителя». Когда Шасия вошла в пристройку, где когда-то обитал Батал, четверо молоденьких девушек по очереди играли роль невесты: показывали сцену «встречи жениха и невесты», «в их глазах выражалась сильная и пылкая любовь

до смерти». Увидев Шасию, девушки накинули на ее голову «косынку невесты» и поставили, согласно свадебной традиции абхазов, в угол. Шасия стала еще прекрасней. Она представила себя в роли невесты, а перед ней стоял он — Батал. Ее охватили романтические чувства. Но затем героиня пришла в себя и вернула девчатам косынку. Она подошла к окну и посмотрела вдаль: «Там, вдалеке она заметила голые вершины гор, без снега...». И далее начинается поэтическое повествование о трагической судьбе серн на фоне величественного зимнего, но еще не снежного, сурового горного пейзажа: «Разрываются голые скалы: "Уу-уу" — воет ветер... "Уу-уу" — вздыхают утесы. Ветер доносит до них звуки горных потоков... Они срываются с ледников на вершинах гор. "Уу-уу" — говорит ветер, "уу-уу" — произносят и скалы... Там, за теми горами, над потоком, срывающемся с ледника, на большом камне стоит красивая серна-самка темноватой окраски и узорчатой полоской на спине. Подставив бок солнцу, она грелась. А вокруг камня, скрещивая рога, бодались самцы. И каждый из них пытается завладеть той серной, с блестящими глазами. Самцы дерутся, скрещивая свои крепкие рога, словно мечи. И эхо звуков сталкивающихся рог разносится по горам. А серна стоит неподвижно, приподняв свои янтарные рога, будто молится богу со свечами. "Уу-уу" — воет ветер... "Уу-уу" — вздыхают утесы. Они не могут заглушить голос борьбы за любовь. И этот голос отзывается в скалах, проходит потоки» [29, с. 103–104] (Здесь и далее переводы отрывков «Нимба» с абхазского мои. — *В.Б.*). И вдруг эту природную гармонию нарушает выстрел: «Будто где-то взорвались горы, раздался ужасный звук». И наступила гробовая тишина. А затем: «Серна вздрогнула, ее глаза кричали, и она, не издав ни звука, подкосившись, упала на камень и поскользнулась вниз, обагрив камень кровью. Она растянулась. Самцы застыли на месте... Любовь и смерть! Смерть и любовь!.. Когда серна-самка погибает, самцы долгое время не покидают ее... В этот момент они не боятся смерти, не чувствуют страха...» [29, с. 104]. Следующим выстрелом охотник убил самую красивую серну-самца: «И один из самых красивых самцов упал, пораженный пулей. И скалы закричали, будто в них попала пуля». Яркий пример мастерского использования художественного параллелизма. Невинные серны и кровожадный охотник... Прообраз не менее трагической человеческой жизни. Охотник убил любовь, будущую жизнь. Не так ли сложилась судьба Шасии? Интересно то, что Шасию тянет в дом Аджыра, ибо с ним

связано ее прошлое, воспоминания о любимом человеке Батале. Но этот дом предал Батала, Даута и других. И после прочтения дневника Батала Шасия уже больше никогда не переступит его порог.

В повествовании о сернах просматриваются образы камня и гор, как символы вечности и терпения. Вместе с тем горы и скалы наделены чувствами, они переживают, «вздыхают», «кричат от боли». И ветер «воет», усиливая трагизм ситуации.

Другая примечательная «курсивная» вставка появляется вновь в связи с Шасией. Она долго сидела на *камне* на берегу реки и читала дневник Батала. А после завершения чтения Шасиа не вернулась в дом Аджыра, где уже собралось много людей, а отправилась к себе домой. В течение всего лишь двух-трех часов она пережила целую жизнь; перед ней открылись многие тайны прошлого. В стихотворении камни — свидетели прошлого. Из них сложены и крепости, защищавшие борцов за свободу родины, и очаг с неугасающим огнем. Они одушевлены, обладают чувством и памятью, умеют говорить:

> — Мы знаем, что такое страдание, мы знаем, как обжигает огонь горя!
>
> — Вы кто такие, откуда вы?..
>
> — Мы — КАМНИ, мы — камни, стоящие на могилах, у изголовья сыновей этой земли, мы — памятники, вышедшие из природы, и вечные, как природа...
>
> — А вы кто такие?..
>
> — Мы — КАМНИ ИЗ КРЕПОСТИ, до разрушения которой защищавшие героев от стрел, пуль и снарядов. Погибли герои из героев, умерла крепость, но остались мы, отвалившиеся от крепости части, чтобы стать памятниками этих героев» [29, с. 236–237] (Здесь и далее слова прописными буквами выделены самим А. Гогуа. — *В.Б.*).

Камни слышат голоса героев, и передают их мысли и переживания, ибо они помнят о их жизни, борьбе против завоевателей и предателей:

> МЫ, встав на колени, целовали родную землю, мы пахали сохой и косили косой... Наша зеленая трава была мягка, как наша любовь... А ты принес в нашу землю меч и слезы, обагрил нашу траву кровью...

Наша земля покрылась травой, но раны не зажили… Если даже ты подавишь дух некоторых выживших потомков, то из наших провалившихся могил, словно огромные каменные дольмены, встанут мертвецы, вскипят под тобою наши чистые реки…

Каждым своим шагом ты наступаешь на наши сердца, и за тобой следуют другие, подавляя нашу любовь… Но однажды вы уйдете туда, откуда не возвращаются!.. [29, с. 237–238].

За этими строками кроется трагическая история Абхазии с древних времен, которым неоднократно пытались завладеть захватчики. Завоеватели с разных сторон превращали страну в руины, приносили горе в каждый дом. Страдания народа не прекращались и в XIX–XX вв. Но в голосах героев звучит надежда, что родная земля будет очищена от врагов.

Далее говорят камни из очага:

— Мы — ОСНОВА ОЧАГА…

— Мы — камни, из которых сложены камины…

— …Мы, как памятники, стоим над огнями, оставленными героями, огнями, пылающими их любовью… Только мы знаем, насколько горяча их любовь… И нас КАМНЕЙ… обжигает этот огонь, превращает нас в пепел…

Но он остается, остается навсегда…

И страдание не оставляет его, но сопутствует и счастье!.. [29, с. 238].

Образ камня встречается и при описании старого кладбища, где были похоронены князь Арзакан, в гибели которого виновен тот же Аджыр, и многие другие. Здесь камень выступает как символ вечности, заставляющий задуматься о жизни и смерти, о кратковременности индивидуальной человеческой жизни в контексте вечности.

Представленный материал свидетельствует о том, что ни одна национальная культура, литература не может существовать в замкнутой системе без связей и диалога с другими культурами; в противном случае национальной культуре грозит гибель.

Возникновение непосредственного диалога, параллельных и перекликающихся мировоззрений, поэтических структур, художественных

образов в фольклоре и литературе обусловлено следующими факторами: природные, социально-общественные и экономические условия, при которых происходит возникновение и развитие этноса, народа; религия и идеология; общность, сходство исторических судеб (на уровне генеалогии этноса, наличия общих языковых, фольклорных, религиозных традиций; нахождение в лоне одной и той же цивилизации, государства, идеологической системы); исторические и культурные контакты.

В связи с рассмотренными образами камня и гор, можно сказать следующее: в каждой литературе они по-разному функционируют в структуре художественного текста, в зависимости от авторского замысла. Вместе с тем эти образы изначально тесно связаны с историей, бытом, мифологией, фольклором народов; показывают тысячелетний историко-духовный опыт народов, своеобразие национального самосознания, мировосприятия. Часто эти образы — свидетельство того, как природное явление (камень, гора) превращается в мифологический и фольклорный образ, а затем — в литературный. Процесс создания литературного образа, корни которого глубоко уходят в национальную историю и культуру, отражает взаимодействие разных типов мышления — исторического, мифологического, художественно-фольклорного и литературно-художественного; характер связи и диалог литературы с фольклором, историографией и этнографией говорят о роли смежных наук в развитии литературы, в постановке и художественно-эстетическом исследовании историософских проблем, об особенностях художественного историзма, который отличается от историзма историографии, философии истории.

Для раскрытия структуры таких сложных художественных образов и их смысловых основ, необходим комплексный, междисциплинарный подход. Не обойтись, конечно, без использования данных историографии, этнографии, фольклористики, лингвистики и даже природоведения.

Список литературы

Исследования

1 *Акаба Л.Х.* Из мифологии абхазов. Сухуми: Алашара, 1976. 103 с.

2 *Ардзинба В.Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 128–168.

3 *Ардзинба В.Г.* Собр. трудов: в 3 т. М.; Сухум: ИВ РАН, АбИГИ им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, 2015. Т. III: Кавказские мифы, языки, этносы. 320 с.
4 *Гулиа Д.* Божество охоты и охотничий язык у абхазов // *Гулиа Д.* Собр. соч.: в 6 т. Сухуми: Алашара, 1986. Т. 6. С. 293–308.
5 *Кумахов М.А.* О соотношении Сосруко и Сослан // Ученые записки Адыгейского НИИ. Краснодар; Майкоп, 1966. С. 61–65.
6 Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 1. 672 с.
7 Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. 672 с.
8 *Салакая Ш.Х.* Абхазский народный героический эпос. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 184 с.
9 *Салакая Ш.Х.* Абхазский нартский эпос. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 236 с.
10 Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. (Сб. статей) / редкол.: А.А. Петросян (отв. ред.), А.И. Алиева, В.М. Гацак, У.Б. Далгат. М.: Наука, 1969. 548 с.
11 *Трубецкой Н.С.* Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (-земли) // Этнографическое обозрение. М.: Тип. Императорского Московского ун-та, 1909. Кн. LXXVIII. № 3. С. 88–91.
12 *Цулая Г.В.* К истории имени «Абрскил» // Сов. этнография. 1966. № 6. С. 84–89.
13 *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992. 166 с.
14 *АцӀнариа В.Л.* Аамтеи аршӀиамтеи. АлитературатӀв-критикатӀв статиаква [*Цвинариа В.Л.* Время и творчество. Лит.-крит. статьи]. Сухуми: Алашара, 1989. 447 с.

Источники

15 Балкаро-Карачаевский нартский эпос. Нальчик: Эльбрус, 1973. 156 с.
16 *Гамзатов Р.* Избр.: в 2 т. Стихотворения и поэмы. 1943–1963. М.: Худож. лит., 1964. Т. 1 / пер. с аварского. 392 с.
17 *Гамзатов Р.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 2: Стихотворения. Поэмы / пер. с аварского. 568 с.
18 Кабардинский фольклор. 2-е, доп. изд-е / общ. ред. Г. И. Бройдо, ред. А.М. Гутов. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 650 с.
19 *Кешоков А.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4: Стихотворения и поэмы / авториз. пер. с кабардинского. 496 с.
20 *Кулиев К.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 416 с.
21 *Кулиев К.* Раненый камень. Стихи и поэмы / авториз. пер. с балкарского. М.: Сов. писатель, 1964. 312 с.
22 *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. 463 с.
23 *Кязим [Мечиев].* Стихи и поэмы. Нальчик: «Полиграфсервис и Т», 2003. 400 с.

24 Нарты: Адыгский героический эпос / сост.: А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев; тексты подгот.: на адыгейском яз. и его диалектах А.М. Гадагатль, на кабардино-черкесском яз. З.П. Кардангушев; пер. А.И. Алиевой; отв. ред. В.М. Гацак. М.: Гл. ред. восточной лит-ры изд-ва «Наука», 1974. 414 с.
25 Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев. Абхазский народный эпос / текст подгот.: Ш.Д. Иналипа, К.С. Шакрыл, Б.В. Шинкуба; пер. с абхазского Г. Гулиа (проза) и С. Липкин (стихи). М.: Худож. лит., 1962. 288 с.
26 *Шинкуба Б.В.* Избр. произведения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1: Стихи. Песня о скале. Роман в стихах. 336 с.
27 *Шинкуба Б.В.* Рассеченный камень. Роман / пер. с абхазского И. Бехтерев. М.: Сов. писатель, 1986. 320 с.
28 Апсуа жвлар ршIапыцтIв ршIиамта /Ееиквиршвеит Ш.Хь. Салакъаиа[6] [Абхазское народное поэтическое творчество / сост. Ш.Х. Салакая]. Тбилиси; Сухуми: Ганатлеба, Алашара, 1975. 376 с.
29 *Гогвуа А.Н.* Июымтаква реизга: 5-томкны. 4-тIви ат.: Ароман. Адрама [*Гогуа А.Н.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 4: Роман. Драма]. Сухум: Абгосиздат, 2007. 544 с.
30 Нарт Сасрыкъвеи пшьынюажви зежвюык иара иашьцвеи. Апсуа жвлар репос / еиквдыршвеит Ш.Д. Иналипа, К.С. Шьакърыл, Б.В. Шьынквба [Нарт Сасрыква и его девяносто девять братьев. Абхазский народный эпос / сост.: Ш.Д. Иналипа, К.С. Шакрыл, Б.В. Шинкуба]. Сухуми: Абгосиздат, 1962. 366 с.
31 *Шьынквба Б.* АхьырчIвачIва. (Апсуа жвлар ршIапыцтIв хIвамтаквеи, ретнографиатIв бзазара иадхIвалоу аматериалквеи) [*Шинкуба Б.* Золотые россыпи. (Абхазские устные народные сказания и этнографические материалы)]. Сухуми: Алашара, 1990. 492 с.
32 *Шьынквба Б.* АхахIв еиюса. Ароман [*Шинкуба Б.* Рассеченный камень. Роман]. Сухуми: Алашара, 1983. 264 с.
33 *Шьынквба Б.* Июымтаква реизга: 3-томкны. 1-тэи ат. [*Шинкуба Б.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1]. Сухуми: Алашара, 1977. 564 с.
34 *Шьынквба Б.* Июымтаква реизга: 4-томкны. 4-тIви ат. (АхахIв еиюса. Ароман) [*Шинкуба Б.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. (Рассеченный камень. Роман)]. Сухум: Алашара, 1998. 660 с.

6 Из-за технических трудностей при использовании абхазского шрифта (64 буквы, часть из которых имеет необычное графическое изображение), здесь, при написании абхазских слов, привлечены возможности абазинского алфавита (70 букв, на основе кириллицы без дополнительных начертаний). К тому же абхазский и абазинский очень близкие языки.

References

1 Akaba, L.Kh. *Iz mifologii abkhazov* [*From the Mythology of the Abkhazian*]. Sukhumi, Alashara Publ., 1976. 103 p. (In Russ.)

2 Ardzinba, V.G. “Nartskii siuzhet o rozhdenii geroia iz kamnia” [“Nart Story about the Birth of a Hero from Stone”]. *Drevniaia Anatoliia* [*Ancient Anatolia*]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 128–168. (In Russ.)

3 Ardzinba, V.G. *Sobranie trudov: v 3 t.* [*Collection of Works: in 3 vols.*], vol. III: Kavkazskie mify, iazyki, etnosy [Caucasian Myths, Languages, Ethnic Groups]. Moscow; Sukhum, IV RAS, AbIGI im. D.I. Gulia AN Abkhazii Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)

4 Gulia, D. “Bozhestvo okhoty i okhotnichii iazyk u abkhazov” [“The Deity of Hunting and Hunting Language among the Abkhazians”]. Gulia, D. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Collected Works: in 6 vols.*], vol. 6. Sukhumi, Alashara Publ., 1986, pp. 293–308. (In Russ.)

5 Kumakhov, M.A. “O sootnoshenii Sosruko i Soslan” [“On the Relationship of Sosruko and Soslan”]. *Uchenye zapiski Adygeiskogo NII*. Krasnodar, Maikop, 1966, pp. 61–65. (In Russ.)

6 *Mify narodov mira: Entsiklopediia: v 2 t.* [*World Myths: Encyclopedia: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1980. 672 p. (In Russ.)

7 *Mify narodov mira: Entsiklopediia*: v 2 t. [*World Myths: Encyclopedia: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1991. 672 p. (In Russ.)

8 Salakaia, Sh.Kh. *Abkhazskii narodnyi geroicheskii epos* [*Abkhazian Folk Heroic Epic*]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1966. 184 p. (In Russ.)

9 Salakaia, Sh.Kh. *Abkhazskii nartskii epos* [*Abkhazian Nart Epic*]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1976. 236 p. (In Russ.)

10 *Skazaniia o nartakh — epos narodov Kavkaza. (Sbornik statei)* [*Tales of the Narts — an Epos of the Peoples of the Caucasus. (Collection of Articles*)], editorial board: A.A. Petrosyan (editor-in-chief), A.I. Alieva, V.M. Gatsak, U.B. Dalgat. Moscow, Nauka Publ., 1969. 548 p. (In Russ.)

11 Trubetskoi, N.S. “Kavkazskie paralleli k frigiiskomu mifu o rozhdenii iz kamnia (-zemli)” [“Caucasian Parallels to the Phrygian Myth of Birth from Stone (-the Earth)”]. *Etnograficheskoe obozrenie* [*Ethnographic Review*], book LXXVIII, no. 3. Moscow, Tipografiia Imperatorskogo Moskovskogo universiteta Publ., 1909, pp. 88–91. (In Russ.)

12 Tsulaia, G.V. “K istorii imeni Abrskil” [“On the History of the Name Abrskil”]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 6, 1966, pp. 84–89. (In Russ.)

13 Shortanov, A.T. *Adygskie kul’ty* [*Adyghe Cults*]. Nal’chik, El’brus Publ., 1992. 166 p. (In Russ.)

14 Ats’naria, V.L. *Aamtei arch’iamtei. Aliteraturat’-kritikat’ statiakua* [*Time and Work. Articles in Literary Criticism*]. Sukhumi, Alashara Publ., 1989. 447 p. (In Abkhazian)

Научная статья /
Research Article

УДК 398.5
ББК 82.3(2)

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОБРЯДОВОГО ТЕКСТА, ОПУБЛИКОВАННОГО ИВАНОМ САХАРОВЫМ[1]

© 2021 г. А.Л. Топорков
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия
Дата поступления статьи: 15 ноября 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 26 декабря 2020 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-372-399

Аннотация: Среди публикаций, подготовленных Иваном Петровичем Сахаровым (1807–1863), имеется ряд текстов, представляющих собой литературные стилизации на фольклорной основе. В статье рассматривается один из таких псевдофольклорных текстов — колядка, в которой описывается жертвоприношение козла. Данная колядка была впервые опубликована И.П. Сахаровым в 1837 г., перепечатана И.М. Снегиревым в 1838 г. и потом воспроизводилась многими исследователями славянской мифологии. Установлено, что эта колядка представляет собой своеобразный монтаж из двух текстов: первый из них — колядка, напечатанная впервые в 1817 г. И.Е. Срезневским в «Украинском вестнике», а второй — песенная вставка из сказки о братце Иванушке и сестрице Аленушке (СУС 450). Такая контаминация имеет уникальный характер и встречается только в одном тексте, позднее многократно перепечатанном. В статье аргументируется точка зрения, согласно которой данную колядку можно считать результатом сотворчества безымянных носителей фольклора, И.Е. Срезневского и И.П. Сахарова. Для техники стилизаций Сахарова характерны контаминации произведений разных фольклорных жанров, в результате чего появляются тексты, неизвестные в аутентичной традиции. Несмотря на то что сахаровская колядка представляет собой авторское произведение, целые поколения историков и мифологов видели в ней описание ритуала, который совершался в глубокой древности языческими славянами.

Ключевые слова: фольклор, Иван Петрович Сахаров, литературная стилизация, мистификация, подделка, колядка, жертвоприношение козла.

Информация об авторе: Андрей Львович Топорков — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3106-3819

E-mail: atoporkov@mail.ru

Для цитирования: *Топорков А.Л.* История одного обрядового текста, опубликованного Иваном Сахаровым // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 372–399. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-372-399

1 Благодарю А.А. Панченко, который познакомился с первоначальным вариантом данной статьи и высказал замечания, учтенные мной при написании окончательного текста.

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

THE HISTORY OF A RITUAL TEXT PUBLISHED BY IVAN SAKHAROV

© 2021. Andrey L. Toporkov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: November 15, 2020
Approved after reviewing: December 26, 2020
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: Among the publications prepared by Ivan Petrovich Sakharov (1807–1863), there are a number of texts that represent literary stylizations and hoaxes based on folklore. The article deals with one of these pseudo-folklore texts — a Christmas carol (kolyadka) that describes goat sacrifice. This carol was first published by I.P. Sakharov in 1837, reprinted by I.M. Snegirev in 1838, and then reproduced by many researchers of Slavic mythology. This paper argues that this carol is a combination of two texts: the first of them is the carol first published in 1817 by I.E. Sreznevsky in *Ukrainsky Vestnik*; the second one is the song being part of the fairy tale about brother Ivanushka and sister Alyonushka (SUS 450). This contamination is unique and occurs only in one text, albeit many times reprinted later. The article argues that this carol may belong to the pen of two anonymous folklore carriers, I.E. Sreznevsky and I.P. Sakharov. Sakharov's stylization technique is characterized by the contamination of works belonging to various folklore genres. As a result, we encounter texts that are obscure within authentic tradition. Despite the fact that the Sakharov carol is an authored work, generations of historians and mythologists read it as a description of the ritual that was performed in ancient times by pagan Slavs.

Keywords: folklore, Ivan Petrovich Sakharov, literary pastiche, hoax, fake, Christmas Carol, goat sacrifice

Information about the author: Andrey L. Toporkov, DSc in Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3106-3819

E-mail: atoporkov@mail.ru

For citation: Toporkov, A.L. "The History of a Ritual Text Published by Ivan Sakharov." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 372–399. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-372-399

Среди многочисленных публикаций, подготовленных Иваном Петровичем Сахаровым (1807–1863), выделяются своим объемом три собрания фольклорных материалов: «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков», «Песни русского народа» и «Русские народные сказки». Наиболее известное из этих собраний — «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» — неоднократно переиздавалось и использовалось учеными с конца 1830-х гг. и вплоть до нашего времени.

Между тем еще при жизни Сахарова высказывались сомнения в достоверности его материалов. Такие ученые, как П.А. Бессонов, А.Н. Пыпин, Н.Н. Виноградов, С.В. Савченко, М.К. Азадовский, И.П. Лупанова, В.П. Козлов, К.Е. Корепова, А.В. Коровашко, считали, что Сахаров правил тексты, которые публиковал, а частично и сочинял их, ссылаясь при этом на несуществующие рукописи.

Для оценки публикаторской деятельности Сахарова история восприятия его текстов в последующей традиции не менее важна, чем история их появления на свет. В настоящей статье мы рассмотрим одну из колядок, опубликованных Сахаровым, и попытаемся ответить на два основных вопроса. Во-первых, каково происхождение этой колядки, что в ней идет от фольклора и что от публикатора. Во-вторых, как она воспринималась читателями и как ее переосмысляли в XIX–XX вв. исследователи славянской мифологии.

Происхождение колядки из собрания И.П. Сахарова

Интересующую нас колядку Сахаров публиковал трижды.

Первый раз во второй части первого издания «Сказаний русского народа» в разделе «Русские семейные песни» [20, с. 257–258 (2-й паг.), № 63].

Второй раз в первой части «Песен русского народа», в разделе «Песни колядские» [21, с. 94–95, № 2].

И третий раз в третьей книге первого тома «Сказаний русского народа», также в разделе «Песни колядские» [23, с. 16, № 2]. Это издание обозначено на обложке как «третье», хотя на самом деле таковым не является.

В первый раз колядка была напечатана без комментариев. Во второй и третьей публикациях имелось указание на место записи и приведена в качестве параллели другая колядка, опубликованная в 1817 г. И.Е. Срезневским (отцом знаменитого слависта).

Процитируем текст по публикации в первой части «Песен русского народа» (1838):

За рекою, за быстрою,
Ой коліодка! ой коліодка!
Леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовыя,
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы,
Поют песни каліодушки.
Ой коліодка! ой коліодка!
В средине их старик сидит,
Он точит свой булатной нож.
Котел кипит горючий,
Возле котла козел стоит;
Хотят козла зарезати.
Ой коліодка! ой коліодка!
Ты, братец, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я рад бы выпригнул (так!),
Горюч камень
К котлу тянет,

Желты пески
Сердце высосали.
Ой коліодка! Ой коліодка!
[21, с. 94–95, № 2]

В «Примечаниях» говорилось, что текст записан «со слов тульских поселян» [21, с. 163, примеч. 18], а в разделе «Варианты святочных песен» Сахаров сообщил, что для данной песни «мы имеем только один вариант, напечатанный Срезневским в «Украинском вестнике», в 1817 г. Вот эта песня:

За рекою, за быстрою, ой каліодка!
Леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовыя;
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни каліодушке;
В средине их старик сидит,
Он точит свой булатной нож;
Возле его козел стоит.

В этой обрядне (так!) песне чего-то не достает. Песня, помещенная в нашем собрании, дополняет все пропуски и при том имеет какое-то сходство с одною колыбельною старою песнею.

[21, с. 129–130]

Под «одною колыбельною старою песнею» Сахаров, вероятно, имел в виду текст, опубликованный им в 4-й части «Песен русского народа». Эта колыбельная, которая также якобы была записана «со слов тульских песельников» [22, с. VIII], начинается почти так же, как колядка:

На горе, горе, да крутой,
Огни горят, да все светлые,
Баю, баюшки, баю!
На тех огнях, да светлыих,
Котлы кипят, да кипучие,
Баю, баюшки, баю!
[22, с. 401–402, № 3]

Далее в колыбельной рассказывается, что «Вокруг огней, да светлыих, / Сидят татары, да все злые», которые «Сидят, делят да все животы / Твоего отца, да родимого», и следует призыв к «дитятке», чтобы оно пробудилось, встало, снимало «со стены сабельки / И все-то мечи булатные» и кололо и рубило этими сабельками «Злых татар с татарченками» [22, с. 402, № 3]. Эта странная «колыбельная», призванная не убаюкать ребенка, а возбудить его на уничтожение столь ненавистных Сахарову инородцев, скорее всего сочинена самим публикатором. Сахаров для маскировки своих фальсификатов создавал целые серии текстов таким образом, чтобы один текст подтверждал собой подлинность второго, второй — третьего, а третий — первого.

В статье И.Е. Срезневского «Славянская мифология, или о богослужении русском в язычестве» колядка поставлена в контекст языческих мифов и обрядов:

> *Коляда*, по мнению некоторых, был славянский бог *мира* и соответствовал Римскому *Янусу*. Праздник его торжествовали 24 декабря, который препровождаем был в веселиях и пиршествах. Храм сего бога (а может быть богини) был в Киеве; об изображении его ничего знать нельзя.
>
> По некоторым местам и ныне еще суеверы торжествуют день сей почти с такими же обрядами, как и древние. Мне удалось слышать в детстве один гимн Коляде, которого я одно только начало могу припомнить; вот оно:

За рекою, за быстрою, ой калїодка!
Леса стоят дремучїе, ой калїодка!
Во тех лесах огни горят, —
Огни горят великїе —

Вокруг огней скамьи стоят —
Скамьи стоят дубовыя —
На тех скамьях добры молодцы —
Добры молодцы, красны девицы —
Поют песни Каліодушке. —
В средине их старик сидит; —
Он точит свой булатной нож. —
Возле его козел стоит. —

Сїе начало показывает самый обряд древнего жертвоприношенїя.

[30, с. 19–20; курсив И.Е. Срезневского]

Таким образом, утверждение Сахарова, что в этой «песне чего-то не достает», основано на прямом указании И.Е. Срезневского, который смог припомнить только начало текста, а его продолжение забыл.

В детстве Иван Евсеевич Срезневский (1770–1819) жил в селе Срезнево Спасского уезда Рязанской губернии, а потом учился в Рязанском духовном училище. Значит, приведенную им по памяти колядку он слышал скорее всего в Рязани или ее окрестностях.

Основной текст колядки И.Е. Срезневского в «Песнях русского народа» процитирован аутентично, однако Сахаров несколько модифицировал припев. В публикации И.Е. Срезневского после каждого стиха имеется рефрен: «ой каліодка!», а при перепечатке текста из «Украинского вестника» в «Песнях русского народа» восклицание «ой каліодка!» сохранилось только после первого стиха. В сахаровской же колядке рефрен удваивается и включает слова «Ой коліодка! ой коліодка!» и повторяется после 1, 9, 14 и 21 стихов.

Сообщение Сахарова о том, что текст записан «со слов тульских поселян», находится в определенном противоречии с его же утверждением, что этот текст «дополняет все пропуски», которые имелись в колядке И.Е. Срезневского. Трудно представить себе, что «тульские поселяне» действительно знали такой текст, который почти дословно повторяет колядку, опубликованную в 1817 г. Если бы такой текст в самом деле исполнялся устно, он неизбежно имел бы какие-нибудь отличия от колядки, которую И.Е. Срезневский слышал в своем детстве (вероятно, в Рязанской губ.). Зна-

чительно проще представить, что сам Сахаров взял опубликованный текст И.Е. Срезневского и прибавил к нему дополнительный фрагмент. Такая возможность имелась у Сахарова, который был знаком с публикацией в «Украинском вестнике». О том, как вольно Сахаров обращался с текстами устной традиции, можно судить хотя бы по тому, как он перерабатывал фольклорные записи, которые ему передавал тихвинский купец Г.И. Парихин [7].

В колядках Сахарова и И.Е. Срезневского совпадают первые 11 стихов; далее у Сахарова появляется 12-й стих, отсутствующий у И.Е. Срезневского: «Котел кипит горючий...»; стиху 12 в тексте И.Е. Срезневского: «Возле его козел стоит» у Сахарова соответствует 13-й стих: «Возле котла козел стоит» с заменой местоимения «его» на существительное «козла». Отметим, что сло́ва «котел» в колядке И.Е. Срезневского нет вообще, а в колядке Сахарова оно фигурирует дважды. Следующие 8 стихов имеются только в тексте Сахарова.

При знакомстве с первоначальным вариантом данной статьи А.А. Панченко высказал остроумное предположение, которое как будто подтверждается сравнительным материалом: «Вообще говоря, тут возникает соблазн предположить, что козел у Срезневского появился благодаря созвучию, то есть в песне, которую он слышал, было “возле его котел стоит”, а козла и булатный нож он вольно или невольно добавил потом» (письмо от 01.11.2020).

Здесь неизбежно возникает вопрос о том, в какой мере мы можем доверять записи И.Е. Срезневского: не является ли и она таким же фейком, каким, по-видимому, является сахаровская колядка? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к изданиям аутентичного фольклора. В них мы найдем две колядки из Оренбургской губ. и одну из Омской области, довольно близкие колядке И.Е. Срезневского.

Первая зафиксирована в с. Подгорная Покровка Оренбургского уезда:

Уродилась коляда
Накануне Рождества
За горою, за крутою
За рекою, за быстрою...
Ой, чи, чи-чи, (?) коляда!
Коляда пришла,

Рождество принесла.
Ой, чи, чи-чи, коляда!
За горою, за крутою,
За рекою, за быстрою
Стоят леса, стоят дремучие.
Во тех лесах огни горят,
Огни горят пылающи.
Вокруг огней люди стоят,
Люди стоят, колядуют:
Ой, чи, чи-чи, коляда! [17]

Вторую колядку записал А.П. Кузнецов в той же Оренбургской губернии (без указания места):

Уродилась коляда
Накануне Рождества.
За горою за крутою,
За рекою за быстрою.
За горою за крутою,
За рекою за быстрою
Стоят леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят пылающие.
Вокруг огней люди стоят,
Люди стоят, колядуют:
— Ой, коляда, коляда,
Ты бываешь, коляда,
Накануне Рождества.

([34, с. 309, № 1046]; перепечатка: [16, с. 71, № 20]; см. там же примеч. на с. 550)

Третью колядку зафиксировала Н. Кравец в 1975 г. в с. Логиновка Павлоградского района Омской области от Н.С. Артамоновой (1893 г. рожд.):

Уродилась Коляда накануне Рождества.
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
За горою за крутою, за рекою за быстрою.
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
Стоят леса стоят дремучие, огни горят горючие.
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
Вокруг огня люди стоят,
Люди стоят, колядуют.
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
Люди стоят, колядуют:
— Ой, Коляда, Коляда.
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
— Ты бываешь, Коляда, накануне Рождества!
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!

[19, с. 51, № 1]

Во всех трех колядках есть и крутые горы, и быстрые реки, и дремучие леса; вокруг горящих костров стоят люди, однако нет ни старца, ни козла, ни булатного ножа, а люди не собираются никого зарезать и просто поют колядки.

Параллели к приведенным русским колядкам имеются в белорусской обрядовой поэзии, однако и там тема жертвоприношения отсутствует. Например, в колядке из местечка Молодуша Речицкого у. Минской губ. также есть огни и котлы, хотя расположены они не в лесах, а во дворе хозяина дома; в котлах варятся вино, пиво и мед:

У нашего пана Ивана двор гороженный <...>
Двор гороженный железным тыном,
На том же дворе *три огни гораць,*

Три огни гораць, три котлы кипяць:
А в первом котле пшенично вино,
Ў другом котле чирвоно пиво,
А в третьем котле солодки́ медки́.
([33, с. 76, № 67]; перепечатка: [13, с. 220, № 276])[2]

В обрядовых песнях со сходным сюжетом фигурируют иногда образы старенькиx дедков. Например, в белорусской волочёбной песне старики варят в котлах воск для свечей:

...А на маём дварэ
Стаяць сталбы
Мураваныя,
Вісяць катлы
Выліныя,
Сядзяць дзядкі
Старэнькія,
Варацьваскі
Жаўценькія,
Сучуць свечы
Трайчастыя,
Зажыгастыя.
[12, с. 209, № 116]

Мотив готовящегося убийства козла в сахаровской колядке имеет параллели в украинских и белорусских обрядах вождения козы или козла. Как известно, в этих святочных ритуалах сначала инсценируется убийство животного, которое потом чудесным образом оживает. В некоторых песнях, сопровождающих обряд, коза рассказывает, что боится старого деда, например:

Ох, я тых стралцоў,
Я ни баюся,

2 Здесь и далее курсив в цитатах мой за исключением специально оговоренных случаев. — *А.Т.*

Тольки баюся
Старага деда,
Што ў таго́ деда
Барада седа:
Той мене́ убъе́,
Шкуру абдярэ,
Мяса пару́бя,
Сабакам аддасть!
[18, с. 105]

Мотивы, которые встречаются в колядке И.Е. Срезневского, имеют параллели в трех русских колядках и в белорусских колядных и волочёбных песнях. Мотив убийства козла, который только намечен в тексте И.Е. Срезневского, отсутствует в других колядках, однако он есть в белорусских и украинских обрядах «вождения козы или козла». Таким образом, колядка И.Е. Срезневского довольно органично вписывается в святочную обрядовую поэзию восточных славян.

Хотя первая часть сахаровского текста почти совпадает с колядкой И.Е. Срезневского, в целом этот текст не имеет прямых аналогий в фольклорной традиции. Если у И.Е. Срезневского мы видим только намек на возможное в будущем убийство козла, то у Сахарова этот намек превратился в целую сцену приготовления к забою животного с драматическими репликами будущей жертвы. При этом речь идет уже не о праздничном застолье, а о предстоящем убийстве ребенка, превращенного в козленка. Убийство козла в этом контексте становится в один ряд с человеческими жертвоприношениями и вся обстановка приобретает зловещий характер, совершенно не свойственный колядкам.

Вторая часть сахаровской колядки является переделкой песенной вставки из сказки о сестрице Алёнушке и братце Иванушке, превращенном в барашка или козленочка (СУС 450). Сказки с таким сюжетом широко известны в русской, украинской и белорусской традициях [28, с. 135]. В наиболее раннем варианте сказки, опубликованном в сборнике «Старая погудка на новый лад» (1795), мальчик, превращенный в барашка, обращается к своей сестрице со словами: «Сестрицушка! Алёнушка! *Поди сюда, простись со мною: ножи точут булатные, котлы кипят чугунные, меня, барашка,*

убить хотят!» А сестра отвечает ему из-под воды: «Ах братец мой Иванушка! *Я рада бы к тебе вышла, ключева вода глаза мне вымыла, горюч камень ко дну тянет!*» [32, с. 130, № 12].

В некоторых вариантах сказки, опубликованных позднее, оговаривается, что исполнители должны пропеть реплики брата и сестры; эти реплики разрастаются в объеме и оформляются графически как стихи. Приведем один из наиболее пространных сказочных диалогов:

Попросился козлёночек перед смертью к воде, напиться, пришел на бережок и плачет:

Алёнушка,
Сестрица моя!
Выплынь, выплынь,
На бе́режок,
Ты выдь ко мне,
Промолвь со мной:
Костры кладут
Высокие,
Котлы висят
Глубокие,
Огни горят
Горючие,
Смолы кипят,
Кипучия,
Ножи точа́т
Булатные,
Хотят меня
Зарезати!

А сестрица Алёнушка отвечает ему со дна:

Ты братец мой,
Иванушка,
Иванушка,

Козлёночек!
Я рада бы
Помо́чь тебе,
Тебе тошно́,
А мне тошней:
Тяжол камень
Ко дну тянет;
Шелкова́ трава
На руках свила́сь,
Ноги спутала;
Желты пески
На грудь легли;
Люта́ змея
Сердце высосала;
Бела́ рыба
Глаза выела!

Погорюет, погорюет козлёночек, а как видит себе скорую смерть, до трех раз просился к воде и звал сестрицу [10, с. 122–124].

Стих 14-й сахаровской колядки («...Хотят козла зарезати») имеет параллель в тексте из Саратовской губ., опубликованном А.Н. Афанасьевым: «Козленочек ходит на бережок и горько плачет, приговаривая: “Оленушка, сестрица моя! Ты выдь ко мне, ты выгляни: я братец твой, Иванушка, пришел к тебе с нерадостной весточкой, *меня, козла, убить хотят, зарезати*...” Оленушка из воды отвечает ему: “Ох, братец мой Иванушка! Я рада бы к тебе выглянуть, тяжел камень ко дну тянет...”» [15, с. 255, № 263].

В стихах 15–21 перифразирована ответная реплика Алёнушки своему брату, на что есть прямое указание в стихе 15-м: «Ты, братец, Иванушко...».

Словам колядки «Ты выди, ты выпрыгни!» в процитированной выше сказке из собрания А.Н. Афанасьева соответствует: «Ты выдь ко мне, ты выгляни...», однако это реплика Иванушки, обращенная к Аленушке, а не наоборот, как в тексте Сахарова.

В строке «Я рад бы випригнул...» допущена опечатка; должно быть, конечно, «Я рад бы выпрыгнуть...». Кстати, именно так, с исправлением

опечатки, этот стих опубликован в современном издании [24, с. 42]; сам факт исправления текста при этом никак не оговорен.

На месте стиха «Я рад бы выпрыгнуть...» в той же сказке А.Н. Афанасьева встречаем «Я рада бы к тебе выглянуть...».

На месте слов колядки «...Горюч камень / К котлу тянет...» в сказке из собрания П.А. Бессонова, процитированной выше, читаем: «Тяжол камень / Ко дну тянет...». На месте стихов «*Желты пески* / *Сердце высосали*» в том же тексте П.А. Бессонова — «*Желты пески* / На грудь легли; / Лютá змея / *Сердце высосала*».

Если в сказке Иванушка просит сестрицу Аленушку выглянуть из-под воды, а та объясняет ему, почему она не может этого сделать, то в сахаровской колядке сама Аленушка просит Иванушку откуда-то выйти и выпрыгнуть, что никак не мотивировано сюжетом. Поскольку в сахаровской колядке Иванушка не находится под водой, появилась странная формула «...Горюч камень / К котлу тянет...» вместо *ко дну тянет*. Кстати, В.Я. Пропп, цитируя колядку, заменил «к котлу тянет» на «ко дну тянет» и отметил: «Исправлено из явной ошибки “к котлу”» [4, с. 57, примеч. 15]. В данном случае эта «явная ошибка» возникла в результате контаминации двух текстов, относящихся к разным фольклорным жанрам.

Фольклористы о сахаровской колядке

Сомнения в подлинности сахаровской колядки впервые высказал **П.В. Владимиров** в книге «Введение в историю русской словесности» (1896): «Пока не найден вариант этой колядки, мы готовы подозревать ее сочиненность, — в чем нас сильно поддерживает склад всей песни и ее язык» [3, с. 81].

Сомневался в аутентичности колядки и **Е.В. Аничков**, который, как и П.В. Владимиров, рассматривал колядки И.Е. Срезневского и Сахарова как один и тот же текст. Е.В. Аничков писал в своей монографии «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (1903): «Эта песня (Снегирев, Р. Прост. Праздн. I, стр. 103 и II, стр. 68) впервые напечатана Срезневским в “Украинском вестнике” 1817 г. Она вообще сильно заподозрена: старик со своим “булатным ножом”, которым он собирается зарезать козла, слишком театрален для народной песни; мотив горения котлов, однако, вполне в духе

распр.<остраненных> песенных образов; он особенно часто встречается в колядках…» [1, с. 230; разрядка Е.В. Аничкова].

В.И. Чичеров в книге «Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. Очерки по истории народных верований» (1957) установил, что сахаровская колядка связана по своему происхождению не только с текстом И.Е. Срезневского, но и со сказочными мотивами (ранее об этом кратко писал П.В. Владимиров):

> Особо следует остановиться на разборе известной колядки «За рекой за быстрой», напечатанной И. Снегиревым в «Русских простонародных праздниках…», в. II, стр. 68–69, № 4. Этот текст издавна привлекал внимание исследователей необычайностью содержания: горят огни, сидят люди, кипит котел, рядом стоит козел, старик хочет зарезать козла — братца Иванушку, козел не может выпрыгнуть. В основе текста лежит украинская колядка, напечатанная впервые Ив. Срезневским в статье «Славянская мифология» («Украинский вестник», 1817, апрель, стр. 19–20); текст в этой работе оканчивается указанием на старика, точащего нож, и козла, стоящего рядом. В этой же редакции текст был перепечатан И. Снегиревым в выпуске первом «Русских простонародных праздников…» (стр. 103). Во втором выпуске этот текст был напечатан с упомянутым окончанием. Многие исследователи (Ф.И. Буслаев и др.), следуя за Снегиревым, видели в этой колядке изображение новогоднего жертвоприношения и считали ее отзвуком «языческого периода славян». Это мнение, как обнаруживается при сравнительном разборе текстов колядок, ошибочно. Колядка из работы Снегирева двухчастна. В первой части говорится о новогодних кострах, вошедших устойчивым элементом в святочную обрядность (*изображается в колядке один из элементов обряда*). Вторая часть — заимствование из сказки (почти дословное повторение стихотворной вставки-песни из сказки «Братец Иванушка и сестрица Аленушка») является присоединением к новогодней песне. Не лишено вероятия предположение, что это заимствование из сказки было сделано самим Снегиревым, настольно необычна в данном случае контаминация новогодней песни и сказочного эпоса. В подтверждение сказанного приводим параллельные тексты, свидетельствующие о том, что в колядках действительно встречается мотив костра и что мотив заклинания (заклания? — *А.Т.*) козла сомнителен по своему положению в этом типе песен [8, с. 136, примеч. 58; курсив В.И. Чичерова].

В.И. Чичеров привел также текстологическое сопоставление сахаровской колядки с колядкой И.Е. Срезневского и сказочной вставкой-песней из сборника Д.Н. Садовникова [8, с. 137, примеч. 58].

Наблюдения В.И. Чичерова в целом представляются нам убедительными, хотя и нуждаются в двух уточнениях.

Во-первых, В.И. Чичеров считал, что данная колядка была опубликована Снегиревым, хотя первым ее все-таки опубликовал Сахаров в 1837 г. и только после этого перепечатал Снегирев в 1838 г. Неверную атрибуцию колядки допускали также П.В. Владимиров и другие фольклористы. Вероятно, это связано с тем, что при публикации текста Снегирев не указал его источника и только в другом месте сообщил, что «святочные песни взяты из собрания г. Сахарова и других» [27, с. 84, примеч.].

Во-вторых, В.И. Чичеров называл колядку украинской, хотя она записана на русском языке. Вероятно, он основывался на том, что статья И.Е. Срезневского была опубликована в «Украинском вестнике», который выходил в Харькове. Чичеров мог также учитывать сведения Снегирева о том, что колядка исполнялась «в южной России» [26, с. 103]. Выше уже отмечалось, что И.Е. Срезневский скорее всего слышал эту колядку в детстве, которое он провел в дер. Срезнево Спасского уезда Рязанской губернии, или во время обучения в духовном училище в Рязани. Ближайшие параллели к данному тексту обнаружены в записях на русском языке из Оренбургской губернии и из Омской области. Все это в совокупности подтверждает русское происхождение данного текста.

В.Я. Пропп в книге «Русские аграрные праздники» (1-е изд. — 1963) привел колядку полностью по изданию Сахарова, отметив, что «эта же песня напечатана у И.М. Снегирева» [4, с. 57, примеч. 16]. В.Я. Пропп не ссылался ни на П.В. Владимирова, ни на В.И. Чичерова, хотя работу последнего он, несомненно, учитывал. Ученый уделил особое внимание контаминации колядки с песенными репликами из сказки, как бы развивая мысль, высказанную вскользь П.В. Владимировым: «...конец этой песни принадлежит сказке, в роде “Братец-Козленочек”, и т. п. Не отсюда ли и вся песня?)...» [3, с. 80]. В.Я. Пропп верно отметил, что в сахаровском тексте перепутаны реплики братца и сестрицы:

> Песня эта долгое время служила предметом мифологических размышлений. И.М. Снегирев, Ф.И. Буслаев и другие видели в ней остатки языческого ритуала жертвоприношений. Козел — старинное жертвенное животное. *Возможно, что текст песни несколько стилизован, но подлинность песни как колядской подтверждается тем, что очень сходная песня была записана П.В. Шейном в Оренбургской губернии* (Шейн, Великорус, № 1046). Но все объясняется проще. Эта песня входит в сказку А.Н. Афанасьева «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», в которой Иванушка превращен в козленка. Царь хочет жениться на Аленушке, но колдунья подменивает ее своей дочкой, Аленушку топит, а козленочка велит зарезать. Козленок на берегу взывает к утопленной сестре <...>
>
> В сахаровском тексте также упоминается «братец Иванушка», но слова «желты пески сердце высосали» относятся к утопленнику. Разница между текстами И.П. Сахарова и А.Н. Афанасьева состоит в том, что в сказке песня поется от имени братца, тогда как в тексте И.П. Сахарова роли спутаны: козла хотят зарезать, и он же (а не сестра) оказывается утопленным. <...>
>
> В кумулятивной песне у И.П. Сахарова и в песне из сказки А.Н. Афанасьева говорилось о козе и о козле. Может быть и не случайно, что именно эти песни пришли на смену колядкам. Они сохранили воспоминания о том, что во время святок водили козу [4, с. 58].

Замечания В.Я. Проппа также нуждаются в нескольких уточнениях.

Во-первых, утверждения о том, что сахаровская колядка относится к «песням, заимствованным из сказок» [4, с. 57] и что она «входит в сказку А.Н. Афанасьева “Сестрица Аленушка и братец Иванушка”» [4, с. 58], характеризуют только ситуацию со второй частью сахаровской колядки и не могут быть отнесены ни к ее первой части, ни ко всему тексту в целом.

Во-вторых, В.Я. Пропп, вопреки сомнениям, которые ранее высказывали П.В. Владимиров, Е.В. Аничков и В.И. Чичеров, признает аутентичность сахаровской колядки. По его мнению, «подлинность песни как колядской подтверждается тем, что очень сходная песня была записана П.В. Шейном в Оренбургской губернии (Шейн, Великорус, № 1046)»[3]. В колядке, опубликованной П.В. Шейном, действительно имеются те же мо-

3 Кстати, отметим, что эта песня была опубликована П.В. Шейном, а записана другим человеком (см. выше).

тивы, что и в колядке И.Е. Срезневского (см. выше) и в первой части сахаровской колядки. При этом в тексте П.В. Шейна нет ничего ни про жертвоприношение козла, ни про диалог между Иванушкой и Аленушкой, т. е. этот текст не может подтвердить аутентичность сахаровского текста в целом и его второй части.

В-третьих, Пропп пишет, что в качестве колядок используется много «песен, заимствованных из сказок» [4, с. 57] и даже что «именно эти песни пришли на смену колядкам» [4, с. 59], однако в качестве примера приводится только колядка Сахарова.

В кандидатской диссертации **А.Н. Розова** «Песни зимних календарных праздников: проблемы классификации колядок» (1978) наша колядка именуется «снегиревской» (как у В.И. Чичерова) и рассматривается в контексте зимней обрядовой поэзии:

> Особое место среди нетрадиционных колядок занимает песня из сборника И.М. Снегирева с зачином «За рекою, за быстрою леса стоят дремучие». Многие исследователи прошлого века считали, что в данном случае нашло отражение древнее языческое жертвоприношение. Советские ученые В.И. Чичеров и В.Я. Пропп убедительно показали двучастность снегиревской колядки, причем вторая часть представляет собой заимствование из сказки «Братец Иванушка и сестрица Аленушка». Первую же часть В.И. Чичеров сопоставил с оренбургской колядкой из сборника П.В. Шейна (№ 1046), отметив при этом, что в обеих песнях «говорится о новогодних кострах, вошедших устойчивым элементом в святочную обрядность» (с. 136) [5, с. 165–166].

А.Н. Розов в своем кратком анализе колядки следовал в основном за В.И. Чичеровым. Ссылка на В.Я. Проппа имела, по-видимому, этикетный характер, поскольку последний, как мы видели, не писал о колядке как о двучастном (контаминированном) тексте.

Л.Н. Виноградова в книге «Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования» (1982) указала на недостоверный характер сахаровской колядки: «Мы не будем останавливаться на тексте из сборника И.П. Сахарова “За рекою за быстрою…”, по поводу подлинности которого уже высказывались сомнения Чичеровым, Проппом и другими специалистами. Однако мотив “огни горят” фиксировался, кроме

того, в источниках, достоверность которых не вызывает сомнений (сборники Шейна, Романова, Ходаковского, Гнатюка) вплоть до последнего издания записей колядок, сделанных в Белоруссии уже в 60-70-е годы...» [2, с. 174].

Л.Н. Виноградова не касается вопроса о степени достоверности колядки, опубликованной И.Е. Срезневским, и о ее соотношении с сахаровским текстом, однако приведенные исследовательницей материалы говорят о том, что текст И.Е. Срезневского имеет параллели в других колядках и волочёбных песнях, записанных позднее, и его аутентичность не вызывает каких-то особых сомнений.

Сахаровская колядка в исследованиях славянской мифологии

Несмотря на контаминированный характер сахаровской колядки, она многократно цитировалась полностью или частично в сочинениях по языческим верованиям славян и Древней Руси.

Первым эту колядку перепечатал **И.М. Снегирев** в разделе «Колядские песни и виноградье» второй части своего издания «Русские народные праздники и обряды» [27, с. 68–69, № 4]. В примечании к песне И.М. Снегирев так охарактеризовал ее содержание: «Здесь изображается жертвоприношение, где насыпался песок, в который у Северных народов изливалась *кровь* жертвы; ето выражают слова́: *пески сердце высосали*. См. сию песню в I части етой книги, стр. 103» [27, с. 69, примеч. 1; курсив и разрядка И.М. Снегирева].

И.М. Снегирев отсылает читателя к первому выпуску «Русских народных праздников и обрядов», где сначала описывается жертвоприношение козла у литовцев, а потом приводится колядка И.Е. Срезневского как свидетельство того, что подобные обряды были известны и в России: «По наблюдениям открывается, что торжество сие с обрядами и жертвоприношениями, более или менее сходными, было общим не токмо по всей Литве, но и в Литовской Руси. В южной России, по свидетельству г. Срезневского, пели следующую песню, которая изображает жертвенный обряд, похожий на литовский...» [26, с. 103].

Впервые И.М. Снегирев процитировал текст И.Е. Срезневского в 1828 г. в статье «Старинные народные Святки и Коледа: (Отрывок из описания народных русских праздников)» [25, с. 117].

В книге «Славянская мифология» (1847) **Н.И. Костомаров** писал со ссылкой на сообщение Сахарова, что во время зимних праздников «совершались священные игры, как видно из зимних хороводов, и приносились жертвы. Так в одной русской песне святочной изображается явно языческое жертвоприношение: в лесу горят огни, вокруг огней стоят скамьи, на скамьях сидят юноши и девицы» [14, с. 100–101]. Костомаров процитировал фрагмент колядки со слов «Поют песни калёдушки» до конца.

И.И. Срезневский обратился к нашей колядке в книге «Исследования о языческом богослужении древних славян» (1848). Он процитировал текст колядки с начала до слов «Хотят козла зарезати» в обзоре материалов о языческих жертвоприношениях: «О приношении в жертву козла есть предание, сохранившееся в народной обрядной песне: «За рекою <...> Хотят козла зарезати». По свидетельству Длугоша, были в обычае жертвы заклания и у поляков: в жертву приносимы были овцы и быки, во время празднеств, на которые собирался народ. Были они и у балтийских славян» [31, с. 73].

Историк **С.М. Соловьев** в «Очерке нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие» (1850) отметил, что «из песен колядных для нас замечательна следующая» и также процитировал сахаровский текст с начала до стиха «Хотят козла зарезати» [29, с. 30]. Далее он поставил эту колядку в сравнительный контекст [29, с. 31].

Ф.И. Буслаев привел сахаровскую колядку в одной из лекций по истории русской литературы, читанных наследнику-цесаревичу Николаю Александровичу в 1859–1860 гг. Говоря о святочных обрядах, Ф.И. Буслаев отметил: «Само собою разумеется, что в песнях колядных воспоминается Рождество Христово, но сверх элемента христианского очевиден и древнейший, языческий. Особенно важна в последнем отношении колядная песня о жертвоприношении козла, доселе сохранившаяся в Южной Руси...» [11, с. 434]. Приведя полностью текст колядки, Буслаев продолжал: «Мы уже знаем, что козел был посвящен Тору-Перуну, божеству земледелия и семейной оседлости. Он езжал в телеге, запряженной двумя козлами» [11, с. 435].

Д.О. Шеппинг в статье «Купала и Коляда в их отношении к народному быту русских славян», включенной в его книгу «Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках» (1862), процитировал сахаровский текст, внеся в него некоторые коррективы. Основная из них заключалась в том,

что он посчитал текст не колядкой, а купальской песней и в связи с этим заменил «Поют песни Колюдушки» на «Поют песни Купалушке» [35, с. 40]. Имя Иванушки Д.О. Шеппинг связал с названием ночи на Ивана Купала: «Что эта песня не принадлежит к Колядским, напротив — к торжествам Ивановской ночи, на это прямо указывает название козла Иванушки, почему и считаем себя вправе заменить слово Колюдушки словом Купалушки» [35, с. 40, примеч. 1]. На самом деле имя Иванушки в колядке заимствовано из сказки и не имеет отношения к Ивану Купале.

Сахаровская песня, по мнению Д.О. Шеппинга, свидетельствовала о том, что в древности на купальском костре сжигались какие-то живые существа: «Вероятно, что во времена язычества приносились и у нас живые жертвы Купальному огню, как видим это из нашей древней песни...» [35, с. 39]. Д.О Шеппинг отождествил старика, который фигурирует в колядке, с языческим жрецом: «Самое добывание живого огня, как и зажигание Ивановских костров, поручается обыкновенно старикам, которые, как видно из этого обряда, чисто общинного быта, и из вышеупомянутой песни, исполняли должность жреца в общественном богослужении языческой России» [35, с. 40–41].

А.Н. Афанасьев в трехтомном исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» отмечал: «О жертвенном заклании козла сохранилось воспоминание в колядской песне, тем более любопытной, что она передает и самую обстановку обряда...» [9, с. 257–258]. Приведя сахаровскую колядку до слов «Хотят козла зарезати», А.Н. Афанасьев продолжает: «Жертвоприношение сопровождалось пением обрядовых песень; козла резал старец, мясо его варили в котле, подобно тому, как это совершалось и у германских племен, и у скифов. У литовцев жрец, заколая козла острым ножом, призывал на молящихся божие благословение; кровь собиралась в кувшин или чашу, и потом окроплялись ею люди, скот и самые жилища; мясо съедали при пении песень и игре на трубах, а чтó оставалось несъеденным, то зарывали в землю на распутии, чтобы ни один зверь не мог дотронуться до священной яствы» [9, с. 258].

Традицию мифологических разысканий XIX в. в 1960–1980-х гг. возродил археолог академик Борис Александрович Рыбаков. В своей монографии «Язычество Древней Руси» (1-е изд. — 1987) он привел колядку по сборнику И.М. Снегирева и отметил, что эта запись «раскрывает сущность ритуальной церемонии — принесение в жертву козла...» [6, с. 85].

Б.А. Рыбаков, вслед за Д.О. Шеппингом, писал о том, что обстановка жертвоприношения напоминает о купальских праздниках: «Имя братца Иванушки может указывать на обряд в ночь под Ивана Купалу; тогда сестрица Аленушка — сама Купала, жертва, обреченная стать в “воде потопляемой”. В купальскую ночь и “огни горят великие”, и совершаются обряды у воды, имитирующие утопление жертвы: купанье девушки, наряженной Купалой, или погружение в воду чучела — куклы, изображающей Купалу» [6, с. 95]. С рассуждениями Б.А. Рыбакова трудно согласиться. Как мы уже отмечали, имя Иванушки заимствовано из сказки и никакого отношения к ночи под Ивана Купалу не имеет; так же и Аленушка отождествляется с мифической Купалой только в воображении Б.А. Рыбакова.

Таким образом, исследователи дохристианской культуры Древней Руси с конца 1830-х гг. и почти до нашего времени рассматривали сахаровскую колядку как аутентичное свидетельство о языческом ритуале жертвоприношения козла. Такой ритуал исторически у русских не засвидетельствован, однако он описан и в Библии, и в греческой и скандинавской мифологии, и у балтийских народов. И вот составленная Сахаровым колядка удачно заполнила одну из многих лакун в сведениях о славянской мифологии.

Чтобы колядка выглядела как исторический документ, ученые определенным образом осмысляли время ее появления, жанровую природу, сюжет и отдельные детали.

Во-первых, колядка рассматривалась не как ритуальная песня, которая исполнялась для поздравления хозяев дома с праздником Рождества Христова и пожелания им благополучия в течение года, а как чудом сохранившееся до XIX в. описание реального ритуала, практиковавшегося в Древней Руси, как если бы это был фрагмент какой-нибудь летописи или сочинения арабского либо византийского автора X в.

Во-вторых, огни осмыслялись как жертвенные костры, а старик, который «точит свой булатной нож», представлялся языческим жрецом.

Наконец, в-третьих, ученые видели в колядке описание жертвоприношения козла, хотя в тексте И.Е. Срезневского говорится скорее о приготовлении козла к забою, а в колядке Сахарова — о предстоящем умерщвлении козленка, в которого превратился ребенок. Современный читатель видит в рефрене «Ой, колёдка!» обращение к празднику Коляды, как на-

зывался канун Рождества Христова, однако И.Е. Срезневский полагал, что *Коляда* «был славянский бог *мира* и соответствовал Римскому *Янусу*. <…> Храм сего бога (а может быть богини) был в Киеве…» [30, с. 19–20; курсив И.Е. Срезневского]. Опубликованную им колядку И.Е. Срезневский назвал «гимном Коляде». Публикатор не утверждал прямо, что козла предназначали в жертву языческому идолу Коляде, однако подводил читателя к такой мысли. Таким образом, привязка колядки к языческим обрядам появилась уже в публикации И.Е. Срезневского, т. е. Сахаров следовал здесь в русле определенной традиции.

Некоторые выводы

Проследив историю колядки о жертвоприношении козла, мы установили, что впервые она была опубликована Сахаровым в 1837 г., перепечатана И.М. Снегиревым в 1838 г. и потом воспроизводилась многими исследователями славянской мифологии по изданиям Сахарова и И.М. Снегирева. С учетом репутации Сахарова как фальсификатора фольклора можно не сомневаться в том, что именно он составил эту колядку. При этом как ни странно, в ней нет ни одной строки, полностью сочиненной самим Сахаровым: все они взяты либо из колядки И.Е. Срезневского, либо из каких-то вариантов сказки об Аленушке и братце Иванушке (СУС 450). Такие контаминации произведений разных фольклорных жанров характерны в целом для стилизаций Сахарова.

В качестве исходного материала Сахаров использовал незавершенный текст И.Е. Срезневского. Аутентичность этого текста, восстановленного И.Е. Срезневским по памяти, в свою очередь вызывает определенные сомнения. Если основная часть колядки И.Е. Срезневского имеет близкие параллели в нескольких русских колядках и белорусских колядных и волочёбных песнях, то заключительные строки, в которых появляются мотивы булатного ножа и козла, в аутентичных текстах отсутствуют.

Несмотря на псевдофольклорный характер сахаровской колядки, целые поколения историков и филологов видели в ней описание ритуала, который совершался в глубокой древности языческими славянами. Колядка вызвала волну мифологических интерпретаций и цитировалась полностью или в извлечениях Н.И. Костомаровым, И.И. Срезневским, Ф.И. Буслаевым, С.М. Соловьевым, Д.О. Шеппингом, А.Н. Афанасьевым, Б.А. Рыба-

ковым и др. Если ученые XIX в. еще не догадывались, что колядка является фальсификатом, то Б.А. Рыбаков вполне мог узнать об этом из книги В.И. Чичерова, однако проигнорировал его наблюдения.

Если отрешиться от ауры древности и мифологичности, окружающих сахаровский текст, и рассмотреть его с точки зрения содержания, поэтики, включенности в традицию и соотношения с текстами со сходными мотивами, то становятся отчетливо видны двухчастный характер текста, его контаминированный характер, неувязки в репликах Иванушки и его сестрицы. Рассмотренный материал подводит к мысли о том, что использование фольклора как исторического источника требует большой осторожности и предварительной экспертизы привлекаемых для этого источников.

Список литературы

Исследования

1 *Аничков Е.В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1903. Ч. 1: От обряда к песне. XXIX, 392 с.

2 *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. 256 с.

3 *Владимиров П.В.* Введение в историю русской словесности. Из лекций и исследований. Киев: Тип. Императорского Ун-та Св. Владимира, 1896. VI, 276 с.

4 *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). СПб.: Терра — Азбука, 1995. 176 с.

5 *Розов А.Н.* Песни зимних календарных праздников: (Проблемы классификации колядок): дис. ... канд. филол. наук. Л.: [АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом)], 1978. 203 с. + Прил. (76 с.: ил.).

6 *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782, [1] с., [2] л. ил.

7 *Топорков А.Л.* «В наших Сказаниях не все то помещено, что известно в селениях» (Фольклорные записи из архивного собрания И.П. Сахарова) // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 141–154.

8 *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. (Очерки по истории нар. верований). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 236 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР. Т. 40)

Источники

9 *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М.: К. Солдатенков, 1868. Т. 2. 784, III, [1] с.

10 *Бессонов П.А.* Детские песни. М.: Тип. П. Бахметева, 1868. 253, [5] с.

11 *Буслаев Ф.* О литературе: Исследования; Статьи / сост., вступ. ст., примеч. Э. Афанасьева. М.: Худож. лит., 1990. 512 с.

12 Валачобныя песні / Склад Г.А. Барташэвіч, Л.М. Салавей. Мн.: Навука і тэхніка, 1980. 560 с.

13 Зімовыя песні. Калядкі і шчадроўкі / Уклад., сістэмат., характэрыстыка і рэд. напеваў З.Я.Мажэйкі; рэд. М.Я.Грынблат. Мн.: Навука і тэхніка, 1975. 735 с.

14 *Костомаров Н.И.* Славянская мифология: (Извлечение из лекций, читанных в Университете св. Владимира во второй половине 1846 года). Киев: Тип. И. Вальнера, 1847. 113 с.

15 Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах / изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 2. 463 с.

16 Поэзия крестьянских праздников / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.И. Земцовского. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1970. 636 с.

17 Празднование коляды в Оренбургском уезде // Оренбургский листок. 1888. № 52. 25 декабря. С. 2.

18 *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1912. Вып. 8–9: Быт белоруса; Опыт словаря условных языков Белоруссии. 600 с.

19 Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск: Наука, 1997. 605 с. (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока. Т. 13).

20 [*Сахаров И.П.*] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Гуттенбергова тип., 1837. Ч. 2: История русской народной литературы. IV, 74, 274 с.

21 [*Сахаров И.П.*] Песни русского народа. СПб.: Тип. Сахарова, 1838. Ч. 1. CLVIII, 163 с.

22 [*Сахаров И.П.*] Песни русского народа. СПб.: Тип. Сахарова, 1839. Ч. 4. X, 494 с.

23 [*Сахаров И.П.*] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 3: Русские народные песни. 276 с.

24 *Сахаров И.П.* Сказания русского народа / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 2. 928 с.

25 *Снегирев И.М.* Старинные народные Святки и Коледа: (Отрывок из описания народных русских праздников) // Вестник Европы. 1828. Ч. 158. № 2. Янв. С. 109–12. № 3. Февр. С. 169–183.

26 *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М.: Унив. тип., 1837. Вып. 1. I–IV, 246 с.

27 *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М.: Унив. тип., 1838. Вып. 2. 142 с.

28 Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.

29 *Соловьев С.* Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М.: В тип. Александра Семена, 1850. Кн. 1. Отд. I. С. 1–54.

30 *Срезневский И.Е.* Славянская мифология, или о богослужении русском в язычестве // Украинский вестник. Харьков: В унив. тип., 1817. Ч. 6, № 4. С. 3–24.

31 *Срезневский И.* Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1848. [4], 96 с.

32 Старая погудка на новый лад: Русская сказка в изданиях конца XVIII века. СПб.: Тропа Троянова, 2003. 399 с. (Полное собрание русских сказок. Т. 8: Ранние собрания)

33 *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 1, ч. 1: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. XXVI, 586, 4 с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 41, № 3)

34 *Шейн П.В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1898. Т. 1, вып. 1. [2], LVIII, 835 с.

35 *Шеппинг Д.О.* Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках. М.: Тип. Бахметева, 1862. [4], 211 с.

References

1 Anichkov, E.V. *Vesenniaia obriadovaia pesnia na Zapade i u slavian* [*Spring Ritual Song in the West and among the Slavs*], part 1: Ot obriada k pesne [From the Rite to the Song]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1903. XXIX, 392 p. (In Russ.)

2 Vinogradova, L.N. *Zimniaia kalendarnaia poeziia zapadnykh i vostochnykh slavian. Genezis i tipologiia koliadovaniia* [*Winter Calendar Poetry of Western and Eastern Slavs. Genesis and Typology of Caroling*]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 256 p. (In Russ.)

3 Vladimirov, P.V. *Vvedenie v istoriiu russkoi slovesnosti. Iz lektsii i issledovanii* [*Introduction to the History of Russian Literature. From Lectures and Research*]. Kiev, Printing house of the Imperial University of St. Vladimir Publ., 1896. VI, 276 p. (In Russ.)

4 Propp, V.Ia. *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia)* [*Russian Agricultural Holidays: (Experience of Historical and Ethnographic Research*]. St. Petersburg, Terra — Azbuka Publ., 1995. 176 p. (In Russ.)

5 Rozov, A.N. *Pesni zimnikh kalendarnykh prazdnikov: (Problemy klassifikatsii koliadok)* [*Songs of Winter Calendar Holidays: (Problems of Classification of Carols): PhD Thesis*]. Leningrad, [Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian literature (Pushkin House) Publ.], 1978. 203 p. Pril. (76 p.: il.) (mashinopis') [Typewriting]. (In Russ.)

6 Rybakov, B.A. *Iazychestvo Drevnei Rusi* [*Paganism of Ancient Russia*]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 782, [1] p., [2] l. il. (In Russ.)

7 Toporkov, A.L. "'V nashikh Skazaniiakh ne vse to pomeshcheno, chto izvestno v seleniiakh' (Fol'klornye zapisi iz arkhivnogo sobraniia I.P. Sakharova)" ["'In our Tales, not Everything is Placed that is Known in the Villages' (Folklore Records from the Archive Collection of I.P. Sakharov)"]. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 4, 2014, pp. 141–154. (In Russ.)

8 Chicherov, V.I. *Zimnii period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendaria XVI–XIX vv. (Ocherki po istorii nar. verovanii)* [*Winter Period of the Russian National Agricultural Calendar of the 16th–19th Centuries (Essays on the History of Popular Beliefs)*]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1957. 236 p. (Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. Novaia seriia / Akad. nauk SSSR; vol. 40) [Proceedings of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography. New Series / Academy of Sciences of the USSR]. (In Russ.)

Обзорная статья /
Review Article

УДК 82-94+82.0
ББК 83.3(0)5+83

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII–XVIII вв.: ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ

© 2021 г. И.А. Поляков, М.А. Смирнова
Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 23 июля 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 22 ноября 2020 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-400-445

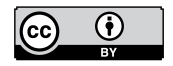
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-19-50137

Аннотация: Статья представляет анализ научных исследований, посвященных русской мемуарной литературе XVII–XVIII вв. Авторы обратились к обобщающим исследованиям гуманитарного направления (литературоведческим, историческим, культурологическим и философским), в которых затронуты теоретические проблемы классификации и внутренней систематизации разновидностей мемуарной литературы. Отдельно показана эволюция терминологического аппарата, применяемого в исследованиях мемуарных источников. Особый аспект, отраженный в статье, касается внимания исследователей к рукописной культуре и бытовании в ней памятников мемуарной литературы. Рассмотрев историю изучения вопроса в хронологическом развитии, авторы статьи выделили несколько периодов, описали главные исследовательские школы в рамках традиционных исследований и охарактеризовали труды сторонников «новой» методологической парадигмы. Обращение к проблеме систематизации в историографии продемонстрировало необходимость дальнейшего изучения узловых проблем в исследовании мемуарной литературы. В заключении авторы обозначили перспективные направления для создания адекватных принципов систематизации, определения границ жанра и критериев отбора мемуарных памятников, существующих в рукописной традиции.

Ключевые слова: автобиографический жанр, дневники, мемуарная литература, рукописная культура, рукописные памятники, русская литература, историография.

Информация об авторах: Иван Анатольевич Поляков — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, д. 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2790-1891.
E-mail: ivan669@bk.ru
Мария Александровна Смирнова — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, д. 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9756-2699.
E-mail: smirnmar@gmail.com

Для цитирования: *Поляков И.А., Смирнова М.А.* К истории изучения русской мемуарной литературы XVII–XVIII вв.: Проблема систематизации // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 400–445. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-400-445

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

HISTORY OF THE STUDIES IN RUSSIAN MEMOIR LITERATURE OF THE 17TH–18TH CENTURIES: THE PROBLEM OF CLASSIFICATION

© 2021. Ivan A. Poliakov, Maria A. Smirnova
National Library of Russia,
St. Petersburg, Russia
Received: July 23, 2020
Approved after reviewing: November 22, 2020
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), research project No. 19-19-50137.

Abstract: The article focuses on the historiography of Russian memoir literature of the 17th–18th centuries. The authors turned to general studies in humanities (literary, historical, cultural, and philosophical) which discuss theoretical problems of classification and internal systematization of the varieties of memoir literature. The evolution of the terminological apparatus used within memoir studies is shown separately. A special aspect, reflected in the article, concerns attention of the researchers to the manuscript culture and the existence of monuments of memoir literature within this culture. Considering the history of the question chronologically, the authors of the article identify several periods, describe major research schools within the framework of traditional research, and discuss the studies in the field of the "new" methodological paradigm. Addressing the problem of classification in historiography demonstrates the need for further study of key problems in the memoir studies. In conclusion, the authors identify perspective direction towards creating adequate principles of classification, defining genre delimitations and criteria for selecting memoir monuments that exist in the manuscript tradition.

Keywords: autobiographical genre, diaries, memoir literature, manuscript culture, handwritten monuments, Russian literature, historiography.

Information about the authors: Ivan A. Poliakov, PhD in History, Researcher, National Library of Russia, Sadovaya St. 18, 191069 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2790-1891

E-mail: ivan669@bk.ru

Maria A. Smirnova, PhD in History, Researcher, National Library of Russia, Sadovaya St. 18, 191069 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9756-2699

E-mail: smirnmar@gmail.com

For citation: Poliakov, I.A., Smirnova, M.A. "History of the Studies in Russian Memoir Literature of the 17th–18th Centuries: The Problem of Classification." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 400–445. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-400-445

Введение

Памятники мемуарной литературы являются важными источниками для исследования различных проблем русской государственности, русского общества и культуры XVII – начала XXI в. Они представляют не только авторский взгляд людей на произошедшие события и уникальные сведения о них, отсутствующие в официальных источниках, но и материал для изучения самосознания человека в разные временные периоды. В современной науке ценность мемуаров как жанра литературы, исторического источника и как корпуса сведений о прошлом не подлежит сомнению, а представления об их «вторичности» и «необъективности» оспорены более чем полвека назад.

Издание и изучение произведений мемуарного характера насчитывает более двухсот лет. За тот период в научный оборот были введены сотни памятников, решены многие вопросы, касающиеся исследования мемуаров, созданы целые направления в изучении мемуаристики. Тем не менее ряд проблем в рамках данной темы до сих пор не решен, а многие произведения не выявлены и не опубликованы. Являясь предметом особого внимания как литературоведов, так и историков, мемуарная литература рассматривалась с разных позиций и с применением различной исследовательской методологии.

В последние годы сотрудниками Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и других архивохранилищ проводится работа по поиску, анализу и публикации неизвестных ранее мемуарных источников конца XVII–XVIII вв. Обращение к научной литературе, посвященной мемуаристике данного периода, показало, что как в исторической науке, так и в литературоведении существуют дискуссионные вопросы, требующие

внимания исследователей. Одним из них, на взгляд авторов статьи, является проблема классификации (систематизации) мемуарных памятников. В научной литературе существуют многочисленные работы, посвященные истории изучения мемуаров — в последние десятилетия подобные историографические обзоры присутствуют в монографиях, статьях, учебниках и методических пособиях. В них история исследования и публикации мемуарных источников преимущественно рассматривается в хронологическом порядке, кратко освещаются направления в изучении. Так, «классические» исследования XIX – конца XX в. обобщены в историографических разделах монографий Л.Я. Гаранина, А.Г. Тартаковского, А.Е. Чекуновой, статьях Д.М. Галиулиной и Н.Н. Ивановой, а также в учебном пособии, подготовленном К.О. Валегиной и Н.И. Приймак [8; 9; 27; 54; 62–64; 68]. Исследования последних лет, выполненные с привлечением новых антропологических и междисциплинарных подходов, отражены в работах Н.И. Филатовой и Ю.П. Зарецкого [22; 24; 25; 67]. Вышеназванные труды дают представление об истории изучения мемуаристики в целом, однако в них лишь кратко отмечена рассматриваемая в данной статье проблема систематизации. На наш взгляд, дальнейшее изучение и публикация обнаруженных рукописных памятников мемуарного характера XVII–XVIII вв. невозможны без анализа взглядов предшественников на проблему. Таким образом, целью настоящей статьи является определение основных достижений историографии в решении данного вопроса. По результатам исследования станет возможным сформировать дальнейшие направления в изучении рукописных памятников мемуарного характера конца XVII–XVIII вв.

Ввиду невозможности подробно проанализировать все научные работы, посвященные источникам мемуарного характера, авторы статьи намеренно ограничили их тематику. В частности, исследования зарубежных ученых носят либо теоретический характер, либо были написаны на конкретном (не русскоязычном) материале, поэтому они не рассмотрены в настоящей статье. В то же время труды таких специалистов, как Г. Миш, Ф. Лежен, Г. Янке, Ж. Прессер, Дж. Олни и других оказали большое влияние на работы отечественных исследователей в последние десятилетия. Концепции данных ученых подробно рассмотрены в цикле историографических работ Ю.П. Зарецкого [20–25], а также в историографической части статьи В.Г. Безрогова [4]. За рамками настоящего исследования также оставле-

ны работы, посвященные мемуаристике XIX–XX вв., за исключением тех, в которых ученые ретроспективно привлекали материалы предшествующих столетий и анализировали эволюцию мемуарной литературы до XIX в. В статье не рассматривались научные труды, касающиеся изучения отдельных памятников XVII–XVIII вв., — анализу взглядов их авторов и методов работы с конкретными материалами может быть посвящено специальное исследование.

Терминология

Исследование дискуссионных вопросов в изучении мемуаристики невозможно без краткого рассмотрения терминологических споров, оказавших влияние на проблемы систематизации мемуарных произведений. За последние два столетия терминология претерпела существенные изменения, что отразило смену методологических парадигм и подходов в изучении мемуаров.

В исторической науке XIX в. проблема понятий в изучении мемуарных памятников не поднималась. П.П. Пекарский, Н.Д. Чечулин и другие ученые не всегда объясняли критерии выборки тех или иных памятников в качестве мемуарных, апеллировали к авторским заглавиям произведений и использовали понятия «мемуары», «заметки», «записки», «сказания» и «рассказы» как синонимичные, противопоставляя их произведениям художественной литературы в форме мемуаров [53, ч. 1, с. 55; 68]. Схожая терминология отражена в дореволюционных словарных статьях и каталогах.

В первой половине XX в. наметились попытки терминологически разграничить конкретные мемуарные произведения и группу источников в целом. А.С. Лаппо-Данилевский предложил использовать в качестве обобщающего понятия термин «мемуары», а не «воспоминания», означающие, по его мнению, сам мыслительный процесс [40, с. 399]. Авторы статьи в «Литературной энциклопедии» в качестве обобщающего избрали понятие «мемуарная литература» [37].

С середины XX в. в историографии началась дискуссия о терминах, используемых при изучении памятников мемуарного характера. Каждый исследователь или группа ученых стремились предложить свое понятие в качестве обобщающего. Помимо терминов «мемуарные источники» и «мемуарная литература», историками и литературоведами использовались

различные собирательные понятия: «литература мемуарно-дневникового характера» — Л.М. Рошаль и Л.И. Деревнина [58, с. 270; 14, с. 36], «мемуарно-автобиографические произведения» — Г.Э. Гюбиева [13], «источники мемуарного характера» — С.С. Минц [50, с. 56], «мемуарно-автобиографические жанры» — Г.Г. Елизаветина [16, с. 236–237] и др. Под этими терминами авторы понимали один круг источников (различия в их систематизации будут рассмотрены ниже), поэтому в настоящей статье не приводится развернутая характеристика вышеуказанных определений — их специальное исследование на материале научной литературы и словарных статей было выполнено Е.М. Агафонцевой [1].

С 1980-х гг. стало широко использоваться понятие «источники личного происхождения», в которые исследователи, помимо мемуаров и дневников, включали письма. Данный подход отразился в соответствующих разделах учебных пособий по источниковедению [59; 65]. В специальных работах, посвященных проблемам мемуаристики, понятие «источники личного происхождения» впервые применила А.Е. Чекунова [68, с. 3]. В литературоведческих исследованиях 1990-х – начала 2000-х гг. продолжил использоваться понятийный аппарат, основанный на жанровом делении.

В последние два десятилетия в российских исследованиях гуманитарного направления под влиянием западных концепций большое распространение получил термин «эго-документы», который объединил более широкий спектр текстов, чем понятие «источники личного происхождения». Следствием этого подхода стал отказ ученых от классификации произведений по форме и стремление разделить их по цели создания или исходя из коммуникационных связей «автор-текст-читатель». Приверженцы этого направления включают в понятие «эго-документы» большое разнообразие источников[1].

Помимо обобщающего термина «эго-документы», в новейших исследованиях можно встретить такие определения, как «автобиографические тексты» — Ю.П. Зарецкий [23, с. 106], «автобиографическое письмо» — В.Г. Безрогов [5, с. 10], которые объединяют не только письменные, но и устные «рассказы о себе» — то, что в классификации, разработанной Л.Н. Пушкаревым и ставшей классической для историков второй половины

1 См. организованные в последние годы тематические конференции и сборники научных трудов [29; 71].

XX в., было невозможно [55]. Применение учеными понятийного аппарата психологических, социологических и философских исследований («автобиографический нарратив», «автодокументальный дискурс» и т. д.) демонстрируют все больший интерес исследователей к междисциплинарным подходам при изучении текстов прошлого. Влияние, оказанное «лингвистическим поворотом» на исторические исследования, повлекло не только повышенное внимание к структурам текста, но и расширило использование терминов постмодернистского дискурса [67, с. 24–25]. Другим направлением последних лет стало использование иноязычных терминов, не имеющих на данный момент устоявшегося перевода на русский язык. Среди них в научной литературе встречаются понятия: “life writing”, объединяющее как биографические, так и автобиографические тексты; “écrits personnels” — сочинения «частного порядка». Термин “Selbstzeugnisse” (англ. “self-narrative”) — «рассказы о себе», разработанный группой исследователей Свободного университета в Берлине в 2000-е гг., использован в последних работах Ю.П. Зарецкого [23]. Таким образом, в трудах ряда современных исследователей наблюдается отказ от традиционного понятийного аппарата, основанного на жанровом делении. Словами Ю.П. Зарецкого, «автобиография — это не жанр, а лишь, говоря современным языком, определенный тип дискурса» [20, с. 110–111].

В настоящей статье авторы оперируют традиционными понятиями: «мемуары», «мемуарная литература», «мемуарные источники», «произведения мемуарного жанра» и др. как синонимичными.

Проблема систематизации

Вопрос о месте мемуарных произведений в классификации литературных жанров и исторических источников, а также об их внутренней систематизации так или иначе затрагивался в большинстве работ, посвященных русской мемуаристике, начиная с середины XIX в.

В исследованиях П.П. Пекарского и Н.Д. Чечулина, ставших основополагающими для дореволюционной традиции изучения мемуарной литературы, мемуарные источники XVIII в. проанализированы в хронологическом порядке. П.П. Пекарский исследовал известные произведения XVIII в. с целью рассмотреть историю русского языка того периода и определить причины его «переворота» в XIX в. [53]. Для выполнения поставленной за-

дачи ученый разработал собственный метод работы с памятниками мемуарного характера. В каждом случае П.П. Пекарский сначала обращался к биографии автора, а затем анализировал текст памятника: язык, описываемые события и авторский взгляд. К исследованию он привлек не только опубликованные тексты, но и обращался к их рукописным спискам, замечая, что между ними присутствуют разночтения, так как «все они более или менее подвергались различным переменам при переписке и печатании, иногда не намеренно по безграмотству, в других случаях с целью подделаться под современный язык» [53, ч. 2, с. 38]. Тем не менее проблема систематизации использованных источников в его работе напрямую не поднималась — он использовал самоназвания произведений, рассматривая каждое из них как мемуары-воспоминания, и не делал различия в их жанровом разнообразии. Вслед за П.П. Пекарским, Н.Д. Чечулин также не обозначил границы жанра и не представил внутренней классификации мемуаров. Ученый противопоставил их художественной литературе, а также указал, чем именно они ценны и как их изучать [70].

В 1896 г. в 19-м томе «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона вышла статья «Мемуары» [43]. В ней было подробно описано значение мемуаров для изучения истории прошлого, а также приведены примеры наиболее известных мемуарных произведений России и Европы. В статье отмечено, что мемуары могут иметь различную форму. Помимо воспоминаний, описывающих жизнь автора или события через длительный промежуток времени, выделены дневник и «мемуары, имеющие характер анекдотов <…>, и прямо рассчитывающие на занимательность и даже пикантность» [43, с. 71]. По-видимому, критерием определения разновидностей мемуаров для автора статьи была не только форма, но и характер работы над ними их составителей. Он не включил в состав мемуарных произведений записки иностранцев о России, так как последние «во многом имеют характер мемуаров, но обыкновенно основываются и на печатных материалах» [43, с. 74].

В дореволюционной историографии было опубликовано несколько библиографических каталогов, посвященных изданным и готовящимся к изданию памятникам русской мемуаристики [10; 51; 56]. В данных работах использовался хронологический и алфавитный способы систематизации материала, однако отсутствовали вступительные статьи, объясняющие

включение в списки того или иного памятника, а также разъяснения использованных терминов. Анализ справочников показал, что их составители также рассматривали понятия «записки», «мемуары» и «воспоминания» как синонимы и стремились указать наибольшее число нарративных источников независимо от их формы, истории и обстоятельств создания.

Текстам личного происхождения — дневникам, воспоминаниям и письмам — был посвящен неизданный третий том «Опыта русской историографии» В.С. Иконникова[2]. При изучении проблемы достоверности тех или иных мемуаров ученый обратил внимание на их форму и разделил дневник, «который до известной степени соответствует летописи, или повествование о прошлом», и повествование, созданное по истечении длительного времени со дня события [34, с. 327]. Последнее он считал более совершенным видом мемуаров, так как оно представляет собой развернутое описание события и «претендует на более обширное значение и широкий круг читателя» [34, с. 329]. Таким образом, В.С. Иконников расширил понятие «мемуары» и включил в него памятники, выполненные в форме дневника.

Первую попытку проанализировать значение термина «мемуарная литература» и систематизировать памятники, входящие в ее состав, предприняли Р.Ф. Кулле, Н.Ф. Бельчиков и В.А. Дынник [37]. Отметив близость мемуаров и художественной литературы, они пришли к выводу, что ключевым различием между ними являются «исключительно или преимущественно познавательные функции» мемуарной литературы без каких-либо специальных художественных установок [37, стб. 131]. По мнению авторов статьи, несмотря на то что в каждом источнике мемуарного характера переплетены разные жанровые особенности, существует возможность выделить основные жанры. Предложенная авторским коллективом систематизация включила следующие разновидности: дневник — наиболее примитивная форма, содержащая ежедневные или периодические записи о происходящих в жизни автора событиях и его личных переживаниях; воспоминания или записки — описание событий через определенный (часто большой) промежуток времени «под углом зрения определенной идейной концепции»; автобиографии и исповеди — в центре подобных произведений находится жизнь автора или переломные моменты, оказавшие большое влияние

2 Неопубликованная рукопись монографии хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. О ней см.: [34; 35].

на его жизненный путь; биографические воспоминания и некрологи — памятники, посвященные воспоминаниям автора о другом лице, являющимся центральным в произведении, в некоторых случаях написаны под впечатлением от его смерти [37, стб. 132]. В традициях 30-х гг. XX в. авторы представили и другую систематизацию — классовую, в которой проводилось различие между произведениями господствующего класса и памятниками, созданными революционными демократами, рабочими и крестьянами («представителями пролетарского социализма»). В рамках единого классового сознания, по мнению ученых, жанры мемуарной литературы определяются характером их содержания. К примеру, при анализе мемуаров рабочего класса выделяются социально-бытовой и социально-политический жанры [37, стб. 133].

Систематизация памятников мемуарной литературы отсутствует в учебнике «Источниковедение истории СССР» 1940 г. В части, посвященной мемуарам XVIII в., М.Н. Тихомиров отметил, что в тот период в России большое развитие получили «различного рода дневники, записки и воспоминания» [66, с. 220]. Ниже им приведена более простая классификация — в составе мемуарной литературы выделяются воспоминания (мемуары) и дневники [66, с. 221].

С конца 1950-х гг. начался новый этап в изучении проблемы систематизации мемуарной литературы — появились специальные работы, посвященные теоретическим аспектам изучения мемуарных памятников как литературного жанра и исторического источника. Одним из первых методических исследований стало учебное пособие М.Н. Черноморского [69]. Оно посвящено, преимущественно, мемуарам советской эпохи и методам их анализа. На основании данных материалов автор поставил вопрос о возможной систематизации мемуарных источников. Основными критериями схемы стала форма и содержание памятников. М.Н. Черноморский выделил две разновидности воспоминаний («мемуаров»[3]): обо всем «жизненном пути автора» и описания конкретных событий, участником которых он был. Третьей жанровой разновидностью ученый обозначил различные дневниковые формы (дневники как первоисточники, включающие периодический записи и современные описанным событиям; дневники, перера-

3 М.Н. Черноморский использует понятие «мемуары» в двух значениях: для обозначения всех мемуарных источников в целом и как синоним жанра «воспоминаний».

ботанные позднее), отметив, что в истории и литературе часто встречаются воспоминания, выполненные в форме дневника, но не являющиеся им. Последней группой мемуарных произведений М.Н. Черноморский считал литературную запись, появившуюся, по его мнению, после событий Великой Отечественной войны. Под этим понятием он понимал запись воспоминаний человека, отредактированную писателем или литературным редактором, при условии, что последний произвел только литературную обработку и не имел «возможности вносить свое авторское толкование описываемых событий» [69, с. 14]. В заключении автор признал, что данный перечень разновидностей мемуаров характерен преимущественно для литературы Советского периода.

Выводы М.Н. Черноморского открыли в научной литературе дискуссию о принципах внутренней классификации мемуарных источников.

В 1961 г. из печати вышла научно-популярная работа В. Кардина, посвященная принципам составления и изучения мемуарных памятников [32]. Автор отметил их связь с произведениями художественной литературы, публицистикой и научными работами. Мемуарную литературу он разделил на три разновидности: автобиографии (в центре повествования жизнь автора), записки или воспоминания (описаны исторические события и эпизоды из жизни автора) и дневники, «являющиеся самостоятельным видом мемуарной литературы» [32, с. 83].

Другую позицию высказала Л.И. Деревнина [14]. Она впервые проанализировала предшествующую литературу по данной проблеме и установила, что в работах ученых не только не выработана единая классификация, но и сами термины «мемуары» и «мемуарная литература» часто используются в разных значениях. Она предложила применять понятия «мемуары», «мемуарная литература» и «мемуарные источники» только в обобщающем значении — для характеристики «записок современников, повествующих о прошлом, источником которых является в основном память» [14, с. 36]. Среди них Л.И. Деревнина выделила несколько разновидностей: воспоминания; литературные записи; стенографические (протокольные) записи воспоминаний; записи воспоминаний мемуариста третьими лицами, оказывающими влияние на рассказ; дневники.

Свой взгляд на проблему разделения мемуарных источников в 1960–1970-е гг. представил А.А. Курносов. Ученый не посвятил проблеме

систематизации отдельного исследования, однако в своих многочисленных работах неоднократно отмечал сложность и жанровую разнообразность мемуаров, невозможность разделить их по одному критерию [38; 39]. Он не согласился с выводами М.Н. Черноморского, Л.И. Деревниной и других исследователей и предложил не включать в понятие «мемуары» дневники, письма, автобиографии и путешествия. Полемизируя с современниками, он отмечал, что письма, дневники и воспоминания могут быть отнесены к виду источников личного происхождения, хотя и признавал, что видовая классификация исторических источников нуждается в дальнейшей разработке [38, с. 5]. Согласно его концепции, мемуарные источники представлены тремя разновидностями: мемуарами (составленными автором), литературными записями и стенограммами устных воспоминаний [39, с. 23].

Г.Е. Гюбиева в диссертации, посвященной проблемам развития мемуарно-автобиографических произведений в XVIII в. и их связей с художественной литературой, пришла к выводу о невозможности разделить русские мемуарные памятники того периода на жанры [13]. По ее мнению, система жанров, описанная в статье Р.Ф. Кулле, Н.Ф. Бельчикова и В.Ф. Дынник, не может быть применена к произведениям XVIII в., так как «в мемуарах тех лет трудно разграничить дневник, воспоминание, автобиографию, потому что чувство личности, сознание ее ценности, без чего нет ни воспоминаний, ни автобиографии, только еще пробивает себе дорогу» [13, с. 5]. В работе Г.Е. Гюбиева намеренно отказалась от попыток систематизировать исследуемые памятники и ввела для них общее понятие — «мемуарно-автобиографические произведения» [13, с. 4].

Две схемы классификации мемуарных источников в специальной работе указал В.С. Голубцов [12]. Автор разделил понятие «мемуары» на две разновидности по форме — воспоминания и дневники [12, с. 36–37]. Ученый высказал суждение, что дневники не всегда представляют собой последовательные записи, выполненные в хронологическом порядке, а часто существуют в форме «записных книжек» или записок, куда их авторы помещали не только свои впечатления о произошедших событиях, но и собственные мысли, творческие черновики, высказывания, бытовые подробности, иногда дополненные информацией из других источников [12, с. 65–66]. Мемуары в целом В.С. Голубцов разделил по содержанию: об отдельных эпизодах, свидетелем которых стал составитель; о крупных исторических событиях и

эпохах, которые застал автор; автобиографические мемуары (в центре повествования — жизненный путь автора); биографические мемуары (в центре повествования — жизненный путь другого человека).

Таким образом, в 50–70-е гг. XX в. специалисты предложили несколько схем внутренней классификации мемуарной литературы. Основными критериями для разделения являлись форма и содержание произведения и, в некоторых случаях, социальное положение его автора. Для разработки систематизаций ученые использовали преимущественно опубликованные мемуары Советского периода. Тем не менее их выводы были распространены на все этапы истории русской мемуаристики. Наиболее дискуссионными вопросами в тот период стали проблема определения обобщающего термина для группы мемуарных источников, а также проблема выделения дневников в один из видов мемуарной литературы.

Эти противоречия отразились в учебнике «Источниковедение истории СССР» под редакцией И.Д. Ковальченко. В главах, посвященных мемуарной литературе разных эпох и написанных отдельными исследователями, представлены три различных взгляда на проблему классификации мемуаров. М.Т. Белявский разделил памятники мемуарной литературы на «воспоминания или собственно мемуары, автобиографии и дневники» [6, с. 274][4]. Автор отметил разнообразие форм мемуаров, которые могут как сближаться с официальными документами (протоколами, отчетами), так и являться полноценными литературными произведениями [6, с. 275]. С.С. Дмитриев, напротив, рассматривал воспоминания, дневники и частную переписку как три особых разновидности источников личного происхождения, различающихся по форме, содержанию и методам анализа. Он указал, что каждый из источников можно классифицировать по «тематико-хронологическому» принципу и «социально-профессиональному» происхождению их авторов [15, с. 402]. В.С. Голубцов в главе о памятниках Советского периода выделил мемуарные и эпистолярные источники, где первые подразделяются на дневники и воспоминания [11, с. 530]. По мнению автора, воспоминания включают в себя несколько жанров, наиболее популярными из которых являются автобиографические и биографические [11, с. 534–535].

4 В главе термины «мемуары» и «мемуарная литература» используются как синонимичные для обобщения всей группы источников. Понятие «мемуары» также применено в узком смысле слова в значении «воспоминания».

1970-е гг. отмечены подготовкой нескольких каталогов мемуаров и дневников, как опубликованных, так и рукописных. Многотомное издание «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского объединило произведения с XV в. до 1917 г. [30]. Во введении к каталогу П.А. Зайончковский «условно» объединил воспоминания и дневники в группу «мемуаров» — неофициальных нарративных источников, дающих историкам уникальные представления о «закулисной стороне изучаемого явления», о нравах, быте, обычаях [19, с. 3][5]. Ученый также предложил разделить мемуарную литературу на группы, исходя из содержания: мемуары, посвященные описанию длительных периодов («эпох») в истории государства и общества; мемуары об отдельных исторических эпизодах; мемуары об известных личностях — биографии, автобиографии, некрологи; воспоминания о путешествиях и путевые дневники. Систематизация «по содержанию» позволила коллективу авторов включить в каталог воспоминания, записанные со слов рассказчика («литературную запись»), воспоминания в форме писем, анекдоты XVIII в. и даже жития святых в том случае, если их авторами являлись современники, а достоверность сведений доказана исследователями.

В вышедшем в то же время указателе мемуаров и дневников из фондов Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (совр. Российская национальная библиотека) было отмечено, что, «несмотря на существенные различия между воспоминаниями и дневниками с точки зрения времени их написания, <…> [эти] материалы родственны друг другу, как источники единой видовой группы» [31, с. 3]. В каталог были также включены «журналы военных действий», чьи авторы по датам фиксировали боевые действия на суше и море, хотя, по мнению составителей указателя, «они и не являются мемуарно-дневниковыми произведениями в собственном смысле слова» [31, с. 6].

С конца 1970-х гг. начался следующий этап в изучении проблемы систематизации мемуарной литературы.

В 1977 г. из печати вышла статья С.В. Житомирской, редактора каталога воспоминаний и дневников из собрания Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (совр. Российская государственная

5 П.А. Зайончковский отказывается от участия в дискуссии о терминах и использует понятия «группа», «вид», «тип» источников как синонимы.

библиотека) [17][6]. Исследовательница отметила, что при изучении мемуарных произведений большинство специалистов уделяют внимание принципам их критики и преимущественно рассматривают вопросы о достоверности содержащихся в них сведений. Напротив, проблемы выделения круга источников, входящих в понятие «мемуары», их разделение по жанрам, по мнению автора, являлись на тот момент недостаточно разработанными. Проанализировав уже существовавшие систематизации, С.В. Житомирская пришла к выводу о том, что ни одна из предложенных схем не отразила «реальной» картины: они либо упрощали многообразие источников, либо были созданы на основании недостаточно разработанных критериев, нехарактерных для каждого из выделяемых жанров. По мнению автора, сложившаяся в историографии ситуация была связана с тем, что специалисты, использовавшие в работах только опубликованные мемуары, сталкивались со «значительно меньшим их разнообразием», чем историки-архивисты, разбирающие личные архивные фонды [17, с. 44]. Возглавив работу по составлению каталога, С.В. Житомирская столкнулась с практическим вопросом — какие источники мемуарного характера следует описывать в издании (т. е. рассматривать как мемуарные), а какие нет. Исследовательница отметила сложность исследуемых материалов — их близость к художественной литературе или официальным документам, наличие черт сразу нескольких литературных жанров. Тем не менее для создания каталога коллектив авторов выработал свой принцип систематизации источников. С.В. Житомирская поддержала предложение Л.И. Деревниной об использовании терминов «мемуарный источник» и «мемуары» только для обобщения всей группы данных материалов и призвала других исследователей не употреблять понятие «мемуары» как синоним термина «воспоминания». Она выделила в качестве жанров мемуарных источников воспоминания и дневники, так как, по ее мнению, «способ фиксации рассказа не меняет его жанровой принадлежности» [17, с. 46]. К первой группе С.В. Житомирская отнесла следующие разновидности воспоминаний — «рассказов отдельных лиц о прошлом: о своей жизни, отдельных случаях, события, людях, известных авторам по личным впечатлениям или по рассказам других» [17, с. 46]. Наибольшую сложность составители каталога испытали при отделении

6 Основные положения статьи в сокращенном виде отражены в «Предисловии» к каталогу [18].

мемуарной литературы от других повествований — литературных произведений, имеющих автобиографические составляющие; корреспонденции; научных трудов и памятников научно-популярной литературы; делопроизводственных материалов. В первом случае С.В. Житомирская предложила разделять литературную судьбу памятника, под которой понималось влияние произведения на общество и место в русской литературе, от его исторического значения. Критерием невключения литературных произведений, содержащих автобиографическую информацию, в состав мемуарных памятников являлось наличие выдуманных персонажей или выдуманных событий, а также ситуации, при которых для определения «автобиографических реалий» ученым пришлось бы проводить длительное литературоведческое изучение памятника. При этом в издание были помещены воспоминания, в которых личность автора была заменена рассказчиком или же выдуманным лирическим героем, но сами события оставались автобиографичными. Вторым направлением исследования стал поиск воспоминаний в письмах, научных трудах и научно-популярных произведениях. В этом случае критерием выделения памятников составители выбрали его целевое назначение — потребность автора оставить воспоминания была сильнее других исследовательских или профессиональных задач. При работе с делопроизводственными документами, к примеру, служебными автобиографиями, авторы использовали только информативные памятники, выходящие за рамки типичного для этих источников сухого формуляра. Таким образом, среди многообразия источников из группы «воспоминаний» С.В. Житомирская предложила остановиться на выделении следующих жанровых форм: 1) «воспоминаний» — произведений, посвященных конкретному периоду в жизни автора, людям или событиям; 2) «автобиографических записок» — памятников, создававшихся автором с замыслом описать весь жизненный путь, «подвести итоги»; 3) «автобиографий» — кратких сведений автора о своей жизни — и «автобиографических очерков» — больших по объему автобиографических произведений; 4) биографий и некрологов — в том случае, когда они основаны на личном опыте знакомства автора с героями произведений, а не на компиляции различных источников; 5) стенографических и протокольных записей — в случае, когда текст памятника подготовлен не самим автором и предоставлен протоколистам, а записан третьим лицом со слуха; 6) «литературных записей» — С.В. Житомирская

призывает относиться к этому жанру как двухслойному памятнику, при составлении каталога коллектив ученых обязательно указывал имя рассказчика и имя человека, фиксирующего материал. Анализируя мемуарные источники дневниковой группы, составитель отметила их многообразие, но предложила разделить их на два вида — дневники и путевые заметки. В заключении обзора она уделила внимание еще одному источнику личного происхождения — письмам, которые часто содержат воспоминания адресанта о каком-либо человеке и событии. Тем не менее С.В. Житомирская пришла к выводу, что комплексно выявить и проанализировать воспоминания среди колоссальных объемов личной переписки людей XVIII–XX вв. не представляется возможным.

Таким образом, С.В. Житомирская впервые систематизировала мемуарные источники на основании собственного опыта по поиску и описанию неопубликованных материалов. Она подчеркнула, что представленная систематизация — результат частных представлений исследователя, полученных путем практической работы с документами. По ее мнению, только введение в научный оборот большей части архивного материала позволит сделать качественный скачок в решении вопроса о классификации мемуарной литературы.

Оригинальный взгляд на систематизацию мемуаров в тот период высказала С.С. Минц. Она не посвятила этому вопросу специального исследования, однако, отвергнув все существующие «универсальные» классификации», высказала идею о разных видах мемуаров, согласно ее концепции эволюции мемуарного жанра. По мнению исследовательницы, для времени становления русских мемуаров (XVIII – начало XIX вв.) памятники отражали «канонические» традиции житийной литературы: художественность, полемичность, а «дневники столь же мало походили на привычные нам дневниковые записи, как романы в письмах на частную переписку» [50, с. 65]. С середины XIX в., когда личность начала осознавать «собственную включенность в некие социальные общности», в русской культуре начал складываться современный жанр дневника — сухого, лаконичного и делового источника. С 1780-х гг. к этому жанру обратились новые слои русского общества, а сами памятники стали элементом публицистики, выражавшей борьбу населения за политические свободы. Данная ситуация привела к изменению мемуарных источников — вместо литературных «жизнеописа-

ний» распространение получили «мелкие формы — тематические, фрагментарные описания, извлечения, подборки и пр.» [50, с. 67]. С 1917 г. и особенно после Великой Отечественной войны советские люди осознали общественное значение собственных воспоминаний, их важную воспитательную и классовую функцию, что привело к увеличению числа произведений и необходимости их сбора и обработки. В тот период развитие получили новые мемуарные формы — литературные и стенографические записи, воспоминания-анкеты. Согласно выводам С.С. Минц, на каждом этапе существования мемуарных источников их формы качественно менялись, поэтому критерием систематизации мемуаров может быть только степень осознания автором «межличностных связей» и отражения в них «объективных процессов развития общества» [50, с. 70].

С 1970-х гг. начали выходить многочисленные труды одного из крупнейших специалистов по истории русской мемуаристики А.Г. Тартаковского. В ранних работах, посвященных истории мемуаров о событиях Отечественной войны 1812 г., ученый определил основные признаки мемуарных источников: личностно-субъективное начало (повествование «через призму индивидуального восприятия автора» [62, с. 27]), ретроспективность (описание событий через большой промежуток времени, позволяющий автору обдумать произошедшее и иногда поменять свой взгляд на него), память (избирательность памяти каждого конкретного человека о событиях). По мнению автора, несмотря на сложность жанровой природы мемуаров, использование выявленных им критериев позволяет отделить мемуарные памятники от других источников личного происхождения, таких как письма и дневники. А.Г. Тартаковский критически отнесся к выводам ряда ученых о «стирании различий» между дневниками и мемуарами и о взгляде на дневники как первичную форму мемуарной литературы за исключением тех случаев, когда «в учебных, библиографических и архивных пособиях» термины «мемуарная литература» и «мемуарные источники» используются «в качестве собирательного понятия для обозначения воспоминаний и дневников» [62, с. 35]. По мнению А.Г. Тартаковского, несмотря на важность дневников как материала для изучения исторического самосознания личности, они не удовлетворяют ни одному из выявленных автором критериев: дневниковые записи часто не имеют четкой структуры и внутреннего единства (не осмысливаются автором как цельное произведение), создают-

ся через небольшой промежуток времени после случившегося события под эмоциональным впечатлением от него (средством воссоздания является «непосредственное воспроизведение» события, а не память), имеют другие функции. Смежные формы данных исторических источников А.Г. Тартаковский считал исключением, отметив, что в большинстве случаев можно точно установить, когда дневник превращается в «мемуарную запись» или же становится целым «мемуарным трудом», а когда преображается в «ретроспективно обработанный дневник» — «особый тип исторического повествования» [62, с. 39]. Описывая источниковую базу исследования, автор выделил несколько форм мемуарной литературы. Помимо воспоминаний, он отметил и проанализировал «мемуарную запись» — воспроизведение рассказа человека третьим лицом[7]. По мнению исследователя, «мемуарная запись» должна быть отнесена к мемуарным источникам и часто содержит такую же полную информацию без существенного влияния лица, ее зафиксировавшего. Тем не менее для данного источника характерна его «двойственность» — под запись память рассказчика концентрируется на одних моментах вместо других, а технические возможности XVIII–XIX вв. часто не позволяли точно передать авторский текст. Вслед за Е.Г. Бушканцом и С.В. Житомирской А.Г. Тартаковский отметил наличие мемуарных фрагментов в составе немемуарных источников[8]. В работе он привлек памятники частной переписки, содержащие воспоминания участников Отечественной войны 1812 г., как написанные под впечатлением только что произошедших событий, так и созданные по истечении длительного времени. По мнению А.Г. Тартаковского, в исключительных случаях к мемуарным источникам можно причислить документы официального делопроизводства, возникшие по «личной инициативе автора и по каким-то особым поводам» (донесение о произошедших событиях, написание автобиографии с целью добиться новой должности, оправдательная записка), в которых присутствует свободное волеизъявление автора и подробное описание ситуаций, свидетелем которых он был. Еще одним источником, относящимся к мемуарной литературе, автор считал историко-критические труды ученых и публици-

7 В тексте А.Г. Тартаковский чаще использовал термин «мемуарная запись», чем «литературная запись». По мнению автора, для последней характерна большая художественная переработка текста профессиональным писателем.

8 А.Г. Тартаковский отметил, что мемуарные памятники, созданные в форме «письма», «дневника» и т. д., но ими не являющиеся, необходимо относить к группе воспоминаний.

стов, посвященные какому-либо человеку или эпизодам из жизни. По его мнению, такие памятники могут быть признаны мемуарными только в том случае, если основным источником информации о событии являются собственные воспоминания автора, а сам «критический разбор состоит не из разрозненных припоминаний, а из тематически или сюжетно законченных в пределах данного дискретного отрывка описаний личностно-памятного свойства» [62, с. 77]. В завершении источниковедческого обзора А.Г. Тартаковский указал на наличие некоторых источников, не попадающих под описанные выше формы, — различного вида писем, записок, документов, очерков, брошюр, составленных под впечатлением от пережитых событий и несущих различные функции (эпистолярную, публицистическую, пропагандистскую и т. д.), но уже содержащих ретроспективный взгляд создателей на произошедшие события. Для данной группы источников А.Г. Тартаковский вслед за А.А. Курносовым использовал термин «протомемуары» [62, с. 87].

В дальнейших работах взгляды А.Г. Тартаковского на проблему разделения мемуарных источников изменились. В монографии «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге» ученый применил термин «мемуаристика», объединивший два родственных источника: дневники и воспоминания («мемуары» в узком смысле слова), где первые представляли собой «простейшую форму запечатления личностью опыта своего участия в исторической жизни», а вторые являются «более сложной и развитой формой мемуарной культуры» [63, с. 8][9]. Таким образом, автор отказался от собственных выводов о невключении в понятие мемуарной литературы дневников, высказанных им ранее. По-видимому, данное решение было связано с определением нового критерия мемуарных источников — эволюции выражения «исторического самосознания личности». Для изучения изменения мемуаров XVIII – первой половины XIX вв. автор сгруппировал их в таблицы по времени появления и социальному происхождению их создателей. А.Г. Тартаковский также разделил все исследованные памятники, согласно их «целевой установке» (для какого круга людей они создавались и какой объем информации они содержали)

9 А.Г. Тартаковский полагал, что такие источники, как путешествия и путевые заметки, похожи на дневники по форме, однако цель их создания иная, поэтому автор не считает их частью мемуарной литературы.

и привязал данную систематизацию к выводам об участии представителей того или иного сословия в создании памятников [63, с. 25]. Ученому удалось установить следующие типы мемуарных источников рассматриваемого периода[10]: 1) повествования, «внешнесобытийные» по отношению к личности автора — разнообразные описания мемуаристами конкретных исторических событий, эпизодов из жизни, биографий известных людей, отрывочные записи об увиденном — в эту группу мемуарных источников, по мнению А.Г. Тартаковского, попадает также большая часть дневников; 2) «мемуарные автобиографии» — произведения, охватывающие большую часть жизненного пути мемуаристов и созданные ими с целью запечатлеть «опыт своего участия в историческом бытии, реализовать достигнутый <…> уровень исторического самосознания» [63, с. 37][11]; 3) мемуарные жизнеописания «летописного» типа — воспоминания, выполненные в «летописной», «погодной» форме, содержащие дискретно-аналитические записи (часто дневникового характера) о внешних обстоятельствах жизни автора (происхождении, службе, семейных и исторических событиях); 4) воспоминания в виде «рассказа автора о самом себе и своих близких» [63, с. 61] — произведения, появившиеся в русской культуре в 60–70-е гг. XVIII в. и представляющие собой свободное повествование автора о его жизни, происходящих с ним событиях и окружающих его лицах, независимое от строгих хронологических рамок и канонов жанра — свободное авторское повествование. На рубеже XVIII – первой половины XIX в. указанные А.Г. Тартаковским виды мемуарной литературы претерпели изменения в форме и содержании, так как их авторы стали делать акцент на прижизненную публикацию, однако качественное деление сохранялось. Данная позиция А.Г. Тартаковского относительно вопроса о систематизации мемуарных источников наблюдается и в последней монографии автора [64].

Вслед за С.В. Житомирской, А.Г. Тартаковским и С.С. Минц в работах исследователей 1980–1990-х гг. наблюдается отказ от создания жесткой системы деления мемуарных источников на жанры. В литературоведческом

10 В работе А.Г. Тартаковский не предложил жесткой системы деления, а, скорее, выделил наиболее распространенные виды.

11 Проанализировав сохранившиеся «мемуарные автобиографии», А.Г. Тартаковский выделил среди них «автобиографические заметки» — служебные документы автобиографического характера. В отличие от предыдущего исследования мемуаров, посвященных 1812 г., ученый решил не включить их в состав мемуарных источников.

очерке Г.Г. Елизаветиной, посвященном особенностям западноевропейского и русского классицизма, рассмотрено развитие мемуарного жанра в русской культуре XVII–XVIII вв. Автор отметила, что «сохранившиеся [памятники] являют собой пеструю картину: дневники, мемуары, путешествия, автобиографии», их различия теоретически не обоснованы, многие материалы не дошли до настоящего времени, поэтому выделить четкие критерии мемуарного жанра в рассматриваемый период и систематизировать данные произведения чрезвычайно сложно [16, с. 235–236]. Г.Г. Елизаветина намеренно отказалась от разделения мемуарной литературы на виды и использовала нейтральный термин «записки», так как в XVIII в. «им обозначались и мемуары, и автобиографии, и даже дневники» [16, с. 236]. Единственный, по мнению исследовательницы, критерий, который позволяет отнести произведение к памятникам мемуарной литературы, — это стремление его создателя «рассказывать о себе, о том, что он сам видел и пережил» [16, с. 237].

Многообразие жанровых форм мемуарной литературы XVII–XX вв. отметил Л.Я. Гаранин [9][12]. По его мнению, в процессе эволюции мемуарных источников составить их классификацию не представляется возможным. В доказательство этого вывода ученый привел концепцию Ю.Н. Тынянова о «смещении» жанра, его динамичности в течение времени. По мнению Л.Я. Гаранина, в разные периоды развития русской культуры те или иные произведения («записки», «письма другу», «разговоры “милых дам”» и т. д.) должны рассматриваться как мемуарные памятники в зависимости от их литературности и степени исторического самосознания автора. Так, для XVII в. «полумемуарные, полулетописные произведения <...> выходят на историческую арену» и становятся на непродолжительное время отдельными жанрами мемуарной литературы, а «письмо», в XVIII в. являвшееся только формой бытовой коммуникации, на рубеже XVIII–XIX вв. превращается в литературный жанр [9, с. 57–58]. На основании данных выводов Л.Я. Гаранин видел перспективы исследования многочисленных произведений мемуарного жанра не в изучении их форм, а в анализе функций (исторических, общественных, литературных) на каждом из этапов развития.

Проблемам изучения мемуарных произведений XVIII в. как источников по истории русского крестьянства посвящены несколько глав канди-

12 В монографии Л.Я. Гаранин часто употребляет термины «жанр» и «литературная форма» как синонимичные.

датской диссертации А.Б. Изюмского [28]. Ученый согласился с позицией «большинства специалистов» о необходимости разделить мемуары и дневники, так как методы их анализа различаются, а критерием мемуарного жанра является в первую очередь ретроспективное отражение событий, отсутствующее в дневниках. Всю совокупность проанализированных в диссертации памятников автор охарактеризовал как «мемуарно-дневниковые источники» [28, с. 5]. Тем не менее, согласно наблюдениям ученого, «на протяжении XVIII столетия четкая грань между воспоминаниями и дневниками нередко отсутствует», а образцами для мемуаров зачастую служили официальные документы, помесячные или подневные записи, обработанные дневники и т. д. [28, с. 6]. По этой причине А.Б. Изюмский вслед за Г.Г. Елизаветиной предложил обозначить подобные документы личного происхождения термином «записки» [28, с. 7–8]. Их состав автор расширил за счет путевых заметок частных лиц и воспоминаний участников научных экспедиций [28, с. 16].

Говоря об исторических и литературоведческих исследованиях 1980–1990-х гг., следует указать, что наибольшее распространение в них получили взгляды А.Г. Тартаковского. На основании идеи последнего о необходимости определения «целевой установки» авторов мемуаров для их систематизации, М.А. Крючкова предложила свою классификацию мемуарных памятников XVIII в. [36][13]. Она рассмотрела традицию создания мемуарных произведений XVIII в. как результат стремления их авторов «вывести из текучего состояния, опредметить», зафиксировать проходящее время, оставить о нем память, выраженную в письменной форме [36, с. 18][14]. По мнению М.А. Крючковой, мемуары XVIII в. — это «форма памяти», следовательно, исследователи в первую очередь должны определить цель составления мемуаров их авторами. В статье среди памятников мемуарного характера рассматриваемой эпохи М.А. Крючкова выделила следующие группы: 1) мемуары-«истории» — произведения, в которых создатели стремились запечатлеть всю историческую действительность и претендовали на «истинность» и «историческую достоверность» рассказа, тем самым

13 По-видимому, М.А. Крючкова не включала дневники в состав памятников мемуарной литературы.

14 М.А. Крючкова отметила, что это стремление людей XVIII в. проявлялось и в других формах искусства: архитектуре, скульптуре и т. д.

оправдывая свое желание описать прошлое «исторической значимостью» труда; 2) «назидательно-морализующие» произведения — в данных памятниках авторы хотели на своем примере научить детей и потомков, дать им образец для подражания; частный случай — разнообразные «поучительные примеры» и «уроки»; 3) «воспоминания»[15] — создавались вследствие желания автора «припомнить» что-либо, составлялись исключительно для автора или ограниченного круга людей; 4) «деяния» — повествования об общественной жизни личности, «публичная история» преимущественно важных государственных лиц; 5) исповеди — главной целью являлось стремление автора проанализировать собственный внутренний мир; 6) «похождения», «приключения», «путевые заметки» — памятники, создававшиеся для определенной читательской аудитории с целью, с одной стороны, рассказать историю, а с другой — заинтересовать читателя авантюрными приключениями; 7) «письма» — по цели создания данные произведения напоминают мемуары-«истории», однако форма письма позволяла авторам уйти от «пафоса» крупных мемуарных произведений и назидательной функции. Важными особенностями всех перечисленных разновидностей мемуарной литературы М.А. Крючкова считала энциклопедизм и «стремление к уединению» [36, с. 26–27]. Составители мемуаров и дневников[16] XVIII в. включали в труды все известные им события, так как, по мнению авторов записок, «имея перед глазами “все факты”, они смогут постичь “сцепление причин”, а следовательно, объяснить повороты своей судьбы» и определить причинно-следственные связи в истории [36, с. 26]. По мнению исследовательницы, в XVIII в. многие мемуаристы испытывали тягу к «уединенному времяпровождению», — с одной стороны, модной форме досуга, с другой — философской потребности. Для многих образованных людей рассматриваемого периода это желание было реализовано в создании мемуаров. Проанализировав мемуарные источники XVIII в., М.А. Крючкова пришла к выводу, что «мемуаристы <...> отнюдь не стремились ввести свои произведения в жесткие априорно данные формальные рамки» [36, с. 28]. Напротив, ввиду окончательно не сформировавшегося мемуарного жанра

15 М.А. Крючкова, анализируя памятники XVIII в., пришла к выводу, что современники различали понятия «мемуары» и «воспоминания», считая последние более «камерным» и менее требовательным к автору жанром.

16 В данном месте исследовательница использует термин «дневник».

в тот период и отсутствия у авторов образцов, последние вынуждены были самостоятельно «изобретать» форму и структуру своего произведения. Тем не менее М.А. Крючковой удалось сгруппировать многообразные мемуарные памятники XVIII в. по «полюсам» — жанрам, в которых «выражение получили мотивы, цели, ситуации создания мемуаров, поведенческие установки и эстетические ориентации их авторов» [36, с. 28].

В то же время к вопросу о жанровом разнообразии мемуарных источников XVII–XVIII вв. обратилась А.Е. Чекунова, посвятив его рассмотрению специальную монографию [68]. Во введении исследовательница обратила внимание на историографическую дискуссию по проблеме о включении тех или иных источников личного происхождения в состав мемуарных. Она подчеркнула близость мемуаров и дневников, а также их связь с художественной литературой и историческими исследованиями. Тем не менее, по мнению А.Е. Чекуновой, к «мемуарам» — «повествованию о прошлом, основанному на личном опыте и собственной памяти автора», — необходимо отнести только биографии, автобиографии, а также «повествования о прошлом», имеющие разнообразные самоназвания. Исследовательница также пришла к выводу о неразработанности систем классификации мемуарных памятников и на многочисленных примерах показала влияние на произведения XVIII в. других исторических источников — летописей, статейных списков и прочих официальных документов. А.Е. Чекунова разделила мемуарные памятники XVIII в. по форме: 1) летописно-дневниковые (краткие или пространные статьи по годам / месяцам / дням); 2) воспоминания в форме делопроизводственных доношений и отписок; 3) биографии и автобиографии, существовавшие в XVIII в. под разнообразными самоназваниями; 4) записи устных воспоминаний («анекдоты», «сказания», «достопамятные речи» и т. д.); 5) мемуары, выполненные в эпистолярной форме. Вслед за предшественниками А.Е. Чекунова показала отсутствие у мемуаристов XVIII в. сложившихся традиций и образцов мемуарной литературы. Исследовательница отметила, что нередко тот или иной памятник невозможно отнести к одной литературной форме, так как автор в процессе создания произведения мог свободно переходить, к примеру, от воспоминаний к дневниковым записям.

Таким образом, с конца 1970-х гг. исследователями на основании традиционных источниковедческих и литературоведческих методов были

созданы работы, посвященные анализу мемуарных источников в целом и проблеме их систематизации в частности. В отличие от предшественников, объектом исследования многих специалистов стали опубликованные и неопубликованные материалы XVIII – начала XIX в. Разнообразие рассматриваемых источников привело к постепенному отказу ученых от их классификации «по форме» — большинство историков и литературоведов отмечало многообразие форм мемуарных произведений и сложность их разделения. Общим направлением исследований стал поиск новых критериев систематизации — такие ученые, как А.Г. Тартаковский, С.В. Житомирская, С.С. Минц, А.Е. Чекунова и другие, предложили свои оригинальные концепции разделения мемуарных памятников по содержанию, цели создания, личности автора и отражению ее самосознания в произведениях. При этом многие вопросы, касающиеся границ жанра мемуарной литературы и других источников (делопроизводственных, публицистических, эпистолярных и т. д.), а также определения дневников как вида мемуарных произведений, остались дискуссионными. С середины 1990-х гг. в классических исследованиях, посвященных мемуарным источникам, в вопросе систематизации специалисты предпочитают апеллировать к концепциям А.Г. Тартаковского и других ученых или вовсе отказываются от попыток как-либо систематизировать рассматриваемые памятники[17].

Последние два десятилетия обозначены широким распространением «новой парадигмы» в гуманитарных направлениях и, как следствие, появлением междисциплинарных исследований. Новые подходы в истории и литературоведении оказали большое влияние на проблемы изучения мемуарной литературы. Несмотря на то что специалисты в рамках данного направления не создали работ, которые бы обобщили их наблюдения над мемуарным жанром в целом, во многих исследованиях разной степени тщательности и направленности появились теоретические выводы по вопросу о разновидностях автобиографических текстов. На наш взгляд, среди современных работ «новой парадигмы» в изучении памятников мемуарного характера наметились два вектора. С одной стороны, это обобщение разнообразных произведений и отказ от их формального деления по жанровому признаку. Исследователи

17 Такой подход обнаруживается, к примеру, в докторской диссертации А.В. Антюхова [3], статьях Г.Н. Вульфсона [7], Л.В. Кипнес и Е.О. Сервие [33].

анализируют все тексты с личностным началом — от летописей и агиографических памятников до материалов судебно-следственного процесса. В рамках данного направления проблема систематизации памятников не поднимается, а ученые делают акцент на личности автора и ее выражении в тексте.

Образцом такого подхода являются работы В.Г. Безрогова в проблемном поле исторической памяти [5]. Предмет своего исследования — автобиографию — автор определяет как «историко-биографический текст, соединяющий объяснение и оправдание» [5, с. 5]. Этот термин позволил ему включить в понятие «автобиографическое письмо» различные виды памятников: автобиографии, письма, дневники, устные рассказы о жизни [5, с. 10]. Тем не менее автор подчеркнул разницу между биографом и автобиографом. По его мнению, долгий путь формирования автобиографического жанра (начиная с поздней Античности) не позволяет дать его точного определения. Не представив четкой систематизации для ранних русских автобиографических произведений, В.Г. Безрогов предложил в качестве особых автобиографических жанров выделить духовные автобиографии и семейные хроники — домашние летописи, в которые заносились погодные записи, службы, сведения о браках и смертях [5, с. 17].

Данный подход также представлен в цикле работ Ю.П. Зарецкого, одна из которых посвящена классификации автобиографической литературы XVIII в. [23]. По замечанию автора, рассказы о жизни обыкновенного человека малоизвестны, многие до сих пор остаются неопубликованными. Анализируя автобиографические памятники XVIII в., исследователь столкнулся с их разнообразием по форме, размеру, стилю и содержанию [23, с. 106]. Ю.П. Зарецкий отверг литературоведческую классификацию по жанру (автобиография, дневник, мемуары, письма, путевые заметки) и по социальной принадлежности автора. По его мнению, классический подход «не принимает в расчет огромный массив сочинений, не обладающих значимой литературно-эстетической ценностью» [23, с. 106]. Опираясь на новейшие западноевропейские концепции, в частности, идею Г. Янке об автобиографических текстах как «специфических коммуникативных актах», Ю.П. Зарецкий рассмотрел мемуары как социальные практики. На основании данного подхода к понятию «автобиографические тексты» ученый отнес следующие источники: дневники, мемуары, автобиографиче-

ские «сказки», наставления глав семейств, письменные свидетельства очевидцев о важных событиях, описания своего жизненного пути духовными лицами, завещания-уставы основателей монастырей, «записные книжки» помещиков, в которых хозяйственные статьи пересекаются с семейными хрониками [23, с. 109–110].

Проблема систематизации мемуарных источников в контексте новых исторических методов рассмотрена в специальном разделе учебного пособия по источниковедению РГГУ, подготовленном М.Ф. Румянцевой [59]. Исследовательница предложила объединить в понятие источников личного происхождения дневники, частную переписку, мемуары-автобиографии, а также эссеистику и исповеди. Классификация, предлагаемая М.Ф. Румянцевой, основана на «направленности коммуникационных связей»: ей выделены автокоммуникативные тексты (дневники) и произведения межличностной коммуникации, содержащие фиксированного адресата (письма) и неопределенного (мемуары) [59, с. 466–468]. Автор также подчеркнула типологические различия между мемуарами-автобиографиями и мемуарами о событиях.

Элементы данного подхода обнаруживаются в новейшем учебном пособии СПбГУ по источниковедению. Е.Д. Твердюкова выделила среди источников личного происхождения мемуары (воспоминания), автобиографии, дневники и частную переписку [65]. Критерием для разграничения, по ее мнению, является целевое назначение памятников и способы их воспроизведения. Так, применительно к мемуарным произведениям автор вводит их деление на спонтанные и провоцируемые [65, с. 289–301].

Вторым направлением в изучении мемуарной литературы в рамках «новой парадигмы» стала концентрация на ее отдельных разновидностях как по общности авторов (социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д.), так и по жанровой принадлежности. В работах данного направления проанализированы особенности выбранной группы источников, однако обобщений в масштабах мемуаристики в целом не производится. Систематизация, предлагаемая исследователями для изучаемых ими разновидностей, существенно отличается от предложенной сторонниками традиционного подхода.

В контексте данного направления наибольшее внимание специалисты уделяют дневникам. В новейших работах, основанных на междисци-

плинарных методах, ученые рассматривают дневники как эго-тексты, анализируют степень отражения в них личности автора, изучают дневники как повседневные практики, коммуникативные акты, форму авторской саморефлексии и т. д. Среди последних исследований следует отметить статью А.Н. Алексеева, рассмотревшего функции дневников и их смысловое назначение [2]. Не отделяя памятники предшествующих эпох от современных, исследователь отметил несколько «форм и воплощений дневниковой практики»: «дневник души» (дневник в классическом понимании, служащий для общения автора с самим собой), «дневник духа» («творческая лаборатория» автора) и «дневник факта» (направленный на описание внешних событий) [2, с. 52]. Автор сделал важные замечания о предназначении разных форм дневников, а также о их месте в автобиографическом повествовании в целом.

Разновидностям дневников, особенностям их изучения и анализу отдельных памятников в контексте эпохи посвящено монографическое исследование М.Ю. Михеева [52]. Автор подробно рассмотрел структуру дневников, определив многие из них как «пред-тексты» — незаконченные произведения, к которым авторы собирались вернуться, и «эго-тексты» — законченные произведения, в центре которых находится жизненный путь составителя, а текст излагается с субъективной авторской позиции. В последнем случае дневники сближаются с мемуарной литературой. М.Ю. Михеев также проанализировал основные особенности современных дневников и пришел к выводу, что разнообразные сочинения XVIII–XIX вв. не обладают указанными признаками. Для источников этого периода он предложил новое понятие — «дневниковый текст».

Статья Л.Н. Летягина посвящена дневнику как литературному жанру и его «фоновым явлениям» [41]. Рассмотрев дневник как маргинальный жанр, исследователь уделил особое внимание его формам и функциям. Предназначение этого источника автор видит в запечатлении личной памяти составителя. Таким образом, дневник фиксирует «длящееся настоящее» и становится письмом самому себе.

Теоретические аспекты изучения жанра дневника представлены в статье А.С. Рейнгольда [57]. Проанализировав литературу, касающуюся определения понятия «жанр», автор пришел к выводу, что «дневник <...> принадлежит, скорее всего, к пограничным, или синкретичным жанрам. Он

представляет собой эпическую жанровую форму с элементами лирического повествования» [57, с. 120]. По мнению исследователя, главная черта дневниковых форм — повествование от первого лица в виде поденных записей. А.С. Рейнгольд подробно проанализировал разновидности дневников: классические, путевые, военные, дневники-записи реальных бесед и т. д., а также отметил разницу между художественным произведением, написанным в форме дневника (литературный текст, создаваемый от лица вымышленного персонажа), и дневниковыми записями реально существовавших людей [57, с. 121].

Новым тематическим направлением в контексте автобиографических исследований стало изучение литературы путешествий. В последние десятилетия для ее обозначения в научной литературе стал использоваться термин травелог. В работах Е.Г. Милюгиной и М.В. Строгановой «травелоги» рассмотрены как документальный жанр [44–49]. Данные исследования посвящены личности авторов, соотношению документальности и вымысла в текстах памятников, а также месту данных источников в системе документов личного происхождения. В ранних работах исследователи предложили типологию травелогов в зависимости от целевой установки путешественника. В последних трудах авторы отказались от данной концепции и пришли к выводу о внутренней систематизации исходя из «степени документализма травелога как документального жанра» [48, с. 233]. А.А. Майга изучила травелог как автобиографическое сочинение в другом аспекте [42]. Исследователь отметила трудность в определении жанрового статуса, так как травелог может включать в себя различные формы — дневник, письмо, мемуары, очерк, таким образом являясь «полиморфным жанром». В отличие от Е.Г. Милюгиной и М.В. Строгановой, А.А. Майга отнесла травелог к документально-беллетристическим жанрам, поскольку «сочинение колеблется между описанием и повествованием» [42, с. 268].

Завершая обзор, необходимо обозначить еще один «неклассический» подход к систематизации мемуарной литературы, наблюдаемый в культурологических исследованиях. При его использовании ученые пытаются совместить основные достижения исторических и литературоведческих исследований и взглянуть на мемуаристику как на продукт культуры. В частности, примером могут служить работы И.Л. Сиротиной, предложившей свою схему систематизации мемуарных произведений [60; 61]. Автор вы-

делила следующие разновидности мемуарной литературы: 1) мемуары-летописи, созданные непосредственно вслед за событиями: дневники, письма, записки, путевые заметки и др.; 2) мемуары-воспоминания, созданные по прошествии некоторого времени: автобиографии, воспоминания, литературные портреты, исповеди и др.; 3) художественные мемуары, созданные отчасти по памяти, отчасти с использованием записей — как правило, они представляют собой литературно подготовленные, отредактированные, художественно оформленные произведения [61, с. 232].

Таким образом, в новейших гуманитарных исследованиях, затрагивающих проблему систематизации мемуарных произведений, можно отметить две основных особенности. С одной стороны, наблюдается отказ от попыток выделить жанровые разновидности мемуаристики и разработать новые схемы классификации и новые критерии разделения. Часть ученых рассматривает данную проблему только в историографическом ключе, соглашаясь или не соглашаясь с предложенными ранее концепциями, и фокусируется на изучении отдельных памятников или частных тематических аспектах. Специалисты, использующие новые методы гуманитарных наук помимо классического литературоведения и исторического источниковедения, стремятся расширить категорию текстов личного происхождения и ввести новые обобщающие термины для описания данной группы. Между тем попытки выделить жанры или виды памятников внутри общей классификации не предпринимаются. Другой особенностью работ новой парадигмы стало изучение отдельных жанров мемуарной литературы с использованием современных исторических, литературоведческих и междисциплинарных методов. В рамках этого подхода ученые разрабатывают критерии разделения и анализа памятников внутри конкретных видов мемуарных источников — преимущественно, дневниковых форм.

Заключение

Анализ историографии показал, что на протяжении последних ста пятидесяти лет проблема систематизации мемуарных источников решалась по-разному. До конца 1950-х гг. в научной литературе данный вопрос практически не поднимался — в общих работах, посвященных мемуарным памятникам конца XVII–XVIII вв., в категории «мемуаров» фигурировали разнообразные нарративные памятники, для обозначения которых ученые

использовали самоназвания, а принципы их выделения не рассматривались. С конца 1950-х гг. в советской науке началась дискуссия о границах жанра мемуарной литературы — для обозначения данной группы памятников исследователи предлагали использовать различные обобщающие термины, разработали авторские классификации источников мемуарного жанра на основании их формы. Одной из наиболее дискуссионных стала проблема включения в понятие мемуарных источников памятников дневниковых форм — по данному вопросу в научной литературе были высказаны противоположенные суждения. Представленные в конце 50 – середине 70-х гг. XX в. схемы были основаны преимущественно на анализе опубликованных мемуаров Советского периода. Отсутствие в науке единой выработанной классификации мемуарных памятников отразилось, в частности, в учебном пособии по источниковедению истории СССР, в котором в разных главах ведущие ученые представили свое видение проблемы.

Новый этап в исследовании вопроса о систематизации произведений мемуарной литературы начался с конца 1970-х гг. Ученые рассмотрели существующие концепции и пришли к выводу, что «жесткие» схемы разделения мемуарных памятников были обусловлены невниманием предшественников к многообразию неопубликованных материалов различных периодов. С одной стороны, такие специалисты, как А.Г. Тартаковский, С.С. Минц и их последователи, старались разработать новые критерии границ мемуарного жанра и видов мемуарных памятников и составить схемы, объединившие бы все многообразие опубликованных и неопубликованных источников. Исследователи подчеркивали сложность разделения мемуаров на группы и часто из практических соображений включали в свои исследования памятники, находящиеся на границе жанра и имеющие автобиографическую или биографическую информацию. Другое направление исследования было выбрано учеными, специализирующимися на описании и изучении неопубликованных рукописных памятников и составлении каталогов. Последние стремились включить в работы наибольшее число нарративных источников, руководствуясь не столько теоретическими, сколько практическими представлениями о границах автобиографического жанра. Единственной обобщающей работой, посвященной критериям отбора, стала статья С.В. Житомирской. Рассмотрев методику описаний рукописных памятников, исследовательница пришла к выводу, что строгие схемы клас-

сификации источников не подходят для грандиозной массы рукописного мемуарного материала в библиотеках и архивохранилищах, а любая систематизация возможна только после введения в научный оборот большей части документов.

Анализ историографии последних десятилетий позволил отметить несколько особенностей. С одной стороны, в современной научной литературе наблюдается спад интереса к созданию обобщающих исследований, посвященных теоретическим проблемам изучения мемуарных памятников — в частности, к проблеме их систематизации. В работах, выполненных с использованием традиционной для исторических и литературоведческих исследований методологии, преимущественно применяются схемы, разработанные А.Г. Тартаковским и другими учеными во второй половине XX в. Нередко упоминание данной проблемы в работах становится лишь «историографической формальностью». Иная картина наблюдается при рассмотрении трудов, основанных на междисциплинарных методах и выполненных в категориях постмодернистской парадигмы. В них понятие «мемуарная литература» применяется редко, так как границы автобиографического жанра признаются размытыми, а в понятия «автобиографические тексты» и «эго-документы» может быть включен практически любой нарративный источник. По этой причине исследования «новой парадигмы» фокусируются на изучении конкретного текста или группы памятников (к примеру, дневников) и разрабатывают новые подходы к их анализу. Таким образом, несмотря на наличие разнообразных работ, посвященных мемуарным памятникам, необходимо признать, что в современной научной литературе дискуссия о проблеме систематизации мемуарно-дневниковых произведений прекратилась — ученые, использующие противоположные научные подходы и анализирующие отличающиеся памятники, существуют в разном проблемном поле и зачастую не вступают в совместную дискуссию и не использует наработки друг друга.

Проведенный анализ научных направлений в изучении ранней русской мемуаристики позволяет говорить о необходимости комплексного исследования истории формирования и становления жанров мемуарной литературы и автобиографических записей в рукописной культуре второй половины XVII–XVIII вв. Несмотря на то что тема исследована во многих аспектах, а количество вводимых в научный оборот и публикуемых памят-

ников растет год от года, на сегодняшний момент не существует ни одного труда, включающего исчерпывающий обзор и анализ дискуссионных проблем в изучении формирования и развития раннего этапа русской мемуарной литературы. Обращение к проблеме систематизации в историографии продемонстрировало необходимость дальнейшего изучения узловых проблем в исследовании мемуарной литературы. Без обобщения накопленного предшественниками опыта и сопоставления существующих ныне подходов невозможно дальнейшее изучение данной темы. Таким образом, перспективными направлениями для создания адекватных принципов систематизации, определения границ жанра и критериев отбора мемуарных памятников, существующих в рукописной традиции, на взгляд авторов статьи, становится: 1) изучение теоретических и практических выводов ученых по различным проблемам исследования мемуаров; 2) анализ как опубликованных памятников, так и специальных работ, посвященных им; 3) поиск, исследование, источниковедческий и литературоведческий анализ и публикация корпуса автобиографических и мемуарных текстов, находящихся на сегодняшний момент в различных фондах архивохранилищ и библиотек страны.

Список литературы

Исследования

1 *Агафонцева Е.М.* К вопросу о понятийно-терминологическом аппарате работ по мемуарам // Омский научный вестник. 2006. № 7 (43). С. 224–227.

2 *Алексеев А.* Письмо, дневник, автобиография: Многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп. 2007. № 4. С. 45–56.

3 *Антюхов А.В.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века: (Генезис, жанрово-видовое многообразие, поэтика): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 34 с.

4 *Безрогов В.Г.* Историческое осмысление персонального опыта в автобиографии // Формы исторического сознания от поздней Античности до Эпохи Возрождения (исследования и тексты): Сб. науч. трудов памяти К.Д. Авдеевой. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2000. С. 130–174.

5 *Безрогов В.Г.* Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение истории: Человек. Память. Текст: Цикл лекций. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 5–38.

6 *Белявский М.Т.* Глава 17. Мемуары, дневники и переписка // Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. С. 274–284.
7 *Вульфсон Г.Н.* Методика работы с текстами личного происхождения // Сотворение истории: Человек. Память. Текст: Цикл лекций. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 104–117.
8 *Галиуллина Д.М.* Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148, № 4. С. 36–45.
9 *Гаранин Л.Я.* Мемуарный жанр советской литературы: Историко-теоретический очерк. Минск: Наука и техника, 1986. 222 с.
10 *Геннади Г.* Записки (мемуары) русских людей: Библиографические указания // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском ун-те. 1861. Кн. 4. С. 51–76.
11 *Голубцов В.С.* Глава 32. Воспоминания, дневники, переписка // Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. С. 522–540.
12 *Голубцов В.С.* Мемуары как источник по истории Советского общества. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 114 с.
13 *Гюбиева Г.Э.* Этапы развития русской мемуарно-биографической литературы XVIII в.: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1969. 17 с.
14 *Деревнина Л.И.* О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (историография вопроса) // Вопросы архивоведения. 1963. № 4. С. 32–38.
15 *Дмитриев С.С.* Глава 24. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. С. 393–414.
16 *Елизаветина Г.Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М.: Наука, 1982. С. 235–263.
17 *Житомирская С.В.* Вопросы научного описания мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977. С. 41–59.
18 *Житомирская С.В.* Предисловие // Воспоминания и дневники XVIII–XX вв.: Указатель рукописей. М.: Книга, 1976. С. 3–12.
19 *Зайончковский П.А.* Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указатель книг и публикаций в журналах / под ред. П.А. Зайончковского. М.: Книга, 1976. Т. 1. С. 3–15.
20 *Зарецкий Ю.П.* Автобиографические Я от Августина до Аввакума: (Очерки истории самосознания европейского индивида). М.: ИВИ РАН, 2002. 323 с.
21 *Зарецкий Ю.П.* Автобиография // Российская историческая энциклопедия. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. Т. 1. С. 104–110.
22 *Зарецкий Ю.П.* Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // Автор и биография, письмо и чтение: Сб. докладов междисциплинарного исследовательского семинара Факультета философии

Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики. М.: ВШЭ, 2013. С. 24–41.
23 *Зарецкий Ю.П.* Рассказы о себе в России XVIII века как социальные практики (опыт построения классификации) // Человек. 2016. № 6. С. 103–115.
24 *Зарецкий Ю.П.* Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Человек второго плана в истории. Ростов н/Д: Логос, 2007. Вып. 4. С. 5–19.
25 *Зарецкий Ю.П.* Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования французских историков // Cogito. Альманах истории идей. Ростов н/Д: Логос, 2011. Вып. 5. С. 54–68.
26 *Зарецкий Ю.П.* Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 159–173.
27 *Иванова Н.Н.* Видовая и внутривидовая классификация источников личного происхождения: проблемы источниковедческого анализа // Вестник РУДН. Сер. История России. 2006. № 3 (7). С. 105–109.
28 *Изюмский А.Б.* Записки современников как источник по истории российского крестьянства XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1986. 25 с.
29 История в эго-документах: Исследования и источники / отв. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург: АсПУр, 2014. 336 с.
30 История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указатель книг и публикаций в журналах / под ред. П.А. Зайончковского. М.: Книга, 1976–1989. Т. 1–5.
31 История СССР в воспоминаниях и дневниках: (Аннотированный каталог рукописей. Конец XVIII в. – 1917 г.) / сост. М.Я. Стецкевич. Л.: ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1975. Вып. 1. 260 с.
32 *Кардин В.* Сегодня о вчерашнем: Мемуары и современность. М.: Воениздат, 1961. 191 с.
33 *Кипнес Л.В., Сервие Е.О.* Мемуарная литература и ее коммуникативная способность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 2 (34). С. 137–140.
34 *Киреева Р.А.* Неизданный том «Опыта русской историографии» В.С. Иконникова. [Ч. 1] // Археографический ежегодник за 1977 год. М.: Наука, 1978. С. 326–328.
35 *Киреева Р.А.* Неизданный том «Опыта русской историографии» В.С. Иконникова. [Ч. 2] // Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Наука, 1979. С. 265–275.
36 *Крючкова М.А.* Русская мемуаристика второй половины XVIII в. как социокультурное явление // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 17–28.
37 *Кулле Р., Бельчиков Н., Дынник В.* Мемуарная литература // Литературная энциклопедия. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. Т. 7. Стб. 131–149.

38 *Курносов А.А.* К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. 1976. М.: Наука, 1977. С. 5–25.

39 *Курносов А.А.* Методы исследования мемуаров: Мемуары как источник по истории народного сопротивления в период Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1965. 26 с.

40 *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М.: Территория будущего, 2006. 621 с.

41 *Летягин Л.Н.* Личный дневник: самосознание жанра // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 10 (56): Общественные и гуманитарные науки. С. 56–67.

42 *Майга А.А.* Травелог как автобиографическое сочинение // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики / ред. Ю.П. Зарецкий, Е.К. Карпенко, З.В. Шушпанова. М.: Библио-Глобус, 2017. С. 267–280.

43 Мемуары // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 19: Мекенен — Мифу-Баня. С. 70–74.

44 *Милюгина Е.Г.* Путевые эго-документы: пространство физическое и ментальное // Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI веков: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.И. Любина. Тверь: СФК-офис, 2014. С. 200–206.

45 *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Документальность травелога и способы обобщения (по материалам Тверского Верхневолжья) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 1. С. 66–79.

46 *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Личность автора-путешественника в травелоге нового времени // Культура и текст. 2014. № 18 (3). С. 6–18.

47 *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Принципы изучения «тверских» травелогов XVI–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2011. № 3. С. 37–43.

48 *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Травелог как документальный жанр. Статья первая // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: Коллективная монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 231–260.

49 *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Частное путешествие как биоисторический источник // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований / отв. ред. Н.В. Середа. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2014. С. 144–151.

50 *Минц С.С.* Об особенностях эволюции источников мемуарного характера: (К постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 55–70.

51 *Минцлов С.Р.* Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород: Губернская тип., 1911–1912. Вып. 1–5.

52 *Михеев М.* Дневник в России XIX–XX века — эго-текст, или пред-текст. М.: [б.и.], 2006. 217 с.

53 *Пекарский П.П.* Русские мемуары XVIII века // Современник. 1855. № 4. С. 53–90; № 5–6. С. 29–62; № 7–8. С. 63–120.

54 *Приймак Н.И., Валегина К.О.* Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учеб. пособие. СПб.: Лема, 2018. 69 с.

55 *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М: Наука, 1975. 281 с.

56 *[Пыляев М.И.]* Записки русских людей // Исторический вестник. 1890. № 1, Смесь. С. 232–234.

57 *Рейнгольд А.С.* Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. 2010. № 11. С. 118–129.

58 *Рошаль Л.М.* К методике составления каталогов мемуаров и дневников // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1961. Т. 16. С. 267–280.

59 *Румянцева М.Ф.* Источники личного происхождения // *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие для гуманитарных специальностей. М.: РГГУ, 2004. С. 466–488.

60 *Сиротина И.Л.* Культурологический потенциал мемуарного источника: поиски новой парадигмы // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). СПб.: Изд-во Ин-та человека РАН (СПб Отделение), 1997. С. 78–84.

61 *Сиротина И.Л.* Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург: К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. СПб.: С.-Петерб. филос. о-во, 2001. С. 226–232.

62 *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.

63 *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 286 с.

64 *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М.: Археографический центр, 1997. 356 с.

65 *Твердюкова Е.Д.* Источники личного происхождения // Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.В. Сиренова. М.: Юрайт, 2018. С. 289–305.

66 *Тихомиров М.Н.* Глава 18. Мемуарная литература XVIII в. // Источниковедение истории СССР. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1940. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. С. 220–227.

67 *Филатова Н.М.* Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документаль-

ное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: сб. научных трудов / под ред. Н.М. Куренной. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 24–40.
68 *Чекунова А.Е.* Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв.: Опыт источниковедческого анализа. М.: Российское университетское изд-во, 1995. 134 с.
69 *Черноморский М.Н.* Мемуары как исторический источник: учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М.: [б.и.], 1959. 80 с.
70 *Чечулин Н.Д.* Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников: (Вступит. лекция, читанная в С.-Петербургском университете 22 янв. 1891 г. пред началом курса «Русские мемуары XVIII в.»). СПб.: Ред-я журн. «Библиограф», 1891. 16 с.
71 Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI веков: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.И. Любина. Тверь: СФК-офис, 2014. 379 с.

References

1 Agafontseva, E.M. “K voprosu o poniatiino-terminologicheskom apparate rabot po memuaram” [“On the Conceptual and Terminological Apparatus of Work on Memoirs”]. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 7 (43), 2006, pp. 224–227. (In Russ.)
2 Alekseev, A. “Pis’mo, dnevnik, avtobiografiia: Mnogoobrazie form i sopriazhenie smyslov (teoretiko-metodologicheskie zametki)” [“Letter, Diary, Autobiography: Variety of Forms and Conjugation of Meanings (Theoretical and Methodological Notes)”]. *Teleskop*, no. 4, 2007, pp. 45–56. (In Russ.)
3 Antiukhov, A.V. *Russkaia memuarno-avtobiograficheskaia literatura XVIII veka: (Genezis, zhanrovo-vidovoe mnogoobrazie, poetika)* [*Russian Memoir-Autobiographical Literature of the 18th Century: (Genesis, Genre Variety, Poetics): DSc Thesis, Summary*]. Moscow, 2001. 34 p. (In Russ.)
4 Bezrogov, V.G. “Istoricheskoe osmyslenie personal’nogo opyta v avtobiografii” [“The Historical Understanding of Personal Experience in an Autobiography”]. *Formy istoricheskogo soznaniia ot pozdnei Antichnosti do Epokhi Vozrozhdeniia (issledovaniia i teksty): Sbornik nauchnykh trudov pamiati K.D. Avdeevoi* [*Forms of Historical Consciousness from Late Antiquity to the Renaissance (Researches and Texts): Collections of Scientific Works in Memory of K.D. Avdeeva*]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2000, pp. 130–174. (In Russ.)
5 Bezrogov, V.G. “Pamiat’ teksta: avtobiografii i obshchii opyt kollektivnoi pamiati” [“The Memory of the Text: Autobiography and the General Experience of Collective Memory”]. *Sotvorenie istorii: Chelovek. Pamiat’. Tekst: Tsikl lektsii* [*Creation of History: Man. Memory. Text: A Series of Lectures*]. Kazan’, Master Lain Publ., 2001, pp. 5–38. (In Russ.)

6 Beliavskii, M.T. "Glava 17. Memuary, dnevniki i perepiska" ["Chapter 17. Memoirs, Diaries and Correspondence"]. Koval'chenko, I.D., editor. *Istochnikovedenie istorii SSSR* [*Sources on History of the USSR*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1973, pp. 274–284. (In Russ.)

7 Vul'fson, G.N. "Metodika raboty s tekstami lichnogo proiskhozhdeniia" ["Methods of Working with Personal Texts"]. *Sotvorenie istorii: Chelovek. Pamiat'. Tekst: Tsikl lektsii* [*Creation of History: Man. Memory. Text: A series of Lectures*]. Kazan', Master Lain Publ., 2001, pp. 104–117. (In Russ.)

8 Galiullina, D.M. "Problema izucheniia memuarov v otechestvennoi istoricheskoi mysli" ["The Problem of Studying Memoirs in Russian Historiography"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Gumanitarnye nauki,* vol. 148, no. 4, 2006, pp. 36–45. (In Russ.)

9 Garanin, L.Ia. *Memuarnyi zhanr sovetskoi literatury: Istoriko-teoreticheskoi ocherk* [*The Memoir Genre of Soviet Literature: Historical and Theoretical Essay*]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1986. 222 p. (In Russ.)

10 Gennadi, G. "Zapiski (memuary) russkikh liudei: Bibliograficheskie ukazaniia" ["Notes (Memoirs) of Russian People: Bibliographic Instructions"]. *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete*, vol. 4, 1861, pp. 51–76. (In Russ.)

11 Golubtsov, V.S. "Glava 32. Vospominaniia, dnevniki, perepiska" ["Chapter 32. Memoirs, Diaries, Correspondence"]. Koval'chenko, I.D., editor. *Istochnikovedenie istorii SSSR* [*Sources on History of the USSR*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1973, pp. 522–540. (In Russ.)

12 Golubtsov, V.S. *Memuary kak istochnik po istorii Sovetskogo obshchestva* [*Memoirs as a Source on the History of Soviet Society*]. Moscow, Moscow University Publ., 1970. 114 p. (In Russ.)

13 Giubieva, G.E. *Etapy razvitiia russkoi memuarno-biograficheskoi literatury XVIII v.* [*Stages of Development in Russian Memoir-Biographical Literature of the 18th Century: PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 1969. 17 p. (In Russ.)

14 Derevnina, L.I. "O termine 'memuary' i klassifikatsii memuarnykh istochnikov (istoriografiia voprosa)" ["About the Term 'Memoirs' and Classification of Memoir Sources)"]. *Voprosy arkhivovedeniia*, no. 4, 1963, pp. 32–38. (In Russ.)

15 Dmitriev, S.S. "Glava 24. Vospominaniia, dnevniki, chastnaia perepiska" ["Chapter 24. Memoirs, Diaries, Correspondence"]. Koval'chenko, I.D., editor. *Istochnikovedenie istorii SSSR* [*Sources on History of the USSR*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1973, pp. 393–414. (In Russ.)

16 Elizavetina, G.G. "Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov" ["Origin of the Genres of Autobiography and Memoirs"]. *Russkii i zapadnoevropeiskii klassitsizm: Proza* [*Russian and Western European Classicism: Prose*]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 235–263. (In Russ.)

17 Zhitomirskaia, S.V. “Voprosy nauchnogo opisaniia memuarnykh istochnikov” [“Issues of the Scientific Description of Memoir Sources”]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1976 god* [*Archaeographic Yearbook for 1976*]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 41–59. (In Russ.)

18 Zhitomirskaia, S.V. “Predislovie” [“Preface”]. *Vospominaniia i dnevniki XVIII–XX vv.: Ukazatel’ rukopisei* [*Memoirs and Diaries of the 18th–20th Centuries: Index of Manuscripts*]. Moscow, Kniga Publ., 1976, pp. 3–12. (In Russ.)

19 Zaionchkovskii, P.A. “Vvedenie” [“Introduction”]. Zaionchkovskii, P.A., editor. *Istoriia dorevoliutsionnoi Rossii v dnevnikakh i vospominaniiakh: Annotir. ukazatel’ knig i publikatsii v zhurnalakh* [*History of Pre-Revolutionary Russia in Diaries and Memoirs: Annotated Index of Books and Publications in Magazines*], vol. 1. Moscow, Kniga Publ., 1976, pp. 3–15. (In Russ.)

20 Zaretskii, Iu.P. *Avtobiograficheskie Ia ot Avgustina do Avvakuma: (Ocherki istorii samosoznaniia evropeiskogo individa)* [*Autobiographical Self from Augustine to Avvakum: (Essays on the History of Self-Consciousness of a European Individual)*]. Moscow, IVI RAN Publ., 2002. 323 p. (In Russ.)

21 Zaretskii, Iu.P. “Avtobiografiia” [“Autobiograph”]. *Rossiiskaia istoricheskaia entsiklopediia* [*Russian Historical Encyclopedia*], vol. 1. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2011, pp. 104–110. (In Russ.)

22 Zaretskii, Iu.P. “Novye podkhody k izucheniiu svidetel’stv o sebe v evropeiskikh issledovaniiakh poslednikh let” [“New Approaches to the Study of Self-Evidence in Recent European Studies”]. *Avtor i biografiia, pis’mo i chtenie: Sbornik dokladov mezhdistsiplinarnogo issledovatel’skogo seminara Fakul’teta filosofii Natsional’nogo issledovatel’skogo universiteta — Vysshei shkoly ekonomiki* [*Author and biography, letter and reading: Collection of reports of an interdisciplinary research seminar of the Faculty of Philosophy of the National Research University — Higher School of Economic*]. Moscow, HSE Publ., 2013, pp. 24–41. (In Russ.)

23 Zaretskii, Iu.P. “Rasskazy o sebe v Rossii XVIII veka kak sotsial’nye praktiki (opyt postroeniia klassifikatsii)” [“Narratives about the Self in Russia of the 18th Century as Social Practices (the Experience of Constructing a Classification)”]. *Chelovek,* no. 6, 2016, pp. 103–115. (In Russ.)

24 Zaretskii, Iu.P. “Svidetel’stva o sebe ‘malen’kikh’ liudei: novye issledovaniia gollandskikh istorikov” [“Self-Narratives of Ordinary People: New Studies by Dutch Historians”]. *Chelovek vtorogo plana v istorii* [*Ordinary People in History*], issue 4. Rostov-on-Don, Logos Publ., 2007, pp. 5–19. (In Russ.)

25 Zaretskii, Iu.P. “Svidetel’stva o sebe ‘malen’kikh’ liudei: novye issledovaniia frantsuzskikh istorikov” [“Self-Narratives of Ordinary People: New Studies by French Historians”]. *Cogito. Al’manakh istorii idei* [*Cogito. Almanac of the history of ideas*], issue 5. Rostov-on-Don, Logos Publ., 2011, pp. 54–68. (In Russ.)

26 Zaretskii, Iu.P. "Teoriia literaturnykh zhanrov i nekotorye voprosy istoricheskogo izucheniia avtobiograficheskikh tekstov" ["Theory of Literary Genres and Some Questions of the Historical Study of Autobiographical Texts"]. *Novyi obraz istoricheskoi nauki v vek globalizatsii i informatizatsii* [*A New Image of Historical Science in the Age of Globalization and Informatization*]. Moscow, IVI RAN Publ., 2005, pp. 159–173. (In Russ.)

27 Ivanova, N.N. "Vidovaia i vnutrividovaia klassifikatsiia istochnikov lichnogo proiskhozhdeniia: problemy istochnikovedcheskogo analiza" ["Classification of the Sources of Personal Origin: Problems of Source Analysis"]. *Vestnik RUDN. Seriia Istoriia Rossii*, no. 3 (7), 2006, pp. 105–109. (In Russ.)

28 Iziumskii, A.B. *Zapiski sovremennikov kak istochnik po istorii rossiiskogo krest'ianstva XVIII v.* [*Notes of Contemporaries as a Source on the History of Russian Peasantry of the 18th Century: PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 1986. 25 p. (In Russ.)

29 Surzhikova, N.V., editor. *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* [*History in Ego-Documents: Research and Sources*]. Yekaterinburg, AsPUr Publ., 2014. 336 p. (In Russ.)

30 Zaionchkovskii, P.A., editor. *Istoriia dorevoliutsionnoi Rossii v dnevnikakh i vospominaniiakh: Annotir. ukazatel' knig i publikatsii v zhurnalakh* [*History of Pre-Revolutionary Russia in Diaries and Memoirs: Annotated Index of Books and Publications in Magazines*], vol. 1–5. Moscow, Kniga Publ., 1976–1989. (In Russ.)

31 Stetskevich, M.Ia., editor. *Istoriia SSSR v vospominaniiakh i dnevnikakh: (Annotirovannyi katalog rukopisei. Konets XVIII v. – 1917 g.)* [*History of the USSR in Memoirs and Diaries: (Annotated Catalog of Manuscripts. The End of the 18th Century – 1917)*], issue 1. Leningrad, SPL Publ., 1975. 260 p. (In Russ.)

32 Kardin, V. *Segodnia o vcherashnem: Memuary i sovremennost'* [*Today about Yesterday: Memoirs and the Present*]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 191 p. (In Russ.)

33 Kipnes, L.V., Servie, E.O. "Memuarnaia literatura i ee kommunikativnaia sposobnost'" ["Memoir Literature and Its Communicative Ability"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2 (34), 2007, pp. 137–140. (In Russ.)

34 Kireeva, R.A. "Neizdannyi tom 'Opyta russkoi istoriografii' V.S. Ikonnikova. [Ch. 1]" ["Unpublished Volume of 'The Experience of Russian Historiography' by V.S. Ikonnikov. Part 1"]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1977 god* [*Archeographic Yearbook for 1977*]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 323–335. (In Russ.)

35 Kireeva, R.A. "Neizdannyi tom 'Opyta russkoi istoriografii' V.S. Ikonnikova. [Ch. 2"] ["Unpublished Volume of 'The Experience of Russian Historiography' by V.S. Ikonnikov. Part 2"]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1978 god* [*Archeographic Yearbook for 1978*]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 265–275. (In Russ.)

36 Kriuchkova, M.A. "Russkaia memuaristika vtoroi poloviny XVIII v. kak sotsiokul'turnoe iavlenie" ["Russian Memoirs of the Second Half of the 18th Century as a Sociocultural Phenomenon"]. *Vestnik MGU, Seriia 8. History,* no. 1, 1994, pp. 17–28. (In Russ.)

37 Kulle, R., Bel'chikov, N., Dynnik, V. "Memuarnaia literature" ["Memoirs"]. *Literaturnaia entsiklopediia* [*Literature Encyclopedia*], vol. 7. Moscow, OGIZ RSFSR Publ., 1934, col. 131–149. (In Russ.)

38 Kurnosov, A.A. "K voprosu o prirode vidov istochnikov" ["On the Question of the Nature of the Types of Sources"]. *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii: sbornik statei. 1976* [*Sources of Russian History: Collection of Articles. 1976*]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 5–25. (In Russ.)

39 Kurnosov, A.A. *Metody issledovaniia memuarov: Memuary kak istochnik po istorii narodnogo soprotivleniia v period Velikoi Otechestvennoi voiny* [*Methods of Study of Memoirs: Memoirs as a Source on the History of National Resistance During the Great Patriotic War: PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 1965. 26 p. (In Russ.)

40 Lappo-Danilevskii, A.S. *Metodologiia istorii* [*Methodology of History*]. Moscow, Territoriia budushchego Publ., 2006. 621 p. (In Russ.)

41 Letiagin, L.N. "Lichnyi dnevnik: samosoznanie zhanra" ["Personal Diary: Self-Identity of the Genre"]. *Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena*, no. 10 (56): Social Sciences and Humanities, 2008, pp. 56–67. (In Russian)

42 Maiga, A.A. "Travelog kak avtobiograficheskoe sochinenie" ["Travelogue as an Autobiographical Essay"]. Zaretskii, Iu.P., and E.K. Karpenko, and Z.V. Shushpanova, editors. *Avtobiograficheskie sochineniia v mezhdistsiplinarnom issledovatel'skom prostranstve: Liudi, teksty, praktiki* [*Autobiographical Essays in an Interdisciplinary Research Space: People, Texts, Practices*]. Moscow, Biblio-Globus Publ., 2017, pp. 267–280. (In Russ.)

43 "Memuary" ["Memoirs"]. *Entsiklopedicheskii slovar'* [*Encyclopedic Dictionary*], vol. 19, publ. F.A. Brockhaus, I.A. Efron. St. Petersburg, 1896, pp. 70–74. (In Russ.)

44 Miliugina, E.G. "Putevye ego-dokumenty: prostranstvo fizicheskoe i mental'noe" ["Travel Ego-Documents: Physical and Mental Space"]. Liubina, T.I., editor. *Ego-dokumental'noe nasledie rossiiskoi provintsii XVIII–XXI vekov: problemy vyiavleniia, khraneniia, izucheniia, publikatsii: Sbornik nauchnykh statei* [*Ego-Documentary Heritage of the Russian Province of the 18th–21st Centuries: Problems of Identification, Storage, Study, Publication: Collection of Scientific Articles*]. Tver, SFK-ofis Publ., 2014, pp. 200–206. (In Russ.)

45 Miliugina, E.G., Stroganov, M.V. "Dokumental'nost' traveloga i sposoby obobshcheniia (po materialam Tverskogo Verkhnevolzh'ia)" ["Documentary Character of Travelogue and Generalization Methods (Based on the Materials of the Tver Upper Volga)"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia Gumanitarnye nauki*, vol. 158, no. 1, 2016, pp. 66–79. (In Russ.)

46 Miliugina, E.G., Stroganov, M.V. "Lichnost' avtora-puteshestvennika v traveloge novogo vremeni" ["The Identity of the Author-Traveler in the Travelogue of the Modern Period"]. *Kul'tura i tekst*, no. 18 (3), 2014. pp. 6–18. (In Russ.)

47 Miliugina, E.G., Stroganov, M.V. "Printsipy izucheniia 'tverskikh' travelogov XVI–XX vekov" ["The Principles of the Study of 'Tver' Travelogues of the 16th–20th Centuries"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Filologiia*, no. 3, 2011, pp. 37–43. (In Russ.)

48 Miliugina, E.G., Stroganov, M.V. "Travelog kak dokumental'nyi zhanr. Stat'ia pervaia" ["Travelogue as a Documentary Genre. Article 1"]. *Russkii travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [*Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries: Routes, Toposes, Genres and Narratives*]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2016, pp. 231–260. (In Russ.)

49 Miliugina, E.G., Stroganov, M.V. "Chastnoe puteshestvie kak bioistoricheskii istochnik" ["Private Travel as a Biohistorical Source"]. Sereda, N.V., editor. *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v teorii i praktike nauchnykh issledovanii* [*Documents of Personal Origin in the Theory and Practice of Scientific Research*]. Tver, Tver State University Publ., 2014, pp. 144–151. (In Russ.)

50 Mints, S.S. "Ob osobennostiakh evoliutsii istochnikov memuarnogo kharaktera: (K postanovke problemy)" ["About the Features of the Evolution of Sources of Memoir Character: (To the Statement of the Problem)"]. *Istoriia SSSR*, no. 6, 1979, pp. 55–70. (In Russ.)

51 Mintslov, S.R. *Obzor zapisok, dnevnikov, vospominanii, pisem i puteshestvii, otnosiashchikhsia k istorii Rossii i napechatannykh na russkom iazyke* [*Review of Notes, Diaries, Memoirs, Letters and Travels Related to the History of Russia and Printed in Russian*], issue 1–5. Novgorod, Gubernskaia tipografiia Publ., 1911–1912. (In Russ.)

52 Mikheev, M. *Dnevnik v Rossii XIX–XX veka — ego-tekst, ili pred-tekst* [*Diary in Russia of the 19th–20th Centuries — Ego-Text, or Pre-Text*]. Moscow, 2006. 217 p. (In Russ.)

53 Pekarskii, P.P. "Russkie memuary XVIII veka" ["Russian Memoirs of the 18th Century"]. *Sovremennik*, no. 4, 1855, pp. 53–90; no. 5–6, 1855, pp. 29–62, no. 7–8, pp. 63–120. (In Russ.)

54 Priimak, N.I., Valegina, K.O. *Memuary, dnevniki, pis'ma kak istoricheskii istochnik: Uchebnoe posobie* [*Memoirs, Diaries, Letters as a Historical Source: Textbook*]. St. Petersburg, Lema Publ., 2018. 69 p. (In Russ.)

55 Pushkarev, L.N. *Klassifikatsiia russkikh pis'mennykh istochnikov po otechestvennoi istorii* [*Classification of Russian written sources on Russian history*]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 281 p. (In Russ.)

56 [Pyliaev, M.I.] "Zapiski russkikh liudei" ["Notes of Russian People"]. *Istoricheskii vestnik*, no. 1, Varia, 1890, pp. 232–234. (In Russ.)

57 Reingol'd, A.S. "Zhanrovye osobennosti literaturnogo dnevnika i dnevnik kak neliteraturnyi tekst" ["Genre Features of a Literary Diary and a Diary as a Non-Literary Text"]. *Vestnik RGGU*, no. 11, 2010, pp. 118–129. (In Russ.)

58 Roshal', L.M. "K metodike sostavleniia katalogov memuarov i dnevnikov" ["On the Methodology of Compiling Catalogues of Memoirs and Diaries"]. *Trudy Moskovskogo*

gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta, vol. 16, 1961, pp. 267–280. (In Russ.)

59 Rumiantseva, M.F. "Istochniki lichnogo proiskhozhdeniia" ["Sources of the Personal Origin"]. Danilevskii, I.N., Kabanov, V.V., Medushevskaia, O.M., Rumiantseva, M.F. *Istochnikovedenie: Teoriia. Istoriia. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii: uchebnoe posobie dlia gumanitarnykh spetsial'nostei* [*Source study: Theory. History. Method. Sources of Russian history: Textbook for Humanitarian Specialties*]. Moscow, RSHU Publ., 2004, pp. 466–488. (In Russ.)

60 Sirotina, I.L. "Kul'turologicheskii potentsial memuarnogo istochnika: poiski novoi paradigm" ["The Culturological Potential of a Memoir Source: The Quest for a New Paradigm"]. *Metafizika ispovedi. Prostranstvo i vremia ispovedal'nogo slova: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 26–27 maia 1997 g.)* [*Metaphysics of Confession. The Space and Time of the Confessional Word: Proceedings of the International Conference (St. Petersburg, May 26–27, 1997)*]. St. Petersburg, Human Institute of the Russian Academy of Sciences Publ. (St. Petersburg Branch), 1997, pp. 78–84. (In Russ.)

61 Sirotina, I.L. "Kul'turologicheskoye istochnikovedeniye: problema memuaristiki" ["Culturological Source Study: The Problem of Memoirs"]. *Metodologiia gumanitarnogo znaniia v perspektive XXI veka: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 18 maia 2001 g. Sankt-Peterburg: K 80-letiiu professora Moiseia Samoilovicha Kagana* [*Methodology of humanitarian knowledge in the perspective of the 21st century: Materials of an international scientific conference. May 18, 2001 St. Petersburg: On the 80th anniversary of Professor Moisey Samoilovich Kagan*]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophy society Publ., 2001, pp. 226–232. (In Russ.)

62 Tartakovskii, A.G. *1812 god i russkaia memuaristika: Opyt istochnikovedcheskogo izucheniia* [*1812 and Russian Memoirs: Example of the Source Study Research*]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 312 p. (In Russ.)

63 Tartakovskii, A.G. *Russkaia memuaristika XVIII – pervoi poloviny XIX v.: Ot rukopisi k knige* [*Russian Memoirs of the 18th – First Half of the 19th Century: From the Manuscript to the Book*]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 286 p. (In Russ.)

64 Tartakovskii, A.G. *Russkaia memuaristika i istoricheskoe soznanie XIX veka* [*Russian Memoirs and Historical Consciousness of the 19th Century*]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr Publ., 1997. 356 p. (In Russ.)

65 Tverdiukova, E.D. "Istochniki lichnogo proiskhozhdeniia" ["Sources of the Personal Origin"]. Sirenov, A.V., editor. *Istochnikovedenie: uchebnik dlia akademicheskogo bakalavriata* [*Source Studies: Textbook for Academic Undergraduate*]. Moscow, Iurait Publ., 2018, pp. 289–305. (In Russ.)

66 Tikhomirov, M.N. "Glava 18. Memuarnaia literatura XVIII v." ["Chapter 18. Memoir Literature of the 18th Century"]. *Istochnikovedenie istorii SSSR* [*Source Study of the History of the USSR*], vol. 1: S drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [From the

Ancient Times to the End of the 18th Century]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo Publ., 1940, pp. 220–227. (In Russ.)

67 Filatova, N.M. “Podkhody k izucheniiu ego-dokumentov v sovremennoi istoricheskoi nauke v svete ‘lingvisticheskogo povorota’.” [“Approaches to the Study of Ego-Documents in Modern Historical Science in the Light of the ‘Linguistic Turn’.”]. Kurennoi, N.M., editor. *Dokument i “dokumental’noe” v slavianskikh kul’turakh: mezhdu podlinnym i mnimym: sb. nauchnykh trudov* [*Document and “Documentary” in Slavic Cultures: Between the Real and the Imaginary: Collection of Articles*]. Moscow, Institute of Slavic studies Publ., 2018, pp. 24–40. (In Russ.)

68 Chekunova, A.E. *Russkoe memuarnoe nasledie vtoroi poloviny XVII–XVIII vv.: Opyt istochnikovedcheskogo analiza* [*Russian Memoirs of the Second Half of the 17th–18th Centuries: Example of the Source Study Analysis*]. Moscow, Russian University Publ., 1995. 134 p. (In Russ.)

69 Chernomorskii, M.N. *Memuary kak istoricheskii istochnik: uchebnoe posobie po istochnikovedeniiu istorii SSSR* [*Memoirs as a Historical Source: Textbook for Source Study on History of the USSR*]. Moscow, 1959. 80 p. (In Russ.)

70 Chechulin, N.D. *Memuary, ikh znachenie i mesto v riadu istoricheskikh istochnikov: (Vstupit. lektsiia, chitannaia v S.-Peterburgskom universitete 22 ianv. 1891 g. pred nachalom kursa “Russkie memuary XVIII v.”)* [*Memoirs, Their Significance and Place among Historical Sources: (Introductory Lecture Given at St. Petersburg University on January 22, 1891 before the Course “Russian Memoirs of the 18th Century”)*]. St. Petersburg, Bibliographer journal Publ., 1891. 16 p. (In Russ.)

71 Liubina, T.I., editor. *Ego-dokumental’noe nasledie rossiiskoi provintsii XVIII–XXI vekov: problemy vyiavleniia, khraneniia, izucheniia, publikatsii: Sbornik nauchnykh statei* [*Ego-Documentary Heritage of the Russian Province of the 18th–21st Centuries: Problems of Identification, Storage, Study, Publication: Collection of Articles*]. Tver, SFK-ofis Publ., 2014. 379 p. (In Russ.)

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.2

ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» (К 90-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ)

© 2021 г. Д.С. Московская
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия
Дата поступления статьи: 23 июня 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 21 июля 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-446-465

Благодарности сотруднику отдела «Литературное наследство» М.А. Фролову за предоставленные материалы заседаний Ученого совета ИРЛИ и расшифровки бесед И. Зильберштейна и С. Макашина, переданные в его распоряжение заведующим Отделом устной истории НБ МГУ Д.Б. Споровым и М.В. Радзишевской.

Аннотация: В статье на основе новых архивных материалов рассматривается история издания «Литературное наследство» («ЛН»). Инициация издания приходится на 1931 г., когда архивно-публикаторская деятельность была скомпрометирована политическими процессами над научной интеллигенцией. Оформленные в политической риторике аргументы автора проекта помогли получить разрешение ЦК ВКП(б) на издание. В 1932 г. после постановления «О перестройке литературно-художественных организаций» «ЛН» становится образцовым академическим изданием и получает международное признание. «ЛН» выработало новую форму работы, когда автор в известной мере находится на положении ученика у редакции. В советское время «ЛН» существует в условиях цензуры и идеологического контроля, однако издает в 1937 г. том, посвященный русскому символизму. 1947–1959 гг., когда редакцию обвиняли в космополитизме, были для «ЛН» тяжелыми. В своей издательской политике «ЛН» опережало время и догматизм читательского восприятия, что вело к секвестированию ряда томов. История «ЛН» — это опыт создания интеллектуальной и идеологической платформы, на которой вызревала новая генерация историков литературы.

Ключевые слова: «Литературное наследство», И. Зильберштейн, С. Макашин, В. Бонч-Бруевич, академическая серия, научная эдиция, источниковедение, история литературы, политика, архив, стенограмма

Информация об авторе: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8089-9604

E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

Для цитирования: *Московская Д.С.* Из истории академической серии «Литературное наследство» (К 90-летию издания) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 446–465. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-446-465

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

ON THE HISTORY OF THE ACADEMIC SERIES *LITERARY HERITAGE* (FOR THE 90TH ANNIVERSARY)

© 2021. Daria S. Moskovskaya
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: June 23, 2021
Approved after reviewing: July 21, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements. The author is grateful to the staff member of the department *Literary Heritage* M.A. Frolov for providing her with the proceedings of the IRLI Scientific Council meetings and to the head of the Department of Oral History of the National Library of the Moscow State University D.B. Sporov and also to M.V. Radzishevskaya for providing her with transcripts of the conversations between I. Zilberstein and S. Makashin.

Abstract: The article examines the history of the publication of the academic series *Literary Heritage* based on new archival materials. The publication was initiated in 1931, when archival and publishing activities were affected by political trials. The author of the draft used political rhetoric to get permission to publish it from the Central Committee of the CPSU(b). In 1932, following the decree "On the Restructuring of Literary and Artistic Organizations," *Literary Heritage* became an exemplary academic publication and received international recognition. *Literary Heritage* developed a new method as it placed the author in the position of a student at the editorial board. In Soviet times, the *Literary Heritage* existed under the conditions of censorship and ideological control but still managed to publish a volume on Russian symbolism in 1937. The years 1947–1959 were difficult for *Literary Heritage* when the editorial office was accused of cosmopolitanism. In its publishing policy, *Literary Heritage* was ahead of time and above the reader's dogmatism which led to the sequestration of several volumes. The history of *Literary Heritage* contributed to creating an intellectual and ideological platform that nurtured a new generation of literary historians.

Keywords: *Literary Heritage*, I. Silberstein, S. Makashin, V. Bonch-Bruevich, academic series, academic edition, source studies, literary history, politics, archive, transcript.

Information about the author: Daria S. Moskovskaya, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8089-9604

E-mail: darya-mos@yandex.ru

For citation: Moskovskaya, D.S. "On the History of the Academic Series 'Literary Heritage' (for the 90th Anniversary)." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 446–465. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-446-465

В августе 2021 г. академическая наука отмечает юбилей первой в советской России авторитетной археографической историко-литературной серии «Литературное наследство» («ЛН») [2]. Со дня основания в 1931 г. и по сей день количество опубликованных томов серии давно перевалило за 100 [3] и продолжает расти; еще около десяти книг в настоящее время находятся в работе. Можно уверенно утверждать, что это многотомное тысячестраничное издание с первых лет существования и сейчас остается самым востребованным профессиональным сообществом и широким читателем научным историко-литературным археографическим изданием, автором идеи и основателем которого был Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988) [1]. Как отзывался об этой поистине легендарной личности его коллега Сергей Александрович Макашин (1906–1989), более чем полстолетия составлявший с Зильберштейном редакционный дуэт «ЛН», «пафосом и стихией» Ильи Самойловича был «поиск новых источников для творческих биографий писателей <…>. У него какой-то нюх на документы, и он действительно накопил для советского литературоведения обширное количество документов, не только накопил, он их исследовательски обработал и опубликовал»[1].

Научное поле, где до появления в 1931 г. «Литературного наследства» специализировались журналы «Красный Архив», «Каторга и ссылка», «Минувшее», подвизавшиеся в архивных разысканиях на поле публикации документальных материалов «Пролетарская революция», «Звезда», «Новый мир» и издательство «Academia», лишь осваивалось. Громадное число

1 Выступление С.А. Макашина на Приемной комиссии Московской писательской организации, 1968 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 88.

постоянно пополнявшихся в 1920-х гг. государственных и частных литературных архивов с ценнейшими первоисточниками по истории русской и мировой литературы большого культурно-исторического значения не было разработано. То, что становилось доступным благодаря публикациям «по случаю», не отвечало требованиям научной эдиции. Документоведческий, научно-эдиционный проект Зильберштейна изменил положение, хотя время для его инициации было выбрано крайне неудачно. В стране развернулось «шахтинское дело» научной интеллигенции, и в эпицентре направленного взрыва оказались ученые-архивисты: дала о себе знать «политическая порочность» неконтролируемой архивно-разыскательской деятельности. Обнаружение в 1929 г. в фондах Пушкинского Дома и Археографической комиссии незарегистрированных исторических документов царского периода [12, с. 685] было воспринято ЦК как предательство идей социализма со стороны ведущих членов Академии наук, в 1931 г. подвергшихся репрессиям как враги народа. Разыскания в области недавней российской истории остро поставили вопрос о месте документа в историческом познании. Конец разномыслию в отношении исторического факта был положен статьей Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» [18], и довод «всякий большевик знает...» стал достаточным аргументом в споре с теми, кто ставил документальное свидетельство выше сталинской версии истпарта. Отныне архивы были уделом «либеральных историков-фальсификаторов». Иначе говоря, создание «ЛН» выпало на тот момент, когда архивно-разыскательская деятельность из плоскости научной перешла в социально-политическую, став синонимом испытания на идеологическую зрелость.

И. Зильберштейну, «человеку неунывающему» [11] и осторожному, удалось этот искус выдержать. Пригодился опыт и связи в издательском деле — сотрудничество с «Academia», дружба с П. Щеголевым и М. Кольцовым, вера в собственные силы и, конечно, молодость с ее «поисками оптимизма», к которому в те годы призывал впавших в политическую депрессию интеллигентов К. Зелинский [9]. Сказалась и политическая интуиция. И. Зильберштейн сделал ставку на Л. Авербаха — руководителя самой авторитетной в годы первой пятилетки литературной институции, Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), позиционировавшей себя как идеолога и организатора литературного процесса, выразителя генеральной линии ВКП(б) в литературе. В 1929–1931 гг. РАПП последо-

вательно вел борьбу «со всевозможными видами извращения марксизма в области литературоведения»[2]. Для успеха проекта было важно и то, что сам И. Зильберштейн оказался на «хорошем счету» у пролеткритиков, еще в 1926 г. отметивших в журнале «На литературном посту» научные достижения этого молодого ученого, выявившего и опубликовавшего новые материалы из пушкинского архива[3]. И. Зильберштейн, одержимый своей идеей ученый-профессионал, в методологическом начинании РАПП увидел возможность реализации своего политически двусмысленного и отчасти уже скомпрометированного замысла. В записке, адресованной руководству РАПП в начале мая 1931 г., он акцентировал политические выгоды, которые получит Ассоциация, если проект «ЛН» будет ею поддержан: «Архивные фонды русских писат<елей> и предст<авителей> общ<ественной> мысли — неовладенный участок литерат<уры> РАППом, — напоминал он, попутно приводя аргументы, призванные спровоцировать Авербаха и вовлечь в проект РАПП, чей внутренний враг, Литфронт, «захватил П<ушкинский> Д<ом>»[4]. В состав редколлегии И. Зильберштейн наметил яркие политические фигуры и известных ученых-специалистов — Л. Каменева, Л. Авербаха, В. Десницкого, В. Бонч-Бруевича, В. Максакова.

Спустя месяц, 17 июня 1931 г., на заседании секретариата РАПП под председательством Л. Авербаха было принято постановление о насущной необходимости «издания историко-литературного журнала»[5]. Докладная записка РАПП и ИЛИЯ, составленная И. Зильберштейном и переданная заведующему Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) А. Стецкому не ранее 25 июня 1931 г., строилась на цепочке идеологически выверенных доводов, слегка оттененных научными соображениями:

> Последний участок историко-литературной науки, до сих пор остающийся почти полностью в руках буржуазных и антимарксистских литературоведов, — это разработка и публикация вновь находимых и неизданных материалов по истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.

2 ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 62 об.
3 На литературном посту. 1926. № 4. С. 62.
4 РГАЛИ. Ф. 3290 (И.С. Зильберштейн). Не разобран. Здесь и далее материал из фонда И. Зильберштейна предоставлен М.А. Фроловым.
5 ОР ИМЛИ. Ф. 40. Ед. хр. 49. Л. 42.

> Полное отрицание Переверзевым и формалистами за архивными материалами значения в деле изучения литературы привело к тому, что даже их ученики и последователи оказались совершенно отстраненными от производившийся в последние годы подготовки к печати подобных материалов. Вот почему этот участок литературоведения оказался целиком захваченными правыми литературоведческими группами. <…> Именно поэтому в разработке литературных материалов царил полнейший отрыв от актуальных вопросов истории русской общественной мысли. Основная часть публикаций этих материалов шла не дальше пушкинской эпохи, и то больше по линии крохоборческих разысканий ненужных биографических подробностей из жизни писателей. Документы же большого фактического и политического значения, которые попадали им в руки, появлялись в печати без соответствующего редакторского аппарата, в своих же комментариях эти литературоведы не давали никакого представления о классовой сущности впервые публикуемого материала. И наконец такое положение вещей сделало возможным то, что в их комментариях к новым материалам неоднократно делались завуалированные, а иногда и открытые антисоветские выпады. Так пушкинист Лернер (оказавшийся деятельным сотрудником белой печати и недавно высланный) доходил в своих комментариях до террористических призывов (см. его комментарии к новооткрытым строфам «Юдифи» Пушкина), или пользуясь возможностью опубликовать записку Гоголя к Жуковскому подобрал контрреволюционный комментарий для характеристики революции 1848 г.; другой пушкинист — Модзалевский, имевший большое число подражателей, строил комментарий к литературному памятнику лишь по линии бесконечных и геральдических экскурсов, из-за чего получалась сплошная монархическая апология в характеристиках дворянских представителей литературных группировок прошлого столетия <…> Одной из причин, по которым РАПП до сих пор не овладел этим участком, является отсутствие соответствующего органа печати. <…> Так как на Западе существует огромный интерес к подобным изданиям, можно будет, между прочим, пустить на экспорт большую часть тиража [РГАЛИ. Ф. 3290 (И.С. Зильберштейн)].

Оформленные в политической риторике резоны И. Зильберштейна — единственные, которые могли способствовать положительному решению ЦК.

1 августа 1931 г. И. Зильберштейн уже приступил к работе в качестве заведующего редакцией «ЛН».

Программа журнала, заявленная в редакционной статье первого номера, по духу и смыслу рапповская (о ней с отвращением позже вспоминал С. Макашин), обещала читателям не «академический» журнал, убежище «архивных крыс» и «либеральных историков-фальсификаторов», а боевой большевистский орган [16, с. 2]), была немедленно скомпрометирована публикацией без «серьезной обработки ответственного материала по истории марксизма в России» [7]. Цензура не пропустила подборку писем марксистов к Н. Михайловскому, которая была вырезана из уже сверстанного и переплетенного тома. Это были не единственные «проколы» редакции. За ними последовала политически необдуманная попытка опубликовать записи выступлений Ленина, где цензура выявила троцкистские суждения вождя большевиков о перманентной революции. По воспоминаниям С. Макашина, «ЛН» удалось тогда сохраниться лишь благодаря поддержке Сталина.

Спустя год после принципиального решения о создании журнала И. Зильберштейн, уже на фирменном бланке «ЛН» с указанием адреса редакции (Страстной бульвар, д. 11), обращался в Центральное архивное управление (ЦАУ) с конкретными заказами на архивные разыскания. Его интересовал в рукописном фонде бывшей «собственной императорской библиотеки» альбом Александры Федоровны, супруги Николая I, в котором имелся автограф Гёте и другие документы великого веймарца. «ЛН» готовился вместе с Академией наук к празднованию столетия смерти поэта и выпустил гётевский том, первый, где «ЛН» вышло за пределы национальных архивов, и с того момента круг источниковедческих поисков редакции «ЛН» более не ограничивался отечественными архивами. Как следует из записки И. Зильберштейна председателю правления Журнально-газетного объединения М. Кольцову и ответственному редактору журнала «Литературное наследство» Л. Авербаху от 11 января 1934 г., ее автором были установлены судьба и местонахождение за границей ряда крупных историко-литературных фондов, представляющих большой научный интерес и до сих пор не изданных. Среди них — архив А. Герцена, поиски которого с 1910-х гг. вел М. Лемке для своего 22-томного издания сочинений Герцена. Зильберштейн восстанавливает столь дорогие для каждого архивиста и

текстолога пути и этапы разысканий, которые привели его в Ягеллонский музей Варшавской Национальной библиотеки и Пражский Русский заграничный исторический архив, где находились ценные материалы по истории русской культуры XIX в. Зарубежные архивы легли впоследствии в основу довоенного двухтомника «А.И. Герцен» (1941, т. 39–42), 64-го тома «Герцен в заграничных коллекциях» (1958), 96-го тома «Герцен и Запад» (1985), двух книг 99-го тома «Герцен и Огарев в кругу родных и друзей». В них были опубликованы материалы, полученные в результате переписки и личных переговоров с представителями государственных и частных архивных собраний Англии, Швейцарии, Франции, Нидерландов, Италии, США, благодаря которым, по словам С. Макашина, «весь фонд заграничного архива Герцена, Огарева, хотя наполовину и не в подлинниках» оказался сосредоточен на родине. Права на доступ к зарубежным архивам «ЛН» искало на самом высоком уровне. Например, для получения разрешения на осмотр Русского заграничного исторического архива в Праге был привлечен полпред СССР в Чехословакии С. Александровский, а работа в этом архиве была одобрена самим Т. Масариком. Стоит ли говорить, что главный редактор «ЛН» неоднократно в довоенные годы командировался в Прагу, Париж и Варшаву — для работы в названных выше архивных фондах. Очевидно, был прав С. Макашин: «...не было тех целей и задач, которые он (Зильберштейн. — *Д.М.*) не мог бы достигнуть»[6].

Не менее продуктивен был и С. Макашин, еще в 1932 г. предпринявший беспрецедентные поиски первоисточников к творческой биографии М. Салтыкова-Щедрина [13] и продумавший с опорой на них «салтыковский том» «ЛН»: «Я привез из Ленинграда готовый план специальной салтыковской книжки <...>: правдами и неправдами <...> я добился того, что нам даются для использования все те неизданные и вновь найденные материалы, которые должны появиться в академическом издании. Я уладил таким образом вопрос не только с ИРЛИ, но и с ЛЕНГИХЛОМ, и со всеми салтыковистами. Я отобрал из всех громадных вновь выявленных фондов все наиболее ценное и острое, что распылено у них в издании <...>. Книжка эта будет событием»[7].

6 Расшифровка беседы М.В. Радзишевской с С.А. Макашиным, 1 июня 1985 г. // Отдел устной истории Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. № 908.

7 Письмо С.А. Макашина И.С. Зильберштейну от 9 октября 1932 г. // Из переписки И.С. Зильберштейна и С.А. Макашина (1932–1958) / публ. Н.Б. Волковой; подгот. текста А.Ю. Галушкина и М.А. Фролова; коммент. М.А. Фролова. Публикация, по материалам

Редакция «ЛН» уже не просила, она брала инициативу в свои руки, включая финансовые рычаги для организации поисковой работы. На счет ЦАУ И. Зильберштейн внес аванс в размере немалой для тех лет суммы в 1 000 руб. для оплаты труда сотрудников, вовлеченных в архивные поиски. Когда очередное письмо не возымело действия, в феврале 1933 г. И. Зильберштейн обратился в коллегию Центрархива СССР с жестким требованием: «Несмотря на неоднократные попытки редакции “Литературного Наследства” привести в систему свои взаимоотношения с Центрархивом, до последнего времени нами не достигнуто окончательной договоренности о принципах нашей совместной работы. Если журнал “Литературное наследство” с первого же своего номера явился, по отзывам таких авторитетных органов, как “Правда”, большим завоеванием марксистско-ленинской критической мысли, то с выходом в свет гетевского тома этот первый советский историко-литературный журнал получит, несомненно, мировое признание.<…> Буквально со всеми основными архивохранилищами Союза мы вступили уже в договорные отношения по вопросам разысканий и публикаций материалов, хранящихся у них. <…>. А с Центрархивом СССР, кроме одного договора на письма Тургенева к Анненкову, у нас нет никакой конкретной, а тем более договорной связи. <…> Мы сейчас широко развернули свою работу — кроме перечисленных выше специальных номеров, которые выпускаются нами в текущем году, мы с января месяца получили разрешение на выпуск специальной Библиотеки “Литературного наследства”, отдельные книжки которой будут давать тематически объединенное в единое целое материалы по истории русской литературы и по истории русской общественной мысли. Это начинание наше дает возможность Центрархиву СССР выпускать у нас крупные связки историко-литературных материалов под собственной маркой. <…> За все эти мелкие публикации мы оплачиваем за право печатания их текстов по выходе номеров из печати»[8].

Освободившееся в 1932 г. после постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от рапповского ига, «ЛН» последовательно воплощало в жизнь научную программу И. Зильберштейна — «раскрыть архивные недра», «издать неизданное», «искать

личного архива И.С. Зильберштейна (РГАЛИ. Ф. 3290, не разобран), готовится к печати в составе тома к 90-летию «Литературного Наследства».

8 ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Ед. хр. 2565. Л. 100.

новое, неопубликованное, неизвестное, забытое, затерянное, собрать воедино несобранное» [6]. За первые пять лет существования «ЛН» издало 24 номера, два из которых, щедринские тома, получили высокие оценки «Правды». И. Зильберштейн с гордостью их цитировал: «Можно сказать без всякого преувеличения, что за все десятилетия после смерти Щедрина либерально-буржуазная и народническая литература о Щедрине не проделала такого огромного и плодотворного труда, какой представлен в этих сборниках <...>. Он сделан подлинными друзьями Щедрина — тт. И. Зильберштейном и С. Макашиным. И по подбору материалов, и по его обработке щедринский сборник представляет ценное достижение советской культуры в области литературоведения» [14, с. 567–568].

Бескомпромиссность, когда речь шла о качестве очередного тома, и новая форма редакционной работы, когда «редакция не только заказывает статью, но оказывает широкую помощь автору, выписывает материалы, находит материалы, дает материалы, наталкивает на новые, чрезвычайно интересные источники», когда «коллектив авторов в известной мере находится на положении ученичества у редакции»[9], все эти свойства, которые М.П. Алексеев в своем выступлении на Ученом Совете ИРЛИ просил упомянуть будущих историков «ЛН», превратили любимое детище И. Зильберштейна в образцовое академическое издание, завоевавшее международный авторитет и участие в котором зарубежные и отечественные ученые почитали за честь.

В 1937 г. руководство Журнально-газетного объединения («Жургаз»), к которому было приписано «ЛН», было арестовано, в 1938 г. ликвидировано, журнал «Литературное наследство» передан сначала в Гослитиздат, затем издательству Академии наук СССР. С этого момента «ЛН» официально приобретает академический статус, на который изначально содержательно был ориентирован проект И. Зильберштейна, в 1931 г. в угоду времени одетый в политические лозунги. На заседании Президиума Редакционно-издательского совета АН СССР от 28 июня 1938 г. в присутствии С. Вавилова, В. Бонч-Бруевича, М. Цявловского, Е. Лихтенштейна,

9 «Мы никогда не были изданием узковедомственным...» Из стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР 25 июня 1947 г. / публ. А.Ю. Галушкина; коммент. М.А. Фролова при участии С.И. Панова. Эта публикация, основанная на материалах фонда С.А. Макашина (НА ТГОМ. Ф. Р-13) и ПФА РАН (Ф. 150), готовится к печати в составе тома к 90-летию «Литературного наследства».

К. Островитянова было принято решение о сосредоточении публикации «всех архивных материалов по истории литературы и общественной мысли, а также статей, комментирующих эти материалы, в переданных Академии Наук сборниках “Литературное наследство”», и «ЛН» было утверждено «в качестве органа Института Литературы АН»[10].

В 1947 г. на заседании Ученого совета ИРЛИ И. Зильберштейн сформулировал принципиальное отличие «ЛН» от других, осуществлявшихся в те же годы археографических изданий: «Прежде всего, мне хотелось бы отметить то принципиальное, что резко отличает нашу работу по выявлению и разработке документальных источников по истории русской литературы и общественной мысли от того, как велась эта работа раньше, и нередко от того, как ведется она в настоящем, возьмем, например, сборник “Звенья”. Их работа строилась, грубо говоря, на основе самотека: исключительное большое место принадлежало в их публикаторской практике фактору случайности. <…> В “Литературном наследстве”, принимаясь за разработку той или иной темы, мы, как правило, начинали с того, что предпринимали самое тщательное обследование всех архивов, в которых могли находиться связанные с нашей темой материалы, при этом — архивов не только советских, но и зарубежных. Систематически работая с нашими авторами, мы всегда стремимся к тому, чтобы предоставить в их распоряжение возможный максимум материалов. <…> Я мог бы привести десятки примеров, когда в нашем издании, в “Литературном наследстве”, соединялись в одной публикации дробные осколки единого в прошлом фонда, который в наши дни оказывался распыленным по четырем-пяти хранилищам. <…> Мы никогда не ставили целью публиковать документ ради самой документации, а всегда старались поднять этот документ до принципа исследовательской обработки»[11].

Феноменальные организаторские способности творческого тандема И. Зильберштейна и С. Макашина — «искусная организация творческого процесса», по словам М. Алексеева, когда необходимо было решить вопрос с финансированием, заключением договоров с исполнителями — исследователями, публикаторами, переводчиками, вести поиск полиграфической

10 Архив РАН. Ф. 454. Оп. 1. Ед. хр. 5. См.: Там же.

11 «Мы никогда не были изданием узко ведомственным…». Из стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР 25 июня 1947 г.

базы; их редкая работоспособность, сказывающаяся с особенной яркостью, когда речь шла о формировании сразу нескольких томов «ЛН», редакционной работе с тысячелистными рукописями и версткой, и исключительная целеустремленность, когда редакция «ЛН» вступала на часто исполненный интриг путь борьбы с конкурентами [20] за уникальные архивные материалы, как, например, было при подготовке «некрасовского» тома. Письмо В. Бонч-Бруевича, адресованное И. Зильберштейну 16 мая 1950 г., полно упреков последнему в том, что «ЛН» узурпировало переписку Н. Некрасова с В. Лазаревским для некрасовского тома, «очевидно забыв, что все письма Некрасова к Лазаревскому были приобретены ГЛМ и печатаются у нас в № 8 “Звеньев”»[12]. К моменту этого обращения судьба любимого детища В. Бонч-Бруевича, издательства Литературного музея, и его собственная судьба как главного редактора была уже решена. Новые книги сотрудников ГЛМ начали выходить уже в Государственном издательстве культурно-просветительской литературы, а 30 декабря 1950 г. В. Бонч-Бруевич лишился своей должности в ГЛМ. Таков был итог острой конкуренции на рынке архивных публикаций, участие в которой принял сотрудник ИМЛИ и «ЛН» З. Паперный. Его перу принадлежала разносная рецензия «Либеральное недомыслие» в «Литературной газете» 10 января 1948 г., в то время возглавляемой бывшим секретарем РАПП, литературным критиком В. Ермиловым, на книгу Н. Анциферова «И.С. Тургенев. 1818–1883» (под редакцией В. Бонч-Бруевича) [15]. З. Паперному принадлежал также уничтожающий отзыв в «Литературной газете» от 1 марта 1950 г. «Сергей Никифорович, его родные и близкие», приведший к гибели десятого по счету тома «Летописей» Гослитмузея, где было опубликовано полное собрание сочинений поэта XIX в. С. Марина [17].

Несмотря на авторитетность и связи И. Зильберштейна, судьба «ЛН», как вспоминал С. Макашин, в конечном счете зависела «от тех задач, которые выдвигаются в области освоения и разработки культурного наследия прошлого практикой строительства коммунизма в нашей стране»[13]. Поли-

12 РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 6. Ед. хр. 159. Л. 2.

13 Из стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР 29 июня 1949 года // ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1949) / публ. К.М. Азадовского, А.Ю. Галушкина; коммент. М.А. Фролова при участии С.И. Панова. Эта публикация, основанная на материалах фонда Ф. 150 ПФА РАН, готовится к печати в составе тома к 90-летию «Литературного Наследства».

тическая цензура и идеологический контроль со стороны ЦК никак не облегчали редакции «ЛН» ее общепризнанного положения на передовом крае отечественной историко-литературной науки. «ЛН» приходилось постоянно быть начеку. Главный редактор «ЛН» П. Лебедев-Полянский признавался в 1947 г.: «Несмотря на некоторую осторожность, все-таки некоторые срывы в нашей работе были. К чему это приводит? Вот работа М.П. Алексеева. Я ее два раза читал от корочки до корочки, и третий раз буду читать. Первый раз читал, когда у нас были сердечные отношения с Англией, второй раз прочитал, когда у нас эти сердечные отношения изменились и стали "сердечными" в обратном смысле слова»[14].

Работа на одном из самых опасных участков литературного фронта сталинской эпохи — публикации архивных документов — обнаруживает исключительную способность «ЛН» к выживанию. Вызывает вопросы, как в 1937 г. И. Зильберштейну удалось издать прекрасно иллюстрированный том «ЛН», целиком посвященный русскому символизму, с публикацией исследований по философии, поэтике, языку, эстетическим программам, политической позиции символистов, с обзорами, указывающими местонахождение архивов, с опытами библиографии литературного наследства А. Блока, В. Брюсова и недавно умершего А. Белого[15]. Как дерзкий вызов власть предержащим можно рассматривать прием на работу подвергавшегося аресту и заключению дворянина С. Макашина в 1931 г., бесстрашная переписка И. Зильберштейна с НКВД по вызволению Макашина из ссылки, осужденного 12 октября 1941 г. ОСО НКВД к пяти годам лагерей (по ст. 58, п. 10), создание всевозможных условий для появления на свет фундаментальной работы репрессированного С. Дурылина «Русские писатели у Гете в Веймаре» в начале 1930-х гг., разрешение в 1944 г. на участие в герценовских томах того же Н. Анциферова, трижды судимого как «каэра», и, наконец, попытки в 1948 г. опубликовать работы отбывавшего ссылку Ю. Оксмана.

1947, 1949, 1959 гг. были для «ЛН» особенно тяжелыми, когда редакции грозила серьезная опасность. В условиях борьбы с космополитизмом издание лермонтовского тома с «порочными» статьями компаративистского толка Б. Томашевского и Л. Гроссмана вызвало разборки в прессе [10].

14 «Мы никогда не были изданием узко ведомственным...». Из стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР 25 июня 1947 г.

15 РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 76 а.

Были признаны «политически ошибочной» статья В. Мануйлова «Лермонтов и Краевский», «антиисторичной, субъективно-психологической» работа С. Дурылина «Врубель и Лермонтов», сблизившего «протестующе-обличительные устремления» лермонтовского «Демона» с «декадентским творчеством Врубеля», что потребовало серьезного разбора деятельности редакции «ЛН» на Ученом совете ИРЛИ.

Но и здесь, перед лицом «научной и партийной общественности» И. Зильберштейн и С. Макашин аргументированно и бесстрашно защищали своих авторов и коллегиальное решение редакции: «Нельзя сказать, что редакция не видела этого органического порока статьи С.Н. Дурылина. Нет, редакция видела этот порок. Статья возвращалась автору для переработки, она правилась, и в редакции вопрос о возможности ее напечатания возбуждал большие сомнения и споры. И если за всем тем порочная статья С.Н. Дурылина оказалась напечатанной и вызвала справедливую критику, то лишь потому, что редакция, желая спасти тот ценный фактический материал, который собран в статье, примиренчески отнеслась к существенным принципиальным, методологическим недостаткам работы, проявило здесь своего рода "делячество"»[16].

Четыре неудачных попытки издания пережил блоковский том. Цензурные изъятия коснулись уже упомянутых 1-го и 7/8-го томов и 80-го тома «Ленин и Луначарский». Но все это несравнимо с травлей 65-го тома «Новое о Маяковском», подготовка которого пришлась на хрущевскую оттепель. В журнальной периодике уже звучали имена Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, Ф. Искандера, Ю. Мориц, В. Федорова, Б. Окуджавы, В. Гордейчева, Ю. Казакова, Ю. Трифонова, М. Щеглова, публиковались стихи Б. Корнилова, П. Васильева, Д. Кедрина, Вс. Багрицкого, П. Когана. Но «бронзовому монументу на Триумфальной площади Страна Советов не могла позволить <...> лирическую слякоть» [8] любовных писем поэта. И. Зильберштейн и сотрудники «ЛН» лишь по счастью избежали судьбы, в 1940–1950-е гг. постигшей профессорско-преподавательский состав советских вузов [19]. Инициированная Л. Маяковской критическая проверка содержания тома получила поддержку в Политбюро, а 31 марта 1959 г. Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей признала грубой ошибкой

16 Из стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР 29 июня 1949 года // ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1949).

Отделения языка и литературы Академии наук СССР, под эгидой которого существовал «ЛН», выпуск 65-го тома «Новое о Маяковском». Однако заступничество лауреата Ленинской премии Луи Арагона с его родственными связями с Л. Брик погасило волну. И. Зильберштейн остался редактором издания, выход второго тома о Маяковском был запрещен (не опубликован он и до сих пор), а для «ЛН» с этого момента начался третий этап институционального существования, теперь уже под юрисдикцией ИМЛИ РАН — в те времена флагмана партийного литературоведения [5].

Редакция «ЛН» обладала необходимой для выживания гибкостью. В 1970 г. в работе над томом «Ленин и Луначарский» И. Зильберштейн внял совету заведующего Центральным партийным архивом А. Соловьева: «Ну, чего вы настаиваете? Ну, выбросите» — и «выбросил» записку Ленина к В. Менжинскому с просьбой отпустить за границу умирающего Блока и злой ответ ему Менжинского. Не столь кроток он был в реакции на разнос, учиненный ему Главлитом за том «Горький и Леонид Андреев». В ОР ИМЛИ сохранился автограф его письма от 10 ноября 1964 г.: «Уважаемые товарищи! Редакция “Литературного наследства” внимательно ознакомилась с Вашими пометками на листах 72-го тома “Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка”. Графический характер пометок и отсутствие объяснительной записки затрудняет во многих случаях пояснение мотивов, по которым те или иные места текста привлекали к себе Ваше внимание, так и Ваших конструктивных предложений или пожеланий. Подавляющее большинство пометок относится к тем местам в публикуемых архивных документах, в которых содержатся куски и характеристики явлений и деятелей прошлого, не совпадающие с нашим современным отношением к ним. Неясно, однако, чего же хочет здесь Главлит. Не изъять же полностью или частично — этих историко-литературных документов? Тогда вообще нужно было бы взять под сомнение публикацию историко-литературных документов? Тогда вообще нужно было бы взять под сомнение публикацию историко-литературных материалов далекого уже исторического прошлого»[17]. В другом варианте того же письма он уже откровенно шел ва-банк: «Уважаемые товарищи! Большинство Ваших замечаний имеет сугубо формальный и антиисторический характер»[18].

17 ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96.
18 Там же.

Материалы архива не содержат информации о том, какой именно текст поступил в Главлит, однако сочетание наступления с готовностью пойти на уступки, в частности, на изъятие из верстки публикации А. Наумовой с выступлениями М. Горького по делу М. Бейлиса, как ни старался их сохранить И. Зильберштейн («Взгляды Горького по этому вопросу полностью совпадают с позицией Ленина. Горький не мог не выступать против погромов, так как был великим гуманистом. Абсолютно непонятно, почему Главлит берет под подозрение соответствующие высказывания Горького»[19]) — дали желаемый результат. Публикация тома с оговоренными купюрами была разрешена.

Как справедливо отмечал А. Галушкин, источниковедческие стратегии и эдиционно-текстологическая практика редакции «Литературного наследства» часто были уникальны. Обнаруженные в фонде «ЛН» ОР ИМЛИ внутренние рецензии подтверждают эту мысль и свидетельствуют о «ЛН» как литературной институции, формировавшей на протяжении многих лет в непростых идеологических условиях собственную научную школу текстологии и археографии, благодаря чему опубликованные тома «ЛН» представляют и сегодня во многих отношениях образцовую академическую серию. Этим объясняется необходимость анализа и публикации внутренних рецензий «ЛН», текстологических записок, определяющих порядок подготовки рукописей и проч. К этому можно добавить, что в дошедших до нас рецензиях и отзывах раскрываются некоторые принципы цензурирования текстов томов и подходы к автоцензуре со стороны составителей и редакторов «ЛН», дополняющие картину историко-литературного процесса времени.

Отличительными чертами работы редакции «ЛН» над очередными томами, которые вели к характерному для «ЛН» «долгострою», были неутомимый и постоянный поиск все новых и новых архивных источников, что вызывало разрастание материалов до пяти и более томов (ср. судьбу герценовской темы, или выросший из плана на две книги тома «ЛН» «А. Блок. Новые материалы и исследования», который по факту был значительно превышен: как известно, «ЛН» издало пять книг, посвященных А. Блоку); «делячество», требующее времени для поиска, отбора, согласования, борь-

19 Там же.

бы за сохранение неугодных власти авторов для высококачественной исследовательской и комментаторской работы, и, наконец, неизбежный для становящегося очередного тома период научного вызревания, когда собирался и осмыслялся исключительно новый и незнакомый материал. В последнем редакция «ЛН» часто опережала своего читателя. Так было с уже упомянутым выше «маяковским» томом. Архив сохранил характерную реакцию читателей, возмутившихся намерением «ЛН» сделать достоянием общественности не то письмо В. Маяковского, «которое дает что-то новое с точки зрения познания взглядов поэта, его творчества, его взаимоотношений с единомышленниками или разномышленниками, его политического облика», а «то самое интимное, предназначавшееся для одного единственного человека»[20]. Общей неготовностью общества воспринять свободное от идеологических и эстетических ограничений творчество объясняются немалые информационные потери при подготовке, например, 93-го тома «ЛН» «Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования», начало работы над которым относится к 1967 г., а завершение — к 1983 г. Смена политической ситуации — от хрущевской оттепели к брежневскому застою –– потребовала секвестирования представленных Т. Никольской и М. Мейлахом прозы Л. Добычина и поэзии обэриутов, но как в этом случае, так и во многих других способствовало созданию интеллектуального и материального резерва «ЛН» — не вышедших его томов или приложений к ним [4].

Не вышедшие тома «ЛН» и по сей день — ценный резерв для новых архивных публикаций, как, например, неопубликованный биобиблиографический словарь-справочник, приложение к 78-му тому «Литературного наследства» «Писатели на фронтах Великой Отечественной войны», работа над которым была начата в 1963 г. и завершилась лишь через десять лет. В 1964 г. редакция «ЛН» предприняла беспрецедентные по своему размаху разыскания биографических данных писателей-фронтовиков, охватив поисками архивы, институты, Министерство обороны, Президиумы Верховных советов союзных республик, региональных отделений СП СССР. Предполагалось, что словарь–справочник сосредоточит в себе сведения о писателях, принимавших участие в битве с фашизмом в годы

20 РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 6. Ед. хр. 14 а. Л. 1.

войны в действующей армии, в партизанских соединениях, в редакциях газет и журналов, а также о тех, кто участвовал в 1945 г. в войне с Японией, сведения о том, в каких частях и соединениях проходили они воинскую службу, в каких воинских званиях состояли, в каких военных изданиях сотрудничали, какие награды получали, какие книги были написаны ими и изданы в годы войны. Предельная эдиционная скрупулезность редактора «ЛН» Н. Трифонова требовала уточнить, например, когда именно был ранен Герой Советского союза Владимир Васильевич Карпов — 17 августа 1948 г. или 19 августа того же года. «Может быть, это противоречие вкралось в результате опечатки? Нельзя ли сверить с подлинником? Если же и в подлиннике разные даты, то какая, по Вашему мнению, вернее и где лучше сделать исправление (с оговоркой в примечании)?»[21] Неохватность материала, плохая сохранность сведений вкупе с редакторской скрупулезностью исполнителей, требовавших документальной точности предоставляемых в «ЛН» сведений, стали в этом случае причиной того, что словарь-справочник так и не был завершен в свое время и был подготовлен к печати сотрудниками ОР ИМЛИ.

Сегодня, обращаясь к истории «ЛН» XX в., очевидно, что это время было периодом становления в условиях советской реальности академической школы текстологии и источниковедения, создания интеллектуальной и идеологической платформы, на которой вызревала новая генерация историков литературы.

Список литературы

Исследования

1 И.С. Зильберштейн: Штрихи к портрету. М.: Наука, 2006. 520 с.

2 «Литературное наследство»: Страницы истории. Из архива С.А. Макашина (К 80-летию основания издания) / публ. и подгот. текста А.Ю. Галушкина; вступ. заметки А.Ю. Галушкина при участии М.А. Фролова; коммент. М.А. Фролова и А.Ю. Галушкина // Русская литература. 2011. № 2. С. 63–98.

3 Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Т. 104. Кн. 1: «Литературное наследство» за 80 лет: Указатели к томам 1–103 за 1931–2011 годы / отв. ред. А.Ю. Галушкин; библиогр. ред. Е.Д. Лебедева при участии О.Я. Алексеевой; сост. А.Ю. Галушкин, Ю.Г. Кондратьева, Е.Д. Лебедева, Г.П. Манчха, Е.Н. Никитин,

21 РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 6. Л. 6.

Г.А. Петрова, Л.Н. Подгуг, М.А. Фролов при участии Е.В. Михайлова и М.И. Трепалиной. 584 с.

4 *Московская Д.* Из истории литературной политики XX века. «Литературное наследство» как академическая школа // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 296–333.

5 Слишком «Новое о Маяковском»: Стенограмма заседания Бюро Отделения литературы и языка АН СССР 24 февраля 1959 г. / подгот. текста и коммент. А.Ю. Галушкина и М.А. Фролова // Литературный факт. 2017. № 5. С. 288–372. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-5-288-372

Источники

6 *Андроников И.* Более трети века // Литературная газета. 1965. 3 августа.

7 Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. 752 с.

8 *Галушкин А.* Слишком «Новое о Маяковском» // Новая газета. 2009. 3 апреля.

9 *Зелинский К.* Что делать, или О новой теории социальной обреченности // На литературном посту. 1931. № 2. С. 35–39.

10 *Иванов С.* Еще раз о комментаторах Лермонтова // Октябрь. 1949. № 5. С. 187–191.

11 *Кроленко А.А.* Дневник за 1928 год / предисл., публ. и коммент. И.В. Дацюк // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта. ИРЛИ, 2011. URL: http://old.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=UAuGArnOGqg%3D&tabid=10460 (дата обращения: 21.10.2021).

12 Летопись Российской Академии наук: в 4 т. СПб.: Наука, 2007. Т. 4: 1901–1943. 1075 с.

13 *Макашин С.* Изучая Щедрина (Из воспоминаний) // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 131–132.

14 Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1: 1925 — июнь 1941 гг. 1023 с.

15 Н.П. Анциферов в воспоминаниях Е.Н. Дунаевой / предисл., публ. и коммент. И.М. Рудой // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. статей по материалам международной конференции, посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича / отв. ред.-сост. Д.С. Московская. М.: ГЛМ, Три квадрата. 2014. С. 151–171.

16 От редакции // Литературное наследство / РАПП и Ин-т ЛИЯ Комакадемии. М.: Жур.-газ. объединение, 1931. С. 2–6.

17 *Рудой И.М.* Десятый том «Летописей» — последнее издание В.Д. Бонч-Бруевича в Гослитмузее // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. статей по материалам международной конференции, посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича / отв. ред.-сост. Д.С. Московская. М.: ГЛМ, Три квадрата. 2014. С. 17–25.

18 *Сталин И.* О некоторых вопросах большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. 1931. № 6. С. 3–12.

19 *Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В.* Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960 е годы). М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 176 с.

20 *Шумихин С.В.* В.Д. Бонч-Бруевич и И.С. Зильберштейн у истоков советского музейно-архивно-публикаторского дела // И.С. Зильберштейн: Штрихи к портрету. М.: Наука, 2006. С. 72–119.

References

1 *I.S. Zil'bershtein: Shtrikhi k portretu* [*I.S. Silberstein: Sketches for a Portrait*]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 520 p. (In Russ.)

2 "'Literaturnoe nasledstvo': Stranitsy istorii. Iz arkhiva S.A. Makashina (K 80-letiiu osnovaniia izdaniia)" ["*Literary Heritage*: Events of History. From the Archive of S.A. Makashin (To the 80th Anniversary of the Founding of the Publication)", publ. A.Yu. Galushkin; Introduction, comments by A.Yu. Galushkin with the participation of M.A. Frolov; comm. by M.A. Frolov and A.Yu. Galushkin]. *Russkaia Literatura*, no. 2, 2011, pp. 63–98. (In Russ.)

3 *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 104, book 1: "Literaturnoe nasledstvo" za 80 let: Ukazateli k tomam 1–103 za 1931–2011 gody [80 years of *Literary Heritage*: Indexes to Volumes 1–103 for 1931–2011], ed. by A.Yu. Galushkin; comp. by A.Yu. Galushkin, Yu.G. Kondratiev, E.D. Lebedev, G.P. Mancha, E.N. Nikitin, G.A. Petrov, L.N. Podgug, M.A. Frolov with the participation of E.V. Mikhailov and M.I. Trepalina. Moscow, IWL RAS Publ., 2012. 584 p. (In Russ.)

4 Moskovskaya, D. "Iz istorii literaturnoi politiki XX veka. 'Literaturnoe nasledstvo' kak akademicheskaia shkola" ["From the History of the 20th Century Literary Politics. *Literary Heritage* as an Academic School"]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2018, pp. 296–333. (In Russ.)

5 "Slishkom «Novoe o Maiakovskom': Stenogramma zasedaniia Biuro Otdeleniia literatury i iazyka AN SSSR 24 fevralia 1959 g." ["Too 'New about Mayakovsky': Transcript of the Meeting of the Bureau of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences on February 24, 1959", publ. by A.Yu. Galushkin and M.A. Frolov"]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 288–372. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-5-288-372 (In Russ.)

Научная статья и публикация архивных документов / Research Article and Publication of Archival Documents

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И БОРИС ЗАЙЦЕВ: ЮБИЛЕЙНЫЕ ХЛОПОТЫ 1926 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Дата поступления статьи: 17 апреля 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 18 июня 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-466-485

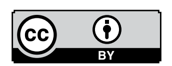
Аннотация: Статья посвящена сюжету из литературной жизни русской эмиграции, связанному с творческим юбилеем Бориса Зайцева в 1926 г. Впервые в научный оборот вводится неизвестный архивный материал, открывающий деятельность Алексея Ремизова в освещении этого литературного события на страницах европейской печати. Архивные документы (фрагменты неопубликованной ранее переписки Ремизова и Зайцева эмигрантского периода) и неизвестные печатные источники позволили автору статьи описать характер взаимоотношений двух писателей сходной литературной биографии в контексте литературной ситуации 1926 г. Юбилейное торжество как фактор общественного признания для Ремизова стало поводом для интеграции значительных явлений русской литературы в пространство европейской литературы и культуры. Статья содержит неизвестные биографические сведения о ремизовских корреспондентах.

Ключевые слова: русское Зарубежье, стратегия литературного поведения, юбилей писателя, общественное и культурное признание, биография, архивные документы, А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199004 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1823-6321

E-mail: lena.eo@mail.ru

Для цитирования: *Обатнина Е.Р.* Алексей Ремизов и Борис Зайцев: юбилейные хлопоты 1926 г. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 466–485. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-466-485

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

ALEXEY REMIZOV AND BORIS ZAITSEV: 1926 ANNIVERSARY PREPARATIONS

© 2021. Elena. R. Obatnina
Institute of Russian Literature
(The Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia
Received: April 17, 2021
Approved after reviewing: June 18, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: The article is dedicated to a story from the literary life of Russian emigration related to the anniversary of Boris Zaitsev of 1926. The article introduces hitherto unknown archival material that demonstrates how Alexey Remizov worked to cover this literary event in the pages of the European press. Archival documents (fragments of a hitherto unpublished emigrant period correspondence of Remizov and Zaitsev) and unknown print sources have allowed me to describe the nature of the relationship between two writers sharing similar literary biographies in the context of the literary situation of 1926. The anniversary celebration as a factor of public recognition for Remizov became an occasion for integrating significant phenomena of Russian literature into European literature and culture. The article contains obscure biographical information about Remizov's correspondents.

Keywords: Russian emigration, strategy of literary behavior, anniversary of the writer, public and cultural recognition, biography, archival documents, A.M. Remizov, B.K. Zaitsev.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199004 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1823-6321

E-mail: lena.eo@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. "Alexey Remizov and Boris Zaitsev: 1926 Anniversary Preparation." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 466–485. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-466-485

Творческая жизнь двух писателей имела немало точек пересечений и даже биографических совпадений. Подобно «близнецам», один за другим вошли они в литературу, начиная летоисчисление писательского пути с факта первой публикации в московской газете «Курьер», совершившейся под патронажем Леонида Андреева: Б. Зайцев — 15 июля 1901 г. (в имени автора тогда была допущена ошибка «П. Зайцев»), А. Ремизов — годом позже, 8 сентября 1902 г. (под псевдонимом «Н. Молдаванов»). Впоследствии оба писателя обращались к близким творческим темам, воплощая их в такие разные по художественному модусу произведения.

С самого начала их знакомства повелось, что залогом личного сближения оказывались деловые отношения. Непосредственная работа Б. Зайцева в литературных отделах московской дореволюционной, а затем эмигрантской периодики стала неотъемлемой частью его профессиональной жизни, а его литературные предпочтения как составителя портфелей повременных изданий неизменно связывались с А. Ремизовым, избранным в ряду востребованных беллетристов[1]. Еще в конце 1906 г., когда в издательстве «Золотое Руно» готовилась к печати первая книга фольклорных обработок «Посолонь», исполняющий обязанности корректора, такой же начинающий писатель Б. Зайцев направлял в Петербург обнадеживающие письма: «...насчет корректуры “Посолонь” не беспокойтесь, — я сличал все очень тщательно» [10, т. 10, с. 32][2]. Вышедший вскоре сборник апокрифи-

1 В дореволюционный период сотрудничество писателей в российской печати осуществлялось в газете «Раннее Утро» (1907, 1909), в эмиграции — в рижском журнале «Перезвоны» (1925, 1927).

2 Очевидно, готовя свою переписку для передачи в фонды Императорской публичной библиотеки в 1919 г., писатель на письме оставил свой комментарий красными чернилами:

ческих сказаний открыл новую перспективу ремизовского творческого развития и также не был оставлен вниманием московского литератора. Настроенный на собственное осмысление культурного топоса «Святая Русь», Б. Зайцев теперь уже с позиций заведующего литературным отделом новой газеты «Утро России» адресовал своему корреспонденту конкретный заказ: «Вы как автор “Лимонаря” крайне желательны редакции (между прочим много читателей старообрядцев) — и уж конечно мне» [10, т. 10, с. 32].

Так сложилось, что только в обстоятельствах эмигрантской жизни контакты давних знакомцев приобрели характер литературного товарищества и глубокого дружеского расположения. В Париже круг писателей поколения первых русских модернистов, общение с которыми оставалось для Ремизова непреходящей ценностью со времени знакомства в молодые годы, был чрезвычайно узким и практически ограничивался двумя именами философов (Л. Шестов и Н.А. Бердяев). Сближение с Б. Зайцевым оказалось редким обретением душевно близкого собрата по перу[3]. Новый уровень взаимоотношений запечатлелся в нескольких печатных выступлениях, связанных с чествованием такой памятной даты личного календаря Б. Зайцева, как 25-летие литературного пути. Именно тогда А. Ремизову представилась возможность выразить благодарность за дружбу и поддержку. Особое внимание А. Ремизова к этому событию объяснялось и тем, что позволяло спроецировать юбилей Б. Зайцева на собственную биографическую ситуацию. В следующем 1927 г. его самого поджидал двойной юбилей: полвека от роду и четверть века литературной жизни [2, с. 33–34].

В культурном пространстве публичное юбилейное чествование представляет собой форму объективации общественного признания писателя и его литературного статуса. Степень вовлеченности юбиляра в общественно-культурные взаимоотношения прямо пропорционально отражается в масштабе юбилейных торжеств. Отношение основных героев выбранного нами сюжета к проблеме юбилея зафиксировалось в эпистолярных и пе-

«И все-таки много опечаток. Есть и поправки» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1). См. также об издании «Посолони» мемуарный очерк Б. Зайцева «О Ремизове — К десятилетию кончины» [10, т. 6, с. 358–359].

3 Ср. слова из статьи, написанной в подведение итогов жизни: «Для меня в нем ушел последний сотоварищ по писанию — моего поколения. Своеобразнейше одаренный писатель и книгочий, москвич с Земляного вала, дорогой Алексей Михайлович, кого знал полвека...» [8, с. 415].

чатных документах и позволяет не только описать неизвестные страницы летописи жизни представителей творческой эмиграции, но и осмыслить мотивы и особенности литературного поведения избранных героев.

Год 1926-й стал для Ремизова временем небывалой ранее открытой демонстрации личной и творческой независимости от политических и эстетических регламентаций эмигрантского литературного сообщества [3, с. 8–53]. Крайнее неодобрение коллективного большинства к сотрудничеству писателя в журналах «Благонамеренный», «Версты» и «Своими путями», казалось, только укрепляло писателя в желании проявить себя как деятельного участника литературного процесса (который в его понимании не ограничивался только эмигрантской печатью) и, в частности, вести на страницах повременных изданий хронику литературной жизни. Повествовательная форма была подсказана самим временем, совпавшим с «круглыми» датами в биографии известных представителей русского Зарубежья. Введенный А. Ремизовым в литературный обиход жанр юбилейного эссе содержал в себе — как латентно, так и явственно — идею творческого союза свободно мыслящих людей, транслируемую в эстетике авторского локуса Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. Далеко не случайно публикации этих текстов в 1926 г. появились в немецкой периодике[4]. Инициатива А. Ремизова мотивировалась личным пониманием необходимости объединения зарубежной русской и европейской литературы в едином культурном пространстве. К шагам подобного рода, несомненно, следует отнести появление в переводе на немецкий язык очерка „Was ich dem deutschen Geist verdanke“ («Чем я обязан немецкому духу»), который так и остался неопубликованным в русской печати [23]. До известной степени ремизовская мысль об интеграции в европейский литературный процесс возникла от чувства отчужденности в эмигрантской среде Парижа, обострившегося в 1925 г. и вошедшего в острую фазу в 1926–1927 гг. Именно это одиночество и даже противостояние русскому Парижу сказалось на его отношении к собственному юбилею в 1927 г. Характерны строки из письма А. Ремизова к художнику Н.В. Зарецкому, в котором расставлены приоритеты собственного литературного «бытия»: «...я живу здесь совсем отдельно: “изолировано”,

4 См. очерк А. Ремизова, посвященный Л. Шестову, Д.С. Мережковскому и Вяч. Иванову «Три юбиляра»: [20], немногим ранее опубликованный на русском языке, без подписи [18], а также эссе, посвященное юбилею Льва Шестова [19].

мои книги бойкотируются (“Взвихренную Русь” боятся даже произносить) и для меня имеет большое значение, когда закрепляют мое бытие на свете через мои книги иностранцы...» [2, с. 34].

Отношение А. Ремизова к юбилею своего литературного «близнеца» Бориса Зайцева, писателя со схожей творческой биографией, подтверждает, что хлопоты, связанные с подготовкой торжества, были направлены на более важные и долговременные задачи, чем празднование календарной даты. Однако первые шаги в этом направлении ничем особым не отличались от обычного ремизовского затейничества, предназначенного для узкого дружеского круга. Еще в конце мая юбиляр получил по почте графический портрет, который, очевидно, создавался в проекции надвигающейся памятной даты его литературного дебюта в московском «Курьере»:

29. 5 <19> 26
Paris

Дорогой Борис Константинович

<...> Посылаю Вам Ваш портрет. По-немецки я его устрою в Literarische Welt — Вас и Н.А. Бердяева[5]. А по-русски попытаю счастья у Лукаша в «Слове»[6].

(BAR, фонд Б.К. Зайцева[7])

Характерно, что свой отклик на юбилей Б. Зайцева, А. Ремизов наметил разместить не в парижской периодике, а на периферии эмигрантского мира (латышская русскоязычная пресса) и на страницах немецкой печати. Причем самым вероятным и достойным юбиляра местом для публикации первоначально ему виделся литературный раздел берлинской газеты „Literarische Welt“, с которой тесно сотрудничал переводчик и пропагандист русской прозы и философской мысли Ганс Руофф[8]. Б. Зайцев не придал зна-

5 Место хранения портретов Б. Зайцева и Н. Бердяева (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. № 29. Л. 4, 5).

6 Иван Созонтович Лукаш (1892–1940) — писатель, журналист; редактор рижской газеты «Слово» (1925–1927). См. о нем: [7, с. 83–104].

7 BAR — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture at Columbia University in the City of New York (USA). “Alexei Mikhailovich Remizov Manuscripts” (далее — BAR, с указанием фонда).

8 Ганс Руофф (H. Ruoff; полное имя Johannes Albert Fritz; Иван Федорович; 1893–1985). См. о нем в статьях Ф.Б. Полякова [4; 5; 6].

чения объявленным в письме намерениям своего корреспондента, связанным с дальнейшей репродукцией наивного рисунка, и воспринял присланный артефакт как предвестие вовлечения его в ареал Обезьяньей Великой и Вольной Палаты:

30 мая
1926

Дорогой Алексей Михайлович, благодарю Вас за портрет. Он = Матиссу, Утрилло и Леонардо да Винчи. Ошибка только та, что членом Pen club'a я никогда не был, а могу быть лишь членом другого клуба, похожего, но не столь литературного. <…>

(Amherst. Series 1. B. 4. F. 5[9])

В истории ремизовской организации юбилея просматривается поспешность и подчас практически не объяснимое стечение хронологических ошибок. Предположительно, совпадение литературных дебютов в «Курьере» (с разницей в один год) могло привести писателя и к аберрации года рождения его vis-à-vis, которая зафиксировалась в письме В.Н. Унковскому[10], имевшему связи с редакциями русскоязычной печати в Латвии и Германии:

Париж. 18. 10. <19>26

Дорогой Владимир Николаевич.

Дайте информацию в «За свободу»[11], в Ригу, в Берлин, куда можете, что 10 декаб<ря> 1926 исполняется 25-и летие литературной деятельности Б.К. Зайцеву (1901–1926) и этот день совпадает с 50-летием Б.К. Зайцева (1876–1926) <sic!>[12]. <…>

(BAR, фонд В.Н. Унковского)

9 Amherst — Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers (далее — Amherst, с указанием шифра).

10 Владимир Николаевич Унковский (1888–1964). См. о нем: [1, с. 76], автобиографические сведения по архивным материалам [1; 16, с. 81].

11 См.: [17, с. 6].

12 Год рождения Б.К. Зайцева — 1881.

В это же время предстоящий литературный юбилей Б. Зайцева как значительное культурное событие в жизни русской литературной эмиграции уже был анонсирован на страницах газеты «Дни». Именно это оповещение о намеченной официальной дате чествования послужило информационным поводом для упомянутого нами выше немецкого корреспондента А. Ремизова — Г. Руоффа, который до поры до времени оставил предложение писателя о юбилейной публикации без ответа. Теперь из Берлина он с поспешностью изложил планы редакции газеты „Die Literarische Welt“:

29. 10. <19>26

Дорогой Алексей Михайлович,

Давненько Вам не писал. Все мешали дела да всевозможные хлопоты. <...>.

Сегодня у меня срочная просьба. В «Днях» я прочитал, что 10 ноября исполняется 25-летие литературной деятельности Б. Зайцева[13]. У меня с давнего разрешения его переведены несколько его рассказов. Желательно было бы достать короткую автобиогр<афическую> справку, чтобы вместе с ними напечатать, а также портрет. У меня имеется только старый его адрес: 2 rue Belloni, Paris 15e. Если Вас не затруднит, то обратитесь, пожалуйста, к Борису Константиновичу лично и попросите его от моего имени о том и другом. Главное, как можно скорее. Очень меня обяжете. Я постараюсь пристроить и Ваш с него рисунок. Если вы сами можете срочно выслать мне короткую заметку о Б<орисе> К<онстантиновиче> (вроде как о Л. Шестове, Вяч. Иванове и Мережковском)[14] независимо от его собственной биогр<афической> заметки, то постараюсь поместить ее вместе с Вашим рисунком в L<iterarische> Welt. Но желательно было бы в таком случае получить ее до 4–5-го ноября, если это возможно, даже и раньше.

То же самое касается и автобиогр<афической> справки с портретом. Жду ответа.

С искренним приветом,

Ваш И. Руофф

(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)

13 Подразумевается дата официального торжества, объявленная в газете «День».

14 См. примеч. 4.

Желаемый результат был достигнут, и А. Ремизову оставалось только скоординировать действия юбиляра и переводчика, что он незамедлительно и сделал. Последовал обмен письмами:

<1 ноября 1926. Париж>

Дорогой Борис Константинович

Есть в Берлине еженедельная газета „Die Literarishe Welt“ выход<ит> по пятницам. Это, как “Les nouvelles littéraires” в Париже. Единственная литературная газета. Надо ознаменовать Ваше 25илет<ие>. Не откладывая, пошлите по след<ующему> адресу

Hans Ruoff

München-Nymphenburg

Südliche Auffahrtsalle 8 I

Вашу фотограф<ическую> карточ<ку> и небольшую автобиограф<ическую> заметку <и> библиографию. (Я ему посылаю «Своими путями» № 10 / 1925 / [где ваш портрет])[15] <…>

H. Ruoff = Иван Федорович кав<алер> обез<ьяньего> зн<ака> {он и сам Вам напишет} <…>

(BAR, фонд. Б.К. Зайцева)

3 ноября
1926

Дорогой Алексей Михайлович, как раз собирался Вам писать, когда получил Ваше письмо. Спасибо Вам за внимание и доброе отношение. Но ведь это Ваша инициатива, а, может, быть «Иван Федорович» вовсе и не думает ничего писать. (Да еще оказывается, что потерял Ваше письмо. По крайней мере, ищу вокруг и на столе — не нахожу). Ну, это неважно.

<…>

Привет сердечный обоим от всей нашей семьи — и еще раз спасибо за хлопоты, письма и рисунки, о кот<орых> кое-что слыхал.

Бор. Зайцев

(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)

15 Публ. ответа Зайцева на анкету «Русские писатели о современной русской литературе и о себе» (Своими путями. 1925–1926. № 10/11. С. 19).

Нетрудно заметить, что реакция Б. Зайцева на предложения А. Ремизова по-прежнему была недоверчивой: он заподозрил, что идея чествования на страницах немецкой прессы возникла благодаря деятельности неугомонного выдумщика. Сроки, поставленные берлинским корреспондентом, явно срывались[16]. Тогда А. Ремизову пришло в голову задействовать немецкоязычные органы печати в Праге. В 1925 г. у него завязалась переписка с переводчицей Валли Козичек-Броннек[17], которая была заинтересована в публикации произведений русских писателей на немецком языке в Чехословакии. Выявленное нами ее письменное обращение к А. Ремизову с очевидностью указывает на лакуну в цепочке эпистолярных документов. По всей вероятности, первоначально писатель предложил простую схему действий, в результате которых Б. Зайцев уверился бы в том, что редакция “Prager Presse” сочла своим культурным долгом отметить итоги его литературной деятельности публикацией избранного сочинения на немецком языке и биографическим очерком одного из известных авторов. Очевидно, что в этом же письме А. Ремизову удалась манипуляция логикой действий корреспондентки, которая, уже в свою очередь, просила его не отказать в любезности составить юбилейную статью и разрешить публикацию ее перевода в газете:

Прага, 9/11 1926

Многоуважаемый господин Ремизов!

В ответ на Ваше любезное письмо от 4/11 с<его> м<есяца> спешу сообщить Вам, что редактор “Prager Presse” г. Magr весьма приветствовал

16 Ср. письмо Б. Зайцева, отправленное А. Ремизову 19 января 1927 г., с упоминанием переводчика Г. Руоффа: «От Ruoff’а ничего не получил. Видимо, рухнула его ст<атья> в „L<itetarische> W<elt>“» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 10).

17 Vally Kozitschek (урожд. Goldreich von Bronneck; литературный псевдоним Valerie rounecký; 1887–1944, Аушвиц, Польша) — журналистка и переводчица; в 1925 г. обратилась к А. Ремизову за разрешением его переводов. Согласно содержанию ее писем, она плодотворно сотрудничала с такими немецкими журналами, как „Die Neue Rundschau“ , „Die Dame“, „Das Leben“, публикуя свои статьи и переводы произведений Е. Чирикова, И. Эренбурга, Г. Брейтмана; занималась переводом книг А. Ремизова «Зга», «Посолонь», «Шумы города», «Мара» и др. (Amherst. Series 1. B. 4. F. 5, 7). Из зарегистрированных в библиографии А. Ремизова переводов в настоящий момент выявлен один: Malwine // Übers. V. Kositschek-Bronneck // Prager Presse (Dichtung und Welt, № 39). 1926. 26 Sept. № 264. S. III (рассказ «Мальвина»). Автор статьи выражает сердечную благодарность Ф.Б. Полякову и Anne Hultsch (Институт славистики Венского университета, Австрия) за помощь в нахождении биографических данных V. Kositschek-Bronneck.

идею поместить портрет, справку о деятельности и небольшой рассказ Бориса Константиновича Зайцева ко дню двадцатипятилетия его литературной деятельности, выразив большое желание увидеть Вас автором вышеуказанной справки (размером не превышающем 120 строчек). Сегодня я послала письмо Борису Константиновичу с просьбой о присылке портрета и рассказа и сообщила ему о том, что надеюсь упросить Вас написать что-либо о его деятельности.

Верю, что Вы будете обычно любезны и не откажете мне в просимой статье.

За разрешение на перевод «Посолони» сердечно Вас благодарю <...>.

В ожидании Вашего скорого ответа,

уважающая Вас

Vally Kositschek-Bronneck

(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)

Успешное осуществление хитроумного плана вдохновило А. Ремизова приступить к неотложным церемониальным хлопотам: памятное событие послужило лучшим из оснований для посвящения Б. Зайцева в кавалеры Обезьяньей Палаты. В день получения письма из Праги канцеляриус принялся за изготовление одного из шедевров своего писцового делопроизводства — «юбилейной грамоты», которая по сложности исполнения и численности «обезьяньего» совета превзошла даже грамоту Льва Шестова, оформленную к 60-летию философа в марте того же года [13, с. 147–150; 14]. Обезьяний рескрипт А. Ремизов датировал 10 ноября, вписав это событие в календарь православных святцев, в этот день поминавших Параскеву Пятницу (28 октября по ст. ст.)[18]. Дальнейшее осуществление ремизовского замысла описать торжество Б. Зайцева как значимое культурное событие европейской жизни теперь зависело только от согласия самого юбиляра. Его решение стало известно буквально на следующий день:

18 Грамота Б.К. Зайцева была своевременно опубликована в рижском журнале: *Ремизов А.* К предстоящему юбилею Б.К. Зайцева // Новая нива. 1926. № 47, 4 дек. См. также републикацию фрагмента шуточного документа [9, с. 318]. О праздновании юбилея в Обезьяньей Палате А. Ремизова см. в готовящейся к печати статье: *Обатнина Е.Р.* «Юбилейное бюро» царя Асыки: Алексей Ремизов и Борис Зайцев в летописи памятных событий 1926–1927 гг. // Писатель — Критик — Читатель: механизмы формирования литературной репутации в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Росток, 2022 (в печати).

11 ноября
1926

Дорогой Алексей Михайлович, я получил сегодня письмо от г<оспо>-жи Козичек-Броннек. Пересылаю его Вам[19]. Она имеет на Вас виды по поводу статьи. Мне, разумеется, было бы *очень* приятно, *если бы* Вы написали, объяснять тут не нужно — но не есть ли это ее собственный «домысел»? Буду очень признателен, если сообщите свой взгляд на это. Видимо, она сама написать не может. Если не вы, тогда надо просить кого-ниб<удь> здешних.

<…>

Сердечный привет. Черкните.

Ваш Бор. Зайцев

(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)[20]

Промежуточные переговоры между писателями остались без документальных подтверждений, но незамедлительно юбиляр предоставил А. Ремизову автобиографическую справку для заказанной в редакции "Prager Presse" юбилейной заметки. Нижеследующее письмо представляет собой уникальный автобиографический документ, в котором рукой Б. Зайцева, его известным стройным и аккуратным почерком начертана неправдоподобная датировка года его рождения — 1876, полностью совпадающая с ремизовским убеждением в том, они с Б. Зайцевым литературные «близнецы» — по пропорции «круглых» дат: 50 лет от роду и 25 литературного пути. Обратим внимание, что юбиляр, подчеркнув «объективность» сообщенных им сведений, возможно, иронизировал над путаницей, внесенной «биографом», которая вовремя была обнаружена и устранена. Однако за неимением достоверных версий о причинах этой фантастической ошибки, также допустим, что в истории чествования, получившей воплощение как в привычных жанрах, так и в мифологических[21], магия чисел имела значение:

19 Письмо среди корреспонденции А. Ремизова не обнаружено; вероятно, оно было возвращено Б. Зайцеву.

20 Здесь и далее в письмах Б.К. Зайцева курсивом выделены слова, подчеркнутые его рукой.

21 См. примеч. 18.

15 ноября
1926

Дорогой Алексей Михайлович, прилагаю Вам краткие литер<атурные> сведения о себе — т<ак> к<ак> они вполне объективны, то я счел возможным написать все это сам.

Родился в 1876 г. <sic! — *Е.О.*>, в Орле. Отец был горный инженер. Детство в Калужской губ., частью на месте службы отца. Частью в его имении под Калугою. Среднее образование получил в Калуге. Высшее в Москве и Петербурге.

В 1901 г. в москов<ской> газете «Курьер» появился первый рассказ «В дороге». В нем есть влияние Леонида Андреева, с которым в те времена был близок. Андреев заведовал литер<атурным> отделом «Курьера» и поддерживал начинающего писателя. Ранние литер<атурные> влияния — Чехов, затем Флобер, частью — французские символисты. В 1904 г. первая вещь в толстом журнале, где лит<ературным> редактором был Бунин. В 1906 г. перв<ая> кн<ига> рассказов, в изд<ательст>ве «Шиповник». В дальнейшем ряд книг. Отдельные рассказы печатались почти во всех главнейших альманахах и журналах того времени.

До революции вышло в России шесть томов рассказов, роман «Дальний край» и перевод «Искушения св. Антония» Флобера. Переведен также [но из-за войны и революции не увидел света] «Ад» Данте.

Годы до 1922 прошли в Москве и имении отца в Тульск<ой> губ<ернии> — Притыкине, с которым связано наибольшее число литературн<ых> работ этой полосы. В 1904 г. впервые был с женой заграницей и навсегда приобрел итальянскую ориентацию. Италия, где удалось побывать до войны пять раз, сильно вошла в писание. Много страниц посвящено ей в рассказах, и часть действия «Дальнего края» там происходит (как и в позднейшем ром<ане> «Золотой узор»).

В 1922 г. выехал с семьей заграницу — сначала в Берлин, а затем в Италию и, наконец, послед<ние> три года живу в Париже.

В Берлине изд<ательст>во З.И. Гржебина выпустило «Собрание сочинений». Но туда вошло не все. (I Тихие зори, II Сны, III Усадьба Ланиных, V Земная печаль, VI Голубая звезда, VII — книга, написанная в Притыкине, во время разгрома революции. «Италия». В послед<ние> годы России написан также ряд рассказов, вышедших книжками заграницей: «Рафаэль», из-

д<ание> Нева, Берл<ин>, и «Улица св. Николая» <издательство> «Слово», там же. В «Слове» переиздан также ром<ан> «Дальний край».

В эмиграции написан роман «Золотой узор», печатавшийся в <журнале> «Соврем<енные> записки» и отдельно вышедший в Праге в «Пламени». Книга «Преподобный Сергий Радонежский» (YMCA Press, только что появилась (второе издание), и несколько рассказов, печатавшихся в «Совр<еменных> Записках», «Руле», «Перезвонах».

На иностр<анных> яз<ыках> вышли: по-немецки книга «Рафаэль» (Newa-Verlag, Berlin,1923), по-чешски — «Vybrané povídky» в изд<ательстве> Otto, «Klid» там же, «Modrá Hvězda» у Kvaznička a Hampl — отд<ельные> рассказы. По-нем<ецки> в «Deutche Ruderschau», «Berl<iner> Tageblatt», «B. Z. am Mitt<ag>», «Prager Presse».

Много переведено и издано по-японски, отдельные рассказы по-французски, итальянски, чешски.

P.S. Отрывок для перевода и портрет направляю прямо в Прагу.

Зашлите заметку. Сначала мне — любопытно взглянуть по-русски, что получится.

Сердечно Ваш

Бор. Зайцев

(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)

Заказ юбиляра был исполнен быстро. В американском архиве А. Ремизова сохранился автограф биографической статьи с небольшой авторской редакцией, сравнение которой с текстом-источником показывает, что Ремизов бережно отнесся к присланной Зайцевым справке, практически скопировав ее, однако ошибку в датировке года рождения, которая стала idee-fix для него самого, устранил, утвердив единственную памятную дату, связанную с литературным дебютом.

Личный взгляд на феномен Б. Зайцева выразился в двух абзацах рассуждений и дополнительной информации о постреволюционной деятельности писателя до отъезда заграницу:

<...> По духу своего творчества Б.К. Зайцев стоит совершенно самостоятельно и вне всяческих литературных школ и влияний: он чужд как «об-

личительной» теме, наиболее ярко выраженной в русской литературе, так и «трагедии» (Достоевский), отравившей «латинскую душу».

Мне представляется: первая молитва Зайцева на утренней заре — не просьба, не жалоба, а благодарность Богу за «сотворение мира». И это — *восток* — глубоко национальное — и этим «русским» проникнуты все его произведения. Отношение его ко всей твари Божией — от человека до полевого цветка — «человечное» в высшем смысле этого слова, а чувство, каким согрета изображаемая жизнь, «желанность». Если искать созвучия (l'accord), надо идти в глубь России к изустным словам русских «старцев», а в письменной литературе к проникновенным светящимся сказкам Льва Толстого. Там, где кончил Гоголь свои инфернальные «Мертвые души», стоит Зайцев со своей молитвой-благодарением и желанностью. По стилю Зайцев примыкает к русскому «литературному» языку. <…>.

За 25-летие духовной работы Б.К. Зайцев пронес через всю страду верный свет, одухотворяющий нашу трудную материальную жизнь, и за это должны быть признательны все, для кого человек не только живая машина и не только искусный акробат.

В России Б.К. Зайцев пользовался всеобщим уважением и любовью и до своего отъезда заграницу (1923 г.) стоял во главе «Всероссийского союза писателей» в Москве.

(цит. по: Amherst. Series 1. Subseries 2. B. 11. F. 17)

Впервые творчество Бориса Зайцева было осмыслено с точки зрения писателя-«ровесника», который, несомненно, в проекции и на собственный литературный путь, описал генезис литературной личности юбиляра в масштабах истории русской литературы XIX–XX вв.[22] Оригинальная трактовка подспудно подразумевала образ писателя-антипода, культивирующего в прозе литературный язык русской классики. Эта мысль создавала латентную диалогическую связь с дискуссией о литературном языке и аутентичности русского языка в художественной прозе, которая была актуализирована А. Ремизовым в 1926 г.[23]

22 Ср. автохарактеристику, наиболее подробно представленную в прижизненной публикации выдержек из писем А. Ремизова 1943–1944 гг., собранных в архиве П.Е. Ковалевского [15].

23 Проблема «живой» речи в литературе особенно стала актуальной для А. Ремизова во время его работы над составлением списка «Жития протопопа Аввакума» в 1926 г., готовящегося для публикации в приложении к первому номеру журнала «Версты» (1926). Не

Интерпретацией собственной литературной личности Б. Зайцев был растроган и даже стал обдумывать возможность публикации заметки в русской печати. Эта идея излагалась в следующем письме:

23 ноября
1926

Дорогой Алексей Михайлович, по-моему, Вы очень своеобразно и интересно написали — мне весьма понравилось, человеческие слова, а не трафарет. Большая Вам благодарность. Я тотчас, отправил рукопись в Прагу.

А если ее использовать и для русского издания? Ведь именно в словесном ее «букете» при переводе должно пропасть многое. Да и подход, и *взор* необычны для т<ак> н<азываемой> *русской критики*. Так что жаль ее забивать только в Прагу. Есть у Вас дубликат? Если нет, то я напишу этой козочке[24], чтобы вернула рукопись, когда переведет (как это по-чешски) что-нибудь в роде: пшекладует?

<...>

Всего лучшего. Привет и С<ерафиме> П<авловне>.

Ваш Бор. Зайцев

(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)

Буквально следом, 12 декабря на страницах литературного приложения „Dichtung und Welt“ к газете “Prager Presse” в переводе на немецкий язык, выполненном В. Козичек-Броннек, появился юбилейный раздел, который включал рассказ Б. Зайцева «Душа» и заметку Алексея Ремизова «Борис Зайцев» [21, s. II]. Но и на этом распространение итогов деятельности А. Ремизова не закончилось. Судьбой его эссе в переводе на французский язык распорядился сам юбиляр:

случайна в этом ракурсе реплика Ремизова в письме к Льву Шестову, на 60-летие которого был устроен вечер с чтением «Жития», и обсуждалось приглашение участников встречи. Ср.: «Ты хотел Зайцева — может быть это было бы полезно: показать, что есть русское в складе речи» [13, с. 151].

24 Речь идет о переводчице V. Kositschek-Bronneck.

20 дек<абря>
1926

Дорогой Алексей Михайлович, художник Терешкович[25] сделал набросок с меня для «Les Nouvelles littéraires», и надо было дать текст — я воспользовался Вашей статей; она переведена на французский, и по словам Т<ерешковича> пойдет с рисунком (отдаленно меня напоминающим!) в эту или следующую пятницу. Сделать все надо было *крайне* спешно, он мне дал 1 день для перевода, поэтому я не успел Вас известить своевременно, надеюсь, что Вы не будете протестовать? Перевод, кажется, приличен, переводчица (Л. Полонская, сестра Алданова, переводит не впервые) указана[26], Ваше имя также, мне и казалось, что для Вас это не неприятно. И лишь сегодня пришло в голову, — м<ожет> б<ыть>, Вы уже дали, или обещали кому-ниб<удь> (по-франц<узски>), в другое место? — Но Вы ничего мне об этом не писали, и не говорили лично, последний раз!

Всего лучшего. Привет сердечный обоим.

Бор. Зайцев
(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)

Подробное описание торжественного заседания, устроенного 12 декабря в парижском клубе «Очаг друзей русской культуры» в честь Б.К. Зайцева, с перечислением всех именитых гостей юбиляра и кратким конспектом их выступлений, документально отражено в статье заведующего отделом информации газеты «Последние новости» Н.П. Вакара [11, с. 2]. Из этого подробного репортажа следует, что среди заочных поздравлений Б. Зайцеву была прочитана поздравительная телеграмма от А.М. Ремизова, не присутствовавшего на этом литературном празднике.

25 Константин Андреевич Терешкович (Terechkovitch Kostia (Constantin), 1902–1978) — живописец, график.

26 Речь идет о переводе заметки А. Ремизова, выполненном Любовью Александровной Полонской (урожд. Ландау, 1893–1963), сестрой писателя М.А. Алданова: [22]. Автор статьи благодарит Лилию Дьяченко (Женевский университет) за проведенную текстологическую сверку автографа и публикации, выявившую значительные сокращения и стилистические упрощения авторского текста в переводе.

Список литературы

Исследования

1 *Грачева А.М.* О писателе Федоре Сологубе, беллетристе Владимире Унковском и редакторе Алексее Ремизове // Русская литература. 2013. № 4. С. 75–83.

2 *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 8–39. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39

3 *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 8–53. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53

4 *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и его переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Part I / Eds. Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Stanford Slavic Studies. 2014. Vol. 45. С. 325–338.

5 *Поляков Ф.* «Взаимное тяготение культур». Заметки о немецкоязычной рецепции А.М. Ремизова в 1920-е – 1930-е годы // Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa / Per Antonella D'Amelia, a cura di Cristiano Diddi e Daniela Rizzi. Salerno 2014. С. 347–360. (Europa Orientalis, 3)

6 *Поляков Ф.Б.* Встречи Льва Шестова с переводчиком Гансом Руоффом // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2019. С. 185–189.

7 *Равдин Б.* Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой (К истории рижской журналистики 1920-х гг.) // Across Borders: 20-th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan / Eds. L. Fleishman and F. Poljakov. Berlin: Peter Lang, 2018. S. 83–104.

Источники

8 *Зайцев Б.К.* Отблески Вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / сост. вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2018. 736 с.

9 *Зайцев Б.* На Афон / вступ. ст. А.К. Клементьева. М.: Индрик, 2013. 414 с.

10 *Зайцев Б.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. 1–11.

11 *Н.П.В.* <Н.П. Вакар> Чествование Б.К. Зайцева // Последние новости. 1926. 14 дек. № 9092.

12 *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

13 Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым (окончание) / подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 136–185.

14 *Ремизов А.* К предстоящему юбилею Б.К. Зайцева // Новая нива. 1926. № 47. 4 дек.
15 *Ремизов А.М.* Моя духовная биография в «Узлах и закрутах» // Возрождение. 1957. Тетрадь 17. Октябрь. С. 30–31.
16 *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1925 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 42–114. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-42-114
17 <*Ремизов А.М.*> <Письмо В. Унковскому по поводу юбилея Б. Зайцева> // За Свободу! 1926. 7 нояб. № 257 (1988).
18 <*Ремизов А.М.*> Три юбиляра. 1866–1926 // Ухват. 1926. № 1.
19 *Ремизов А.* Шестов: 1866–1926 (шестидесятилетие) // Своими путями. 1926. № 12/13. С. 32.
20 *Remisov A.* Die Drei Jubilare (1866–1926) / Übers. H. Ruoff // Die Literarische Welt. 1926. 7. Mai. № 19.
21 *Remisov A.* Boris Saïzev / Übers. V. Kositschek-Bronneck // Prager Presse (Dichtung und Welt, № 51). 1926. 12. Dez. № 340.
22 *Remisov A.* Boris Zajtsev / Adpté du russe par Z. Polovsky <L.A. Polonskaja> // Les Nouvelles littéraires. 1926. 25 déc. № 219.
23 *Remisov A.* Was ich dem deutschen Geist verdanke / Übers. H. Ruoff // Die Literarische Welt. 1925. № 4.

References

1 Gracheva, A.M. “O pisatele Fedore Sologube, belletriste Vladimire Unkovskom I redaktore Aleksee Remizove” [“About the Writer Fedor Sologub, the Belletrist Vladimir Unkovsky and the Editor Alexei Remizov”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2013, pp. 75–83. (In Russ.)

2 Obatnina, E.R. “Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast’ vtoraia: Byli i nebyli parizhskikh budnei” [“Studies on A.M. Remizov’s Creative Biography: 1926–1927. Part 2. Facts and Fables of Parisian Everyday Life”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 8–39. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39 (In Russ.)

3 Obatnina, E.R. “Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926 –1927 gg. Chast’ pervaia: ‘Esteto-razlozhenets’.” [“Studies on A.M. Remizov’s Creative Biography: 1926–1927. Part 1. ‘Aesthete-Degenerate’.”]. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 3 (17), pp. 8–53. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53 (In Russ.)

4 Poliakov, F. “Aleksei Remizov i ego perevodchiki v Germanii: Arkhivnye materialy (I)” [“Alexei Remisov and his Translators in Germany: Archival Materials (I)”]. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Part I*, eds. Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Stanford Slavic Studies, vol. 45, 2014, pp. 325–338. (In Russ.)

5 Poliakov, F. “‘Vzaimnoe tiagotenie kul’tur.’ Zametki o nemetskoiazychnoi retseptsii A.M. Remizova v 1920-e – 1930-e gody” [“‘Mutual Gravity of Cultures’. Notes on the German-language reception A.M. Remisov in the 1920s – 1930s”]. *Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa*, per Antonella D’Amelia, a cura di Cristiano Diddi e Daniela Rizzi. Salerno, 2014, pp. 347–360. (Europa Orientalis, Issue 3) (In Russ.)

6 Poliakov, F.B. “Vstrechi L’va Shestova s perevodchikom Gansom Ruoffom” [“Encounters of Lev Shestov with Translator Hans Ruoff”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia im. A. Solzhenitsyna*. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., 2019, pp. 185–189. (In Russ.)

7 Ravdin, B. “Ivan Lukash mezhdu Berlinom, Parizhem i Rigoi (K istorii rizhskoi zhurnalistiki 1920-kh gg.)” [“Ivan Lukas between Berlin, Paris and Riga (Towards the History of Riga Journalism in the 1920s)”]. Fleishman, L., and F. Poljakov, editors. *Across Borders: 20-th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan*. Berlin, Peter Lang Publ., 2018, pp. 83–104. (In Russ.)

Научная публикация архивных документов /
Scientific Publication of Archival Documents

УДК 821.161.1.0+821.411.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)+83.3(5Изр)

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА И А.В. АМФИТЕАТРОВА (К ПРОБЛЕМЕ РУССКО-ЕВРЕЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДИАЛОГА)

© 2021 г. В. Хазан, Л.Г. Жуховицкая
Еврейский университет, Иерусалим, Израиль
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия
Дата поступления статьи: 10 февраля 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 03 сентября 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-486-509

Аннотация: Публикуемые письма Шолом-Алейхема и А.В. Амфитеатрова — часть обширного эпистолярного корпуса — относятся к периоду 1909–1912 гг. Писательский диалог, начавшийся с обсуждения литературно-издательской тематики, разрастается в обширную переписку, происходящую на фоне разнообразных культурно-исторических событий предреволюционной эпохи. На основе отобранных для публикации писем рассматривается история издания романа Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды» в журнале «Современник». Переписка охватывает историю «Современника» от начала издания до выхода Амфитеатрова из журнала. Фрагменты параллельной переписки Амфитеатрова с А.М. Горьким дополняют исследование фактами участия Горького в журнале «Современник». Уточняются обстоятельства поездки Амфитеатрова на Капри; в письме, написанном по возвращении, Амфитеатров передает содержание беседы с Горьким об издании произведений Шолом-Алейхема. Письма Амфитеатрова Шолом-Алейхему публикуются по автографам, хранящимся в Beit Shalom Aleichem (Tel-Aviv, Israel); письма Шолом-Алейхема Амфитеатрову — по автографам, хранящимся в архиве Амфитеатрова (Indiana University, USA).

Ключевые слова: Шолом-Алейхем, А.В. Амфитеатров, А.М. Горький, русско-еврейская литература, журнал «Современник», роман «Блуждающие звезды», переписка, комментарий, эдиция.

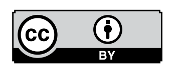
Информация об авторах: Владимир Хазан — доктор наук, профессор, Еврейский университет, Mt. Scopus, 91905, г. Иерусалим, Израиль. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7937-5790

E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Лариса Григорьевна Жуховицкая — инженер-исследователь, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069, г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9240-594X

E-mail: zhukhovitskaya11@gmail.com

Для цитирования: *Хазан В., Жуховицкая Л.Г.* Из переписки Шолом-Алейхема и А.В. Амфитеатрова (к проблеме русско-еврейского литературного диалога) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 486–509. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-486-509

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

FROM THE CORRESPONDENCE OF SHALOM ALEICHEM AND A.V. AMFITEATROV (ON THE PROBLEM OF THE RUSSIAN-JEWISH LITERARY DIALOGUE)

© 2021. Vladimir Khazan, Larisa G. Zhukhovitskaya
Hebrew University, Jerusalem, Israel;
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: February 10, 2021
Approved after reviewing: September 03, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: This publication of letters of Shalom Aleichem and A.V. Amfiteatrov — part of extensive epistolary corpus — dates back to the period of 1909–1912. The writer's dialogue, which began with a discussion of literary and publishing topics, grows into an extensive correspondence taking place against the background of different cultural and historical events of the pre-revolutionary era. The letters selected for this publication examine the history of publication of Shalom Aleichem's novel *Wandering Stars* in the magazine *Sovremennik*. The volume of correspondence covers the history of *Sovremennik* from the time when it was founded to the time when Amfiteatrov left the magazine. Fragments of parallel correspondence between Amfiteatrov and A.M. Gorky supplement the study with the facts of Gorky's contribution to *Sovremennik*. The circumstances of Amfiteatrov's trip to Capri are being clarified; in a letter written upon his return, Amfiteatrov shares the content of the conversation with Gorky about the publication of Shalom Aleichem's works. Letters from A.V. Amfiteatrov to Shalom Aleichem are published in accordance with the manuscripts kept at the Beit Shalom Aleichem (Tel Aviv, Israel); letters from Shalom Aleichem to Amfiteatrov are based on the manuscripts kept at the Amfiteatrov Collection (Indiana University, USA).

Keywords: Shalom Aleichem, Amfiteatrov, Gorky, Russian Jewish literature, *Sovremennik*, novel *Wandering Stars*, correspondence, commentary.

Information about the authors: Vladimir Khazan, PhD, Professor, Hebrew University, Mt. Scopus, 91905 Jerusalem, Israel. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7937-5790
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com
Larisa G. Zhukhovitskaya, Research Engineer, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9240-594X
E-mail: zhukhovitskaya11@gmail.com

For citation: Khazan, V., Zhukhovitskaya, L. "From the Correspondence of Shalom Aleichem and A.V. Amfiteatrov (on the Problem of the Russian-Jewish Literary Dialogue)." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 486–509. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-486-509

Русско-еврейские литературные интеракции изобилуют множеством аттрактивных историй, выходящих далеко за рамки конкретных писательских биографий и вплетающихся в эпохальные культурно-исторические хроники. Эпистолярный диалог Шолом-Алейхема (собств. Соломон Наумович (Шолом Нохумович) Рабинович; 1859–1916) и Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938), как представляется, относится именно к такому разряду летописных событий. Этому способствовал целый ряд факторов в духовно-творческой жизни и судьбе обоих корреспондентов. Среди наиболее важных — желание еврейского писателя покинуть границы исключительно национального языкового дискурса и выйти к широкому русскоязычному читателю, а для Амфитеатрова, жизнь которого оказалась сотканной из крайних идеологических метаний, — от антироялиста и демократа, державшегося твердых юдофильских настроений и взглядов, до резкого поправения, сближения с Б. Муссолини и поклонения антисемитским культам в годы второй, послереволюционной, эмиграции, — время знакомства и дружбы с Шолом-Алейхемом было эпохой его подлинно либерального расцвета как человека и писателя.

Вот почему попытка выявления в сближении столь разных творческих индивидуальностей, как Шолом-Алейхем и Амфитеатров, общих точек может оказаться весьма небезынтересной как в плане более глубокого проникновения в тонкости и сложности исторической панорамы российской предреволюционной жизни вообще, так и в более частную сферу — сосуществования и соседства русской и еврейской литературы в пространстве не просто одной государственной общности, но — что еще глубже и сложнее — в рамках единого духовного процесса.

Письма Амфитеатрова Шолом-Алейхему приводятся по автографам, хранящимся в BShAl — Beit Shalom Aleichem (Tel Aviv, Israel); письма Шолом-Алейхема Амфитеатрову — по автографам, хранящимся в архиве Амфитеатрова: Amfiteatrov MSS, Manuscript Dept., Lilly Library, Indiana University (Bloomington, USA).

Вмешательства составителей в тексты писем (уточнения, дополнения, разъяснения и пр.) взяты в угловые скобки <>.

1

Шолом-Алейхем (St. Blasien) —
Амфитеатрову (Cavi di Lavagna)
8/21 июля 1909[1]

St. Blasien, den 8/21.VII.1909

Глубокоуважаемый А. Амфитеатров!

Простите. Не знаю Вашего имени-отчества. А это у русских считается, кажется, неприличным не знать. Но я все-таки не знаю.

Предо мною «Одесские новости» от 26 апреля, где Вы так расхвалили меня, что мне просто совестно[2]. Однако эта Ваша заметка о моих талантах дает мне смелость мечтать о том, чтобы попасть на страницы какого-нибудь солидного русского журнала или альманаха. Собственно говоря, я об этом давно мечтал. Но мне недоставало двух вещей: нахальства и хороших переводчиков[3]. Теперь, после Вашей заметки, у меня явилось настойчивое желание (до нахальства же я еще не дошел) просить Вас, не поможете ли Вы мне выбраться в широкое море русской литературы? На днях нашелся у меня довольно недурной переводчик в Одессе. Его переводы появляются часто (в последнее время) в «Одесск<их> новостях». Я поручил ему, по его просьбе, для этой цели перевести мои новые «Железнодорожные рассказы», которые я теперь пишу. То есть я заканчиваю серию. Я всегда пишу сериями. Они обыкновенно рождаются у меня десятками. Вообще, к слову сказать, с тех пор, как я заболел туберкулезом, продуктивность, на которую я никогда не имел основания жаловаться, стала прогрессивно увеличиваться. Мне не хватает ни времени, ни возможности подбирать всю эту массу забавных картин, потешных сцен и уморительных типов, которые путаются, теснятся и просятся на бумагу. Но это к делу не относится. Если Вы могли восторгаться моим скромным «Тевелем», который едет в Палестину, то что

Вы скажете о моих «Ж<елезно>-д<орожных> рассказах»! А впрочем, авторы ведь часто ошибаются.

Жду Вашего любезного ответа.

Уважающий Вас

Шолом-Алейхем

[1] Написано на почтовой бумаге санатория St. Blasien (Германия).

[2] Речь идет о статье Амфитеатрова «Записная книжка» (Одесские новости, 1909. № 7800. 26 апр. С. 2), где среди прочих сюжетов внимание было уделено и еврейскому писателю. Посвященная ему часть начинается так:

> К стыду моему, я никогда раньше не читал Шолом-Алейхема. Впрочем, половину стыда уступаю тем образованным евреям, которые, владея и жаргоном, и русским литературным языком, слишком мало заботились о том, чтобы ознакомить русского читателя с национальным своим сокровищем.

Предметом амфитеатровской симпатии, вышедшей из-под пера еврейского коллеги-писателя, был рассказ «Тевье Молочник уезжает в Палестину», который, появившись в оригинале в 1909 г. в идишской газете “Der fraydn”, незадолго до этого перебравшейся из Санкт-Петербурга в Варшаву, был в том же году переведен на русский язык и напечатан в журнале «Еврейский мир» (№ 1. С. 80–100).

> Это, — писал Амфитеатров, — самая трогательная, свежая, искренняя, художественно яркая и лепкая вещь из всего, что читано мною за последние, по крайней мере, три года. Я не знаю, много ли подобных рассказов у Шолом-Алейхема, но достаточно уже двух-трех таких, чтобы поставить имя автора на высокое место в рядах европейской литературы. А ведь Шолом-Алейхем написал томы и уже справляет 25-ти летний юбилей своей писательской деятельности» (*Амфитеатров Александр*. Записная книжка // Одесские новости, 1909. № 7800. 26 апр. С. 2).

Эта чистосердечная здравица в честь «еврейского Диккенса» («Но он и не Гоголь — нет! — говорилось в статье. — Это другой сорт юмора. В Шолом-Алейхеме чувствуется человек более светлой и нежной души. Скорее — Диккенс») завершалась следующим звучным аккордом:

> Если бы я был еврей и знал литературный язык, на котором пишет Шолом-Алейхем, я не успокоился бы прежде, чем не перевел бы его на русский язык тщательно, метко и сильно. И думаю, что такой труд — хоть и не легок, но все же не столько труд, сколько — наслаждение» (*Амфитеатров*

Александр. Записная книжка // Одесские новости, 1909. № 7800. 26 апр. С. 2).

[3] Шолом-Алейхем подхватывает здесь один из мотивов амфитеатровской статьи, в которой высказывалась эта мысль:

> Если бы из десятков, если не сотен еврейских юношей, которые в настоящее время посвящают себя литературному труду на русском языке, хоть некоторые — вместо того, чтобы плестись по протоптанным, истоптанным и затоптанным тропам всевозможного модерна и декаданса, — занялись переводами на русский язык хороших своих писателей, и в первую очередь Шолом-Алейхемом, — они принесли бы и себе, и еврейству, и русскому читателю много пользы и удовольствия» (*Амфитеатров Александр*. Записная книжка // Одесские новости, 1909. № 7800. 26 апр. С. 2)

2

Амфитеатров (Cavi di Lavagna) —
Шолом-Алейхему (Schwarzwald, sanatorium)
10 августа 1909

Cavi di Lavagna
1909
VIII.10

Многоуважаемый коллега

Извините мое промедление ответом на Ваше письмо. Я был две недели в отсутствии.

Я получил Ваше письмо на Капри, и сейчас же передал его содержание Максиму Горькому[1]. Вот его дословный ответ.

— Шолома Алейхема я знаю и очень уважаю. Конечно, «Знанию» он подходит, и следовало бы издать его. Но я сейчас разобщен с «Знанием», не имею понятия о его планах и бюджете. Жду Пятницкого (распорядителя фирмы)[2] с февраля, а он все не едет, а я не могу без беседы с ним взять не только решения, но даже и предположения[3].

Что это правда, смею Вас уверить собственным примером, потому что висит в воздухе множество работ и начинаний, которые между мною и Горьким давно условлены, но, по сказанной неопределенности дел «Знания», не могут перейти в фазис осуществления.

С другими издательствами сборников я не имею связи. Хотел прибавить, «к сожалению», но боюсь, что было бы лицемерием с моей стороны, так как сборничную форму литературной торговли недолюбливаю.

Если бы Вам понадобилось просто русское издательство, то охотно сведу Вас, по желанию Вашему, с «Общественною Пользою»[4], «Прометеем»[5] и московским Ефимовым[6]. Да и никакое посредничество Вам, собственно говоря, не нужно. Ваше имя и талант широко известны.

Очень рад, что нам удалось хоть письменно познакомиться. Я — большой Ваш поклонник.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего, а, главное, здоровья, о потребности в котором говорит Ваш адрес.

Если что надо будет по литературной части, пишите. Во всем, что смогу и сумею, всегда к Вашим услугам.

Ваш Ал. Амфитеатров

Печатается по автографу, BShAl 1/28-AL.

[1] В письме к Амфитеатрову от середины июня (старый стиль) 1909 г. Горький писал:

> «Святое семейство» — ожидаю, а Вас видеть — отчаялся, ибо — ясно мне: что и Вы уподобились Пятницкому. Он, по достоверным слухам, собирается ехать сюда. Было бы очень трогательно и чудесно, если б Вы оба встретились здесь, но — как поверить сему? И мечтать бесполезно [7, т. 7, с. 144].

На это, развеивая горьковские сомнения относительно своего скорого приезда, Амфитеатров отвечал:

> Скептицизм Ваш совершенно напрасен. И «Св<ятое> семейство» привезу, и сам приеду. Не вечно же буду задерживать «причитающееся» [10, с. 151].

Упоминаемое «Святое семейство, или о чем скрипела дверь» — одноактная пьеса Амфитеатрова, позднее опубликованная под названием «Два часа в благородном семействе, или О чем скрипела дверь (Происшествие)» [6]. Поездку на Капри Амфитеатрову пришлось отложить из-за болезни и денежных затруднений. Через короткое время, 20 июня / 3 июля, он сообщал М.Ф. Андреевой:

> Мне не удается попасть на 22-е, так как я получил телеграмму от моей новой московской издательницы, что она завтра будет в Cavi для разных

деловых переговоров. Так что 22-го я лишь выеду и к Вам на Капри попаду 24<-го> [7, т. 7, с. 431].

См. также письмо Амфитеатрова Горькому от 14 августа 1909 г., написанное после возвращения от него в Cavi [10, с. 155–157].

[2] Константин Петрович Пятницкий (1864–1938), журналист, издатель; соучредитель книгоиздательского товарищества «Знание».

[3] К.П. Пятницкий приехал на Капри 1 (14) сентября 1909 г. [1, т. 2, с. 93].

[4] Одно из старейших российских издательств, возникшее в 1858 г. с целью издания общедоступных сочинений по разным отраслям «естествоведения» и культуры, включая художественную литературу (название появилось через два года). Несмотря на то что в 1895 г. оно формально прекратило свою деятельность, книги под торговой маркой «Товарищества “Общественная польза”» продолжали выходить вплоть до 1917 г.

[5] Книгоиздательство демократического направления «Прометей» было основано в Санкт-Петербурге в 1907 г. Николаем Николаевичем Михайловым (1884–1940) и просуществовало до 1916 г.

[6] Дмитрий Панфилович Ефимов (1866–1930), московский издатель и книготорговец.

3

Амфитеатров (Fezzano, Villa Buriassi) —
Шолом-Алейхему (Nervi, Villa Rosengarten)
15 октября 1910

Fezzano. 1910.X.15.

Дорогой товарищ,

Получил третью книжку Ваших рассказов[1]. Еще не читал. Сегодня же сяду изучать ее. Спасибо за память.

Не зная, где Вы сейчас находитесь, пишу вам на издательство[2]. Имею к Вам предложение. С 1 января 1911 года в Петербурге начнет выходить ежемесячный толстый журнал «Современник»[3], с сатирическим отделом «Сверчок». Руковожу этим делом я, а редактором подписывается критик В.Ф. Боцяновский[4], издателями <–> драматург-беллетрист В.А. Тихонов[5] и М.М. Коялович, бывший редактор «XX века» и «Руси»[6]. Из числа сотрудников, уже примкнувших к журналу, назову Вам Максима Горького[7] и Феликса Волховского[8]. Эти имена покажут Вам, что журнал будет обще-

социалистический в широком смысле слова, без сектантства. Сотрудников количество будет самое ограниченное, а приглашаться они будут лишь со строгим разбором, так сказать, академически. Мне и моим товарищам было бы в высшей степени приятно, если бы Вы приняли участие в «Современнике» и дали бы нам несколько новых Ваших очерков для перевода их с рукописи. Если Вы ничего не имеете против того, я буду весьма Вам признателен. Будьте так добры — ответить на письмо это в возможно скорейшем времени. Как Ваше здоровье? Привет всей семье Вашей! Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров
Адрес:
Italia. Spezia.
Fezzano. Villa Buriassi.
Sr. Amfiteatrov

Печатается по автографу, BShAl 2/28-AL.

[1] Речь идет о 3-й книге из восьмитомного собрания сочинений Шолом-Алейхема, которую составили рассказы под общим названием «Маленькие люди». Одновременно Шолом-Алейхем отправил ее и Горькому, положительно отозвавшемуся на нее в письме к Амфитеатрову, написанному около 26 октября / 6 ноября 1910 г. [7, т. 8, с. 155].

[2] Т. е. на адрес московского издательства «Современные проблемы».

[3] О журнале «Современник» (январь 1911 – октябрь 1915) см.: [3, с. 162–201; 2, с. 168–174].

[4] Владимир Феофилович Боцяновский (1869–1943), литературный критик (он был редактором только первой книжки журнала).

[5] Владимир Алексеевич Тихонов (1857–1914), беллетрист, драматург, актер. В «Современнике» был напечатан его роман «Карьера» (1911. № 1, 2, 4–6).

[6] Михаил Михайлович Коялович (1859–1916), журналист, литературный критик.

[7] В письме Амфитеатрову, написанном 24 октября, т. е. уже после данного амфитеатровского письма Шолом-Алейхему, Горький сообщал:

> О рассказе для «Современника» — думаю. Не могу остановиться на теме. Напишу — скоро [7, т. 8, с. 154].

Горький написал для «Современника» цикл рассказов «Жалобы», напечатанный в первой (С. 13–28), третьей (С. 3–15), пятой (С. 290–303) и девятой (С. 3–12) книжках журнала за 1911 г.

[8] Феликс Вадимович Волховский (1846–1914), деятель российского и международного революционного движения, поэт, журналист. В «Современнике» были напечатаны его «Отрывки одной человеческой жизни» (1911. Кн. 4. Апрель. С. 254–267; 1912. Кн. 3. Март. С. 91–102).

4

Амфитеатров (Fezzano, Villa Buriassi) —
Шолом-Алейхему (Nervi, Villa Rosengarten)
21 ноября 1910

Fezzano
1910.XI.21

Дорогой товарищ,

Объявление <«>Современника<»> уже выпущено.

Приятно было бы получить Ваш рассказ, как идущий в первую книжку. М. Горький уже прислал свой. Называется «Жалобы»[1].

Пришлите в оригинале. У меня есть очень хорошая переводчица, которую я хочу испробовать на Вашем рассказе[2]. Она переведет, и Вы прочитаете перевод. Если Вам покажется он слабым, тогда есть еще время передать дело Вашему Пинусу, но откровенно сказать, он в 3-м томе Ваших рассказов ужасен.

Издатель <«>Современника<»> г. Певин[3] и редакторы, гг. Боцяновский, Коялович и Тихонов[4], в скором времени будут у меня для выработки плана издания. Быть может, Вы пожелаете повидаться с ними? Кстати, устно выработаете и материальную сторону Ваших условий, которая в мою компетенцию не входит. Я извещу Вас об их приезде. Если бы Вам было трудно почему-либо побывать тогда у меня, они найдут Вас в Нерви.

Относительно срока печатания на жаргоне, — как я и предполагал, — Тихонов согласен, чтобы рассказ Ваш был оглашен три месяца спустя после появления в <«>Современнике<»>. Значит, если 1-я книжка выйдет 20-го января, то Вы свободны делать с Вашим рассказом, что Вам угодно, 20-го апреля. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

Для 2-й или 3-й книжки дадите что-нибудь?[5]

Печатается по автографу, BShAl 4/28-AL.

[1] См. примеч. 7 к письму № 3.

[2] Иза (Изабелла) Яковлевна Кремер (собств. Креймер; 1887–1956), оперная и опереточная певица, исполнительница идишских песен, некоторые из них были написаны ею самой. В переводе Изы Кремер (в журнале — Креймер) повесть Шолом-Алейхема «Избранные (Из жизни маленьких людей)» вошла в первую книжку «Современника» (1911. Янв. С. 119–154).

[3] Петр Иванович Певин (псевд. Бедняк; 1870–1919?), журналист, издатель газет: «Уральская жизнь» (1899–1919), «Утро» (1906), «Живописная неделя» (1908–1909); основал и издавал «Современник», «Новый журнал для всех», «Общедоступный журнал».

[4] См. о них соответственно примеч. 4, 6 и 5 к письму № 3.

[5] В 1910 г. никакие другие вещи Шолом-Алейхема, кроме «Избранных», в «Современнике» не появлялись. В течение всего 1912 г. в этом журнале публиковался роман «Блуждающие звезды» (см. далее).

5

Шолом-Алейхем (Badenweiler (Schwarzwald) Villa Ruppert) — Амфитеатрову (Fezzano, Villa Buriassi)
6 сентября 1911[1]

Badenweiler 6.IX.<19>11

Многоуважаемый Александр Валентинович!

На днях закончил большой роман («Блуждающие звезды»), о котором я Вам говорил, когда был у Вас в Фец<ц>ано.

Роман этот писал я два года. Печатается он в газете в Нью-Йорке[2]. В России думаю лишь выпустить отдельной книгой. Но раньше хотел бы перевести его по-русски и напечатать в журнале, конечно, у Вас, в «Совр<еменнике>».

Постараюсь вкратце познакомить Вас со схемою самой книги.

По объему произведение займет страниц 700–800 формата изд<ательства> «Совр<еменные> проблемы». Если же сделать купюры, а я их для

рус<ского> переводчика сделаю непременно, то формата «Современника» останется листов 30 или 25. Ровно на год печатания.

Содержание же — быт еврейских кочующих артистов, совершающих свой жизненный путь сначала по России-матушке, а затем по Румынии, Галиции, Англии и Америке. Развязка романа — в Нью-Йорке.

Конечно, в романе выведены и общие типы, не только актеры и разные деятели, имеющие так или иначе отношение к театр<альному> миру, а также лица, не имеющие никакого отношения к евр<ейскому> театру.

Форма — реально-юмористическая.

В евр<ейском> оригинале он состоит из 5 частей. Для переводчика я, после некот<орых> сокращений, разделю его на 3 части.

Это в общих чертах. В частности скажу Вам: не знаю, будет ли произведение иметь интерес для рус<ской> читающей публики. Америк<ано>-евр<ейская> критика находит его шедевром того, что я написал. Я знаю лишь то, что труда я вложил в него много и писал я роман с большой любовью.

Если Вам вообще нужен материал и если такой материал для В<ашего> журнала принципиально подходит, то не откажите мне написать — и я Вам вышлю манускрипт целиком или частями. Вы как-то сказали мне, что у Вас имеется *настоящий* для меня переводчик. Кажется, Эпштейн или Гуревич?[3]

Теперь слова два о делах житейских. В конце этого месяца собираюсь в Швейцарию на зиму, а не в Италию. Место — Монтре или Кларан. Здесь же у нас, вот уже 3-й месяц, — жара тропическая! А как у Вас? Неужели Вы еще не сгорели? Если судить по тому, что не отвечаете так упорно на письма, то сгорели. Когда-то Ваша супруга[4] писала за Вас. Виновато, разумеется, лето.

Итак, жду ответа.
Любящий Вас
Ш. Алейхем

[1] Вверху 1-й страницы, над обращением, имеется самодельный штамп:
Badenweiler (Schwarzwald) Villa Ruppert
S. Rabinowitz
Shalom Aleichem

[2] 1-я часть «Блуждающих звезд» («Актеры») появилась в еврейской газете “Di naye welt” (Варшава), 2-я («Скитальцы») — в другой варшавской идишской газете, “Der moment”. С 3 мая 1911 г. (№ 2318) до 4 октября (№ 3080) роман начал печататься в нью-йорской газете “Der Morgen Zhurnal”.

[3] Имеется в виду Л.Я. Лурье, см. о нем примеч. 2 к следующему письму.

[4] Иллария Владимировна Амфитеатрова (урожд. Соколова; 1873–1949), актриса (по сцене — Райская), театральный критик (свои рецензии в «Новом времени», в согласованном контрасте с псевдонимом мужа — Old Gentleman, подписывала псевдонимом Old Lady), писательница, очеркист (см. ее мемуарные очерки в рижской газете «Сегодня», публиковавшиеся в 1938–1940 гг.); переводчица (в ее переводе на итальянский язык и с ее предисловием вышел роман Тэффи “Un romanzo d’Avventure” [«Авантюрный роман»]); дочь композитора В.Т. Соколова, вторая жена Амфитеатрова (с 1902).

6

Амфитеатров (Fezzano, Villa Buriassi) —
Шолом-Алейхему (Badenweiler (Schwarzwald) Villa Ruppert)
8 сентября 1911

Fezzano. 1911.IX.8

Дорогой Шолом Алейхем!

Роман Ваш очень меня интересует. Но, по условиям журнала, мы могли бы воспользоваться им не более как в расчете 12–15 листов, и то с натяжкою. Мы должны дать 4 романа русских и 4 переводных, а весь годовой объем издания 300–320 печ<атных> листов, из коих 180 поглощает публицистический отдел. Остается 120–140 печ<атных> листов, из коих, если будем считать средним числом по 12 л<истов> роман, то вот уже уходит еще 96 листов, и на всю мелкую беллетристику в год остается всего 24–44 печ<атных> листа. В виду этого такие большие вещи, как Ваша, мы можем приобретать только in extenso[1] (как практиковалось в журнале «Вестн<ик> Европы»). Переводчик, о к<ото>ром я Вам говорил, Лев Яковлевич Лурье (С<анкт-> П<етер>б<ург>, Забалканский 75, «Просвещение»)[2]. О романе подумайте и решите, как хотите. Все, что в силах сделать журнал, чтобы пойти Вам навстречу, будет, конечно, с радостью сделано. До свиданья. Желаю Вам всего хорошего. Вашим поклон.

Ваш

А. А<мфитеатров>

Печатается по автографу, BShAl 8/28-AL.

[1] in extenso — в полном объеме (*лат.*).

[2] Лев Яковлевич Лурье (1875–1942) — геолог, редактор изданий книжного товарищества «Просвещение».

7

Шолом-Алейхем (Montreux) —
Амфитеатрову (Fezzano, Villa Buriassi)
28 сентября 1911[1]

Montreux (Suisse)
Grande Rue 93
28.IX.<19>11

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю Вам с сим 1-ю часть романа. Придется Вам послать рукопись г<осподину> Лурье в закрытом конверте, п<отому> ч<то> рукопись на еврейском языке цензура не пропустит, пропадет; а она у меня в единственном экземпляре. Или удобнее всего будет через какую-нибудь редакцию с передачей Лурье.

Прошу ответа.

Ш. Алейхем

NB: Вы спрашивали, какое заглавие? У меня роман озаглавлен, как видите, *«Блуждающие звезды»*. Может быть, Вы найдете более удобным назвать «Бродячие артисты»? Во всяком случае, по-моему, не следует прибавлять «перевод с еврейского». А в конце переводчик, если захочет, может выставить: «перевел с еврейского такой-то».

2-й экземпляр, BShAl 3/9-AM.

[1] Вверху 1-й страницы, над обращением, имеется самодельный штамп:

S. Rabinowitz
Shalom Aleichem

8

Амфитеатров (Fezzano, Villa Buriassi) —
Шолом-Алейхему (Montreux)
6 декабря 1911[1]

Fezzano. 1911.XII.6

Дорогой Шолом-Алейхем.

Посылаю Вам перевод первой части «Блуждающих звезд», сделанный Андреем Неждановым (Соболь), молодым беллетристом, напечатавшим у нас недурную повесть «Старый дом»[2]. Пробежав перевод, я думаю, что лучше будет до редакторского чтения послать его Вам, чтобы Вы просмотрели рукопись с точки зрения точности, а равным образом проверили передачу поговорок.

В рукописи надо делать большие сокращения. Часть их вызывается тем, что, печатаясь большими кусками, а не газетными фельетонами, роман теряет надобность в авторских обращениях к читателю и напоминаниях рассказанного ранее действия: эта манера в русской литературе давно оставлена и показалась бы публике странною. Часть же просто затягивает действие изложением психологических действий и настроений, и без того всем понятных, естественно вытекающих из самой ситуации. Почитайте, пожалуйста, манускрипт и с этой точки зрения. Чем меньше останется в нем резонерства, тем выпуклее выйдут на первый план Ваши блестящие авторские средства — бытовая глубина и юмор, и тем роман будет понятнее для русской интеллигентной публики. Сокращениями оживится действие, которого в языковом виде, естественно, маловато. Мне роман чрезвычайно нравится, и хотелось бы преподнести его публике как конфетку.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет супруге[3] и семье Вашей.

Ал. Амфитеатров

Печатается по автографу, BShAl 9/28-AL.

[1] Впервые опубликовано в кн.: [4, с. 159–160].

[2] Андрей Соболь (собств. Израиль Моисеевич Соболь [Собель]; 1887–1926), русский, русско-еврейский писатель, поэт, драматург, переводчик, журналист, общественный деятель. Наиболее полный очерк его жизни и творче-

ства см. в книге, указанной в предыдущем примечании. Повесть «Старый дом» была напечатана в шестой книжке «Современника» за 1911 г. (С. 77–119), под псевдонимом Андрей Нежданов.

[3] Голда (Ольга Михайловна) Рабинович (урожд. Лоева; 1865–1942), жена Шолом-Алейхема.

9

Шолом-Алейхем (Montreux) —
Амфитеатрову (Fezzano, Villa Buriassi)
8 декабря 1911[1]

8.XII.<19>11

Дорогой Александр Валентинович!

Получил рукопись «Блуждающих звезд» с переводом Андрея Нежданова, бросил все дела и взялся за исправление перевода. Пробежав первые 2–3 главы, я убедился, что он куда лучше моего Пинуса переводит по-русски. Беда лишь — он совсем не знает по-древнееврейски. Напр<имер>: Сасон в'симха (радость и веселье) он произносит Шишан вешимха. Все равно как если бы Вы сказали: «Мошковшкий Университет». [Для звука Ш и С в древнеевр<ейском> языке имеется, к несчастью, одна буква ש, — положим, что есть точка либо на правой, либо на левой стороне | שׁ | שׂ | в этом-то и выражается досадное невежество господина Андрея...][2] Еще один недостаток переводчика: он рабски придерживается оригинала и подчас переводит совершенно непереводимое. Напр<имер>: «видал ты немножко!» Это не более как междометие, вроде русского «ишь ты!», «волк тебя заешь!» и т. п. Я заменил это междометие везде еврейским: «горе мое!»

Совершенно согласен с Вами относительно сокращений в местах повторений и лирических отступлений. Следуя Вашему доброму совету, я постараюсь сделать и в переводе и в дальнейших частях рукописи еще более значительные сокращения, от чего роман, надеюсь, только выиграет.

Через несколько дней перевод будет у Вас.

Дружески жму Вашу руку и кланяюсь уважаемой Вашей супруге.

Ваш Ш. Алейхем

2-й экземпляр, BShAl 4/9-AM.

[1] Впервые опубликовано в: [8, с. 307] (псевдоним А. Нежданова в этой публикации не раскрывается); частично: [4, с. 160].

Вверху 1-й страницы, над обращением, имеются два самодельных штампа:

Первый:

S. Rabinowitz
Shalom Aleichem

Второй:

Grande Rue 93
Montreux (Suisse)

[2] Квадратные скобки принадлежат Шолом-Алейхему. Соболь, который иврита не знал и потому не различал «с» и «ш» в заимствованных идишем ивритских словах, начинающихся с буквы «шин» («син»), оказался в положении ефремлянина из Книги Судей, только наоборот (12: 6: «Они <галаадитяне> говорили ему <ефремлянину>: “скажи: шибболет”, а он говорил: “сибболет”, и не мог он иначе выговорить»). Этот известный библейский фрагмент, кстати, оказался востребован русской литературой, см., например, в «Письме двенадцатом» из «Zoo, или Письма не о любви» В. Шкловского или (менее избитый пример) завершающую строчку в стихотворении А. Кручёных «Сдвиг» (1922?): «Шелестимляне близко» [9, с. 156], которая фоническим сбоем «филистимлян» на «шелестимлян» отчасти имитирует тот же источник.

10

Шолом-Алейхем (Montreux) —
Амфитеатрову (Fezzano, Villa Buriassi)
14 декабря 1911[1]

14.XII.<19>11

Дорогой Александр Валентинович!

Чтобы не задержать, посылаю Вам бóльшую половину переведенной 1-й части романа. Через пару дней пришлю остальные главы.

Названия глав я выбросил как ненужное и старое. Сами же главы соединил по 2–3 вместе. Слишком были маленькие главки. В дальнейших 2-х частях романа буду, согласно Вашему совету, выбрасывать все лишнее. Думаю, что просмотренное мною еще нуждается сильно в редакторском ка-

рандаше. Рукопись идет заказной бандеролью. У нашего Андрея Нежданова тоже немало «жаргонизмов». Я их чистил немилосердно.

Ш. Алейхем

<на полях> Везде, где было у Нежданова: «видали вы немножко!», я заменил: «видели вы что-нибудь подобное!» По-еврейски: «От ир гезеен абисл!» В данном случае «абисл» не *немножко*, а кое-что. Нет, мне необходимо нужно будет смотреть и дальнейшие части[2].

2-й экземпляр, BShAl 5/9-AM.

[1] Впервые опубликовано в кн.: [4, с. 160].

Вверху 1-й страницы, над обращением, имеются такие же два самодельных штампа, как и в предыдущем письме.

[2] В первопубликацию, которая осуществлялась на основе 2-х экземпляров писем Шолом-Алейхема, отложившихся в его тель-авивском архиве, этот фрагмент, дописанный только в 1-м экземпляре, не вошел.

11

Шолом-Алейхем (Beaulieu-sur-Mer, France) — Амфитеатрову (Fezzano, Villa Buriassi) 1 февраля 1912[1]

1 февраля 1912

Дорогой Александр Валентинович!

Сейчас дошел до меня совершенно невероятный, дикий слух, будто Вы выходите или вышли из «Современника» (!)[2]

Премного обяжете, если ответите немедленно.

Всегда Ваш Ш. Алейхем

[1] Вверху 1-й страницы, над обращением, имеются самодельные штампы.

Первый:

S. Rabinowitz
Shalom Aleichem

Второй:

Clarens (Suisse) <rue> du Lac 15

[2] О выходе Амфитеатрова из «Современника» см. далее.

12

Амфитеатров (Fezzano, Villa Buriassi) —
Шолом-Алейхему (Beaulieu-sur-Mer, France)
17 февраля 1912

Fezzano. 1912.II.17

Дорогой Шолом-Алейхем,

Не писал Вам, потому что все было слишком неопределенно. В настоящее время могу сказать окончательно, что я ушел из «Совр<еменника>» совершенно — и как редактор, и как сотрудник[1]. Причина: грубое неуважением, проявленное издателем к труду некоторых заслуженных сотрудников и часто коммерческое вмешательство в литературную часть издания. Не будучи в силах бороться издали с подобным нарушением конституции и не желая брать на себя самого ответственность перед читателями и писателями, я предпочел устраниться, как ни тяжело было оставить мною созданное дело. Тем более, что за последние три месяца хорошо разглядел в Певине человека очень недурного по существу, но опасного литературно, так как он лишен политического воспитания и такта и, действуя самостоятельно, способен и сам сесть и соседей посадить в компрометирующую калошу. Вы, быть может, слышали, как осрамилась его «Уральская жизнь» в полемике с «Уральским краем»[2]?.. Одним словом, я, Герман Ал<ександрович> Лопатин[3], Айзман[4] и еще несколько человек предпочли «отойти от зла и сотворить благо»[5].

Я хотел немедленно (с марта) начать новый журнал — «Новый вестник» — в котором я буду и редактором, и издателем и на который мною уже получены весьма недурные деньги. Но, подумав и посоветовавшись, я пришел к выводу, что сейчас, когда все подписки уже сделаны, начинать невыгодно и переношу начало на осень: 15 октября. Крепко рассчитываю на Ваше сотрудничество — при тех же условиях, как были в «Совр<еменнике>»[6]. Кстати, о последнем. Имейте в виду, что с моим уходом он перестал быть предприятием товарищеским и обратился в частное, коммерческое дело Певина, так что Ваш прежний договор, как рассчитанный на известную с Вашей стороны услугу нашей литературной колонии, для Вас необязателен. Если Вас вообще удовлетворяет получаемый Вами гонорар, тем лучше; если нет, то Вы имеете полное право требовать себе прибавки в виду резко изменившегося строя издания, ибо, конечно, в коммерч<еском> деле

Вы не обязаны к любезностям, которые оказывали делу товарищескому. К «Новому вестнику» примкнули Айзман, Куприн, Серошевский[7], Будищев[8] и ряд публицистов, покидающих «Совр<еменник>».

Препровождаю Вам перевод 2-й части «Бл<уждающих> звезд». Какая чудесная вещь! Я уже не редактировал, а только читал, так как теперь редактировать уже вне моей компетенции.

Желаю Вам всего хорошего.

А. Ам<фитеатров>

Печатается по автографу, BShAl 10/28-AL.

[1] Чуть более чем за три недели до этого письма, 24 января 1912 г., о своем уходе с поста редактора журнала Амфитеатров сообщил Горькому:

> Дорогой Алексей Максимович.
>
> Несколько присланных Вами рукописей лежат у меня. Но я две недели тому назад, после декабрьской книжки «Совр<менника>», отказался от редактирования журнала и не могу взять на себя ответственности за то, как он пойдет и чем будет дальше. Поэтому — как поступить с рукописями? Отправить ли их в «Современник» или возвратить Вам?
>
> С «Совр<еменником>» у меня, конечно, идут переговоры, но я не жду, чтобы мой ультиматум был принят, а потому запасся новым журналом, именуемым «Новый вестник», который начнет выходить между 1 и 15 марта сего года. Деньги, к счастию, нашлись [10, с. 383].

[2] О П.И. Певине см. примеч. 3 к письму № 4. «Уральский край» («Зауральский край») — политическая, общественная, литературная и экономическая газета, как и «Уральская жизнь», издававшаяся в Екатеринбурге (ред. А.М. Спасский; 1906–1918).

[3] Герман Александрович Лопатин (1845–1918), известный политический деятель, член Генерального совета Первого интернационала, один из первых переводчиков «Капитала» Маркса на русский язык.

[4] Давид Яковлевич Айзман (1869–1922), русско-еврейский прозаик и драматург. В «Современнике» был представлен рассказами «Новобранец Ильюшка» (1911. № 11. С. 65–87) и «Два врача» (1913. № 2. С. 24–33), а также в 1912 г. анонсировалась его драматическая сказка «Светлый Бог», которую он отозвал обратно в связи с уходом Амфитеатрова с поста редактора журнала; она была напечатана во 2-м сборнике «Энергия» (1914), редактируемом Амфитеатровым.

[5] Пс. 36: 27. Это библейское назидание Амфитеатров приводит также в своей книге «Из давних лет» (1924), в которой изображена театральная жизнь Москвы 70-х гг. XIX в.:

Но если мужик Демидов сокрушался, что грешною службою на театре он, прости Господи, угождает сатане и губит свою душу, то тем легче было обуреваться такими сомнениями Никольскому, тенору из причетников. И, как только напел он себе небольшой капитал и обеспечение дожитка, поспешил «отойти от зла и сотворить благо» [5, с. 49].

[6] Замысел издания журнала «Новый вестник» не осуществился. Вместо него Амфитеатров начал издавать сборники «Энергия» (1913–1914; вышло 3 выпуска).

[7] Вацлав Леопольдович Серошевский (1858–1945), российский и польский этнограф-сибириевед, писатель, публицист, участник польского освободительного движения.

[8] Алексей Николаевич Будищев (1867–1916), беллетрист и поэт.

13

Шолом-Алейхем (Nervi, Italy) —
Амфитеатрову (Fezzano, Villa Buriassi)
22 февраля 1912[1]

22.2.<19>12

Дорогой Александр Валентинович!

Спасибо за то, что ответили. Ваше любезное письмо мне передали здесь, в Нерви, — и мы с Вами опять соседи, хотя не надолго, на одну — много — две недели.

Я, конечно, рад буду пойти к Вам. Я даже условился уже с Андреем Неждановым (очень милый юноша) перевести для Вашего буд<ущего> журнала мой новый роман, который я пишу теперь и который я окончу лишь в апреле[2].

Что касается «Блужд<ающих> звезд», то я понятия не имею, напечатаны ли уже первые главы?[3] Говорят, январ<ская> книжка конфискована. Еще говорят, будто Вы начнете скоро работать в «Рус<ском> слове» на месте Дорошевича за 36 тысяч (рублей) в год и что Вы выезжаете в Париж[4]. Много хорошего говорят. Правда ли — вот вопрос. Еще раз спасибо за письмо и за внимание.

Весь Ваш Ш. Алейхем

<на полях 2-й страницы> P.S. Надеюсь, вместе с переводом Вы выслали мне и все главы оригинала вплоть до конца 2-й части. Очень беспокоюсь, чтобы не пропали в пути и не растерялись бы.

[1] Написано на почтовой бумаге Eden Hôtel (Nervi bei Genua).

[2] Речь идет о романе «Республика тринадцати», перевод которого, выполненный А. Соболем, печатался в петербургском еженедельнике «Новый Восход» с 25 июля по 27 сентября 1913 г.

[3] Как уже говорилось (см. примеч. 5 к письму № 4), «Блуждающие звезды» печатались в «Современнике» весь 1912 г. — начиная с № 1 по № 12.

[4] Слухи, о которых сообщает Шолом-Алейхем, были ложными.

Список литературы

Исследования

1 Летопись жизни и творчества А.М. Горького: [в 4 вып.]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958–1960.

2 *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала века: учебно-методический комплект (учебное пособие, хрестоматия). 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2008. 368 с.

3 *Муратова К.Д.* «Современник» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905–1917: Большевистские и общедемократические издания / отв. ред. Б.А. Бялик. М.: Наука, 1984. 365 с.

4 *Хазан В.И.* Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как всё вышло наоборот. СПб.: Изд-во имени Н.И. Новикова; Издат. дом «Галина скрипсит», 2015. 912 с.

Источники

5 *Амфитеатров А.В.* Из давних лет. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 75 с.

6 *Амфитеатров А.В.* Собрание сочинений; Княгиня Настя и другие драматические произведения. СПб.: Просвещение, 1912. Т. 19. С. 287–344.

7 *Горький М.* Полн. собр. соч.: Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–.

8 Из неопубликованной переписки Шолом-Алейхема и А.В. Амфитеатрова / публ. А.В. Суворовой по архивным фондам Бейт Шолом-Алейхем // Сборник статей по еврейской истории и литературе <В 4 кн.> / сост. и гл. ред. Моше С. Жидовецкий Реховот: Изд. международ. научно-исслед. о-ва «Зезам», 1994. Кн. 4. С. 302–314.

9 *Кручёных А.* Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб.: Академический проект, 2001. 480 с.

10 Литературное наследство. М.: Наука, 1988. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка / отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. 1079 с.

References

1 *Letopis' zhizni i tvorchestva Gor'kogo — Letopis' zhizni i tvorchestva A.M. Gor'kogo: v 4 t.* [*Chronicle of the Life and Work of Maxim Gorky: in 4 vols.*]. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1958–1960. (In Russ.)

2 Makhonina, S.Ia. *Istoriia russkoi zhurnalistiki nachala veka* [*History of Russian Journalism at the Beginning of the Century*]. 3rd ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008. 368 p. (In Russ.)

3 Muratova, K.D. “Sovremennik.” Bialik, B.A., editor. *Russkaia literatura i zhurnalistika nachala XX veka, 1905–1917: Bol'shevistskie I obshchedemokraticheskie izdaniia* [*Russian Literature and Journalism of the Early 20th Century, 1905–1917: Bolshevik and Democratic Periodicals*]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 365 p. (In Russ.)

4 Khazan, V.I. *Zhizn' i tvorchestvo Andreia Sobolia, ili Povest' o tom, kak vse vyshlo naoborot* [*The Life and Work of Andrey Sobol, or the Story of How Everything Turned Out the Other Way Around*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova, Publ.; Izdatel'skii dom “Galina skripsit”, Publ., 2015. 912 p. (In Russ.)

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРВОГО ИДЕОЛОГА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ДАНИИЛ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ. СОЧИНЕНИЯ / ИССЛЕДОВАНИЕ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ И ИЗДАНИЕ Л.И. ЖУРОВОЙ. М.: Индрик, 2020. 848 с.

© 2021 г. Д.М. Буланин
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 04 августа 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 03 сентября 2021 г.
Дата публикации: 25 декабря 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-510-521

Исследование подготовлено при поддержке РНФ (проект 21-18-00527 «Литература “переходных эпох” как инструмент модернизации социальных связей») в ИРЛИ РАН

Аннотация: В рецензии анализируется первое научное издание сочинений, написанных митрополитом Даниилом (1522–1539 гг.). Он возглавил русскую церковь в период трансформации Московского княжества в Московское царство, претендовавшее на свое место в провиденциальной истории. Святитель хорошо известен историкам литературы как инициатор книжных мероприятий широкого масштаба, утверждавших сакральное достоинство Москвы в новой для нее функции «Третьего Рима». Собственные писания Даниила, дошедшие в виде четырех больших комплексов, реже привлекали внимание из-за их отвлеченного от современности содержания. Образцовое издание этих писаний, подготовленное Л.И. Журовой, и исследование истории их текста позволяют пересмотреть традиционную оценку данного раздела в наследии митрополита. В рецензии обращено внимание на литературные открытия Даниила, обогатившего русскую письменность новыми жанрами и новыми формами. Как выясняется, казавшиеся бесцветными сочинения митрополита находятся в тесной связи с его работой в роли идеолога Русского государства.

Ключевые слова: священное царство, эпистолярий, свод, послание, поучение, история текста, антология.

Информация об авторе: Дмитрий Михайлович Буланин — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-2345-6789
E-mail: dmitriibulanin@yandex.ru

Для цитирования: *Буланин Д.М.* Литературное наследие первого идеолога Московского царства. Рецензия на книгу: Даниил, митрополит Московский. Сочинения / Исследование, подготовка текстов и издание Л.И. Журовой. М.: Индрик, 2020. 848 с. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 510–521. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-510-521

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

LITERARY HERITAGE OF THE FIRST IDEOLOGIST OF THE MOSCOW KINGDOM. REVIEW OF: *DANIEL, METROPOLITAN OF MOSCOW. WORKS*, ED. BY L.I. ZHUROVA. MOSCOW, INDRIK PUBL., 2020. 848 p.

© 2021. Dmitry M. Bulanin
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
Received: August 04, 2021
Approved after reviewing: September 05, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: This study was supported by the Russian Science Foundation, project no 21-18-00527 “Literature of Transitory Periods as an Instrument of Modernizing Social Relations,” Institute of Russian Literature

Abstract: This review analyzes the first academic publication of the works written by Metropolitan Daniel (1522–1539). He was the head of Russian Church in the years when the Moscow principality was being transformed into the Moscow kingdom, which claimed its proper place in the providential history. The hierarch is well known to literary critics as the initiator of wide-scale book enterprises that proclaimed the symbolic dignity of Moscow in its new function of the “Third Rome.” Daniel’s own writings, concentrated in four large units, had little chance to attract attention because they neglected the problems relevant for his time. An exemplary publication of Daniel’s writings prepared by L.I. Zhurova as well as the text history of his writings makes it possible to revise the traditional estimation of this part in Daniel’s books heritage. The reviewer draws attention to the structural innovations made by Daniel who enriched Russian literature with new genres and new forms. As it turns out, the allegedly dull works of the Metropolitan are closely related to his work as an ideologist of the Russian state.

Keywords: sacred kingdom, ideology, epistolarium, codex, letter, homily, text history, anthology.

Information about the author: Dmitry M. Bulanin, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-2345-6789

E-mail: dmitriibulanin@yandex.ru

For citation: Bulanin, D.M. “Literary Heritage of the First Ideologist of the Moscow Kingdom. Review of: *Daniel, Metropolitan of Moscow. Works*, ed. by L.I. Zhurova. Moscow, Indrik Publ., 2020, 848 p.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 510–521. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-510-521

Если кто-то возьмет на себя труд прочесть от первой до последней страницы сочинения митрополита Даниила, впервые собранные вместе Л.И. Журовой, кто-то несказанно удивится, что автора этих отвлеченных от времени и места сочинений мы назвали «идеологом». Действительно, перед историком московский митрополит предстает в четырех ипостасях, почти не соприкасающихся друг с другом. В первой ипостаси — это политик макиавеллиевского склада. Поставленный игуменом Волоколамского монастыря, по-видимому, вопреки желанию Иосифа Волоцкого, Даниил вскоре завоевал расположение великого князя Василия III и в 1522 г. занял митрополичий престол. Даниилу довелось возглавить русскую церковь в переломные для государства годы, когда Московскому княжеству предстояло трансформироваться в Московское царство, претендовавшее на собственное место в провиденциальной истории. Трансформация предполагала комплекс мероприятий в духе *Realpolitik*, от которых не мог остаться в стороне и духовный верховодитель Москвы. Ради интересов князя митрополиту не раз приходилось идти на сделки с совестью (разрешение на второй брак, пособничество в расправе с теми, кто нес реальную или потенциальную угрозу для трона). Во второй своей ипостаси, в качестве идеолога нарождающегося царства, Даниил выглядит более благопристойно. Символическую миссию Москвы как наследницы павшей Византийской империи требовалось продемонстрировать в серии атрибутов, какими, по понятиям того времени, надлежало обладать священному царству. В русских условиях искомые атрибуты понимались как имитация византийских или псевдовизантийских прецедентов с имперской начинкой. Литература была лучше всего приспособлена для нужд пропаганды. В русле идеологического строительства создаются

при Иване Грозном знаменитые «энциклопедические литературные предприятия», среди которых «Стоглав», «Домострой», «Лицевой летописный свод», и др. Однако работы в этом направлении начались еще при родителе Грозного царя, и организатором их, при некоторой пассивности Василия III, неизменно выступал митрополит Даниил. Ему нужно было поднять на целую ступень статус князя и управляемого им государства. Василия III то и дело именуют «царем», «самодержцем», в обращениях используют возвеличивающие его титулы («великий государь», «белый царь», и т. д.), при жизни князя и после кончины предпринимаются попытки его канонизации. Памятники письменности синтетического характера, к подготовке которых Даниил привлек книжников митрополичьего скриптория и Волоколамского монастыря, каждый по-своему вписывали Москву в «имперскую модель». Выделим, в особенности, Сводную Кормчую и «поправившую оплошности русской истории», резко тенденциозную Никоновскую летопись, потому что Даниил лично участвовал в работе над той и другой.

Остаются еще две ипостаси московского митрополита. Одна из них (третья по счету) являет изумленному взору читателя рафинированного интеллектуала, тонкого ценителя слова. Таким реконструируется образ митрополита в адресованном ему Послании Федора Карпова, который направлял свое сочинение «высокиа книжности разуму уроженному святейшему господину Даниилу». Послание это — уникальный для русской литературы XVI в. памятник, он будто извлечен из эпистолярия западноевропейского гуманиста. Архитектоника письма соответствует риторическим канонам, автор пересыпает его латинизмами, рассуждая об устройстве общества, ссылается на «Никомахову этику» Аристотеля, возможно, привлекал и «Политику», вставляет в текст афоризмы из Овидия. В архиве Карпова, дошедшем до нас в виде скудных остатков [2], находились материалы для еще одного, несохранившегося послания, где Даниил выступал в этой же ипостаси. Материалы извлекаются из неосновательно приписанного Максиму Греку «Слова ответного Николаю латинянину». Как установили последние издатели Слова, оно представляет собой компиляцию из нескольких источников, указано и на перекличку отдельных образов с теми, что находятся в Послании Даниилу [6, с. 373–386, 494–505]. Интереснее факты, в комментариях не отмеченные: в концовке Слова распознаются семантические кальки латинских слов, встречающиеся все в том же Послании и еще в дру-

гих посланиях Карпова («варварский» о стиле, ср. здесь же «малословие»; «трость» в значении *calamus*, «возмогай» в значении *vale*). В этом контексте надлежит читать необычный для московской литературы дифирамб Даниилу: «Егда изящнаго разума Христова закона доктора святаго митрополита многими сообщена художествы узриши…». Никто, кроме Карпова, не догадался бы присвоить митрополиту заимствованную из католического мира ученую степень «доктора». Стало быть, ему принадлежит и весь дифирамб. Но неумеренные похвалы Карпова предназначались не реальному, а умозрительному получателю его посланий. Это становится очевидным, стоит только познакомиться с Даниилом в четвертой его ипостаси, каким он предстает в собственных писаниях — тех, научная публикация которых подготовлена Л.И. Журовой. Тексты написаны от лица инока и содержат наставления, соответствующие интересам иноков, независимо от того, в руки духовенства или мирян они попадут. Случай типичный, потому что в Московской Руси представителям любых сословий рекомендовалось жить по нормам монастырского устава. Писания предельно деконкретизированы, о том, кто был их автором, обычно можно узнать только из заголовка или преамбулы. Хуже того: когда статьи собраны в один комплект, имя выставлено только перед первым номером. Имена и приметы тех, к кому обращался автор, указывались столь же редко. Обезличенный текст, наполненный однообразными нравоучениями и нескончаемыми выписками из учителей церкви, производит удручающее впечатление на современного читателя.

Какая ипостась лучше отражает прототип? — Вопрос некорректный, ибо в средние века и труд писателя, и его поведение, как и поведение всех вообще людей, строго регламентировались. Даниил каждый раз следовал этикету сообразно ситуации, так что несходные ипостаси сходятся на одном и том же человеке (в случае с Посланием Карпова он оказывается не субъектом, а объектом стилизации). Значит, неверно было бы преувеличивать и его нравственный релятивизм, когда, например, митрополиту пеняют за то, что он одной рукой благословил второй брак князя, а другой включил в свой «Соборник» целых три слова, осуждающих развод с женой. Отметим, что на безнравственности Даниила акцентируют внимание люди, не понимавшие условности местных ритуалов или сознательно их игнорировавшие. Таков имперский посол Сигизмунд Герберштейн, оставивший в своих записках отталкивающий портрет двуличного митрополита, или Андрей Курбский,

для которого тот был «лютым и проклятым». Позднейшие поколения, более беспристрастные, чем современники, не касались темы аморального поведения святителя. Трудно поэтому согласиться с Л.И. Журовой, будто сочинения Даниила не получили широкого распространения в списках из-за соображений этического порядка [5, с. 153]. Читателя, судящего литературу прошлого по критериям культуры модерна, труды митрополита усыпляют своей монотонностью, хотя даже в традиционных пособиях по словесности неизменно отмечается живость некоторых сцен, какие писатель вкраплял в свои многословные увещевания (чаще всего цитируют Поучение, где автор обличает народные игрища), его мастерское владение стилистическими приемами (гирлянды синонимов).

Исследователя литературных древностей не могут удовлетворить анахронистические оценки. Только исторический подход к материалу позволяет определить роль митрополита в литературном процессе, что трудно было сделать до рассматриваемого издания его трудов. Наследие Даниила вошло в книгу в виде четырех комплексов, история текста которых и содержание раскрыты в развернутой вступительной статье Л.И. Журовой. Первый комплекс из четырнадцати посланий Даниила, известный в науке как «Сильвестровский» сборник, представлен в нескольких копиях. Второй комплекс, включающий послания, поучения и вырванные из окружения фрагменты, всего двадцать три текста, сохранился только в рукописи В.Г. Дружинина Российской национальной библиотеки, Q.I.1439. Третий комплекс, известный как «Соборник» Даниила, состоящий из слов-поучений, числом шестнадцать, читается в двух списках XVI в., а еще в серии поздних старообрядческих копий. Наконец, четвертый комплекс — это условно объединенные издателем, но распространявшиеся независимо друг от друга одиннадцать сочинений Даниила, разножанровые, в том числе приписанные ему в научной литературе без достаточных оснований; в рукописях у каждого сочинения из четвертого комплекса судьба сложилась по-своему. Даты написания произведений проставлялись в рукописях редко (Послание Дионисию Звенигородскому, «Окружное послание»), точно высчитать их по косвенным данным получается тоже плохо. Тем не менее по поводу большинства текстов из всех четырех комплексов можно утверждать, что они дошли в авторской редакции, и это придает наследию Даниила особенную ценность. В самом деле, «Сильвестровский» сборник посланий и «Со-

борник» имеются в прижизненных списках, а свод сочинений из второго комплекса — «Дружининского», как думают, собран был на основе архива, оставшегося от Даниила. Об отсутствии постороннего вмешательства в писания Даниила после их создания говорит и устойчивость их текста, многозначительный штрих, если учесть ослабленность синтагматических связей внутри отдельно взятого послания.

Для историка литературы труды митрополита интересны не содержанием, а прежде всего, по своим формальным признакам. В развитии литературных жанров, точнее, протожанров, автор этих трудов во многом оказывается первопроходцем, что можно назвать парадоксом в связи с присущей сочинениям Даниила структурной аморфностью. Чтобы понять новаторство Даниила, необходимо соотнести его сочинения с той степенью развития деловой и учительной письменности Древней Руси, какой она достигла в первой половине XVI в. В эту эпоху начался процесс обособления из общего корпуса книг отдельных текстов и памятников прикладного назначения, лишенных конфессиональной нагрузки, в то время как прежде Древняя Русь не знала внецерковной деловой письменности. Примерно тогда же на Руси появляются первые образцы литературного письма со следами личного взаимодействия между адресантом и адресатом, формы, отличной от бытовавшего раньше «апостольского послания», с трудом отделяемого от поучения [1, с. 173–216]. В свою очередь, поучение (иногда его ошибочно смешивают с проповедью, нововведением «боголюбцев», вошедшим в церковный обиход в XVII в.) расширяет теперь круг своих тем, композиция его делается более четкой. Все это пока существует только в виде тенденций. Поэтому для рассматриваемого периода характерны гибридные формы — нечто среднее между грамотой, официальным обращением, учительным посланием и поучением без спецификации адресата и аудитории, а иногда и без имени автора. О запросе на такие формы говорит тот факт, что, с минимальными вариациями, жанровые «бастарды» кочевали от автора к автору. Часто, слегка очищенные от конкретики, они собирались в так называемые формулярники, распространенные тогда в Московском государстве и принимавшие в свой состав тексты не только посланий, но и других жанров, лишь бы их можно было приспособить под шаблоны. При составлении собственного опуса, очередной книжник мог воспользоваться работой своего предшественника, обратившись к подобному сборнику об-

разцов. Формулярники — это литературные прописи, и самые знаменитые из них происходят как раз из родного монастыря Даниила, Волоколамского. Сборники такого типа он прекрасно знал, потому что при его участии получил окончательную форму главный для Московской Руси — Митрополичий формулярник.

Отличительной чертой текстов, включенных в формулярники, является не степень их очистки от оригинальных деталей (помещались и тексты в первозданном обличии, никак не препарированные), а признание их «общественным достоянием». Соответственно, имена авторов, которые задержались в некоторых формулярах, не могут быть уверенно использованы для атрибуции текстов этим именно авторам. В свете сказанного симптоматично, что из сочинений Даниила одно только Послание Дионисию известно одновременно в авторском (в сборниках) и в формулярном (в составе «Дружининского свода») вариантах. Получается, что послания Даниила собирались вместе не для того, чтобы служить набором эпистолярных образцов, а для того, чтобы донести до читателей в концентрированном виде мысли автора и цитируемых им учителей церкви. В этом отношении «Дружининский» свод менее показателен, потому что он был составлен из текстов митрополита, но без его руководящих указаний, почему и вобрал в себя, среди прочего, какие-то случайные обрывки или наброски (№ 2–5). Напротив, «Сильвестровский» свод, организованный самим сочинителем, позволяет думать, что составляющие его послания, за вычетом двух, где ясно указаны получатели (№ 1, 7), были изначально деперсонализированными. Мы видим не набор формулярных редакций, производных от реальных писем, а первую авторскую композицию из безадресных эпистолий. Мы назвали бы ее риторическим письмовником, если бы не сугубо учительное содержание посланий, образующих свод, крайне рыхлая структура каждой из четырнадцати глав, и редукция авторского начала, характерная и в целом для писательской позиции Даниила. Ясно лишь, что составителю важна была не столько безукоризненная обработка отдельно взятого послания, сколько впечатление от всей их суммы.

Сходная картина предстает в «Соборнике», где мы тоже наблюдаем довольно продуманную организацию книги как единого целого и одновременно чрезвычайно упрощенную, если не сказать примитивную схему построения отдельно взятого слова. Как убедительно показал издатель [5,

с. 126–135], все слова сборника, которым предпослано Предисловие, поглавная характеристика и Введение со стандартным набором авторской топики, расположены в определенной последовательности: сначала составитель касается задач, связанных с обличением лжеучений, потом обращается к важнейшим христианским догматам и обрядам, в специальном слове (слово 8) говорит о почитании властей, а дальше переходит к вопросам нравственного воспитания. Каждое слово построено по одному плану и состоит из трех частей: вначале разъясняется предмет обсуждения, потом приводятся «свидетельства» — выписки из авторитетных источников, подтверждающие выдвинутый в слове тезис, в конце находится «наказание», где, резюмируя находящиеся в «свидетельствах» высказывания, автор учит читателей от собственного имени. Если создание сборника собственных посланий явилось для русской средневековой литературы абсолютной новацией, то некоторые более ранние опыты циклизации сочинений, написанных в других формах, указать все-таки можно. Упомянем сборник слов Григория Цамблака или совокупность поучений митрополита Фотия, составивших «Книгу глаголемую Фотиос». Есть среди предшественников свода Даниила и такой памятник, на который митрополит сознательно проецировал собственный «Соборник», хотя нигде не обмолвился о своей интенции. Речь идет о «Просветителе» Иосифа Волоцкого, с которым «Соборник» соотнесен по количеству входящих в него слов. Правда, по всем другим критериям творение Даниила обнаруживает больше различий, чем сходных черт со своим знаменитым образцом: «Просветитель» более целенаправленный памятник, Иосиф Волоцкий занимается не так просвещением, как полемикой с еретиками, задачами которой продиктован выбор тем. Бросаются в глаза различия на структурном уровне. Хотя «Просветитель» тоже наполнен выдержками из широкого круга православной литературы, составитель обычно сопровождает цитаты собственными разъяснениями и комментариями. Не то видим у Даниила, который не смеет вторгаться со своим голосом в строгую шеренгу изречений христианских классиков. Этот аспект творчества Даниила заслуживает отдельного обсуждения.

Антологии стихов, сборники мудрых мыслей и метких изречений, далее — монтаж из чужих высказываний, построенные на них компиляции — все это появилось на свет одновременно с рождением письменности. Христианские писатели тоже не брезговали такого рода вторичной лите-

ратурой. Их труды служили сырьем и для славян, начиная с первых шагов новосозданной письменности. При этом компиляции не похожи одна на другую не только по составу использованных в них источников, но также по принципам изготовления и по целям, какие преследуют изготовители. В частности, болгарские книжники X в. имели обыкновение продуцировать «элементарные компиляции», когда исходный текст нарезался без всякой системы на короткие, не связанные между собой лоскутки, соединявшиеся потом в новых комбинациях [4]. Полагают, что такие пасьянсы являются своеобразными *joca monachorum*. Еще одним популярным вторичным жанром были катены или эротапокритические композиции. Примером может служить произведение, неточно называемое Посланием Климента Смолятича. Встречаются в рукописях и коллекции выписок из одного источника, которые делались писателем для последующей инкорпорации выписок в собственное сочинение. Таков был метод работы Максима Грека. «Свидетельства», сосредоточенные Даниилом во второй части слов его «Соборника», являются компиляцией совсем другого сорта. Поскольку образующие цепочку фрагменты, которые составитель признает «свидетельствами» по объявленной теме, никак между собой не скреплены, набор таких фрагментов правильнее назвать не компиляцией, а «антологией» или «хрестоматией». Как выясняется, книжное наследие Даниила в значительной степени состоит из подобных выборок, охватывающих весь спектр богословских премудростей. Помимо «Соборника», объем которого на три четверти заполняют эти «свидетельства», аналогичный парад авторитетов находим в судных списках Максима Грека и Вассиана Патрикеева, отражающих соборные прения, состоявшиеся в 1525 и 1531 гг. и проходившие под руководством митрополита. Существуют и текстуальные совпадения в «свидетельствах» между 5-м словом Даниила, с одной стороны, и судным списком Вассиана, с другой [5, с. 142–145]. По мнению А.А. Манохина, именно «свидетельства» из глав «Соборника» навели митрополита на мысль использовать подобные «антологии» в составленной им Сводной Кормчей, той редакции церковного кодекса, которая дальше всех других отстоит от эталона, заданного византийским Номоканоном [3]. Как считают, между родственными по темам и по набору текстов «антологиями» нет прямой зависимости. Они восходят к общему источнику, какому-то грандиозному «цитатнику» или нескольким «цитатникам», над комплектацией которых, по-видимому,

трудился целый штат подведомственных митрополиту секретарей [5, с. 137]. Тем самым «антологии» митрополита Даниила превращаются из индивидуального инструментария, аксессуара его творческой лаборатории, в факт государственного значения. «Великий цитатник» примыкает к «энциклопедическим предприятиям», работа над которыми, как было сказано, развернулась по инициативе Даниила. Связь между двумя ипостасями митрополита, из которых во второй он выступает как идеолог, оказалась более тесной, чем можно было думать раньше.

Стоит повторить, что наблюдения и выводы, которые мы сделали по поводу роли митрополита Даниила в развитии древнерусской литературы, были бы невозможны без издания, с большой любовью к предмету подготовленного Л.И. Журовой. Не приходится сомневаться, что оно даст толчок для дальнейших разработок памятников письменности, оставшихся от переходного периода в истории культуры Московской Руси.

Список литературы

Исследования

1 *Буланин Д.М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München: Verlag Otto Sagner, 1991. 466 с.

2 *Буланин Д.М.* На пути к архиву Федора Карпова: Следы в Чудовом монастыре? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 1. С. 18–36. https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.102

3 *Манохин А.А.* Сводная Кормчая митрополита Даниила и «Соборник слов» // Вестник церковной истории. 2019. № 3/4. С. 316–346.

4 *Veder W.* Elementary Compilation in Slavic // Cyrillomethodianum. 1981. Vol. 5. P. 49–66.

Источники

5 *Даниил, митрополит Московский.* Сочинения / исслед., подгот. текстов и изд. Л.И. Журовой. М.: Индрик, 2020. 848 с.

6 *Преподобный Максим Грек.* Сочинения / отв. ред. Н.В. Синицына. М.: Индрик, 2008. Т. 1. 568 с.

References

1 Bulanin, D.M. *Antichnye traditsii v drevnerusskoi literature XI–XVI vv.* [*Ancient Traditions in Old Russian Literature of the 11th–16th Centuries*]. München, Verlag Otto Sagner, 1991. 466 p. (In Russ.)

2 Bulanin, D.M. “Na puti k arkhivu Fedora Karpova: Sledy v Chudovom monastyre?” [“On the Way to Fedor Karpov’s Archive: Traces in the Chudov Monastery?”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura,* vol. 18, no. 1, 2021, pp. 18–36. https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.102 (In Russ.)

3 Manokhin, A.A. “Svodnaia Kormchaia mitropolita Daniila i ‘Sobornik slov’.” [“Consolidated Kormchaia of Metropolitan Daniel and *Collection of Sermons*”]. *Vestnik tserkovnoi istorii,* no. 3/4, 2019, pp. 316–346. (In Russ.)

4 Veder, William. “Elementary Compilation in Slavic.” *Cyrillomethodianum,* vol. 5, 1981, pp. 49–66. (In English)

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

- К рассмотрению и опубликованию принимаются ранее не опубликованные и не поданные на рассмотрение в иные журналы статьи, оформленные в соответствии с правилами, принятыми в журнале.
- Объем статьи вместе с примечаниями не более 1 п.л. — 40000 знаков вместе с пробелами (для аспирантов — не более 0,5 п.л. — 20000 знаков вместе с пробелами), включая примечания.

Автор представляет все материалы (текст статьи, дополнительные шрифты, если таковые использовались в тексте, договор[1]) по электронной почте: red@studlit.ru

- Архивные материалы должны сопровождаться вступительной статьей, оформленной в соответствии с нижеизложенными правилами.
- При оформлении статьи желательно использовать Шаблон (на сайте журнала).
- Текст должен быть напечатан в текстовом редакторе *Microsoft Word,* формат А4, поля — 2 см со всех сторон, шрифт — *Times New Roman*, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ (красная строка) — 1,25, ориентация — книжная, без переносов; выравнивание по ширине.

Первая страница должна содержать следующую информацию на русском языке:

- название рубрики, кегль — 12;
- тип публикации (на русском и английском языках), кегль 12 (см. Приложение 1 на сайте журнала);
- УДК (см., например, Приложение 2 на сайте журнала), кегль — 12;
- ББК (см., например, Приложение 2 на сайте журнала), кегль — 12.

1 В соответствии с частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации») представляемые в журнал статьи должны сопровождаться лицензионным договором о передаче Учредителю журнала неисключительных авторских прав.

- Название статьи — прописными буквами, без применения CapsLock, кегль 14;
- Знак авторского права © (копирайт), год публикации, инициалы и фамилия автора — например, **© 2021 г. И.И. Иванов**
- Полное название организации, город, страна, кегль — 14;
- Дата поступления статьи;
- Дата одобрения рецензентами;
- Дата публикации;
- DOI
- Сведения о финансовой поддержке работы (грант и др.). Кегль — 12, выравнивание по ширине.
- Аннотация (150–200 слов; она должна представлять собой реферат-резюме статьи с соблюдением последовательности изложения, подробнее см. Требования к аннотации);
- Ключевые слова на русском языке, кегль — 12;
- Информация об авторе: имя, отчество, фамилия, ученая степень (если есть), звание (если есть), должность, полное название организации, адрес организации вместе с индексом, город, страна, ORCID ID, E-mail. Кегль — 12, выравнивание по ширине;
- Для цитирования: указание выходных данных статьи. Кегль — 12, выравнивание по ширине.

на второй странице приводится аналогичная информация на английском языке:

- слева — вместо УДК, ББК — знак лицензии;
- справа — название статьи,
- знак авторского права © (копирайт), год публикации, инициалы и фамилия автора — например, **© 2021. Ivan I. Ivanov**
- Полное название организации, город, страна, кегль — 14;
- Дата поступления статьи (*Received)*;
- Дата одобрения рецензентами (*Approved after reviewing*);
- Дата публикации (*Date of publication)*;

Далее на странице:

- Благодарности (Acknowledgements), кегль — 12;
- Аннотация (Abstract), кегль — 12;
- Ключевые слова (Keywords), кегль — 12;
- Информация об авторе (Information about the author), кегль — 12;
- Для цитирования (For citation), кегль — 12.
- Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок. Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой. Шрифт сносок: Times New Roman, кегль 12.

- Сокращения. При первом упоминании лица обязательно указываются имя и отчество, которые отделяются пробелом от фамилии. Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах («30-е гг.», а не «тридцатые годы»). Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг. При указании века пишется не «век» или «века», а «в.» или «вв.» (сам век указывается римскими цифрами, например, «IX в.»). Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.; «так как» и «так называемые» пишутся полностью.
- По всему тексту применяются:
  - ➢кавычки-«елочки» (« »), для внутренних цитат и фрагментов текста на латинице — “лапки” (“ ”): «“раз”, два, три, “четыре”».
  - ➢длинное тире (—) по всему тексту, кроме случаев межцифрового тире, например между страницами в ссылках (С. 18–20), между годами (1920–1930).

В конце статьи приводится Список литературы:

- Делится на «**Исследования**» и «**Источники**» (сначала на кириллице, затем на латинице в каждом разделе), нумерация в двух списках сплошная.
- Список оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТом 7.0.5.–2008 в виде нумерованного списка.
- Многотомные собрания сочинений и многотомные словари не расписываются. Дается общее библиографическое описание, а тома указываются в ссылке в основном тексте статьи, например: [6, т. 12], [6, т. 12, с. 108].
- В книжных изданиях обязательно указание издательства и общего количества страниц.
- ФИО выделяется курсивом.
- В тексте статьи ссылки оформляются следующим образом: [1], [2, с. 5], [3, с. 34; 5, с. 2], [7, стб. 23], [10, л. 6].
- Ссылки на архивные материалы даются в постраничных сносках или внутри текста статьи и оформляются по ГОСТу 7.0.5.–2008.
- Затем приводится **References** — список исследований в транслитерации и на английском языке.

Оформляется в соответствии с системой MLA:

- Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; источники, написанные на латинице (французские, немецкие, итальянские, польские и пр.), не транслитерируются и не переводятся.
- Для выполнения транслитерации необходимо войти в программу https://translit.ru/ и выбрать вариант системы Библиотеки Конгресса (LC).
- Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «в транслит».
- Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

Далее необходимо отредактировать результат и добавить перевод на английский язык:

- В ссылках на исследования, написанные латиницей, имена прописываются полностью, в ссылках на исследования, написанные кириллицей, допустимо использовать инициалы.
- Инициалы и имена отделяются от фамилии запятой.
- Перевести названия исследований (монографии, статьи из журнала, коллективного сборника и т.п.) и вставить их в квадратных скобках [ ] после соответствующих транслитерированных названий (при этом названия журналов не переводятся, а только транслитерируются).
- Каждое значимое слово названия перечисляемых работ на английском языке пишется с заглавной буквы. Артикли, предлоги, союзы пишутся со строчной буквы.
- Названия статей из журналов или сборников, название главы монографии и т.п. необходимо заключать в кавычки-лапки (транслитерированный текст и перевод).
- Заменить // на точку.
- Заменить / на запятую.
- Заменить № на no. (с точкой), Т. — на Vol.

Важно:

- В выходных данных журналов номера необходимо указывать перед годом.
- Тома, номера сборников, выпуски и пр. необходимо указывать перед местом издательства, например:
  Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [*The Chronicle of Ivan Bunin's Life and Works*], comp. S.N. Morozov, vol. 2 (1910–1919). Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)
- Перевести место издания (например, М. — Moscow; СПб. — St. Petersburg).
- Заменить двоеточие после названия места издания на запятую.
- После транслитерации издательства добавить Publ. (Nauka Publ.).
- Исправить обозначение страниц: вместо 235 s. — 235 p., вместо S. 45–47 — pp. 45–47.
- Выделить курсивом название основного источника (монографии, журнала, коллективного сборника и т.п. — транслитерированный текст и перевод; фамилии авторов курсивом не выделяются).
- В конце библиографической ссылки в скобках добавить указание на оригинальный язык статьи: (In Russ.)
- Если статьи имеют DOI, его надо обязательно указывать.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

1. Рукописи, поступившие в редколлегию журнала «Studia Litterarum», проходят обязательное рецензирование с целью их экспертной оценки.

2. На первом этапе редакцией проводится экспертиза рукописей на предмет их соответствия формальным требованиям.

3. Рукописи, не соответствующие требованиям к оформлению и не отвечающие содержательно-тематическому профилю журнала, не рассматриваются и не рецензируются. Решение об отклонении статьи от рассмотрения и публикации в этом случае принимается редколлегией.

4. Рукописи, соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала и удовлетворяющие формальным требованиям, передаются на рецензирование двум независимым экспертам, имеющим наиболее близкую к теме статьи специализацию.

5. Экспертная оценка рукописи проводится по принципу двойного «слепого» рецензирования, когда ни рецензент не знает имени автора, ни автор не знает имени рецензента.

6. Для проведения экспертной оценки рукописи могут привлекаться как члены редколлегии, так и высококвалифицированные специалисты из ИМЛИ РАН и других организаций. Рецензенты обязаны следовать принятой в журнале Публикационной этике.

7. Рецензии пишутся в свободной форме или по разработанной редколлегией схеме.

8. Текст рецензии предоставляется автору по его запросу без указания Ф.И.О., должности и места работы рецензента. В случае наличия в рецензии рекомендации доработать и/или переработать текст статьи автору направ-

ляется сокращенный текст рецензии с конструктивными замечаниями без указания Ф.И.О., должности и места работы рецензента. В случае отклонения статьи от публикации автору направляется мотивированный отказ.

9. Статья, не рекомендованная рецензентами к публикации, к повторному рассмотрению не принимается и не рассматривается на заседании редколлегии.

10. Максимальный срок рецензирования статьи — 6 месяцев.

11. Статьи, успешно прошедшие процедуру рецензирования, рассматриваются на заседании редколлегии. После принятия редколлегией решения о допуске статьи автор получает письмо с краткой информацией о результатах рецензирования рукописи.

12. Оригиналы рецензий хранятся в архиве журнала «Studia Litterarum» в течение 5 лет.

13. Статьи членов редакции, редколлегии и международного редакционного совета, имеющих право на приоритетную публикацию в журнале 1 (одной) статьи в год, подвергаются рецензированию и обсуждаются на заседании редколлегии в общем порядке.

STUDIA LITTERARUM

Литературные исследования

Literary Studies

Научный журнал

Academic journal

Том 6, № 4

Vol. 6, no 4

Дизайн обложки и макет журнала *В.А. Музыченко*

Верстка *А.З. Бернштейн*

Корректор *Н.В. Сталь*

16+

Подписано в печать 29.11.2021

Формат 60×90 1/16

Усл.-печ. л. 33,0

Тираж 500 экз. Заказ № 4218

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

Институт мировой литературы им. А. М. Горького

Российской академии наук

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25 а

тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

